ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ · ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-ая.

СЕНТЯБРЬ, 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 9-ая. — СЕНТЯБРЬ, 1869.

I. — ПѢСНЯ О ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА. — **Гр. А. К. Толстаго**. . . . . .

II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава третья.— I. Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою по польскимъ дѣламъ.— II. Веселье въ Польшѣ; сеймики; самоувѣренность поляковъ; поведеніе Люккезини; зародышъ конефедераціи въ Петербургѣ; воинственныя постановленія сейма. — III. Празднество годовщины 3-го мая; поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ; виды поляковъ; приготовленіе къ оборонѣ.— IV. Объявленіе декларацiи Екатерины; впечатлѣніе ея на поляковъ; послѣднія распоряженія и закрытіе сейма; воззваніе къ народу; отвѣтъ на декларацію. — V. Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ; посольство Потоцкаго; собственныя средства обороны у поляковъ. — VI. Вступленіе русскаго войска; Тарговицкая Конфедерація. — **Н. И. Костомарова**. . . . . .

III. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть четвертая. — Книга десятая. — IX-XVI. — Книга одиннадцатая.—I-VI. (Переводъ съ рукописи). . . . . .

IV. — Г-ЖА КРЮДНЕРЪ. — Статья вторая. — V. Сношенія съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ; Священный Союзъ, 1815 (іюль-сентябрь).—VI. Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815—1818.—VII. Въ Россіи. 1818 — 1824. — **А. Н. Пыпина**. . . . . .

V. — ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗІИ.—Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и пр.; Пашино: Туркестанскій край въ 1866 г.; Вамбери: Очерки Средней Азіи. — **Л. А.** . . . . . .

VI. — КОРНЕЛЛЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.— **Р-ля**. . . . . .

VII. — ВОСПОМИНАНІЯ Е. А. ХВОСТОВОЙ.—1812—1835. . . . . .

VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Внутренній заемъ въ 15 милл. р. — Обращеніе безпроцентнаго долга. — Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. — Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. — Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ.— Расторженіе контракта съ Уайненсомъ.— Желѣзно-дорожные торги.—Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги.— Съѣздъ петербургскаго духовенства. . . . . .

IX. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—КОНСТИТУЦІОННАЯ РЕФОРМА ВО ФРАНЦІИ.—Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа.—Диктатура Наполеона I.—Божественное право Карла X.—Паденіе Іюльской монархіи.—Вторая республика и возобновленіе диктатуры.—Наполеонъ III.— Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. — Посланіе 12-го іюля.—Кризисъ второй имперіи. . . . . .

X. — ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ СЪ 12-го ІЮНЯ. — **Н. В-го** . .

XI. — ПО ПОВОДУ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ.—(Письмо въ редакцію) **Г. К. Властова**.

XII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.—Августъ.—I. Русская Литература.—Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова. — **Б. У.**— Картины прошедшаго, А. Сухово-Кобылина.— Осьмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ. — Недоразумѣніе. Повѣсть. Данкевича. — Популярная гигіена. Соч. Карла Реклама.—II. Иностранная Литература.—Livländische Antwort an H. Juri Samarin. Von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon.— History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky.—**Ю. Р.** . . . . . .

Объявленія: I. О русской книжной торговлѣ: А. Ѳ. Базунова; Шигина. — II. О иностранной книжной торговлѣ: А. Мюнкса.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на пра подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоум и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ВѢСТНИКЪ

49 г.

22308

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XXXIII.—ТОМЪ CXCIII.—1/13 СЕНТЯБРЯ 1869.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТОМЪ V.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

1645

ПѢСНЯ
о
ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА.

«Не по замыслу Баянову...»

1.

«Добро, сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
«Улики царьградскаго мниха,
«Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ,
«Виновенъ, что мужемъ былъ столькихъ я жёнъ,
«Что жилъ и безпутно, и лихо,

2.

«Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
«Что силою взялъ я Рогнѣду,
«Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ,
«Но мракъ ты разсѣялъ, и я въ Херсонесъ
«Креститься, въ раскаяньи, ѣду!»

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься;
«Смотри-жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
«Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
«Ты долженъ душою смириться!»

4.

— «Смирюсь, говоритъ ему князь, я готовъ!
«Подать мнѣ мой щитъ въ оборону!
«Спустить въ Черторой десять сотень струговъ,
«Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ купцовъ,
«Я города пальцемъ не трону!»

5.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги,
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червленые вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: «я здѣсь!
«Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
«Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь
«И городъ по камнямъ размыкаю весь. —
«Креститься хочу непремѣнно!»

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда,
«Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

«И преній-то, вишь, онъ не станетъ держать,
«Въ риторикѣ онъ ни бельмеса,
«А съ просту обложитъ насъ русская рать
«И будетъ, пожалуй, три года стоять
«Да грабить края Херсонеса!»

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ пріему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной онъ въ греческій градъ
И молвитъ сенату: «Ну, то-то!»

10.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
«Цари Константинъ да Василій!
«Смиренно я сватаю вашу сестру,
«Не то, васъ обоихъ дружиной припру,
«Такъ кончимъ-же мы безъ насилій!»

11.

И вотъ императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ —
Владиміру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
«Мы очень тобою довольны!

12.

«Крестися и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
«Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!»
Но онъ къ императорамъ: «Вотъ тебѣ разъ!
«Вы шутите, что-ли? Такая отъ васъ
«Мнѣ отповѣдь кажется странна!

13.

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
«Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
«Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать —
«Не то, приведу я вамъ цѣлую рать,
«Коль видѣть меня вы такъ ради!»

14.

Что̀ дѣлать съ Владиміромъ: Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть-же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ: «Ну, что-жъ?
«Приходится ѣхать, сестрица!»

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой по всходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой —
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса,
И хмурыя брови раздвинулъ,
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои разчесалъ волоса
И корзно княжое накинулъ.

18.

На пристань онъ сходитъ, царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ,
За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И впоясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ, рядомъ другъ съ другомъ, они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ,
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвитъ, тамъ голову князь преклоня:
«Клянуся въ священномъ синклитѣ
«Дружить Византіи отъ этого дня!
«Отцы-іереи, прошу васъ, меня
«Теперь по уставу крестите!»

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ, до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ они рядомъ за честнымъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
«Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
«Шурья Константинъ да Василій:

23.

«То правда-ль, войною идутъ на Босфоръ
«Дружины какого-то Фоки?»
«—Во истину правда! отвѣтствуетъ дворъ.
«—Но кто-жъ этотъ Фока?—«мятежникъ и воръ»!
«—Отдѣлать его на всѣ боки»!

24.

Отдѣлали Фоку варяги какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
«Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ —
«Его чтобъ всѣ люди честили»!

25.

И онъ говоритъ: «Я построю вамъ храмъ
«На память, что здѣсь я крестился,
«А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
«И выкупъ обратно всецѣло отдамъ —
«Зане я душою смирился»!

26.

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы мусійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ да честятъ,
Но молвитъ Владиміръ: «пора мнѣ назадъ,
«По Кіевѣ мнѣ встосковалось»!

29.

«Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
«Трубите дружинѣ къ отбою!
«Кленовыя весла берите свои —
«Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи
«И въ рощахъ запахло весною!

30.

«Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
«И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ!
«Что̀ нудою я и насильемъ добылъ,
«Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
«То мною всесильно владѣетъ!

31.

«Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью и днемъ
«Я гласу немолчному внемлю:
«Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
«Да свѣтъ озарющій насъ мы внесемъ
«Торжественно въ русскую землю!

32.

По лону днѣпровскихъ, сіяющихъ, водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ и цвѣтетъ и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

33.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ —
И взоръ его миренъ и кротокъ.

34.

Забыла княгиня и слезы и страхъ,
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

35.

Какъ рощи навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
Иль, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

36.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринѳской четыре коня
И мраморныхъ статуй старинныхъ.

37.

И кони, и бѣлыя статуи, тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя, на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

38.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

39.

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

40.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

41.

Владиміръ съ княжаго сѣдалища всталъ,
Замолкло весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ —
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Отверзлося новое зрѣнье.

42.

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня,
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

43.

Народъ, на Днѣпрѣ его поѣздъ узнавъ,
Столпился на пристань — и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

44.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
«Вамъ, други, доселѣ со мною
«Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
«Но время настало, и мы съ этихъ поръ
«Сильны еще силой иною!»

45.

«Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
«То нынѣ вы ясно познайте:
«Дни правды дороже воинственныхъ дней!
«Гребите-же, други, гребите сильнѣй,
«На весла дружнѣй налегайте!»

46.

Всшипѣла, подъ полозомъ пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

47.

И на̀-берегъ вышелъ, душой возрождёнъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ
— Дѣла стародавнихъ далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Гр. А. К. Толстой.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

22302

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I *).

Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою, по польскимъ дѣламъ [1]).

Прошло восемь мѣсяцевъ со времени провозглашенія новой конституціи. Дипломатическій горизонтъ для Польши принималъ все болѣе и болѣе неблагопріятный видъ. Поляки долго не хотѣли объясняться съ русскимъ посланникомъ о конституціи; Игнатій Потоцкій находилъ, что не надобно самимъ полякамъ начинать съ нимъ никакихъ разговоровъ объ ней; русскій посланникъ также молчалъ. Поляки никакъ не могли отгадать, что̀ думаетъ Россія, и тѣмъ страшнѣе она казалась для мнительныхъ. Правда, молчаніе Россіи толкуемо было многими въ хорошую сторону; князь Адамъ Чарторыскій утѣшалъ своихъ пріятелей, увѣряя ихъ, что если въ Польшѣ состоится реконфедерація, то Россія не станетъ ей помогать. Но какъ только начинали вдумываться поляки въ прежнія свои отношенія къ Россіи, то видѣли въ этомъ молчаніи болѣе зловѣщаго, чѣмъ успокоительнаго. Напрасно употребляли они разныя попытки заставить Булгакова

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг. 548 — 587 стр.

[1]) См. источники №№ 37, 38, 35, 8, 18, 81, 103.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

какъ-нибудь высказаться. Наконецъ разнесся слухъ, что миръ съ Турціей готовъ заключиться; не отвлекаемая Турціею, Россія становилась страшнѣе, они рѣшились заговорить съ Булгаковымъ сами. Замѣчательно, когда Хребтовичъ читалъ извѣщеніе, приготовленное для подачи Булгакову, противъ этого стали вооружаться враги конституціи, склонявшіеся къ Россіи, Скорковскій, Загурскій, Шимановскій, Четвертинскій. «Вотъ—говорили они—прежде все жаловались на вліяніе чужихъ *потенцій*, а теперь сами ихъ запрашиваемъ; посылаемъ имъ свои уставы для просмотра». Ихъ тайная цѣль при этомъ была вести дѣло такъ, чтобы какъ можно болѣе раздражить Россію, навлечь на Польшу русское вмѣшательство и вооружить императрицу, въ надеждѣ, что съ ея помощью можно будетъ ниспровергнуть ненавистную конституцію.

14 января 1792 года, Хребтовичъ прислалъ русскому послу извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ 3-го мая, съ извиненіями о поздней доставкѣ. Русскій посолъ оффиціально сказалъ, что не имѣетъ порученія отвѣчать теперь на поданную ноту, а сообщитъ ее на высочайшее усмотрѣніе. Но когда Хребтовичъ сошелся съ Булгаковымъ, послѣдній, какъ его пріятель, и притомъ считавшій его расположеннымъ къ Россіи, сказалъ ему: «государыня всегда желала добра республикѣ, но поведеніе поляковъ не показывало благодарности за благодѣянія ея величества; напротивъ, поляки старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ, нарушили трактаты, и самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3 мая доказываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ: если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основательныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ.»

«Это—отвѣчалъ Хребтовичъ—все отъ разстройства распаленныхъ головъ и невозможности сообразить разнообразные способы. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее».

Въ знакъ довѣренности Хребтовичъ открылъ Булгакову, что сообщеніе о конституціи въ Берлинъ послано въ самый день утвержденія ея, а въ Вѣну позже нѣсколькими мѣсяцами.

Булгаковъ спросилъ его, какъ приняли въ Вѣнѣ?—«Дружелюбно,—отвѣчалъ Хребтовичъ,—но формальный отвѣтъ тянутъ, Кауницъ говоритъ, что Австрія, прежде отвѣта, снесется съ Россіею».

Люккезини, такъ долго поддерживавшій жаръ поляковъ къ перемѣнамъ, и возбуждавшій непріязнь къ Россіи, въ концѣ 1791 года сталъ измѣняться, его комплименты польскимъ добродѣтелямъ истощались и если онъ и не проговаривался еще въ въ духѣ противномъ прежнему, то говорилъ двусмысленно и неясно. По прибытіи его въ Варшаву въ концѣ ноября, король разговаривалъ съ нимъ и отзывался съ похвалами о конституціи, вызывая его сказать, какъ на нее смотритъ прусскій король. «Мой государь—сказалъ Люккезини—ничѣмъ не можетъ доказать своего благорасположенія и искренняго дружелюбія къ польской республикѣ, какъ принявъ живѣйшее участіе во всемъ, что̀ касается счастія и благоденствія этой страны; а такъ какъ ваше величество и наияснѣйшіе чины находите, что это средство ведетъ къ такой цѣли, то слѣдовательно и мой дворъ не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ съ надеждою, что успѣхъ будетъ соотвѣтствовать желаніямъ вашего величества и наияснѣйшихъ чиновъ». Но когда потомъ король сталъ жаловаться на саксонскаго князя-избирателя за то, что онъ медлитъ и не даетъ рѣшительнаго согласія на принятіе наслѣдства, Люккезини сказалъ: «препятствія заключаются въ томъ, что русская императрица еще не объяснилась на счетъ этого предмета. Ея молчаніе наводитъ сомнѣніе относительно ея намѣреній; въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить поведенія князя-избирателя, что онъ не поторопится своимъ рѣшеніемъ; это показываетъ, что ему близки къ сердцу интересы польской націи». Прежде Люккезини показывалъ надежды на возрожденіе Польши, теперь, когда его спрашивали ожидаетъ ли онъ счастливыхъ послѣдствій отъ совершеннаго уже дѣла, онъ отвѣчалъ: «очень мало; единственное счастье, какого должна ожидать для себя Польша, все того же, что и прежде съ нею было, она будетъ слабѣть все болѣе и болѣе и находиться въ зависимости у другихъ. Въ характерѣ поляковъ нѣтъ крѣпости; они никогда не могутъ создать твердаго правительства и многочисленнаго войска». Ему напоминали о прусскомъ союзѣ, о помощи, которую онъ такъ долго обѣщалъ именемъ прусскаго короля. Люккезини на это говорилъ: «не должно надѣяться на союзы, которые могутъ скоро измѣняться. Нельзя поддерживать обязательства въ то время, когда они окажутся въ ущербъ себѣ». Въ разговорѣ съ Эссеномъ прусскій дипломатъ говорилъ: «король мой хранитъ свои обѣщанія, а наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, по конституціи 3-го мая, не допуститъ». Но полякамъ онъ подобнаго не говорилъ. «Не слѣдуетъ—писалъ онъ къ своему министру—отталкивать отъ себя недовольныхъ въ Польшѣ, чтобъ они не бросились въ объятія Россіи». Въ Берлинѣ одобрили

это замѣчаніе и сообщили ему, что не слѣдуетъ дѣйствовать ни за, ни противъ, а вести себя пассивно въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, произведенный революціею 3-го мая, самъ собою разрушится. До поры до времени прусскій дипломатъ старался болѣе всего о томъ, чтобы поддерживать въ полякахъ враждебное настроеніе къ Россіи. Поэтому, когда поляки рѣшились сообщить о конституціи русскому посланнику, Люккезини укорялъ ихъ за это и говорилъ: «прежде этого не дѣлали, а теперь дѣлаете: значитъ просите прощенія у Россіи. Но напрасно. Вы этимъ дѣла не поправите. Россія не перестанетъ гнѣваться на Польшу, потерявъ на нее вліяніе; ваше новое законодательство нанесло ей слишкомъ чувствительные удары: она ихъ скоро не забудетъ. Я убѣжденъ, что Россія не отвѣтитъ вамъ на ваше сообщеніе, а будетъ молчать до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи дѣйствовать и отвѣтитъ вамъ фактами». При случаѣ онъ продолжалъ полякамъ представлять, какъ имъ хорошо быть въ дружбѣ съ Пруссіей и вооружалъ ихъ противъ Россіи. «Польшѣ нечего бояться Россіи,—говорилъ онъ—вѣдь Россія теперь разорена и истощена. Ея молчаніе о польскихъ дѣлахъ есть слѣдствіе ея обыкновенной политики; она не посмѣетъ выступить съ тономъ власти противъ такой страны, которая употребила всѣ усилія, чтобъ возвратить себѣ независимость и избавиться отъ чужеземнаго вліянія. Пруссія и Польша по ихъ положенію самыя богатыя державы и не обременены долгами; нужно соединить ихъ тѣснымъ союзомъ.»—Да вѣдь союзъ есть!—замѣчали ему. «Да,—отвѣчалъ онъ—но нуженъ другой, болѣе неразрывный. Первый не можетъ служить основою. Россія держава разстроенная. Что она сдѣлаетъ? Въ Австріи финансы плохи, Англія вся въ долгу. Чего бы мы не могли предпринять, еслибы поляки понимали свое положеніе?» Но въ другой разъ онъ говорилъ: «дѣла польскія запутываются болѣе и болѣе; республика не преодолѣетъ всѣхъ трудностей; смятенія въ странѣ приведутъ къ междоусобной войнѣ, какъ всегда бывало въ Польшѣ. Тогда сосѣднія державы пошлютъ свои войска подъ предлогомъ утишить смуты и возстановить спокойствіе. Пруссія покажетъ свою готовность служить на пользу Польши болѣе другихъ державъ и пообѣщаетъ ей охранить ея цѣлость и независимость и противодѣйствовать поступкамъ Россіи. Надобно надѣяться, что тогда поляки, чтобы не подпасть въ зависимость отъ Россіи, примкнутъ къ прусскому королю и не откажутъ отдать ему Гданскъ, зная, что иначе они будутъ оставлены на произволъ обстоятельствъ безъ всякой подпоры и пособія. Впрочемъ, если поляки не захотятъ отдать Гданска добровольно, то Пруссія возьметъ его безъ ихъ воли въ

согласіи съ Россіею и предоставитъ ей за то возобновить прежнее вліяніе на Польшу, да еще кромѣ того и отомститъ ей за свой ущербъ». Трудно было поймать его на словахъ; онъ, по выраженію русскаго посла, въ одной комнатѣ пятерымъ говорилъ разное, а когда кто-нибудь поставлялъ ему на видъ его разнорѣчіе, онъ замѣчалъ тому, съ кѣмъ говорилъ, съ притворною довѣрчивостью: «нужно говорить каждому сообразно, но вамъ одному я говорю откровенно правду». Это поведеніе прусскаго посла соображалось съ колебаніями его двора: въ прусской политикѣ сдѣлалась перемѣна; виною была Англія.

Прусскій король долго надѣялся на союзъ съ Англіей противъ Россіи, думалъ воспользоваться трудностями войны, которую вела Россія съ Турціею; онъ самъ писалъ письмо къ турецкому императору Селиму III, возбуждалъ его къ упорству въ войнѣ и манилъ надеждою помощи отъ Европы. Прусскій король ожидалъ, что Англія пошлетъ въ Черное и Балтійское моря флотъ противъ Россіи, а онъ самъ тѣмъ временемъ, въ союзѣ съ Польшею, будетъ дѣйствовать противъ Россіи съ другой стороны. Унизивши Россію, онъ думалъ тогда самъ держать Польшу въ рукахъ. Таковы были планы Пруссіи. Они не удавались. Поляки не уступали добровольно Гданска и Торуня. Были со стороны Пруссіи попытки привлечь въ союзъ противъ Россіи Австрію, но и онѣ оказались неудачными. Еще въ началѣ 1791 г., посланникъ прусскій Бишофсвердеръ сообщилъ Кауницу задушевныя желанія Фридриха-Вильгельма, враждебныя Россіи, а Кауницъ сообщилъ объ этомъ Россіи. Соперничество Австріи съ Пруссіей со времени Семилѣтней войны было черезчуръ сильно, чтобы Австрія сошлась искренно и дружески съ Пруссіей и дозволила ей дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія. Кобенцель, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, сообщалъ русскому кабинету, что Австрія отнюдь не желаетъ себѣ пріобрѣтеній на счётъ Турціи, и позволяетъ ихъ дѣлать Россіи, лишь бы Пруссія ничего не выиграла на счётъ Польши. Мало успѣха имѣли и старанія Англіи, союзницы прусской, у Австріи. Императоръ Леопольдъ провелъ англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, Эварта, такимъ образомъ: на ходатайство его удалить отъ дѣлъ лицъ, враждебныхъ Пруссіи, императоръ сказалъ, что онъ готовъ отстранить отъ министерскихъ занятій давняго врага Пруссіи, Кауница, если прусскій король удалитъ отъ занятій врага Австріи, Герцберга. По сообщеніи этого секретнаго заявленія, прусскій король поспѣшилъ удалить Герцберга, котораго давно уже не любилъ, и повѣрилъ иностранныя дѣла графу Шуленбергъ-Кенерту, но императоръ, получивъ объ этой перемѣнѣ извѣстіе, оставилъ Кауница на прежнемъ мѣстѣ.

Чувствительный ударъ для прусской политики наступилъ вслѣдъ затѣмъ; въ Англіи сила Питта уступила силѣ его противника Фокса; министерство стало дѣйствовать вопреки прежней воинственности; общественное мнѣніе въ Англіи было не за войну съ Россіею, напротивъ, англичане боялись за свои торговые интересы, которые должны были пострадать въ этой войнѣ. Англія объявила, что она не намѣрена дѣйствовать непріязненно противъ Россіи и мѣшать заключенію мира съ Турціею, и вслѣдъ затѣмъ написаны были предварительныя статьи мира, впослѣдствіи, въ январѣ 1792 года, заключеннаго въ Яссахъ; въ этихъ статьяхъ предоставлялось Россіи удержать свои пріобрѣтенія по Кучукъ-Кайнарджійскому миру.

Лишившись надежды на Англію, Пруссія хотѣла добыть себѣ выгоды инымъ путемъ, — путемъ сближенія съ императорскими дворами. Лѣтомъ 1791 года посланъ былъ отъ прусскаго короля къ императору Бишофсвердеръ, любимецъ Фридриха-Вильгельма. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и толковъ, этотъ уполномоченный, 25-го іюля, въ Вѣнѣ заключилъ конвенцію о предварительныхъ условіяхъ, которыя должны были служить путеводительною нитью для будущаго союзнаго трактата Пруссіи съ Австріею. Первымъ условіемъ этого трактата было привлечь Россію къ союзу, послѣ того, какъ у ней состоится миръ съ Турціею. Затѣмъ обѣ стороны взаимно ручались за неприкосновенность своихъ предѣловъ, обѣщались не заключать одна безъ другой союзовъ, совмѣстно пригласить европейскихъ государей къ помощи въ дѣлахъ Франціи. Относительно Польши Пруссія передъ Австріею должна была скрывать свои давніе виды и показывать, какъ будто вовсе оставила ихъ. Когда Леопольдъ услышалъ въ первый разъ о конституціи 3 мая, то считалъ ее плодомъ прусской интриги, устроенной для овладѣнія со временемъ польскою территоріею. Надобно было Пруссіи разсѣять эти подозрѣнія. Положили пригласить къ участію Россію и постановить, что отселѣ никто уже не будетъ посягать на цѣлость границъ и твердость установленнаго свободнаго правленія въ Польшѣ, никто не станетъ стараться посадить на польскій престолъ кого-нибудь изъ лицъ своего дома, ни посредствомъ супружества съ инфантою, ни посредствомъ вліянія въ случаѣ новаго выбора короля въ Польшѣ, отнюдь не побуждая республику склоняться въ пользу того или другого кандидата по своему желанію. Статья, касавшаяся Польши, была однако выражена такъ, что впослѣдствіи можно было давать ей различныя толкованія. Такимъ образомъ не сказано было въ точности о конституціи 3-го мая, а говорилось вообще о свободной конституціи; поэтому, если на основаніи договора и

можно было заключить, что входившія въ договоръ державы одобрятъ польскую конституцію, то, при другихъ обстоятельствахъ, оставалась возможность объяснить силу договора такъ, что Австрія и Пруссія, гарантируя свободное правленіе Польши вообще, не имѣли въ виду исключительно конституціи 3-го мая. Притомъ же всякое ограниченіе дѣйствій со стороны союзныхъ державъ, противное свободному теченію дѣлъ въ Польшѣ, касалось только каждой державы въ ея отдѣльной дѣятельности безъ согласія съ другими, но эта конвенція не ограничивала и не стѣсняла ихъ, если бы они всѣ вмѣстѣ согласились устроить судьбу Польши иначе[1]). Прусскіе министры, Шуленбергъ и Альвенслебенъ, были противъ договора заключеннаго Бишофсвердеромъ; они надѣялись еще, что настроеніе въ Англіи измѣнится, но король находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи необходимо держаться союза съ Австріей. Къ сближенію давно соперничествующихъ державъ побуждало намѣреніе возстановить во Франціи прежній порядокъ и спокойствіе. Французская революція слишкомъ тревожила европейскіе кабинеты, они всѣ видѣли во Франціи страшный пожаръ, который оттуда разливаясь грозилъ всѣмъ державамъ, и всѣ должны были соединиться и оставить на время свои недоразумѣнія въ виду общаго для всѣхъ врага; но какъ только начинали разсуждать, что будетъ тогда, если пожаръ этотъ будетъ потушенъ, — тотчасъ возникали недоразумѣнія и каждый заявлялъ естественное желаніе получить свою долю въ вознагражденіе за труды и издержки. Для Пруссіи, по ея географическому положенію, ближайшее средство вознагражденія видѣлось въ Польшѣ. Вопросъ о вмѣшательствѣ во французскія дѣла подвигался туго. Въ августѣ, по ходатайству герцога д'Артуа, хлопотавшаго у всѣхъ дворовъ о помощи противъ своего отечества, составилось свиданіе прусскаго короля съ австрійскимъ императоромъ въ Пильницѣ, на саксонской землѣ. Туда приглашенъ былъ и князь-избиратель. Свиданіе это не имѣло ближайшихъ видимыхъ результатовъ. Государи не поддавались на высокомѣрныя требованія д'Артуа, который хотѣлъ быть регентомъ Фран-

---

[1]) Les intérêts et la tranquillité des puissances voisines de la Pologne rendant infiniment désirable qu'il s'établisse entre elles un concert propre à éloigner toute jalousie ou appréhension de prépondérance, les cours de Vienne et de Berlin conviendront et inviteront la cour de Russie de convenir avec elles, qu'elles n'entreprendront rien pour altérer l'intégrité et le maintien de la libre constitution de la Pologne, qu'elles ne chercheront jamais à placer un prince de leurs maisons sur le trône de la Pologne, ni par un mariage avec la princesse infante, ni dans le cas d'une nouvelle élection et n'employeront point leur influence pour déterminer le choix de la republique dans l'un ou l'autre cas en faveur d'un autre prince hors d'un concert mutuel entre elles.

ціи, главнымъ руководителемъ дѣла, требовалъ немедленно помощи и не соглашался ни на какія уступки французамъ, не допуская ничего другого, кромѣ безусловнаго возвращенія Франціи подъ прежнюю абсолютную власть Бурбоновъ. Леопольдъ былъ мало расположенъ стоять за такое направленіе. Кауницъ, его министръ, также находилъ, что прежнее состояніе Франціи, о которомъ вздыхали эмигранты, уже невозвратимо, и возстановленіе порядка въ этой странѣ можетъ быть достигнуто только соглашеніемъ короля съ націею и значительными уступками духу времени. Леопольдъ, по внушенію своего министра и по собственному побужденію, въ сношеніяхъ съ Пруссіей рѣшительно объявилъ, что не считаетъ умѣстнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и ниспровергать тамошнюю конституцію; онъ только тогда принужденъ будетъ приступить къ такимъ дѣйствіямъ, когда французскому королю и его фамиліи будетъ угрожать опасность. Вообще, принцы-эмигранты мало располагали къ себѣ; только Екатерина черезъ Голицына заявляла, что считаетъ истинными представителями французской націи эмигрантовъ, убѣжавшихъ изъ отечества.

Но французской королевской фамиліи болѣе и болѣе начала угрожать опасность. Во французскомъ законодательномъ собраніи образовалась республиканская партія (Жиронда), недовольная конституціоннымъ монархическимъ правленіемъ, желавшая ввести во Франціи республику и съ этой цѣлью хотѣвшая также запутать Францію въ войну, какъ этого хотѣли въ своихъ видахъ ихъ крайніе противники, эмигранты. Марія-Антуанета въ письмѣ къ брату отъ 16-го декабря 1791 г. представляла, что король лишенъ свободы и умоляла императора не навлекать на себя стыда и упрека всего міра, не оставлять въ крайнемъ униженіи и несчастіи сестру, зятя и племянника. Эти обстоятельства ускорили, наконецъ, дѣло союза, давно уже начатое между Пруссіею и Австріею. Леопольдъ черезъ графа Рейса предложилъ прусскому кабинету проектъ, который и былъ принятъ Пруссіею 7-го февраля 1792 года въ смыслѣ конвенціи, заключенной Бишофсвердеромъ 25-го іюля 1791 года. Обѣ стороны обѣщались поддерживать монархическое правленіе во Франціи, возвратить французскому королю и его фамиліи безопасность, полную свободу и все сообразное съ ихъ достоинствомъ и честію. Подобно прошлогодней конвенціи, и этотъ договоръ гарантировалъ Польшѣ ея самостоятельность въ существовавшихъ границахъ. Но по этому поводу сдѣлана была, по требованію прусскаго министерства, существенная отмѣна противъ конвенціи Бишофсвердера. Вмѣсто обязательства поддерживать свободную конституцію Польши, союзники прини-

мали на себя охраненіе и независимости Польши. Вмѣсто словъ въ конвенціи Бишофсвердера «maintien de la libre constitution da la Pologne» въ договорѣ 7-го февраля по требованію Пруссіи написано maintien de la liberté et de l'indépendance de la Pologne, *comme indiquant avec plus de clarté, qu'il ne s'agit pas encore de la constitution présente individuellement*».

Этотъ союзъ однако могъ еще не имѣть важнаго значенія въ ближайшихъ событіяхъ, пока императоръ Леопольдъ продолжалъ питать отвращеніе отъ военныхъ предпріятій вообще.

Но императоръ Леопольдъ умеръ въ мартѣ 1792 года, а сынъ и преемникъ его, Францъ II былъ совсѣмъ съ другими наклонностями; онъ былъ расположенъ къ воинственности, столько же обращалъ вниманія на военное званіе, сколько отецъ не любилъ его, и еще будучи принцемъ, выказывалъ особенное расположеніе къ Россіи, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ княземъ Голицынымъ. Рѣшимость Австріи и Пруссіи вести войну противъ Франціи въ духѣ охранительныхъ началъ, сближала ихъ съ Россіею, и вотъ это-то было роковымъ событіемъ для Польши.

Выжидательная и осторожная политика Леопольда II дѣйствительно, при легкомъ взглядѣ на вещи, подавала поводъ заключать, что Австрія благопріятствуетъ польскимъ перемѣнамъ. Въ октябрѣ 1791 г., Кауницъ приказалъ посланнику Кобенцелю сообщить русскому двору ноту, въ которой приглашали Россію признать конституцію 3-го мая и доказывали, что это для Россіи будетъ выгодно. Но въ австрійскомъ предположеніи не было искренности, и Екатерина поняла такой образъ дѣйствія, выразившись о немъ, «что это значитъ плясать по итальянскому маккіавелизму». Австрію безпокоило молчаніе Россіи на счетъ Польши; Австрія хотѣла вывѣдать мысли и намѣренія Екатерины и потому нарочно предлагала то, о чемъ навѣрно знала, что Россія не согласится, но дѣлала это въ надеждѣ, что Россія, заявивъ свое несогласіе, до нѣкоторой степени выскажется. Что это было именно только съ такою цѣлью, показываетъ странное противорѣчіе въ той самой австрійской нотѣ, которою, повидимому, хотѣли смягчить Россію въ пользу событія 3-го мая. Въ одномъ пунктѣ указываютъ, что безпорядки въ Польшѣ, выборы королей, неустройства въ управленіи и на сеймѣ, приносятъ пользу Пруссіи, и для Россіи лучше будетъ, если въ Польшѣ водворится порядокъ, который наступитъ съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Въ другомъ же пунктѣ склоняли Россію надеждою, что установленіе наслѣдственнаго правленія внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи, подо-

рветъ внутреннее управленіе. Такъ какъ это было до заключенія мира съ Турціею, то Екатерину не заставили высказаться. Между тѣмъ, хлопотавшая передъ Россіею съ такими странными доводами за конституцію 3-го мая, Австрія совсѣмъ иначе отнеслась о томъ же предметѣ въ сношеніяхъ съ самою Польшею. Посланникъ Рѣчи-Посполитой Вòйна (2 дек.) просилъ австрійскій кабинетъ ходатайствовать у русскаго двора о признаніи конституціи 3-го мая. Ему отказали на отрѣзъ. Кауницъ замѣчалъ, между прочимъ: «поляки не спрашивались у вѣнскаго двора, когда устроивали свою конституцію; пусть же и кончаютъ свои дѣла безъ насъ». Обращеніе австрійскихъ государственныхъ людей съ Войнòю отзывалось подъчасъ зловѣщею двусмысленностью. Ему то отвѣчали на вопросъ неясно обиняками, то вовсе на нихъ не отвѣчали. Графъ Манфредини сдѣлалъ объ немъ такого рода замѣчаніе: «этотъ господинъ желаетъ много знать, а забываетъ, что можно узнать такое, чего и не пожелаешь узнать. Непріятно ему молчаніе нашего двора, а отвѣтъ можетъ быть еще непріятнѣе». Дипломаты со стороны видѣли, къ чему Австрія должна будетъ придти. Саксонскій министръ Шенфельдъ въ ноябрѣ (1791 г.) замѣчалъ, что императоръ Леопольдъ, хотя видимо и благопріятствуетъ польскому перевороту 3-го мая, но разсчетъ скоро возьметъ верхъ; Австрія склонится къ той политикѣ, какой держится Россія, потому что не захочетъ, чтобы Россія одна наложила цѣпи на польскую конституцію, безъ соучастія Австріи. Когда въ Берлинѣ заключили договоръ и Австрія требовала, чтобъ цѣлость Польши была однимъ изъ условій этого договора, англійскій министръ въ Берлинѣ, Эденъ, понималъ, что это дѣлается какъ бы для приличія; обѣ державы дружелюбно относятся къ Польшѣ, а сами ожидаютъ только намека со стороны Россіи, чтобъ измѣнить свои взгляды. Молчаніе Россіи не дозволяло ни Австріи, ни Пруссіи на что-нибудь рѣшиться по отношенію къ Польшѣ.

Екатерина разсчитывала, что Россіи слѣдуетъ молчать о Польшѣ до тѣхъ поръ, пока неизбѣжный ходъ обстоятельствъ не приведетъ къ необходимости Пруссію и Австрію заговорить объ ней съ Россіею. За то Екатерина очень громко говорила на счетъ Франціи. Русская государыня, казалось, сердечнѣе всѣхъ заботилась о судьбѣ эмигрантовъ; ея министры въ Берлинѣ и Вѣнѣ постоянно побуждали къ союзу во имя возстановленія прежняго порядка вещей во Франціи; никто менѣе Екатерины не расположенъ былъ къ уступкамъ, которыя надавалъ покойный Леопольдъ, никто болѣе ея не охуждалъ вообще малѣйшихъ вынужденныхъ уступокъ народамъ со стороны властей. Въ октябрѣ она собственноручно пи-

сала къ прусскому королю, убѣждая его торопиться спасеніемъ французскаго короля. Шведскому королю Густаву III она изъявляла готовность взять на себя субсидіи для вооруженія 12,000 человѣкъ на высадку во Францію. Первое нападеніе предоставлялось королю шведскому, во вниманіе къ отдаленности его: тутъ избѣгалось всякое подозрѣніе въ завоевательныхъ замыслахъ; побужденія со стороны Густава III могли казаться безкорыстнѣе, тогда какъ нападенія Испаніи, Австріи и Германіи повлекли бы за собою подозрѣнія, что эти государства подъ благовиднымъ предлогомъ хотятъ захватить у Франціи часть ея территоріи. Въ Испаніи дѣйствовалъ русскій посланникъ Зиновьевъ. Съ этимъ государствомъ легче всего было сойтись; династическая связь испанскихъ бурбоновъ съ французскими располагала политику мадридскаго кабинета подчиниться русскому взгляду на французскія дѣла: не допускать никакихъ уступокъ либеральной партіи во Франціи, требовать непремѣнно возстановленія королевской власти въ первобытномъ видѣ, считать истинными представителями Франціи только однихъ эмигрантовъ. У Екатерины это однако не было плодомъ дѣйствительной боязни революціоннаго духа или какого-нибудь особеннаго расположенія къ старой Франціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя постоянно, какъ говорится, клала бревна подъ ноги Россіи въ ея предпріятіяхъ. «Я, —говорила императрица, — боюсь императора и короля прусскаго гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами». Въ откровенныхъ разговорахъ съ Храповицкимъ Екатерина насчётъ этого объяснялась такъ:—«Я ломаю себѣ голову, какъ бы завлечь во французскія дѣла берлинскій и вѣнскій кабинеты. Есть много причинъ, которыхъ нельзя высказать. Я желаю, чтобы имѣть свободными руки; много предпріятій не окончено мною; надобно ихъ занять, чтобъ они мнѣ не мѣшали». Понятно намъ, какія были это предпріятія. Первое — было подчиненіе Польши, второе — паденіе Турціи. Первое надлежало совершить, потому что безъ перваго невозможно было второе, какъ уже показалъ опытъ. Пруссія проникала въ настоящій смыслъ возбужденій, которыя дѣлала Россія повидимому такъ безкорыстно, такъ рыцарски въ пользу французскаго двора. «У императрицы Екатерины,—писалъ король прусскій 6-го октября 1791 года своему министру въ Петербургѣ, — есть желаніе насъ съ Австріей запутать въ войну съ Франціею, а сама она тѣмъ временемъ безпрепятственно вмѣшается въ польскія дѣла. Въ 1791 году, при вѣнскомъ дворѣ также были того убѣжденія, что императрица имѣетъ виды на Польшу.

Непосредственно по заключеніи мира съ Турціею, въ началѣ

1792 года, тайна Россіи въ отношеніи къ Польшѣ начала яснѣе раскрываться для сосѣдей. Европейскіе дипломаты хотя и увѣрены были, что у Россіи есть закоренѣлое желаніе овладѣть Польшею, но обманывались въ своихъ выводахъ и предположеніяхъ на счётъ ближайшихъ видовъ Екатерины на эту страну. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ Уисвортсъ, отъ 31-го января 1792 года, писалъ: «я думалъ, императрица не рѣшится на какія-нибудь насильственныя смѣлыя предпріятія, для поддержанія своего вліянія въ Польшѣ; я считалъ ее нерасположенною запутывать дѣла въ этой странѣ, и вызывать ее на войну противъ Россіи послѣ того, какъ Россія такъ недавно едва могла безъ важныхъ выгодъ избавиться отъ войны, стоившей ей ужасающихъ суммъ и много человѣческихъ душъ. Но сознаюсь, я ошибался, какъ вообще ошибаются всѣ тѣ, которые полагаются на умѣренность этой государыни. Я освѣдомился изъ вѣрныхъ источниковъ, что русскій дворъ намѣренъ съ будущею весною въ области польской республики двинуть стотысячное войско, которое выйдетъ изъ Молдавіи. Хотятъ напасть на Польшу внезапно, не допустивши воспрепятствовать этому въ пору, а если сосѣднія державы вмѣшаются, что вѣроятно будетъ, то на этотъ случай составленъ уже планъ раздѣла, по которому всѣ три получатъ свои выгоды». 3-го февраля 1792 года, прусскій министръ въ Петербургѣ Гольцъ донесъ своему правительству, что у него въ рукахъ было собственноручное письмо императрицы къ Зубову, гдѣ говорилось, что какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180,000 арміи подъ начальствомъ Рѣпнина въ польскую Украину; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши. Какимъ образомъ попалось это письмо въ руки прусскому министру, неизвѣстно; вѣроятно сама императрица распорядилась такъ, чтобы Гольцъ видѣлъ его; быть можетъ, она находила, что уже пришло время сдѣлать свои планы извѣстными Пруссіи. Черезъ нѣсколько времени Россія сдѣлала приглашеніе берлинскому и вѣнскому дворамъ приступить къ соглашенію на счетъ мѣръ, какія должны принять эти дворы въ предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ въ Польшѣ и къ установленію степени той цѣлости, какую слѣдуетъ признать за Польшею, причемъ дѣлалось замѣчаніе, что допустить Польшу навсегда соединиться съ Саксоніей было бы не безопасно для трехъ державъ. Это заявленіе сообщено графомъ Остерманомъ прусскому посланнику 28-го февраля. Государыня приказала сообщить прусскому послу изустное внушеніе (insinuation verbale) относительно опасности, какую представляли польскія перемѣны соб-

ственно для Пруссіи; Саксонія черезъ соединеніе съ Польшею сдѣлается могущественною и вліятельною державою; Пруссія не должна бы допускать этого ради своего положенія въ Германіи. Это обстоятельство достаточно было важно, чтобы повести къ соглашенію между Пруссіею и Россіею и побудить согласиться на мѣры, вызываемыя ихъ взаимными интересами. Именно, какъ бы въ предупрежденіе предложенія пристать къ союзу, которое должны были сдѣлать Россіи, императрица напередъ хотѣла дать знать сосѣдямъ, на какихъ условіяхъ можно надѣяться пригласить ее къ участію въ ихъ союзѣ; такъ какъ договоръ 7-го февраля гарантировалъ цѣлость Польши и независимость ея, то императрица заранѣе указывала, что это условіе для нея непримѣнимо и она, напротивъ, имѣетъ намѣреніе измѣнить границы и судьбу Польши. Ничего не могло быть любезнѣе для прусскаго короля такого предложенія: онъ готовился къ нему и ожидалъ его давно.

Затѣмъ послѣдовало отъ Россіи заявленіе на счетъ Польши и къ Австріи. Екатерина извѣщала, что она твердо рѣшилась поддерживать свою гарантію прежняго правленія, установленнаго въ 1775 году и намѣрена ниспровергнуть конституцію 3-го мая.

Заявленіе это пришло какъ нельзя впору къ своему назначенію. По заключеніи договора между Пруссіею и Австріею, Бишофсвердеръ отправился въ Вѣну условиться на счетъ ближайшихъ взаимныхъ дѣйствій, основанныхъ на договорѣ 7-го февраля. Польское дѣло затрудняло ихъ. Шпильманъ, австрійскій министръ, объявилъ, что Австрія точно такъ, какъ и Пруссія полагаетъ, что не слѣдуетъ допускать у себя подъ бокомъ усиленія польскаго королевства, и надобно какъ-нибудь дѣйствовать противъ этого, а иначе императрица шагнетъ дальше, и все перевернетъ вверхъ дномъ (que l'impératrice ne veuille casser les vitres). Тогда по прежней австрійской методѣ давать предложенія, съ желаніемъ получить отвѣтъ въ смыслѣ противномъ этимъ предложеніямъ, Шпильманъ составилъ проектъ и показалъ Бишофсвердеру. Въ этомъ проектѣ давалась на обсужденіе мысль: не хорошо ли было бы въ самомъ дѣлѣ признать саксонскаго князя-избирателя будущимъ наслѣдственнымъ государемъ Польши, только такъ, чтобы помѣшать Польшѣ сдѣлаться сильнымъ государствомъ, особенно не допуская въ ней увеличенія войска и свободнаго развитія торговли? Проектъ писали въ полной надеждѣ, что Пруссія ни за что на него не согласится и предложитъ другое такое, что приметъ Австрія съ соблюденіемъ своихъ выгодъ.

Но пока еще Австрія не получила желаннаго отрицательнаго

отвѣта на свой проектъ отъ прусскаго двора, получена была нота Россіи. Это было уже при новомъ австрійскомъ государѣ. Тогда Шпильманъ (14 марта) представилъ прусскому посланнику Якоби замѣчаніе, что русская государыня остается непоколебима въ своихъ видахъ относительно Польши и потому составленный имъ прежде планъ оказывается неподходящимъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Якоби,—если Россію трудно согласить, то и самъ саксонскій князь-избиратель не захочетъ состоять въ санѣ польскаго короля, подъ опекою трехъ державъ.» Черезъ три дня Шпильманъ сказалъ Якоби: «я оставляю свой проектъ: съ одной стороны нельзя дозволить Польшѣ сдѣлаться сильною державою, а съ другой князь-избиратель не захочетъ принимать ее въ слабомъ состояніи; остается одно средство — раздѣлъ. Австрія не намѣрена брать своей доли въ Польшѣ, а возьметъ ее въ другомъ мѣстѣ, но король венгерскій и чешскій не станетъ мѣшать прусскому королю воспользоваться обстоятельствами и округлить свои владѣнія, лишь бы только обѣ стороны взяли по ровной части.» Старый дипломатъ оправдывалъ свои планы тѣмъ, что Польша вѣчно будетъ яблокомъ раздора, пока три сосѣднія державы не согласятся дѣйствовать за одно. Такимъ образомъ слово о новомъ раздѣлѣ Польши было высказано между Австріею и Пруссіею, оставалось привлечь къ этому Россію. Но Австрія сочла нужнымъ пустить въ дѣло съ Россіею тотъ же способъ обращенія, какой недавно употребила съ Пруссіею, т. е. заговорить въ смыслѣ совершенно противномъ тому отвѣту, какой желала услышать. И вотъ еще разъ въ сношеніяхъ съ Россіею Кауницъ, 12-го апрѣля, объявилъ, что Австрія твердо стоитъ за соединеніе Польши съ Саксоніею, но это было сказано такъ, что вице-канцлеръ Остерманъ тотчасъ понялъ, что въ этихъ словахъ нужно видѣть обратный смысль и они говорились только съ цѣлью показать, что Австрія сама не прочь отъ участія въ видахъ Россіи, но прежде хочетъ вызвать Россію на выгодныя для себя предложенія.

Россіи предложили приступить къ союзу заключенному 7-го февраля между Пруссіею и Австріею. На это Остерманъ 15-го мая отвѣчалъ, что трактатъ 7-го февраля заключаетъ въ себѣ статью о Польшѣ, несогласную съ видами императрицы; во всемъ остальномъ Россія приступаетъ къ трактату 7-го февраля, относительно же Польши желаетъ заключить особый договоръ съ Пруссіею, имѣя въ виду прежніе, существовавшіе между двумя державами трактаты объ этомъ предметѣ. На это замѣчаніе послѣдовала отъ 27-го іюня совмѣстная декларація отъ Австріи и Пруссіи къ Россіи; въ ней было изъявлено требованіе, чтобы

обоимъ государствамъ предоставлено было надлежащее участіе въ мѣрахъ, которыя должны рѣшить судьбу Польши. Съ своей стороны Кауницъ особо объявлялъ (отъ 21-го іюня), что Австрія приступитъ къ видамъ петербургскаго двора, если петербургскій дворъ приступитъ къ союзу противъ Франціи, съ тѣмъ, что статья о Польшѣ, въ трактатѣ 7-го февраля, будетъ замѣнена обязательствомъ трехъ дворовъ дѣйствовать взаимно и согласно въ дѣлахъ польскихъ.

II.

Веселье въ Польшѣ.—Сеймики. — Самоувѣренность поляковъ.—Поведеніе Люккезини въ 1792 году. — Булгаковъ подбираетъ партію. — Зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ. — Отказъ саксонскаго князя-избирателя. — Воинственныя постановленія сейма [1]).

Весною 1792 г. уже образовалась въ дипломатіи гроза, долженствовавшая потрясти Польшу до основанія и обратить въ прахъ ея возрожденіе. Австрія и Пруссія уже высказались о необходимости новаго раздѣла. Россія хотя не произнесла такого мнѣнія, но болѣе, чѣмъ двѣ прочія державы, не расположена была оставить въ Польшѣ то, что въ ней было устроено съ 3-го мая.

Польша, между тѣмъ, пировала. По современнымъ извѣстіямъ, въ Польшѣ никогда еще такъ не веселились, какъ въ концѣ 1791 и началѣ 1792 года. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ въ назначенные дни происходили торжественныя богослуженія съ »Te Deum», съ проповѣдями, восхвалявшими новый порядокъ и виновниковъ его. Такой праздникъ отправлялся, напр., въ Бобруйскѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ считалось не болѣе 150 дворовъ. Земскій рѣчицкій судья, записавшись въ мѣщане, давалъ большой обѣдъ съ музыкою и громомъ орудій. Послѣ обѣда былъ шумный балъ. Все мѣстечко было затѣйливо иллюминовано. Простой народъ поили и кормили на улицахъ. 17-го января, день рожденія Станислава-Августа сдѣлался повсюду днемъ веселаго и шумнаго празднества: богослуженія съ проповѣдями, пѣніе «Te Deum» пальба изъ пушекъ, обѣды, балы и иллюминація служили вездѣ признаками общей радости. Во многихъ мѣстахъ гражданско-военныя коммиссіи давали обѣды городскимъ магистратамъ, а за тѣмъ слѣдовали танцы вплоть до ночи и ужинъ. Дворяне и мѣщане пировали братски вмѣстѣ. Въ Вильнѣ въ

---

[1]) См. ист. 21, 18, 28, 12, 33, 8, 118, 113, 115, 91, 86. Дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія въ академической церкви, епископъ Масальскій давалъ обѣдъ на сто особъ слишкомъ, а въ три часа было публичное засѣданіе главной школы великаго княжества Литовскаго, на которомъ профессоръ церковной исторіи Богуславскій прославлялъ конституцію, а вечеромъ маршалъ трибунала давалъ великолѣпный балъ съ ужиномъ и пушечными выстрѣлами, раздававшимися во время питья за здоровье короля. Въ Ленчицѣ народныя школы устроили празднество отъ себя и профессоръ физики доказывалъ, что конституція 3-го мая проистекаетъ изъ естественнаго порядка. Обыватели изъ повѣтовъ Сендомирскаго и Вислицкаго съѣхались въ Шидловъ для занесенія именъ своихъ въ земянскія книги и по этому поводу братались съ мѣщанами, произносили рѣчи, а воевода далъ большой обѣдъ для пріѣхавшихъ. Въ Сендомирѣ ксендзъ Ленчовскій послѣ богослуженія устроилъ отъ себя роскошный обѣдъ, а вечеромъ бригадный командиръ Годзевичъ давалъ ужинъ и балъ. Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, и генералы давали пиры и балы для военныхъ съ цѣлію приласкать ихъ и склонить къ мысли, что войску подъ непосредственнымъ начальствомъ короля будетъ лучше, чѣмъ подъ властію войсковой коммиссіи. Въ Брацлавѣ, зимою, при главномъ обозѣ нѣсколько дней сряду шли празднества съ потѣшными огнями, среди которыхъ красовался портретъ короля, а брацлавскій подкоморій, кромѣ обѣда для гостей, угощалъ на дворѣ у себя толпу всякаго народа, и всѣ за это восхваляли конституцію.

Время вакаціи сейма было временемъ сеймиковъ: воеводства и повѣты присягали конституціи 3-го мая, производились выборы и по этому поводу повсюду были обѣды, балы, иллюминаціи и празднества. Такъ въ Литичевѣ предъ открытіемъ сеймика одинъ день давалъ обѣдъ судья Домбскій, на другой день панъ Дембовскій; на этихъ обѣдахъ участвовали всѣ прибывшіе на сеймикъ обыватели, пили за здоровье короля и благоденствіе конституціи 3-го мая, а послѣ выборовъ слѣдовала присяга на конституцію 3-го мая и по этому поводу опять празднество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время присяги, происходившей въ церкви, шляхтичи обнажали сабли и клялись защищать конституцію до послѣдней капли крови. Всѣ прежніе сеймики, сколько могли запомнить старые поляки, сопровождались безпорядками, подкупами, драками, кровопролитіемъ; на этотъ разъ шляхта во многихъ мѣстахъ вела себя чинно и согласно, за то весело. Отъ многихъ сеймиковъ при закрытіи ихъ были посланы депутаціи съ благодарностію королю и членамъ сейма за дѣло конституціи 3-го мая. Много помогло

стройному исходу сеймиковъ то, что заранѣе было разослано до 400 писемъ лицамъ, болѣе или менѣе наклоннымъ къ перемѣнѣ.

Въ этихъ письмахъ сообщалось ложно, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны, и дворы прусскій и австрійскій гарантировали прочность конституціи 3-го мая. Многіе изъ пословъ по окончаніи сеймовыхъ засѣданій разъѣхались по провинціямъ и способствовали настроенію умовъ на сеймикахъ. Каждый изъ нихъ въ своемъ углу настраивалъ толпу, готовую пристать ко всему безъ большихъ разсужденій. Тамъ, гдѣ нужно было, король располагалъ въ пользу конституціи раздачею ордена св. Станислава, на который чрезвычайно были тогда падки поляки; иные за то единственно, чтобы имѣть удовольствіе надѣть красную ленту, становились подъ знамя 3-го мая. Этихъ лентъ такъ много раздарили въ это время, что маршалъ Малаховскій говорилъ: «по совѣсти, эти ленты приносятъ стыдъ, а не украшаютъ». Другихъ склоняли обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ и денежными подарками, а иныхъ принуждали и угрозами; многіе, подавая согласіе на конституцію, въ душѣ ненавидѣли ее, но не смѣли заявить противнаго мнѣнія, потому что было объявлено запрещеніе заносить въ городскіе акты протестаціи противъ конституціи, опасно было ничего не сдѣлавши навлечь на себя наказаніе; сторонники конституціи пугали шляхту, что того, кто будетъ противиться, постигнетъ кара отъ короля и сейма, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, подобно Ржевускому и Щенсному Потоцкому. Наконецъ, въ воеводствахъ, гдѣ наиболѣе можно было ожидать противодѣйствія, разставлены были войска, готовыя усмирять силою и принуждать къ повиновенію такіе сеймики, которые бы стали сильно шумѣть противъ конституціи. Много пособило и то, что папа прислалъ поздравительную буллу, въ которой видимо оказывалъ сочувствіе къ новому дѣлу; на сеймикахъ какъ только узнали, что конституція 3-го мая благословляется св. отцомъ, начали склоняться къ ней. При этихъ выгодныхъ для дѣла конституціи условіяхъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ поступили, однако, въ Стражу донесенія о томъ, что на сеймикахъ проявлялось негодованіе противъ реформы и притомъ съ признаками тѣхъ старыхъ нравовъ, которые хотѣли исправить прогрессисты. Такъ люблинская шляхта Грушецкіе съ другими жаловались, что у нихъ на сеймикѣ въ противность новому уставу о сеймикахъ, паны навели подкупленную шляхту, собирали у себя, поили и потомъ заставляли давать голоса какіе угодно было имъ, класть шары по ихъ желанію и такимъ образомъ удержали за собою и за другими, по своему желанію, мѣста и должности или выбирали новыхъ, кого хотѣли. Въ По-

лоцкомъ воеводствѣ панъ Жаба привелъ на сеймикъ подпоенную шляхту и заставлялъ выбирать въ должности такихъ, какихъ ему хотѣлось, даже, чтобъ уменьшить число противниковъ, запиралъ послѣднихъ въ ихъ квартирахъ и не допускалъ до голосованія въ то время, когда его кліенты дѣлали по его приказанію постановленія какъ будто большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, хотя по распоряженію сейма рѣшено было перевести мѣсто отправленія, сеймика въ Чашники, но панъ Жаба не допустилъ до этого, и сеймикъ остался въ Ушачѣ, гдѣ былъ прежде. Въ троцкомъ воеводствѣ противники конституціи навели на сеймикъ свою подпоенную шляхту и подняли крикъ, что сеймъ нарушилъ старопольскую свободу и предалъ Рѣчь-Посполитую абсолютизму, называли сеймовые уставы кандалами и объявляли, что намѣрены повиноваться существующей власти только до времени. По ихъ вліянію выбраны депутатами въ трибуналъ ихъ подручники, не имѣвшіе на то законнаго права, потому что не владѣли землями въ томъ краѣ, гдѣ ихъ выбирали. Въ Россіенахъ партія, непріязненная конституціи, подъ предводительствомъ Гелгуда надѣлала большую смуту, не допустила предсѣдательствовать ассессору вмѣсто больного маршала, отняла книги у избраннаго противъ ея желанія актоваго писаря, и, наконецъ, не дозволила окончиться сеймику, такъ что послѣ того это дѣло встревожило Стражу и дало поводъ къ продолжительной перепискѣ. Подобное дѣлалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ Минскѣ, гдѣ панъ Лыскевичъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, съ цѣлію овладѣть дѣлами города поилъ ремесленниковъ такъ, что по замѣчанію послѣдовавшей на него жалобы, всѣ заказы оказались неисполненными въ срокъ. Установленіе земянскихъ судовъ сопровождалось безпорядками: прежніе судьи не отдавали новоизбраннымъ ни ключей, ни счетовъ, а въ Сѣрадзѣ гражданско-военная коммиссія заперла ратушу, гдѣ прежде собирались городскіе и земскіе суды и новоустроенному земянскому суду не было пріюта. Отмѣненіе пожизненности судей пріобрѣло конституціи много враговъ изъ тѣхъ, которые чрезъ этотъ законъ лишались возможности сидѣть цѣлую жизнь на тепломъ мѣстѣ.

Прогрессивная партія извлекала великія надежды для цѣлости конституціи изъ пріема, сдѣланнаго ей по воеводствамъ. Проживавшіе за границею паны извѣщали своихъ соотечественниковъ, что и по всей Европѣ правительства, публика удивляются полякамъ и величаютъ ихъ мудрость. «Куда только насъ ни пригласятъ, писалъ одинъ полякъ изъ Флоренціи, вездѣ мы видимъ столы, украшенные бюстами короля нашего, колоннами и

пирамидами въ честь его и нашей конституціи. Самъ великій герцогъ тосканскій говорилъ полякамъ такія слова: «счастливъ народъ польскій, что у него такой король; счастливъ король польскій, что управляетъ такими гражданами». Пріѣзжавшіе въ Польшу иностранцы, льстя полякамъ, говорили: «какъ же это утверждали, будто поляки народъ несогласный и легкомысленный, а мы видимъ противное: они составили такую мудрую конституцію и такъ согласно и единомысленно ее приняли». Поляки интересовались болѣе всего тѣмъ, что о каждомъ ихъ патріотическомъ шагѣ будутъ говорить въ Европѣ. Маршалъ Малаховскій по окончаніи сеймиковъ писалъ къ племяннику въ Дрезденъ: «мнѣ очень любопытно узнать, что тамъ у васъ скажутъ о единомысліи сеймиковъ. Кто религіозенъ, тотъ признаетъ въ этомъ дѣло Провидѣнія, а кто основывается на политикѣ, тотъ увидитъ въ этомъ событіи великій примѣръ, какъ весь народъ чувствуетъ привязанность къ закону». Это онъ писалъ уже въ то время, когда медленность и увертки саксонскаго князя-избирателя раздражали его. Легковѣріе и вѣтреность поляковъ не имѣли предѣловъ.

«Три дня тому назадъ (доносилъ въ мартѣ Булгаковъ), поляки большую надежду полагали на нѣмецкаго императора, но теперь уже нѣкоторые изъ пановъ перемѣнили свое мнѣніе и боятся, что какъ только состоится коалиція противъ Франціи, то императоръ обратится къ Франціи, а Россія будетъ раздѣлываться съ Польшею. Самъ король все еще полагалъ тогда надежды на Австрію и думалъ расположить къ себѣ подкупомъ государственныхъ людей австрійскаго кабинета, Манфредини и Шпильмана, посредствомъ камергера Кортигеля, который былъ нѣкогда въ Польшѣ посланникомъ отъ Австріи. Этотъ Кортигель, какъ говорятъ, бралъ съ короля деньги и внушалъ ему надежды, а король составлялъ тайные планы утвердить монархическую власть при пособіи Австріи и избавиться отъ страшной опеки Россіи. Корифей 3-го мая, Игнатій Потоцкій, былъ самонадѣянъ до смѣшного; уже въ мартѣ Декоршъ, французскій посланникъ, предостерегалъ его и говорилъ: «вы слишкомъ довѣрчивы: смотрите, берлинскій и вѣнскій дворы не даромъ кокетничаютъ съ императрицею!» Потоцкій за-глаза трунилъ надъ нимъ и говорилъ: «французъ пустую вѣжливость между дворами считаетъ уже за взаимную преданность. Я думаю, что Россія не рѣшится объявить намъ войны, напротивъ сама боится, чтобы противъ нея не составила союза Австрія съ Польшею; тогда, дѣйствуя вмѣстѣ, можно было бы сдѣлать Россію азіатскою державою.»

Первыя сеймовыя засѣданія, по окончаніи лимиты, проходили

въ шумныхъ восторгахъ о величіи Польши, о примѣрномъ согласіи и надеждахъ на благополучіе въ будущемъ. Вѣсти о томъ, что сеймики окончились безъ дракъ и повсюду одобрена конституція, давали посламъ поводъ видѣть въ этомъ великое ручательство возрожденія отечества. Игнатій Потоцкій говорилъ въ засѣданіи: «окидывая взорами протекшіе вѣка, во всей исторіи міра я не могу видѣть ничего величественнѣе, ничего достойнѣе человѣческой памяти, какъ согласіе польскаго народа, который отселѣ долженъ служить образцомъ для всѣхъ вольныхъ народовъ?» Волынскій посолъ Стройновскій, постоянный недоброжелатель нововведеній и представитель воеводства наиболѣе противнаго конституціи, заявлялъ, что это воеводство, состоящее изъ четырехъ повѣтовъ (Луцкій, Кременецкій, Подслучскій и Горынскій), измѣнило прежнія инструкціи посламъ и приказывало имъ соображаться съ конституціею. Другой свирѣпый противникъ конституціи, познанскій посолъ Мелжинскій говорилъ: «я не пошелъ по слѣдамъ возлюбленнаго короля оттого, что воображалъ себѣ, что народъ иначе приметъ конституцію. Я слушалъ своего внутренняго убѣжденія. Теперь я увидалъ противное тому, чего ожидалъ. Нашъ народъ такъ ославилъ себя въ цѣломъ мірѣ безпорядками, что, казалось, никогда не покажетъ себя ни въ чемъ единодушнымъ; и дѣйствительно: давно ли чужіе солдаты предписывали сеймикамъ инструкціи, и несмотря на устрашенія и на подкупы, согласія на сеймикахъ не было. Теперь же не было на сеймикахъ ни чужого, ни своего войска; гражданская добродѣтель не была искушаема дарами, и теперь первый только разъ народъ единогласно принялъ конституцію 3-го мая. Стало быть она хороша и спасительна.» Казимиръ-Несторъ Сапѣга ораторствовалъ такъ: «пятно, лежавшее на Польшѣ, изгладилось; иноземныя войска уже не покрываютъ нашей территоріи, наши національныя войска защищаютъ наши границы. Правительство стало твердымъ, конституція наша признана сильнѣйшими державами, а любовь къ отечеству ея крѣпчайшая подпора. Какъ не видать вліянія божественнаго Провидѣнія въ способѣ, какимъ нація возродилась безъ кровопролитія? Вотъ я показалъ вамъ примѣръ послушанія постановленіямъ сейма; теперь я ихъ буду еще болѣе уважать, когда все Великое княжество Литовское ихъ признаетъ, не уступая Коронѣ въ уваженіи къ королю и любви къ отечеству».

Смерть Леопольда вначалѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. «Что́ теперь будетъ?»—говорили тогда при дворѣ Станислава-Августа. «Договоръ съ Пруссіею можетъ нарушиться, состоится напротивъ договоръ съ Россіею; запуганная Саксонія ничего не будетъ значить и Польша сдѣлается игрушкою об-

стоятельствъ. Вмѣсто государя, дружелюбнаго Польшѣ, какимъ былъ покойный императоръ Леопольдъ II воцарится новый, Іосифъ II: онъ уже и теперь извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ Россіи». Но Игнатій Потоцкій, у котораго послѣ обѣда былъ объ этомъ разговоръ съ гостьми, какъ великій политикъ, посмотрѣлъ на событія съ другой точки зрѣнія и произнесъ такое утѣшительное слово: «императоръ Леопольдъ достоинъ того, чтобъ поляки его оплакивали; онъ былъ другъ нашъ и особенный покровитель; но смерть его не измѣнитъ положенія дѣлъ, союзъ съ Пруссіею теперь установится скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать прежде; новый государь на все согласится, что̀ ему предложатъ. Саксонія и Польша выиграютъ. Молодой государь не пойдетъ противъ Франціи такъ горячо, какъ прежній: племянникъ за тетку не станетъ заступаться, какъ братъ за сестру. Еслибъ король прусскій и императоръ пошли вмѣстѣ на Францію, какъ предполагалось при Леопольдѣ, русскіе вошли бы въ Польшу и поляки, не получая ни откуда помощи и поддержки, сдѣлались бы добычею Россіи. Теперь же — союзъ Австріи съ Пруссіею будетъ направленъ противъ Россіи, а Польша будетъ служить имъ барьеромъ. Не совѣтуемъ Россіи затрогивать насъ, Польша можетъ надѣлать ей больше зла, чѣмъ она Польшѣ.» За Потоцкимъ маршалъ Малаховскій и другіе стали видѣть въ радужномъ цвѣтѣ для Польши союзъ Пруссіи съ Австріею. Пьятоли еще рѣшительнѣе возбуждалъ въ полякахъ смѣлость. «По моему,—говорилъ онъ, — такъ надобно вторгнуться съ войсками Рѣчи-Посполитой во владѣнія россійской императрицы и предупредить нападеніе съ ея стороны». Люккезини по прежнему не переставалъ быть непонятнымъ, то мазалъ по губамъ поляковъ, то обливалъ ихъ сразу холодною водою, ставилъ поляковъ втупикъ и кружилъ имъ головы своимъ обращеніемъ. Когда съ нимъ заговаривали о ходѣ преобразованій и по прежнему обычаю обращались къ нему за совѣтомъ, Люккезини отвѣчалъ сухо и равнодушно: «конституція 3-го мая и всѣ послѣдовавшія у васъ перемѣны для его величества, короля прусскаго, совершенно посторонніе предметы, и вовсе не занимаютъ его. Все, что республика послѣ трактата съ Пруссіей сдѣлала у себя, все это она должна считать своимъ собственнымъ твореніемъ, и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ вслѣдствіе конституціи 3-го мая, должна сама у себя просить совѣта». Отпуская Браницкаго въ Петербургъ, Станиславъ-Августъ счелъ нужнымъ заявить объ этомъ Люккезини и сказать: «надѣюсь, что вашъ дворъ не скажетъ ничего противъ этого.» «Ваше величество,—отвѣчалъ Люккезини—можете дѣлать что вамъ угодно, и моему двору совершенно

нѣтъ дѣла до этого. Удивительно только, что ваше величество отставили отъ службы польнаго гетмана (le petit général) за то только, что онъ ѣздилъ въ Яссы, а теперь сами посылаете великаго (le grand général) въ Петербургъ для особыхъ сношеній?» Послѣ такого разговора онъ самъ довелъ до свѣдѣнія Браницкаго, будто старался выхлопотать ему у короля дозволеніе ѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ, въ одномъ обществѣ онъ сказалъ: «напрасно считаютъ за королемъ моимъ какую-то готовность помогать Польшѣ; онъ вовсе не обязанъ защищать Польшу съ конституціею 3-го мая». Это дошло до Станислава-Августа. Онъ спросилъ его прямо. Люккезини отвѣчалъ: «я не обязанъ всѣмъ и каждому говорить истину; я могу говорить ее только правительству, а правительство составляютъ для меня король и канцлеръ. У васъ черезчуръ много было участниковъ въ важныхъ дѣлахъ, всѣ все хотѣли знать, оттого и происходилъ такой безпорядокъ».— Прежде онъ въ дружескихъ разговорахъ сворачивалъ на неизбѣжные Гданскъ и Торунь, теперь онъ уже не только не вспоминалъ о нихъ, но даже сказалъ: «король мой не намѣренъ болѣе возобновлять толки о соглашеніи взаимныхъ выгодъ Польши и Пруссіи на основаніи уступки Гданска и Торуня; если бы республика предлагала ихъ сама, — Пруссія уже не приняла бы ихъ». Эти слова дышали зловѣщимъ предзнаменованіемъ и открывали полякамъ опасность, что Пруссія скоро станетъ за одно съ Россіею, но Люккезини потомъ, сошедшись съ Сапѣгою, но чалъ опять заговаривать о Гданскѣ и Торунѣ, а когда разнеслось объ этомъ между нѣкоторыми послами, онъ сказалъ: «развѣ можно полагаться въ чемъ-нибудь на Сапѣгу? про насъ ходятъ разныя сплетни: то говорятъ, что мы хотимъ отнять Великую Польшу, то Жмудь, а мой государь ничего отъ поляковъ не желаетъ, кромѣ сохраненія своихъ правъ и трактатовъ». Поселяя въ полякахъ сомнѣніе, онъ, не доводилъ ихъ до отчаянія: «не думайте, говорилъ онъ, чтобъ Пруссія перестала быть союзницей Польши; когда у васъ начнется война съ Россіею, тогда и Пруссія станетъ вооружаться и покажетъ себя. Правда, Пруссія и Австрія обращаются деликатно съ императрицею, но всетаки главная цѣль ихъ союза поставить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Россіи. На этотъ конецъ императоръ и Пруссія уже пригласили Саксонію пристать къ союзу, и она согласилась; быть можетъ, скоро о томъ же попросятъ и Польшу.» Также точно и о пріемѣ княземъ-избирателемъ короны онъ высказывался двулично. Прогрессисты распустили на сеймикахъ слухъ, что предложеніе Польши принято и король увѣрялъ прибывшихъ въ Варшаву пословъ, что въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ и сама

русская императрица, какъ видно, согласится на это. «Все это неправда!» сказалъ по этому поводу Люккезини у Сапѣги, а самому Пьятоли, который особенно отличался распространеніемъ утѣшительныхъ слуховъ, замѣтилъ: «эти уловки кончатся дурно». Но тотъ же Люккезини, говоря о заключенномъ между Австріей и Пруссіей союзѣ, выразился такъ: «я не нахожу затруднительнымъ думать, что новые союзники гарантируютъ принятіе короны саксонскимъ княземъ-избирателемъ; это для нихъ лучше, чѣмъ допустить Россію до прежняго вліянія на Польшу».

Сеймъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ и желаній, поступавшихъ отъ сеймиковъ; они касались ново-учрежденныхъ земянскихъс удовъ: отправленія ихъ обязанностей, назначенія мѣстъ для нихъ, соединенія повѣтовъ въ судебномъ отношеніи, выбора лицъ въ должности, времени открытія засѣданій. Установленъ порядокъ процедуры — такъ-называемые реестры, которыми опредѣлено, какія дѣла должны за какими слѣдовать — предметъ сбивчивый въ старопольскомъ судопроизводствѣ; опредѣлены случаи, когда судьи, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, должны подвергаться наказаніямъ, состоявшимъ въ тюремномъ заключеніи, денежномъ взысканіи и лишеніи должностей. По поводу вводимаго тѣснѣйшаго однообразія Великаго княжества Литовскаго съ Короною уничтожены прежніе отдѣльные литовскіе поборы и введено въ налогахъ однообразіе. Но дѣло реформы королевщинъ подвигалось очень плохо. Скарбовая коммиссія извѣстила сеймъ, что большая часть старостъ не подчиняется распоряженіямъ сейма о платежѣ въ казну, до времени продажи, трехъ четвертей всего получаемаго съ этихъ имѣній дохода.

Толковали о томъ, какъ бы достойно и торжественно отпраздновать годовщину 3-го мая и для этого положили собрать изъ воеводствъ нарочно особыхъ депутатовъ. Въ память великаго событія рѣшили въ этотъ день заложить храмъ Провидѣнія. Игнатій Потоцкій, убѣждаясь болѣе и болѣе въ томъ, что только монархическая власть можетъ спасти Польшу, задумалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы въ церкви св. Креста, гдѣ будетъ торжество, пріѣхавшіе депутаты заявили желаніе, какъ бы цѣлой страны, чтобы король принялъ диктаторскую власть надъ войскомъ и страною. Между тѣмъ въ ожиданіи этого великаго народнаго торжества не было недостатка въ патріотическихъ пиршествахъ, которыя должны были способствовать распространенію новыхъ идей. 22-го марта (2-го апрѣля), въ день имянинъ Колонтая ассессорія дала ему обѣдъ, куда приглашены были знатнѣйшіе мѣщане. Самъ король присутствовалъ на этомъ обѣдѣ и цѣловался съ мѣщанами. «Они облили ему платье виномъ», за-

мѣтилъ при этомъ Булгаковъ въ своемъ донесеніи, дѣлая намекъ на неумѣнье мѣщанъ вести себя въ одномъ обществѣ съ важными особами. Такъ какъ этотъ обѣдъ носилъ демократическій характеръ уже и потому, что давался въ честь человѣка считаемаго отъявленнымъ демократомъ, то многіе сочли неумѣстнымъ быть немъ; въ ихъ числѣ былъ и братъ короля, примасъ. «Какъ мнѣ ни прискорбно — сказалъ по этому поводу король своей сестрѣ — но приходится бороться не только со множествомъ поляковъ, а даже съ собственнымъ братомъ и съ своею фамиліею.» Многіе поляки, увлеченные временно модными идеями, мало-помалу одумывались и находили, что на дѣлѣ не все бываетъ такъ складно и пріятно, какъ на словахъ. Ихъ отрезвляли крайніе прогрессисты, которые то тѣмъ то другимъ способомъ угрожали посягательствомъ на дворянскія преимущества и сословныя выгоды. Въ Варшавѣ заведенъ былъ клубъ слугъ и тамъ читались переведенныя съ французскаго языка рѣчи о свободѣ. Это заведено было по мысли французскаго министра въ Польшѣ Декорша и нѣкоего Маццеи, извѣстнаго въ Варшавѣ вольнодумца. Служитель послѣдняго былъ постояннымъ ораторомъ въ этомъ клубѣ. Это явленіе возбудило въ обществѣ опасеніе, что такимъ образомъ можетъ подготовиться хлопскій бунтъ. Законъ о староствахъ разомъ отнялъ у конституціи множество приверженцевъ. Польскія дамы, прежде возбуждавшія умы и сердца въ пользу новаго строя вещей, стали кричать, что ихъ обираютъ, что имъ не на что будетъ шить новыя платья для баловъ.

Когда патріоты закрывали себѣ глаза, Булгаковъ, продолжая показывать видъ, будто дѣло конституціи совершенно посторонній предметъ для государства, котораго онъ былъ представителемъ, втихомолку удачно работалъ и подкапывалъ то, что поляки спѣшили строить. Въ концѣ апрѣля онъ представилъ своему правительству списокъ надежныхъ особъ, на которыхъ Россія могла положиться; это были епископы: Коссаковскій и Гедройцъ (Жмудскій), сѣрадскій воевода Валевскій — человѣкъ предпріимчивый, съ большимъ кредитомъ въ трехъ воеводствахъ, краковскомъ, волынскомъ и сѣрадскомъ, витебскій воевода Коссаковскій, мазовецкій—Малаховскій, братъ маршала, другой братъ его канцлеръ, мстиславскій воевода Хоминскій, надворный маршалъ Рачинскій, человѣкъ оборотливый, ловкій и хитрый, троцкій каштелянъ Пляттеръ, войницкій каштелянъ Ожаровскій, издавна преданный Россіи, на все готовый, имѣвшій партію въ воеводствахъ краковскомъ и сендомирскомъ, каштелянъ гнѣзненскій Мясковскій, Коссаковскій, братъ епископа, каштелянъ перемышльскій Антоній Четвертинскій, человѣкъ небогатый, но отважный и рѣ-

чистый. Изъ пословъ были отмѣчены:—краковскіе: Ожаровскій, Валевскій, Іорданъ, Глембоцкій; познанскій Мощенскій ошмянскій: Хоминскій вилькомирскій: Коссаковскій; брацлавскіе: Мощинскій, Мокуци; сендомирскіе: Скорковскій, Немиричъ, Ясенскій, Менженскій; троцкій Савицкій; упицкій Коссаковскій; сѣрадскій Валевскій; литовско-жмудскій Забѣлло; Куявскій Закревскій; иноврацлавскіе: Соколовскій, Лещинскій; волынскіе: два Гулевича, Загурскій; подольскіе: Орловскій, Злотницкій; любельскіе: Длускій, Выброновскій, Суфчинскій; оршанскій Іозефовичъ; сохачевскій Шимановскій. Къ нимъ присоединить слѣдовало находившихся тогда уже въ Петербургѣ Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, и пословъ Сухоржевскаго и Грохольскаго. Эти всѣ были совершенно пріобрѣтены Россіею. Булгаковъ считалъ готовыми пристать къ Россіи, при первомъ заявленіи со стороны послѣдней голоса, еще нѣсколькихъ лицъ, сенаторовъ, духовныхъ, епископовъ: виленскаго Масальскаго, и куявскаго Рыбинскаго, познанскаго Окенскаго, краковскаго воеводу Малаховскаго, виленскаго Радзивилла, пословъ: Мелжинскаго (познанскаго), Сулковскаго (калишскаго), Домскаго (брестъ-куявскаго), Сапгушку (волынскаго), Швейковскаго (подольскаго), Гриневецкаго (люблинскаго), Неселовскаго (новоградскаго), Сиберга (брестъ-литовскаго), Хмару (минскаго), подскарбія короннаго Коссовскаго, каштеляна сѣрадскаго Бернадскаго, каштеляна минскаго Забѣлло, Земинскаго (бецкаго каштеляна), Шидловскаго и двадцать пословъ. Всего на сеймѣ сенаторовъ было 159, а пословъ 341; изъ нихъ всѣхъ Россія могла располагать, по разсчету Булгакова, девятидесятью особами. Каждый изъ нихъ съ кредитомъ и связями могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ.

Булгаковъ давно уже нашептывалъ своимъ пріятелямъ, что надобно имъ взяться за явное противодѣйствіе, составить реконфедерацію и ниспровергнуть конституцію, которая грозитъ Польшѣ уничтоженіемъ свободы и введеніемъ деспотизма, что великодушная государыня окажетъ имъ помощь. Но въ это время онъ пришелъ къ убѣжденію и сообщалъ своему правительству, что нѣтъ возможности начать что-нибудь въ Варшавѣ; правленіе, войско и суды находились въ рукахъ господствующей партіи; какъ только недовольные начнутъ дѣйствовать, противники тотчасъ усмирятъ ихъ силою; русскій посланникъ, находясь въ Варшавѣ, не въ силахъ былъ начинать ничего и могъ пособлять только тому, что произойдетъ въ провинціяхъ. Но пока въ Варшавѣ партія конституціи торжествовала и упивалась своими успѣхами, а Булгаковъ ломалъ себѣ голову, какъ бы устроить дѣло, убійственное для всѣхъ затѣй прогрессистовъ, въ Петербургѣ, въ

концѣ марта 1772 г., это дѣло уже слагалось. Тамъ происходило приватное свиданіе Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго съ государынею; къ нему допущенъ былъ одинъ только Зубовъ. Тамъ было порѣшено, что недовольные конституціею магнаты составятъ конфедерацію, а императрица поможетъ ей своимъ вліяніемъ и пошлетъ свои войска въ средину Польши для измѣненія тамъ правительства. Они получили полномочіе составить конфедерацію и уѣхали для этого на Подоль. Находившійся въ Петербургѣ посланникъ Рѣчи-Посполитой, Деболи, извѣщалъ, что враги конституціи что-то замышляютъ, но не зналъ, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, командующій польскимъ войскомъ въ Украинѣ, генералъ Костюшко извѣщалъ, что русскія войска тремя корпусами готовы войти во владѣнія Рѣчи-Посполитой, изъ Могилева, Кіева и Молдавіи.

Враги конституціи подсмѣивались надъ патріотами. «А что хорошаго слышно изъ Дрездена? — спросилъ на сеймовомъ засѣданіи посолъ Валевскій. — Охъ! смотрите, какъ бы изъ этихъ прекрасныхъ луковицъ вмѣсто ожидаемыхъ цвѣтовъ на весну не выросла крапива». Самъ маршалъ Малаховскій тихонько говорилъ своимъ друзьямъ: «я раскаяваюсь, что первый подалъ голосъ о призывѣ князя-избирателя къ наслѣдству; теперь мы отъ него ничего не видимъ, кромѣ проволочекъ». Обольщенія мало-помалу спадали съ поляковъ одно за другимъ, и непріязненная истина раскрывалось во всей наготѣ. 16 апрѣля было на сеймѣ засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ. Прибывшій изъ Дрездена чрезвычайный посланникъ Рѣчи-Посполитой князь Чарторыскій привезъ роковое извѣстіе: князь-избиратель, долго протягивавшій дѣло въ конференціяхъ, наконецъ далъ отъ 14-го февраля ноту, гдѣ объявлялъ свое рѣшительное несогласіе на принятіе короны на такихъ условіяхъ, на какихъ хотѣли дать ее поляки. Онъ объявлялъ: 1) что не приметъ никакого рѣшенія по этому дѣлу прежде, чѣмъ со стороны трехъ сосѣдственныхъ державъ, поручившихся за независимость Польши, Россіи, Пруссіи и Австріи, не получитъ успокоительнаго одобренія на счетъ перемѣны въ правленіи, произведенной въ Рѣчи-Посполитой, и согласія на принятіе имъ предложеннаго ему наслѣдственнаго престола. Сверхъ того, даже и при томъ одобреніи, котораго поляки никакъ не могли ожидать и надѣяться, князь-избиратель принялъ бы корону только тогда, когда бы въ самой конституціи были произведены перемѣны, именно: 1) чтобы никакой законъ, который прошелъ черезъ обыкновенный или чрезвычайный сеймъ, въ особенности по объявленію войны, не имѣлъ законной силы прежде согласія короля по его собственному независимому убѣжденію.

«Моя совѣсть не дозволяетъ мнѣ — выражался князь-избиратель — подчинять собственное убѣжденіе и возможность воспрепятствовать злу, большинству голосовъ, коорое можетъ зависѣть отъ случая и отъ интриги». Это заявленіе показывало, что избираемый поляками въ короли былъ уже дурного о нихъ мнѣнія и мало вѣрилъ въ ту націю, которая ему оказывала честь; отъ этого заранѣе и предполагалъ, что интрига и случай могутъ господствовать въ учредительномъ строѣ этой націи. Князь-избиратель отвергалъ также одиннадцатый параграфъ майской конституціи, по которому на войско возлагалось принести присягу націи, требовалъ, чтобы войско произнесло ее королю, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, король имѣлъ право назначать предводителя надъ войскомъ, и нація не могла бы, сообразно седьмому параграфу, отставлять этого предводителя. Наконецъ онъ не соглашался на то, чтобы сеймъ имѣлъ право выбрать жениха его дочери, и даже не обязывался въ такомъ случаѣ представлять сейму на согласіе этого вопроса, напротивъ, князь-избиратель ставилъ условіемъ, чтобы въ случаѣ, если онъ не оставитъ наслѣдниковъ мужескаго пола, польская корона должна будетъ переходить не къ принцессѣ Августѣ, его дочери, и ея потомству, а къ мужеской боковой саксонской линіи. Князь-избиратель заранѣе видѣлъ, что оставленіе наслѣдства за дочерью откроетъ путь разнообразнымъ и гибельнымъ интригамъ, поссоритъ сосѣдніе дворы между собою и вообще будетъ для Польши источникомъ смятеній. Эти условія, вполнѣ здравыя и необходимыя для возрожденія польской самостоятельности, могли оцѣнить только тѣ немногіе, которые сочиняли конституцію, большинство польскаго дворянства должно было ужаснуться и тѣмъ скорѣе отдаться внушеніямъ тѣхъ, которые въ новомъ переворотѣ указывали на уничтоженіе драгоцѣнной старинной свободы польскаго шляхетства и пугали поляковъ именемъ монархіи, а съ этимъ именемъ у нихъ издавна соединялся образъ ненавистнаго деспотизма. Нота, прочитанная 16-го апрѣля, была тѣмъ поразительнѣе, что сторонники конституціи успѣли уже, для привлеченія къ себѣ, распустить слухъ, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны; теперь они являлись передъ глазами всей націи обманщиками. Податель ноты Чарторыскій старался передъ сеймомъ представить и теперь дѣло въ розовомъ свѣтѣ. Какъ лично знакомый съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ и его дворомъ, Чарторыскій объяснялъ такъ: «заявленіе князя-избирателя показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы сосѣдніе дворы одобрили перемѣны, сдѣланныя поляками; это не болѣе, какъ вѣжливость въ отношеніи къ этимъ дворамъ. Онъ

требуетъ для короля абсолютнаго veto, оттого, что предвидитъ, что Польшѣ придется выдержать оборонительную войну. Все это объяснится и уладится, когда пріѣдетъ сюда уполномоченный курфирста, графъ Лобенъ. Самъ его свѣтлость мнѣ говорилъ, съ большимъ одобреніемъ о дѣйствіяхъ поляковъ и хвалилъ вообще конституцію, особенно одобрялъ умноженіе военныхъ силъ». Но это говорилось только для успокоенія умовъ. Сами виновники конституціи были тогда внѣ себя отъ неудачи и злились на князя-избирателя. Маршалъ Малаховскій изъявлялъ крайнее негодованіе, называлъ поступокъ князя-избирателя нечестнымъ. «Не нужно было, по крайней мѣрѣ, — писалъ онъ, — обольщать насъ надеждами; если бы мы предложили корону другому, тотъ бы съ благодарностію принялъ эту честь, и не сталъ бы съ нами тянуть канитель, да еще наконецъ онъ намъ предписываетъ условія, какъ будто завоеванной націи». Его смущало тогда то, что приглашая курфирста поляки сдѣлали неугодное Екатеринѣ и раздражили ее, а между тѣмъ князь-избиратель теперь оставляетъ ихъ въ угодность Екатеринѣ. Мостовскій, ѣздившій вмѣстѣ съ Чарторыскимъ въ Дрезденъ, говорилъ: «самъ князь-избиратель понуждалъ насъ къ перемѣнамъ и жаловался на медленность нашу. Но онъ тогда разсчитывалъ, что англичане пошлютъ флотъ свой въ Балтійское море, что Россія, занятая войною съ Турціею, будетъ охвачена со всѣхъ сторонъ. Но вышло не такъ; Россія заключила миръ съ Турціею, а сентъ-джемскій кабинетъ насмѣялся надъ всѣми кабинетами, надъ довѣріемъ всѣхъ государствъ». Пьятоли доказывалъ, что теперь одно средство, объявить Россіи войну и вторгнуться въ ея предѣлы. «Правда — говорилъ онъ — мы потеряемъ людей, но успѣхъ нашъ вѣренъ. Англія всему причина, она измѣнила намъ. Поляки должны жаловаться на одну Англію; князь-избиратель не отказался бы, если бы Англія не измѣнила».

Въ это же время (писалъ Малаховскій отъ 17-го апрѣля) поляки получили неотрадное извѣстіе изъ Берлина. Какъ только въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ затѣвается что-то недоброе, тотчасъ велѣно было послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князю Яблоновскому, объясниться съ союзникомъ Польши, королемъ прусскимъ. Прусскаго короля на тотъ случай не было въ столицѣ и Яблоновскій повѣрилъ свое порученіе министрамъ прусскимъ Финку и Шуленбургу, за что впослѣдствіи въ Варшавѣ имъ были не совсѣмъ довольны. «Опасенія ваши преждевременны, — отвѣчали прусскіе министры, — нѣтъ повода бояться вамъ со стороны Россіи». Яблоновскій сказалъ: «малѣйшее посягательство на нашу конституцію будетъ

для насъ оскорбительнее насиліе и мы надѣемся, что король прусскій, какъ союзникъ, обязанъ защищать ее». «Нѣтъ,—отвѣчали ему министры,—король нашъ не обязанъ защищать вашей конституціи, которую вы составили мимо его свѣдѣнія, и напротивъ скрывали отъ него». Яблоновскій превознесъ справедливость прусскаго короля, доказывая, что конституція 3-го мая написана вполнѣ согласно съ видами и намѣреніями берлинскаго кабинета, а если съ польской стороны дѣлалось что-нибудь секретно, то это нужно было для успѣха дѣла, до времени. Прусскіе министры на это замѣтили, что если Россія недовольна, то это совершенно естественно: конституція, устроенная поляками, перешла предѣлы, назначенные польскому правительству Россіею, которая гарантировала имъ правленіе. О такой бесѣдѣ съ прусскими министрами доносилъ своему правительству Яблоновскій. Изъ его донесеній можно было уже тогда усмотрѣть, что на Пруссію мало было надежды, но патріоты-оптимисты толковали, что король прусскій естественно хочетъ избѣжать войны во чтобы то ни стало, но если обстоятельства къ ней приведутъ, то онъ будетъ помогать Польшѣ. На томъ же засѣданіи, гдѣ прочитаны были непріятныя извѣстія изъ Дрездена и Берлина, внесенъ былъ и прочитанъ секретаремъ проектъ о мѣрахъ обороны государства; проектъ этотъ заранѣе былъ составленъ прогрессистами на домашнихъ засѣданіяхъ у маршала Малаховскаго. Прежде всего, въ видѣ предисловія, въ немъ ставилась оговорка, что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны, но они заботятся о цѣлости принадлежащихъ Рѣчи-Посполитой странъ, о своей свободѣ, независимости и о твердости своего правленія. Сношенія дворовъ между собою вызываютъ съ ихъ стороны потребность, въ видахъ безопасности края, народной независимости и конституціи, придать своимъ сношеніямъ вѣсъ и значеніе, они поэтому находятъ необходимымъ имѣть на случай готовую оборону, и постановляютъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно цѣли.

2) Поручается королю пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, и помѣстить ихъ въ войскѣ Рѣчи-Посполитой въ званіи высшихъ командировъ, предоставивъ, соотвѣтственно ихъ чинамъ, содержаніе, жалованье и награды; отъ выбора короля зависѣть будетъ также назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инже-

неровъ, получившихъ образованіе за границею и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ.

3) Поручается скарбовой коммиссіи, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцати милліоновъ, обезпечивъ ихъ фондомъ, который долженъ образоваться изъ остатка отъ продажи староствъ, въ силу чего настоящимъ закономъ утверждается вѣрность и безопасность этого займа.

4) Дозволяется королю въ Стражѣ: изъ суммъ, находящихся въ казнѣ Рѣчи-Посполитой и поступающихъ въ казну посредствомъ вышеозначеннаго займа, употребить часть на текущія нужды для изготовленія средствъ народной обороны, но съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ такія выдачи будутъ повѣрены, были отвѣтственны въ томъ, что эти суммы будутъ истрачены только на приготовленіе средствъ къ народной оборонѣ, а никакъ не на какой-нибудь другой предметъ. Въ случаѣ же (отъ чего Боже сохрани) если отъ кого-нибудь противъ Рѣчи-Посполитой будетъ учинено покушеніе на войну посредствомъ ли объявленія войны или какимъ-нибудь другимъ способомъ, тогда дозволяется королю въ Стражѣ употреблять на текущія потребности и остальныя суммы, полученныя посредствомъ займа, но также неиначе какъ съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ повѣрены будутъ выдачи этихъ суммъ, были отвѣтственны въ томъ, что взятыя суммы употреблены на военныя потребности, а не на что-нибудь другое.

5) По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ доносятъ на сеймѣ чинамъ Рѣчи-Посполитой, хотя бы черезъ посредство одного изъ членовъ сейма, о наступившемъ употребленіи денегъ по вышесказаннымъ предписаніямъ, а потомъ сейму будетъ представленъ отчетъ о всѣхъ истраченныхъ деньгахъ.

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ (краковскій Отвиновскій, волынскій Кршуцкій и троцкій Савицкій) потребовали, чтобы представленный проектъ по обычаю подвергнутъ былъ разсмотрѣнію (делибераціи). Казимиръ-Несторъ Сапѣга доказывалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозитъ опасность, нельзя долго разсуждать, а нужно скорѣе принимать мѣры и дѣйствовать. Король съ своей стороны уклончиво похвалилъ тѣхъ, которые требовали делибераціи, приписывалъ ихъ требованіе чистымъ намѣреніямъ, но отклонялъ его и говорилъ: «мы находимся теперь въ слишкомъ важныхъ обстоятельствахъ; опоздаемъ однимъ часомъ, и черезъ

то навлечемъ на отечество великій и непоправимый вредъ.» Къ нему присоединили голосъ оба брата Потоцкіе, Станиславъ и Игнатій, и Вейсенгофъ. Они также не раздражали противниковъ, напротивъ хвалили ихъ, не спорили, а просили оставить свое требованіе, и этимъ путемъ подѣйствовали на ихъ самолюбіе, проектъ обратился въ законъ единогласно. Впрочемъ главные врачи конституціи хорошо понимали, что эти смѣлыя распоряженія останутся безплодными.

Въ дополненіе къ этому закону, въ слѣдующее засѣданіе, 17-го апрѣля, по проекту брацлавскаго посла Северина Потоцкаго, постановлено было назначить депутацію, которая бы вмѣстѣ съ войсковою коммиссіею изложила проектъ всеобщаго вооруженія воеводствъ или милиціи, и этотъ проектъ въ свое время долженъ быть представленъ на общемъ сеймѣ.

21-го апрѣля опять было секретное засѣданіе, безъ арбитровъ. Читали депеши, полученныя вновь отъ Деболи: онъ извѣщалъ о замыслахъ Россіи. Сто тысячъ войска уже на польской границѣ; офицерамъ, находящимся въ отпуску, велѣно собраться въ свои полки къ 15-му мая; назначены командиры: Рѣпнинъ главнокомандующимъ, полякъ Коссаковскій командуетъ дивизіей. Послѣ пятичасового засѣданія, патріоты, возбужденные горячкою опасности, составили новое постановленіе, расширяющее законъ 17-го апрѣля. Положено немедленно увеличить количество войска до ста тысячъ, посредствомъ рекрутовки (кантонистовъ) со всѣхъ имѣній и вербовки и доставить новобранцевъ въ корпуса. Вмѣнялось въ обязанность гражданско-военнымъ порядковымъ коммиссіямъ, городскимъ магистратамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и мѣстнымъ начальствамъ вообще, изъ всѣхъ имѣній, какъ бывшихъ королевскихъ, экономическихъ, духовныхъ и вотчинныхъ (дѣдичныхъ), по требованію командующихъ генераловъ, при переходахъ войскъ, доставлять фуражъ и продовольствіе на подводахъ за готовую плату по цѣнѣ, установленной гражданско-военными порядковыми коммиссіями, сообразной съ получаемымъ солдатами жалованьемъ, и исполнять требованія командировъ, относящіяся къ устройству, укрѣпленію и исправленію оборонныхъ мѣстъ или лазаретовъ, складовъ, обозовъ, провіантскихъ магазиновъ, мостовъ, плотинъ, засѣкъ и водоспусковъ, съ доставкою на указанныя мѣста нужныхъ рабочихъ, подводъ и матеріаловъ. Исполненныя предписанія командировъ должны представляться въ гражданско-военныя порядковыя коммиссіи и для надлежащей уплаты того, что будетъ слѣдовать доставителямъ, будетъ учреждена особая коммиссія. Королю предоставлялось, по его усмотрѣнію, помѣстить въ войскѣ двадцать офицеровъ, при-

глашенныхъ изъ-за границы, не смѣщая никого съ занятыхъ уже мѣстъ. Поляки тогда полагали, что, принимая воинственный видъ, имъ удобнѣе будетъ переговариваться съ *дамою Сѣвера*. «Русскія войска окружаютъ насъ и угрожаютъ намъ, но это только демонстраціи—писалъ Игнатій Потоцкій своему пріятелю, бывшему шведскому министру въ Польшѣ Энгерстрому — вторженіе русскихъ въ польскія владѣнія невѣроятно, и оно будетъ окончательно невозможно, какъ только Польша покажетъ себя Европѣ націею крѣпкою и готовою къ защитѣ посредствомъ тѣхъ мудрыхъ и энергическихъ мѣръ, которыя мы приготовляемъ».

Много оставалось еще работъ сейму по внутреннему устройству. Дѣло продажи староствъ долго оставалось на бумагѣ, и только раздражало тѣхъ, которыхъ грозило лишить выгодъ. Сеймъ принялся за подробности, относящіяся къ этому предмету, и видѣлъ необходимость истолковать и уяснить являвшіяся противорѣчія и недоразумѣнія. За королемъ оставалось право раздачи двухъ староствъ по силѣ закона 1775 года, которымъ ему, послѣ отнятія у него стариннаго права раздавать королевщины, предоставлялось на волю распорядиться только четырьмя староствами; изъ нихъ два были розданы, а два еще оставались. Теперь, по проекту Игнатія Потоцкаго, король отказался отъ раздачи этихъ двухъ староствъ: они наравнѣ съ другими должны были идти въ продажу, а тѣмъ, которыхъ королю угодно будетъ наградить, постановлено дать 100,000 злотыхъ. Король выпросилъ это для своего племянника Іосифа Понятовскаго, заявивши предъ сеймомъ о его безкорыстіи, разсказавши, что этотъ патріотъ на колѣнахъ стоялъ предъ королемъ и просилъ его не упоминать его имени въ такомъ предметѣ. Но противъ этого возстала оппозиція. Солтыкъ (краковскій) припомнилъ, что въ 1777 году, вмѣстѣ съ отобраніемъ лучшихъ земель, Рѣчь-Посполитая лишилась также девяти городовъ и двухъ-сотъ девяноста двухъ деревень съ землею, пространствомъ на пятьдесятъ миль въ длину и на десять въ ширину, обращенныхъ изъ королевскихъ въ наслѣдственныя земли сторонникамъ раздѣла. «Я не хочу, — говорилъ онъ, — чтобы даръ Іосифу Понятовскому опирался на такой конституціи.» Онъ предлагалъ напротивъ, чтобы въ видахъ усиленія государственныхъ доходовъ наложено было по 50% со всѣхъ имѣній, поступившихъ тогда изъ королевщинъ въ наслѣдственныя владѣнія. Бѣлоцерковское староство (замѣчалъ онъ) оцѣнено по доходу въ 18 милліоновъ, а чрезъ продажу пошло бы въ 24 милліона; что же несправедливаго, если владѣлецъ его будетъ платить половину получаемаго дохода въ казну?

Послѣ такихъ споровъ, 23-го апрѣля, на сеймѣ состоялось законное дозволеніе королю выплачивать ежегодно изъ казны 100,000 тому изъ особъ своего рода, кому онъ пожелаетъ, а король за то отказался отъ права королевскаго патронатства надъ тѣми королевщинами, которыя должны будутъ, по продажѣ, перейти въ наслѣдственныя имѣнія; этимъ хотѣли привлекать къ покупкѣ желающихъ. 24-го апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (urządzenie wieczyste królewszczyzn), заключающій правила о порядкѣ продажи староствъ, объ уравненіи проданныхъ со всѣми прочими наслѣдственными имѣніями по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, о ихъ обязанностяхъ и правахъ. Потомъ, стали заниматься устройствомъ военнаго управленія. Въ проектѣ, поданномъ прогрессистами, верховная власть надъ войскомъ предоставлялась королю; враги конституціи 3-го мая завопили, что проектъ этотъ угрожаетъ возможностію деспотизма. Троцкій посолъ Сивицкій, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ крикуновъ противъ новаго порядка вещей, въ пространной рѣчи доказывалъ опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій, опровергая его доказывалъ, что истинная свобода неразлучна съ правильнымъ исполненіемъ закона, которое нуждается въ сосредоточенности верховной власти.

Среди этихъ воинственныхъ распоряженій поляки не забывали своихъ прадѣдовскихъ стремленій къ обращенію въ католичество православныхъ людей и къ истребленію восточнаго православія во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой; они порѣшили умножить костелы въ кіевскомъ воеводствѣ, населенномъ несунитами и назначили на каждый костелъ ежегоднаго содержанія изъ казначейства по 3,000 злотыхъ. Гнѣзненскій посолъ Брониковскій, самъ будучи протестантомъ, говорилъ горячо за это дѣло, и указывалъ, что если гдѣ, то именно въ этихъ краяхъ особенно полезно строить новые костелы, потому что тамъ народъ пребываетъ въ заблужденіи, что его слѣдуетъ просвѣщать и заохочивать къ благочестію, ибо только этимъ способомъ можно тамошнему народу внушить обязанность вѣрно служить наилучшему королю, и охранять цѣлость свободнаго отечества, обязанность, которой тамошній народъ совсѣмъ не знаетъ. Инфлянтскій посолъ Кублицкій подавалъ голосъ также и за унитскіе костелы, но проектъ его отосланъ былъ для разсмотрѣнія въ депутацію. Это стараніе о костелахъ въ землѣ, оставшейся православною, показывало, что обѣщанія равенства, даваемыя православной религіи, были слова обманчивыя: никому тогда въ

голову не приходило, что несправедливость и неуваженіе къ религіи, о которой, по ихъ взглядамъ, говорить много не стоило, была старинною язвою, разъѣвшею польскую націю. Самъ Пьятоли, казавшійся вольнодумцемъ и за то находившійся въ немилости у папскаго двора, сталъ теперь говорить, что отнюдь не слѣдуетъ давать слишкомъ широкой свободы дизунитамъ. Онъ, какъ говорятъ о немъ современники, разсчитывалъ возвыситься если не тѣмъ, то другимъ путемъ и теперь подумывалъ заслужить благоволеніе св. отца, который, хотя и благословилъ новую польскую конституцію, но былъ недоволенъ въ ней однимъ — именно предоставленіемъ правъ неунитамъ и диссидентамъ.

III.

Празднество годовщины 3-го мая. — Поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ. — Виды поляковъ. — Приготовленія къ оборонѣ [1]).

Предстоявшая годовщина 3-го мая отсрочила засѣданія сейма до 7-го мая. Къ празднику воспоминанія прошлогодней реформы въ Варшаву прибыла депутація изъ разныхъ провинцій отъ дворянъ и мѣщанъ, и стянуто было много войска. Это воспоминаніе должно было ознаменоваться заложеніемъ храма Провидѣнія, въ память возрожденія польской націи. Въ семь часовъ утра путь отъ замка къ костелу св. Креста, по Краковскому предмѣстью, былъ занятъ войскомъ, стоявшимъ по обоимъ бокамъ улицы. (Начиная отъ замка помѣстилась народовая кавалерія, далѣе слѣдовала коронная пѣшая гвардія, потомъ два батальона Дзялынскаго, а за ними три эскадрона полка королевскаго Козенецкаго и четыре эскадрона полка князя Виртембергскаго). Двери костела св. Креста были охраняемы восьмидесятью человѣками скарбоваго батальона: офицеры красовались своими парадными мундирами, шишаками и шарфами. Въ девять часовъ король двинулся изъ замка въ костелъ св. Креста, въ каретѣ, около которой ѣхали верхомъ кавалеры, а дальше слѣдовалъ полкъ конной коронной гвардіи. Сенаторы и депутаты были уже въ храмѣ. Въ дверяхъ храма епископъ познанскій и варшавскій встрѣчали короля и подавали ему для омоченія освященную воду; потомъ король вступилъ въ храмъ и сѣлъ на приготовленный для него тронъ, окруженный воспи-

---

[1]) См. Источн. № 8, 12, 18, 28, 35, 53, 55, 71, 81. Тоже подлинныя дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

танниками кадетскаго корпуса, одѣтыми въ парадные мундиры и шишаки, и приведенными туда начальникомъ корпуса, княземъ Чарторыскимъ. Вслѣдъ за нимъ сѣли на свои мѣста сенаторы, послы отъ воеводствъ, уполномоченные отъ городовъ, коммиссары правительствующихъ учрежденій, гражданско-военная коммиссія, земянскій судъ, варшавскій магистратъ. Галлерея была занята многочисленными зрителями; множество дамъ были одѣты одинаково въ бѣлыя платья съ красными лентами и шарфами, которыхъ яркому цвѣту соотвѣтствовали красныя ленты многочисленныхъ кавалеровъ св. Станислава. Церемонія началась рѣчами. Маршалы сеймовый, коронный и литовскій, одинъ за другимъ изливали свое краснорѣчіе. Король отвѣчалъ имъ съ своей стороны складною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей сенаторы, министры, послы и городскіе депутаты подходили къ рукѣ короля, а за ними маршалы представляли королю депутатовъ отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, и трое изъ нихъ, по числу трехъ провинцій, составлявшихъ Рѣчь-Посполитую, излагали предъ королемъ, отъ имени своихъ провинцій, чувства преданности королевской особѣ и новой конституціи, и увѣряли, что ихъ шляхетская братія вся готова положить за нее животъ. Затѣмъ всѣ цѣловали руку короля. Имъ отвѣчалъ, по древнему обычаю, наблюдаемому въ такихъ случаяхъ, канцлеръ. Вслѣдъ затѣмъ отправлялась литургія, съ двумя стами музыкантовъ и пѣвчихъ. Когда запѣли «Te Deum», составленный знаменитымъ въ тѣ времена Паэзіэлло, раздалось сто пушечныхъ выстрѣловъ съ другой стороны Вислы. Во время своего нахожденія въ костелѣ, король долженъ былъ подавлять въ себѣ страхъ за свою жизнь, а окружавшія его приближенныя особы тревожно слѣдили за всякимъ движеніемъ въ толпѣ. Его предупреждали шестью безъименными письмами, что тайные враги хотятъ убить его въ день торжества 3-го мая. Онъ могъ ожидать этого отъ враговъ конституціи и приверженцевъ старины, но изъ Вѣны увѣдомляли его, что опасность грозитъ ему отъ якобинцевъ. Австрійскіе шпіоны провѣдали, что въ Страбургѣ въ якобинскомъ клубѣ предложенъ былъ вопросъ: не полезно ли будетъ для французскихъ дѣлъ произвести безкоролевье въ Польшѣ, чтобы занять сосѣднія государства и отвлечь отъ Франціи? Станиславъ-Августъ передъ выѣздомъ на церемонію исповѣдался и причастился. По окончаніи богослуженія отправлялась церемонія заложенія храма Провидѣнія; при звонѣ колоколовъ слѣдовала процессія изъ костела св. Креста до Уяздовской улицы, посреди поставленныхъ по обѣ стороны войскъ: варшавскіе цехи съ своими значками, за ними монашескіе ордена, городовой магистратъ,

уполномоченные отъ другихъ городовъ, сеймовые послы и депутаты, присланные для торжества, сенатъ, министры, епископы, примасъ, наконецъ король, окруженный кадетами. Окна, балканы домовъ наполнены были ликующимъ народомъ. Мѣсто, гдѣ должно было совершиться торжество, окружено было гвардіею. Лежали приготовленные камни. Примасъ съ духовенствомъ въ облаченіяхъ подошли къ камнямъ. По правую руку примаса сталъ король. Примасъ совершилъ освященіе камней, потомъ подалъ королю золотую кирку и молотокъ. Положили подъ каменья медаль и нѣсколько монетъ, битыхъ въ королевствованіе Станислава - Августа. За королемъ поочереди епископы, министры, маршалы брали въ руки рабочія орудія и прилагали свою руку, а за ними предоставлена была честь взять въ руки орудія послу кіевскаго воеводства Хоецкому, потому что кіевское воеводство первое и единственное на сеймикахъ заявило желаніе давать пожертвованія на постройку храма въ теченіе шести лѣтъ. Въ заключеніе примасъ окропилъ святою водою все мѣсто, которое долженъ заключить закладываемый храмъ; епископъ луцкій Нарушевичъ проговорилъ проповѣдь, а потомъ запѣли торжественное «Veni Creator». Во все время церемоніи палили изъ пушекъ, а полкъ коронной пѣшей гвардіи стрѣлялъ изъ ружей. Обрядъ окончился въ половинѣ пятаго. Отсюда всѣ отправились на обѣды, устроенные въ разныхъ мѣстахъ по поводу торжества. На эти обѣды допускались по пригласительнымъ билетамъ. Самъ король уѣхалъ обѣдать въ Лазенки. Великій коронный маршалъ Мнишекъ, человѣкъ нерасположенный къ новому порядку, угощалъ министровъ, сенатъ и дипломатическій корпусъ. Земскіе коронные послы и уполномоченные отъ городовъ обѣдали у маршала Малаховскаго,—всего было тамъ 257 человѣкъ. Литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій угощалъ сенаторовъ и министровъ литовскихъ; Сапѣга, маршалъ литовской конфедераціи, взялъ на свое попеченіе земскихъ пословъ и уполномоченныхъ изъ Литвы, а президентъ города Варшавы, Закржевскій, давалъ пиръ въ Радзивилловскомъ дворцѣ для гражданъ изъ разныхъ городовъ, числомъ до двухъ сотъ человѣкъ. Вечеромъ тѣшились поляки великолѣпною иллюминаціею; домъ каштелянши каминской Коссаковской отличался предъ всѣми изысканностью потѣшныхъ огней. Въ театрѣ въ половинѣ 8-го давали тогда новую драму Нѣмцевича «Казимиръ Великій». Сюжетомъ нарочно было взято приглашеніе Лодовика Венгерскаго на престолъ. Въ одномъ мѣстѣ пьесы Казимиръ говоритъ министру: «не совѣтую тебѣ подущать чужестранныхъ государей, я старъ, но пойду на войну и со мною честные поляки». Громъ руко-

плесканій огласилъ театръ; король высунулъ голову изъ ложи: всѣ обратились на него и закричали виватъ. Въ дѣйствующихъ лицахъ драмы патріоты увидали себя: «и меня тамъ изобразили, говорилъ Малаховскій, и князя генерала (Чарторыскаго) въ особѣ высланнаго изъ Польши просить Лодовика Венгерскаго на польское наслѣдство». Цѣлую ночь затѣмъ всѣ проводили весело. Въ двухъ мѣстахъ, въ Радзивилловскомъ палацѣ и въ театрѣ былъ костюмированный балъ, на который приглашено было до нѣсколькихъ тысячъ. Очевидцы съ удивленіемъ говорятъ, что несмотря на всеобщее веселіе всего народа, въ Варшавѣ не видно было ни одного пьянаго, не сдѣлано ни одного преступленія. Это былъ приснопамятный день, послѣдній день многолѣтняго обольщенія и несбывшихся надеждъ погибавшей націи, это было истинное пиршество Валтазара.

Праздникъ 3-го мая не былъ однодневнымъ. Онъ открылъ собою цѣлый рядъ торжествъ по всей Польшѣ. Повсюду устроивали торжественныя богослуженія съ пушечною пальбою, обѣды, балы, иллюминаціи. Въ Варшавѣ, 12-го мая, городъ далъ обѣдъ въ честь короля и сейма, съ символическою обстановкою. Вся зала пиршества была уставлена миѳологическими алтарями и изображеніями; здѣсь былъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; алтарь благодарности съ изображеніемъ журавля; алтарь постоянства съ горящею рукою Муція Сцеволы; дерево бдительности — миндальное дерево, на которомъ повѣшены были шпоры и часы, а внизу изображенъ пѣтухъ ищущій зеренъ; огромная скала любви къ отчизнѣ съ рыцарскимъ вооруженіемъ; колонна вѣрности, обвитая лавромъ, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху, колонна согласія съ гранатовымъ вѣнкомъ, и, наконецъ, посрединѣ скалы большая трехгранная колонна съ вензелями короля и маршаловъ, на двухъ сторонахъ и конституціи 3-го мая на третьей. Король, сенаторы и послы присутствовали на этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Радзивилловскомъ дворцѣ. Люккезини воспользовался этимъ происшествіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе такого рода: «вотъ это совершенно по-французски; въ демократическомъ якобинскомъ духѣ; мѣщане за однимъ столомъ съ королемъ и дворянствомъ». Король, услыхавъ объ этомъ, говорилъ: «ничего не было тутъ якобинскаго; мѣщане оказывали уваженіе къ дворянамъ». Люккезини нужно было придираться мало-по-малу и замѣчать якобинскій духъ въ Польшѣ: ему, вѣроятно, было извѣстно, что его король скоро ухватится за это обстоятельство для своихъ видовъ. Въ этихъ-то видахъ онъ объявилъ, будто слыхалъ, что краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ союзъ Польши

съ Франціею. Солтыкъ написалъ къ Люккезини письмо, гдѣ изъявлялъ удивленіе, что прусскій посолъ позволяетъ себѣ утверждать объ немъ то, чего ему никогда и на умъ не приходило. «Очень радъ — сказалъ Люккезини — что такая вѣсть несправедлива!»

3-го мая, вмѣстѣ съ панами, пировали и представители иностранныхъ державъ, но не всѣ. Булгаковъ тогда нарочно уѣзжалъ изъ Варшавы въ Сѣдлецъ. У него уже была въ рукахъ декларація императрицы отъ 19-го апрѣля, долженствовавшая нанести ударъ всѣмъ блестящимъ надеждамъ поляковъ. Государыня приказывала до назначеннаго времени, когда нужно будетъ оффиціально подать ее, не сообщать объ ней никому, а при подачѣ избѣгать всевозможныхъ объясненій, исключая случая, когда будутъ предложены какія-нибудь среднія мѣры: тогда можно будетъ русскому послу подать надежду на смягченіе строгости, но съ условіемъ, если не прикажутъ польскимъ войскамъ чинить малѣйшаго сопротивленія русскимъ войскамъ. Если король задумаетъ удалить русскаго посланника изъ государства, или самъ посланникъ найдетъ умѣстнымъ уѣхать, то онъ долженъ принять мѣры къ скорому выѣзду, забравъ самонужнѣйшія бумаги съ собою, а прочее поручить датскому посланнику со всѣмъ архивомъ русскаго посольства въ Польшѣ. Если же король не станетъ его удалять—онъ долженъ оставаться въ польской столицѣ и наблюдать надъ ходомъ дѣлъ и расположеніемъ умовъ. Экземпляры печатной декларацiи, которую слѣдовало подать королю, Булгаковъ долженъ былъ сообщить всѣмъ приверженцамъ Россіи, причемъ прилагались особыя письма къ канцлеру Малаховскому, къ Рачинскому и къ примасу. «Надѣемся — писала Булгакову государыня — что вѣнскій и берлинскій дворы намъ мѣшать не станутъ, ибо мы получили отъ нихъ отвѣтъ удовлетворительный, а потому сообщите посланникамъ прусскому и австрійскому по экземпляру декларацiи».

Булгаковъ, исполняя приказаніе государыни, не открывалъ никому о томъ, что намѣренъ былъ показать всѣмъ въ свое время, но мало-по-малу подготовлялъ поляковъ къ этому удару. Такъ на одномъ обѣдѣ (по извѣстію короля въ одномъ изъ частныхъ его писемъ), въ концѣ апрѣля, Булгаковъ сказалъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ: «я жалуюсь, что у васъ на почтѣ пересматриваютъ письма». Сапѣга замѣтилъ: «сеймъ запретилъ открывать письма. Самъ король подтвердилъ тоже; притомъ это было бы напрасно; извѣстно, что дипломатическія письма пишутся шифромъ, слѣдовательно и вскрытіе писемъ было бы безполезно. А если бы въ самомъ дѣлѣ дѣлалось подобное, то это дѣлалось

бы по примѣру другихъ дворовъ, и между прочимъ петербургскаго». Булгаковъ замѣтилъ съ ироніей: «вѣдь это дѣлается въ краяхъ издавна деспотическихъ, а въ вашей сторонѣ деспотизмъ утвердился только съ 16-го апрѣля».—Большая разница, сказалъ Сапѣга, между деспотизмомъ и сеймовымъ принятіемъ мѣръ на случай обороны края. — «Этимъ поступкомъ, сказалъ Булгаковъ, поляки какъ бы объявили войну всей Европѣ, а Россіи въ особенности». — Если бы вы, сказалъ Сапѣга, не знали такъ хорошо по-французски, я бы позволилъ себѣ думать, что вы не поняли смысла нашего постановленія. Оно имѣетъ только оборонительный смыслъ. — «Но вы, господа, нарушили трактаты 1762 и 1775 годовъ». — Сапѣга сказалъ: трактатъ 1762 года ручался намъ въ цѣлости нашихъ областей, — а потомъ у насъ отняли провинціи. — «Ваши послы, сказалъ Булгаковъ, не имѣли права сдѣлать то, что сдѣлали 3-го мая». — Цѣлый народъ совершилъ это дѣло, сказалъ Сапѣга. Народъ нашъ ни на кого не хочетъ нападать, а хочетъ только охранить свои границы, свободу и независимость. Мы правы. Мы надѣемся на покровительство Божіе». — Булгаковъ разгорячившись сказалъ: «Призывайте же покровительство Божіе какъ вамъ угодно, а если тѣмъ временемъ войска наши войдутъ въ ваши владѣнія *и займутъ половину земель вашихъ?*» Слова эти произвели непріятное впечатлѣніе. Самъ Булгаковъ, говоритъ король въ своемъ письмѣ, спохватился и увидѣлъ, что зашелъ уже далеко, но на другой день одинъ изъ чужеземныхъ министровъ успокоивалъ мнительныхъ, говоря имъ: «Коли министръ такъ высокомѣрно говоритъ, значитъ только стращаетъ, а дворъ его въ самомъ дѣлѣ такъ не думаетъ». Этимъ поляки успокоились и говорили: «ну, пусть себѣ онъ болтаетъ, а мы будемъ продолжать наши приготовленія къ оборонѣ». Во дворцѣ, въ интимныхъ бесѣдахъ, разсуждали какъ вести войну, если бы до нея дошло. Пьятоли былъ тогда задорнѣе всѣхъ, совѣтовалъ немедленно собрать посполитое рушенье, съ вооруженными силами войти въ предѣлы Россіи и идти прямо на Москву. Многіе раздѣляли его храбрость, и съ презрѣніемъ отзывались о силахъ Россіи; они были увѣрены, что поляки всегда могутъ отразить и побить москалей, но боялись собственной испорченности. «Нашихъ можно легко купить; —говорили они—враговъ у конституціи много, когда они увидятъ, что Россія идетъ противъ конституціи, станутъ сейчасъ кричать: вотъ вамъ ваша конституція войну принесла». «Наша надежда — говорили ярые прогрессисты,—собрать посполитое рушенье, объявить вольность крестьянамъ, вооружить весь простой народъ. Мы возстановимъ противъ москалей русиновъ;

возмутится вся Бѣлая Русь и Украина, возстанутъ казаки». Съ этой цѣлью маршалъ Потоцкій приказалъ перевести по-русски конституцію 3-го мая, и въ Вильнѣ приготовлялись брошюры на русскомъ языкѣ, съ цѣлью поднимать русскій народъ. Но тотъ же Потоцкій въ минуты разсудительности говорилъ: «двѣсти штыковъ вынудятъ двѣ тысячи подписей, впереди которыхъ будутъ стоять имена Ржевускаго и Потоцкаго, и Россіи представится прекрасный случай поработить насъ подъ предлогомъ водворенія порядка между нами. У Щенснаго Потоцкаго тридцать тысячъ казаковъ. Религія для императрицы — отличное средство поднять украинскихъ хлоповъ и напустить на насъ. Прибавьте страхъ и подкупъ. Этимъ можно много съ нами сдѣлать». Чтобъ отклонить отъ Польши гнѣвъ Екатерины, Игнатій подумывалъ и о томъ, какъ сойтись съ нею и разсчитывалъ, что въ крайнемъ случаѣ Польшѣ можно будетъ предложить наслѣдственный польскій престолъ ея второму внуку Константину. Въ Константинополѣ между тѣмъ поляки продолжали напрасно настроивать Турцію, побуждая ее объявить войну Россіи. Но отъ горячности, они легко переходили къ обычной безпечности и соображали, что, быть можетъ, войны не будетъ, что Россія не осмѣлится напасть на Польшу, что она только пугаетъ поляковъ. Иные же, успокоиваемые приверженцами Россіи, были такъ далеки отъ всякихъ опасеній на счетъ Россіи, что всю тогдашнюю тревогу приписывали хитрости правительственной партіи, которая нарочно распускаетъ слухи, будто Россія грозитъ Польшѣ войною, для того, чтобы имѣть возможность создать вооруженную силу.

Австрійскій посолъ хранилъ двусмысленное молчаніе, или отвѣчалъ такъ, что поляки могли думать и такъ и иначе, и надѣяться и бояться. Онъ уже имѣлъ отъ своего правительства отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать оффиціально въ такомъ случаѣ, когда поляки, получивъ отъ Булгакова декларацію, обратятся къ нему, а теперь Декаше, вообще человѣкъ суровый, молчаливый, ограничивался фразами въ родѣ слѣдующей: «я увѣренъ, что мой дворъ будетъ заниматься дѣлами Польши». По отношенію боязни со стороны Россіи, онъ говорилъ: «я не вижу никакихъ явныхъ признаковъ опасности нападенія». Люккезини по прежнему то поджигалъ поляковъ на Россію, то приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Онъ извѣщалъ, что Австрія и Пруссія заключаютъ между собою союзъ, и побуждалъ поляковъ стараться какъ-нибудь ввести и Польшу въ этотъ союзъ. «Мы думаемъ, — писалъ король 2-го мая, — какъ бы сдѣлать, чтобы Вѣна и Берлинъ попросили насъ пристать къ сво-

ему союзу; надобно стараться черезъ курфирста: онъ самъ долженъ желать, чтобы народъ, который избралъ его королемъ, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ». Но 4-го мая Люккезини жестоко облилъ короля и патріотовъ холодною водою. Ему сообщили о мѣрахъ, которыя принимаетъ Польша къ защитѣ. Онъ отвѣчалъ: «его величество, король прусскій, не входитъ въ разсужденія о сеймовыхъ постановленіяхъ, которыхъ предметы до него вовсе не касаются». Когда Игнатій и Северинъ Потоцкіе хотѣли, каждый особо, вызвать его на объясненія и ссылались на союзные трактаты, то услышали отъ него еще болѣе зловѣщія рѣчи: «его величество, король прусскій, не принималъ участія въ томъ, что́ замышляли король и сеймъ, а потому онъ и не обязанъ давать помощи, такъ какъ объ этомъ не было сказано въ союзномъ трактатѣ». 8-го мая онъ говорилъ имъ же: «вы всѣмъ обязаны королю прусскому, не сомнѣвайтесь въ его честности и искренности, но помните, что вы установили наслѣдственное правленіе безъ его вѣдома. Если бы Пруссія согласилась на это, Россія ни за что не захочетъ. Самъ князь-избиратель объявлялъ уже, что не приметъ короны безъ согласія трехъ державъ. Лучше было бы, если бы поляки не затѣвали этого, а устроивали у себя то, что́ можетъ имъ принести существенную пользу, чѣмъ рисковать все потерять изъ-за своего упрямства». Потоцкіе просили его объясниться вполнѣ и сказать откровенно, что король прямо противится наслѣдственному правленію въ Польшѣ. «Я никогда этого не говорилъ,— сказалъ Люккезини,—и если бы такъ сказалъ, то черезъ двѣ недѣли меня бы отозвали отсюда». Ему представляли: «если Москва насъ до конца завоюетъ, это не можетъ быть пріятно его величеству королю прусскому; тогда и для него будетъ не безопасно отъ близости московской силы! Если даже, не завоевавши насъ, Москва опять возьметъ насъ въ прежнія путы и возстановитъ въ Польшѣ избирательное правленіе, то отъ этого польза будетъ Москвѣ, а не Пруссіи. Лѣтъ черезъ двадцать въ Польшѣ періодически будутъ возобновляться непріятныя для сосѣдей безпорядки, а изъ нихъ пользу извлекать будетъ для себя одна Москва». Люккезини отвѣчалъ: «Россія не возобновитъ своего прежняго вліянія на Польшу даже и тогда, когда бы Польша сама отдалась ей безотпорно. Пруссія и Австрія не допустятъ до этого. Иное дѣло, когда васъ хотятъ заставить отмѣнить наслѣдственное правленіе, а иное дѣло — завоевать провинціи. Помните, что король никогда не гарантировалъ вамъ наслѣдственности. Договоръ съ Пруссіею обезпечивалъ для Польши только цѣлость и независимость, а не конституцію, выдуманную

послѣ договора. Мой дворъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, а я вамъ скажу: вотъ скоро придется мнѣ начать свою настоящую роль. Россія васъ стращаетъ, будто хочетъ идти на васъ войною; Россія не пойдетъ. Это выдумка. Безъ согласія Пруссіи она не отважится на такое дѣло».

Изъ Петербурга поляки получали тайныя извѣстія, что прусскій посланникъ въ Россіи работаетъ въ русской столицѣ, чтобы императрица сама взяла энергическое рѣшеніе относительно польскихъ дѣлъ, для того, какъ объясняли поляки, чтобы сбросить на одну Россію всю черноту противодѣйствія, которое обстоятельства не позволяютъ сдѣлать прямо. Нѣкоторые въ минуты проницательности говорили: «въ случаѣ нападенія отъ Россіи, опасно намъ адресоваться оффиціальнымъ путемъ къ берлинскому двору; послѣ того, что намъ объявили, надобно ожидать, что Пруссія насъ оставитъ». Но потомъ, поляки, при малѣйшей возможности готовые все видѣть въ розовомъ свѣтѣ, приходили еще на счетъ Пруссіи къ утѣшительнымъ заключеніямъ, и многіе находили, что для нихъ въ этомъ нѣтъ еще важной и явной опасности. «Пруссія — говорили они — хочетъ насъ настращать, какъ будто бы насъ совсѣмъ оставляетъ, чтобы мы испугались и полѣзли къ Москвѣ на колѣняхъ, въ надеждѣ, что Москва заставитъ насъ отказаться отъ наслѣдственнаго правленія, а прочее все въ конституціи оставитъ. Пруссія оттого намъ не хочетъ помогать, что французы объявили уже войну венгерскому и чешскому королю, и Пруссія поневолѣ теперь должна вступить въ войну съ французами, а потому ей неудобно завязаться въ войну съ Москвою, и она хочетъ увѣрить насъ, что войны не будетъ, чтобы мы не зацѣпляли и не раздражали Москвы; но если Москва насъ начнетъ одолѣвать, прусскій король необходимо намъ поможетъ; онъ не можетъ этого не сдѣлать, пусть только Москва начнетъ непріятельскія дѣйствія, мы по всѣмъ правамъ нашимъ обратимся за помощью къ Пруссіи».

Шагъ, сдѣланный поляками къ тому, чтобъ князь-избиратель постарался ввести Польшу въ союзъ между Пруссіей и Австріей, былъ неудаченъ. Саксонскій министръ Эссенъ прямо отвѣчалъ въ началѣ мая, что полякамъ всего удобнѣе обратиться за этимъ прямо къ прусскому королю, какъ къ своему союзнику. Вслѣдствіе такого отвѣта король лично сказалъ прибывшему въ Варшаву другому министру саксонскому, Лобену: «какъ же намъ обращаться къ Пруссіи, когда Люккезини даетъ намъ понять, что его король оставляетъ насъ совершенно на зарѣзъ Москвѣ, и притомъ насъ укоряютъ за то, что мы стоимъ упорно за наслѣдственное правленіе, когда самъ князь-избиратель будто бы

рѣшительно не хочетъ короны. Все это противно тому, что было прежде; прусскій король соизволялъ не только на введеніе наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, но даже на перемѣну наслѣдника князю-избирателю, когда, вмѣсто инфанты, предполагалось дѣлать преемникомъ ему брата его. Намъ объ этомъ доносилъ князь-генералъ Чарторыскій, когда онъ еще былъ въ Дрезденѣ».

«Сомнѣваюсь, чтобы существовало подобное заявленіе», сказалъ Лобенъ къ удивленію короля. Двусмысленное и черезчуръ холодное поведеніе благоразумнаго князя-избирателя чрезвычайно раздражало поляковъ. Они хотѣли бы запутать его въ свои дѣла и сдѣлать отвѣтственнымъ за свои ошибки. «Вѣдь выборъ его — говорили они — единственная и главнѣйшая причина угрожающей намъ войны!» Они убѣждали Лобена и Эссена побудить князя-избирателя сдѣлать оффиціальное заявленіе, которое бы, какъ они выражались, могло дать противовѣсіе интригамъ и кознямъ берлинскимъ и петербургскимъ.

«Пусть — говорили они саксонскимъ министрамъ, — князь-избиратель приметъ на себя посредничество предъ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, чтобы они не допускали Россію нападать на польскую территорію. Пусть представитъ прусскому королю, что его собственные интересы требуютъ этого. Одно несогласіе Россіи на то, чтобы князь-избиратель былъ польскимъ королемъ, развѣ не есть достаточная причина соединиться съ Польшею и дѣйствовать съ нею за-едино?» Даже нерѣшимость курфирста приступить къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ пользу Польши, называли главною причиною, ободрявшею враговъ Польши. Была мысль поправить разстроенное дѣло съ Саксоніею, надѣялись войти въ новые переговоры съ Лобеномъ, сдѣлать уступки саксонскому князю-избирателю и склонить его защищать Польшу. «Ни мнѣ, ни моему товарищу — говорилъ по этому поводу Эссенъ, — нечего толковать съ поляками; если они наговорятъ ему комплиментовъ въ благодарность за тѣ, которые онъ имъ привезъ, это иное дѣло; онъ будетъ ихъ слушать».

Сеймовыя засѣданія, открытыя 7-го мая, посвящены были предметамъ, относящимся къ оборонѣ края. Рѣшено было учредить два казацкихъ, два татарскихъ полка, четыре батальона вольныхъ охотниковъ, выдать генераламъ отдѣльныхъ корпусовъ на издержки по 2000 червонцевъ; затѣмъ занимались просмотромъ проекта устройства войсковой коммиссіи. Посолъ кіевскій Хоецкій предложилъ проектъ, чтобы въ случаѣ наступательной войны всякій полякъ былъ объявленъ врагомъ отечества, если соединится съ непріятелемъ; половина его имѣнія

подвергается секвестру, другая же остается наслѣдникамъ, которые могутъ быть честными гражданами, потому не слѣдуетъ имъ терпѣть за преступныхъ родныхъ. Другіе стали оспаривать это. Радзишевскій, посолъ стародубскій, говорилъ: «я убѣжденъ, что Польша не увидитъ у себя такого гражданина, который былъ бы до того злобенъ, чтобы осмѣлиться вести непріятеля на отечество, но если бы нашлось такое чудовище, для чего щадить племя его? Напротивъ, любовь къ дѣтямъ удержитъ его скорѣе отъ измѣны, если онъ будетъ знать, что все потомство его будетъ отвѣчать за него». Онъ предлагалъ проектъ отбирать все имущество у тѣхъ, кто будетъ приводить непріятельскія войска или соединится съ непріятелемъ, предоставляя четвертую часть тому, кто такого измѣнника приведетъ живымъ или принесетъ его голову. Другіе доказывали, что невинныя дѣти, по законамъ справедливости, не могутъ отвѣчать за отцовъ. Король говорилъ также въ умѣренномъ духѣ, и наконецъ порѣшили и постановили, что имѣнія измѣнниковъ, оказавшихся виновными по сеймовому суду, имѣвшему право судить государственныя преступленія, остаются въ секвестрѣ до смерти виновнаго, а потомъ передаются наслѣдникамъ всецѣло. По проекту жмудскаго посла Олендскаго постановлено, чтобы вредъ, нанесенный въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и селъ, или посредствомъ совершеннаго разогнанія жителей, былъ вознаграждаемъ впослѣдствіи раскладкою на всю націю.

14 мая, депутація, нарочно назначенная для составленія закона о средствахъ къ оборонѣ, подала свой проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ двадцати пунктовъ:

«Всѣ надворныя команды, гдѣ бы то ни было, и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вооруженныя, должны перейти подъ начало командующихъ регулярными войсками, по предписаніямъ, даннымъ исполнительною властью. Въ случаѣ нежеланія владѣльцевъ добровольно отдать свои надворныя команды для общаго дѣла, войсковые командиры должны у такихъ командъ забрать оружіе и боевые припасы и заплатить за нихъ владѣльцу, если не произойдетъ обоюднаго согласія, по цѣнамъ, назначеннымъ порядковыми гражданско-военными коммиссіями; предоставлялось, впрочемъ, владѣльцамъ, если пожелаютъ, получить оружіе обратно, по минованіи войны, съ правомъ требовать уплаты по цѣнѣ, указанной командирами въ случаѣ пропажи взятыхъ у нихъ вещей. Такому обезоруженію нигдѣ не подвергаются, однако, граждане, имѣющіе оружіе у себя для домашняго употребленія.

Въ мѣстахъ, особенно подверженныхъ опасностямъ, командиры, однако, могутъ оставлять у владѣльцевъ не болѣе сорока человѣкъ для защиты. Если бы гдѣ-нибудь владѣльцы стали открыто противиться этому распоряженію, тогда командиры войскъ прибѣгнутъ къ силѣ; такимъ, у которыхъ подданные обязаны за поземельные участки нести военную повинность въ надворной милиціи, исполнительная власть будетъ, по обоюдному согласію съ владѣльцами, выплачивать за употребленную на государственное дѣло милицію, а въ случаѣ несогласія владѣльца, послѣдній долженъ отдать все оружіе и боевые припасы по установленной цѣнѣ, и обязаться подпискою, что никогда не употребитъ своей милиціи противъ отечества и правительства.

Исполнительная власть разошлетъ черезъ гражданско-военныя порядковыя коммиссіи зазывные универсалы, которые будутъ читаться священниками съ амвоновъ по приходамъ, приглашать охотниковъ идти на защиту отечества, а прочихъ прихожанъ возбуждать къ посильному пожертвованію. Желающіе на собственный счетъ записываться въ охотники или сами, или съ своими людьми, въ теченіи мѣсяца отъ опубликованія универсала въ порядковыхъ коммиссіяхъ своего повѣта, обязывались стать къ дѣлу черезъ двѣ недѣли по призывѣ отъ коммиссіи, ничего не требуя отъ правительства или на всю войну, или на опредѣленное время, по договору, но не иначе, какъ обязавшись служить, по крайней мѣрѣ, на одну кампанію. Одинъ классъ охотниковъ составятъ тѣ, которые обяжутся служить или доставить людей въ службу вполнѣ на своемъ иждивеніи; другіе, которые, хотя и явятся съ своими лошадьми, вооруженные, но потребуютъ казеннаго жалованья, составятъ второй классъ; тѣ же, которые доставятъ людей въ вооруженіи и съ лошадьми, но на казенномъ иждивеніи, — составятъ третій классъ. Немогущіе служить лично и доставлять людей къ службѣ, могутъ участвовать въ дѣлѣ защиты отечества посредствомъ посильныхъ пожертвованій, вносимыхъ въ какую угодно порядковую коммиссію. Всякій можетъ записать въ такой коммиссіи свое мѣсто жительства и обязаться въ теченіе двухъ недѣль доставить деньги, оружіе, порохъ, фуражъ, провіантъ или вещи, служащія въ награду отличившимся. Такіе составятъ пятый классъ. Каждый такимъ образомъ жертвующій, при неисполненіи обѣщаннаго отъ себя, можетъ подвергнуться военной экзекуціи отъ той команды, которая будетъ состоять при каждой порядковой коммиссіи. Списки жертвователей будутъ присылаться въ войсковую коммиссію, которая будетъ доставлять ихъ королю въ Стражѣ, а король и Стража будутъ по этому дѣлать свои соображенія. Всѣхъ охотниковъ порядковыя гражданско-военныя коммиссіи

должны привесть къ присягѣ по формѣ, въ которой вступающій на службу обязывается быть вѣрнымъ королю и Рѣчи-Посполитой, не покидать службы, состоять въ повиновеніи у командировъ, идти куда приказаніе послѣдуетъ, и не дѣлать насилія никому изъ соотечественниковъ. По произнесеніи присяги, порядковая гражданско-военная коммиссія передаетъ охотниковъ, равно какъ и всякія пожертвованія, офицеру, присланному отъ командира, за квитанціею. Состоя въ повиновеніи у присланнаго за ними офицера до самаго прибытія на мѣсто своего назначенія, гдѣ охотники дадутъ вторичную присягу, они по окончаніи своей службы возвращаются въ сопровожденіи офицера и отряда въ порядковыя коммиссіи своей мѣстности.

Тотчасъ послѣ этого проекта добржанскій посолъ Збонискій пожертвовалъ 40,000 злотыхъ, которыя просилъ записать на своемъ имѣніи, предоставивъ 5% съ этой суммы для наградъ отличившимся, а цѣлый капиталъ обратилъ впослѣдствіи на госпиталь. Князь Іосифъ Любомирскій пожертвовалъ 4 шести-фунтовыя пушки, а банкиръ Бланкъ изъявилъ готовность дать Рѣчи-Посполитой сто тысячъ червонныхъ злотыхъ взаймы, безъ процентовъ, на 5 мѣсяцевъ. Тогда поляки, по обычаю, восхищаясь, какъ великимъ историческимъ подвигомъ, этимъ постановленіемъ, заранѣе воспѣвали свои будущія побѣды надъ москалями: — «что полякъ, то богатырь, и съ такимъ воинствомъ, съ тобою, король, на челѣ, мы достигнемъ нашихъ цѣлей», говорили сочиненныя тогда вирши [1]).

Хотя Булгаковъ и не подавалъ еще оффиціально декларацiи, но она уже была извѣстна по тѣмъ спискамъ, которые были прежде сообщены приверженцамъ Россіи. Уже всѣ видѣли, что война виситъ надъ Польшею; уже не только дѣлались распоряженія, но и двигалось войско. 9 мая прошла черезъ Варшаву въ Литву на границу Россіи бригада народовой кавалеріи Яна Потоцкаго, авангардный полкъ князя виртембергскаго, на другой день два батальона полка Дзялынскихъ съ артиллеріей. Народъ провожалъ ихъ съ восторгомъ. Предводителемъ войскъ въ Украинѣ назначили Іосифа Понятовскаго, племянника короля, а въ Литвѣ князя виртембергскаго. Этотъ послѣдній, хотя родственникъ Чарторыскимъ, былъ въ то же время родной братъ русской великой княгини Маріи Ѳедоровны. Булгаковъ уже заранѣе доносилъ государынѣ, что виртембергскій не будетъ драться противъ Россіи и постарается уѣхать въ деревню.

---

[1]) Co polak to bohatyr, a z takim żołnierzem
Ciebie maiąc na czele doydziem gdzie zamierzem.

Въ это критическое время Изба обратилась и къ тому вопросу, о которомъ поляки старались какъ можно меньше думать — къ православной религіи. Давно уже назначена была и составилась конгрегація въ Пинскѣ. Теперь, когда Польшѣ угрожала православная держава, было кстати подумать, наконецъ, объ этомъ предметѣ. Брацлавскій посолъ Леженскій 12 мая проговорилъ рѣчь, въ которой выражался такъ: «Мы, представители украинскихъ областей, не столько боимся чужихъ враговъ, сколько желаемъ быть увѣренными въ вѣрности народонаселенія, среди котораго живемъ. Необходимо, чтобъ тѣ, которые соединены съ врагами одною вѣрою, не подвергались отъ послѣднихъ искушеніямъ. Кіевъ — столица духовнаго неунитскаго начальства, съ своими пещерами соблазняетъ ихъ. Народъ ходитъ туда на поклоненіе и тамъ напивается яда непріязни къ Польшѣ. Невинныя души совращаются духовнымъ орудіемъ. Надобно пресѣчь это зло. Надобно учредить въ нашемъ краѣ іерархію неунитскаго обряда. Неунитское духовенство уже расположено къ той конгрегаціи, которую такъ благоразумно и примѣрно устроилъ панъ сендомирскій посолъ Кохановскій. Пусть неуниты не отыскиваютъ себѣ за границею духовенства». Товарищъ его, другой брацлавскій посолъ, Ярошинскій, говорилъ: «Въ нашемъ краѣ у дизунитовъ нѣтъ иныхъ пастырей, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ имъ сосѣднее государство. Вышедшіе изъ-за границы духовные, безъ воспитанія, безъ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ званія, въ своемъ невѣжествѣ и сами думаютъ и другихъ учатъ, что всѣ, которые не одной съ ними вѣры, имъ враги. Гнѣздо мое въ Брацлавщинѣ. Я собственнымъ опытомъ и преданіемъ, перешедшимъ отъ моихъ предковъ, убѣдился, что сколько тамъ ни было безпорядковъ, междоусобій, кровопролитій — всѣ они совершались во имя этой униженной религіи. Я видалъ въ Межигорскомъ монастырѣ и въ Кіевопечерскомъ портреты Хмельницкаго, Дорошенка, Гонты, Зализняка въ рыцарскомъ видѣ, съ искусительными надписями. Это у нихъ святые воители, погибшіе отъ рукъ поляковъ. Установленіемъ отдѣльной іерархіи и расширеніемъ нравственнаго воспитанія духовенства мы сотремъ съ нашего народа это пятно. Каждый нравственный соотечественникъ пусть покажетъ на дѣлѣ то убѣжденіе, что господствующая вѣра въ государствѣ не должна имѣть цѣлію преслѣдованіе другихъ исповѣданій».

Поляки говорили, будучи на краю погибели такъ, какъ бы имъ слѣдовало говорить за сто пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но и на этотъ разъ они ограничились словами. Никакого окончательнаго рѣшенія по этому вопросу не послѣдовало въ то засѣданіе, когда говорились эти рѣчи.

III.

Объявленіе деклараціи Екатерины. — Впечатлѣніе ея на поляковъ. — Послѣднія распоряженія и закрытіе сейма. — Воззваніе къ народу. — Отвѣтъ на декларацію[1]).

Наступило 18 мая, день, памятный и печальный въ польской исторіи. Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хребтовичу декларацію императрицы Екатерины на русскомъ языкѣ, съ французскимъ переводомъ. Содержаніе ея было таково: «Польская нація во зло употребила оказанныя императрицею благодѣянія; ея благія намѣренія относительно Польши были представляемы въ ложномъ свѣтѣ, и въ особенности ея гарантія твердости законовъ и правленія республики, тогда какъ другія государства, и въ особенности германскія сами желали и просили такой гарантіи, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей. Захватившая въ свои руки въ настоящее время господство факція, вопреки принятой Россіею на себя гарантіи стариннаго устройства республики, самовольно вымыслила новое монархическое устройство, уничтожающее свободу и благосостояніе польской націи. Но мало того, что эта овладѣвшая правленіемъ партія вызывала опасности внутри государства, она хотѣла поссорить Польшу съ сосѣдними государствами, преимущественно же съ Россіею, державою издавна дружелюбною Польшѣ, и наносила ей оскорбленія, а именно: 1) во время турецко-шведской войны наглымъ образомъ требовала очистки польской территоріи отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, прямо позволяла себѣ всякія ругательства и брань на Россію, дѣлала оскорбленія и стѣсненія русскимъ подданнымъ, спокойно и мирно исполнявшимъ свои занятія въ польскихъ областяхъ, какъ-то: подвергала ихъ пыткамъ, а по вынужденнымъ пытками показаніямъ и жестокимъ казнямъ, преслѣдовала епископа переяславскаго и архимандрита слуцкаго, не оказала законнаго удовлетворенія надъ виновными солдатами, которые вторглись въ русскую посольскую церковь и извлекли оттуда духовное лицо, заключила его въ темницу, и поставила передъ судомъ, которому онъ, какъ русскій подданный, не подлежалъ; — заключила съ Турціею союзъ и возбуждала ее противъ Россіи, и наконецъ дозволяла себѣ на самомъ сеймѣ неуважительные отзывы о государынѣ. Главы пар-

[1]) См. Ист. № 18, 8, 12, 28.

тіи не только не останавливали, но еще и одобряли это. Причины менѣе важныя, чѣмъ эти, были бы достаточны для того, чтобы требовать за нихъ удовлетворенія, но императрица различаетъ факцію отъ націи. Забывая неумѣстные поступки въ отношеніи себя, императрица не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патріотическою доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества. Составляя съ этой цѣлью конфедерацію, они обратились съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ императрицѣ, и государыня обѣщала имъ помощь, а потому повелѣла части своихъ войскъ вступить въ Польшу для возстановленія древнихъ польскихъ правъ и вольностей. Ея Величество ласкаетъ себя надеждой, что всѣ добрые и истинно любящіе свое отечество поляки увидятъ, что пользѣ ихъ собственнаго дѣла будетъ способствовать то, если они отъ всего сердца и отъ всей души вмѣстѣ со всѣми истинными патріотами станутъ содѣйствовать великодушнымъ стараніямъ императрицы, возвратить Рѣчи-Посполитой ея свободу и законность, похищенныя мнимою конституціею 3-го мая 1791 года. Если есть нѣкоторые, которые стѣсняются присягою, данною ими по ошибкѣ или по принужденію, по насилію и обольщенію они должны убѣдиться, что единственная истинная и правдивая присяга для нихъ есть только та, по которой они обѣщались сохранять и защищать свое прирожденное свободное республиканское правленіе, и что воспринятіе этой прежней клятвы есть единственное средство загладить ихъ клятвопреступленіе, совершенное новою присягою. Если же найдутся люди, которые по упрямству или по неправильному настроенію мыслей, которыми они увлеклись, станутъ сопротивляться благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы и патріотическимъ желаніямъ своихъ согражданъ, то такіе пусть припишутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе, тѣмъ болѣе заслуженное, что отъ нихъ зависѣло избѣжать его скорѣйшимъ и искреннымъ отреченіемъ отъ своихъ заблужденій.» Всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь.

Булгаковъ вручилъ декларацію Хребтовичу. Послѣдній сказалъ: «я не стану читать этого, а передамъ непосредственно королю. Но я угадываю содержаніе, и было бы желательно, если бы все это окончилось дружелюбно».—«Это отъ васъ зависитъ—отвѣчалъ посолъ императрицы—вы можете поправить дѣло легко. Вступленіе войскъ ея величества не война, а дру-

жеская помощь, по сосѣдству, для возвращенія вольности и законнаго правленія. Мѣры строгости тотчасъ будутъ смягчены, если войска наши не встрѣтятъ препятствій и сопротивленія». Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ примасу и вручилъ ему высочайшее письмо. Примасъ, какъ и Хребтовичъ, сказалъ: «все это можно бы уладить и безъ мѣръ строгости; сейчасъ поѣду къ королю». И онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ изъ Варшавы въ свои имѣнія. Булгаковъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ его.

Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ Люккезини и къ Декаше и сообщилъ имъ, по приказанію императрицы, копіи съ декларацiи. «Мнѣ извѣстно—сказалъ ему Люккезини—отъ моего короля, что его величество предложилъ ея величеству, для избѣжанія строгихъ мѣръ, подать отъ трехъ дворовъ совмѣстную декларацію для достиженія цѣли». Въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ изъявлялъ полное сочувствіе дѣйствіямъ императрицы. Декаше сказалъ Булгакову уклончиво: «я не имѣю отъ своего двора еще никакихъ инструкцій по этому предмету». Но австрійскій посолъ лично раздѣлялъ взгляды русскаго посла.

Грозная декларація была прочитана па сеймѣ въ собраніи 21-го мая, главнымъ изъ виновниковъ конституціи Коллонтаемъ. Члены сейма встрѣтили этотъ ударъ молчаніемъ. Король сталъ говорить рѣчь.

«Вы видите, сказалъ онъ, какъ относится это писаніе къ нашей конституціи 3-го мая, и ко всѣмъ вашимъ поступкамъ, предшествовавшимъ этому дѣлу. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе отечества! Видите стремленіе унизить настоящій сеймъ, слышите и угрозы нашей независимости. Есть два средства защиты и спасенія отечества. Первое составляетъ все, на что можетъ рѣшаться отвага и мужество. Я заранѣе соглашаюсь на все, что вы, почтенные члены, установите, и обѣщаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другое средство—сношенія. Обратимся къ союзнику нашему королю прусскому. Вы помните, какъ почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля — освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего края русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе, и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, обѣщая намъ ходатайства и—помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Вы

слышали въ декларацiи, поданной намъ, что намъ ставятъ въ вину тѣ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единомышленiи съ прусскимъ королемъ. Обратимся также къ его величеству, венгерскому королю: онъ намъ сосѣдъ, и его собственный интересъ требуетъ, чтобы Польша не была возмущена, завоевана, и не попала въ зависимость отъ такого государства, которое нѣсколько вѣковъ отдѣлялось Польшею отъ его владѣнiй. Всего естественнѣе обратиться намъ къ саксонскому; князю-избирателю; мы ему оказали столько расположенiя, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящiя непрiятности. Если бы нашлись и другiе пути сношенiй, не слѣдуетъ пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленiями, какiя могутъ быть сдѣланы со многихъ сторонъ для отклоненiя несчастiй, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствiя, тяжелыя для человѣколюбiя, безъ сомнѣнiя, противны нѣжному сердцу этой государыни; пусть только ей будетъ объяснено, что донесенiя нашихъ собственныхъ соотечественниковъ несообразны съ истиной, что въ день 3-го мая 1791 года совсѣмъ не происходило насилiй, о которыхъ говорится въ декларацiи, и наше новое правительственное уложенiе не ниспровергаетъ ни свободы, ни республиканскаго строя. Невѣроятно, чтобы ея величество императрица, получивъ вѣрныя свѣдѣнiя обо всемъ этомъ, пожелала домогаться исполненiя выраженныхъ въ декларацiи желанiй, когда истина, справедливость и миролюбiе заговорятъ въ ней». Далѣе въ своей рѣчи король призывалъ сеймъ думать и изыскивать всѣ средства къ оборонѣ отечества, и приглашалъ поговорить объ этомъ на частномъ засѣданiи въ домѣ маршала Малаховскаго. Король не забылъ напомнить, что теперь слѣдуетъ всѣми силами охранять русскаго посла отъ всякихъ, могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ, непрiятностей.

Въ это роковое засѣданiе поляки рѣшили дѣло о дизунитахъ и утвердили всѣ постановленiя конгрегацiи, бывшей еще въ iюнѣ 1791 года въ Пинскѣ; по вопросу объ умиротворенiи восточной церкви, теперь только сеймъ, наконецъ, призналъ существованiе особой iерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи-Посполитой [1]). Чтобъ не

[1]) Сущность предполагавшагося устройства православной церкви была такова: Должна установиться правильная iерархiя изъ архiепископа и трехъ епископовъ съ національнымъ синодомъ, которые уже никакъ не станутъ обращаться къ Россiи, а будутъ зависѣть отъ государственной власти въ Польшѣ, находиться подъ благословенiемъ и посвященiемъ константинопольскаго патрiарха и относиться къ нему по

показать свѣту своего промаха и несправедливости къ православному духовенству, признали виновнымъ въ нарушеніи спокойствія страны архіерея Садковскаго и съ нимъ его секретаря Алексѣя Чернявскаго, священника Рубиновича, Си-

---

аппелляціямъ. Епархіи дѣлятся на протопопіи; въ каждой изъ послѣднихъ управляетъ протопопъ извѣстнымъ округомъ приходовъ съ двумя священниками и ассесорами изъ свѣтскихъ особъ, выбранными на четыре года. Черезъ каждые четыре года пятаго числа мая въ протопопіи собирается конгрегація изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ и депутатовъ свѣтскаго званія, повѣрять управленіе протопопіи, выбирать ассесоровъ и дѣлать постановленія на будущіе четыре года. Съ такой конгрегаціей протопопъ и старшій братъ изъ братства свѣтскаго званія по выбору ѣдутъ къ 15-му мая на епархіальную конгрегацію, куда и монастыри присылаютъ своихъ настоятелей или выборныхъ, для повѣрки управленія епархіею, для разныхъ соображеній и постановленій на будущее время, выбора ассессора въ епархіальную консисторію и восьми депутатовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ на половину въ генеральную конгрегацію, которая собирается въ тотъ же годъ 15 іюня подъ предсѣдательствомъ архіепископа и состоитъ изъ епископовъ, архимандритовъ, ассессоровъ генеральной консисторіи и депутатовъ, присланныхъ отъ епархіальныхъ конгрегацій. Генеральная конгрегація будетъ избирать владыкъ и архимандритовъ, повѣрять управленіе церковью и рѣшать разныя дѣла: тѣ, которые относятся къ догматамъ и обрядамъ подлежатъ обсужденію однихъ членовъ духовнаго званія, а въ дѣлахъ административныхъ и экономическихъ принимаютъ участіе и члены свѣтскаго званія. Главное мѣсто церковнаго управленія есть генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа или его намѣстника, состоящая изъ шести ассессоровъ духовнаго и шести свѣтскаго званія, выбранныхъ на генеральной конгрегаціи срокомъ на четыре года. Кромѣ ассессоровъ къ ея составу принадлежали, безъ права рѣшающаго голоса, писарь и инстигаторъ. Слѣдовало быть, кромѣ архіепископа, тремъ епископамъ по числу провинцій Рѣчи-Посполитой, но это отлагалось до дальнѣйшаго усмотрѣнія, а на первый разъ имѣли въ виду установленіе одной епархіи и одной епархіальной консисторіи, въ Богуславѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа, которому предполагали дать титулъ житомирскаго и брацлавскаго. Составъ епархіальной консисторіи былъ такой же, какъ и генеральной. При консисторіи долженъ быть судъ — при генеральной изъ пяти, а при епархіальной изъ трехъ особъ. Церковное имущество находится въ распоряженіи приходскихъ священниковъ, при участіи старшихъ братьевъ братства въ городѣ, мѣстечкѣ или селѣ. При каждой церкви должна быть школа, гдѣ, подъ надзоромъ священника и старшихъ братьевъ свѣтскаго званія, могутъ учить порусски и попольски дьяки или особые учители. При каждой церкви долженъ быть госпиталь для калѣкъ и убогихъ. Имѣнія монастырскія находятся въ распоряженіи генеральной консисторіи, такъ что она можетъ по своему усмотрѣнію, отдѣливъ необходимое на монастыри, прочее обратить на фондъ для содержанія церквей, школъ и госпиталей. Эти правила составлены были 15-го іюня 1791 г. въ пинской церкви Богоявленія, при коммисарѣ Рѣчи-Посполитой сендомирскомъ послѣ Кохановскомъ съ тремя послами (Чарторыскимъ, Зеленскимъ и Бутримовичемъ), собраніемъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ въ числѣ 92 подъ предсѣдательствомъ архимандрита Троицкаго и игумена Матронинскаго монастыря Иринарха Балановскаго, а 29-го іюня того же года составилась первая генеральная конгрегація и ея директоромъ избранъ тотъ же Балановскій. Но сеймъ цѣлый годъ затѣмъ не утверждалъ этихъ постановленій въ пользу православія и утвердилъ ихъ только тогда, когда грозная православная держава шла на Польшу.

моновича и Андрея Бондаря. Ихъ отправили подъ стражею въ Ченстоховъ на строгое заключеніе; медвѣдовскаго игумена выслали въ Россію, другихъ рѣшили препроводить въ неунитскую консисторію въ качествѣ состоящихъ въ подозрѣніи, а трехъ освободили и оправдали. При окончаніи этого памятнаго засѣданія была прочитана нота французскаго посла Декорша, извѣщающая отъ имени короля и Франціи, что королю венгерскому и чешскому объявлена война за посягательства на свободу, миръ и самостоятельность французскаго народа. Посланникъ изъяснялъ, что ему особенно пріятно выразить чувства Франціи такому народу, у котораго любовь къ отечеству уваженіе къ человѣчеству и привязанность къ законности каждый день проявляются способомъ, достохвальнымъ и утѣшительнымъ для тѣхъ, которые показали собою первый примѣръ такихъ дѣйствій.

На другой день, 22-го мая, послѣ вечерняго частнаго засѣданія въ домѣ сеймоваго маршала, было постановлено отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ полнымъ и неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи, размѣнъ плѣнныхъ и всякіе договоры, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, предоставленнаго исключительно сейму. Ясно было, что прогрессисты, руководившіе до сихъ поръ дѣлами, взваливали на слабаго короля всю отвѣтственность, слагая ее съ самихъ себя. 24-го мая утвержденъ былъ и генеральный поборъ: кромѣ установленнаго прежде пожертвованія десятаго гроша на земскія и двадцатаго па духовныя имѣнія, наложено еще 10%, а города и тѣ земскія имѣнія, которыя не платили пожертвованія, ограничиваясь взносомъ подымнаго, должны были заплатить двойное подымное, евреи же—двойное поголовное.

По установленіи этого закона жмудскій посолъ Олендскій домогался, чтобы были открыты имена тѣхъ поляковъ, которые, по извѣстіямъ Деболи, находились въ Петербургѣ. Король изложилъ самое содержаніе депешъ посланника Рѣчи-Посполитой въ Петербургѣ, Деболи; изъ нихъ было видно, что Деболи зналъ дѣло только въ общихъ чертахъ и извѣщалъ о томъ, что пріѣхавшіе въ Петербургъ поляки составляли что-то опасное, и выѣхали изъ Петербурга распустивши слухъ, что ѣдутъ въ Бѣлоруссію. Король объявилъ: «въ донесеніяхъ Деболи сказано, что есть среди насъ, въ Варшавѣ, особы, носящія званіе сенаторовъ, министровъ и пословъ, которыя находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ.» Если—сказалъ подольскій посолъ Ржевускій—есть такіе выродки между сенаторами, министрами и

послами, что покушаются терзать внутренности своего отечества, то пусть его величество потрудится намъ назвать ихъ, или потребовать отъ Деболи, чтобы онъ провѣдалъ, кто они такіе.» «Просимъ этого, просимъ!» закричали голоса. Тогда король прочиталъ рапортъ генералъ-маіора Орловскаго отъ 19-го мая, о томъ, какъ Злотницкій, подольскій посолъ, подговаривалъ товарища народовой кавалеріи Милинскаго, чтобы онъ склонялъ товарищество на русскую сторону, далъ ему на то 30 червонцевъ, обѣщалъ еще штабъ-офицерство и 500 червонцевъ награды. «Что же касается до тѣхъ сенаторовъ, министровъ и пословъ, о которыхъ говорилось въ депешахъ Деболи, сказалъ король, я долженъ оговориться, что тамъ дѣло шло не о тѣхъ, которые находятся здѣсь, а о тѣхъ, которые были впослѣдствіи въ Петербургѣ, а прежде того сносились тайно съ петербургскимъ дворомъ.» Такимъ образомъ король увильнулся отъ щекотливаго предмета, хотя дѣйствительно около него были люди, тайно благопріятствовавшіе Россіи.

Сеймовый маршалъ сказалъ: «мнѣ кажется, не слѣдуетъ вступать въ формальныя подробности и именовать особъ, бывшихъ въ Петербургѣ и составлявшихъ конфедерацію, а постановить вообще: если онѣ въ опредѣленное время не явятся и не отрекутся отъ конфедераціи, то будутъ признаны врагами отечества и позваны къ суду, и по осужденію подвергнуты казни.....»

Тогда стародубскій посолъ Ельскій сказалъ: «по крайней мѣрѣ слѣдуетъ поименовать Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Мощенскаго, Сухоржевскаго, Четвертинскаго и Загорскаго, и назначить имъ пятимѣсячный срокъ явки къ сеймовому суду, а Злотницкаго, уже уличеннаго показаніемъ Милинскаго, отдать подъ судъ немедленно.» На это не послѣдовало согласія. Король говорилъ, что онъ вѣритъ донесенію Милинскаго, но остерегается, чтобы сеймъ не обвинили въ торопливости сужденій; могутъ быть случаи, когда подобные доносы дѣлаются для личныхъ цѣлей, въ надеждѣ повышенія. Король совѣтовалъ не произносить пока рѣшенія, не именовать лицъ, а ограничиться общею угрозою призыва къ суду тѣхъ, которые ѣздятъ за границу и подговариваютъ непріятеля на отечество. Это мнѣніе было принято и постановленъ законъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ: то было вѣжливое приглашеніе всѣхъ поляковъ, находящихся въ непріятельской службѣ, воротиться въ отечество въ назначенный девяти-недѣльный срокъ, подъ страхомъ казни, постигающей по закону измѣнниковъ, для тѣхъ, которые не возвратятся и будутъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; тѣмъ

же, которые только участвовали въ конфедераціи, давалось шесть недѣль срока на отреченіе лично передъ гражданско-военными порядковыми коммиссіями или прямо письмами, адресованными къ королю или къ сеймовымъ маршаламъ; неисполнившимъ этого грозили казнію. Тѣмъ, которые бы оказались главными виновниками конфедераціи и осмѣливались идти съ войскомъ россійскимъ на отечество или подговаривать войско Рѣчи-Посполитой къ измѣнѣ, не давалось сроку. Они уже признавались непріятелями отечества и осуждались на смертную казнь. Установлялся сеймовый судъ для этой цѣли. Велѣно было всѣмъ судамъ Рѣчи-Посполитой и первой и второй инстанцій быть въ дѣйствіи, не прекращая, какъ бывало прежде въ обычаѣ, своей дѣятельности по окончаніи каденцій.

Милинскому объявлена награда и повышеніе за вѣрность. 25-го мая учрежденъ былъ фондъ въ 1,500,000 для награжденія отличнымъ воинамъ и для пособій семействамъ убитыхъ въ бою, съ оговоркою, что если войны не будетъ, то сумма эта останется въ казнѣ.

29-го мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма. Тогда постановили дать королю право, въ случаѣ надобности, призвать къ вооруженію обывателей тѣхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, которые подвержены будутъ опасностямъ войны, и выбрать по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ региментарей или полковниковъ надъ ополченіемъ шляхты. Постановлено, что король поѣдетъ самъ лично въ обозъ, и на предметъ королевскаго подъема ассигновано два милліона злотыхъ. Составили отвѣтъ русскому послу и воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи толковался смыслъ декларацiи. «Нашъ сеймъ,— говорилось въ воззваніи — которому подобнаго не было, по согласію и уваженію къ закону, названъ оскорбительно и несправедливо факціей и объявленъ не дѣйствительнымъ; чудовищной и беззаконной шайкѣ подается военная помощь; разсѣяваютъ по провинціямъ писанія, и побуждаютъ гражданъ вооружаться противъ властей, возбуждаютъ огонь междоусобной войны, выдумываютъ ложныя событія и расточаютъ суровыя угрозы тѣмъ, которые не захотятъ пристать къ русскимъ. Исторія не представляетъ примѣра такого оскорбительнаго обращенія одного правительства съ другимъ. Съ поляками не говорятъ какъ съ народомъ самостоятельнымъ, а какъ съ покореннымъ. Нѣтъ ни одного польскаго гражданина, который не раздѣлялъ бы чувствъ возбужденныхъ въ королѣ и въ собранныхъ чинахъ этою декларацiею.»

Главную вину всей предстоявшей суматохи сеймъ приписывалъ петербургскимъ эмигрантамъ. «Они,—говорилось въ воззва-

ніи,—недовольны сеймомъ за то, что его дѣйствія не соглашаются съ ихъ корыстными видами, и напротивъ, ихъ беззаконныя намѣренія согласуются съ намѣреніями Россіи. Эта держава досадутъ на Польшу за то, что она, сознавъ свои пороки, которые ввергли ее въ презрѣніе у всѣхъ народовъ и ведутъ къ неизбѣжной гибели, создала у себя превосходный образъ правленія, усилила свое войско, заслужила всеобщее уваженіе сосѣдей.» Призывая націю защищать отечество, универсалъ утѣшительно повѣствуетъ о возрожденіи и могуществѣ Польши. «У насъ есть хорошо снаряженное войско, одушевленное тѣмъ героизмомъ и мужествомъ, которыми во всѣ времена отличались поляки. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы свѣдѣнія, что граждане всѣхъ сословій приходятъ вписываться въ ряды защитниковъ свободы; любовь къ отечеству отворяетъ крѣпкіе сундуки для общественныхъ нуждъ; нѣтъ ни одного сословія, которое бы, въ своемъ достохвальномъ соревнованіи въ дѣлѣ спасенія Рѣчи-Посполитой, не дѣлало патріотическихъ жертвъ. У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ, и что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая страшная, если только всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!» Но въ этомъ же универсалѣ, при такихъ блестящихъ надеждахъ, замѣчалось: «никто не можетъ насъ обезпечить противъ послѣдствій внутреннихъ раздоровъ и несогласій.» Поляки предостерегались не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ разсѣяваемыхъ повсюду писаній, гдѣ стараются очернить настоящее правительство, отвлечь отъ конституціи и склонить на сторону Россіи. — «Вы знаете по опыту — говорилось далѣе — что значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное передъ глазами короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненія городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете ли вы надѣяться, что это государство будетъ съ вами лучше обращаться, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи-Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которыхъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастіе всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ скотъ изъ плодоносныхъ полей своихъ въ безплодныя пустыни, наконецъ, окончательный раздѣлъ польской тер-

риторіи и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ.»

Послѣ обѣда въ тотъ же день, въ 5-ть часовъ, собрались снова, уже въ послѣдній разъ, и постановили учредить по городамъ и селамъ кружки для вкладовъ на оборону отечества; завѣдываніе этими кружками предоставлено скарбовой коммиссіи, и наконецъ постановлено, по поводу вторженія непріятельскихъ войскъ въ предѣлы государства, закрыть сеймъ до освобожденія отечества; всѣ сеймики, которые должны были собраться къ 18-му сентября, отлагались до возстановленія спокойствія. Постановлено, чтобы всѣ суды отправляли свои обязанности непрерывно; но въ тѣхъ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ, куда войдетъ непріятельское войско, они должны были прекращать свои дѣйствія, и если бы по принужденію они продолжали работать, то всѣ ихъ приговоры на будущее время объявлялись недѣйствительными.

Отвѣтъ на декларацію поданъ былъ Хребтовичемъ Булгакову 22-го мая (1-го іюня н. ст.) и, по замѣчанію русскаго посла, составленъ былъ напыщенно и софистично. Поляки отзывались о личности Екатерины не только уважительно, но даже подобострастно. Въ началѣ излагалась мысль, что поводъ къ поданной декларацiи, несообразной съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы, есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внушеній ловкаго и корыстолюбиваго обмана, умѣвшаго надѣть на себя маску гражданской доблести и пріобрѣсть довѣріе монархини, съ разсчетомъ на ея душу, чувствительную къ голосу патріотизма. Затѣмъ предъявляются доказательства, что изложенныя въ декларацiи обвиненія представляютъ дѣло не въ настоящемъ видѣ. Слѣдуетъ широкій панегирикъ единомыслію, здравомыслію, братскому духу, господствовавшему на сеймѣ, въ особенности послѣ удвоенія числа пословъ. Конституція 3-го мая въ общихъ чертахъ изображается дѣломъ единомышленія. Поздравленія, присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись доказательствами, что нація приняла вполнѣ и одобрила дѣло 3-го мая. Относительно гарантіи, поляки объясняли, что цѣлый польскій народъ понимаетъ гарантію сообразно началамъ общественнаго права, обычнаго во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, то-есть, что гарантія дѣйствительна только между двумя сторонами противъ третьей стороны, которая бы хотѣла посягнуть въ извѣстномъ государствѣ на то, что̀ послѣднему гарантировало другое дружественное государство. «Если бы актъ гарантіи, касающейся Рѣчи-Посполитой, — говорится въ отвѣтѣ, — могъ быть обращенъ противъ самого этого же государства, то онъ представлялъ бы въ своемъ зна-

ченіи и слѣдствіяхъ очевидное противорѣчіе; гарантирующее государство могло оказывать дѣятельность только по приглашенію легальной власти Рѣчи-Посполитой, иначе, если часть обывателей, недовольныхъ правительствомъ въ своей странѣ, можетъ свое возмущеніе противъ правительства опирать на вмѣшательствѣ посторонняго государства, если недовольный голосъ нѣсколькихъ личностей можетъ себѣ присвоивать характеръ народнаго призыва, — такое употребленіе гарантіи будетъ орудіемъ, разрушающимъ всякій порядокъ и ниспровергающимъ народное спокойствіе.» Относительно посольства въ Турцію объясняли, что посланникъ въ Турцію посланъ заурядъ съ посланниками къ другимъ европейскимъ дворамъ извѣстить о поводахъ и мирныхъ видахъ внутреннихъ преобразованій, предпринятыхъ сеймомъ. Турція, ведя войну съ Россіей, дѣйствительно искала союза съ Польшею и дѣлала Польшѣ самыя лестныя предложенія. Чины Рѣчи-Посполитой хотѣли только воспользоваться обстоятельствами, чтобы вытребовать отъ Порты торговыя льготы, полезныя для Польши. Инструкція, посланная польскому послу въ Константинополь, заключала условія къ заключенію договора, выгоднаго для Польши, безъ вреда интересамъ сосѣдей. Такимъ образомъ выходило, что Рѣчь-Посполитая заслуживала еще благодарность Россіи. Булгаковъ здѣсь видѣлъ ложь, потому что хорошо зналъ, что въ статьяхъ договора было взаимное содѣйствіе противъ Россіи. Точно тоже знала и Екатерина. Требованіе очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ и магазиновъ объяснялось, какъ и прежде, тѣмъ, что россійскіе подданные, особенно фанатическіе монахи неунитскаго обряда и извощики возбуждали къ бунту всегда готовое къ возстанію хлопство греческаго вѣроисповѣданія, а частые переходы русскихъ войскъ подавали хлопамъ обольстительныя надежды; тѣ же мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ были причиною слѣдствій, суда и казней нѣкоторыхъ, оказавшихся по суду виновными; увѣряли, что не было предписанія употреблять пытки, что это противно издавна обычному ходу судопроизводства въ Польшѣ, отличавшагося всегда человѣколюбіемъ. Учрежденіе индагаціонной (слѣдственной) депутаціи было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить и истребить въ народѣ заговоръ и тѣмъ самымъ предотвратить необходимость суровыхъ мѣръ. Точно та же необходимость принудила приступить къ арестованію слуцкаго архимандрита; нападеніе же на «неунитскую каплицу» было дѣломъ ошибки подхорунжаго и нѣсколькихъ солдатъ, полагавшихъ, что идутъ въ частный домъ, за что они и были наказаны. Въ заключеніе заявлялась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго на-

рода найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, какая признана за ними всею Европею. «Но если бы, — такъ кончался отвѣтъ, — наши намѣренія, дышущія любовью, миромъ и справедливостію, не имѣющія другой цѣли кромѣ безопасности и счастія польской страны, могли еще быть перетолкованы въ дурную сторону; если бы отзывы нѣсколькихъ недовольныхъ особъ нашли у императрицы болѣе вѣса, чѣмъ очевидное свидѣтельство народной воли; если бы Рѣчь-Посполитая увидала посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то польскій народъ, заботясь о добромъ мнѣніи о себѣ цѣлой Европы и самой государыни, умѣющей цѣнить благородныя чувствованія, не поколеблется въ выборѣ между спокойствіемъ подлой покорности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Хребтовичъ, вручивши этотъ отвѣтъ русскому послу, вошелъ съ нимъ въ дружескій разговоръ и сказалъ: «мы видимъ, что Пруссія насъ обманула, она насъ натравила на все и теперь видимо измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись лучше съ Россіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили войти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами. Я старался, сколько могъ. По моимъ внушеніямъ король и теперь хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію россійской государыни, и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россіею; и теперь велѣно Іосифу Понятовскому избѣгать сраженія. Можно ли надѣяться, что вы войдете съ нами въ переговоры?» Булгаковъ отвѣчалъ ему: «я не могу иначе входить съ вами въ переговоры, какъ на основаніи поданной декларацiи. Приму всякое ваше разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ.»

Послѣ интимнаго разговора съ Хребтовичемъ, Булгаковъ доносилъ своему правительству: «они будутъ избѣгать дракъ; чѣмъ глубже наши войдутъ въ ихъ земли, тѣмъ труднѣе у нихъ будетъ сборъ податей, остановится наборъ людей, и новая конфедерація возьметъ верхъ».

IV.

Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ.—Посольство Потоцкаго.—Собственныя средства обороны у поляковъ [1]).

Булгаковъ, со дня подачи объявленія, поступалъ искренно и прямо говорилъ полякамъ, что они не должны надѣяться на

---

[1]) См. Ист. №№ 13, 8, 35, 37, 38, 12, 14, 23, 28, 52, 25, 53, 47. Дѣла сейма и Стражи, хранящ. въ Литов. Метрикѣ.

Пруссію, что прусскій король за одно съ Россіею, что помощи имъ нѣтъ ни откуда, и что ихъ упрямство можетъ надѣлать имъ бѣдъ; онъ дѣлалъ намеки, изъ которыхъ поляки могли понять, что, въ случаѣ сопротивленія, ихъ ожидаетъ новый раздѣлъ. Поляки не хотѣли ему довѣриться; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ нимъ отъ саксонскаго министра Гудшмита, они ласкали себя надеждою, что трактатъ между Австріей и Пруссіей, гдѣ гарантирована цѣлость польскаго государства, достаточно силенъ, чтобы избавить отъ растерзанія ихъ отечество. Они все еще воображали, что прусскій король только стращаетъ ихъ, что онъ поневолѣ долженъ будетъ помочь Польшѣ въ ея бѣдѣ.

Послѣ подачи Булгаковымъ декларацiи, Хребтовичъ обращался къ Люккезини. Прусскій дипломатъ продолжалъ свою непонятную для простоты поляковъ двусмысленность. Сначала онъ показалъ удивленіе, прикинулся, будто декларація со стороны Россіи для него предметъ не только незнакомый, но никакъ и неожиданный. Когда ему было изъявлено объ этомъ сомнѣніе, онъ сказалъ: «вы знаете нашего государя? Можно ли сомнѣваться въ его искренности? Разумѣется, онъ ничего этого не зналъ и не знаетъ». Но потомъ онъ по прежнему доказывалъ, что Пруссія никакъ не обязана въ настоящемъ дѣлѣ помогать Польшѣ противъ Россіи. Обратился къ нему Игнатій Потоцкій. «Вы не въ состояніи совладать съ Россіею—сказалъ ему Люккезини—которая уже выставила противъ васъ восемьдесятъ тысячъ войска; мнѣ кажется, лучше избрать путь переговоровъ».—«Мы далеко зашли—сказалъ Потоцкій—отступать поздно. Если наши войска разобьютъ, мы объявимъ свободу хлопамъ нашимъ и изъ нихъ составимъ другое войско. Если это войско разобьютъ—шляхта поставитъ третье. Если Россія завоюетъ Польшу, то развѣ въ видѣ пустыни. У насъ есть въ резервѣ средства: мы съумѣемъ произвести пожаръ.»—«Есть пожарныя трубы для погашенія пожаровъ», сказалъ на это Люккезини. Но, посвидѣтельству англійскаго посла (Herrm., Erg. B. 273), Люккезини не прямо, а намеками и черезъ посредство другихъ лицъ, возбуждалъ противъ Россіи поляковъ, такъ, что недосказанное имъ они дополняли собственною изобрѣтательностію и не покидали надежды на Пруссію. Это было въ разсчетѣ у Люккезини. Онъ не былъ еще увѣренъ въ крѣпкой сердечной связи между Пруссіею и Россіей относительно польскихъ дѣлъ; онъ имѣлъ въ виду опасеніе, что, лишивъ поляковъ всѣхъ надеждъ, можно побудить ихъ черезчуръ смириться передъ Россіею, и Россія можетъ стать въ Польшѣ до того твердою ногою, что не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи, а это для Пруссіи представляло невыгоды. Благоразумно было подстрекать по-

ляковъ на сопротивленіе Россіи. Если Россія сойдется съ Пруссіею, послѣдняя въ такомъ случаѣ заодно съ Россіею за нихъ примется; а еслибы случилось наоборотъ, тогда Пруссія, не раздраживъ противъ себя до конца поляковъ, можетъ явиться опять ихъ союзницею и спасительницею: и такъ и иначе, Пруссія все-таки останется въ выигрышѣ на счетъ Польши. Россія и для себя и для Пруссіи будетъ доводить Польшу до крайности, а Пруссія только воспользуется этимъ.

Близко знакомый съ ходомъ тогдашнихъ дѣлъ и участникъ въ нихъ, Гэльсъ замѣчаетъ, что если бы поляки въ то время не получали отъ прусскаго двора нѣкоторыхъ обѣщаній помощи (some promise of assistance), то польскій король, по окончаніи сейма, тотчасъ обратился бы къ петербургскому двору и въ угоду императрицѣ отказался бы отъ конституціи 3 мая. Прежде поляки ни зачто не хотѣли уступать даже одного Гданска; теперь готовы были отдать часть Польши, если бы прусскій король, по выраженію Булгакова, хотя видъ показалъ, что хочетъ дать имъ помощь. Надежда на Пруссію для поляковъ была въ то время все еще соломенкою, за которую, какъ говорятъ, хватается утопающій.

Съ этою-то надеждою отправленъ былъ маршалъ Игнатій Потоцкій въ Берлинъ. Самъ Станиславъ-Августъ написалъ къ прусскому королю письмо такого содержанія: «Письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, я пишу въ такое время, когда обстоятельства налагаютъ на меня обязанность защищать независимость польской Рѣчи-Посполитой; ей угрожаютъ притязанія ея императорскаго величества императрицы россійской, изложенныя въ декларацiи 18 мая, и послѣдовавшее за тѣмъ вторженіе ея войскъ въ наши предѣлы. Если договоръ, существующій между вашимъ королевскимъ величествомъ и Польшею, даетъ право просить помощи, то мнѣ необходимо знать, какимъ способомъ можетъ быть исполненъ этотъ договоръ. Мнѣ необходимо знать чувствованія вашего королевскаго величества, дабы я могъ, сообразно имъ, соразмѣрять мои поступки. Несомнѣнно, край Рѣчи-Посполитой, гарантированный вашимъ величествомъ, терпитъ нападеніе, нарушается ея независимость, и притомъ такимъ страннымъ способомъ, что даже прибѣгая къ тончайшимъ толкованіямъ невозможно отыскать повода къ этому иначе, какъ только въ одной новой конституціи. Въ такихъ обстоятельствахъ уваженіе къ вашему величеству, до сихъ поръ союзнику Рѣчи-Посполитой, такъ тѣсно связанное съ независимостью и честію польскаго народа, побуждаетъ меня надѣяться, что ваше величество поже-

лаете сообщить мнѣ ваши чувствованія. Моя увѣренность относительно вашего величества будетъ имѣть только тѣ предѣлы, какіе вашему величеству угодно будетъ назначить, и чѣмъ точнѣе и скорѣе укажется вспоможеніе, какое вашему величеству угодно будетъ подать Польшѣ, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и драгоцѣннѣе. Въ моемъ безпокойствѣ и затрудненіяхъ меня утѣшаетъ то, что, въ глазахъ современниковъ и потомковъ, не было правѣе дѣла, которому мы просимъ помощи отъ уважаемаго союзника. Все, что вашему величеству угодно будетъ передать маршалу Потоцкому, подателю настоящаго письма, можете повѣрить безопасно и удобно, ибо и я и весь народъ со мною довѣряемъ ему вполнѣ».

Булгаковъ имѣлъ свѣдѣніе, что Потоцкій ѣздилъ въ Берлинъ съ деньгами, въ надеждѣ подкупить нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей. Это очень возможно: дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ наполненъ лицами, спорившими между собою за вліяніе надъ слабохарактернымъ королемъ, который проводилъ жизнь среди любовницъ и любимцевъ и всегда поддавался окружавшей его средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ письмахъ маршала Малаховскаго свѣдѣнія, что было намѣреніе задобрить Бишофсвердера, имѣвшаго на короля издавна сильное вліяніе, и съ этою цѣлью составляли планъ выдать его дочерей за богатыхъ пановъ и въ добавокъ снабдить ихъ приданымъ въ 400,000 злотыхъ. При этомъ Игн. Потоцкій долженъ былъ попытаться выпросить у добрѣйшаго союзника и покровителя Польши 20,000 ружей, опытныхъ генераловъ и офицеровъ. Это была уже вторичная попытка въ своемъ родѣ. Еще 8-го мая войсковая коммиссія доносила Стражѣ, что ея старанія получить оружіе изъ прусскаго завода Шпильбергера остались тщетными, потому что прусскій король не дозволяетъ этого по какимъ-то политическимъ причинамъ, и тогда сдѣлано распоряженіе отправить директора оружейнаго завода Ковнацкаго пріобрѣсть оружіе въ другихъ странахъ Европы.

Въ то же время Польша дѣлала попытку склонить на свою сторону Австрію. Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Вѣну Чарторыскій. Петръ Потоцкій въ Константинополѣ долженъ былъ еще разъ попытаться вооружить противъ Россіи Турцію.

Что касается до князя-избирателя, то какъ ни безсиленъ онъ былъ въ ряду государей, заинтересованныхъ судьбами Польши, но поляки все еще не покидали на него надежды, и считали его обязаннымъ заступиться за Польшу, хотя бы пришлось отважиться на войну за нее; выбравши его въ короли безъ его вѣдома и желанія, поляки полагали, что, въ благодарность за эту честь, онъ долженъ поставить на карту и самого себя, и свой

домъ и свое наслѣдственное владѣніе. Князь-избиратель, когда ему доложили о россійской декларацiи, изъявилъ скорбь и сожалѣніе о судьбѣ Польши и поляки приняли такія изъявленія чувствъ (какъ показываютъ письма Малаховскаго въ концѣ мая) за формальное увѣреніе въ намѣреніи оказывать помощь Польшѣ (les assurances formelles qu'il avait donné de venir au secours de la Pologne); но князь-избиратель вслѣдъ затѣмъ показалъ, какъ онъ самъ относится къ тѣмъ видамъ, которые за нимъ признавали его непрошенные подданные; онъ даже запретилъ своимъ офицерамъ вступать въ службу Рѣчи-Посполитой. Напрасно маршалъ Малаховскій старался подвести его хоть бы на какое-нибудь маленькое плутовство въ пользу Польши. «Электоръ — писалъ маршалъ своему племяннику, находившемуся въ Саксоніи—можетъ помочь намъ, не компрометируя себя передъ союзниками; онъ можетъ дать отставку своимъ офицерамъ и инженерамъ, и они, уже не связанные съ Саксоніей обязанностями службы, пріѣдутъ къ намъ на службу какъ люди вольные. Онъ можетъ также дозволить продавать намъ ружья, не участвуя въ покупкѣ самъ; наконецъ, онъ можетъ за умѣренные проценты занять намъ денегъ; обѣщаемъ соблюдать глубочайшій секретъ. Электоръ можетъ, сверхъ того, заступиться за насъ своимъ кредитомъ у императорскихъ дворовъ, снабдить насъ своими добрыми совѣтами и дать нашему правительству крѣпость и почву». Все это было напрасно. Князь-избиратель былъ слишкомъ уменъ, чтобы ввязываться въ дѣло, которое онъ считалъ потеряннымъ. Онъ понималъ, что если сильные сосѣди уже выбрали Польшу цѣлью своихъ видовъ, то слабый въ сравненіи съ ними сосѣдъ своимъ вмѣшательствомъ, въ какомъ бы видѣ оно ни выказалось, не сдѣлавши Польшѣ ни малѣйшей пользы, навлечетъ только вредъ на самого себя.

Полякамъ приходилось раздѣлываться собственными силами. Начали собираться пожертвованія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ — изъ мазовецкаго княжества, брестъ-литовскаго воеводства, отъ гражданско-военныхъ коммиссій присылались въ Варшаву для всеобщаго свѣдѣнія, черезъ газеты, утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ вѣрные дѣти отечества не жалѣютъ своего достоянія: кто даетъ для спасенія Рѣчи-Посполитой сто злотыхъ, кто двѣ серебряныя ложечки, кто гонитъ двѣ или три скотины, кто кладетъ пару пистолетовъ; которые побогаче и познатнѣе, давали и по дюжинѣ карабиновъ. Князь Матѳей Радзивиллъ, опекунъ малолѣтняго Доминика, представилъ (хотя не имѣлъ на то права, какъ на чужую собственность, но во вниманіе къ тому, что Радзивиллы всегда отличались любовью къ

отечеству) въ распоряженіе Рѣчи-Посполитой орудія и аммуницію въ замкахъ, принадлежащихъ Радзивилламъ, и самые замки; панъ Хоецкій (въ Украинѣ), заохочивая къ военной службѣ, объявилъ, что своихъ подданныхъ крестьянъ и живущую на земляхъ его шляхту освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ платежей и повинностей и обязывается платить за нихъ то, что слѣдовало казнѣ; льготы удвоялись въ такомъ случаѣ, если изъ одного дыма пойдетъ двое, вмѣсто одного, а если бы и того болѣе, тотъ домъ, съ принадлежащимъ ему грунтомъ, получалъ вѣчную свободу отъ пана. Въ Сохачевской землѣ панъ Казимиръ Валицкій въ волости своей, называемой Лазы, и во всѣхъ деревняхъ ея, уволилъ отъ подданства потомственно, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пойдутъ въ военную службу, съ платою имъ ста злотыхъ во время службы, и съ предоставленіемъ пожизненно полволоки земли, безъ всякихъ повинностей, если захотятъ, послѣ войны, поселиться въ его имѣніяхъ, что распространялось и на шляхту — чиншовниковъ, жившихъ на его земляхъ. Панъ маршалъ сейма, Малаховскій, пожертвовалъ на спасеніе отечества на нѣсколько тысячъ червонныхъ хлѣбнаго зерна, которое на судахъ пришло въ Варшаву, слѣдуя въ Данцигъ. Въ Плоцкѣ профессора школъ предложили свое жалованье въ пользу отечества, а антрепренеръ варшавскаго театра жертвовалъ сборъ одного представленія въ мѣсяцъ на спасеніе погибающей Рѣчи-Посполитой. Наиболѣе яркаго патріотизма проявлялось въ Варшавѣ. Бранили москалей на чемъ свѣтъ стоитъ, и выдумывали разныя небылицы и пр., распускали слухъ, что москали хотятъ подкупить злодѣевъ на убійство короля. Къ этому подалъ поводъ какой-то Забѣлло, который доносилъ, что его дядя, полковникъ россійской службы, Шульцъ, давалъ ему четыре тысячи червонныхъ за то, чтобъ совершить убійство Станислава-Августа. Въ саксонскомъ саду чуть-было не растерзали познанскаго посла Мелжинскаго, за то, что онъ дозволилъ себѣ сказать, что русскіе побьютъ поляковъ. Въ городѣ прибивали къ стѣнамъ и распускали объявленія какого-то неназваннаго общества (что давало думать, что мимо оффиціальной, явной власти, образовалась еще тайная) о томъ, что можно и должно убивать всякаго, не признающаго конституціи 3-го мая, и за убійство враговъ отечества совершившій его получаетъ благодарность и вознагражденіе, а простолюдинъ шляхетское званіе. Полиція велѣла, однако, сорвать эти объявленія.

Все это были безплодныя искры. Попытки возрожденія были важны только по наружности. Какъ мало принимались въ Польшѣ сѣмена новой жизни, достаточно показывала несостоятельность мѣщанскаго дѣла. Несмотря на то, что всѣ города объявлены

свободными, паны, владѣвшіе ими то въ качествѣ старостъ, то въ качествѣ дѣдичныхъ владѣтелей или ихъ поссессоровъ, не хотѣли знать этой свободы, не довольствовались вознагражденіемъ, какое имъ слѣдовало по люстраціи, принуждали мѣщанъ къ работамъ, а въ случаѣ сопротивленія усмиряли войсками; при этомъ происходили побои, насилія, истязанія. Само правительство подавало поводъ къ такимъ явленіямъ своей двуличностью. Сперва города объявлены свободными, а потомъ, до дальнѣйшихъ распоряженій, временно оставлены въ условной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ. Но паны-владѣльцы и поссессоры, издавна непривыкшіе ни къ какимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, не хотѣли связывать себя условіями, а мѣщане, опираясь на то, что имъ провозгласили свободу, находили требуемые съ нихъ поборы и повинности неправильными и не слушали приказаній. Гражданско-военныя коммиссіи, состоявшія изъ лицъ шляхетскаго званія, всегда почти принимали сторону пановъ и при этомъ указывали правительству на опасность возстанія простого народа, могущую произойти отъ поблажки подданнымъ въ ущербъ панамъ. Такъ по дѣлу, возникшему между мѣстечкомъ Пильвишками и старостою, владѣвшимъ этимъ мѣстечкомъ, пренская гражданско-военная коммиссія доносила правительству, что мѣщане не хотятъ ходить на панскія работы, платить положенныхъ поборовъ и съ безчестіемъ прогоняютъ отъ себя довѣренныхъ отъ пана лицъ, ссылаясь на то, что они получили городское право; къ мѣщанамъ пристаютъ уже и старостинскіе крестьяне, а это, по замѣчанію коммиссіи, грозило распространеніемъ наклонности къ бунту между сельскимъ населеніемъ вообще. Къ городамъ принадлежали населенныя земли въ городскомъ округѣ, такъ-называемыя городскія юрисдикціи; на этихъ земляхъ жили шляхтичи и крестьяне: послѣдніе стали домогаться свободы отъ пановъ и принадлежности къ городу по сословнымъ правамъ. Непокорные города смирялись поневолѣ, когда къ нимъ вводили войска на экзекуцію, но тогда паны налегали на нихъ, какъ хотѣли и, вдобавокъ, предавали ихъ своевольству жолнѣровъ. Военные всегда были помощниками пановъ, а гражданско-военныя коммиссіи болѣе или менѣе держали сторону военныхъ, когда у послѣднихъ происходила ссора съ мѣщанами. Вообще вездѣ люди шляхетскаго происхожденія съ трудомъ привыкали къ тому, чтобы признавать за мѣщаниномъ право «neminem captivabimus», недозволявшее произвольно задерживать мѣщанина, а тѣмъ менѣе наносить ему побои. Люблинскій магистратъ извѣщалъ Стражу о поступкѣ, показывавшемъ, какъ свято соблюдали данныя мѣщанамъ права дворяне и военные. Въ Люблинѣ, во время засѣданій трибу-

нала, нѣкто панъ Домановскій, разсердившись на виноторговца Новаковскаго, сговорился съ офицерами расположеннаго въ городѣ отряда, съ вѣдома самого командира, черезъ посредство одного еврея, зазвалъ хитрымъ образомъ Новаковскаго въ домъ, принадлежавшій госпиталю св. Духа, и тамъ собственноручно избилъ ему кулаками лицо, а потомъ приказалъ жолнѣрамъ разложить его, всыпать нѣсколько сотъ нагаекъ и въ заключеніе, полуживого, выбросить вонъ изъ дому. Онъ не только не скрывалъ своего поступка, но еще хвастался имъ и говорилъ: «Я ничего не боюсь; эка важность; ну, придется посидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ!» Когда мѣщане пожаловались на него въ гражданско-военную коммиссію, онъ расхохотался, зная, что она всегда признаетъ его правымъ. Магистратъ послалъ къ командиру депутатовъ, нарочно возложивши это порученіе на шляхтичей, записавшихся въ мѣщанское званіе, чтобъ оградить ихъ отъ оскорбленій. Они замѣтили ему противозаконность поступка Домановскаго и жаловались на военныхъ, бывшихъ съ нимъ въ соумышленіи. «Панъ Домановскій прекрасно сдѣлалъ, что проучилъ этого шельму мѣщанинишку», сказалъ командиръ, по фамиліи Левицкій. Депутаты отъ мѣщанъ сказали: «Военные расположены въ нашемъ городѣ для того, чтобы охранять безопасность жителей, а не помогать насилію». Левицкій разсердился и грозилъ ихъ посадить до кошу (т. е. подъ арестъ, собственно *до кошу* значитъ упрятать въ коробокъ), и вѣрно исполнилъ бы угрозу, если бы депутаты не были шляхтичи; онъ все-таки выгналъ ихъ съ безчестіемъ. Въ городѣ Гомбинѣ случилось такое характерное событіе: военные, разставленные тамъ ради приведенія жителей къ послушанію, прибили жидовку. Мѣщане заступились за нее. Какой-то отважный мѣщанинъ Плуцинскій, уже прежде отличавшійся тѣмъ, что поджигалъ мѣщанъ стоять за себя, былъ и на этотъ разъ ихъ коноводомъ. Къ мѣщанамъ пристало нѣсколько бывшихъ въ городѣ крестьянъ, подъ руководствомъ нѣкоего Кострецкаго. Схватили жолнѣровъ и отколотили ихъ, а самого капрала высѣкли на рынкѣ. Гражданско-военная коммиссія присвоила себѣ право суда по этому дѣлу, военнымъ назначила легкій арестъ, которому они на дѣлѣ не подверглись, а на мѣщанъ наложила большую пеню, крестьянъ же приговорила къ тѣлесному наказанію. Кострецкаго она присудила сѣчь батогами каждую пятницу по сту ударовъ, въ теченіи четырехъ недѣль. Плуцинскій заступился за крестьянъ и подалъ жалобу въ коммиссію полиціи, а эта послѣдняя приказала выпустить арестованныхъ и запрещала гражданско-военной коммиссіи брать на себя право суда надъ городами, которые,

по закону, въ судныхъ дѣлахъ подчинялись ассессорскому суду. Но гражданско-военная коммиссія не хотѣла повиноваться коммиссіи полиціи и представляла, что она, состоя изъ шляхетства, выбраннаго въ своемъ краѣ, имѣетъ равное значеніе съ коммиссіею полиціи. Это было прямо противъ устава, по которому гражданско-военныя коммиссіи зависѣли отъ правительственныхъ коммиссій въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ. Выходилъ такимъ образомъ двоякій административный безпорядокъ. Второстепенныя инстанціи вмѣшивались въ неподлежащія ихъ вѣдомству дѣла и въ тоже время не хотѣли подчиняться высшимъ властямъ. Городъ Сѣрадзь жаловался на велюнскаго старосту Мэнцинскаго, который, расположась съ отрядомъ войска въ городѣ, допускалъ своихъ жолнѣровъ до всякаго рода своевольствъ. «Жолнѣры — писали мѣщане — насильно распоряжаются въ нашихъ домахъ, берутъ насъ и сажаютъ подъ нары (pod prycę pakują), даютъ пощечины, выбиваютъ зубы, бьютъ тростью (trciną). Одну женщину-торговку, напримѣръ, избили и засадили подъ нары за то, что не хотѣла продать жолнѣру табаку на прусскія деньги. Могутъ ли при такомъ состояніи подняться города и люди, приходящіе изъ-за границы для поселенія въ польскихъ городахъ, могутъ ли сносить такое обращеніе и нарушеніе законовъ?» Желаніе правительства, какъ можно болѣе привлечь новыхъ поселенцевъ изъ-за границы, осуществлялось, но дурно. Въ Польшу приходили изъ сосѣднихъ странъ разные бродяги, люди дурного поведенія и дезертиры. Отсюда происходили недоразумѣнія. Люккезини нѣсколько разъ жаловался, что въ Польшу убѣгаютъ прусскіе военные дезертиры и преступники и требовалъ ихъ выдачи. Такія же заявленія поступали со стороны Австріи и Россіи. Польское правительство должно было исполнять эти требованія, но въ тоже время невольно подрывало довѣріе къ своимъ уставамъ, обезпечивавшимъ свободу пришельцамъ вообще. Впрочемъ, эти пришельцы, приходя въ города, приносили имъ вредъ, а не пользу. Правительство, думая поощрить приходъ иноземцевъ, назначило ежегодный фондъ для пособія вновь поселявшимся: пришельцы брали деньги, проматывали ихъ, а потомъ оставались безъ средствъ. Правительство принуждено было давать предписанія принимать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой желающихъ поселиться не иначе, какъ съ большою осторожностью. Не такъ скоро, по этому поводу, могъ разсѣяться фанатизмъ католиковъ и предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ. Это показалось особенно по отношенію къ іудеямъ. Коллонтай сильно старался уравнять іудеевъ въ мѣщанскихъ правахъ съ христіанами, тѣмъ болѣе, что іудеи предлагали за то пожертвованія въ пользу отечества. Самъ король былъ

съ нимъ согласенъ. Но мѣщане въ городахъ боялись расширенія правъ іудеевъ. Изъ города Хенцинъ прислана была въ Стражу замѣчательная просьба, какъ видно, писанная какимъ-то ксендзомъ. Мѣщане умоляли не допускать до равенства правъ съ ними этотъ неопрятный, мошенническій, неимѣющій никакихъ добрыхъ качествъ народъ («tego żydowskiego niechlujnego szacherskiego bez najmniejszej cnoty będącego narodu»). «У нихъ напитки скверные, вѣсы невѣрные, товары негодные, залежалые, съ христіанами они не сходятся, въ браки съ ними не вступаютъ; деньги, которыя они получаютъ, расходятся только между ними; они много пріобрѣтаютъ и мало потребляютъ; ничего у католиковъ не покупаютъ; не заботятся объ украшеніи домовъ; въ приданое за дочерьми даютъ только деньги, а не вещи; они привели города въ упадокъ, споили съ кругу и развратили христіанъ, принимаютъ краденыя вещи, возятъ контрабанду, дѣлаютъ фальшивую монету. Пусть прежде попробуетъ сеймъ перемѣнить ихъ дурные нравы, а потомъ уже старается уравнять ихъ въ правахъ съ христіанами. Трудъ будетъ напрасенъ, если Спаситель не могъ ихъ исправить и внѣдрилъ во всѣхъ народахъ непримиримую вражду къ нимъ, то сеймовые чины, съ меньшею силою, чѣмъ Богъ, ничего съ ними не сдѣлаютъ». Эта записка доказывала, что если евреямъ даровать права, то это отвратитъ населеніе отъ конституціи 3 мая, вмѣсто того, чтобъ привязать къ ней. Убогая шляхта могла бы селиться въ городахъ и заниматься промыслами, но это будетъ невозможно: какъ только жиды получатъ права, они всѣхъ подорвутъ; изъ городовъ будутъ бѣгать жители; торговля не поднимется, а упадетъ; городское населеніе не обогатится, а обнищаетъ.

Въ 1792 году поступило въ ассессорскій судъ отъ городовъ пятьсотъ четыре жалобы по поводу утѣсненій и своеволія владѣльцевъ и поссессоровъ, о чемъ Коллонтай уже въ началѣ іюня представилъ въ Стражу записку. Наиболѣе дѣлъ этого рода происходило въ южно-русскихъ земляхъ, въ воеводствахъ: брацлавскомъ, волынскомъ, кіевскомъ и подольскомъ. Къ обычному своевольству тамъ присоединялась ненависть къ православію и къ русскому народу. Жители города Кальниболота жаловались, что проходившій черезъ ихъ городъ намѣстникъ полка польной булавы послалъ четырехъ жолнѣровъ за членами магистрата, но члены, увидѣвши войско, разбѣжались; остался только одинъ, по имени Малиновскій. Намѣстникъ полка приказалъ отлупить его нагайками, приговаривая: «вы бунтовщики, рѣзуны, вотъ мы будемъ васъ бить и вѣшать». Городъ Смотричъ жаловался на старосту Потоцкаго, что онъ, въ противность закону, требуетъ отъ нихъ

поборовъ, посылаетъ казаковъ ихъ тиранить и бить; въ особенности жаловались на его эконома Вилинскаго, который привелъ къ нимъ на экзекуцію казаковъ и сверхъ того набралъ шляхту изъ имѣній Потоцкаго; эта шляхта безчинствовала въ городѣ, кричала, гонялась за мѣщанами, а самъ Вилинскій, стоя на рынкѣ съ обнаженною саблею, заохочивалъ шляхту къ безчинству и неистово ругался. Рѣшенія ассессорскаго суда не исполнялись. На представленія объ этомъ Коллонтая послѣдовало рѣшеніе Стражи, чтобъ владѣльцы и поссессоры никакъ не смѣли требовать отъ мѣщанъ болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ по люстраціи. Въ этихъ видахъ положили, чтобъ ассессорскій судъ продолжалъ свою дѣятельность и на то время, когда ему по закону давалась вакація. Но такія мѣры только усилили число враговъ конституціи: тѣ владѣльцы и поссессоры, которымъ угрожало наказаніями правительство новаго порядка, увидали прекрасное средство избавиться отъ такихъ угрозъ, приставъ къ той силѣ, которая заступилась за старое.

Смотрѣвшіе со стороны безпристрастно на поляковъ не признавали никакого ручательства не только на выдержку, но даже и на долговременность борьбы съ Россіею. Заемъ, предполагавшійся въ Голландіи, не удавался; голландцы, предостереженные Пруссіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ видѣли, что дѣло свое она проиграетъ. Вмѣсто желаемыхъ 30.000,000 злотыхъ, кредитъ Рѣчи-Посполитой могъ дойти до 797,000 злотыхъ, изъ которыхъ 500,000 обѣщалъ доставить, черезъ голландскаго банкира Гана, Протъ Потоцкій.

Польское войско доходило всего-на-все до 37,394 въ королевствѣ и до 16,245 въ Литвѣ, съ оставленіемъ гарнизоновъ въ городахъ (Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познани и пр.), 15,000 оставлено было королю [1]).

---

[1]) По комплекту 22 мая 1792 г., всего войска слѣдовало быть 98,551, а въ наличности 67,868, кавалеріи 21,304 и пѣхоты 46,523. Устройство его было такое: кавалеріи 16 полковъ народовой кавалеріи, каждый полкъ изъ 2 хоругвей въ 83 ч. каждая, получающія плату, кромѣ ротмистровъ, служащихъ безплатно и кантонистовъ, *сыновъ господарскихъ*, находившихся въ десятилѣтнемъ отпуску, 20 человѣкъ, всего въ хоругви 103, а въ полку 849; всего народ. кавалеріи 13,584. Одинъ полкъ коронной гвардіи изъ 8 хоругвей въ 65 ч., получающихъ плату и 20 отпускныхъ, всего въ хоругви 85, а въ полку 706; одинъ полкъ литовской гвардіи изъ 8 хоругв. въ 85, всего въ полку 705; девять полковъ легкой конницы изъ 8 хоругвей полкъ, въ каждой хоругви 82, получающихъ плату, и отпускныхъ 20, всего 102, а въ полку 841; всего легкой конницы 7,569; два татарскихъ конныхъ полка въ 4 хоругви, каждая въ 122 ч., въ полку всего 500 ч.; два казацкихъ изъ 8 сотенъ, въ 123 ч. каждая, въ полку 1,000 ч. Въ пѣхотѣ три полка артиллеріи въ 212 ч., роты въ 105 ч., на службѣ и въ отпуску 34, всего въ ротѣ 139; корпусъ инженеровъ изъ 6 бригадъ, всѣхъ 308; три

Коронное войско сосредоточивалось въ Украинѣ, подъ главнымъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго, племянника королевскаго. Числомъ войска у него были до 22,000. Другой корпусъ, подъ начальствомъ князя Любомирскаго, имѣлъ до 10,000. Кромѣ регулярнаго войска, въ украинскомъ обозѣ были два полка казацкіе, составленные изъ тамошнихъ русиновъ; это было красивое войско, одѣтое въ кармазиновые жупаны, въ черныя шаровары и въ черные кунтуши, всѣ отличались природною красотою, статностію и чрезвычайно скорою понятливостью. Поляки, побаиваясь украинцевъ и казацкаго духа, старались задобривать ихъ и манили возстановленіемъ казачества. Кромѣ казаковъ, опредѣлено было составить два полка изъ татаръ и два батальона охочихъ. Понятовскій приказалъ сдѣлать наѣздъ на волости Браницкаго и другихъ пановъ, признавшихъ конфедерацію, и забрать въ нихъ пушки, оружіе и привести въ армію ихъ надворныя команды насильно.

Начальство надъ литовскимъ войскомъ было поручено князю Александру Виртембергскому.

По замѣчанію иноземныхъ министровъ, наблюдавшихъ въ Польшѣ за ходомъ дѣлъ, войско польское было плохо обучено; полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два батальона, было по одному, въ кавалеріи были у многихъ плохія лошади, такъ, напр., по извѣстію генерала Сульковскаго, лично находившагося въ Литвѣ, изъ 6,400 лошадей 1,500 были негодны. Былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Въ литовскомъ войскѣ было всего у каждаго солдата по 60 патроновъ, и тѣмъ ограничивались боевые запасы; въ украинскомъ войскѣ было въ этомъ отношеніи также до того плохо, что впослѣдствіи, отступая передъ русскими, польскіе генералы должны были посылать въ Варшаву просить присылки снарядовъ по почтѣ. Въ литовскомъ войскѣ, которое при своей малочисленности должно было охранять длинную границу, было

роты понтоньеровъ въ 66, а съ отпускными 96; два полка пѣшей гвардіи изъ 4 ротъ, каждый первый баталіонъ гренадерскій, восемь ротъ фузильерскихъ, составляющихъ второй и третій батальоны, въ каждой ротѣ 122 состоящихъ на службѣ и 56 отпускныхъ, всего 178, а въ полку 2,169. Двадцать пять пѣшихъ полевыхъ полковъ, каждый въ три батальона, въ 12 ротъ каждый, рота въ 122 ч., а съ отпускными 178, въ полку 2,169 ч.; три батальона стрѣлковъ изъ 4 ротъ, каждая рота въ 131 ч. и десять батальоновъ легкой пѣхоты, которая должна будетъ формироваться во время войны. На содержаніе этаго войска разсчитано 46.638,127. Доведеніе войска до такого числа должно было совершиться рекрутовкою и вербовкою. Каждый наборъ, по разсчисленію, долженъ былъ дать 17,308 ч. (Изъ Малой Польши 9,036, изъ Великой 2,524, изъ Литовскаго в. кн. 5,860, изъ мазовецкаго 888).

мало пушекъ, — всего было десять полевыхъ, съ тремя стами зарядовъ для каждой. Вообще артиллерія была въ дурномъ состояніи. 14-го мая, когда уже надобно было дѣйствовать противъ русскихъ, генералъ артиллеріи Казимиръ-Несторъ Сапѣга доносилъ правительству, что виленскій арсеналъ совсѣмъ развалился; нѣтъ мѣста для ученія и самое ученіе не производится; нѣтъ также мѣста для склада пороха и дровъ. Онъ просилъ обратить на это вниманіе. Уже по объявленіи Булгаковымъ декларацiи сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литейнаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англіи. Это оправдывало какъ нельзя болѣе пословицу: когда на охоту ѣхать, тогда и собакъ кормить. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были магазины, построенные на скорую руку, но далеко другъ отъ друга. Для продовольствія войска изъ каждой гражданско-военной коммиссіи взяты были два коммисара, какъ люди спеціально знакомые съ дѣломъ и мѣстными условіями, но оказывалось, что они ничего не знали и не могли быть полезными. Не было ни подробныхъ картъ, ни описей народонаселенія, ни статистическихъ свѣдѣній; не назначено было тарифа по справочнымъ цѣнамъ. Управляющіе панскихъ имѣній, обыватели и поссесоры не слишкомъ поддавались увѣщаніямъ правительства изъ любви къ отчизнѣ доставлять въ польское войско запасы и все необходимое по установленнымъ сходнымъ цѣнамъ, притомъ безъ денегъ, по квитанціямъ въ счетъ будущей уплаты, тогда какъ они могли продавать тоже самое евреямъ дороже и за чистыя деньги. Въ то время поднялась чрезмѣрно цѣна на лошадей къ ущербу для польской кавалеріи, отъ того, что евреи скупали ихъ и продавали за границу — т. е. русскимъ. Обыватели говорили, что они охотнѣе принесутъ за отечество жизнь, чѣмъ достояніе (życie wszystkich jest gotowe, a majątek nie). Такъ прямо отвѣчала одна гражданско-военная коммисія Понятовскому словами обывателей своего вѣдомства. Впрочемъ, Понятовскій давалъ необдуманныя, а потому неудобоисполнимыя требованія. Такъ, напримѣръ, въ концѣ мая онъ потребовалъ съ кременецкаго и надслуцкаго повѣтовъ для отправки въ Полонное, гдѣ закладывалъ главный магазинъ, такое огромное количество мяса, хлѣба, крупъ, сѣна, соломы, дровъ, что кременецкая гражданско-военная коммиссія поставила ему на видъ то обстоятельство, что для отправки всего этого нужно было 158,738 подводъ, а въ двухъ повѣтахъ всѣхъ дымовъ, съ которыхъ только можно было взять подводы, считалось 42,855, не говоря уже о томъ, что самый сборъ запасовъ требо-

валъ времени. Другая коммиссія, сендомирская, на требованія военныхъ начальствъ о доставкѣ провіанта и фуража для войска отвѣчала, что обыватели не слушаются ея предписанія и не хотятъ давать войску ничего даже за чистыя деньги. У гражданско-военныхъ коммиссій не было средствъ принудить къ послушанію владѣльцевъ, и поэтому ихъ предписанія исполнялъ только тотъ, кто хотѣлъ. При этой безалаберщинѣ, однако, обозъ Понятовскаго вначалѣ не терпѣлъ недостатка, край, гдѣ онъ стоялъ, былъ изобиленъ, но ничего не было прочнаго, сегодня могло быть черезчуръ много, такъ что дѣвать некуда, завтра — недостатокъ.

Войско пополнялось охотниками, которые кичились своимъ патріотизмомъ, но къ дѣлу эти охотники не годились; иные изъ нихъ вовсе не умѣли взяться за оружіе и большая часть приходила въ такомъ видѣ, что имъ надо было давать не только оружіе, но даже обувь. Притомъ, они только назывались охотниками, а многіе изъ нихъ забраны были насильно. При неустройствѣ полиціи, рекрутовка подавала поводъ къ безпорядкамъ и своевольствамъ. Лица, занимавшіяся вербункою, нагло вламывались въ домы обывателей, и вербовали даже прислугу; по замѣчанію англійскаго посланника, даже помѣщенія иностранныхъ пословъ не были отъ этого обезпечены.

Народъ совсѣмъ не стремился въ ряды защитниковъ отечества, какъ писали патріотическіе риторы, а напротивъ разбѣгался и прятался, какъ только заслышалъ зловѣщій бубенъ вербовщиковъ. За то, для поощренія храбрости, выдумали особый орденъ:—на голубой эмали въ срединѣ вѣнца изображеніе золотого креста съ бѣлымъ орломъ посрединѣ и съ надписью: virtuti militari; его слѣдовало носить на голубой лентѣ съ чернымъ краемъ. Четыреста такихъ крестовъ прислано было въ украинскій обозъ съ самаго начала. Офицеры и генералы, какъ по замѣчанію иноземцевъ, такъ и по сознанію самыхъ участниковъ, были мало способны и неопытны, кромѣ одного Костюшки, пріобрѣвшаго опытность и искусство въ американской войнѣ.

Но всего болѣе лишала Польшу надеждъ деморализація ея передовыхъ людей, начиная съ короля и кончая патріотически увлекавшеюся шляхтою. Король прежде всего думалъ о себѣ. Изнѣженный, женолюбивый и ослабѣвшій отъ лѣтъ, онъ подчинялся кружку патріотовъ только до тѣхъ поръ, пока они дѣйствовали на него: онъ держался конституціи болѣе по узкимъ эгоистичнымъ цѣлямъ, надѣясь, что нація заплатитъ его долги, обезпечитъ старость, дастъ средства устроить родныхъ и близкихъ. Если онъ съ перваго раза не измѣнилъ конституціи, то потому, что, не-

смотря на жесткое обращеніе Пруссіи, онъ воображалъ и надѣялся, что, быть можетъ, все-таки Пруссія, увидя перевѣсъ Россіи въ Польшѣ, заступится за послѣднюю ради собственной безопасности, но уже при самомъ началѣ войны, восхищая патріотовъ своею готовностью воевать противъ москалей, Станиславъ-Августъ подумывалъ, какъ бы открыть себѣ дорогу къ примиренію съ Екатериной, въ случаѣ неудачи, которая была очевидна для всякаго, кто взвѣшивалъ обстоятельства холоднымъ разсудкомъ. Въ Стражѣ были благопріятели Россіи и заискивали у Булгакова расположенія. Въ войсковой коммиссіи были также тайные доброжелатели Россіи.

Около короля составился военный совѣтъ, завѣдывавшій дѣлами войны и снаряженіемъ арміи. Главою въ немъ былъ Станиславъ Потоцкій, получившій, послѣ осужденія Щенснаго Потоцкаго, чинъ генерала артиллеріи. Кромѣ его, туда входили четыре маршала: два сеймовыхъ, два маршала конфедераціи и нѣсколько извѣстныхъ военныхъ особъ; но засѣданія этого военнаго совѣта дозволялось посѣщать всѣмъ членамъ бывшаго сейма. Отъ этого все, что тамъ дѣлалось, не могло сохраниться въ тайнѣ, и все, что задумывало польское правительство въ ходѣ военнаго дѣла, дѣлалось извѣстно русскимъ. Въ государствѣ тайныхъ недоброжелателей конституціи и приверженцевъ стараго анархическаго порядка было черезчуръ много; всѣ, пока, принуждены были молчать, когда ихъ за противодѣйствіе могли усмирять польскимъ войскомъ, но они готовы были тотчасъ поднять высоко головы и заговорить, увидя, что за нихъ явилась вооруженная сила. Они не воображали, что конецъ шляхетскаго государства приближается; они думали, напротивъ, что оно зацвѣтетъ и разцвѣтетъ съ возвращеніемъ того, къ чему уже, въ продолженіи многихъ поколѣній, оно привыкло. Наконецъ, какъ всегда и вездѣ бываетъ, здѣсь много было такихъ, которые мало интересовались судьбою государства: будетъ ли въ Польшѣ конституція 3-го мая, или какая другая, они готовы были признать и то, и другое, и третье, что посильнѣе. Громада простого сельскаго народа и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою страною, гдѣ чувствовалась равнымъ образомъ только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями, — какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому, кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то

онъ радовался, чувствуя, что исполняется его давнее желаніе поступить подъ власть единовѣрной Россіи, и надѣялся, что судьба его облегчится. 20-го мая, изъ кіевскаго воеводства земянскій судья Головинскій доносилъ, что обыватели не въ силахъ доставить изъ своихъ имѣній рекрутъ, потому что *духи россійскіе* привлекли на свою сторону крестьянъ надеждою свободы и они примутъ москалей не какъ враговъ, а какъ друзей, будучи съ ними одной вѣры. 30-го мая изъ Украины доносили, что обыватели въ страхѣ бѣгутъ съ своими семьями и имуществами въ Австрію, опасаясь не столько москалей, сколько собственныхъ хлоповъ (nie tak moskalów jak wtasnych chłopów obawiając się). Въ такомъ положеніи Польша, предоставленная собственнымъ силамъ, выходила на роковую борьбу съ Россіею.

V.

Вступленіе русскаго войска. — Тарговицкая конфедерація [1].

День, въ который, по составленному заранѣе разсчету, Булгаковъ вручилъ декларацію своей государыни, былъ тотъ самый день, когда войска императрицы вошли въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Русскія силы двинулись изъ Бессарабіи въ польскую Украину въ числѣ 64,000 подъ начальствомъ генералъ-аншефа Каховскаго, четырьмя отдѣлами. Первый отдѣлъ (23,600), подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, перешелъ границу черезъ Днѣстръ у Могилева; второй (17,400), подъ командою Дунина, черезъ ту же рѣку у Сороки; третій, составлявшій центръ арміи, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена (11,200), перешелъ въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвіополя; четвертый (11,600), генерала Леванидова, двинулся въ польскую Украину изъ Василькова. Число конницы въ сравненіи съ числомъ пѣхоты составляло немного болѣе третьей части всего войска [2]). Планъ, избранный русскими (по предначертанію генерала Пистора), состоялъ въ томъ, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ польскую армію, что было удобно именно потому, что польская армія была малочисленнѣе русской. Польское войско раздѣлилось на отряды. Отрядъ подъ начальствомъ Вьельгорскаго былъ у Чечельника, другой, Грохольскаго, сторожилъ рус-

---

[1]) См. ист. № 86.

[2]) Въ первомъ корпусѣ 1,600, во второмъ 4,300, въ третьемъ, наиболѣе богатомъ конницею, 4,600, а въ послѣднемъ 3,500.

скихъ у Могилева, третій отрядъ подъ начальствомъ Костюшки, поставленъ былъ на границѣ со стороны Кіева. Понятовскій расположилъ центръ своего войска по квартирамъ около Таврова, Немирова, и Браславля.

Русскіе знали очень хорошо, что происходило въ польскомъ лагерѣ, имѣли у себя точное расположеніе польскаго войска и заранѣе разсчитывали на успѣхъ. Кутузовъ шелъ на Винницу, Дунинъ на Немировъ; Леванидовъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Костюшки, побѣдивъ его, пройти черезъ Бердичевъ и Махновку къ Винницѣ, и тамъ соединиться съ Кутузовымъ; они такимъ образомъ обошли бы непріятельское войско, а Дерфельденъ шелъ прямо на непріятеля и велъ съ собою реконфедерацію, которой роль состояла въ томъ, чтобы подъ прикрытіемъ русскаго войска устроить на Украйнѣ старую республиканскую Польшу, въ противность новой, конституціонной, образовавшейся въ Варшавѣ, и сдѣлаться ядромъ, къ которому должны приставать недовольные новизною. Другое русское войско, подъ главнымъ предводительствомъ генерала Кречетникова, вторгнулось въ Литву. Оно было раздѣлено на четыре отдѣла. Два первые, князя Долгорукова (9,000) и Симона Коссаковскаго (8,300), должны были слѣдовать прямо на Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, третій, подъ начальствомъ графа Меллина (6,400), шелъ на Минскъ, четвертый, барона Ферзена и Кнорринга (8,300), на Несвижъ и на Гродно. Противъ нихъ въ защиту поляки поставили 15,000 войска, но въ самомъ дѣлѣ подъ ружьемъ у нихъ столько не было, такъ что можно было считать отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ. Начальство надъ ними поручено было принцу Виртембергскому, но вскорѣ перехватили письмо его прусскому королю, гдѣ онъ, какъ братъ жены русскаго наслѣдника престола, изъявлялъ неохоту драться противъ Россіи за Польшу. Принцъ долженъ былъ поспѣшно оставить свой постъ и уйти изъ Польши. Вмѣсто него король далъ главную команду генералу Юдицкому, человѣку неспособному.

На челѣ конфедератовъ были Щенсный Потоцкій и Северинъ Ржевускій. Северинъ Ржевускій въ молодости, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ Вацлавомъ, арестованный въ ночь съ 13-го на 14-го октября 1767 года, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ и по возвращеніи въ отечество отличался ненавистью и злобою къ Россіи. Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимою идеею было поднять Польшу, за возвращеніе отнятыхъ земель, произвесть всеобщую войну. Онъ заводилъ тайные клубы, съ цѣлью образовать заговоръ. Удалившись въ Галицію, онъ успѣлъ составить большой кружокъ недовольныхъ и затѣвалъ

возстаніе, думая воспользоваться тѣмъ случаемъ, что австрійское правительство занято было укрощеніемъ возстанія въ своихъ бельгійскихъ провинціяхъ. Но вѣнскій дворъ узналъ объ этомъ во время. Ржевускій долженъ былъ бѣжать. Въ Польшѣ онъ вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи. Когда еще въ провинціяхъ Рѣчи-Посполитой находилось русское войско, Ржевускій кричалъ, что полякамъ слѣдуетъ собраться и перерѣзать его. Гордый, необузданный въ страстяхъ, самолюбивый и впечатлительный, пылкій и неразсудительный, — это былъ человѣкъ всегда готовый увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ вообще у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своекорыстіе. Сперва онъ началъ бороться перомъ противъ распространившейся мысли о спасительности наслѣдственнаго правленія для Польши, и издалъ извѣстное сочиненіе о *сукцессіи*. Конституція 3-го мая задѣла его за живое. Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе собственнаго униженія, которое постигало носимый имъ санъ польнаго гетмана послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго, врагъ Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ теперь для этого же дѣла опирался и на ея помощь. Изъ всѣхъ пановъ конфедераціи никто менѣе его не былъ способенъ видѣть дальнѣйшихъ послѣдствій того, на что онъ рѣшался; у него болѣе, чѣмъ у другого, бурная страсть заглушала разсудокъ. Подъ коноводствомъ такихъ лицъ недовольные, шедшіе съ русскими войсками, остановились въ Тарговицѣ и здѣсь заложили станъ своей конфедераціи 18 мая.

Конфедераціи въ Польшѣ издавна были обычнымъ явленіемъ; это была одна изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу. Понятно, что какъ скоро установилось понятіе, что конфедерація есть не бунтъ, а легальное, справедливое явленіе политической жизни, такъ исчезло различіе между законною властью и мятежническимъ скопищемъ. Конфедерація, появляясь въ Рѣчи-Посполитой, считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ. Настоящая конфедерація устроена была по общему образцу, существовавшему въ давнія времена. Избранъ былъ начальникъ или маршалъ конфедераціи. Имъ былъ Щенсный Потоцкій. Около него были совѣтники (consiliarze): ими были въ Тарговицѣ изъ первыхъ великій гетманъ Францискъ-Ксаверій

Браницкій, польный гетманъ Северинъ Ржевускій, перемышльскій каштелянъ князь Антоній Четвертинскій, червоноградскій хорунжій Юрій Віельгорскій, брацлавскій хорунжій Адамъ Мощенскій, владимирскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польной булавы Михаилъ Кобылецкій, воеводичъ подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишекъ Гулевичъ. Браницкому и Ржевускому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они должны были привести все польское войско къ присягѣ конфедераціи. Объявлены непріятелями отечества всѣ тѣ, которые, находясь въ военной службѣ, не покорятся приговору конфедераціи; для того, чтобы приступившіе къ конфедераціи не были отвлекаемы позывами въ судъ, приказывалось трибуналамъ, коммиссіямъ и всякаго рода судебнымъ учрежденіямъ прекратить свое судопроизводство до водворенія спокойствія въ Рѣчи-Посполитой. Вмѣсто нихъ должны были учредиться суды конфедераціи для осужденія государственныхъ преступленій, которыми на языкѣ конфедераціи называлось несогласіе приступить къ конфедераціи. Способъ распространенія конфедераціи состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за главною генеральною конфедераціею должны были образовываться провинціальныя конфедераціи по воеводствамъ, съ воеводскими маршалами и совѣтниками, пока такимъ образомъ всѣ части Рѣчи-Посполитой не приступятъ къ главной конфедераціи. Сеймъ, создавшій конституцію 3-го мая, объявленъ насильственнымъ и самый актъ составленія конституціи названъ заговоромъ; конфедерація объявляла всѣ постановленія этого сейма беззаконными и недѣйствительными; всѣмъ сенаторамъ, министрамъ и сеймовымъ посламъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ гродскомъ или земскомъ судѣ учинить отреченіе (рецессъ) отъ конституціи и всѣхъ постановленій сейма, и пристать къ конфедераціи; если же кто не поступитъ такимъ образомъ, тотъ будетъ судимъ судомъ генеральной конфедераціи и лишенъ чести и имущества, какъ непріятель отечества, покушавшійся ввергнуть его въ рабство. Маршалъ и совѣтники составили форму присяги и произнесли ее первые сами. Устроена была для дѣлопроизводства канцелярія. Первымъ дѣломъ учрежденной конфедераціи было составленіе и опубликованіе универсала къ народу. Въ немъ коротко излагалась исторія бывшаго четырехлѣтняго сейма и дѣятельность его представлялась въ самомъ черномъ видѣ. Универсалъ этотъ, восходя къ 1787 году, находитъ, что въ то время все склонялось къ тому, чтобы обезпечить свободу, крѣпость и счастіе Рѣчи-Посполитой. Если

бы въ тѣ времена все дѣлалось по желанію цѣлаго народа, которое выразилось на сеймикахъ, предварявшихъ сеймъ 1788 года, въ Рѣчи-Посполитой царствовала бы законная свобода; но, къ несчастію, люди властолюбивые и коварные, у которыхъ свобода была только на устахъ, а не въ сердцѣ, допущены были къ руководству надъ учредительными работами. Они ввели въ подозрѣніе у доброжелательныхъ гражданъ людей, которые бы могли предостеречь отъ зла, внушили народу желаніе перемѣнъ, распустили въ народѣ фальшивый страхъ объ опасности извнѣ; и когда кончилось время ихъ послования, они, боясь, чтобы народъ не выбралъ другихъ представителей, беззаконно присвоили себѣ продолженіе своей должности, только для вида допустивъ съ собою сидѣть новымъ посламъ; сдѣлали народу запросъ о назначеніи преемника живому королю, и когда девять частей народа въ инструкціяхъ своихъ выразительно объявили желаніе вольнаго избирательства, они, видя, что шляхетство препятствуетъ ихъ замысламъ, отстранили отъ преимуществъ шляхетскаго званія шляхту, не владѣвшую недвижимыми имуществами, а противъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ возбуждали ненависть, называя ихъ аристократами, и все-таки не въ силахъ будучи обмануть шляхетство, употребили мѣщанъ и поспольство орудіями для наложенія оковъ на цѣлый народъ, выставили несчастный примѣръ Парижа образцомъ для польскихъ городовъ; позаводили, по парижскому образцу, модные клубы, и чтобы не дать пройти обольщенію, выбравъ время, когда послѣ вакантнаго времени многіе послы, разъѣхавшіеся по провинціямъ, хотѣли возвратиться не иначе, какъ по прошествіи первой недѣли послѣ вакаціи, посвященной экономическимъ предметамъ, совершили злодѣйскій замыслъ 3-го мая, подъ страхомъ орудій, вывезенныхъ безъ вѣдома войсковой коммиссіи, наполнили замокъ и его окрестности поспольствомъ, однихъ возбуждали защищать друзей-мѣщанъ, которыхъ будто бы хотѣли противники убить; другихъ напугали фальшивыми или же нарочно сочиненными депешами, будто бы присланными отъ министровъ иностранныхъ дворовъ; третьихъ подстрекали жаждою пріобрѣтеній. «Почтенная законодательная Изба—выражается универсалъ—наполнилась наведенною толпою, обитель польскихъ королей, гдѣ нѣкогда была глава и твердыня Рѣчи-Посполитой, осаждена была сволочью; проектъ перешелъ въ законъ безъ обсужденія, безъ повѣрки большинства мнѣній балотировкою, былъ выкрикнутъ толпою, а не признанъ законнымъ порядкомъ членами сейма, которыхъ было мало; король въ костелѣ присягнулъ конституціи 3-го мая, нарушилъ святость присяги данной на соблюденіе условій, съ которыми онъ

былъ избранъ на престолъ; затѣмъ принудили присягнуть на гибель отечества магистратуры и войско, подъ страхомъ потери должностей и чиновъ, постановили преслѣдовать судомъ и войскомъ тѣхъ, которые не хотѣли присягать новой конституціи и такимъ образомъ шестьдесятъ тысячъ войска, приготовленнаго на защиту отечества, стали орудіемъ деспотизма, а сеймъ, избранный по закону только на шесть недѣль, присвоилъ себѣ постоянное управленіе страною, продолжая беззаконно свои занятія уже три съ половиною года. Ставили сейму въ вину, что онъ запретилъ конфедерацію, какъ единственное средство освободить отъ него край, хотя самъ имѣлъ форму конфедераціи, и въ добавокъ хотѣлъ впутать Польшу во вредную войну съ Россіею.

Противъ этихъ-то исчисленныхъ несправедливостей протестовала новообразованная конфедерація, и гласила въ своемъ универсалѣ, что она составилась по порученію шляхетства, оставшагося въ домахъ своихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявляла намѣреніе остаться при прежнемъ республиканскомъ правленіи, избирательствѣ королей, при томъ строѣ, который былъ нарушенъ распоряженіями сейма. «Но какъ Рѣчь-Посполитая—сказано было въ концѣ универсала—находясь въ рукахъ утѣснителей, не можетъ освободиться отъ нихъ собственною силою, то намъ ничего иного не оставалось, какъ обратиться съ довѣріемъ къ великой Екатеринѣ, которая съ такою славою царствуетъ надъ народомъ, намъ дружелюбнымъ и союзнымъ, надѣясь равно на великодушіе этой великой монархини, какъ и на договоръ, обязывающій ее въ отношеніи Рѣчи-Посполитой. Желаемъ, чтобы Рѣчь-Посполитая всегда была самостоятельна, независима, цѣла въ своихъ границахъ, какъ отъ вѣковъ она была ни отъ кого независима и не была ничьею собственностью, ничьимъ наслѣдіемъ; желаемъ такой свободы, какая свойственна народу нашему; и предки наши отъ вѣковъ жили въ свободѣ, и мы свободными родились, свободными хотимъ и умереть; желаемъ утвердить у себя республиканское правленіе, потому что къ иному не можемъ привыкнуть и всякое другое принесло бы намъ разореніе; желаемъ внутренняго спокойствія и непреложнаго мира съ сосѣдями; ищемъ благосостоянія и безопасности нашихъ имуществъ, а не волненій и войнъ. Вотъ наши намѣренія, для ихъ-то исполненія мы обратились къ помощи великой государыни, которая, будучи украшеніемъ и славою нашего вѣка, столь же гнушается подлымъ коварствомъ и хитрыми кознями, сколько умѣетъ цѣнить счастіе народовъ и готова подавать имъ руку помощи».

Было много правды въ томъ, что говорилось въ этомъ универсалѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ, и о способахъ проведенія

конституціи. Трудно было бы рѣшать, какая изъ конфедерацій была законнѣе, тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ. Тарговицкая была консервативна, не думала производить насильственныхъ переворотовъ въ организаціи края, довольствовалась издавна существовавшимъ, а это оправдывало ее въ ту эпоху, когда вообще смѣлыя и рѣшительныя реформы наводили страхъ подобіемъ съ французскою революціею. Впослѣдствіи, исторія заклеймила ее позоромъ и проклятіемъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но правду сказать, она не виновнѣе въ этомъ прежней конфедераціи, создавшей конституцію 3-го мая. Печальный исходъ событій этой эпохи не можетъ падать исключительно на нее одну; если она призвала Россію къ роковому вмѣшательству въ дѣла своего отечества, то въ этомъ виновата равнымъ образомъ и противная сторона, которая, легкомысленно раздраживъ Россію, дала поводъ къ такому призванію. Все равно — призывала бы Россію какая-нибудь конфедерація на помощь или не призывала, — русская императрица нашла бы поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла: она не простила бы полякамъ ихъ договора съ Турціею, ихъ дружбы съ Пруссіею въ надеждѣ европейской войны противъ Россіи, рѣзкихъ и оскорбительныхъ выходокъ, какія позволяли себѣ на сеймѣ послы противъ русской государыни и ея державы, гоненія православной вѣры, казни невинныхъ офеней — подданныхъ россійской императрицы, арестованія русскаго архіерея, клеветы на него и на русское духовенство и преобразованія правленія безъ согласія съ Россіею. Русская императрица, въ видахъ безопасности своего государства, никогда бы не допустила зависѣвшую отъ нея Польшу сдѣлаться независимою и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебною для Россіи державою. Тарговичане конечно не предвидѣли, что непосредственнымъ слѣдствіемъ появленія ихъ конфедераціи будетъ дѣлежъ отечества, также, какъ и противники ихъ не предвидѣли, что всѣ ихъ блестящіе планы пишутся на пескѣ и уничтожатся отъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра. Близорукость у обѣихъ сторонъ была одинакова. Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ тоже дѣлали, во время своихъ государственныхъ работъ находясь на привязи у Пруссіи; они и теперь умоляли ввести въ польскія владѣнія прусскія войска; — только разница была та, что имъ не дали чужихъ войскъ, а тарговичанамъ ихъ дали. Тарговичанамъ ставили въ упрекъ то, что они стояли за старую анархію, приведшую Польшу на край гибели. Но она имъ не казалась такою. Прежній строй былъ имъ милъ и дорогъ, какъ наслѣдіе предковъ,

какъ атмосфера, въ которой они родились и воспитались. Ничто притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымышляли ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ. Ихъ полулиберальныя мѣры, приправленныя громкими фразами, въ силу непреложныхъ законовъ движенія обществъ, должны были открыть дорогу къ кровавымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Разсказы, которые распускали сторонники конституціи о всеобщемъ сердечномъ принятіи народомъ новаго строя вещей, были преувеличены; восторгъ о возрожденіи отечества выражался только заздравными попойками, потѣшными выстрѣлами и огнями; большая часть польской публики казалась на сторонѣ переворота единственно потому, что это возрожденіе давало поводъ къ житейскому разнообразію и пріятнымъ ощущеніямъ; увлеченіе новизною было возможно только до тѣхъ поръ, пока эта новизна не успѣла стать слишкомъ чувствительною для выгодъ и привычекъ шляхетства; при ближайшемъ сопоставленіи съ дѣйствительностію оппозиція должна была проявиться неизбѣжно, и если бы тарговицкая конфедерація не получила помощи отъ Россіи, оппозиція, возрастая, явилась бы болѣе или менѣе въ увеличенномъ размѣрѣ, искала бы себѣ иныхъ путей, привлекала бы къ себѣ доброжелателей и употребляла бы всевозможныя усилія не допустить новую конституцію стать на общественной почвѣ; да если бы эта конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою, упорная защита своихъ правъ со стороны шляхты и, слѣдовательно, внутреннее междоусобіе. Этого явленія невозможно было никакъ предотвратить; пришлось бы кончать тѣмъ, чѣмъ не начали и съ чего слѣдовало начинать. Но тогда уже было бы поздно; внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы. Да и безъ того, брошенное въ свѣтъ и нерѣшенное дѣло о наслѣдствѣ, неминуемо навлекло бы на Польшу иноземное вмѣшательство и стало бы причиною раздоровъ и разорительныхъ войнъ. Партія 3-го мая, несмотря на свои наружные подвиги, отнюдь не упрочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой; она не отклоняла отъ Польши печальной возможности быть игрушкою сосѣдей, съ тою разницею, что прежде пагубное вмѣшательство сосѣдей и возбужденіе междоусобій вращались около вопроса объ избраніи королей, а теперь средоточіемъ ихъ дѣлался вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ наслѣдственное правленіе въ Польшѣ; а какъ наслѣдство важнѣе и заманчивѣе избранія по жизнь, и притомъ

еще не существовало никакого неоспоримаго права наслѣдства еще ни для кого, то естественно, сосѣди, руководствуясь каждый исключительно своими видами, старались бы или не допустить чужихъ принцевъ до польскаго наслѣдственнаго престола, или пособить своимъ сѣсть на немъ. Въ самой Польшѣ, конечно, тогда образовались бы стороны, придерживающіяся, ради своихъ выгодъ и видовъ, того, другого или третьяго изъ претендентовъ; вопросъ усложнился бы и запутался бы до того, что въ концѣ концовъ все-таки сосѣди порѣшили бы сдѣлать то, что они сдѣлали — уничтожить самостоятельность Польши и раздѣлить ее между собою. Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предпринято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и ободренію одной державы съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ давленія другой. Въ обществѣ человѣческомъ, какъ въ природѣ, пустоты не терпится; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнья поддержать и сохранить у себя государственную связь, такой народъ непремѣнно долженъ войти въ составъ другихъ государствъ. Разлагающееся государство, въ такомъ случаѣ, дѣлается обыкновенно добычею другихъ не сразу; сперва сильные, не покоряя слабыхъ оружіемъ окончательно и не лишая ихъ формъ государственной самобытности, оказываютъ надъ слабыми вліяніе, пріобрѣтаютъ отъ этого вліянія для себя выгоды, привыкаютъ къ такимъ отношеніямъ и считаютъ ихъ своимъ достояніемъ по праву, готовы защищать это право и не выпускать его изъ рукъ. Въ такомъ случаѣ стремленіе слабаго государства къ возрожденію и къ самоусиленію невольно бываетъ въ ущербъ сильному и возбуждаетъ его противодѣйствіе; а какъ слабый съ сильнымъ не сладитъ, то попытки перваго къ пріобрѣтенію независимости ведутъ его обратно къ большей зависимости отъ другого, и наконецъ доводятъ до покоренія и уничтоженія. Слабый можетъ въ такомъ случаѣ спасти себя только заступничествомъ другихъ сильныхъ, но какъ ничего на свѣтѣ не дѣлается безъ вознагражденія, то естественно, что спасители въ свою очередь пожелаютъ выгоднаго для себя покровительства надъ слабымъ, а такое покровительство можетъ, въ свою очередь, возрасти, смотря по обстоятельствамъ, до полнаго подчиненія и покоренія. Польша по своей слабости уже подпала въ извѣстной степени подъ зависимость отъ Россіи и уже утратила часть земель своихъ. Чтобы ей возродиться, нужно было осво-

бодиться отъ Россіи, а для этого нужна была чужая сила. Поляки хотѣли опираться на Пруссію, но Пруссія требовала уже себѣ выгодъ въ ущербъ Польши, и совершенно справедливо, ибо не могла защитить ее иначе, какъ выдержавъ борьбу съ Россіею; должна же была Пруссія вознаградить себя за это, а вознаградить себя она не могла иначе, какъ только на счетъ Польши. Да и всякая другая держава, рѣшившись помочь Польшѣ, не могла бы этого сдѣлать иначе, какъ имѣя въ виду вознагражденіе за свои траты и усилія, и этого вознагражденія скорѣе всего искать пришлось бы ей на счетъ той же Польши. Разныя гарантіи независимости Польши, въ родѣ бишофсвердеровскихъ договоровъ и пильницкихъ свиданій, были только временныя мѣры. Легко было написать на бумагѣ взаимное условіе, чтобы Польша была независима, но на дѣлѣ трудно было выполнить это, потому что Польша собственною слабостію побудила бы сосѣдей вмѣшиваться въ ея дѣла и имѣть на нее вліяніе, которое было бы для сосѣдей выгодно и заманчиво. Государство уважается только тогда, когда оно само не обращается къ чужимъ съ заявленіемъ своего безсилія и не нуждается въ чужихъ болѣе того, сколько само имъ дать можетъ.

Польша въ своемъ положеніи могла быть безопасна отъ сосѣдей и возрождаться независимо отъ нихъ развѣ тогда только, когда бы не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась бы отъ другихъ государствъ горами и степями, или же, еслибъ она по какимъ либо инымъ причинамъ была никому неподручна, такъ что обладаніе ею не возбуждало бы въ сосѣдяхъ зависти и надеждъ на выгоды.

Такимъ образомъ несправедливо будетъ считать за тарговичанами исключительно вину, препятствовавшую Польшѣ возродиться. Конституція 3-го мая во всякомъ случаѣ не могла ее возродить. Оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничившись нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и приготовляя въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровавую рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали къ возрожденію ея. Пока польскій крестьянинъ оставался въ привычномъ отъ вѣковъ состояніи панскаго *быдла*, а мѣщанъ только подразнили свободою, написавши имъ такой уставъ, который не исполнялся, Польша оставалась все тою же Польшею, какою была, и только подвергалась опасности, къ обычнымъ безпорядкамъ своимъ прибавить еще два— междоусобія по поводу наслѣдства и крестьянскій бунтъ, подобный тому, какой уже она испытала въ XVII вѣкѣ въ русскихъ провинціяхъ, а быть можетъ и хуже. Съ пресловутою кон-

ституціею 3-го мая Польша была далеко какъ нельзя больше отъ истинной свободы; ей все-таки суждено было вращаться въ прежнемъ омутѣ анархіи. Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые бы съумѣли опереться на массу чернаго народа. Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись тарговичане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патріоты.

Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая мы не видимъ никакихъ благопріятныхъ условій къ обновленію, напротивъ слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію. Административныя и судебныя преобразованія, послѣдовавшія за провозглашеніемъ конституціи, касались болѣе формъ: извѣстно, что если деморализованному обществу дать хорошія формы, то деморализація общества скорѣе успѣетъ исказить эти формы, чѣмъ послѣднія поправятъ испорченное общество. Важнѣйшія реформы, какъ, напр., дарованіе правъ городамъ или законъ о королевщинѣ, не будучи еще приведены въ исполненіе, успѣли только уже увеличить число враговъ конституціи. Оказывалось, что все, клонившееся къ усиленію государства, къ увеличенію средствъ его, къ водворенію порядка, къ благосостоянію нешляхетскаго народа, подрывало матеріальныя выгоды дворянъ и противорѣчило понятіямъ о сословной чести, предразсудкамъ и привычкамъ дворянскаго класса въ Польшѣ. Тарговицкая конфедерація, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни новымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ новыхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на многія поколѣнія; и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о погибели Рѣчи-Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что если бы ее не задушили въ самомъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное разсмотрѣніе обстоятельствъ и условій той эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда. Безъ тѣхъ событій, которыя непосредственно послѣдовали за конституціею 3-го мая, эта конституція никакъ не сдѣлалась бы святынею для Польши такъ скоро и такъ легко, и если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ она все равно довела бы Польшу до подобныхъ послѣдствій; такъ или иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чахломъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота, и са-

мая конституція была, при ея неисцѣлимой болѣзни, черезчуръ героическимъ средствомъ, ускорившимъ ея смерть. Тарговичане, справедливо опасаясь гибельныхъ слѣдствій этого героическаго средства, хотѣли по крайней мѣрѣ сохранить свое отечество въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ оно могло бы еще прозябать. Тарговичанъ обвиняютъ совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники ихъ большею частью не были также чужды этого; если прусская партія упрекала русскую въ томъ, что она получала пенсіоны и имѣнія отъ Россіи, то русская обвиняла противниковъ въ томъ, что они получали деньги отъ Пруссіи. Несомнѣнно то, что большая часть рьяныхъ патріотовъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоянія и значенія, и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ. Всѣ иностранные послы, поощрявшіе польскія выходки противъ Россіи, согласно говорили, что многіе прославляли конституцію 3-го мая за красную ленту Станислава.

Опираясь на Россію, тарговичане по своей недальновидности и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они совершенно были правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи. Безспорно, большинство шляхты чувствовало и мыслило какъ они. Въ то время даже и тѣ, которые, не раскусивши хорошенько въ чемъ суть 3-е мая, участвовали въ пиршествахъ и праздникахъ въ честь переворота, искренно переходили къ ихъ убѣжденіямъ. Если бы Екатерина, возстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлежа и безъ присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ, и имена Щенснаго и Ржевускаго величались бы какъ имена спасителей золотой шляхетской вольности, а конституція 3-го мая надолго могла быть забытою и осуждаемою. Шляхетскій идеалъ былъ именно тотъ, который былъ у тарговичанъ.

Нѣкоторые, желая показать свое усердіе къ Россіи, думали защищать ее въ нравственномъ значеніи и утверждали, что въ то время императрица не думала о присоединеніи къ Россіи провинцій польскаго государства. Но могла ли Екатерина не имѣть намѣренія осуществить того, къ чему стремилось ея государство цѣлые вѣка, и не воспользоваться самымъ удобнымъ случаемъ къ разрѣшенію вѣковой тяжбы Россіи съ Польшею? Если бы тарговичане обладали сколько-нибудь основательнымъ, осмысленнымъ знаніемъ своего прошедшаго, если бы у нихъ было здравое пониманіе политическихъ дѣлъ вообще, они бы ничего не могли

ожидать отъ русской государыни, кромѣ того, что она съ ними сдѣлала.

30-го мая, конфедерація издала другой универсалъ, гдѣ оповѣщала обывателей о вступленіи въ предѣлы Рѣчи-Посполитой союзныхъ русскихъ войскъ, убѣждала не бояться союзниковъ, ибо они идутъ только противъ тѣхъ, которые поддерживаютъ варшавскій заговоръ, увѣряла, что воинство императрицы не станетъ дѣлать насилія и вреда владѣльцамъ и ихъ подданнымъ, а напротивъ будетъ охранять ихъ отъ бродягъ и своевольниковъ. Въ особенности этомъ универсалъ заботился о повиновеніи крестьянъ владѣльцамъ и ихъ управляющимъ. Крестьяне не только не должны допускать своеволія, но увѣдомлять команды о собраніяхъ своевольныхъ шаекъ и задерживать тѣхъ, кто вздумаетъ подговаривать къ бунту панскихъ подданныхъ, а если бы кто, по своей собственной волѣ или по чужому наущенію, оказался виновнымъ въ мятежническихъ замыслахъ и укрывательствѣ подстрекателей къ бунту, тѣмъ грозили суровымъ наказаніемъ. Видно было, что паны сильно боялись, чтобы противники ихъ, подъ вліяніемъ французскаго духа, не стали объявлять крестьянамъ свободу. Впрочемъ, въ томъ же универсалѣ было заявлено, что паны не ждутъ отъ крестьянъ черной неблагодарности за свои къ нимъ благодѣянія.

Другой универсалъ обращенъ былъ къ духовенству; предписывалось во всѣхъ епархіяхъ, деканатахъ, приходахъ, возсылать горячія молитвы объ успѣхѣ конфедераціи и о спасеніи отечества отъ пропасти, въ которую хотѣла его ввергнуть конституція 3-го мая. Духовные всякаго чина обоего обряда должны были каждую недѣлю съ амвоновъ оглашать народу о спасительныхъ намѣреніяхъ конфедераціи, а главное, именемъ религіи внушать крестьянамъ повиновеніе владѣльцамъ. Въ тотъ же день изданъ третій универсалъ—ко всѣмъ кредиторамъ Рѣчи-Посполитой: объявлялось, что если кто, по требованію сейма, будетъ давать на имя Рѣчи-Посполитой суммы, въ чистой монетѣ, или въ товарахъ, или въ какихъ-нибудь произведеніяхъ, такія суммы или товары должны считаться пропавшими, — нація за нихъ не отвѣчаетъ. Ко всѣмъ наслѣдственнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ, заставникамъ и всякаго рода поссессорамъ, старостамъ и вообще къ управляющимъ имѣніями подъ какимъ бы то ни было видомъ, посланъ былъ универсалъ, а также и въ города, о томъ, чтобы всѣ подати, какія только идутъ въ скарбовую коммиссію подъ разными наименованіями черезъ посредство сборщиковъ, называемыхъ экзакторами, суперинтендентами, кассирами и ревизорами, были платимы не туда, а въ казну генеральной корон-

ной конфедераціи, съ полученіемъ квитанцій. Всѣмъ чиновникамъ, зависящимъ отъ скарбовой коммиссіи, запрещалось слушаться ея предписаній и предписывалось привозить собираемыя деньги въ казну конфедераціи. Наконецъ, въ тотъ же день посланъ былъ универсалъ ко всѣмъ оберъ-секретарямъ почтамтовъ съ приказаніемъ, въ теченіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность конфедераціи, не дозволять себѣ дѣлать чего-нибудь въ ущербъ письменной корреспонденціи конфедераціи и доносить о всякомъ вредѣ, могущемъ для нея произойти.

3-го іюня конфедерація была переведена въ Умань, а 9-го іюня въ Тульчинъ, слѣдуя такимъ образомъ за успѣхами русскаго войска. Здѣсь конфедерація издала универсалъ, обязывавшій всѣ типографіи, какія существуютъ въ Польшѣ, не печатать ничего оскорбительнаго для конфедераціи. Было оповѣщено также, что если кто изъ поспольства или мѣщанъ осмѣлится сказать хотя одно слово въ противность конфедераціи, тотъ отъ мѣстнаго начальства долженъ быть схваченъ и доставленъ въ судъ конфедераціи; учрежденъ былъ, на подобіе польскихъ судовъ, судъ съ двумя инстигаторами и реентомъ (письмоводителемъ). Конфедерація возстановляла всѣ уничтоженные бывшимъ сеймомъ акты, и одновременно объявляла прекращеніе платежей, наложенныхъ прежнимъ сеймомъ, какъ-то: пожертвованія десятаго гроша, двойного подымнаго, поголовнаго, и объявила, что не имѣетъ намѣренія продавать королевщины и признаетъ справедливыми только тѣ подати съ нихъ, какія платились до 3-го мая, каковыя и должны съ настоящаго времени доставляться въ казну конфедераціи. Сбавка податей, оставленіе королевщинъ за владѣвшими на прежнихъ основаніяхъ, освобожденіе пристающихъ къ конфедераціи отъ судебныхъ позывовъ,—все это были подстрекательные способы, привлекавшіе къ конфедераціи сообщниковъ, а присутствіе войскъ императрицы давало надежду на успѣхъ предпринятаго дѣла. Вслѣдъ за генеральною, открывались подчиненныя ей конфедераціи по воеводствамъ: сначала въ тѣхъ воеводствахъ, которыя заняты были русскимъ войскомъ. Избраны маршалки и коммиссары. Члены конфедераціи, Мощенскій, Гулевичъ, Злотницкій, Четвертинскій, разъѣзжали по южнымъ воеводствамъ и привлекали шляхту къ конфедераціи. Гдѣ дѣйствовали убѣжденіемъ, а гдѣ и страхомъ; противники ихъ говорили, что они разсыпали въ одномъ мѣстѣ рубли, въ другомъ батоги.

Нѣсколько человѣкъ шляхты, не хотѣвшіе пристать къ конфедераціи, убѣжали въ Кременецъ и тамъ занесли въ судъ жалобу, что ихъ брали казаки, сѣкли нагайками, принуждали при-

сягать къ конфедераціи. «Если бы,—говорили они,—у Щенснаго и его товарищей были добрыя намѣренія, то не нужно было бы иноземнаго войска, не нужно было бы не только принуждать, но и просить; всякаго убѣждали бы собственные глаза.» Такъ какъ всѣ суды, установленные сеймомъ, объявлялись закрытыми и тѣ, которые пойдутъ въ нихъ судиться, провозглашались врагами отечества, отъ этого распространилось безправіе и своевольство, и потому въ половинѣ іюня послѣдовало учрежденіе временныхъ конфедераціонныхъ судовъ по воеводствамъ: они подчинялись суду генеральной конфедераціи. Такимъ образомъ маршалы были вмѣстѣ правителями и судьями. Не менѣе важною была ихъ обязанность доставлять въ русское войско провіантъ.

Несмотря на требованіе приносить подати въ конфедерацію вмѣсто скарбовой коммиссіи, сборщики очень лѣниво и неисправно приносили ихъ; запрещеніе вносить въ скарбовую коммиссію принималось и исполнялось охотнѣе, чѣмъ предписаніе приносить деньги въ конфедерацію. 21-го мая конфедерація должна была поставить на видъ суперинтендентамъ и зависѣвшимъ отъ нихъ экзакторамъ ихъ неисправность.

Конфедерація занималась формированіемъ войскъ; такимъ образомъ въ концѣ іюня устроено было два полка и назначенъ начальникомъ конфедераціоннаго войска Рудницкій.

При конфедераціи былъ уполномоченный отъ императрицы, генералъ баронъ Бюлеръ. «Такъ какъ конфедерація составлена по моему внушенію и подъ моимъ спеціальнымъ покровительствомъ—писала ему Екатерина, то я избираю васъ быть истолкователемъ моихъ намѣреній, спасительныхъ для Рѣчи-Посполитой». Въ іюлѣ конфедерація была въ Литинѣ, а потомъ въ Дубнѣ. Оттуда 25-го числа этого мѣсяца отправленъ былъ въ Петербургъ одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи графъ Віельгорскій съ благодарственнымъ письмомъ къ императрицѣ. Маршалъ отъ имени конфедераціи писалъ: «Польша была свободна и утѣшалась тѣмъ, что спокойно могла быть забыта всѣми и жить счастливо. Не первый разъ честолюбцы хитростью захватывали власть и во зло употребляли мнѣніе о своихъ доблестяхъ. Не первый разъ народъ прибѣгаетъ къ благородной помощи иностранцевъ. Безъ Екатерины Польша была бы въ оковахъ и можетъ быть окончила бы свое существованіе. Уже имя Екатерины оглашается въ двухъ третяхъ Рѣчи-Посполитой: въ воеводствахъ Браславскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ, Бельзскомъ, Холмской землѣ и во всей Литвѣ».

Н. Костомаровъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX.

РАСПОЛОЖЕНІЕ НИЗШИХЪ.

Что̀ долженъ дѣлать человѣкъ утромъ того дня, вечеромъ котораго надѣется получить знаки расположенія къ себѣ ближнихъ?

Зонненкампъ съумѣлъ ловко притвориться, будто ничего не знаетъ о томъ, что̀ его ожидаетъ, но въ теченіе дня не разъ украдкой поглядывалъ на барометръ. Утромъ шелъ дождь, но къ полудню небо прояснилось и праздникъ обѣщалъ вполнѣ удасться.

Еслибъ узнать, какія рѣчи будутъ произноситься вечеромъ, на нихъ можно было бы приготовить отвѣты. Большое удобство для государей, что имъ всегда заранѣе сообщаютъ рѣчи, которыя произносятся въ ихъ присутствіи! Но Зонненкампъ ни мало не сомнѣвался, что въ данную минуту съумѣетъ найтись. Онъ никогда не разсчитывалъ на уваженіе другихъ людей, но самъ всегда настолько уважалъ себя, насколько чувствовалъ въ этомъ потребность. Неужели же онъ теперь, когда неожиданно являлось уваженіе со стороны другихъ, согласится признать себя въ зависимости отъ такой простой игры случая? Да и чему въ сущности былъ онъ обязанъ этимъ уваженіемъ?

Деньгамъ!

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5; авг. 447 стр. и слѣд.

Не будь у него ихъ въ изобиліи, никто бы не сталъ на него и смотрѣть. Зонненкампъ чистосердечно себѣ въ этомъ признавался.

Онъ выѣхалъ изъ дому въ обычный часъ, но поѣхалъ не по обыкновенной дорогѣ и, самъ того не замѣчая, особенно дружелюбно раскланивался съ встрѣчными. Сердце его внезапно раскрылось для новыхъ и пріятныхъ ощущеній. Онъ поѣхалъ въ замокъ и съ улыбкой озираясь вокругъ, невольно представлялъ себѣ, какъ нѣкогда рыцари возвращались туда съ своихъ разбойничьихъ набѣговъ. То были дикіе, но смѣлые и сильные люди.

Подъѣзжая къ развалинамъ, Зонненкампъ увидѣлъ, что на единственной вполнѣ оконченной башнѣ замка развѣвался флагъ, а вокругъ не было ни души. Онъ свернулъ въ сторону и углубясь въ лѣсъ, спѣшился и повелъ лошадь за узду. Врядъ ли бы онъ самъ съумѣлъ сказать, о чемъ онъ думалъ. Въ тиши и уединеніи лѣса идетъ, въ эту минуту всѣми забытый, человѣкъ, а вечеромъ онъ выйдетъ къ толпѣ, которая станетъ привѣтствовать его радостными криками.

На возвратномъ пути ему попался на встрѣчу маіоръ, который и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на виллу, съ цѣлью остаться тамъ до самой ночи. Маіоръ въ этотъ день походилъ на шафера, который, все приготовивъ для свадьбы, удаляется въ комнату къ жениху и ожидаетъ тамъ минуты, когда за ними явятся съ музыкой. Обѣдъ сегодня былъ хуже обыкновеннаго, но Зонненкампъ пропустилъ это безъ вниманія, не желая показать, что ему извѣстны дѣлаемыя къ вечеру приготовленія.

Послѣ обѣда на виллу одни за другими пріѣхали совѣтница съ семействомъ, мировой судья съ женой и докторъ. Маіоръ вдругъ куда-то исчезъ, а потомъ явился украшенный всѣми своими орденами. Собралось еще много другихъ гостей и въ томъ числѣ молодая вдова, дочь барона фонъ-Эндлиха, одѣтая въ глубокій трауръ. Она опять поселилась на дачѣ у своихъ родителей. Пранкенъ позаботился созвать все это общество на виллу, въ увѣренности, что Зонненкампу пріятно будетъ имѣть какъ можно болѣе свидѣтелей своего торжества. Но всѣ пріѣхали какъ будто случайно и Зонненкампъ весьма охотно поддался этой свѣтской уловкѣ.

Пранкенъ былъ особенно внимателенъ къ молодой вдовѣ, но всѣ нашли, что онъ ужъ слишкомъ далеко простиралъ свои права будущаго члена семьи. А онъ, поймавъ устремленный на него взглядъ Манны, обрадовался случаю показать ей, какому соблазну и какимъ прелестямъ онъ, ради нея, противостоялъ.

Выраженія, въ какихъ онъ представилъ молодую дѣвушку вдовѣ, казались ему самому верхомъ свѣтской ловкости.

— Вы, баронесса, сказалъ онъ, и фрейленъ Зонненкампъ какъ будто нарочно созданы для того, чтобъ быть друзьями. Фрейленъ Зонненкампъ, подобно вамъ, обладаетъ зрѣлостью ума и характера, въ высшей степени необыкновенною для ея лѣтъ.

Молодая вдова обошлась съ Манной очень любезно и Пранкенъ вскорѣ оставилъ ихъ вдвоемъ. Ему, въ качествѣ будущаго сына Зонненкампа, слѣдовало еще о многомъ позаботиться.

Онъ отправился на кухню, приказалъ тамъ зажарить нѣсколько кусковъ говядины и приготовить побольше простого вина. Не забылъ онъ и о сигарахъ, а Зонненкампъ, который зналъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, притворялся, будто ничего не видитъ и не слышитъ.

Съ наступленіемъ вечера Пранкенъ обратился къ Зонненкампу, нарочно въ присутствіи всѣхъ громко называя его отцомъ, и попросилъ его на время удалиться въ свою комнату. Зонненкампъ съ пристыженнымъ видомъ, но впрочемъ очень кротко, ему повиновался.

На дворѣ между тѣмъ были разставлены длинные столы, а на нихъ разнаго рода кушанья и питія. Вскорѣ на Рейнѣ показалась цѣлая флотилія маленькихъ судовъ, а воздухъ огласился звуками музыки. Суда остановились передъ виллой и выстроились въ рядъ.

Совсѣмъ смерклось, но лодки были украшены гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей. Зонненкампъ все еще не выходилъ изъ своей комнаты и придумывалъ рѣчь, какою отвѣтить на привѣтствіе шкиперовъ и корабельщиковъ. Онъ нѣкоторыя слова произносилъ даже вслухъ. Вдругъ послышались чьи-то шаги и въ комнату вошли мировой судья и маіоръ. Послѣдній объявилъ Зонненкампу, что они пришли посидѣть съ нимъ, затѣмъ, чтобъ ему не было скучно дожидаться, а судья замѣтилъ, какъ ему должно быть отрадно принимать благодарность столькихъ облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Зонненкампъ поблагодарилъ того и другого и продолжалъ курить. Онъ такъ нѣжно держалъ въ пальцахъ сигару, какъ будто хотѣлъ быть добръ и вѣжливъ даже съ ней. Затѣмъ онъ извинился передъ друзьями въ томъ, что не можетъ поддерживать съ ними разговора: онъ такъ взволнованъ! Проведя столько лѣтъ на чужбинѣ, онъ не надѣялся, по возвращеніи на родину, встрѣтить такъ много родственныхъ сердецъ и получить столько доказательствъ расположенія къ себѣ, котораго онъ, къ тому же, ничѣмъ не заслужилъ. Онъ въ сущности ничего никому не далъ, кромѣ денегъ.

Мировой судья хотѣлъ ему на это что-то возразить, но маіоръ знакомъ остановилъ его и тихонько замѣтилъ, что иногда бываютъ случаи, когда людямъ не слѣдуетъ противорѣчить въ ихъ преувеличенныхъ о себѣ отзывахъ. Къ тому же онъ видѣлъ, что Зонненкампъ работалъ надъ своей рѣчью.

Немного спустя, опять послышались шаги и Пранкенъ, отворивъ дверь, сказалъ слѣдовавшимъ за нимъ людямъ:

— Идите сюда.

Въ комнату вошла депутація шкиперовъ, а во главѣ ея Семиствольникъ, который, отъ имени всѣхъ, просилъ Зонненкампа милостиво принять знакъ всеобщей къ нему благодарности. Съ опущенными глазами, точно склоняясь подъ тяжестью оказываемой ему почести, спустился Зонненкампъ внизъ по лѣстницѣ, окруженный толпой шкиперовъ въ праздничныхъ одеждахъ.

Внизу глазамъ его представилось красивое зрѣлище.. Въ освѣщенныхъ разноцвѣтными фонарями лодкахъ стояли люди и пѣли громкую, веселую пѣснь. Зонненкампъ слушалъ, скрестивъ руки на груди, затѣмъ, разнявъ ихъ, крѣпко потеръ себѣ палецъ, на которомъ носилъ желѣзное кольцо. По окончаніи пѣсни, воздухъ огласился въ честь великаго благодѣтеля дружнымъ ура. Раздались ружейные выстрѣлы; эхо, повторяя ихъ, подобно раскатамъ грома разнесло ихъ по окрестностямъ.

Зонненкампъ короткой, но задушевной рѣчью отблагодарилъ все общество. Справа у него стоялъ Роландъ, а слѣва Манна. Положивъ правую руку на плечо сына, онъ ловко скрылъ желѣзное кольцо на большомъ пальцѣ, и обнявъ Манну, въ заключеніе просилъ сосѣдей перенести ихъ любовь къ нему на его дѣтей.

Молодой человѣкъ, стоявшій у руля на одной изъ лодокъ и одѣтый въ платье, подаренное ему Роландомъ, закричалъ также и въ честь его ура. Другіе подхватили за нимъ этотъ крикъ и ружейные выстрѣлы еще разъ повторились. Роландъ сказалъ маіору: «Я не могу говорить». Но онъ спустился внизъ и взойдя на первую попавшуюся лодку, съ жаромъ пожималъ всѣмъ находившимся на ней руки. Здѣсь онъ увидѣлъ Эриха, который, сидя позади всѣхъ, управлялъ пѣніемъ, а возлѣ него стоялъ школьный учитель Фасбендеръ.

Всѣ сошли на берегъ и подъ звуки музыки направились черезъ паркъ къ накрытымъ столамъ. Зонненкампъ рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ приказалъ унести разставленныя вокругъ нихъ стулья.

— Они не должны садиться, сказалъ онъ Пранкену, говоря о шкиперахъ и корабельщикахъ. Я думалъ, что вы сами это

поймете. И пожалуйста, распорядитесь такъ, чтобъ ихъ поскорѣй отсюда отправить. Черни ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ довѣрять. Велите снести имъ на лодки вино: тамъ они могутъ, сколько угодно, шумѣть и дурачиться.

Семиствольникъ за первымъ стаканомъ предложилъ тостъ въ честь госпожи Зонненкампъ. Мужъ ея съ площадки лѣстницы поблагодарилъ отъ ея имени и выразилъ сожалѣніе, что плохое состояніе здоровья мѣшаетъ ей присутствовать на этомъ праздникѣ. Зонненкампъ воспользовался случаемъ и попросилъ пирующихъ не слишкомъ шумѣть, изъ опасенія потревожить его больную жену. Всеобщей веселости такимъ образомъ были положены предѣлы и немного спустя, Эрихъ опять всѣхъ увелъ на лодки. Еще нѣсколько криковъ ура, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и на виллѣ Эдемъ возстановилась тишина.

Въ большой залѣ составился тѣсный и дружескій кружокъ, центромъ котораго былъ Зонненкампъ. Онъ казался глубоко растроганнымъ и какъ бы сильно утомленнымъ. Но черты его лица мгновенно оживились, когда маіоръ сказалъ:

— Чье-нибудь краснорѣчивое перо непремѣнно должно все это описать въ газетахъ. Вы, товарищъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эриху, можете сдѣлать это лучше всякаго другого. Пожалуйста не отговаривайтесь.

Эрихъ объявилъ, что онъ вовсе не намѣренъ отговариваться, но напротивъ очень охотно готовъ исполнить желаніе маіора. Послѣдній отвѣчалъ ему такимъ крѣпкимъ и продолжительнымъ пожатіемъ руки, что Эрихъ принужденъ былъ сказать:

— Но если вы мнѣ станете еще долѣе такъ жать руку, то я завтра не буду въ состояніи писать.

Затѣмъ маіоръ отправился къ профессоршѣ и похвалилъ ей Эриха за то, что онъ пѣлъ вмѣстѣ съ народомъ. Добрый старикъ однако былъ сильно огорченъ тѣмъ, что фрейленъ Милькъ не видѣла праздника. Онъ не могъ понять, почему она, ко всѣмъ такая добрая и снисходительная, была такъ строга и даже жестока къ Зонненкампу. Но профессорша хорошо знала, почему фрейленъ Милькъ держалась въ сторонѣ отъ этого человѣка и сильно страдала отъ того, что сама должна была присутствовать при его торжествѣ. А тутъ еще сыну ея предстояло восхвалять мнимыя добродѣтели и благотворительность, имѣвшую въ виду вовсе не ту цѣль, какую предполагалъ Эрихъ. Профессорша смотрѣла на Зонненкампа, на его дѣтей, на собранныхъ вокругъ него пріятелей и думала, что будетъ со всѣми этими людьми, когда вмѣсто дружескихъ ружейныхъ вы-

стрѣловъ эхо начнетъ повторять и разносить по горамъ и долинамъ слухи совсѣмъ другого свойства?....

Наконецъ общество разошлось. Роландъ и Эрихъ отправились проводить профессоршу въ виноградный домикъ. Мальчикъ былъ несказанно счастливъ выраженіемъ всеобщаго расположенія къ его отцу, а Эрихъ еще разъ постарался внушить ему, что величайшее благо въ жизни составляетъ возможность дѣлать добро. Роландъ сказалъ между прочимъ, что отецъ его собирается устроить разсадники орѣховыхъ деревьевъ, съ цѣлью распространить ихъ по всей окрестности. Онъ жаловался, говоря, что скоро очутится въ положеніи Александра Македонскаго, который упрекалъ своего отца Филиппа за то, что тотъ не хотѣлъ ему оставить ничего послѣ себя дѣлать. Эрихъ и профессорша съ удовольствіемъ слушали милую болтовню мальчика и у послѣдней, когда она его на прощанье цѣловала, невольно навернулись на глазахъ слезы умиленія.

— Что̀ случилось съ твоей матерью? спросилъ на возвратномъ пути Роландъ у Эриха. Она весь день была такая печальная.

— Да, она съ нѣкоторыхъ поръ ничему не радуется, возразилъ Эрихъ.

Въ эту же самую ночь онъ написалъ статью, гдѣ яркими красками изобразилъ благотворительность Зонненкампа и устроенный въ честь его праздникъ, и отправилъ ее въ редакцію профессора Крутіуса. Черезъ день статья явилась обратно на виллу уже напечатанная. Зонненкампъ горячо благодарилъ Эриха, а Роландъ сказалъ ему:

— Подари мнѣ этотъ листокъ, я его спрячу на память. Какъ я радъ, что буду военнымъ. Я отличусь въ сраженіи и имя мое тоже появится въ газетахъ, и ученики въ школахъ будутъ его заучивать наизусть, какъ они заучиваютъ имена и подвиги Мильтіада, Вашингтона и Наполеона.

Немного спустя появилось другое описаніе праздника въ оффиціальной газетѣ и Пранкенъ, сознался, что онъ былъ его авторомъ. Статья Эриха была очень хороша, но та, которая вышла изъ-подъ пера Пранкена, имѣла надъ ней одно большое преимущество: она попалась на глаза герцогу и тѣмъ самымъ послужила поводомъ къ весьма важному событію.

ГЛАВА X.

VICTORIA REGIA ЦВѢТЕТЪ.

Совѣтницѣ вскорѣ представился случай высказать Зонненкампу свою признательность. Она показала ему письмо своего мужа, въ которомъ тотъ ее увѣдомлялъ, что герцогъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ извѣстіе объ учрежденіи вспомогательной кассы и объ изъявленіи учредителю народной благодарности. Но всего лучше было то, что герцогъ выразилъ намѣреніе посѣтить виллу Эдемъ и осмотрѣть ея знаменитые сады и оранжереи. Это послѣднее, впрочемъ, пока еще слѣдовало хранить втайнѣ отъ всѣхъ, исключая самого Зонненкампа, котораго лучше было заранѣе предупредить. Зонненкампъ просилъ, чтобъ его телеграммой увѣдомили о днѣ, какой выберетъ герцогъ для своего посѣщенія.

Имъ овладѣла сильная тревога и онъ какъ тѣнь бродилъ по дому и саду, нигдѣ не находя покоя. Онъ никуда не намѣревался ѣхать, пока не настанетъ время отправиться въ Карлсбадъ, и между тѣмъ все боялся, что герцогъ пріѣдетъ въ его отсутствіе.

Онъ сдѣлалъ кое-какія распоряженія для пріема высокаго гостя и обѣщалъ хорошее вознагражденіе за быстрое доставленіе ему телеграммы, какая можетъ явиться на его имя изъ столицы. Но дни проходили за днями, а телеграммы все не было.

На виллѣ между тѣмъ все пришло въ обычный порядокъ, одинъ Зонненкампъ находился въ тревожномъ, лихорадочномъ состояніи. Пранкенъ хотѣлъ-было уѣхать, но по просьбѣ его остался. Зонненкампъ подъ самой строгой тайной сообщилъ ему о томъ, какая великая честь его ожидала.

Пранкенъ терпѣливо сносилъ холодность, какою Манна отвѣчала на всѣ его попытки къ сближенію. Онъ былъ уже доволенъ тѣмъ, что она оказывала явное нерасположеніе къ Эриху. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ невинныхъ забавахъ и удовольствіяхъ, Манна опять ушла въ себя, сдѣлалась молчалива, задумчива и въ высшей степени серьезна, а при встрѣчѣ съ Эрихомъ лицо ея всякій разъ омрачалось.

Зонненкампъ то-и-дѣло ходилъ по парку, по оранжереямъ и по саду съ плодовыми деревьями. Онъ готовъ былъ молиться своимъ растеніямъ, чтобъ они къ пріѣзду герцога облеклись въ свои самыя роскошныя и свѣжія краски. Онъ почти вовсе оставилъ свое любимое занятіе копаться въ землѣ, но безвыходно

сидѣлъ въ теплицѣ и думалъ о томъ, какъ онъ спокойно, съ достоинствомъ приметъ изъ рукъ герцога дворянскій дипломъ, если тотъ его привезетъ съ собой на виллу. Когда онъ однажды сидѣлъ такимъ образомъ, погруженный въ свои мысли, около него раздался легкій звукъ, едва замѣтный шелестъ и Зонненкампъ, вскочивъ съ мѣста, громко воскликнулъ:

— Онъ распустился!

Дѣйствительно, въ этотъ самый моментъ на растеніи Victoria regia распустился бутонъ. Зонненкампъ съ любовью на него смотрѣлъ, но въ тоже время гнѣвно качалъ головой, приговаривая: — ну что стоило тебѣ подождать немного и распуститься въ ту минуту, когда передъ тобой будетъ стоять герцогъ! Какъ жаль, что мы не можемъ подчинить природу нашему произволу!

Онъ немедленно послалъ экипажъ за совѣтницей. Та пріѣхала и застала всю семью, не исключая и Цереры, любующеюся чудеснымъ цвѣткомъ. Сама она тоже не замедлила придти въ восторгъ.

Зонненкампъ объяснилъ ей, что цвѣтокъ Victoria regia, какъ только распустится, бываетъ совсѣмъ бѣлый, но на ночь опять закрывается и распускаясь снова уже черезъ сутки, является ярко-розовымъ. Каждые четыре дня показывается новый цвѣтокъ, а старый погружается въ воду.

Отведя совѣтницу въ сторону, Зонненкампъ просилъ ее дать знать ко двору о событіи, происшедшемъ въ его оранжереяхъ. Теперь была самая удобная минута для пріѣзда герцога.

Въ тотъ же вечеръ пришло извѣстіе, что герцогъ и герцогиня на слѣдующій день собираются посѣтить виллу Эдемъ. Но обитатели послѣдней не должны были показывать и виду, что заранѣе знали о пріѣздѣ ихъ высочествъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Зонненкампа. Если пріѣздъ герцога долженъ быть случайный, то нечего и думать о дворянскомъ дипломѣ, изготовленіе котораго требуетъ большихъ формальностей и по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ засѣданій орденской коммиссіи. Но кто знаетъ, можетъ быть всѣ эти формальности были уже втайнѣ соблюдены, и государственный совѣтникъ только не смѣлъ о нихъ говорить.

Зонненкампъ сообщилъ свою догадку совѣтницѣ, но та, къ великому его огорченію, вполнѣ его на этотъ счетъ разочаровала. Ему такимъ образомъ все приходилось ждать, хлопотать, съизнова начинать, пріобрѣтать надежду и опять ее терять. Досада его на этотъ разъ была такъ велика, что онъ даже сомнѣвался въ возможности скрыть ее отъ герцога. Наконецъ ему

удалось почти сверхъ-естественнымъ усиліемъ воли изгладить на себѣ всѣ слѣды своего дурного расположенія духа.

На слѣдующее утро, послѣ ночи, проведенной почти совсѣмъ безъ сна, Зонненкампъ объявилъ всѣмъ домашнимъ, что никто изъ нихъ не долженъ отлучаться изъ дому. Затѣмъ онъ обратился къ Церерѣ съ просьбой, похожей на приказаніе, и сказалъ ей, что она въ этотъ день ни подъ какимъ видомъ не должна быть больна.

Онъ пошелъ къ профессоршѣ и просилъ ее взять на себя трудъ распорядиться, чтобъ герцогу былъ оказанъ достойный пріемъ. Ей онъ сообщалъ о его пріѣздѣ, потому что вообще не могъ имѣть отъ нея тайнъ.

Профессорша бросила на него взглядъ, который ясно выражалъ: и ты говоришь это мнѣ, когда я знаю....

Но она поборола въ себѣ негодованіе и сказала, что отдаетъ себя въ полное распоряженіе господина Зонненкампа.

Онъ вышелъ въ садикъ, окружавшій виноградный домикъ, и ждалъ тамъ, пока профессорша одѣвалась. Она въ этотъ день въ первый разъ надѣла брошку съ пастельнымъ изображеніемъ своего покойнаго мужа. Потомъ она съ Зонненкампомъ отправилась на виллу, гдѣ Церера была очень удивлена ея приходомъ въ такой необыкновенный часъ.

Профессорша, съ согласія Зонненкампа, увѣдомила Цереру о предстоящемъ пріѣздѣ герцога, и та во что бы то ни стало хотѣла надѣть всѣ свои брильянты и другія драгоцѣнныя украшенія. Профессоршѣ съ трудомъ удалось отклонить ее отъ этого намѣренія и убѣдить, напротивъ, какъ можно проще одѣться.

Вскорѣ изъ столицы явилась телеграмма, въ которой государственный совѣтникъ увѣдомлялъ, что ихъ высочества отправились въ путь.

Наконецъ-то!

Эриху, Роланду и Маннѣ тоже сказали, что ожидаютъ герцога. Эрихъ хотѣлъ удалиться въ свою комнату.

— Вы, конечно, ожидаете, что о васъ освѣдомятся и васъ позовутъ? насмѣшливо замѣтилъ Пранкенъ.

— Я ничего не ожидаю, кромѣ учтивости со стороны тѣхъ, кого самъ не желаю оскорблять, отвѣчалъ Эрихъ.

Пранкенъ слегка пожалъ плечами и мысленно порѣшилъ: этотъ человѣкъ долженъ быть отсюда удаленъ. Его присутствіе здѣсь становится тягостнымъ. Вся эта учительская семья такъ прочно водворилась на виллѣ, какъ гусеницы въ ульѣ: ихъ надо оттуда выкурить, иначе съ ними ничего не подѣлаешь.

Пранкенъ одинъ былъ спокоенъ и сохранилъ все свое само-

обладаніе. Онъ каммергеръ, баронъ фонъ-Пранкенъ, тогда какъ всѣ остальные выскочки изъ мѣщанъ.

Манна тоже была въ тревожномъ состояніи, но обращеніе ея съ Пранкеномъ отличалось бо̀льшимъ дружелюбіемъ, чѣмъ обыкновенно.

Онъ всему дому придалъ видъ благороднаго спокойствія и она выразила ему за то свою признательность.

Слова Манны несказанно обрадовали Пранкена.

— Вы будете себя какъ нельзя лучше чувствовать при дворѣ, сказалъ онъ.

А Зонненкампъ, стоявшій по близости и слышавшій замѣчаніе Пранкена, подхватилъ:

— Да, дитя, рядомъ съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ кавалеровъ ты будешь наслаждаться счастьемъ и почестями.

Манна опустила глаза въ землю. Въ комнату вошелъ Роландъ, одѣтый весь въ бѣломъ.

— Неправда-ли какъ онъ хорошъ? сказала Манна Пранкену.

Роландъ былъ очень веселъ и все уговаривалъ сестру не робѣть въ присутствіи герцога и его супруги. Обхожденіе ихъ высочествъ такъ просто и ласково, прибавилъ онъ въ заключеніе, что съ ними послѣ первыхъ же словъ всякій начинаетъ себя чувствовать свободно, какъ съ товарищами.

На плоской крышѣ дома стоялъ Лутцъ и смотрѣлъ на дорогу. Вдругъ онъ быстро сошелъ внизъ и закричалъ:

— Ѣдутъ!

Всѣ разошлись въ разныя стороны, какъ будто никто ничего не ожидалъ.

На дворъ въѣхали два экипажа. Зонненкампъ вышелъ на лѣстницу и сталъ быстро по ней спускаться, но на послѣдней ступенькѣ вдругъ отшатнулся назадъ и, чтобъ не упасть, долженъ былъ ухватиться за перила.

Что это?

Черное лицо!

Откуда оно взялось?

— Идите же, идите! воскликнулъ шедшій за нимъ Пранкенъ: ихъ высочества сейчасъ выйдутъ изъ экипажа.

Зонненкампъ, несмотря на остановку, еще поспѣлъ во̀время и имѣлъ счастіе высадить герцога изъ кареты. Герцогиня вышла съ другой стороны, опираясь на руку Пранкена. Она милостиво выразила свое удовольствіе по случаю того, что видитъ наконецъ въ его собственномъ домѣ человѣка, который дѣлаетъ такъ много добра.

Герцогиня стояла во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій страны и считала себя обязанной поблагодарить Зонненкампа за его усердіе. Впрочемъ она была бы гораздо довольнѣе, еслибъ онъ вмѣсто того, чтобъ заводить новыя учрежденія, жертвовалъ бы деньги на тѣ, которыя уже существовали ея стараніями. Но Пранкенъ упустилъ это изъ виду и не догадался надоумить Зонненкампа.

Едва замѣтное недовольство проглядывало въ словахъ герцогини, когда она говорила, что радуется всякому новому благотворительному учрежденію.

Явилась Церера, а вслѣдъ за ней и Манна.

Герцогиня сказала нѣсколько словъ первой, а второй замѣтила, что она вовсе не похожа на своего брата, только глаза у нихъ одинакіе.

— Но гдѣ же Роландъ? освѣдомилась она немного спустя.

Онъ уговаривалъ Эриха пойти съ нимъ, но тотъ, вмѣстѣ съ матерью, просилъ его не настаивать, а идти одному. Роландъ послушался и былъ очень ласково встрѣченъ ихъ высочествами.

Герцогъ вошелъ въ домъ. На площадкѣ лѣстницы стояли Эрихъ и его мать. Герцогъ быстрыми шагами направился къ профессоршѣ и подавая ей обѣ руки, воскликнулъ, что очень радъ ее видѣть. Затѣмъ, указывая на портретъ ея мужа въ брошкѣ, онъ сказалъ, что всегда съ благодарностью вспоминаетъ объ этомъ человѣкѣ и носитъ образъ его не на груди, но въ сердцѣ. Эриха онъ повидимому вовсе не замѣтилъ, пока не прочелъ во взглядѣ профессорши: «поговори также и съ моимъ сыномъ».

Тогда герцогъ, обратясь къ Эриху, сказалъ:

— Надѣюсь, любезный Дорнэ, что вы имѣете лучшаго ученика, нежели вашъ отецъ имѣлъ во мнѣ.

Эрихъ не нашелся, что̀ ему отвѣчать и молча поклонился.

Пранкенъ поспѣшилъ выступить впередъ.

— Что вы желаете прежде, ваше высочество, осмотрѣть домъ, или взглянуть на цвѣтокъ Victoria regia?

— Спросите у герцогини, отвѣчалъ герцогъ.

Пранкенъ немедленно направился къ другой группѣ и съ восторгомъ примѣтилъ, что блестящій взглядъ Манны всюду за нимъ слѣдовалъ. Что̀ такое теперь Эрихъ? Онъ стоитъ, бѣдный, и никто не обращаетъ на него вниманія. Ну не забавно ли, что онъ вздумалъ тягаться съ нимъ, барономъ фонъ-Пранкеномъ?

Герцогиня отвѣчала, что она, послѣ продолжительной поѣздки, предпочитаетъ войти въ комнаты.

Всѣ отправились въ большую залу съ балкономъ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ. Зонненкампъ просилъ ихъ высочества согласиться отвѣдать отъ скромнаго завтрака, который онъ осмѣливался предложить имъ безъ всякихъ приготовленій.

Церера имѣла честь сидѣть по правую руку герцога, который самъ пожелалъ, чтобъ слѣва около него помѣстилась профессорша. Герцогиня сидѣла между Зонненкампомъ и Роландомъ.

Эрихъ былъ очень радъ найти въ свитѣ герцога одного изъ своихъ прежнихъ товарищей и разговаривалъ съ нимъ.

— Вы должны въ скоромъ времени поступить въ корпусъ, сказалъ герцогъ Роланду.

Зонненкампъ быстрымъ взглядомъ окинулъ говорившаго: герцогу было хорошо извѣстно, *когда* Роландъ поступитъ въ корпусъ. Онъ ежеминутно ожидалъ, что по данному знаку одинъ изъ каммергеровъ вручитъ ему дворянскій дипломъ. Но герцогъ велъ оживленный разговоръ съ профессоршей и между прочимъ выразилъ сожалѣніе, что такая благородная и умная женщина какъ она, держится вдали отъ двора.

Вскорѣ всѣ встали изъ-за стола и Зонненкампъ былъ внѣ себя отъ радости, слушая похвалы герцога его оранжереямъ, парку и плодовымъ деревьямъ. Вдругъ въ саду герцогъ, обратясь къ профессоршѣ, спросилъ:

— Но гдѣ же ваша свояченица, очаровательная Клавдія?

— Она тоже здѣсь и живетъ вмѣстѣ со мной въ домикѣ, который господинъ Зонненкампъ отдалъ въ наше распоряженіе.

— Пойдемте къ ней, неожиданно предложилъ герцогъ. И всѣ, чрезъ новую дверь выйдя на лугъ, направились къ виноградному домику.

Тетушка была очень удивлена, но сохранила все свое самообладаніе. Герцогъ сказалъ, что всякій разъ, когда слышитъ игру на арфѣ, непремѣнно вспоминаетъ о фрейленъ Дорнэ. Съ какимъ удовольствіемъ встрѣчалъ онъ ее всегда въ комнатѣ своей матери, гдѣ она, сидя на табуретѣ, играла на арфѣ. Ея прекрасное, обрамленное длинными локонами лицо и по-сю пору составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній его дѣтства. Выразивъ ей за то свою благодарность, герцогъ поздравилъ Зонненкампа съ тѣмъ, что онъ имѣетъ въ своемъ сосѣдствѣ двухъ такихъ благородныхъ и пріятныхъ женщинъ.

Герцогъ искренно желалъ дѣлать людей счастливыми и по-

лагалъ, что достигаетъ этого посредствомъ такого рода рѣчей. Онъ былъ увѣренъ, что тетушка Клавдія отнынѣ будетъ считать себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ.

Пробывъ довольно долго въ виноградномъ домикѣ, герцогъ, приказавъ привести туда экипажи, изъ него уѣхалъ.

Эрихъ, котораго никто не пригласилъ идти вмѣстѣ, остался на виллѣ и все время проговорилъ съ высокимъ негромъ, по имени Адамомъ.

Негръ, одѣтый въ фантастическую ливрею, разсказалъ между прочимъ, что онъ славился въ Америкѣ своей необычайной силой. Братъ герцога, путешествуя, встрѣтилъ его на своемъ пути, выкупилъ изъ неволи и привезъ съ собой въ Европу. Теперь онъ былъ любимымъ слугой самого герцога. У него умерла жена, которая принадлежала къ породѣ бѣлыхъ людей, но тѣмъ не менѣе его нѣжно любила. У нихъ былъ ребенокъ, но и тотъ вскорѣ послѣдовалъ за матерью. Адамъ желалъ бы вторично жениться, но жаловался, что никакъ не могъ найти себѣ невѣсты.

Эриху въ первый разъ приходилось говорить съ человѣкомъ, который нѣкогда былъ рабомъ, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не выразить лакею Адаму своего участія къ его печальному прошлому.

Разговаривая съ негромъ, Эрихъ и не подозрѣвалъ, что о немъ въ это самое время шла рѣчь въ виноградномъ домикѣ. Тетушка Клавдія съ жаромъ описывала герцогу прекрасныя качества своего племянника.

Садясь въ карету, герцогъ громко сказалъ профессоршѣ:

— Гдѣ же вашъ сынъ? Скажите ему пожалуйста, что я очень хорошо помню товарища моего дѣтства.

Наконецъ ихъ высочества уѣхали. Негръ Адамъ, сидя на своемъ мѣстѣ позади кареты, еще долго смотрѣлъ на виллу. Зонненкампъ казался сильно раздосадованнымъ и сказалъ Пранкену, что рѣшительно не понимаетъ, какимъ образомъ посѣщеніе герцога могло принять такой странный оборотъ.

По возвращеніи на виллу, Манна подошла къ Эриху и сказала ему:

— Герцогъ поручилъ вашей матушкѣ передать вамъ свой поклонъ и напомнить вамъ, что вы были товарищемъ его дѣтства.

На что Эрихъ ей весело возразилъ:

— Самое пріятное въ герцогской милости для меня то, что вы, фрейленъ Манна, взяли на себя трудъ мнѣ ее передать.

Всѣ были удивлены дружескими отношеніями, которыя по-

видимому успѣли установиться между Манной и Эрихомъ. Пранкенъ крѣпко стиснулъ зубы и кулаки, проклиная дерзкаго учителя.

— Гдѣ вы были? съ упрекомъ въ голосѣ спросилъ Зонненкампъ Эриха.

— Я разговаривалъ съ слугой герцога, отвѣчалъ тотъ.

Зонненкампъ пытливо на него взглянулъ и ушелъ въ оранжерею.

Пранкенъ объявилъ, что тоже намѣренъ уѣхать. Онъ надѣялся, что Манна станетъ его удерживать, но молодая дѣвушка ни слова не сказала и ему болѣе ничего не оставалось, какъ дѣйствительно уѣхать.

На виллѣ водворилось всеобщее недовольство.

ГЛАВА XI.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ВЫСШИХЪ.

Когда молнія, сверкнувъ въ ночи, исчезаетъ съ небосклона, мракъ, который она на мгновеніе разсѣяла, какъ бы еще болѣе сгущается и становится непроницаемымъ для глазъ. Такъ точно было на виллѣ послѣ отъѣзда герцога. При встрѣчахъ всѣ избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза, каждый спѣшилъ уйти въ свой уголъ, но въ тоже время никто не осмѣливался яснѣе высказать таившуюся въ немъ досаду. Одинъ Іозефъ чистосердечно признался въ своемъ разочарованіи и нашелъ себѣ сочувствіе въ дворецкомъ. Но послѣдній слушалъ жалобы товарища молча, потому что ротъ его былъ набитъ оставшимися отъ завтрака лакомыми кусочками. За то онъ такъ усердно кивалъ головой, что весь сдѣлался багровымъ.

— И хоть бы что оставили они намъ на водку! говорилъ Іозефъ: стоило послѣ этого такъ заботиться объ ихъ пріемѣ! А вѣдь при дворѣ у нихъ и прислуга и сервировка вовсе не лучше нашихъ! Фу, стыдъ какой! Такъ-таки никому ничего и не дали на водку!

И оно дѣйствительно такъ было.

Тетушка Клавдія одна ничего не ожидала отъ посѣщенія герцога и теперь, по отъѣздѣ его, одна не имѣла причины быть имъ недовольной.

Зонненкампъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, чѣмъ онъ могъ возбудить неудовольствіе герцога. Ему было невыносимо при мысли, что слово, взглядъ, расположеніе духа другого

человѣка могли имѣть такое сильное вліяніе на его собственное нравственное состояніе. Съ усиліемъ, отъ котораго его бросало въ жаръ, онъ старался припомнить всѣ малѣйшія подробности пребыванія въ его домѣ высокихъ гостей. Вдругъ ему пришло на память одно нетерпѣливое движеніе герцога и все сдѣлалось ему ясно. Онъ выразилъ его высочеству свою радость, что будетъ вмѣстѣ съ нимъ изъ одного источника почерпать силы и здоровье. Герцогъ вопросительно на него посмотрѣлъ, и онъ поспѣшилъ объяснить, что тоже ѣдетъ въ Карлсбадъ, гдѣ будетъ имѣть счастіе ежедневно видѣть его высочество. Да, эти слова были всему причиной. Герцогъ окинулъ его удивленнымъ взглядомъ и едва замѣтно дернулъ себя за перчатку.

Зонненкампъ теперь ясно видѣлъ, что ему не слѣдовало упоминать о предполагаемой поѣздкѣ герцога въ Карлсбадъ, которая еще не была оффиціально объявлена. Заговоривъ о ней, онъ могъ возбудить подозрѣнія въ томъ, будто бы тайно развѣдываетъ о намѣреніяхъ герцога. Сознавая всю свою неловкость, Зонненкампъ однако не столько возмущался ею, сколько необходимостью быть постоянно на сторожѣ и разыгрывать роль смиреннаго и почтительнаго подданнаго. Ну почему бы, думалъ онъ, герцогу не отнестись проще и дружелюбнѣе къ его замѣчанію? Или онъ недостаточно ловко и учтиво коснулся вопроса о его поѣздкѣ?

Перебирая въ умѣ дальнѣйшія подробности посѣщенія герцога, Зонненкампъ еще вспомнилъ, какъ тотъ сказалъ тетушкѣ Клавдіи:

— У васъ я чувствую себя особенно хорошо. Вокругъ васъ все такъ просто и уютно: сейчасъ видно, что вы ничѣмъ не старались нарушить обычнаго порядка вашего дня.

Герцогъ явно былъ недоволенъ приготовленіями, сдѣланными втайнѣ для его пріема. Онъ могъ подумать, что его со всѣхъ сторонъ окружаютъ шпіоны.

И гнѣвъ Зонненкампа снова обратился не на самого себя, а на герцога.

Его высочеству не слѣдовало забывать, что онъ, Зонненкампъ, такъ долго жилъ въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ, при совершенно иныхъ условіяхъ. Профессорша должна бы была все лучше устроить: не даромъ же она нѣкогда была статсъ-дамой. Да и Пранкенъ тоже, которому, какъ каммергеру, хорошо были извѣстны придворные нравы и обычаи, могъ бы нѣсколько лучше повести все дѣло.

Въ досадѣ на всѣхъ его окружавшихъ, Зонненкампъ въ первый разъ подумалъ, какъ смѣшны люди, придавая такое важ-

ное значеніе всѣмъ этимъ почестямъ и отличіямъ. Вѣдь каждому изъ нихъ извѣстно, что все это вздоръ и обманъ, а между тѣмъ каждый притворяется передъ другимъ, будто питаетъ къ этимъ пустякамъ самое глубокое и искреннее уваженіе.

На мгновеніе Зонненкампу даже пришло на умъ совсѣмъ отказаться отъ своего плана. Ради чего домогается онъ дворянства, ищетъ доступа ко двору и стремится наложить на себя цѣпи? Онъ до сихъ поръ гордился своей независимостью, а теперь ему предстоитъ отъ нея отказаться и каждое свое движеніе, слово и взглядъ подчинить придворному этикету. Нѣтъ, онъ этого не хочетъ и предпочитаетъ остаться свободнымъ, сохранивъ за собой право открыто презирать общество, которое онъ до сихъ поръ презиралъ втайнѣ.

Но къ сожалѣнію онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и отступленіе навлекло бы на него одинъ стыдъ. Къ тому же онъ такъ долго тѣшилъ надеждой на дворянство Цереру и чувствовалъ, что его связываютъ обязанности въ отношеніи къ Пранкену и въ особенности къ Роланду. Что̀ станется съ послѣднимъ, если онъ не займетъ мѣста въ ряду дворянства? Что̀, если онъ, или его потомки обѣднѣютъ? Нѣтъ, дворянскій дипломъ въ его положеніи дѣлался необходимостью. Имѣніе, пріобрѣтенное цѣной неусыпныхъ заботъ, должно быть превращено въ маіоратъ, такъ чтобъ потомки Зонненкампа никогда болѣе не могли утратить ни своихъ богатствъ, ни своего положенія въ свѣтѣ. Дача и замокъ на Рейнѣ навсегда должны остаться во владѣніи его рода.

Воспоминаніе о собственной юности внезапно поднялось изъ глубины души Зонненкампа и онъ произнесъ вслухъ:

— Ты долженъ отвратить отъ твоихъ дѣтей то, что погубило тебя самого.

И съ этой твердой рѣшимостью онъ вернулся домой, гдѣ смѣло и открыто началъ говорить о счастіи, какое ему доставило посѣщеніе герцога. Узнавъ отъ Іозефа, что ихъ высочества уѣхали, никому ничего не давъ на водку, онъ самъ роздалъ слугамъ значительную сумму денегъ, говоря, что герцогъ нарочно съ этой цѣлью оставилъ ее Пранкену. Зонненкампъ надѣялся, что слуги разнесутъ по всей окрестности слухъ о томъ, что герцогъ былъ на виллѣ и щедро ихъ всѣхъ наградилъ. Это возбудитъ зависть, которая еще болѣе поспѣшитъ всюду распространить лестную для него молву и такимъ образомъ всѣ будутъ обмануты. А что̀ можетъ быть пріятнѣе, какъ дурачить людей.

Зонненкампъ тихонько засвисталъ, что̀ составляло неопро-

вержимое доказательство его хорошаго расположенія духа. Онъ особеннымъ вниманіемъ окружилъ тетушку Клавдію, хвалилъ ея скромность и говорилъ, что она вполнѣ оправдываетъ высокое о ней мнѣніе герцога. Его несказанно забавляло смотрѣть, какъ люди отклоняютъ отъ себя похвалы, и въ тоже время не умѣютъ скрыть, какъ пріятно щекочетъ она ихъ самолюбіе.

Когда на слѣдующій вечеръ тетушка съ Манной отправились на плоскую крышу виллы любоваться звѣздами, онѣ нашли тамъ превосходный телескопъ. Обѣ выразили Зонненкампу живѣйшую благодарность, а онъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и обратился къ тетушкѣ съ просьбой сопутствовать его семейству въ Карлсбадъ. Но тетушка Клавдія, равно какъ и профессорша, рѣшительно отъ этого отказались.

Пранкенъ вскорѣ опять пріѣхалъ. Онъ счелъ за лучшее не показывать вида, будто Эрихъ могъ его оскорбить, чтобъ тѣмъ самымъ не подать учителю повода думать, что онъ на него смотритъ какъ на равнаго.

На этотъ разъ Пранкенъ остался очень доволенъ пріемомъ Манны, которая встрѣтила его привѣтливѣе обыкновеннаго.

— Я очень радъ, сказалъ онъ, что въ васъ, подобно другимъ женщинамъ, тоже есть нѣчто напоминающее сфинкса. Я въ васъ ошибся и повторяю, очень этимъ доволенъ. Загадочность постоянно поддерживаетъ въ жизни интересъ и сообщаетъ ей особенную прелесть.

Манна не поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но воздержалась отъ распросовъ. Она между прочимъ выразила сожалѣніе, что профессорша и тетушка Клавдія не ѣдутъ съ ними въ Карлсбадъ. Пранкенъ возразилъ, что это весьма ловко съ ихъ стороны, но Манна съ изумленіемъ на него смотрѣла все время, какъ онъ говорилъ о самонадѣянности гугенотовъ.

— И капитанъ Дорнэ, прибавилъ онъ, безъ сомнѣнія тоже останется дома? По крайней мѣрѣ онъ въ прошломъ году очень рѣшительно отказался отъ поѣздки въ Виши.

— Не знаю, отвѣчала Манна. Въ эту минуту въ комнату вошелъ Зонненкампъ и она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Батюшка, капитанъ Дорнэ ѣдетъ съ нами на воды?

— Конечно. Онъ самъ ни минуты не колебался, зная, что принадлежитъ къ нашему дому.

Пранкенъ былъ непріятно удивленъ. Онъ поспѣшилъ замѣтить, что находитъ это вполнѣ естественнымъ, тѣмъ болѣе что капитанъ Дорнэ — на словѣ капитанъ онъ сдѣлалъ особенное удареніе, — безъ сомнѣнія ожидаетъ найти въ Карлсбадѣ своего друга негра Адама, съ которымъ успѣлъ свести здѣсь знаком-

ство во время посѣщенія герцога. Пранкенъ повидимому надѣялся, что Зонненкампъ и Манна его поддержатъ, но ни тотъ, ни другая не сказали ни слова. Ему такимъ образомъ ничего не оставалось, какъ самому закончить свою рѣчь. — Эти атеисты и демократы, сказалъ онъ, постоянно стремятся все разрушать и даже братаются съ неграми. Впрочемъ капитанъ Дорнэ, надо отдать ему справедливость, совершенно искрененъ и въ высшей степени послѣдователенъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Немного спустя на виллу пріѣхали Белла и Клодвигъ. Они явились только затѣмъ, чтобъ объявить о своемъ отъѣздѣ изъ Вольфсгартена и выразить надежду на скорое свиданіе въ Карлсбадѣ. Белла казалась въ высшей степени довольной тѣмъ, что ей предстоитъ провести нѣсколько недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ семействомъ Зонненкампа. Она обѣщала самой себѣ и другимъ много удовольствія и очень развязно сказала Эриху, что онъ непремѣнно долженъ пѣть въ благотворительномъ концертѣ, въ которомъ она будетъ играть.

Эрихъ безъ малѣйшаго смущенія обѣщался исполнить ея желаніе.

ГЛАВА XII.

У ИСТОЧНИКА, СОСТАВЛЯЮЩАГО ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.

Въ этомъ году сезонъ водъ въ Карлсбадѣ обѣщалъ быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ. Туда съѣхалось множество знатныхъ, богатыхъ гостей и въ тоже время не мало авантюристовъ. Къ числу самыхъ интересныхъ личностей принадлежалъ Зонненкампъ, который, впрочемъ, многими причислялся также и къ знати, потому что находился въ непосредственныхъ съ нею сношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ съ большой свитой. При немъ находились жена, дочь и сынъ, гувернеръ и гувернантка послѣднихъ и множество слугъ, которыхъ онъ изъ скромности не хотѣлъ одѣть въ ливрею.

Когда Зонненкампъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ, герцогскій дворъ, Белла и Клодвигъ были тамъ уже цѣлую недѣлю. Послѣдній съ нѣкоторой торжественностью повелъ своего молодого друга къ источнику и передалъ ему слова, слышанныя имъ здѣсь отъ философа Шеллинга.

— Обратите вниманіе на этотъ источникъ, сказалъ ему философъ: онъ составляетъ гордость нашей планеты.

Затѣмъ Клодвигъ прибавилъ отъ себя, что такого рода цѣ-

лебный источникъ вполнѣ уничтожаетъ всякое различіе между людьми высокаго и низкаго происхожденія. Онъ какъ будто всѣмъ говоритъ: «Знатны вы, бѣдны или богаты, вы всѣ одинаково покидаете ваши роскошныя и убогія жилища и являетесь сюда искать здоровья. Передо мной вы всѣ равны».

Духъ свободы, повидимому, уже повѣялъ на Клодвига.

Въ одинъ день съ Зонненкампомъ въ Карлсбадъ пріѣхалъ еще другой человѣкъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе, несмотря на то, что отличался скромностью, равнявшейся развѣ только его заслугамъ. Это былъ Вейдеманъ, котораго Эрихъ уже на слѣдующее утро встрѣтилъ близъ источника. Все общество, собранное въ этомъ году въ Карлсбадѣ, еще долго послѣ сезона водъ толковало о томъ, какъ герцогъ милостиво обошелся съ президентомъ палаты депутатовъ, который стоялъ въ рядахъ оппозиціи и былъ одною изъ главныхъ ея опоръ. Его высочество дважды приглашалъ Вейдемана къ своему столу и неоднократно разговаривалъ съ нимъ по утрамъ, близъ источника. Но объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ статистика отзывалась какъ-то неопредѣленно. Одни увѣряли, что герцогъ разговаривалъ съ Вейдеманомъ два раза, другіе, что три, а нѣкоторые утверждали, что много разъ.

Эрихъ съ Вейдеманомъ опять видѣлся только урывками. Онъ уже болѣе не смѣлъ повторять ему такъ часто даваемое и неисполняемое обѣщаніе навѣстить его въ собственномъ домѣ.

Клодвигъ немедленно по пріѣздѣ Эриха представилъ ему своего друга, очень умнаго и образованнаго банкира изъ сосѣдняго торговаго города. Онъ съ нимъ ежегодно встрѣчался на водахъ, или здѣсь, въ Карлсбадѣ, или въ Гаштейнѣ, или въ Остенде. Графъ и банкиръ были почти однихъ лѣтъ и находя большое удовольствіе въ обществѣ другъ друга, проводили вмѣстѣ иногда цѣлые дни. Банкиръ, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ одержимъ почти юношескимъ пыломъ къ наукѣ. Онъ еще до сихъ поръ все жаждалъ познаній и кидался на нихъ съ алчностью истаго германскаго студента, а болтливостью своей не уступалъ любому французу. Клодвигъ же, напротивъ, постоянно сохранялъ спокойствіе духа, почти никогда не говорилъ на ходу, но желая что-нибудь сообщить или возразить своему собесѣднику, всегда останавливался и пока говорилъ, не двигался съ мѣста.

Банкиръ не замедлилъ объявить Эриху, что онъ еврей. По всему было видно, что Клодвигъ ему уже много говорилъ о своемъ молодомъ другѣ. Но попытка банкира къ быстрому сближенію съ Эрихомъ не встрѣтила со стороны послѣдняго соот-

вѣтственнаго рвенія. Молодой человѣкъ самъ не привыкъ болѣе слушать, чѣмъ говорить и, кромѣ того, почувствовалъ къ своему новому знакомцу маленькую зависть. Онъ сильно радовался случаю въ теченіи нѣсколькихъ недѣль ежедневно видѣться съ Клодвигомъ, а теперь ему приходилось дѣлиться этимъ удовольствіемъ съ банкиромъ.

За общимъ завтракомъ рѣчь очень часто шла о герцогѣ и о графинѣ Беллѣ. Туалетъ графини обыкновенно разбирался по ниточкамъ. Ее почти каждое утро встрѣчали на прогулкѣ вмѣстѣ съ герцогомъ и не разъ слышали, какъ послѣдній весело смѣялся, слушая ея остроумныя замѣчанія. Онъ выказывалъ также большое расположеніе къ Клодвигу.

Белла устроила около себя родъ маленькаго двора. Она завтракала всегда въ самомъ отборномъ обществѣ на открытомъ воздухѣ, не стѣсняясь ничьими взорами. А столъ ея постоянно былъ украшенъ самыми роскошными цвѣтами. Говорили, что оркестръ, игравшій въ курзалѣ, разучивалъ сочиненный ею вальсъ.

Зонненкампъ каждое утро встрѣчалъ на прогулкѣ Беллу, когда та гуляла съ герцогомъ. Графиня, въ отвѣтъ на его поклонъ, всегда очень привѣтливо кивала ему головой и герцогъ тоже слегка ему кланялся, но до сихъ поръ еще ни разу не заговаривалъ съ нимъ.

Государственный совѣтникъ также находился въ свитѣ герцога и вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ, который постоянно издали наблюдалъ за безопасностью его высочества, составлялъ обычное общество Зонненкампа во время утреннихъ прогулокъ.

Пранкенъ жилъ отдѣльно, самъ по себѣ, но въ теченіи дня почти не разлучался съ семействомъ Зонненкампа.

На гуляньѣ еще часто появлялась одна красавица, русская боярыня. Всегда неизмѣнно одѣтая въ черное, съ густымъ вуалемъ на головѣ, она гуляла постоянно одна и никогда ни съ кѣмъ не заговаривала. Ходили слухи о большомъ несчастіи, постигшемъ ее на первой же порѣ ея замужества. Оказалось, что мужъ ея имѣлъ еще другую жену, на которой женился прежде нея.

Манна вовсе не показывалась по утрамъ. Она вставала рано, ходила въ церковь, а затѣмъ оставалась дома. Игра на арфѣ составляла ея главное занятіе, и жила она, по собственному выбору, въ комнатѣ, откуда никто не могъ ее слышать.

Церера каждое утро привлекала на себя вниманіе всего общества. Она обыкновенно являлась къ источнику въ носилкахъ. На колѣняхъ у нея лежала крошечная собачка, а въ рукѣ она держала розу. Пранкенъ постоянно около нея увивался, а фрейленъ Пэрини, съ своей стороны, ни на шагъ не отходила отъ

носилокъ. Послѣ полудня Церера, въ роскошномъ нарядѣ, прогуливалась по самымъ многолюднымъ аллеямъ. Всѣ съ изумленіемъ на нее смотрѣли, не понимая, зачѣмъ она, совсѣмъ здоровая, каждое утро заставляла приносить себя къ источникамъ. Церерѣ нравилось быть предметомъ всеобщаго вниманія, а то, что говорилось о ней за спиной, она не слышала.

Послѣ первыхъ трехъ дней, Эрихъ запретилъ своему воспитаннику ходить къ источникамъ. Зонненкампъ, которому пріятно было видѣть, какъ всѣ восхищались необыкновенной красотой его сына, возсталъ противъ распоряженія Эриха, но тотъ объявилъ, что никакое занятіе невозможно послѣ того, какъ мальчикъ наслушается музыки. Зонненкампу пришлось уступить и Роландъ проводилъ всѣ утренніе часы наединѣ съ Эрихомъ. Но когда они позже появлялись на гуляньѣ, взоры всѣхъ невольно на нихъ обращались. И мужчины, и дамы, всѣ одинаково любовались прекрасной наружностью юноши и болѣе зрѣлой и выразительной красотой его наставника.

Пранкенъ часто выражалъ сожалѣніе, что милостивое вниманіе къ нему герцога не рѣдко по цѣлымъ днямъ лишало его удовольствія видѣться и бесѣдовать съ друзьями.

Зонненкампъ наконецъ могъ похвалиться, что вращается въ кругу самаго избраннаго общества. Онъ былъ этимъ обязанъ Беллѣ и вовсе не смущался, когда у него за спиной говорили, что знакомство на водахъ вовсе не обязываетъ къ дальнѣйшему сближенію въ столицѣ. Зонненкампъ еще здѣсь надѣялся получить желаемое возвышеніе въ свѣтѣ, которое разомъ поставило бы его на равную ногу со всей этой знатью. Онъ и теперь уже чувствовалъ себя совершенно свободно въ ея обществѣ и заранѣе пріобрѣлъ въ своемъ обращеніи съ ней большую развязность.

Въ одно прекрасное іюльское утро Белла угощала своихъ знакомыхъ завтракомъ, на который пригласила, между прочимъ, и всю семью Зонненкампа. Манна при этомъ случаѣ въ первый разъ явилась въ общество въ сопровожденіи своей матери. Въ числѣ гостей находились государственный совѣтникъ, генералъ-адъютантъ и всѣ самые знатные изъ придворныхъ. Столъ, накрытый для завтрака, былъ съ большимъ вкусомъ убранъ рѣдкими цвѣтами. На разспросы гостей Белла отвѣчала, что цвѣты эти были ей доставлены и сложены въ букеты Зонненкампомъ. При этомъ она ловко распространилась насчетъ его необыкновеннаго искусства въ дѣлѣ разведенія цвѣтовъ и плодовъ и между прочимъ назвала его истымъ жрецомъ садоводства.

Зонненкампъ остался очень доволенъ, какъ словами графини, такъ и впечатлѣніемъ, какое повидимому они произвели на гостей.

Манна робко замѣтила, что ее подобная выставка цвѣтовъ въ симметрическомъ порядкѣ всегда непріятно поражаетъ. Цвѣты, сложенные въ букеты и крѣпко связанные, говорила она, прижимаясь одинъ къ другому, утрачиваютъ свой настоящій характеръ. Розы особенно возбуждали въ ней сожалѣніе.

Эрихъ замѣтилъ, что жизнь безъ цвѣтовъ была бы лишена лучшаго своего украшенія. Все чистое и прекрасное, говорилъ онъ, по временамъ подвергается дурному обращенію и разнаго рода искаженіямъ, но въ самомъ стремленіи людей по возможности наиболѣе украшать свое существованіе, онъ не видѣлъ рѣшительно ничего предосудительнаго.

Пранкенъ, замѣтивъ впечатлѣніе, какое эти слова произвели на Манну, очень ловко поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ. Что до него касается, сказалъ онъ, то ему тоже не нравятся цвѣты въ букетахъ. Цвѣты, птицы и женщины составляютъ лучшее украшеніе жизни и потому ихъ надо щадить и ни подъ какимъ видомъ не лишать свободы.

Разговоръ принялъ шутливое направленіе. Всѣ были въ эту утреннюю пору дня веселы и оживлены. Въ числѣ гостей находился одинъ, котораго все общество точно согласилось избрать предметомъ своихъ болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ. Это былъ высокаго роста и очень худощавый лейтенантъ изъ Шварцбурга-Зондергаузена, но Белла постоянно ошибалась и говорила изъ Шварцгаузенъ-Зондербурга. Этотъ лейтенантъ открыто признавался, что прокутилъ все свое состояніе и теперь искалъ богатую невѣсту изъ мѣщанокъ, которую намѣревался осчастливить, давъ ей свое аристократическое имя. Белла усердно надъ нимъ подшучивала, что́ ни мало его не смущало. Долговязый лейтенантъ и самъ не былъ лишенъ остроумія. Онъ все выражалъ сожалѣніе, что у Зонненкампа нѣтъ, вмѣсто Роланда, еще другой дочери, на которой онъ могъ бы жениться.

Манна покраснѣла. Это замѣчаніе лейтенанта ясно доказывало, что на нее всѣ смотрѣли, какъ на невѣсту Пранкена.

За столомъ между прочимъ было разсказано много двусмысленныхъ анекдотовъ. Манной овладѣло тоскливое чувство. Она слушала молча и думала про себя: «прежде чѣмъ я на вѣки разстанусь съ міромъ, мнѣ слѣдуетъ узнать всю его суету».

Эрихъ догадывался о томъ, что́ происходило въ сердцѣ молодой дѣвушки, и выбравъ удобную минуту, шепнулъ ей:

— Въ библіи сказано, что Богъ пощадилъ бы Содомъ, еслибъ нашелъ тамъ нѣсколько праведниковъ. Смотрите: солнце сіяетъ,

птицы поютъ, цвѣты благоухаютъ—нельзя ли изъ этого заключить, что міръ богаче добродѣтелью, нежели мы полагаемъ?

— Развѣ вы тоже вѣрующій? тихо спросила Манна.

— Да, только иначе, чѣмъ вы!

Послѣ завтрака Клодвигъ, Зонненкампъ, Эрихъ, Роландъ и банкиръ отправились гулять въ лѣсъ. Белла удержала Манну при себѣ.

Пранкенъ, который въ этотъ день былъ свободенъ отъ своихъ придворныхъ обязанностей, тоже остался съ ними.

Белла заговорила съ Манной о нарядахъ для слѣдующаго бала, на который, ея стараніями, былъ наконецъ приглашенъ и Зонненкампъ съ семействомъ. Манна просила, чтобъ ее оставили въ покоѣ дома, но объ этомъ никто и слышать не хотѣлъ и она должна была уступить общему желанію.

Мужчины между тѣмъ все далѣе и далѣе углублялись въ лѣсъ. Сначала Эрихъ шелъ съ Клодвигомъ и послѣдній съ добродушной улыбкой слушалъ, какъ молодой человѣкъ ему говорилъ, что разсѣянная жизнь на водахъ, съ которой онъ до сихъ поръ вовсе не былъ знакомъ, производитъ на него странное, какъ бы одуряющее впечатлѣніе. Не дурно было бы, прибавилъ Эрихъ, ежегодно посылать куда-нибудь людей на нѣсколько недѣль для врачеванія ихъ духа. Заботливость, исключительно обращенная на физическое благосостояніе, развѣ не свидѣтельствуетъ о крайнемъ развитіи въ человѣкѣ эгоизма?

Клодвигъ, какъ всегда, когда что-нибудь особенно сильно возбуждало его вниманіе, остановился.

— Вы никогда вполнѣ не свыкнетесь съ жизнью, какою живетъ на свѣтѣ большинство людей, сказалъ онъ и пошелъ далѣе.

На одномъ изъ поворотовъ дороги Эрихъ остался позади, а Клодвигъ поровнялся съ Зонненкампомъ. Рѣчи и поступки послѣдняго, возбуждая въ графѣ непреодолимое отвращеніе, въ тоже время какъ-то странно его къ нему привлекали. Клодвигу еще никогда не приходилось встрѣчаться съ такого рода человѣкомъ.

Зонненкампъ воспользовался случаемъ и еще разъ попытался склонить графа въ пользу своего дѣла о дворянствѣ. Но онъ встрѣтилъ съ его стороны такой отпоръ, какого вовсе не ожидалъ. Клодвигъ вполнѣ уничтожилъ его самымъ вѣжливымъ образомъ.

— Я удивляюсь вашему мужеству и вашей настойчивости, говорилъ онъ, а въ тонѣ его звучало: твоя дерзость и твоя навязчивость мнѣ несказанно противны.

— Вы неутомимы и у васъ неистощимый запасъ энергіи,

прибавилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, но подъ этимъ надо было подразумѣвать: ты безсовѣстный наглецъ!

Зонненкампъ многое испыталъ на своемъ вѣку, но въ такомъ положеніи еще никогда не бывалъ. Онъ и не подозрѣвалъ, чтобъ можно было такъ жестоко уязвить самолюбіе человѣка, не выходя изъ предѣловъ самой утонченной вѣжливости. Но онъ не смѣлъ выказывать своей досады и продолжалъ любезно улыбаться. Съ другой стороны Клодвигъ тоже сохранялъ невозмутимое спокойствіе и все время похлопывалъ пальцемъ по крышкѣ своей золотой табакерки, точно говоря заключавшемуся въ ней наркотическому средству: погоди, мы съ тобой угостимъ этого человѣка! И дѣйствительно, открывъ табакерку, Клодвигъ предложилъ Зонненкампу щепотку табаку. Тотъ съ благодарностью взялъ и понюхалъ.

Эрихъ между тѣмъ шелъ съ банкиромъ. У нихъ вскорѣ завязался весьма интересный для обоихъ разговоръ. И тотъ и другой одинаково любили и уважали Клодвига и наперерывъ старались его выхвалять. Банкиръ между прочимъ сказалъ, что можетъ быть однимъ только аристократамъ доступенъ такой свободный образъ мыслей и такая безграничная гуманность въ обращеніи, какими обладаетъ графъ Вольфсгартенъ.

Роландъ взглянулъ на Эриха, точно желая сказать ему: видишь, и онъ говоритъ тоже самое.

Эрихъ съ жаромъ сталъ опровергать мнѣніе банкира, который до сихъ поръ относился къ нему нѣсколько покровительственно, а теперь вдругъ распространился въ похвалахъ ему.

Возвратясь съ прогулки, Эрихъ былъ встрѣченъ радостнымъ извѣстіемъ: въ Карлсбадъ пріѣхалъ его бывшій учитель, профессоръ Эйнзидель.

Добрый, погруженный въ самого себя старикъ, отправленный на воды однимъ изъ своихъ товарищей, главнымъ университетскимъ докторомъ, внезапно почувствовалъ себя точно въ изгнаніи, растерялся и рѣшительно не зналъ, за что ему взяться. Но Эрихъ явился ему на помощь и мгновенно вывелъ его изъ затрудненія. Онъ нанялъ ему квартиру, распорядился на счетъ его стола и былъ въ высшей степени радъ случаю оказать ему услугу.

Разговаривая съ своимъ бывшимъ учителемъ, Эрихъ увидѣлъ Зонненкампа, который вдали прогуливался съ профессоромъ Крутіусомъ.

Послѣдній повидимому не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ тягостнаго для него общества и когда наконецъ Зонненкампъ подалъ ему на прощанье руку, онъ быстро схватился за шляпу и отвѣсилъ своему собесѣднику весьма низкій и учтивый поклонъ.

Эриху, къ великому его удовольствію, удалось помѣстить профессора Эйнзиделя въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ жило семейство Зонненкампа.

ГЛАВА XIII.

ПОЛНОЕ ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ СВѢТЪ.

Въ роскошномъ нарядѣ, съ цвѣтами на головѣ вошла Манна въ большую залу. Взоръ ея нечаянно остановился на зеркалѣ и увидѣвъ въ немъ отраженіе своихъ обнаженныхъ плечъ, она стыдливо поспѣшила окутать ихъ въ облака тюля.

Вслѣдъ за ней пришелъ и Эрихъ съ Роландомъ.

Молодой человѣкъ остановился, какъ бы пораженный наружностью Манны.

— Какъ вы поздно вернулись домой, сказала она.

Эрихъ объявилъ ей, что все это время посвящалъ своего учителя въ нравы и обычаи жизни на водахъ. Затѣмъ онъ выразилъ надежду, что Манна не замедлитъ познакомиться съ этимъ человѣкомъ, который, онъ былъ увѣренъ, какъ нельзя больше придется ей по душѣ.

— Вы говорите, вашъ учитель пріѣхалъ? спросила Манна голосомъ, въ которомъ съ нѣкоторыхъ поръ снова начали звучать слезы. — Пожалуйста, завтра же меня съ нимъ познакомьте. А теперь вамъ надо поспѣшить, иначе вы опоздаете на балъ.

— Я на него не приглашенъ, возразилъ Эрихъ.

— Да, онъ не приглашенъ, подтвердилъ Роландъ, и я вмѣстѣ съ нимъ остаюсь дома.

Въ эту минуту въ комнату вошли Зонненкампъ и Церера. Всѣ ихъ убѣжденія ни къ чему не повели. Роландъ остался при своемъ намѣреніи, которое не могли поколебать даже самыя настойчивыя просьбы Эриха. Вскорѣ все семейство отправилось на балъ и Роландомъ вдругъ овладѣло позднее раскаяніе, что онъ не пошелъ со всѣми. Эрихъ повелъ его на хоры залы, откуда можно было видѣть все общество.

Пранкенъ имѣлъ видъ настоящаго героя праздника и Манна раздѣляла съ нимъ всѣ почести. Она была очень оживлена, на щекахъ ея игралъ яркій румянецъ. Роландъ сильно на нее досадовалъ за то, что она ни разу не взглянула въ верхъ на хоры.

Вдругъ Манна посреди веселаго разговора спросила Пранкена:

— Слышали вы, что сюда пріѣхалъ учитель капитана Дорпэ?

Пранкенъ сердито сдвинулъ брови. Какъ, она посреди смѣха

и танцевъ думаетъ объ этомъ человѣкѣ? Онъ не вдругъ нашелся, что отвѣчать, но послѣ минутнаго раздумья весело проговорилъ:

— Ахъ, еще учитель! Неужели вамъ не надоѣла вся эта ученость? Теперь вокругъ насъ все танцуетъ и веселится: давайте и мы дѣлать тоже.

И онъ увлекъ ее въ быстромъ вальсѣ. Маннѣ казалось, что она летитъ по воздуху и вовсе не касается ногами пола.

— Уйдемъ отсюда, сказалъ Роландъ Эриху и они, сойдя съ хоръ, вышли на открытый воздухъ и при лунномъ свѣтѣ стали взбираться на гору по той самой дорожкѣ, по которой шли утромъ.

— Скажи пожалуйста, внезапно спросилъ Роландъ, неужели человѣкъ дѣйствительно не долженъ ни съ кѣмъ дѣлиться тайной, которую ему тяжело носить въ своемъ сердцѣ? Есть одна вещь, о которой мнѣ ужасно хотѣлось бы съ тобою поговорить! Какъ ты думаешь, могу я это сдѣлать?

— Нѣтъ, ты ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ нарушать даннаго слова. Позволь себѣ это только разъ и ты навсегда утратишь надъ собой всякое самообладаніе.

Роландъ вздохнулъ. Ему очень хотѣлось сказать Эриху, что все семейство его въ скоромъ времени получитъ дворянство.

Взойдя на вершину горы, они увидѣли у ногъ своихъ весь городокъ и всю долину, облитую мягкимъ луннымъ свѣтомъ. По временамъ до нихъ долетали звуки бальной музыки.

— Я предчувствую, снова заговорилъ Роландъ, что сегодня вечеромъ Манна будетъ объявлена невѣстой Пранкена. Матушка полагаетъ, что это можетъ ускорить разрѣшеніе той тайны, о которой я тебѣ говорилъ. Вѣдь угадать ее ты вправѣ: этого тебѣ никто не можетъ запретить.

Эрихъ строго замѣтилъ Роланду, что онъ весьма дурно дѣлаетъ, говоря о семейной тайнѣ, которая ему одному была довѣрена.

Голосъ молодого человѣка слегка дрожалъ. Онъ давно зналъ, что событіе, которое теперь повидимому приближалось къ развязкѣ, должно было совершиться, но въ эту минуту оно его поразило какъ совершенно новое, неожиданное, необычайное извѣстіе. Онъ съ восторгомъ и въ тоже время съ страшной болью въ сердцѣ, почувствовалъ, что Манна стала ему гораздо ближе и дороже, чѣмъ онъ до сихъ поръ осмѣливался въ томъ даже передъ самимъ собой сознаваться. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ съ такимъ усиліемъ воткнулъ палку въ землю, что она сломалась, а затѣмъ онъ позвалъ Роланда домой.

Одновременно съ ними передъ подъѣздомъ ихъ жилища остановилась карета. Изъ нея вышелъ Зонненкампъ, а за нимъ и Церера съ Манной.

— Ты объявлена невѣстой Пранкена? спросилъ Роландъ у своей сестры.

— Ты, какъ я вижу, еще вовсе неразумный ребенокъ, отвѣчала та и быстро взбѣжала на лѣстницу.

Зонненкампъ пригласилъ Эриха къ себѣ въ комнату, а Роланду приказалъ идти спать.

— Вотъ здѣсь лежатъ болѣе легкія сигары. Пожалуйста возьмите и закурите одну изъ нихъ, сказалъ Зонненкампъ, садясь въ кресло и опрокидываясь на спинку его. Я смотрю на васъ, капитанъ, какъ на члена моей семьи: вы нашъ и всегда останетесь нашимъ.

Эрихъ вздрогнулъ. Ужъ не угадывалъ ли отецъ Манны его чувствъ къ ней и не намѣревался ли онъ, подъ вліяніемъ неловкаго вопроса Роланда, внушить ему мысль о необходимости отнынѣ и навсегда перестать о ней думать. Или не хочетъ ли онъ, напротивъ, предложить ему руку своей дочери? Эти противорѣчащія одна другой мысли успѣли пробѣжать у него въ головѣ, пока Зонненкампъ молчалъ, видимо ожидая сочувственнаго отвѣта на свое любезное заявленіе. Но Эрихъ ничего не говорилъ. Зонненкампъ всталъ и пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ нимъ.

— Сегодня я хочу вамъ дать самое лучшее доказательство моего довѣрія къ вамъ. Дайте мнѣ вашу руку.

Эрихъ повиновался, но слегка вздрогнулъ, коснувшись желѣзнаго кольца на большомъ пальцѣ правой руки Зонненкампа, который продолжалъ:

— Я въ высшей степени цѣню и уважаю вашу скромную сдержанность.

Недоумѣніе Эриха съ каждой минутой усиливалось и онъ тревожно озирался вокругъ.

Что все это означало?

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молча покуривъ сигару, Зонненкампъ снова заговорилъ:

— Вы никогда ни однимъ словомъ не дали замѣтить, что видите и понимаете все, что происходитъ у васъ передъ глазами.

Эрихъ все еще не могъ преодолѣть внезапно охватившаго его страха. Зонненкампъ говорилъ съ такими частыми и длинными разстановками.

Наконецъ у него точно противъ воли вырвались слова:

— Вы конечно знаете, что я хлопочу о возведеніи меня въ дворянское достоинство?

— Нѣтъ, я этого до сихъ поръ не зналъ.

— Неужели? Развѣ Роландъ никогда вамъ не намекалъ...

— Онъ намекалъ на какую-то тайну, но я ему строго запретилъ передавать мнѣ то, что было ему самому сообщено по секрету.

— Прекрасно, вы отличный учитель! Я вамъ благодаренъ... очень благодаренъ и признательности моей не будетъ конца, если вы согласитесь исполнить мою просьбу... Капитанъ, вы можете многое сдѣлать для скорѣйшаго осуществленія моихъ желаній.

— Я?

— Да, вы. Графъ Вольфсгартенъ васъ удостоиваетъ своей особенной дружбы. Мы уже почти можемъ считать его своимъ родственникомъ; но всякій разъ, что я, или мои друзья въ разговорѣ съ нимъ касаемся вопроса о моемъ возвышеніи въ свѣтѣ, онъ уклоняется отъ прямого отвѣта. Вы знаете меня, любезный капитанъ, вы могли за мной наблюдать и съ вашей проницательностью конечно давно уже замѣтили, что я, несмотря на всѣ мои недостатки, въ сущности все-таки честный и добрый человѣкъ. А вы, насколько мнѣ извѣстно, всегда дѣйствуете сообразно съ вашими убѣжденіями... Вѣдь вы меня понимаете, не правда ли?

— Говоря откровенно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ все объясню въ двухъ словахъ. На дняхъ я даю праздникъ. Между тѣмъ какъ я займусь евреемъ, вы отведите въ сторону вашего друга графа Вольфсгартена и постарайтесь вывѣдать отъ него, какое мнѣніе онъ намѣренъ подать, а можетъ быть уже и подалъ обо мнѣ. Вамъ это будетъ не трудно.

— Не лучше ли вамъ поручить это барону фонъ-Пранкену, графинѣ, или государственному совѣтнику?

— Нѣтъ. Еслибъ это было возможно, я не сталъ бы васъ утруждать. Графъ Вольфсгартенъ до сихъ поръ, какъ я вамъ говорю, постоянно уклонялся отъ прямого отвѣта. Онъ съ свойственнымъ ему педантизмомъ... или лучше сказать, съ обычной своей деликатностью чувства думаетъ, что обязанъ хранить въ строгой тайнѣ мнѣніе, которое никто не долженъ знать, кромѣ герцога. Его высочество все это время въ отличномъ расположеніи духа, но черезъ нѣсколько дней онъ отсюда уѣзжаетъ. Неправда ли, любезный Дорнэ, вы исполните мою просьбу: это вамъ будетъ такъ легко!

— Господинъ Зонненкампъ, возразилъ Эрихъ, вы за минуту

передъ тѣмъ похвалили меня за то, что я удержалъ Роланда, когда онъ хотѣлъ сообщить мнѣ ввѣренную ему тайну. Какъ же я могу теперь...

— Ахъ, любезный Дорнэ, перебилъ его Зонненкампъ, мало ли что́ мы запрещаемъ молодымъ людямъ, а себѣ позволяемъ. Я глубоко уважаю вашу правдивость, знаю, что то, о чемъ я васъ теперь прошу, составляетъ для васъ настоящую жертву, но.... не откажитесь мнѣ ее принести.

Эрихъ старался всячески отклонить отъ себя это порученіе. Онъ находилъ себя вовсе неспособнымъ къ развѣдыванію чужихъ тайнъ. А передавать еще третьему лицу то, что́ ему самому довѣрилъ бы другъ, онъ считалъ настоящей измѣной. Зонненкампъ, слушая его, тихонько свисталъ.

— Къ тому же, въ заключеніе сказалъ Эрихъ, я увѣренъ, что ничего не съумѣю добиться отъ графа.

Зонненкампъ былъ сильно раздосадованъ, но тѣмъ не менѣе успѣлъ совладать съ собой. Онъ разсыпался въ похвалахъ добросовѣстности Эриха; съ восторгомъ отозвался объ его удивительномъ тактѣ, о его нравственной чистотѣ, о благородствѣ его образа мыслей и... даже попросилъ извиненія въ томъ, что одно время видѣлъ въ немъ нѣчто болѣе, чѣмъ друга Беллы. Его собственные, горькіе опыты въ жизни были причиной такой подозрительности, но наконецъ онъ могъ похвалиться тѣмъ, что встрѣтилъ дѣйствительно чистаго и честнаго человѣка.

Эрихъ никогда не надѣялся, чтобъ Зонненкампъ съумѣлъ его такимъ образомъ оцѣнить. Человѣкъ, который понимаетъ благородныя стремленія другихъ людей, думалъ онъ, непремѣнно и самъ долженъ носить ихъ въ собственной душѣ.

Отъ Зонненкампа не ускользнуло впечатлѣніе, какое произвели на молодого человѣка его слова. Положивъ руку на плечо Эриха, онъ сказалъ ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ даже какъ будто звучали сдерживаемыя слезы:

— Дорогой другъ мой... да, вы по истинѣ для меня другъ! Но если вы полагаете, что я не имѣю права разсчитывать на ваше личное ко мнѣ расположеніе, то подумайте только о Роландѣ. Не о себѣ же я хлопочу, въ самомъ дѣлѣ! Моя задача доставить необходимое для полнаго счастья Роланда — нашего Роланда! повторилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

При имени своего воспитанника Эрихъ какъ будто очнулся отъ сна и спросилъ у Зонненкампа, зачѣмъ онъ хочетъ непремѣнно сдѣлать изъ него дворянина.

— О другъ мой! воскликнулъ Зонненкампъ и тонъ его по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, становился все мягче и мягче:

это было единственной и конечной цѣлью всей моей борьбы, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ свѣтѣ. Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ суждено скоро умереть и тогда вы останетесь единственнымъ другомъ и опорой моего сына... дайте мнѣ вашу руку... неправда ли, вы его никогда не покинете и я могу спокойно умереть, зная, что оставляю его на вашихъ рукахъ? Ахъ, никто и не подозрѣваетъ, какая ужасная болѣзнь таится во мнѣ. Снаружи я, благодаря постоянной работѣ надъ собой, имѣю бодрый и здоровый видъ, но внутри меня что-то надломлено. Усиленные труды и борьба съ жизнью подкосили мое существованіе, хотя этого никто не видитъ и не знаетъ. Со мной вдругъ, въ одну минуту все можетъ кончиться и я совершенно естественно желалъ бы оставить сына въ вѣрной пристани. Вы, дорогой другъ, искренно любите наше любезное германское отечество и, я не сомнѣваюсь въ томъ, желали бы пріобрѣсти для него вѣрнаго и полезнаго сына. А доколѣ Роландъ будетъ носить свое настоящее имя, онъ не перестанетъ смотрѣть на себя какъ на гражданина вселенной и никогда не сдѣлается настоящимъ сыномъ германскаго отечества, въ которомъ только и можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать человѣкъ, обладающій благородными стремленіями и богатыми средствами. Извините, если я выражаюсь не такъ горячо, какъ чувствую и какъ вы вправѣ ожидать... Но вѣрьте въ мою искренность, когда я прошу васъ, которому Роландъ уже такъ много обязанъ, сдѣлать изъ него еще настоящаго сына Германіи, если не ради его самого, то ради отечества.

Зонненкампъ хорошо зналъ, какую чувствительную струну затрогивалъ онъ въ сердцѣ Эриха. Кромѣ того, грустное выраженіе его лица и дрожащій голосъ, свидѣтельствовавшіе о глубинѣ таившагося въ немъ чувства, произвели на молодого человѣка сильное впечатлѣніе. Зонненкампъ повидимому вполнѣ отрѣшался отъ собственной личности и имѣлъ въ виду одно только чужое счастье.

Эрихъ въ волненіи воскликнулъ:

— Для Роланда я готовъ отдать жизнь...

Зонненкампъ хотѣлъ его обнять, но Эрихъ попросилъ, чтобъ ему позволено было докончить.

— Я согласенъ принести въ жертву мою жизнь, но не мои правила, продолжалъ онъ. Впрочемъ, я всегда готовъ сдаться на доводы, которые могутъ убѣдить мой разсудокъ. Неужели вы дѣйствительно думаете, что дворянство должно составить счастіе Роланда?

— Это для него единственный исходъ. Поймите меня, какъ

слѣдуетъ, мой дорогой и благородный другъ. Я вамъ откровенно говорю, что высоко цѣню деньги, которые пріобрѣлъ съ трудомъ и потому самому желаю удержать за собой. Мнѣ хотѣлось бы мое движимое имущество, хоть частью, превратить въ недвижимое. То, что я пріобрѣлъ въ потѣ лица, должно быть для моего сына источникомъ свободы и радости. О, другъ мой, вы не знаете, какъ тяжела была моя жизнь отъ того, что... Но оставимъ это: я не хочу сегодня черезъ мѣру волноваться. У меня въ молодости былъ учитель, весьма умный, хотя къ сожалѣнію далеко не такой нравственный человѣкъ, какъ вы. Онъ часто говаривалъ: «только тотъ по истинѣ можетъ быть названъ свободнымъ, кто не подлежитъ обязанностямъ наравнѣ съ другими, но обладаетъ правами, которыя ставятъ его выше всѣхъ.» Геній, человѣкъ, подобно вамъ, любезный другъ, щедро надѣленный отъ природы, самъ собой взлетаетъ на эту высоту. Но не всѣ люди геніи, таланты не пріобрѣтаются никакими трудами и тому, кто ихъ не имѣетъ, ничего болѣе не остается, какъ искать случая попасть въ дворяне, за которыми исторія признала высшія права. Вы видите, я человѣкъ простой и конечно говорю очень не складно.

— Напротивъ, вы прекрасно и чрезвычайно замысловато выразили вашу мысль.

— Ахъ, оставимъ всѣ прикрасы и вычурности! Но я забылъ главное и очень радъ, что оно мнѣ снова пришло на умъ. Извѣстно ли вамъ, что никто иной, какъ вы сами навели меня на эти мысли?

— Я? Какимъ образомъ?

— Помните ли вы, какъ въ первый же день вашего вступленія ко мнѣ въ домъ, вы мнѣ объявили, что не признаете за Роландомъ никакихъ талантовъ и не считаете его ни къ чему особенному призваннымъ. Тогда это меня непріятно поразило, но теперь я вижу, что вы совершенно правы. И вотъ именно потому то, что Роландъ не геній, я и хочу сдѣлать изъ него дворянина. Дворянство даетъ человѣку даромъ то высокое положеніе въ свѣтѣ, какого онъ, не будучи особенно щедро надѣленъ дарами природы, никогда самъ собой не достигнетъ. Одно изъ преимуществъ дворянъ заключается въ томъ, что имъ нѣтъ надобности постоянно думать о сохраненіи собственнаго достоинства. Вы баронъ или графъ, и этимъ все сказано; никто отъ васъ ничего болѣе не требуетъ. Если же къ этому у васъ есть еще какія-нибудь заслуги, то всѣ на васъ не нарадуются и вами не нахвалятся. Мы же, люди средняго класса, прежде всего должны быть чѣмъ-нибудь или кѣмъ-нибудь и потому бываемъ

особенно чутки ко всему, что̀ имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ нашему достоинству. Но, любезный другъ, я боюсь, ужъ не надоѣлъ ли я вамъ своей болтовней?

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ вамъ сказать еще слѣдующее. Когда Роландъ вступитъ во владѣніе милліонами, время, которое по всѣмъ вѣроятностямъ не за горами, у него, если мои желанія исполнятся, не только будетъ твердая почва подъ ногами, но онъ еще, въ качествѣ новаго дворянина, станетъ считать себя вдвойнѣ обязаннымъ во всемъ держаться правилъ самой строгой честности и усердно заниматься дѣлами благотворительности и общественной пользы. Другъ мой! Я передъ вами вполнѣ раскрываю мою душу и говорю вамъ все,—рѣшительно все. Не мало помыкался я на бѣломъ свѣтѣ и знаете ли, къ чему я наконецъ пришелъ?

— Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ скажете.

— Слушайте же, продолжалъ Зонненкампъ, положивъ обѣ руки на плечи Эриха, вы философъ, смѣлый и свободный мыслитель... хотите у меня чему-нибудь научиться?

— Весьма охотно.

— Знайте же, другъ мой, что въ мірѣ царствуютъ три рода людей, изъ которыхъ каждый составляетъ нераздѣльное цѣлое, такъ что человѣкъ, принадлежащій къ одному изъ нихъ, никогда не чувствуетъ себя одинокимъ. Въ нашемъ мірѣ, гдѣ постоянно все раздробляется и распадается, необходимо принадлежать...

Зонненкампъ на минуту остановился, а потомъ продолжалъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ Эриха:

— Да, другъ мой, въ этомъ мірѣ необходимо быть или евреемъ, или іезуитомъ, или дворяниномъ. Вы улыбаетесь? вы въ недоумѣніи? Позвольте, я вамъ еще болѣе разъясню мою мысль. Куда бы вы ни взглянули, вы вездѣ видите, что только между этими людьми еще и царствуетъ духъ общности. Евреемъ сынъ мой не можетъ сдѣлаться, іезуитомъ онъ не долженъ быть, а дворяниномъ и можетъ и долженъ.

Эрихъ былъ сильно пораженъ всѣмъ, что̀ слышалъ. Въ глубинѣ души онъ не соглашался съ Зонненкампомъ, но съ другой стороны видѣлъ, что рѣшимость послѣдняго ничѣмъ нельзя было поколебать. Бросая взглядъ назадъ, онъ понялъ значеніе многаго изъ того, что̀ за послѣднее время совершалось передъ его глазами. Онъ видѣлъ, что всѣ поступки Зонненкампа были направлены исключительно къ тому, чтобъ достигнуть одной желанной цѣли. Но, можетъ быть, дворянское достоинство и дѣй-

ствительно могло имѣть для Роланда важное значеніе? Развѣ это не былъ единственный способъ удержать его въ Германіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ наконецъ призналъ ее за свое настоящее отечество?

Зонненкампъ еще далеко за полночь продолжалъ доказывать, какъ Роланду необходимо получить дворянство. Наконецъ Эрихъ, утомленный позднимъ часомъ и продолжительными преніями, далъ обѣщаніе со своей стороны похлопотать объ этомъ у Клодвига. Онъ легъ спать, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Ему казалось, что онъ вдругъ сдѣлался измѣнникомъ и отступникомъ и совѣсть не давала ему покою. Но мало-по-малу соблазнителю удалось его успокоить слѣдующимъ разсужденіемъ:

— Вѣдь въ концѣ концовъ не ты и не графъ дадите ему дворянство, а самъ герцогъ. Дѣло безъ тебя можетъ устроиться. Зачѣмъ же тебѣ отказомъ давать поводъ подозрѣвать тебя въ неблагодарности и сомнѣваться въ твоей готовности быть полезнымъ ближнему?

ГЛАВА XIV.

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЯ.

— «Балъ... Американецъ... Женихъ...» можно было на слѣдующее утро слышать у источниковъ на всѣхъ языкахъ. По странному противорѣчію больные, стекавшіеся въ Карлсбадъ для отдыха, во что бы то ни стало хотѣли продолжать тамъ развлеченія и удовольствія зимняго сезона.

Носилки Цереры съ этихъ поръ перестали появляться у источника. Ей приносили кружку съ цѣлебной водой на домъ.

Манна, въ утро послѣ бала, долго по окончаніи обѣдни оставалась еще въ церкви на колѣняхъ передъ алтаремъ.

Она молила Бога о помощи, просила Его защитить ее отъ всѣхъ соблазновъ міра сего и дать ей силы, необходимыя для того, чтобъ выдти побѣдительницей изъ борьбы, какую она теперь выдерживала. Припоминая слова патера, говорившаго ей, что она вездѣ, куда бы ни явилась, могла найти себѣ отца или брата, Манна, было, думала, искать утѣшенія въ исповѣди, но потомъ отбросила эту мысль. Она не могла сказать всего, что было у нея на душѣ, и потому предпочитала совсѣмъ молчать. Молодая дѣвушка въ первый разъ въ жизни вышла изъ церкви съ тяжестью на сердцѣ.

Въ это же самое время Эрихъ бродилъ по горамъ и тоже

боролся съ собой. Зонненкампъ, наканунѣ такъ откровенно съ нимъ говорившій, однако скрылъ отъ него одно обстоятельство, а именно, что Пранкенъ ждалъ для окончательной помолвки съ Манной, чтобъ ея отецъ получилъ дворянское достоинство. Досада и горькое сознаніе своего безсилія кипѣли въ душѣ молодого человѣка и онъ жестоко упрекалъ себя за то, что согласился исполнить порученіе Зонненкампа.

Вдругъ его кто-то назвалъ по имени. Онъ вздрогнулъ, хотя звавшій его голосъ былъ очень тихъ и мягокъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собой профессора Эйнзиделя.

Кто лучше этого человѣка могъ его утѣшить и разъяснить ему его сомнѣнія?

Эриху тоже на мгновеніе пришло на умъ подѣлиться своимъ горемъ съ старымъ учителемъ, который, несмотря на дѣтскую чистоту своей души, такъ ясно понималъ вещи и умѣлъ подавать такіе мудрые совѣты. Но Эрихъ, подобно Маннѣ, не могъ всего открыть, и потому долженъ былъ отказать себѣ въ утѣшеніи, какое ему могла бы доставить исповѣдь. Онъ скрылъ въ себѣ и свое горе, и свои сомнѣнія.

Добрый профессоръ никакъ не могъ примириться съ необходимостью въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не работать, ничего не читать и думать исключительно о своемъ физическомъ благосостояніи. Онъ съ дѣтски-наивной улыбкой повторялъ, что такого рода леченіе на водахъ съ вѣчными прогулками, въ сущности также скучно, какъ необходимость лежать больному въ постелѣ.

Вскорѣ онъ освѣдомился у Эриха объ его занятіяхъ и спросилъ, приступилъ ли онъ уже къ своему большому труду о состояніи рабства.

Прежде чѣмъ Эрихъ успѣлъ ему отвѣчать, профессоръ прибавилъ, что все продолжаетъ собирать для него свѣдѣнія и дѣлать замѣтки объ этомъ предметѣ. Его сильно интересовалъ взглядъ на крѣпостное состояніе Лютера, который, разсматривая его съ религіозной точки зрѣнія, весьма энергически защищалъ его.

— Но я не упрекаю за это Лютера, продолжалъ профессоръ Эйнзидель. Онъ смотрѣлъ на вещи глазами своего вѣка и уподоблялся въ этомъ людямъ другого времени, которые вѣрили въ существованіе злыхъ духовъ и въ возможность ихъ изгонять. Мы видимъ въ Боссюэтѣ примѣръ того, какъ даже передовые люди всегда заражаются образомъ мыслей, господствующимъ въ современномъ имъ обществѣ. Кто утверждаетъ, говорилъ онъ, что рабство не должно существовать, тотъ грѣшитъ противъ св.

Духа. Кто знаетъ, можетъ быть многія и изъ нашихъ понятій будутъ казаться странными послѣдующимъ поколѣніямъ.

Эта утренняя прогулка доставила Эриху удовольствіе, какого онъ давно не испытывалъ. Робко озираясь вокругъ, точно опасаясь, чтобъ кто-нибудь не подслушалъ его словъ, профессоръ Эйнзидель внезапно сказалъ ему:

— Любезный докторъ, онъ продолжалъ называть Эриха докторомъ, я тоже это время много думалъ о задачѣ воспитывать богатаго юношу и пришелъ къ тому убѣжденію, что абсолютнаго правила для этого не существуетъ. Вообще все абсолютное принадлежитъ исключительно области мысли. Мы можемъ воспитать человѣка только такъ, чтобъ приблизительно... замѣтьте, пожалуйста, я говорю приблизительно... быть увѣренными, или по крайней мѣрѣ надѣяться, что онъ во всякомъ положеніи съумѣетъ дѣйствовать сообразно съ высшими законами нравственности: вотъ все, что мы въ состояніи сдѣлать. Вы этого уже безъ сомнѣнія достигли съ вашимъ воспитанникомъ, или я очень ошибаюсь. Насколько мнѣ знакома жизнь... а я, хоть и не долго, но все-таки одно время также былъ домашнимъ учителемъ... насколько мнѣ знакома жизнь, говорю я, знатные люди только и дѣлаютъ, что желаютъ и требуютъ. Богатые, вѣроятно, ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Задача воспитателя заключается въ томъ, чтобъ эти желанія, требованія и ожиданія направить на истинный путь, дать имъ силу и значеніе воли и обратить ихъ въ стремленіе къ самостоятельной дѣятельности. Въ вашемъ прекрасномъ юношѣ много хорошихъ задатковъ, а что всего важнѣе, онъ уже проникся сознаніемъ серьёзныхъ сторонъ жизни.

Никогда еще лѣсъ не казался Эриху такимъ душистымъ, солнце такимъ яркимъ, воздухъ такимъ живительнымъ и весь міръ такимъ прекраснымъ, какъ въ эту минуту, когда онъ слушалъ одобрительную рѣчь своего бывшаго учителя. Долго шелъ онъ возлѣ него молча, а когда они сѣли отдохнуть на скамьѣ въ лѣсной чащѣ, онъ едва удержался, чтобъ не поцѣловать маленькую и изящную руку добраго старика.

Но въ другой разъ профессоръ Эйнзидель нашелъ также нужнымъ открыть Эриху глаза на счетъ опасности, которая, по его мнѣнію, ему угрожала. Онъ упрекалъ молодого человѣка за то, что тотъ, находясь постоянно между богатыми людьми, будто бы заразился ихъ небрежностью къ обязанностямъ въ отношеніи къ самому себѣ.

— Жизнь въ обществѣ другихъ людей хороша и пріятна, говорилъ онъ, но жизнь въ уединеніи гораздо лучше. Я боюсь, что вы въ это послѣднее время плохо ладили съ самимъ собой.

Однажды онъ прямо обратился къ Эриху съ вопросомъ, какъ далеко подвинулся его трудъ. Робко, какъ школьникъ, который опасается выговора за лѣность, Эрихъ долженъ былъ сознаться, что вовсе упустилъ изъ виду свой трудъ. Лицо профессора мгновенно омрачилось и покрылось множествомъ складокъ и морщинъ. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Вы дѣлаете большой вредъ, какъ самому себѣ, такъ и вашему воспитаннику.

— Самому себѣ и моему воспитаннику?

— Да. У васъ рядомъ съ обязанностями, заставляющими васъ жить въ обществѣ и вести разсѣянный образъ жизни, нѣтъ никакого ученаго труда, который, принуждая васъ сосредоточиваться, сообщалъ бы вамъ бодрость и самообладаніе, столь нужныя въ дѣлѣ воспитанія. Я тоже былъ учителемъ, но постоянно имѣлъ у себя въ запасѣ какой-нибудь ученый трудъ, свое собственное, недоступное для другихъ святилище мысли, въ которомъ и почерпалъ силы, необходимыя для добросовѣстнаго выполненія моихъ обязанностей. Одно изъ главныхъ правилъ воспитанія заключается въ томъ, чтобъ учитель никогда не отдавался въ полное распоряженіе своего воспитанника. Послѣдній долженъ быть проникнутъ сознаніемъ, что находящійся близъ него человѣкъ имѣетъ также свою собственную внутреннюю жизнь, надъ развитіемъ которой онъ продолжаетъ неутомимо трудиться, вслѣдствіе чего не можетъ и не долженъ никому вполнѣ отдаваться. Вамъ никогда не слѣдуетъ считать себя готовымъ... замѣтьте хорошенько это слово: готовымъ. Вамъ необходимо постоянно стремиться къ болѣе полному знанію и развитію. Быть готовымъ значитъ приближаться къ смерти. Взгляните на древесный листъ: лишь только онъ достигаетъ своей полной зрѣлости, какъ начинаетъ желтѣть и быстро приближаться къ увяданію.

Эрихъ невольно смутился. Слова профессора, раздававшіяся здѣсь, въ тишинѣ и уединеніи лѣса, были отголоскомъ его собственныхъ мыслей, въ которыхъ онъ только до сихъ поръ не хотѣлъ даже самому себѣ сознаться. Но тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ возразить, цитируя Виргилія, любимаго автора своего учителя:

«Non semper arcum tendit Apollo», сказалъ онъ.

— Отлично, вашъ отвѣтъ мнѣ очень нравится. Но вы забываете, что если Аполлонъ не постоянно натягиваетъ лукъ, то все-таки никогда съ нимъ не разстается и постоянно носитъ его при себѣ.

Послѣ этого они долго шли молча. Наконецъ профессоръ снова заговорилъ:

— Вы еще молоды, началъ онъ: для васъ еще не миновала утренняя пора вашей жизни: поспѣшите ею воспользоваться. Я предостерегаю васъ какъ учитель и другъ, — болѣе того: устами моими говоритъ духъ вашего отца. Кто болѣе его можетъ служить вамъ предостереженіемъ? Долгъ предписываетъ мнѣ вамъ это сказать и я полагаю, что имѣю на то полное право.

— Мой отецъ можетъ служить мнѣ предостереженіемъ? Какимъ образомъ?

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о его заслугахъ. Но тѣмъ не менѣе онъ самъ жаловался, что, по необходимости вращаясь въ свѣтѣ, утратилъ тѣсную связь съ наукой. Строгая система ему болѣе не давалась. Садясь писать, онъ думалъ о людяхъ, тогда какъ ученый долженъ имѣть въ виду одну только мысль: мы обязаны служить ей исключительно и видѣть въ ней свое божество. Утративъ эту способность, мы становимся худшими изъ идолопоклонниковъ. Общество дѣлается нашимъ идоломъ, и подчиняясь его требованіямъ, мы окончательно теряемъ изъ-подъ ногъ почву.

Эрихъ все еще молчалъ, а добрый старикъ продолжалъ:

— Съ какой странной предусмотрительностью слагаются иногда событія въ жизни! Профессору нашей университетской клиники слѣдовало преодолѣть мое отвращеніе къ поѣздкѣ на воды, а мнѣ надо было непремѣнно сдаться на его убѣжденія. Но ни онъ, ни я, мы и не подозрѣвали, что мое присутствіе здѣсь было, можетъ быть, необходимо для того, чтобъ я сдѣлался источникомъ вашего нравственнаго исцѣленія.

— И вы дѣйствительно имъ сдѣлались! воскликнулъ Эрихъ, съ жаромъ пожимая маленькую руку своего учителя. Онъ объявилъ, что только еще въ теченіи нѣкотораго времени намѣренъ исключительно посвятить себя Роланду. Но лишь только послѣдній поступитъ въ корпусъ, онъ безраздѣльно отдастся наукѣ и ей одной будетъ служить.

Профессоръ посовѣтовалъ ему не откладывать этого до тѣхъ поръ. — Сношенія съ идеей, говорилъ онъ, никогда не должны быть прерываемы.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, я рѣшительно ничего не имѣю противъ того, еслибъ вы вздумали посвятить себя чисто-практической жизни. Вамъ только надо на что-нибудь окончательно рѣшиться.

Эрихъ вернулся домой совершенно новымъ человѣкомъ. Онъ теперь ясно видѣлъ опасность, какая ему угрожала отъ желанія блистать въ обществѣ посредствомъ уже собранныхъ имъ умственныхъ богатствъ, — желанія, удовлетворяя которое, онъ не

могъ идти далѣе по пути къ развитію и собственному усовершенствованію. Профессору, подобно доктору, хотя и совершенно инымъ способомъ, чѣмъ тому, удалось вразумить Эриха и избавить его отъ опасности.

Молодой человѣкъ съ новымъ рвеніемъ принялся за свои занятія съ Роландомъ и мальчикъ не могъ надивиться, откуда бралось у его учителя столько энергіи.

Эрихъ былъ очень радъ случаю поближе познакомить профессора Эйнзиделя съ Клодвигомъ, съ банкиромъ, съ Зонненкампомъ и въ особенности съ Роландомъ.

Профессоръ съ своей стороны находилъ болѣе всего удовольствія въ обществѣ Роланда, который продолжалъ называть его своимъ дѣдушкой-учителемъ. Видя ихъ вмѣстѣ, замѣчая, какой почтительной заботливостью мальчикъ окружалъ его бывшаго профессора, Эрихъ чувствовалъ двойное удовлетвореніе. Многое изъ того, что говорилъ Эйнзидель, глубоко западало въ сердцѣ юноши.

— Трудно себѣ представить, воскликнулъ онъ однажды, чтобъ долговязый лейтенантъ и профессоръ Эйнзидель принадлежали къ одной и той же породѣ людей!

Эрихъ очень охотно отпускалъ своего воспитанника одного гулять съ профессоромъ. Онъ былъ очень обрадованъ, когда нѣсколько времени спустя Эйнзидель ему сказалъ:

— Трудъ вашъ здѣсь не пропалъ даромъ. Этотъ юноша успѣлъ пріобрѣсти себѣ идеальную, такъ-называемую благородную гордость. Я полагаю, что порокъ не представляетъ для него болѣе никакой опасности, и считаю его неспособнымъ ни на какой низкій поступокъ. Да, сознаніе собственнаго достоинства неизбѣжно порождаетъ въ человѣкѣ гордость, которая, будучи хорошо направлена, становится для него вѣрнымъ нравственнымъ правиломъ.

Белла попробовала-было избрать профессора цѣлью своихъ шутокъ и остроумныхъ выходокъ, но добрый старикъ бросалъ на нее такіе сострадательные и въ тоже время исполненные молчаливой укоризны взгляды, что она не замедлила оставить его въ покоѣ. Прекративъ свои шутки, графиня стала вовсе не замѣчать профессора.

Съ виду такой наивный и неопытный, Эйнзидель весьма вѣрно судилъ о людяхъ и о разныхъ явленіяхъ жизни. Къ Клодвигу онъ прилагалъ меткое выраженіе древнихъ «прекрасно-добраго» человѣка и особенно радовался его классическому образованію.

— Классицизмъ, говорилъ онъ, похожъ на твердый камен-

ный фундаментъ, который, будучи закрытъ поломъ, остается невидимъ для глазъ, но держитъ на себѣ цѣлое зданіе.

Банкира онъ находилъ ужъ слишкомъ юркимъ, но признавалъ въ немъ въ высшей степени благодарный умъ, который считалъ вообще отличительной чертой евреевъ.

Къ Зонненкампу профессоръ Эйнзидель чувствовалъ непреодолимый страхъ, за который постоянно себя упрекалъ, находя его весьма несправедливымъ въ отношеніи къ человѣку, не сдѣлавшему ему ни малѣйшей непріятности. Но несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ побѣдить въ себѣ этого страха.

Онъ однажды признался Эриху, что вообще боится людей одаренныхъ слишкомъ большой физической силой. Ему все казалось, что вотъ, вотъ Зонненкампъ его, какъ ребенка, возьметъ на руки и пустится съ нимъ бѣжать. Кромѣ того, онъ никакъ не могъ вполнѣ понять этого человѣка. Съ изученіемъ характеровъ бываетъ почти всегда тоже, что съ разбираніемъ старинныхъ надписей на камняхъ: если вамъ съ перваго взгляда не удастся ихъ понять, дальнѣйшія усилія этого достигнуть ровно ни къ чему не поведутъ.

Но по мѣрѣ сближенія профессора Эйнзиделя съ Манной, передъ нимъ раскрывалась совершенно новая жизнь.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Эрихомъ онъ самъ признавалъ вмѣшательство невидимой силы, которая, управляя всѣмъ живущемъ въ мірѣ, прислала его сюда съ тѣмъ, чтобъ онъ сдѣлался источникомъ выздоровленія молодого человѣка. Въ своихъ сношеніяхъ съ Манной онъ не подозрѣвалъ ничего подобнаго, а между тѣмъ для нея его пріѣздъ имѣлъ еще гораздо болѣе смысла и значенія, чѣмъ для Эриха. Она искала помощи, нуждалась въ опорѣ и привязалась къ доброму, съ виду дѣтски-наивному профессору съ нѣжной заботливостью дочери.

Геологія, химія и вообще наука еще не изслѣдовали вполнѣ, какъ образуются цѣлебные источники. Такъ точно никто не можетъ опредѣлить путемъ какихъ приготовленій одинъ человѣкъ содѣйствуетъ къ исцѣленію или разстройству духа другого.

Профессоръ Эйнзидель, самъ того не подозрѣвая, имѣлъ благотворное вліяніе на Манну.

Когда она въ первый разъ объявила ему о своемъ намѣреніи удалиться въ монастырь, онъ позавидовалъ ей.

— Еслибъ я былъ католикъ, сказалъ онъ, я сдѣлалъ бы тоже самое. Только я желалъ бы, чтобъ мой монастырь былъ исключительно населенъ людьми науки, которые, не имѣя ни времени, ни умѣнья заботиться о средствахъ, необходимыхъ для ихъ суще-

ствованія, всѣ бы имѣли задачей выполненіе какого-нибудь обширнаго труда.

Манна улыбнулась. Она вспомнила о ловчемъ, который тоже желалъ удалиться въ монастырь для того, чтобъ проводить время въ праздности и имѣть возможность въ волю пить. Но она мгновенно оттолкнула отъ себя всякое поползновеніе къ сравненію между этими двумя людьми. Въ профессорѣ было спокойствіе и искреннее уваженіе къ святынѣ науки, храмъ которой вполнѣ заслуживалъ выситься рядомъ съ святыней религіи.

Мысль эта смутила Манну, но она тѣмъ не менѣе не могла ее въ себѣ заглушить. Она въ послѣднее время сдѣлалась очень робка, но тутъ, какъ бы вспомнивъ свою прежнюю смѣлость и самоувѣренность, рѣшилась хоть въ формѣ вопроса указать профессору на превосходство религіозныхъ вѣрованій.

Къ удивленію ея, всегда спокойный и кроткій профессоръ отвѣчалъ ей съ большимъ жаромъ.

— Мы ничуть не враги церкви, сказалъ онъ, потому что ведемъ войну только съ живыми. Церковь не могла создать ни государства, ни общества; въ ея власти было только устроить больницы и пріюты. Жизнь не ей принадлежитъ, но классическому образованію и наукѣ, которая постоянно идетъ впередъ. Дитя мое, у меня въ университетѣ есть одинъ товарищъ, который утверждаетъ, будто Corpus juris сдѣлалъ для водворенія въ мірѣ порядка гораздо болѣе нежели весь Ветхій и Новый завѣтъ. Я не вполнѣ съ нимъ согласенъ потому, что Библія, по моему мнѣнію, била на совсѣмъ другой нервъ въ организаціи человѣческаго быта. Классическая древность завѣщала міру двѣ великія идеи, которыя называются государствомъ и національностью. Съ ними человѣчество впервые встало на ноги. Затѣмъ явилась религія и вселила въ сердца людей мысль объ единствѣ человѣчества. Она провозгласила всѣхъ людей братьями, членами одной громадной семьи. Одна религія могла этого достигнуть. Ей одной удалось сдѣлать то, чего не могло добиться ни римское владычество, ни древнее, ни новое цезарство. Водворивъ въ мірѣ идею объ единствѣ человѣчества, церковь исполнила свое назначеніе. Затѣмъ народы стали снова слагаться въ различныя государства и національности, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ идея объ единствѣ человѣчества могла исчезнуть. Однако, извините меня, я впадаю въ учительскій тонъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста продолжайте, я все понимаю.

— Чистая идея не утратила своего значенія въ мірѣ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ стремиться къ тому,

чтобъ исключительно служить ей выраженіемъ. Это пунктъ, на которомъ мы, такъ-называемые невѣрующіе, расходимся съ вѣрующими. Я вамъ приведу примѣръ изъ настоящаго времени... но не надоѣлъ ли я вамъ?

— Какъ можете вы имѣть обо мнѣ такое ничтожное мнѣніе!

— Вы правы, извините. Я продолжаю. Нашъ вѣкъ трудится надъ великимъ дѣломъ, которое называется уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и рабства. Дѣло это совершается не церковью, а успѣхами цивилизаціи. Простите меня, дитя мое, и вѣрьте, что я вовсе не желаю поселять въ васъ разладъ, но... прошу васъ, никогда больше не затрогивайте меня съ этой стороны. Я, видите ли, вообще человѣкъ очень терпѣливый и самъ никого не затрогиваю, но прошу васъ... убѣдительно прошу, не навязывайте мнѣ болѣе никогда ничего подобнаго. Мнѣ очень жаль, если я какъ-нибудь неловко коснулся того, что́ для васъ дорого и свято: оно, смѣю надѣяться, несмотря на мое возраженіе, все-таки останется при васъ. Но прошу васъ... еще и еще прошу никогда болѣе не вызывайте меня на такого рода споръ.

Манна молча шла возлѣ профессора. Изъ глубины ея души поднялось желаніе, чтобъ какая-нибудь сверхъестественная сила мгновенно отторгнула ее отъ земли и унесла подальше отъ этого человѣка.

На какое новое противорѣчіе еще она наткнулась?

Что́ привелось ей слышать отъ этого профессора, который жилъ вдали отъ свѣта и желалъ только одного, а именно мирно и спокойно достигнуть конца своего земнаго странствія?

Никакая сверхъестественная сила не явилась къ ней на помощь, чтобъ успокоить ее или разсѣять ея сомнѣнія.

А впрочемъ она рада была все это услышать отъ человѣка, котораго не могла отъ себя оттолкнуть. То, безъ сомнѣнія, было послѣднее испытаніе, послѣдняя попытка искусителя совратить ее съ истиннаго пути. Такъ думала она, прижимая руки къ груди, какъ бы стараясь утишить біеніе своего сердца. Но въ душѣ ея уже успѣлъ поселиться разладъ. У нея внезапно отняли всякую надежду на возможность искупленія. То общество, въ средѣ котораго она намѣревалась принести себя въ жертву, ничего не сдѣлало для уничтоженія въ мірѣ страшнаго зла, камнемъ лежавшаго у нея на сердцѣ.

Она хотѣла немедленно разстаться съ профессоромъ, но, подумавъ немного, нашла это несправедливымъ.

Да и что́ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ дурного? Онъ только открыто высказалъ свои убѣжденія.

Манна, которая уже успѣла искренно привязаться къ профессору, продолжала окружать его своей дружеской заботливостью, но съ этихъ поръ они оба избѣгали споровъ о религіи. Только глаза Манны съ изумленіемъ широко раскрывались всякій разъ, когда профессоръ приводилъ въ разговорѣ цитаты изъ языческихъ авторовъ о предметахъ, которые, по ея мнѣнію, составляли исключительное достояніе церкви.

Передъ ней мало-по-малу раскрывался обширный жизненный горизонтъ, въ глубинѣ котораго, на подобіе сторожевой цѣпи горъ, стояли различныя религіи. А невзрачный, маленькій профессоръ, со своей въ высшей степени чуткой организаціей, мало-по-малу принималъ въ ея глазахъ размѣры цѣльной, здоровой личности, котóрая умѣла соглашать и разъяснять всѣ противорѣчія жизни. Кромѣ того Эйнзидель доставилъ Маннѣ случай подмѣтить въ Эрихѣ совершенно новую для нея черту характера. Уваженіе къ нему молодого человѣка, довѣрчивость къ его словамъ, желаніе ему во всемъ угождать и исполненная смиренія подчиненность его волѣ и разсудку глубоко трогали Манну. Она постоянно наблюдала за Эрихомъ и наконецъ убѣдилась, что этотъ самостоятельный, часто самонадѣянный человѣкъ въ свою очередь былъ способенъ уважать другихъ и даже открыто признавать ихъ превосходство надъ собой.

Профессоръ Эйнзиндель часто прогуливался съ маленькимъ, сморщеннымъ, чрезвычайно скромнаго вида старичкомъ, который, всякій разъ, какъ подходила къ нимъ Манна, быстро удалялся, точно не признавая за собой права вмѣшиваться въ общество другихъ людей.

Профессоръ Эйнзидель однажды разсказалъ Маннѣ исторію этого старичка.

Они вмѣстѣ воспитывались въ одной школѣ, откуда послѣдній долженъ былъ очень рано выдти, оставшись, вслѣдствіе смерти родителей, единственной опорой своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Онъ занималъ мѣсто бухгалтера въ одной банкирской конторѣ и продолжалъ содержать сестру, которая, овдовѣвъ, поселилась у него со всей своей семьей. Посредствомъ разнаго рода лишеній, ему удалось скопить довольно значительный капиталецъ, который въ одинъ вечеръ, когда старикъ находился въ театрѣ, былъ у него похищенъ. Воровство это совершилъ жившій у него племянникъ, который вслѣдъ затѣмъ скрылся въ Америку. Не желая притягивать къ суду сына своей сестры, старикъ скрылъ все дѣло, съ-изнова началъ копить, подвергать себя лишеніямъ и такимъ образомъ всю свою жизнь принесъ въ жертву другимъ.

Профессоръ и не подозрѣвалъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на Манну его простой разсказъ о человѣкѣ, который молча, невѣдомо ни для кого, жертвовалъ собою ради другихъ.

Эйнзидель и молодая дѣвушка не замедлили найти въ матери Эриха еще предметъ для разговора, который былъ имъ одинаково близокъ къ сердцу. Добрый старикъ, полагая, что Манна непремѣнно находится въ большой дружбѣ съ профессоршей, неутомимо разсыпался въ похвалахъ благородству и добротѣ этой женщины.

Манна съ улыбкой слушала, какъ онъ между прочимъ говорилъ, что мать Эриха произвела настоящій переворотъ въ его образѣ мыслей на счетъ женщинъ. Профессоръ, до знакомства съ ней, былъ весьма ничтожнаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ женской половины человѣческаго рода, въ которой въ особенности отрицалъ присутствіе гуманныхъ, общечеловѣческихъ стремленій и чувствованій. Но мать Эриха доказала ему, что всѣ хорошія качества мужчины въ женщинѣ становятся еще лучше и привлекательнѣе. Манна съ своей стороны не уставала хвалить профессоршу.

Такимъ образомъ, повидимому случайное присоединеніе Эйнзиделя къ обществу на водахъ, имѣло на умъ и сердце молодой дѣвушки гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ соблазны свѣтской жизни.

А Зонненкампъ между тѣмъ все еще не терялъ надежды достигнуть здѣсь на водахъ осуществленія своихъ плановъ. Дворъ, Клодвигъ и Белла уѣзжали на дняхъ и онъ спѣшилъ заманить къ себѣ на праздникъ, если не самого герцога, то по крайней мѣрѣ все высшее общество.

ГЛАВА XV.

ОКАМЕНѢЛЫЙ СВАДЕБНЫЙ ПОѢЗДЪ.

День, назначенный для праздника, насталъ. Роландъ ѣхалъ впереди съ Пранкеномъ, Зонненкампъ шелъ съ банкиромъ, Эрихъ съ Клодвигомъ. Погода была ясная, но не слишкомъ жаркая. Многочисленное общество вышло изъ экипажей на вершинѣ холма и спустясь внизъ по тѣнистой дорожкѣ, разбрелось по долинѣ.

Эрихъ, вѣрный данному слову, попробовалъ-было заговорить съ Клодвигомъ о предполагаемомъ возвышеніи въ свѣтѣ Зон-

ненкампа. Но графъ остановилъ его на первомъ же словѣ и съ нѣкотораго рода отеческой строгостью посовѣтовалъ ему не вмѣшиваться въ это дѣло. Въ обращеніи Клодвига въ первый разъ было что-то такое, чего Эрихъ не могъ понять.

Они оба продолжали идти молча. Эрихъ боролся съ самимъ собой, а Клодвигъ старался побѣдить въ себѣ непріятное чувство, вызванное въ немъ вмѣшательствомъ его молодого друга.

Сойдя въ долину, Зонненкампъ отвелъ Эриха въ сторону и спросилъ, какое мнѣніе подалъ о немъ Клодвигъ. Эрихъ отвѣчалъ, что графъ вовсе отказался говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, выразилъ Зонненкампъ свою признательность, безъ всякой видимой на то причины.

На берегу лѣсного ручья стараніями Іозефа уже былъ накрытъ столъ. Зонненкампу оставалось только сдѣлать еще коекакія маленькія распоряженія. Приглашенное на праздникъ избранное общество пришло въ восторгъ отъ всего устройства. Долговязый лейтенантъ особенно шумно выражалъ свое удовольствіе. Зонненкампъ подозрительно на него посматривалъ всякій разъ, что онъ, произнося его имя, не будучи австрійцемъ, прибавлялъ къ нему частицу «фонъ».

Въ лѣсу былъ расположенъ хоръ музыкантовъ, который игралъ все легкія, веселыя піесы. Гости съ любопытствомъ разсматривали группу скалъ, которая, по словамъ преданія, состояла изъ окаменѣлаго свадебнаго поѣзда.

— Откуда могло произойти это преданіе? спросила Белла у Эриха.

Всѣ съ удовольствіемъ слушали, какъ онъ объяснялъ, что это преданіе есть не что иное, какъ одна изъ многочисленныхъ варіацій на сказанія, относящіяся къ циклу Таннгейзера. «Народы, говорилъ Эрихъ, выходя изъ мрака невѣжества, любятъ останавливаться на преданіяхъ прежняго времени, въ которыхъ замѣтно стремленіе разрѣшить загадку происхожденія земного шара».

Вдругъ со скалъ представилось восхитительное зрѣлище. Воздухъ огласился звуками охотничьяго рога, а въ долинѣ появилась пестрая толпа цыганъ, которые въ фантастическихъ одеждахъ расположились живописными группами. Между ними были музыканты, игравшіе свои національныя, исполненныя дикой прелести и энергіи мелодіи. Но всеобщее вниманіе привлекъ на себя высокій парень съ черными съ синеватымъ отливомъ волосами, который сопровождалъ свою игру на скрыпкѣ быстрыми тѣлодвиженіями и прыжками.

Со всѣхъ сторонъ посыпались похвалы Зонненкампу за то, что онъ всегда умѣлъ придумать что-нибудь необыкновенное для увеселенія своихъ гостей. Никто не зналъ, вѣрить ли ему, когда онъ началъ отговариваться и утверждать, что въ настоящемъ случаѣ онъ ни при чемъ. Многіе даже приписывали его отговорки скромности, но никѣмъ незамѣченный взглядъ, которымъ Зонненкампъ обмѣнялся съ Лутцемъ, доказывалъ, что онъ говорилъ правду.

Белла старалась возбудить цыганъ еще къ большему веселью и узнавъ, что ихъ таборъ находится по близости, отправилась туда, взявъ съ собой Роланда и еще нѣсколькихъ дамъ. Графиня между прочимъ жалѣла, что въ числѣ гостей не было профессора Эйнзиделя, который немедленно нашелъ бы въ цыганскомъ языкѣ слѣды санскритскаго. Всѣ съ удивленіемъ слушали, какъ Эрихъ пытался объясняться съ цыганами на этомъ послѣднемъ.

Белла выразила желаніе, чтобъ кто-нибудь для нея срисовалъ усталую клячу, лѣниво жевавшую клокъ сѣна, телѣгу и и старухъ, сидѣвшихъ вокругъ огня. Долговязый лейтенантъ взялся исполнить ея порученіе.

Между цыганками была одна молодая, одѣтая въ широкій кринолинъ. Она стояла немного въ сторонѣ, курила коротенькую трубку и дерзко поглядывала на пришедшихъ. Белла мгновенно почувствовала къ ней особенное расположеніе.

Одна старуха, показывая костлявой рукой на Роланда, воскликнула:

— Онъ долженъ быть нашимъ королемъ!

— Умѣешь ты предсказывать будущее? спросила у нея Белла и протянула ей свою руку.

— Умѣю, но тебѣ ничего не скажу, отвѣчала старуха. А вонъ пусть та барышня, что стоитъ возлѣ тебя, покажетъ мнѣ свою ручку.

Манна неохотно повиновалась старухѣ, которая, испустивъ дикій крикъ, сказала:

— У тебя есть возлюбленный, но, чтобъ съ нимъ сблизиться, ты должна пройти черезъ воду, а вода эта будетъ течь изъ твоихъ прекрасныхъ черныхъ глазъ. А еще три сына и двѣ дочери будутъ.....

Манна вырвала у ней руку и пошла прочь. Нисколько не вѣря въ предсказанія, она тѣмъ не менѣе была поражена. Ужъ не Пранкенъ ли это пошутилъ? мелькнуло у нея въ умѣ. Оно сильно смахивало на то, но въ дѣйствительности Пранкенъ на этотъ разъ вовсе не былъ виноватъ.

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ въ моей власти было право осуждать людей на изгнаніе! внезапно воскликнула Белла.

— Кого же вы бы въ такомъ случаѣ осудили? спросили у нея.

— Цыганъ на цѣлые пятьдесятъ лѣтъ, и такъ, чтобъ ни одинъ драматическій писатель не смѣлъ болѣе выводить ихъ на сцену.

Маннѣ казалось, что она все видитъ и слышитъ во снѣ. Она думала, что все это съ ней совершается только для того, чтобъ служить ей воспоминаніемъ въ то время, когда она наконецъ распростится съ міромъ. Ей уже и теперь, все случившееся за минуту передъ тѣмъ, казалось далекимъ прошлымъ. Она такъ сказать только физически присутствовала въ жизни, между тѣмъ какъ духъ ея постоянно стремился къ другому, болѣе совершенному міру. Она съ особеннымъ упорствомъ поддерживала въ себѣ мысль о предстоящемъ ей отреченіи отъ всей житейской суеты. Годъ, который она проводила въ свѣтѣ, былъ годомъ тяжелаго испытанія и ей служило не малымъ утѣшеніемъ то, что изъ него прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Белла, хвалившаяся своимъ знаніемъ человѣческаго сердца, часто, качая головой, говорила брату, что рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать съ Манной. Всѣ ея усилія пріобрѣсти довѣріе молодой дѣвушки до сихъ поръ оказывались тщетными. Та постоянно точно держалась на сторожѣ и никогда не говорила съ Беллой о своемъ намѣреніи поступить въ монастырь.

Теперь графиня, обнявъ Манну за талію, стала ее дразнить тремя сыновьями и двумя дочерьми. Манна слушала ее съ разсѣянной улыбкой, какъ будто дѣло шло вовсе не о ней, а о совершенно посторонней личности.

На отлогой покатости горы, подъ тѣнью густыхъ елей были разостланы ковры, на которыхъ помѣстились дамы, между тѣмъ, какъ мужчины еще оставались за столомъ. Долговязый лейтенантъ, окончивъ свой эскизъ, усердно угощалъ себя и другихъ виномъ.

— Отчего вы не дворянинъ? спросилъ онъ у Зонненкампа.

— Отъ того, что господинъ Зонненкампъ принадлежитъ къ среднему сословію людей, возразилъ Клодвигъ.

— Но изъ человѣка средняго сословія легко сдѣлаться дворяниномъ, когда обладаешь милліонами и....

Пранкенъ сердито взглянулъ на товарища, который, встрѣтивъ его взглядъ, мгновенно прервалъ свою рѣчь. Но государственный совѣтникъ счелъ своей обязанностью продлить этотъ разговоръ, имѣя въ виду расположить въ пользу Зонненкампа

графа Вольфсгартена, мнѣніе котораго, въ качествѣ самаго уважаемаго члена орденской коммиссіи, должно было имѣть наиболѣе вѣсу.

— Вы правы, лейтенантъ, сказалъ онъ: если возвышенныя чувства, добрыя дѣла и свѣтлый умъ способны облагородить человѣка, то.... господинъ Зонненкампъ конечно въ самомъ скоромъ времени будетъ однимъ изъ нашихъ.

Долговязый лейтенантъ, даже когда у него и не шумѣло въ головѣ отъ шампанскаго, полагалъ, что обладаетъ порядочнымъ запасомъ остроумія. А въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, человѣку обыкновенно бываетъ трудно удерживать свой языкъ.

— Отлично! воскликнулъ онъ: превосходно! Графъ Вольфсгартенъ, вы умнѣе всѣхъ насъ: скажите же пожалуйста, вы тоже раздѣляете мнѣніе, что милліонъ долженъ быть возведенъ въ дворянское званіе? Я говорю не милліоны, а одинъ милліонъ, потому что подразумѣваю подъ этимъ человѣка, который ими обладаетъ.

— Съ вашей стороны болѣе чѣмъ любезно, возразилъ Клодвигъ, употреблять въ мою пользу власть, какою вы облечены для опредѣленія въ людяхъ различныхъ степеней ума.

— Благодарю васъ, воскликнулъ лейтенантъ: ударъ метко попалъ въ цѣль. Но мы ждемъ вашего мнѣнія.

— Я думаю, началъ толстый отставной гофмаршалъ, который хвастался тѣмъ, что съ пріѣзда его въ Карлсбадъ въ немъ убавилось вѣсу на шестнадцать фунтовъ, — я думаю, нашъ почтенный хозяинъ вправѣ требовать, чтобъ мы прекратили разговоръ, который здѣсь вовсе неумѣстенъ, — неправда ли, графъ? обратился онъ къ Клодвигу.

Но Зонненкампъ поспѣшилъ предупредить отвѣтъ графа.

— Напротивъ, сказалъ онъ: я буду очень радъ, если мои благородные гости, считая меня однимъ изъ своихъ, не стѣсняясь, будутъ продолжать свой разговоръ. Болѣе того, я приму это за доказательство ихъ расположенія ко мнѣ.

Клодвигъ въ этотъ день нарушилъ свою обычную воздержность и по настоянію друзей выпилъ два бокала шампанскаго. Лицо его вдругъ приняло лукавое выраженіе и онъ сказалъ:

— А что, господинъ Зонненкампъ, если мы прежде пожелаемъ узнать ваше мнѣніе?

— Да, да! воскликнулъ лейтенантъ: кто съумѣлъ пріобрѣсти милліоны и устроить такой волшебный праздникъ, тотъ имѣетъ право....

— Прошу васъ, перебилъ его Клодвигъ: не мѣшайте говорить господину Зонненкампу.

— Милостивые государи, началъ тотъ: я посѣтилъ всѣ части свѣта и убѣдился, что аристократія вездѣ существуетъ и должна существовать.

— Точно также, какъ и между лошадьми и собаками, вмѣшался высокій лейтенантъ. У русской графини есть двѣ борзыя собаки, которыя происходятъ отъ императрицы Екатерины.... то-есть отъ собакъ императрицы Екатерины, хотѣлъ я сказать.

Гофмаршалъ, вѣсъ котораго убавился на шестнадцать фунтовъ, строго замѣтилъ лейтенанту, что ему слѣдуетъ быть воздержнѣе на языкъ, потому что онъ компрометтируетъ и себя и все общество. Лейтенантъ провелъ рукою по лбу и обѣщался слушать молча.

— Продолжайте пожалуйста, обратился Клодвигъ къ Зонненкампу.

— Для дикихъ племенъ, снова началъ тотъ, безъ сомнѣнія тоже весьма важно имѣть въ своей средѣ такой классъ людей, который, стоя во главѣ всѣхъ прочихъ, въ теченіи вѣковъ служилъ бы имъ точкой соединенія и опоры. Родъ этихъ людей безспорно долженъ идти издалека. Но и между новыми людьми могутъ быть такіе, которые отличаются отъ прочихъ своимъ умомъ и мужествомъ: они въ такомъ случаѣ должны составлять какъ бы новую династію.

У Зонненкампа на лбу выступилъ крупный потъ. Клодвигъ замѣтилъ это и поспѣшилъ самъ заговорить.

— Должно полагать, началъ онъ весьма мягко, что дворянство преимущественно призвано соединять въ себѣ мужество и образованіе: одному безъ другого никогда не слѣдовало бы существовать. Надѣюсь, вы меня какъ слѣдуетъ поймете, если я вамъ скажу, что, по моему мнѣнію, дворянство есть не что иное, какъ хранилище преданій о томъ, что̀ въ старину возникло и было завоевано силой выдвинувшихся впередъ ума и характера и что̀ съ тѣхъ поръ сдѣлалось наслѣдственнымъ правомъ, а еще болѣе наслѣдственнымъ долгомъ. Дворянинъ — это свободный человѣкъ, въ которомъ природа и исторія сливаются въ одно: черезъ него постоянно возобновляющееся человѣчество сохраняетъ непрерывную нравственную связь съ прошлымъ. Дворянство — это родъ службы, которую обязанъ нести всякій къ нему принадлежащій. Дворянинъ можетъ дѣйствовать сообразно съ своими природными влеченіями, но всегда долженъ

до нѣкоторой степени подчинять ихъ извѣстнымъ историческимъ условіямъ.

— Пусть у меня въ желудкѣ скиснетъ и свернется выпитое мною канарское, если я хоть что-нибудь изъ всего этого понялъ, шепнулъ лейтенантъ гофмаршалу, который тщетно удерживался отъ дремоты, строго запрещаемой при леченіи водами. Слова лейтенанта однако его мгновенно пробудили.

— Да, да, вы совершенно правы, живо проговорилъ онъ, только, прошу васъ, молчите.

— Вы сами, сказалъ государственный совѣтникъ, безъ сомнѣнія находите весьма полезной гордость, возбуждаемую въ человѣкѣ уваженіемъ къ храбрости и добродѣтелямъ своихъ предковъ. Кому однажды привелось пройти по галлереѣ, со стѣнъ которой на него смотрѣли портреты его предковъ, тотъ никогда этого не забываетъ и въ теченіи всей своей жизни какъ будто чувствуетъ на себѣ ихъ взгляды.

— Правда, правда! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Но что же изъ этого? замѣтилъ Клодвигъ. Прошу васъ, вернемся къ занимающему насъ вопросу.

— Я вовсе и не отступалъ отъ него, такъ какъ имѣю въ виду спросить: почему бы обществу постоянно не возобновлять въ своей средѣ это историческое явленіе?

— Отлично! Вотъ что называется прямо ставить вопросъ! воскликнулъ Клодвигъ. Но развѣ наше время способно возложить на дворянство какую-либо особенную обязанность и тѣмъ самымъ сообщить ему какія-либо особенныя права? Мы вступаемъ въ періодъ уравненія правъ, когда различіе между сословіями мало-по-малу исчезаетъ. Нынѣ признаются всего два разряда людей: люди съ честью и люди безъ чести. До сихъ поръ честь составляла какъ бы принадлежность дворянства, его неотъемлемое, наслѣдственное право. Въ вѣкъ всеобщаго уравненія правъ, такое преимущество, само собой разумѣется, должно утратить свою силу и нынѣ дворянство представляется намъ въ видѣ уже отживающаго учрежденія. Какой смыслъ имѣютъ въ настоящее время гербы? Ихъ исключительное назначеніе теперь — красоваться на каминныхъ экранахъ, диванныхъ подушкахъ и дорожныхъ сумкахъ. Допущеніе всѣхъ сословій къ участію въ военной службѣ было послѣднимъ словомъ дворянства. Наука, искусство, ремесло составляютъ главное величіе нашего вѣка, а принимать въ нихъ участіе не только имѣютъ право, но и обязаны всѣ сословія безразлично. Такой порядокъ вещей стоитъ какъ бы въ противорѣчіи со всей прошлой исторіей человѣчества. Дворянство еще имѣло

значеніе, доколѣ поземельная собственность играла главную роль въ могуществѣ страны. Но это прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ въ воздухѣ стали возвышаться длинныя трубы фабрикъ и какъ движимое, или говоря иначе — мнимое имущество — что такое въ сущности государственныя бумаги, какъ не мнимое богатство? — лишило поземельную собственность почти всякаго значенія. Впрочемъ эти бумажныя имущества хороши тѣмъ, что они не могутъ быть превращаемы въ собственность мертвой руки. Я вовсе не прочь отъ того, чтобъ дворяне ставили свои имена во главѣ акціонерныхъ предпріятій, которыя въ сущности заслуживаютъ болѣе уваженія, чѣмъ всевозможные титулы и ордена: съ помощью ихъ человѣкъ не только пріобрѣтаетъ себѣ богатство, но и подвизается на поприщѣ общественной пользы. Честь и слава Якову Гримму за то, что онъ въ своей рѣчи о Шиллерѣ опровергъ мнѣніе, будто общество могло прибавить что-нибудь отъ себя къ врожденному благородству этого поэта и Гёте. Въ наши дни дворянство не болѣе какъ пустое имя, украшеніе, которымъ мы недавно начали дарить даже евреевъ.

— Не станете же вы однако утверждать, вмѣшался банкиръ, что украшенныя гербами ворота дворянства должны служить границей, за которую терпимость вѣроисповѣданій не можетъ простираться.

— Вы совершенно правы, любезный другъ, сказалъ Клодвигъ. Если вообще допустить, что дворянами можно дѣлаться, а не только рождаться, то конечно и евреи вправѣ того же требовать для себя. Но они не должны этого желать, не должны помогать дѣлу измѣны и отступничества. Евреи, сколько мнѣ кажется, служатъ живымъ доказательствомъ того, что о людяхъ слѣдуетъ судить не по тому, во что они вѣрятъ, а по тому, какъ высоко они стоятъ въ нравственномъ отношеніи и насколько оказываютъ содѣйствія успѣхамъ цивилизаціи. Родъ евреевъ, если смотрѣть на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія, самый знатный. Дѣйствительно, кто кромѣ нихъ можетъ похвалиться такимъ древнимъ и славнымъ происхожденіемъ? Они еще вправѣ гордиться и тѣмъ, что ихъ предки одно время находились въ неволѣ. Никогда не забуду я одной оригинальной мысли, высказанной мнѣ старымъ раввиномъ, съ которымъ я однажды встрѣтился на водахъ.

— Какой мысли? спросилъ банкиръ.

— Онъ мнѣ сказалъ.... Это было въ Остенде, мы шли по берегу моря и разсуждали о томъ, достигнутъ ли когда-нибудь негры той степени зрѣлости, которая позволитъ имъ выработать

себѣ свободу и образованіе. По этому поводу раввинъ замѣтилъ слѣдующее:...

Клодвигъ на минуту остановился, точно что-то припоминая, потомъ, приложивъ палецъ лѣвой руки къ носу, продолжалъ:

— Онъ сказалъ, что ничто такъ не подстрекаетъ мысль къ развитію, какъ воспоминаніе о прошломъ рабствѣ. Многое, что насъ теперь поражаетъ въ евреяхъ, объясняется именно тѣмъ, что имъ въ древнѣйшій періодъ ихъ существованія пришлось извѣдать всю горечь неволи. Они были въ рабствѣ у египтянъ и это развило въ нихъ въ одно и тоже время гордость и смиреніе, необыкновенное терпѣніе, когда ихъ самихъ постигаютъ бѣды, сочувствіе къ чужимъ страданіямъ и такую любовь къ собственному племени, равной которой нѣтъ во всей остальной исторіи человѣчества.

— Ничего не можетъ быть справедливѣе.

Клодвигъ продолжалъ:

— Видъ еврея въ шлемѣ и съ щитомъ, украшеннымъ дворянскимъ гербомъ, долженъ представлять возмутительное зрѣлище для всѣхъ его соплеменниковъ. Евреи не должны забывать, что ихъ предки во время царства шлема и щита, находясь подъ владычествомъ императора, были почти лишены покровительства законовъ. Еврей, переходящій въ христіанство, часто дѣлаетъ это по убѣжденію, потому что онъ, оставивъ въ сторонѣ догматическую часть ученія Христа, поражается успѣхами, какіе послѣднее внесло въ исторію развитія человѣческой мысли. Конечно, многіе мѣняютъ свою вѣру и по легкомыслію, потому что имъ трудно и они не считаютъ себя ничѣмъ обязанными нести нескончаемое мученичество, отъ котораго въ тоже время хотятъ избавить и своихъ дѣтей. Все это въ порядкѣ вещей. Но еврей, вступающій во дворянство, есть нелѣпѣйшій изъ анахронизмовъ. Его прямая обязанность примкнуть къ среднему сословію, которое нынѣ пробуждается къ жизни и такъ смѣло заявляетъ свою самостоятельность: на это онъ имѣетъ полное право. Ужъ не хотятъ ли евреи составить цѣлую цѣпь соплеменныхъ имъ дворянскихъ семействъ, которыя бы только между собой вступали въ бракъ? Чѣмъ болѣе объ этомъ думаешь, тѣмъ сильнѣе поражаешься нелѣпостью такихъ явленій. Но я ни чуть не былъ намѣренъ говорить объ евреяхъ и прошу меня извинить за такое длинное отступленіе.

— Не лучше ли намъ вовсе прекратить этотъ разговоръ? замѣтилъ Пранкенъ.

— Сейчасъ: еще только одно слово. Музыкальная пьеса безъ заключительнаго такта оставляетъ неполное и непріятное

впечатлѣніе. Позвольте мнѣ сказать еще слѣдующее: по моему мнѣнію, всякій разъ какъ дѣлаютъ новаго дворянина, совершается историческая безсмыслица. Кто мѣняетъ среднее сословіе на дворянство, тотъ въ моихъ глазахъ дезертеръ, отступникъ, чтобъ не сказать сумасбродный измѣнникъ, который покидаетъ свое побѣдоносное знамя въ самую минуту его торжества. Я знаю, чего домогаются эти люди: они хотятъ закрѣпить за своимъ родомъ пріобрѣтенныя ими богатства, однимъ словомъ учредить майораты, а сыновья ихъ стремятся попасть въ дворянчики. Но на дѣлѣ они только полагаютъ основаніе особаго рода уродливому сословію.... на пняхъ со сгнившими корнями хотя иногда и появляются свѣжіе побѣги, но они никогда не выростаютъ въ деревья.

Клодвигъ говорилъ все это съ цѣлью вразумить своихъ слушателей одного съ нимъ званія и предостеречь банкира, который, онъ зналъ, по наущенію пріятелей, тоже начиналъ простирать свои виды на дворянство.

Взглянувъ на подвижное лицо своего друга, Клодвигъ произнесъ:

— Вы еще что-то хотите сказать?

— Ничего особеннаго. Я хотѣлъ только замѣтить, что нашъ почтенный хозяинъ самъ служитъ доказательствомъ того, какимъ высокимъ уваженіемъ пользуется въ Америкѣ то, что называется a self-made-man, или какъ мы говоримъ: самъ себя создавшій человѣкъ. Но нашъ переводъ не передаетъ вполнѣ значенія американскаго выраженія. Ничего не наслѣдовать, но все завоевать: вотъ въ чемъ заключается высшая гордость американца, вся цѣль жизни котораго состоитъ въ томъ, чтобъ заслужить наименованіе self-made-man'a. Избраніе въ президенты Авраама Линкольна служитъ истиннымъ торжествомъ этого начала. Простой дровосѣкъ, корабельщикъ достигаетъ высшихъ почестей и становится во главѣ цѣлаго народа: какое необыкновенное, многозначительное и въ тоже время трогательное зрѣлище! Знакомы вы лично съ Линкольномъ? въ заключеніе спросилъ банкиръ у Зонненкампа.

— Я не имѣю этой чести, отвѣчалъ тотъ.

Пришелъ Роландъ и пригласилъ мужчинъ присоединиться къ дамамъ, съ тѣмъ, чтобъ немного погодя отправиться въ обратный путь при звукахъ музыки.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Здѣсь были собраны аристократы со всѣхъ концовъ Германіи. Они долго не могли придти въ себѣ отъ изумленія и стояли неподвижно, вопрошая другъ друга взоромъ, точно и они окаменѣли на подобіе группы скалъ,

носящей названіе свадебнаго поѣзда. Еслибъ это дѣйствительно могло съ ними случиться вслѣдствіе вліянія какой-нибудь сверхъестественной силы, долговязый лейтенантъ и дремлющій гофмаршалъ представили бы изъ себя въ высшей степени забавныя фигуры. Возможно ли, думали всѣ эти люди, чтобъ аристократъ, графъ Вольфсгартенъ, произносилъ подобныя рѣчи и былъ въ здравомъ умѣ? Нѣтъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, пьянъ!

Наконецъ они отправились къ дамамъ. Клодвигъ и Эрихъ остались позади всѣхъ. Молодой человѣкъ въ теченіи предъидущаго разговора ни слова не вымолвилъ. Клодвигъ, увидя себя теперь наединѣ съ нимъ, выразилъ свою досаду на то, что позволилъ себѣ увлечься и высказалъ свои задушевныя мысли въ присутствіи людей, которые не были способны ихъ понять.

— А я, такъ въ высшей степени вамъ за то благодаренъ, замѣтилъ Эрихъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Клодвигъ: я постараюсь себя увѣрить, будто говорилъ для васъ однихъ.

Они вошли въ лѣсокъ, откуда только-что удалились дамы, сѣли на разостланный тамъ коверъ и стали смотрѣть на танцовавшую внизу на лужайкѣ молодежь.

Зонненкампъ стоялъ, прислонясь къ стволу толстой ели. Онъ какъ будто замеръ на мѣстѣ и отъ всего сердца желалъ, чтобъ гости его мгновенно превратились въ камни. Вокругъ него порхала бабочка, которая, слетѣвъ съ горной высоты, могла бы ему разсказать, о чемъ тамъ на верху говорили Клодвигъ и Эрихъ.

— Вы сегодня утромъ, началъ графъ, пытались узнать мое мнѣніе на счетъ предполагаемаго возвышенія въ свѣтѣ Зонненкампа. Теперь оно вамъ извѣстно. Я, кажется не скрываясь, объявилъ себя противникомъ новаго дворянства. Но вамъ, молодой другъ, я скажу, что Зонненкампъ по всѣмъ вѣроятностямъ все-таки достигнетъ желаемаго, такъ какъ мое мнѣніе не есть главное.

Эриху вдругъ захотѣлось пойти внизъ и передать Зонненкампу слова Клодвига. Онъ видѣлъ смущеніе этого человѣка и въ немъ пробудилось желаніе его успокоить. Зонненкампъ во всемъ этомъ дѣлѣ думалъ только о благосостояніи своего сына и тѣмъ самымъ вызвалъ къ себѣ сочувствіе Эриха.

Но молодой человѣкъ удержалъ свой сердечный порывъ, сказавъ себѣ, что ни однимъ словомъ не долженъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ разсказалъ Клодвигу, какъ Роландъ ему недавно намекалъ о какой-то тайнѣ, о которой онъ тогда не хотѣлъ его распрашивать. Теперь, зная въ чемъ дѣло, Эрихъ

все-таки считалъ за лучшее молчать съ нимъ объ этомъ предметѣ. До сихъ поръ Роландъ довольно спокойно относился къ вопросу о дворянствѣ, поднявъ который, легко можно было поселить разладъ между отцемъ и сыномъ. Клодвигъ вполнѣ одобрилъ Эриха и еще разъ повторилъ, какъ онъ доволенъ тѣмъ, что его молодой другъ не согласился поселиться съ нимъ въ Вольфсгартенѣ. Въ домѣ Зонненкампа онъ былъ гораздо болѣе у мѣста, потому что занимался прекраснымъ дѣломъ, которое должно было имѣть важныя послѣдствія.

Старикъ и молодой человѣкъ еще долго такимъ образомъ дружески бесѣдовали. Эрихъ съ высоты, на которой находился, видѣлъ какъ къ Зонненкампу подошелъ лейтенантъ и заговорилъ съ нимъ.

Бабочка, снова взлетѣвшая на гору, могла бы повѣдать сидѣвшимъ тамъ друзьямъ, о чемъ шла рѣчь въ долинѣ.

— Господинъ Зонненкампъ! развязно началъ лейтенантъ: Есть у негровъ способности къ музыкѣ?

— Негры очень любятъ музыку, въ которой нѣтъ ничего кромѣ шуму, возразилъ Зонненкампъ, подобно тому, какъ многіе считаютъ за настоящій разговоръ то, что.....

Онъ повидимому искалъ и не находилъ слова, которое было бы достаточно учтиво и въ то же время колко. Наконецъ онъ сказалъ:

....Что можетъ прослыть за разговоръ только развѣ въ маленькой столицѣ.

Онъ присоединился къ обществу, которое вскорѣ подъ звуки музыки направилось къ экипажамъ.

На возвратномъ пути черезъ лѣсъ Эриху пришлось идти съ Манной. Ни тотъ, ни другая не знали, какимъ образомъ это случилось. Они долго шли молча, а между тѣмъ каждому изъ нихъ хотѣлось многое сказать.

— Я слышала, наконецъ начала Манна, что графъ Клодвигъ съ большимъ жаромъ говорилъ противъ дворянства. Развѣ онъ тоже находитъ, что преимущества, какими человѣкъ пользуется по праву рожденія, противорѣчатъ религіи?

— Нѣтъ, онъ этого не говорилъ.

И оба снова замолчали.

— Какъ-то провелъ сегодняшній день нашъ другъ, профессоръ Эйнзидель? опять спросила Манна. Вы знаете, я тоже его ученица.

— Находиться въ сношеніяхъ съ этой прекрасной, свободной душой, возразилъ Эрихъ, уже само по себѣ составляетъ большое счастіе.

Ни тотъ, ни другая болѣе не нарушали молчанія, но оба чувствовали, что между ними возникла еще новая связь. Они съ одинаковой силой любили и уважали человѣка, которому оба были многимъ обязаны.

— Эрихъ! Манна! внезапно раздалось въ лѣсу. Они вздрогнули, услышавъ какъ имена ихъ, произнесенныя вмѣстѣ, многократно были повторены эхо, а потомъ замерли въ глубинѣ пропасти, образуемой группой скалъ окаменѣлаго свадебнаго поѣзда.

Къ нимъ вскорѣ присоединился Роландъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ экипажамъ.

ГЛАВА XVI.

РАЗЛИЧНЫЯ НАСТРОЕНІЯ ДУХА.

Зонненкампъ видѣлъ, что дворъ оказывалъ ему пренебреженіе, или лучше сказать вовсе его не замѣчалъ, но не смѣлъ показывать и виду, будто это его оскорбляетъ. Онъ боялся жалобами уничтожить всякое къ себѣ уваженіе и продолжалъ по прежнему, несмотря на холодность къ нему герцога, разыгрывать роль его покорнаго слуги. Онъ полагалъ, что въ этомъ заключается придворная служба и хотѣлъ заранѣе къ ней привыкнуть.

День отъѣзда герцога былъ уже назначенъ. Зонненкампъ вмѣшался въ толпу знати, которая окружала экипажъ его высочества, и вмѣстѣ съ другими принялъ его благосклонный взглядъ и поклонъ. Государственный совѣтникъ, которому надлежало ѣхать во второй каретѣ, прощаясь съ Зонненкампомъ, сказалъ:

— Ваше дѣло, несмотря на почтеннаго и ученаго графа Вольфсгартена, находится въ наилучшемъ положеніи.

Отъѣздъ двора произвелъ на значительную часть карлсбадскаго общества тоже впечатлѣніе, какое обыкновенно производитъ исчезновеніе изъ кружка танцующихъ невѣсты, въ честь которой давался балъ. Гости еще продолжаютъ танцовать, но имъ уже не достаетъ прежняго оживленія.

Толпы людей прибывали и убывали. Оживленный кружокъ, центромъ котораго была Белла, ежедневно утрачивалъ кого-нибудь изъ своей среды. Зонненкампу часто приходилось составлять букеты и подносить ихъ отъѣзжающимъ, но онъ дѣлалъ это съ тайнымъ отвращеніемъ. Наконецъ и Белла съ Клодвигомъ уѣхали. Графъ, къ великому удовольствію Эриха, искренно привязался къ профессору Эйнзиделю.

Послѣдніе дни пребыванія ихъ въ Карлсбадѣ имѣли для Эриха и Роланда всю прелесть заключительныхъ нотъ очаровательной мелодіи. Они довольно легко перенесли отъѣздъ Клодвига и Беллы: съ ними еще оставался профессоръ Эйнзидель.

Зато Зонненкампъ и Церера испытывали самое дурное расположеніе духа: они чувствовали, что, такъ сказать, пережили самихъ себя.

Зонненкампъ мысленно сравнивалъ себя съ залежавшимся букетомъ цвѣтовъ. Какая участь обыкновенно постигаетъ такой букетъ къ вечеру? Онъ теряетъ свою свѣжесть, его на ночь спрыскиваютъ водой, на слѣдующее утро очищаютъ отъ поблекшихъ цвѣтовъ и снова несутъ на рынокъ. Будетъ ли онъ счастливѣе сегодня? Неизвѣстно, но все-таки надо сдѣлать пробу.

Мужчины и дамы, которые во время пребыванія на водахъ Беллы составляли обычное общество Зонненкампа, теперь держались отъ него въ сторонѣ, сухо отвѣчали на его поклоны и примыкали къ кружкамъ вновь прибывавшихъ аристократовъ. На прогулкахъ все чаще и чаще появлялся профессоръ Крутіусъ. Онъ почти всегда былъ окруженъ американцами и всѣ они какъ-то особенно смотрѣли на Зонненкампа. Послѣдній всегда очень любезно кланялся Крутіусу, но тотъ едва замѣтно отвѣчалъ на его поклонъ.

Наконецъ настало утро, назначенное для отъѣзда. Для Зонненкампа и его свиты были приготовлены три экипажа. Провожать ихъ собралось менѣе друзей, чѣмъ даже можно было ожидать. Но кареты тѣмъ не менѣе выѣхали на дорогу украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ, а на первой изъ нихъ даже красовалась большая пестрая корона. Самыя спицы на колесахъ, и тѣ были обвиты зеленью, а почтальоны всѣ имѣли на шляпахъ вѣнки.

Семейство завтракало по обыкновенію на открытомъ воздухѣ, а потомъ, не возвращаясь въ комнаты, стало размѣщаться по экипажамъ.

Въ числѣ провожающихъ находился профессоръ Эйнзидель. Онъ стоялъ съ Манной нѣсколько въ сторонѣ и въ полголоса ей говорилъ:

— Я въ послѣдней моей лекціи... Ахъ, извините милое дитя, это вырвалось у меня по привычкѣ, но вѣдь насъ никто не слышитъ. Итакъ, я однажды сказалъ вамъ, что самъ охотно удалился бы въ монастырь, но не въ такой какъ вы, а въ свободный, гдѣ я могъ бы успокоиться на старости лѣтъ. Но я уже утомленъ жизнью, одинокъ и потому мое желаніе совершенно естественно. Вы же, дитя мое, совсѣмъ другое дѣло.

Ваша жизнь еще впереди и вамъ слѣдуетъ хорошенько подумать прежде, чѣмъ вы примете окончательное рѣшеніе. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ постоянно бороться съ долгомъ, обречь себя на служеніе высокой идеѣ, а въ душѣ таить вѣчную тоску и тревогу. Обдумайте посерьезнѣе ваше намѣреніе, дитя мое, и вѣрьте, что я отъ души желаю вамъ добра, сказалъ въ заключеніе добрый старикъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчала Манна. У ней на глазахъ навернулись крупныя слезы и она, чтобы скрыть ихъ, спрятала лицо въ букетъ, который держала въ рукахъ.

Къ нимъ подошелъ Роландъ и снялъ шляпу. Профессоръ положилъ ему руку на голову и сказалъ:

— Оставайся всегда честнымъ и добрымъ малымъ и знай, что ты имѣешь во мнѣ искренняго друга.

Роландъ былъ тронутъ до глубины души. Онъ взялъ маленькую руку профессора и быстро поднесъ ее къ губамъ. Стоявшіе въ нѣкоторомъ отдаленіи зрители пришли въ изумленіе.

Но вдругъ раздался звукъ почтовой трубы, горное эхо повторило его, экипажи двинулись и Зонненкампъ съ семействомъ покинулъ мѣсто, гдѣ такъ многое было всѣми пережито, но гдѣ тѣмъ не менѣе никто не нашелъ разрѣшенія терзавшихъ его сомнѣній.

Отъѣхавъ уже на нѣкоторое разстояніе отъ Карлсбада, Роландъ шепнулъ Эриху:

— Теперь у меня есть также и дѣдушка.

Эрихъ молчалъ. Роландъ въ теченіи дороги много разъ замѣчалъ, какъ права была Манна, осуждая обычай рвать цвѣты и дѣлать изъ нихъ букеты. Имъ безпрестанно встрѣчались на пути увядшіе или еще свѣжіе цвѣты, которые путешественники безжалостно кидали на дорогу подъ колеса каретъ.

Манна сидѣла молча. Она очень неохотно согласилась сопровождать своихъ родителей на воды и теперь уѣзжала оттуда съ сердцемъ, преисполненнымъ тревоги и печали.

Она незамѣтно для другихъ сложила руки и горячо молилась про себя.

Вскорѣ они достигли желѣзной дороги.

— Слыша свистъ локомотива, сказалъ Роландъ, я чувствую себя почти дома. У насъ на виллѣ постоянно раздается этотъ свистъ и все послѣднее время, что я его не слышалъ, мнѣ казалось, будто я нахожусь въ другомъ, какомъ-то мнѣ совершенно чуждомъ мірѣ. А ты, Манна, рада вернуться домой? Что-то тамъ теперь дѣлается? Все ли цѣло и невредимо?

Любовь къ дому, проглядывавшая въ каждомъ словѣ Роланда, сильно радовала Эриха и онъ въ отвѣтъ ему замѣтилъ, что никакія перемѣны, еслибъ онѣ и свершились во время ихъ отсутствія, не должны ихъ смущать. Пусть радость ихъ по возвращеніи домой будетъ полная и ничѣмъ невозмутимая.

ГЛАВА XVIII.

ДѢЙСТВІЕ СЛѢДУЕТЪ ПОСЛѢ.

— Дѣйствіе слѣдуетъ послѣ, говорилъ докторъ на водахъ Зонненкампу и его женѣ, когда они собирались ѣхать домой. Дѣйствіе слѣдуетъ послѣ, увѣрялъ также и государственный совѣтникъ.

Семейство Зонненкампа вернулось на Рейнъ съ новыми надеждами въ сердцѣ.

Вилла во время отсутствія хозяевъ содержалась въ наилучшемъ порядкѣ. По распоряженію Зонненкампа между оранжереями и конюшнями была выстроена новая чугунная галлерея, отличавшаяся необыкновеннымъ изяществомъ и легкостью. Нигдѣ не оставалось и слѣдовъ недавнихъ работъ, а садовникъ уже успѣлъ разставить на галлереѣ вазы съ вьющимися растеніями, которыя граціозно обвивали желѣзные столбы. Зонненкампъ остался всѣмъ очень доволенъ.

Вся семья рада была возвратиться домой, гдѣ послѣ разлуки все казалось еще лучше и милѣе.

Зонненкампъ освѣдомился много ли путешественниковъ во время его отсутствія посѣтило виллу и оранжереи. Онъ каждый годъ, уѣзжая на воды, позволялъ слугамъ показывать желающимъ нижній этажъ дома, теплицы, паркъ и фруктовый садъ.

Кастелянъ сказалъ, что никогда еще не бывало на виллѣ столько посѣтителей, какъ въ этомъ году и онъ каждому изъ нихъ указывалъ мѣста, гдѣ сидѣли герцогъ и герцогиня.

Зонненкампъ приказалъ подать себѣ книгу, въ которой посѣтители имѣли обыкновеніе записывать свои имена, причемъ отъ нихъ требовалось, чтобъ они не писали ничего, кромѣ именъ.

Зонненкампъ пробѣжалъ глазами цѣлый списокъ ихъ и вдругъ гнѣвно воскликнулъ:

— Кто это написалъ?

Никто не могъ съ достовѣрностью ему отвѣчать. Наконецъ садовникъ, прозванный бѣлкой, указалъ на того человѣка, который хотѣлъ поступить въ гувернеры къ Роланду. Онъ пріѣзжалъ недавно на виллу въ сопровожденіи другого мужчины высокаго роста и красивой наружности. Послѣдній ничего не писалъ, но его спутникъ, котораго онъ называлъ профессоромъ, наполнилъ цѣлую страницу разными именами. Садовникъ замѣтилъ, что это ему уже и тогда показалось страннымъ.

Зонненкампъ былъ увѣренъ, что напалъ на настоящій слѣдъ. Человѣкъ, испестрившій книгу именами, былъ никто иной какъ профессоръ Крутіусъ, а написанныя имъ имена всѣ до одного принадлежали главнымъ предводителямъ партіи, защищавшей невольничество въ южныхъ штатахъ. Чтобъ эти люди сами посѣтили виллу Эдемъ, это было рѣшительно невозможно. Съ какой же стати красоваться здѣсь ихъ именамъ?

Зонненкампъ долго задумчиво бродилъ по саду, наконецъ ему удалось успокоить себя и онъ вслухъ произнесъ:

— Твой злѣйшій и старѣйшій врагъ снова выступаетъ на сцену и это никто иной, какъ твое несчастное воображеніе.

Эрихъ, обнимая свою мать, радовался не болѣе, чѣмъ Манна и Роландъ.

— Ты и тетушка, воскликнулъ послѣдній, цалуя профессоршу, вы мнѣ дороже всѣхъ деревьевъ въ паркѣ, дороже дома и всего! Вы, подобно имъ, постоянны и также твердо какъ они стоите на мѣстѣ и ожидаете нашего возвращенія. Ахъ, какое счастье для насъ, что вы здѣсь! Какая радость, вернувшись домой, снова съ вами свидѣться!

И мальчикъ еще долго продолжалъ такимъ образомъ выражать свой восторгъ.

Манна, напротивъ, молчала, но во взорѣ ея ясно выражалась любовь къ этимъ двумъ женщинамъ, мирная, исполненная достоинства жизнь которыхъ возбуждала въ ней чувство глубокаго умиленія. Тишина, царствовавшая въ виноградномъ домикѣ, сильно напоминала ей монастырь, хотя ни одна изъ его обитательницъ не была связана никакимъ обѣтомъ. Разсказывая матери Эриха о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ, она между прочимъ замѣтила, что благоговѣніе, какое добрый старикъ питаетъ къ наукѣ, равняется религіозному благочестію другихъ людей. Профессорша была тронута до глубины души: она видѣла, что Манна способна была понять и оцѣнить геній человѣка, посвятившаго себя наукѣ.

Зонненкампъ казался болѣе чѣмъ когда-либо погруженнымъ въ себя. Свое стремленіе къ дворянству онъ мысленно называлъ добровольно наложеннымъ на себя рабствомъ. Онъ вывезъ съ собой изъ Карлсбада убѣжденіе, что дворяне, въ кругу которыхъ онъ тамъ вращался, все время смотрѣли на него, какъ на чужого и считали его за выскочку. Онъ принужденъ былъ держать себя съ ними очень осторожно и нерѣдко пропускать мимо ушей двусмысленные намеки. Изо всего, что тамъ говорилось, его особенно поразило замѣчаніе банкира насчетъ самихъ себя создавшихъ людей, которымъ и до конца надлежало оставаться такими.

И дѣйствительно, не лучше ли имѣть въ самомъ себѣ источникъ чести, нежели заимствовать ее искусственнымъ образомъ изъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ и условій?

Зонненкампу казалось, что передъ нимъ воздвиглась стѣна, перешагнуть которую не предвидѣлось возможности. Онъ сердился на себя за всѣ эти мысли, старался не думать, но никакъ не могъ этого достигнуть.

Наконецъ онъ рѣшился просить государственнаго совѣтника прекратить всѣ хлопоты о дворянствѣ, какъ вдругъ получилъ отъ него письмо съ увѣдомленіемъ, что дѣло можно почти считать благополучно оконченнымъ.

Зонненкампъ гордымъ взглядомъ окинулъ окружавшіе его предметы. Благо, котораго онъ такъ усердно домогался, почти было у него въ рукахъ, а онъ намѣревался отъ него отказаться. Это послѣднее, конечно, еще болѣе удовлетворило бы его и возвысило въ собственныхъ глазахъ. Но что̀ сталось бы тогда съ Церерой, съ Манной и съ Роландомъ? Да и какимъ образомъ отступилъ бы онъ теперь назадъ? Ему на минуту пришло въ голову продать все свое имѣніе на Рейнѣ и переселиться въ Швейцарію, во Францію или въ Италію. Но при мысли о разлукѣ съ здѣшней мѣстностью, изъ глубины души его поднялось тоскливое чувство. Желаніе пріобрѣсти почетъ и уваженіе въ обществѣ заговорило въ немъ сильнѣе, а домъ, садъ и все, чего онъ здѣсь былъ хозяиномъ, вдругъ получило въ его глазахъ новую прелесть.

Зонненкамъ ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, осѣненной деревьями, которыя онъ насадилъ и чувствовалъ, что самъ приросъ къ этой почвѣ и пустилъ въ ней глубокіе корни. Онъ взглянулъ на Рейнъ и въ немъ внезапно пробудилось страстное желаніе никогда съ нимъ не разставаться, какое испытываетъ всякій, кто разъ поселился на его берегахъ.

— Впередъ! воскликнулъ онъ. Лукъ натянутъ, пусть стрѣла летитъ къ цѣли!

Онъ вторично прочелъ письмо. Тамъ, между прочимъ, говорилось, что еврейскій банкиръ, въ одно время съ Зонненкампомъ начавшій хлопотать о дворянствѣ, внезапно прекратилъ свое искательство. Кромѣ того, государственный совѣтникъ совѣтовалъ Зонненкампу постараться сблизиться съ Вейдеманомъ, мнѣніе котораго еще не было получено. Его слѣдовало тѣмъ болѣе задобрить, что никому не былъ извѣстенъ его образъ мыслей насчетъ вопроса о новомъ дворянствѣ.

Затѣмъ совѣтникъ сообщалъ, что мнѣніе, поданное графомъ Вольфсгартеномъ, было въ высшей степени странно, но что тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ въ немъ рѣшилъ дѣло въ пользу Зонненкампа.

Все это были загадки, надъ разрѣшеніемъ которыхъ послѣдній тщетно трудился. Наконецъ онъ рѣшился ничего болѣе не предпринимать для ускоренія дѣла: его слишкомъ долго заставляли ждать, пусть теперь подождутъ и другіе.

На виллу не замедлилъ явиться докторъ. Онъ сдѣлалъ генеральный смотръ ея обитателямъ и нашелъ, что пребываніе на водахъ всѣмъ принесло пользу.

Только самъ Зонненкампъ все еще находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи.

Докторъ всѣмъ щупалъ пульсъ, выводилъ вѣрныя заключенія о физическомъ состояніи каждаго члена семьи, но не могъ и подозрѣвать перемѣнъ, происшедшихъ въ ихъ нравственномъ состояніи.

Церера имѣла, по обыкновенію, утомленный видъ и жаловалась на то, какъ ей надоѣли восторженные толки о красотахъ природы.

Маннѣ не вѣрилось, что она прожила столько времени посреди шумныхъ свѣтскихъ удовольствій.

Но пребываніе на водахъ болѣе всего имѣло вліянія на Эриха и Роланда.

Эрихъ пришелъ къ убѣжденію, что профессоръ Эйнзидель въ своихъ предостереженіяхъ весьма метко попалъ на его больное мѣсто. Онъ самъ чувствовалъ, какъ разсѣянный образъ жизни, который онъ до сихъ поръ велъ, дѣлалъ его все менѣе и менѣе способнымъ углубляться въ самого себя и давать себѣ отчетъ въ разнаго рода явленіяхъ своей собственной нравственной природы. Молодой человѣкъ далъ себѣ слово немедленно приступить къ устройству своей внутренней жизни и создать для

себя родъ ученой крѣпости, въ которой могъ бы укрываться отъ вреднаго вліянія свѣта. Онъ заставлялъ Роланда много работать одного, не всегда отвѣчалъ на его вопросы и до многаго предоставлялъ ему допытываться самому.

Роландъ въ первый разъ чувствовалъ себя покинутымъ Эрихомъ, а между тѣмъ никогда не нуждался такъ въ его опорѣ, какъ теперь. Праздная жизнь на водахъ, длинный рядъ всякаго рода развлеченій, постоянное пребываніе въ многочисленномъ обществѣ дамъ и кавалеровъ, которые осыпали его любезностями, — все это, когда миновала первая радость свиданія съ профессоршей и тетушкой Клавдіей, оставило въ душѣ юноши большую пустоту. Онъ впалъ въ тревожное состояніе, съ трудомъ переносилъ тишину и однообразіе домашней жизни и весьма неохотно занимался уроками. Его тянуло опять въ общество, къ молодымъ людямъ его лѣтъ.

Онъ получилъ письмо отъ кадета, который увѣдомлялъ его о своемъ производствѣ въ прапорщики и обѣщался въ скоромъ времени навѣстить его съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей.

Роландомъ овладѣло тоскливое чувство ожиданія: онъ жаждалъ удовольствій, искалъ перемѣны и развлеченій. Разъ какъ-то долговязый лейтенантъ замѣтилъ въ его присутствіи, что ему пора бы уже выдти изъ-подъ опеки гувернера, и теперь Роландъ съ трудомъ переносилъ свою зависимость отъ Эриха.

Подъ вліяніемъ этого настроенія духа, онъ то и дѣло спрашивалъ у отца, когда, наконецъ, придетъ дворянскій дипломъ. Зонненкампъ старался успокоить мальчика и разъ какъ-то проговорился, что тайна о дворянствѣ извѣстна также и Эриху. Роландъ пришелъ въ сильное негодованіе: почему Эрихъ до сихъ поръ ни слова ему объ этомъ не сказалъ.

Профессорша прежде своего сына замѣтила перемѣну, происшедшую въ мальчикѣ со времени возвращенія его изъ Карлсбада. Но мало-по-малу дурное расположеніе духа его воспитанника сдѣлалось очевидно и для Эриха. Онъ немедленно отложилъ въ сторону свой ученый трудъ и рѣшился еще на нѣкоторое время исключительно посвятить себя Роланду. Но ему стоило не малаго труда снова привлечь къ себѣ мальчика. Наконецъ ему явился на помощь случай.

Однажды къ Зонненкампу пришелъ маіоръ и сталъ его просить отъ имени Вейдемана уступить большую рыцарскую залу въ замкѣ для предстоящаго большого праздника масоновъ. Въ первую минуту Зонненкампъ готовъ былъ согласиться: его изумило странное стеченіе обстоятельствъ, въ силу котораго Вей-

деманъ именно въ немъ нуждался. Но потомъ онъ нашелъ, что ему еще пріятнѣе отказать, нежели уступить желанію этого человѣка. Вмѣсто отвѣта онъ спросилъ у маіора, почему Вейдеманъ самъ не обратился къ нему съ своей просьбой, а поручилъ это третьему лицу?

Маіоръ очутился въ затруднительномъ положеніи. Не могъ же онъ сказать, что Вейдеманъ коротко и рѣшительно отказался лично имѣть какое-либо дѣло съ Зонненкампомъ.

Послѣдній выразилъ желаніе узнать имена тѣхъ лицъ, которые въ здѣшней мѣстности принадлежали къ обществу масоновъ.

У маіора былъ съ собой списокъ ихъ и онъ показалъ его Зонненкампу, который мгновенно убѣдился, что въ числѣ братьевъ-масоновъ не было ни одного сколько-нибудьзна чительнаго лица. Баронъ фонъ-Эндлихъ и тотъ вышелъ изъ общества, лишь только былъ произведенъ въ дворяне.

Это еще болѣе побудило Зонненкампа къ отказу, но онъ вмѣсто того, въ свою очередь, обратился къ маіору съ просьбой сблизить его съ Вейдеманомъ.

— Вамъ этого вовсе не трудно достигнуть, отвѣчалъ маіоръ. Вейдеманъ очень желалъ бы видѣть у себя Роланда и капитана Дорнэ; пошлите ихъ къ нему.

Но Зонненкампъ и на это не согласился. Онъ не хотѣлъ дѣлать перваго шага для сближенія съ Вейдеманомъ, который самъ постоянно гордо держался отъ него въ сторонѣ.

Впрочемъ, не далѣе какъ на слѣдующій день произошло обстоятельство, которое вполнѣ измѣнило намѣренія Зонненкампа. Онъ ѣхалъ верхомъ и встрѣтилъ въ коляскѣ Вейдемана, сидѣвшаго рядомъ съ человѣкомъ, который по всѣмъ соображеніямъ долженъ былъ бы въ эту минуту находиться по ту сторону океана. Видъ послѣдняго до такой степени поразилъ Зонненкампа, что онъ едва усидѣлъ на лошади.

Незнакомецъ отличался красивой, моложавой наружностью и необыкновенно высокимъ ростомъ. Вейдеманъ, поровнявшись съ Зонненкампомъ, поклонился ему. Спутникъ его вздрогнулъ, но мгновеніе спустя тоже снялъ шляпу. Густая масса русыхъ кудрей, высокій лобъ незнакомца, быстрый взглядъ его прекрасныхъ голубыхъ глазъ, — все это было слишкомъ хорошо памятно Зонненкампу. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не обернуться еще разъ на сѣдлѣ и не взглянуть вслѣдъ удалявшемуся экипажу: ему непремѣнно хотѣлось удостовѣриться въ томъ, что онъ дѣйствительно не ошибся.

Незнакомецъ, съ своей стороны, тоже привсталъ въ коляскѣ и смотрѣлъ на встрѣтившагося съ нимъ всадника. Зонненкампъ видѣлъ, какъ онъ потомъ кивнулъ головой, точно въ подтвержденіе своей догадки.

Зонненкампъ затянулъ поводья у лошади и покачнулся въ сѣдлѣ. Его охватилъ непреодолимый ужасъ. Да, это онъ, его злѣйшій врагъ, самый дѣятельный изъ его противниковъ! Но какъ и зачѣмъ онъ здѣсь очутился? Зонненкампъ смотрѣлъ вслѣдъ коляскѣ, пока она совсѣмъ не скрылась изъ виду и не умолкъ шумъ ея колесъ. Потомъ онъ повернулъ лошадь и поскакалъ обратно домой. Немного спустя, однако, онъ снова остановился, вторично поворотилъ коня и пришпоривъ его, понесся по направленію къ жилищу маіора.

Онъ не засталъ его дома.

Фрейленъ Милькъ, къ которой онъ питалъ непреодолимое отвращеніе, одна встрѣтила его и сказала, что маіоръ ушелъ въ замокъ.

Зонненкампъ поѣхалъ за нимъ туда и самымъ спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ освѣдомился, что за человѣкъ гостилъ у Вейдемана. Маіоръ отвѣчалъ, что въ Маттенгеймъ недавно пріѣхалъ племянникъ Вейдемана, докторъ Фрицъ, затѣмъ, чтобъ взять оттуда свою дочь, которая тамъ воспитывалась подъ надзоромъ Кнопфа.

— А былъ этотъ докторъ Фрицъ въ мое отсутствіе у меня на виллѣ? спросилъ Зонненкампъ.

— Былъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Крутіусомъ. Они оба остались въ восторгѣ отъ вашего дома и сада. Я, по порученію доктора Фрица, купилъ у вашего садовника много сѣменъ, которыя онъ хочетъ увезти съ собой въ Америку. Отпустите, пожалуйста, Эриха и Роланда въ Маттенгеймъ: и тому и другому будетъ очень пріятно познакомиться съ докторомъ Фрицемъ. Онъ отличный человѣкъ, но къ сожалѣнію на дняхъ уже отсюда уѣзжаетъ.

Въ это самое время Эрихъ и Роландъ, какъ нарочно, тоже пришли въ замокъ. Маіоръ сталъ подстрекать ихъ къ поѣздкѣ въ Маттенгеймъ и вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Роландъ былъ радъ радешенекъ нарушить однообразіе своего настоящаго образа жизни, а Эрихъ надѣялся, что дѣятельность, кипѣвшая въ Маттенгеймѣ, будетъ имѣть на его воспитанника хорошее вліяніе.

На этотъ разъ Зонненкампъ умнѣе распорядился. Въ Карлсбадѣ онъ далъ Эриху прямое порученіе вывѣдать отъ Клодвига его мнѣніе, теперь онъ намеками старался вразумить его на

счетъ того, что именно желалъ бы онъ узнать о Вейдеманѣ. Эриху надлежало черезъ нѣсколько дней прислать къ нему изъ Маттенгейма человѣка, съ извѣстіемъ, что онъ можетъ теперь туда самъ явиться, какъ будто бы за своимъ сыномъ.

На слѣдующее утро, послѣ отъѣзда Эриха и Роланда, Манна наконецъ рѣшилась пойти навѣстить патера, который, по словамъ фрейленъ Пэрини, сильно удивлялся тому, что она у него еще не была послѣ своего возвращенія изъ Карлсбада. Фрейленъ Пэрини сочла за лучшее, чтобъ Манна прямо отъ нея узнала, что она уже видѣлась съ патеромъ. Но съ другой стороны она не нашла нужнымъ сообщить ей, что уже успѣла познакомить патера со всѣми подробностями ихъ пребыванія въ Карлсбадѣ.

Узнавъ отъ ключницы патера, что у него находился въ гостяхъ деканъ капитула каноническовъ изъ столицы, Манна хотѣла, не повидавшись съ нимъ, вернуться домой. Но патеръ вѣроятно услышалъ ея голосъ, потому что вышелъ къ ней и взявъ ее за руку, повелъ въ комнату. Тамъ онъ представилъ ее декану въ качествѣ будущей монахини.

Манна въ смущеніи взглянула на патера, а деканъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ сказать:

— Да, да, мнѣ уже извѣстно ваше прекрасное намѣреніе поступить въ монастырь.

Манна въ испугѣ опустила глаза и принуждена была молча выслушать похвалу. Она не смѣла противорѣчить патеру, а между тѣмъ чувствовала, что въ сердцѣ ея возникли сомнѣнія и поселился разладъ.

Деканъ спросилъ, не былъ ли въ Карлсбадѣ на водахъ кто-нибудь изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ.

Манна отвѣчала отрицательно.

Затѣмъ патеръ освѣдомился, не познакомилась ли она тамъ съ какими-нибудь замѣчательными свѣтскими личностями.

Манна сочла своей обязанностью прежде всѣхъ назвать профессора Эйнзиделя.

— Вотъ какъ! Вы познакомились съ маленькимъ, сморщеннымъ, напыщеннымъ человѣкомъ, который весьма скромно сравниваетъ себя съ древнимъ грекомъ?

И оба духовныя лица громко засмѣялись. Манна, привыкшая уважать профессора Эйнзиделя, съ трудомъ узнала его въ этой каррикатурѣ. Но у ней не хватило мужества взять на себя его защиту, и она молчала.

— Мы васъ проводимъ домой, сказалъ ей наконецъ патеръ и обратясь съ декану, прибавилъ: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы

хоть мелькомъ взглянули на прекрасную виллу господина Зонненкампа.

Манна вернулась домой въ сопровожденіи этихъ двухъ духовныхъ лицъ, которые обращались съ ней очень дружески и ласково. Но она тѣмъ не менѣе чувствовала себя, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

На дворѣ виллы они встрѣтили Зонненкампа. Онъ очень учтиво съ ними раскланялся и любезно предложилъ показать имъ паркъ, оранжереи и даже самый домъ. Деканъ въ оцѣнкѣ осматриваемыхъ имъ предметовъ роскоши выказалъ много тонкаго вкуса. Зонненкампъ по обыкновенію съ гордостью обратилъ вниманіе своихъ посѣтителей на то, что каждая печь въ домѣ имѣла свою особую трубу. Отъ него не ускользнуло, какъ деканъ и патеръ при этомъ переглянулись и съ довольнымъ видомъ улыбнулись.

— Ого, вотъ оно что̀! мелькнула у Зонненкампа въ головѣ догадка. Эти люди повидимому осматриваютъ виллу въ надеждѣ, что имъ удастся превратить ее въ монастырь, когда Манна приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе. Нѣтъ, друзья мои: прежде чѣмъ этотъ домъ достанется вамъ, я собственноручно сожгу его со всѣмъ, что̀ въ немъ заключается.

Ни патеръ, ни деканъ не догадывались, почему лицо Зонненкампа приняло вдругъ такое радостное, торжествующее выраженіе: онъ мысленно поздравлялъ себя съ тѣмъ, что еще разъ проникъ въ тайныя мысли и побужденія другихъ людей.

Зонненкампъ проводилъ патера и декана до самыхъ воротъ парка и на прощанье убѣдительно просилъ ихъ впередъ какъ можно чаще навѣщать его скромное жилище.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

СКАЗКА НА СЕЛЬСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ.

Эрихъ и Роландъ бодро взбирались на горы, спускались въ долины и все далѣе и далѣе проникали въ глубь страны.

Никогда не гуляется такъ хорошо, какъ въ свѣжій осенній день. На лугахъ пасутся коровы, съ полей собирается жатва, зелень деревьевъ принимаетъ самые разнообразные, мѣстами багровые и золотистые оттѣнки. Въ воздухѣ постоянно ощущается прохлада, сообщаемая ему утренней или лучше сказать вечерней росой, потому что осень, наступая за лѣтомъ, составляетъ какъ бы его вечеръ. Вся природа имѣетъ видъ человѣка, который окончивъ свой трудъ и насытившись, предается отдохновенію и покою.

Эрихъ и Роландъ шли мѣрнымъ шагомъ, не останавливаясь и повидимому мало заботясь о томъ, когда кончится ихъ странствіе. А между тѣмъ прогулка ихъ имѣла цѣль, по крайней мѣрѣ Эрихъ предпринялъ ее съ желаніемъ ввести Роланда въ среду полезной, дѣятельной жизни, которая дотолѣ вовсе не была извѣстна мальчику.

Дорогой Эрихъ разсказалъ ему свою собственную прошлую жизнь, но нѣсколько иначе, чѣмъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ разсказывалъ ее сначала Клодвигу, а потомъ Зонненкампу. Въ надеждѣ, что его примѣръ подѣйствуетъ на Роланда, онъ больше всего распространился о внутреннемъ разладѣ, какого былъ жертвой въ то время, когда находился на военной службѣ.

Эриху почему-то казалось, будто онъ совершаетъ съ своимъ воспитанникомъ послѣднее путешествіе. Роландъ не замедлилъ подтвердить его мысль, объявивъ, что онъ слышалъ отъ Пранкена, будто для него уже заказанъ мундиръ и онъ не позже какъ въ концѣ осени поступитъ въ корпусъ.

Тутъ Роландъ въ первый разъ самъ добровольно заговорилъ о Кнопфѣ, который былъ учителемъ въ Маттенгеймѣ. Онъ выразилъ удовольствіе, что можетъ, передъ вступленіемъ въ новую жизнь, лично попросить у магистра извиненія за шалость, кото-

рою въ былое время причинилъ ему сильное горе. Наконецъ Эрихъ узналъ, какое жестокое оскорбленіе нанесъ Роландъ своему бывшему учителю. Онъ съ помощью французскаго камердинера Зонненкампа отрѣзалъ Кнопфу во время сна половину его бороды. Теперь онъ искренно раскаявался въ своей злой шалости и отъ души хотѣлъ ее загладить.

Итакъ, путешествіе Эриха и Роланда имѣло болѣе одной хорошей цѣли.

Они все дальше и дальше уходили отъ Рейна, а ландшафтъ передъ ними становился все менѣе и менѣе живописенъ.

На пути имъ нѣсколько разъ попадались цѣлыя стада коровъ, свиней, овецъ, украшенныхъ лентами и цвѣтами. Кромѣ того они встрѣчали людей, несшихъ въ корзинахъ отборныя овощи и плоды.

— Куда все это идетъ? спрашивали они.

— На сельскій праздникъ, въ Маттенгеймъ, отвѣчали имъ.

Наконецъ и они достигли деревни, лежавшей неподалеку отъ владѣній Вейдемана. Она вся пестрѣла флагами. На улицѣ виднѣлись телѣги, украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ и передъ каждой стояла толпа поселянъ, представителей разнаго рода ремеслъ и полевыхъ работъ.

Тутъ были молотильщики, ткачи, гонтовщики, дровосѣки, виноградари. Лошади и быки въ телѣгахъ тоже были всѣ въ лентахъ и цвѣтахъ. Мужчины и женщины шумно веселились, смѣялись и радостно привѣтствовали всѣхъ вновь прибывающихъ.

Эрихъ и Роландъ вошли въ деревню.

На зданіи ратуши развѣвались флаги. Въ толпѣ говорили, что тамъ Вейдеманъ читалъ лекцію.

Молодые люди пошли туда.

Въ большой залѣ за столомъ стоялъ Вейдеманъ и весьма просто и наглядно толковалъ поселянамъ какъ «приготовлять говядину», подразумѣвая подъ этимъ, какъ слѣдуетъ кормить и содержать скотъ. «Приготовленіе говядины» было исходной точкой его лекціи, но онъ тутъ же объяснялъ способы, какъ успѣшнѣе растить рѣпу и печь хлѣба. Онъ особенно напиралъ на точность и на аккуратность, которыя одни, говорилъ онъ, приводятъ къ желаемому результату.

У него у самого висѣлъ въ конюшнѣ термометръ и онъ тщательно наблюдалъ, чтобъ тепло тамъ никогда не простиралось свыше четырнадцати градусовъ. У него были электрическіе часы, посредствомъ которыхъ онъ, сидя въ кабинетѣ, могъ знать, во время-ли слуги давали скоту кормъ.

Онъ объяснялъ поселянамъ, какъ они съ своимъ ограничен-

нымъ хозяйствомъ могли достигать гораздо лучшихъ результатовъ, чѣмъ онъ. У нихъ все было на глазахъ и они могли сами всѣмъ распоряжаться, тогда какъ ему по неволѣ во многомъ приходилось полагаться на слугъ. Вслѣдствіе этого его скотина не рѣдко голодала по воскресеньямъ, что̀ непремѣнно отзывалось на ней всякій понедѣльникъ. Каждая корова у Вейдемана имѣла свое имя и онъ хорошо зналъ, сколько каждая могла давать молока.

Онъ говорилъ своимъ слушателямъ, что отъ нерадѣнія у людей изъ рукъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ускользаютъ милліоны. «Поздно косить, не разъ повторялъ онъ, когда трава перезрѣла». Вообще рѣчь его текла живо, бойко и не безъ легкаго оттѣнка юмора.

Желая убѣдительнѣе доказать пользу и практичность котораго-нибудь изъ своихъ совѣтовъ, онъ говорилъ, ударяя себя обѣими руками по карманамъ панталонъ:

— Такимъ образомъ и сюда кое-что перепадетъ.

— Выгода и барышъ встрѣчаются на каждомъ шагу, сказалъ онъ между прочимъ, надо только умѣть ими воспользоваться. Смотрите, прибавилъ онъ, поднимая руку и перебирая пальцами въ воздухѣ: человѣческая рука дѣлаетъ движеніе пальцами къ себѣ, а не отъ себя, то-есть явно предписываетъ болѣе заботиться о пріобрѣтеніи, чѣмъ о тратѣ.

Это замѣчаніе возбудило всеобщій смѣхъ.

Вейдеманъ сильно возставалъ противъ общинныхъ пастбищъ и выгоновъ для скота и съ жаромъ нападалъ на безтолковость и неразсчетливость людей, которые не хотѣли понять, какую выгодную пищу составляетъ скотъ.

Роландъ не могъ придти въ себя отъ удивленія, видя какъ хлопоталъ этотъ человѣкъ о томъ, чтобъ навести своихъ ближнихъ на умъ и выучить ихъ ѣсть хорошую и здоровую пищу.

Вейдеманъ еще между прочимъ замѣтилъ, что напрасно такъ многое приписываютъ той или другой породѣ животнаго: пища можетъ сдѣлать для него гораздо болѣе нежели происхожденіе.

Эрихъ принялъ это за намекъ себѣ и съ краской на лицѣ опустилъ глаза въ землю.

По окончаніи лекціи Вейдеманъ дружески привѣтствовалъ Роланда и Эриха.

Послѣдній горячо выразилъ свое удовольствіе по поводу всего, что ему пришлось слышать.

— Да, да, отвѣчалъ Вейдеманъ: не даромъ же я приготовлялся къ духовному званію. Во мнѣ и до сихъ поръ еще видѣнъ сынъ пастора.

На что Эрихъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Людямъ такъ часто читаютъ проповѣди о томъ, какъ имъ слѣдуетъ заботиться о своей душѣ, что право не лишнее вразумлять ихъ иногда и на счетъ тѣла.

— Но я тѣмъ не менѣе вовсе не отвергаю существованія души, очень серьёзно возразилъ Вейдеманъ; мнѣ рѣшительно непонятно, какъ это люди могутъ не вѣрить въ Бога: я всюду ощущаю его присутствіе. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. А теперь пойдемте со мной.

И всѣ вышли на улицу, по которой уже начала двигаться праздничная процессія. Впереди шла пожарная команда, собранная сюда изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ. Она состояла изъ рослыхъ красивыхъ парней въ сѣрыхъ курткахъ и съ блестящими мѣдными шлемами на головѣ.

— Это одно изъ учрежденій новой, современной намъ жизни, сказалъ Эрихъ, указывая на пожарныхъ.

— Да, отвѣчалъ Вейдеманъ, въ былое время люди не имѣли ничего подобнаго и кто знаетъ, что̀ еще выйдетъ изъ этого впереди.

За пожарными ѣхали телѣги. Въ нихъ сидѣли женщины, ремесло которыхъ состояло въ трепаніи конопли. Онѣ съ веселымъ хохотомъ бросали въ зрителей это растеніе, изрубленное на самые мелкіе кусочки. Потомъ показалась бочка съ виномъ. Всеобщему смѣху и радости не было конца.

Вейдеманъ пригласилъ Эриха и Роланда ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой, а пока представилъ ихъ своему племяннику доктору Фрицу. Магистръ Кнопфъ, прибавилъ онъ, явится только къ танцамъ и конечно будетъ очень радъ пріѣзду дорогихъ гостей.

Всѣ отправились на площадь, гдѣ раздавались призы, а потомъ Вейдеманъ повелъ Эриха и Роланда на выставку полевыхъ орудій. Показывая имъ плуги и лопаты и объясняя ихъ устройство, онъ похвалилъ обычай, въ силу котораго всѣ новыя, усовершенствованныя орудія распространялись въ народѣ посредствомъ лоттереи.

— Поселяне, прибавилъ онъ, весьма трудно и медленно допускаютъ въ свою среду всякаго рода нововведенія. Крестьянинъ не можетъ быть прогрессистомъ. Онъ волей-неволей долженъ изображать собой консервативное начало и въ тоже время не слишкомъ чуждаться успѣховъ своего времени. Довести его до этого послѣдняго не легко и требуетъ много терпѣнія.

Затѣмъ Вейдеманъ распространился о планѣ, который давно и сильно его занималъ. Онъ хотѣлъ посылать въ народъ хозяйственныхъ миссіонеровъ или превращать въ таковыхъ самыхъ

развитыхъ изъ осѣдлыхъ поселянъ. Послѣднее было бы еще лучше, такъ какъ простой народъ всегда болѣе или менѣе недовѣрчиво смотритъ на людей, говорящихъ языкомъ книгъ и ученыхъ.

Роландъ ходилъ по выставкѣ и на все смотрѣлъ точно во снѣ. Ему казалось, что онъ внезапно былъ перенесенъ въ совершенно новый міръ. На разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ отъ виллы Эдемъ жилъ человѣкъ, который съ такимъ жаромъ и самоотверженіемъ хлопоталъ о томъ, чтобъ доставить своимъ ближнимъ хорошую пищу. А тамъ, на виллѣ, чего ищутъ и къ чему стремятся ея обитатели? Нѣчто подобное выразилось въ словахъ Роланда къ Эриху.

— У господина Вейдемана, сказалъ онъ, прекрасная цѣль, хотя онъ и много говоритъ о навозѣ.

Это замѣчаніе со стороны его воспитанника привело Эриха въ восторгъ. Роландъ самъ пришелъ къ заключенію, что въ мірѣ нѣтъ такого матеріала, который, разъ что онъ можетъ быть употребленъ на пользу общую, заслуживалъ бы названіе нечистаго. Надо только постоянно имѣть въ виду мысль, которой этотъ матеріалъ даетъ осуществленіе. Эрихъ никакъ не смѣлъ надѣяться на такой результатъ своихъ занятій съ Роландомъ, но теперь началъ многаго ожидать отъ его пребыванія въ Маттенгеймѣ. Здѣсь мальчикъ могъ получить вѣрное понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ, по мнѣнію Эриха, должно было заключаться его настоящее призваніе. Сельское хозяйство одно даетъ возможность непосредственно дѣйствовать на многихъ и помогать многимъ.

— Вы непремѣнно должны взглянуть на моихъ свиней, настаивалъ между тѣмъ Вейдеманъ. Представьте себѣ шестинедѣльныхъ йоркширскихъ поросятъ: это прелесть что за созданія! Или вы имѣете отвращеніе къ свиньямъ? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но знаете ли вы, мой молодой другъ, что мясная пища нашего народа состоитъ изъ 70 процентовъ свинины, 20 говядины и только 10 баранины, домашней птицы, дичины и прочаго, тогда какъ во Франціи съѣдается на 60 процентовъ баранины.

Йоркширскія свиньи дѣйствительно были очень милы и имѣли весьма опрятный видъ.

Роландъ однако не пошелъ ихъ смотрѣть, но долго стоялъ передъ огромными тыквами въ половину человѣческаго роста и въ двойную толщину руки.

Вскорѣ всѣ призы были розданы и веселость народа еще усилилась. Эрихъ радъ былъ случаю показать Роланду чисто-

народный праздникъ, который не былъ ни установленъ церковью, ни учрежденъ правительствомъ, но устроенъ для себя самимъ народомъ.

Услышавъ, о чемъ говорилъ Эрихъ, Вейдеманъ сказалъ:

— Да, это наше новое самоуправленіе, стремленіе къ которому начинаетъ въ насъ сильно проявляться какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ вещахъ.

Солнце ярко сіяло надъ деревней и надъ веселой толпой гуляющихъ поселянъ. Роландъ, стоя вмѣстѣ съ Эрихомъ на возвышеніи, откуда любовался оживленнымъ зрѣлищемъ, воскликнулъ:

— Ахъ, еслибъ отецъ былъ здѣсь, еслибъ мы могли каждому изъ этихъ людей.... Какъ ты думаешь, сколько ихъ здѣсь собрано?

— Около тысячи.

— Около тысячи, повторилъ Роландъ. Хорошо. Я хотѣлъ бы каждому изъ нихъ сію минуту дать по тысячѣ гульденовъ.

— Ты осчастливилъ бы ихъ на день, на мѣсяцъ, пожалуй на годъ, можетъ быть и болѣе, но никакъ не на всю жизнь. Ты слышалъ, въ чемъ заключается лучшая помощь людямъ? Имъ надо дать въ руки хорошія орудія, вложить имъ въ душу честныя правила и тѣмъ самымъ доставить возможность самимъ заработывать себѣ хлѣбъ и устроивать свою жизнь.

— Да, да, это была съ моей стороны пустая мечта, точно сквозь сонъ проговорилъ Роландъ.

Отчего Эрихъ не хотѣлъ съ нимъ раздѣлить этой мечты?

Наконецъ настало время танцевъ. Послышались звуки музыки и всѣ направились къ гостинницѣ *Ворона*, у входа въ которую красовался огромный букетъ. Эрихъ и Роландъ послѣдовали за другими. Въ самой большой комнатѣ гостинницы, гдѣ танцовали поселяне, на маленькомъ возвышеніи, въ числѣ другихъ музыкантовъ, стоялъ человѣкъ, который, усердно играя на флейтѣ, привѣтливо кивнулъ головой вошедшимъ молодымъ людямъ. Это былъ Кнопфъ. Вдругъ Роландъ вздрогнулъ и схвативъ за руку Эриха, указалъ ему на столъ, накрытый красной скатертью, за которымъ сидѣло небольшое общество.

— Это она! Она! воскликнулъ онъ.

Взоръ его былъ неподвижно устремленъ на стройную, высокаго роста дѣвочку, съ розовыми щечками и длинными распущенными волосами, стоявшую между колѣнъ красиваго сильнаго мужчины, котораго называли докторомъ Фрицомъ.

Кнопфъ подалъ знакъ, музыканты перестали играть и онъ сошелъ съ возвышенія пожать Эриху и Роланду руки. На гла-

захъ у него выступили слезы и упали на очки, которые онъ принужденъ былъ снять.

— Вы какъ нельзя удачнѣе выбрали время для вашего пріѣзда, сказалъ онъ помигивая. Сегодня здѣсь сельскій праздникъ.

— Простите меня.... началъ Роландъ.

— Я уже давно это сдѣлалъ. Ты.... вы совсѣмъ превратились въ взрослаго молодого человѣка. Пойдемте.

И онъ повелъ ихъ къ столу съ красной скатертью, гдѣ представилъ Эриха госпожѣ Вейдеманъ. Тутъ между прочимъ находился и русскій князь, изучавшій агрономію подъ руководствомъ Вейдемана. Онъ очень радъ былъ не ожиданному пріѣзду Эриха и Роланда, которыхъ вслѣдъ затѣмъ представили двумъ сыновьямъ Вейдемана, доктору Фрицу изъ Америки и его дочери. Роландъ и дѣвочка не могли другъ отъ друга отвести глазъ.

— Батюшка, вотъ онъ, лѣсной принцъ, о которомъ я тебѣ говорила, сказала дѣвочка высокому мужчинѣ съ красивой наружностью.

Голосъ ея заставилъ Роланда вздрогнуть. Еслибъ маленькіе колокольчики ландыша могли вдругъ зазвенѣть, они непремѣнно издали бы такой звукъ.

Встрѣча въ лѣсу была разсказана посреди веселаго смѣха и шутокъ. Но ничье удовольствіе не могло сравняться съ тѣмъ, какое испытывалъ Кнопфъ.

— Какъ видно, въ наше время еще не перевелись чудеса! воскликнулъ онъ, помахивая флейтой. Слушайте, дѣти, что я вамъ скажу, только, чуръ, не перебивать меня и не противиться моему приказанію. Роландъ умѣетъ танцовать, ты, Лиліана, тоже.... Тише! закричалъ онъ на поселянъ: наши дѣти сейчасъ будутъ танцовать и совершенно одни: кромѣ нихъ, никто не двигайся съ мѣста!

Онъ снова вошелъ на возвышеніе и заигралъ на флейтѣ веселый вальсъ. Роландъ и Лиліана кружились по комнатѣ и всѣ на нихъ смотрѣли, какъ будто они дѣйствительно были сказочные принцъ и принцесса.

Мальчикъ и дѣвочка еще ни слова другъ другу не сказали, но уже танцовали вмѣстѣ. Кнопфъ вѣроятно долго бы еще продолжалъ играть, еслибъ докторъ Фрицъ наконецъ не закричалъ:

— Довольно, господинъ кандидатъ!

Кнопфъ спряталъ флейту, но слово «кандидатъ» его въ высшей степени непріятно поразило. Отъ него пахнуло такой прозой посреди всей этой поэзіи.

Роландъ и Лиліана присоединились къ обществу за столомъ. Кнопфъ напомнилъ Лиліанѣ, что ей слѣдуетъ предложить своему

кавалеру вина, но госпожа Вейдеманъ совѣтовала дѣтямъ немного подождать и не пить, пока они не отдохнутъ. И мальчикъ, и дѣвочка сидѣли молча, не спуская другъ съ друга глазъ.

Эрихъ выразилъ надежду, что его пріѣздъ съ Роландомъ не измѣнитъ первоначальныхъ намѣреній общества на этотъ вечеръ. Но Вейдеманъ объявилъ, что онъ очень усталъ и самъ хочетъ пораньше отправиться восвояси.

Госпожа Вейдеманъ очень сожалѣла, что лучшія комнаты въ ея домѣ были уже заняты другими гостями и что она не можетъ предложить вновь прибывшимъ всѣхъ удобствъ, къ какимъ они привыкли.

— Не слушайте ея, возразилъ Вейдеманъ. Всякая женщина непремѣнно считаетъ своей обязанностью извиняться въ мнимой неблагоустроенности своего хозяйства, хотя бы оно у нея было въ наилучшемъ порядкѣ.

Общество вышло на дворъ. Докторъ Фрицъ велъ свою дочь за руку и тутъ только Эрихъ и Роландъ впервые узнали, что Лиліана уже на слѣдующій день уѣзжаетъ обратно въ Америку.

Кнопфъ взялъ Роланда подъ руку, а Эрихъ шелъ между Вейдеманомъ и его женой. Русскій князь съ однимъ изъ сыновей Вейдемана отправились домой черезъ поля, между тѣмъ какъ другой сынъ присоединился къ доктору Фрицу. Госпожа Вейдеманъ старалась объяснить Эриху настоящую причину молчаливости своего мужа, который дѣйствительно только изрѣдка произносилъ одно или два слова. Онъ въ теченіи дня, говорила она, совсѣмъ измучился съ поселянами, которые не давали ему ни минуты покоя. Еслибъ не пріѣздъ Эриха, онъ по всѣмъ вѣроятностямъ еще взялся бы за скрипку для того, чтобъ этимъ людямъ было веселѣе танцовать.

Вейдеманъ подтвердилъ, что таково дѣйствительно было его намѣреніе и прибавилъ, что вовсе не находитъ нужнымъ этого стыдиться.

Эрихъ выразилъ сожалѣніе, что многіе истинные друзья человѣчества часто стыдятся давать волю своему добродушію на томъ основаніи, что подъ ласкою и дружелюбіемъ другихъ людей не рѣдко встрѣчаются ложь или пошлая погоня за популярностью.

Вейдеманъ припомнилъ Эриху его попытку посвятить себя исправленію арестантовъ и сказалъ, что трубачъ изъ оркестра, который сегодня игралъ въ гостинницѣ Ворона, одно время содержался въ смирительномъ домѣ. Но онъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ оттуда вышелъ и съ тѣхъ поръ постоянно хорошо себя велъ.

Госпожа Вейдеманъ, въ увѣренности, что разговоръ долженъ еще болѣе утомить ея мужа, поспѣшила взять на себя обязанность занимать Эриха. Она спросила, правда ли, что баронъ фонъ-Пранкенъ женится на дочери Зонненкампа.

Сердце Эриха болѣзненно сжалось, но ему ничего болѣе не оставалось какъ отвѣчать утвердительно.

Госпожа Вейдеманъ пришла въ сильное негодованіе.

— Я просто изъ себя выхожу, сказала она, всякій разъ, когда богатая, здоровая и красивая дѣвушка изъ средняго класса выходитъ замужъ за аристократа. Честнымъ трудомъ пріобрѣтенное имущество такимъ образомъ отнимается у нашего сословія и переходитъ къ дворянамъ. Я отнюдь не считаю аристократовъ нашими врагами, а только не хочу, чтобъ они отнимали у насъ плоды нашихъ трудовъ. Дѣвушка, принадлежащая къ среднему классу и продающая себя за дворянство, по моему мнѣнію, въ одно и тоже время измѣняетъ своимъ предкамъ и обманываетъ насъ въ потомствѣ.

Вейдеманъ счелъ нужнымъ умѣрить гнѣвъ своей жены, но взялся за это очень дурно. Онъ въ успокоеніе ей сказалъ, что Зонненкампъ самъ метитъ попасть въ дворяне.

Эрихъ испугался, услышавъ, какъ свободно толковали здѣсь о томъ, что на виллѣ Эдемъ окружалось такой строгой таинственностью.

Госпожа Вейдеманъ питала сильную ненависть къ Пранкену. Онъ возбуждалъ въ ней отвращеніе особенно тѣмъ, что заставлялъ многихъ людей ставить остроуміе и свѣтскую любезность выше честности и прямоты характера. Многіе мужчины и женщины охотно прощали Пранкену его пороки и хорошо о немъ отзывались именно потому, что онъ былъ остроуменъ, любезенъ и вообще очень пріятенъ въ обществѣ.

— Что, еслибъ Манна все это слышала? не могъ удержаться, чтобъ не подумать Эрихъ.

Вейдеманъ объяснилъ, что жена его особенно возненавидѣла Пранкена два года тому назадъ, около того самаго времени, когда Эрихъ поступилъ въ домъ къ Зонненкампу. Молодой баронъ провелъ въ Маттенгеймѣ всего только нѣсколько дней, но все перевернулъ тамъ вверхъ дномъ. Слѣды его проказъ еще и до сихъ поръ не были вполнѣ изглажены.

ГЛАВА II.

ПРОСТОЙ КАМЕШЕКЪ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ ДРАГОЦѢННОСТЬ.

Кнопфъ между тѣмъ безъ умолку говорилъ съ Роландомъ. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ Эриху и поздравлялъ мальчика со счастіемъ имѣть такого учителя. Роландъ слушалъ его разсѣянно, наконецъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Какъ зовутъ дѣвочку?

— Лиліаной. Въ томъ-то и чудо: вы подарили ей въ лѣсу ландышъ, а онъ, какъ извѣстно, называется также Lily of the valley.

— Чѣмъ занимается ея отецъ?

— Онъ весьма уважаемый адвокатъ, одинъ изъ главныхъ борцовъ за уничтоженіе рабства.

Сказавъ это, Кнопфъ охотно откусилъ бы себѣ языкъ. Онъ быстро взглянулъ на Роланда и къ успокоенію своему замѣтилъ, что слова его вовсе не произвели на мальчика ожидаемаго впечатлѣнія.

До сихъ поръ въ ушахъ мальчика все еще продолжали раздаваться веселые звуки вальса. Теперь слухъ его былъ пораженъ плескомъ воды и шумомъ мельничнаго колеса. Подъ самымъ домомъ Вейдемана протекалъ быстрый ручей, который приводилъ въ движеніе находившуюся здѣсь рядомъ мельницу.

— Вы сегодня ночью будете дурно спать, сказалъ Кнопфъ Роланду.

— Это почему? спросилъ тотъ.

— Вамъ будетъ мѣшать шумъ мельницы, къ которому надо сначала привыкнуть. Но когда тутъ обживешься, то подъ плескъ воды даже какъ будто лучше спится. По крайней мѣрѣ такъ было съ моей маленькой воспитанницей.

Неподалеку отъ дома все общество опять соединилось. Роландъ, стоя близъ забора, любовался на жеребятъ, которые, почуявъ приближеніе Вейдемана, весело прыгали и рвались къ нему на встрѣчу.

Вейдеманъ объяснилъ, что это была его школа, въ которую поселяне окрестныхъ деревень присылали воспитываться своихъ жеребятъ. У него былъ устроенъ для нихъ своего рода садъ, гдѣ они имѣли хорошее пастбище, могли вдоволь рѣзвиться и находились подъ хорошимъ присмотромъ. Эта школа принесла уже большую пользу странѣ.

Роландъ съ любопытствомъ слушалъ объясненія своего хо-

зяина, а Эрихъ, видя это, все болѣе и болѣе благодарилъ случай, который привелъ ихъ сюда. Такой человѣкъ какъ Вейдеманъ могъ имѣть на Роланда въ высшей степени благотворное вліяніе.

— Учились вы химіи? спросилъ Вейдеманъ у Роланда.

Мальчикъ отвѣчалъ отрицательно.

Вейдеманъ опустилъ глаза въ землю и снова спросилъ:

— Вы конечно уже избрали себѣ карьеру?

Въ первый разъ еще Роландъ не осмѣлился дать прямого отвѣта и замялся.

Вейдеманъ не настаивалъ.

Эрихъ не могъ понять причины внезапной робости своего воспитанника, но только видѣлъ, что рѣчи и поступки Вейдемана производили на него сильное впечатлѣніе. Можетъ быть, и разсказъ Эриха о собственной жизни тоже отчасти содѣйствовалъ тому, чтобъ отнять у Роланда немного его саумовѣренности. Во всякомъ случаѣ мальчикъ не рѣшился объявить въ лицо этому дѣятельному и благородному человѣку, что въ избраніи для себя поприща руководствовался исключительно внѣшнимъ блескомъ и тщеславіемъ.

Бѣлокурая дѣвочка, между тѣмъ, высвободивъ свою ручку изъ руки отца, подошла къ Кнопфу и шепнула ему, что теперь онъ конечно перестанетъ сомнѣваться въ справедливости ея словъ. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ въ ея разсказъ о встрѣчѣ съ лѣснымъ принцемъ, но въ настоящую минуту доказательство было на лицо и всѣ сомнѣнія должны были прекратиться.

Роландъ со своей стороны пожаловался на Эриха, который тоже всегда съ недовѣріемъ слушалъ, когда онъ ему говорилъ о прелестномъ видѣніи съ голубыми глазами и русыми кудрями.

Кнопфъ, въ восторгѣ, что передъ его глазами происходило точно взятое прямо изъ сказки событіе, молча поглаживалъ себѣ грудь, причемъ его маленькіе глазки особенно умильно выглядывали изъ-подъ очковъ. Да, думалъ онъ, химія, свистъ паровыхъ машинъ и страсть къ спекуляціямъ еще не совсѣмъ убили въ мірѣ романтизмъ. Конечно, не всякому въ жизни удается испытывать на себѣ его очарованіе: счастье это выпадаетъ на долю исключительно тѣхъ дѣтей, которыя, подобно Лиліанѣ, родились въ воскресенье. Кнопфу очень хотѣлось что-нибудь сказать или сдѣлать такого, что въ глазахъ самихъ дѣтей возвысило бы романтическую прелесть ихъ чудесной встрѣчи. Но романтизмъ причудливъ и не выноситъ ничьего вмѣшательства, не подчиняется никакому правильному ходу. Третье лицо только и можетъ, что смотрѣть, притаивъ дыханіе. Одно неосторожное слово,

движеніе — и очарованіе навсегда исчезло. Кнопфъ понялъ, что ему лучше всего оставить дѣтей наединѣ, и отошелъ въ сторону.

Мальчикъ и дѣвочка все смотрѣли другъ другу въ глаза, но ни слова не говорили.

Во дворъ вошла прекрасная, бурая корова съ колокольчикомъ на шеѣ и съ рогами, увитыми цвѣтами. Лиліана пошла на встрѣчу къ ней и ласково трепля ее по спинѣ, сказала:

— Здравствуй, буренушка, здравствуй, милая! Что̀ ты гордишься тѣмъ, что получила призъ? Разскажешь ты о своемъ торжествѣ сосѣдкамъ? Пріятны ли тебѣ самой всѣ эти почести, или ты ровно ничего въ нихъ не смыслишь?

Корову повели въ стойло, а дѣвочка, обратясь къ Роланду, спросила:

— Какъ ты думаешь, корова понимаетъ, что съ ней случилось что-то необыкновенное?

Роландъ все еще не могъ собраться съ мыслями и молчалъ. Лиліана серьезно продолжала:

— А что̀, ты тоже хочешь быть агрономомъ и пріѣхалъ къ дядѣ учиться? Въ такомъ случаѣ ты непремѣнно долженъ поселиться въ моей комнатѣ. Тамъ такъ хорошо!

Къ дѣвочкѣ, гораздо скорѣе чѣмъ къ Роланду, возвратилась способность говорить. Онъ все еще молчалъ.

— Отчего ты къ намъ раньше не пріѣхалъ? опять спросила она.

— Я не зналъ ни гдѣ ты, ни кто ты, съ трудомъ выговорилъ наконецъ Роландъ.

— Ахъ, да!

И они разсказали другъ другу, какъ послѣ встрѣчи въ лѣсу Лиліана поѣхала далѣе къ своему дядѣ Вейдеману, а Роландъ отправился къ Эриху. Тогда была весна, а теперь наступала осень.

— Представь себѣ! снова заговорила дѣвочка: «въ томъ ландышѣ, который ты мнѣ подарилъ, жили крохотныя букашки. Онѣ даже не пошевелились, когда я ихъ повезла съ собой.

— А ты сохранила мой ландышъ?

— Нѣтъ. Я не люблю завядшихъ цвѣтовъ. Подари мнѣ что-нибудь такое, что не увядаетъ.

— У меня ничего нѣтъ, возразилъ Роландъ. Но я тебѣ пришлю мой портретъ, гдѣ я изображенъ въ костюмѣ пажа.... ахъ, нѣтъ, это для тебя не годится. Какая жалость, что у меня болѣе нѣтъ колецъ: Эрихъ всѣ снялъ у меня съ пальцевъ. А то я далъ бы тебѣ одно изъ нихъ.

— Я не хочу кольца. Дай-ка мнѣ лучше вотъ этотъ камешекъ, который лежитъ у твоихъ ногъ.

Роландъ нагнулся, подалъ ей камешекъ и попросилъ ее дать ему взамѣнъ точно такой же.

Она исполнила его желаніе, а потомъ воскликнула:

— Этотъ подарокъ мнѣ всего пріятнѣе. Я теперь увезу съ собой за моря кусочекъ Германіи. Господинъ Кнопфъ совершенно правъ, говоря что брильянтъ и простой камешекъ одно и тоже: все дѣло въ томъ, любимъ мы ихъ или нѣтъ. Какъ глупы, право, люди наряжаясь, напримѣръ, въ жемчугъ! Они воображаютъ, что это удивительно, какъ хорошо, потому только, что жемчугъ достаютъ со дна морского. Господинъ Кнопфъ не даромъ говоритъ, что все дорогое не есть еще хорошее и доброе.

Роландъ молчалъ, но внутренно вздрогнулъ.

Дѣвочка между тѣмъ продолжала:

— Такъ вотъ какъ! Ты тотъ самый Роландъ, о которомъ добрый господинъ Кнопфъ то и дѣло толкуетъ. Ты себѣ представить не можешь, какъ онъ тебя любитъ.

— Можетъ быть также, какъ и тебя.

— Да, меня онъ тоже любитъ и далъ мнѣ слово непремѣнно пріѣхать къ намъ въ Америку.

— Я тоже изъ Америки.

— Ахъ, да! Дай же мнѣ руку, милый землякъ, и пойдемъ въ садъ нарвать цвѣтовъ для букета, который я завтра съ собой возьму.

— А куда ты завтра ѣдешь?

— Мы очень рано утромъ уѣзжаемъ домой.

Дѣтямъ показалось, что они находятся въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Въ первый разъ они встрѣтились при вступленіи Лиліаны въ Старый Свѣтъ, теперь вторично, при отъѣздѣ ея въ Новый.

— Мы какъ будто затѣмъ только и встрѣтились, чтобъ сказать другъ другу здравствуй и прощай, замѣтилъ Роландъ.

— Пойдемъ въ садъ, сказала Лиліана.

ГЛАВА III.

ЧАСЪ ВЪ РАЮ.

Дѣти, какъ въ сказкѣ, бродили по саду и собирали цвѣты. Сначала они вошли въ огородъ, гдѣ въ одинакомъ разстояніи одно отъ другого возвышались низенькія деревца. Лиліана считала себя обязанной все объяснять гостю.

— Здѣсь нѣтъ ни одного розоваго деревца, ни одного кустарника, который бы сама тетушка не прививала и не очищала отъ насѣкомыхъ. Она терпѣть не можетъ всѣхъ, какъ она ихъ называетъ, гадовъ. А знаешь ли, кого она между прочимъ къ нимъ причисляетъ? Только ты, пожалуйста, не смѣйся.

— Кого же?

— Птицъ!... Ахъ, ты смѣешься точь въ точь мой братъ Германъ. Ну, посмѣйся-ка еще.... Да, да, совсѣмъ, какъ онъ. Но мой братъ уже три года, какъ занимается дѣлами.... Ну, теперь пойдемъ рвать цвѣты.

Они отправились въ садъ и мгновенно принялись за дѣло. Собравъ уже довольно большой букетъ, Лиліана вдругъ бросила его въ ручей. Ее занимала мысль, какъ букетъ этотъ изъ ручья выплыветъ въ Рейнъ, оттуда въ море и несясь по волнамъ, можетъ быть, достигнетъ самаго Нью-Йорка гораздо прежде нея.

— Я тоже пріѣду къ тебѣ въ Америку, внезапно сказалъ Роландъ.

— Дай мнѣ руку, что это дѣйствительно такъ будетъ.

И дѣти въ первый разъ пожали одинъ другому руки.

Вдругъ по близости раздался выстрѣлъ. Роландъ вздрогнулъ.

— Не бойся! Неужели ты такой трусъ? старалась успокоить его Лиліана. Это тётя разгоняетъ воробьевъ. Она стрѣляетъ всякій разъ, что̀ выходитъ въ огородъ. У ней тамъ на столѣ всегда лежитъ готовый пистолетъ.

Роландъ дѣйствительно увидѣлъ сквозь зелень деревьевъ госпожу Вейдеманъ, которая клала пистолетъ на столъ.

— Тише, не будемъ шумѣть, чтобъ она насъ не увидѣла, шепнула Лиліана.

Дѣти сѣли на берегу ручья.

— Резеду я не брошу въ воду, тихонько продолжала Лиліана: — я ее спрячу: она и сухая очень хорошо пахнетъ.

— Да, подтвердилъ Роландъ и прибавилъ: дай мнѣ также одну вѣточку. Я тоже ее спрячу и всякій разъ, что мы будемъ нюхать резеду, мы станемъ другъ о другѣ вспоминать. Клаусъ

мнѣ говорилъ.... онъ страстный любитель пчелъ.... что резеда больше прочихъ цвѣтовъ содержитъ въ себѣ мёду.

Въ эту минуту онъ ничего болѣе не могъ припомнить изъ своихъ разнообразныхъ познаній.

— Какой ты, однако, умница! воскликнула дѣвочка. А какъ ты думаешь, пчелы также какъ и мы нюхаютъ цвѣты? Представь себѣ, господинъ Кнопфъ увѣряетъ, будто цвѣты наряжаются въ такія яркія и блестящія краски нарочно затѣмъ, чтобъ привлекать къ себѣ пчелъ и мухъ. Ахъ, какой же крохотный носикъ долженъ быть у пчелъ! А вотъ шмели, я замѣтила, очень глупы. Они два и три раза возвращаются къ цвѣтку, въ которомъ, очень хорошо знаютъ, что нѣтъ мёду. То ли дѣло милыя пчелки: онѣ такія умницы! Я ихъ больше всего люблю, — а ты?

— Нѣтъ, я предпочитаю собакъ и лошадей.

— Знаешь ли, продолжала Лиліана, пчелы ни дядѣ, ни мнѣ не дѣлаютъ никакого вреда, а вотъ тётя, такъ та постоянно должна ихъ остерегаться. Случалось ли тебѣ уже когда-нибудь ловить рой?

— Нѣтъ.

— Когда ты сдѣлаешься землевладѣльцемъ, ты тоже непремѣнно долженъ завести у себя пчелъ. Но, знаешь, онѣ принимаются только въ томъ домѣ, гдѣ люди живутъ между собой мирно и спокойно. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ господинъ Кнопфъ. Завтра, когда мы уѣдемъ, мы возьмемъ съ собой цѣлый улей съ пчелами. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось довести ихъ до дому! Я такъ боюсь, чтобъ онѣ всѣ не перемерли дорогой! А какъ весело будетъ, когда онѣ вдругъ проснутся въ Америкѣ и увидятъ тамъ совсѣмъ другія деревья и цвѣты.

— Такъ это правда, что вы завтра уѣзжаете?

— Да, батюшка это сказалъ, а если онъ что-нибудь скажетъ, такъ ужъ такъ тому и быть. Это также вѣрно какъ то, что завтра взойдетъ солнце. Знаешь ли, дядя и господинъ Кнопфъ очень много о тебѣ говорили.

— Обо мнѣ?

— Да. Они все старались угадать, что̀ изъ тебя со временемъ выйдетъ. Правда ли, что ты такъ ужасно богатъ, что у тебя много, много милліоновъ?

— Да, Лиліана, всѣ деньги, которыя только есть на свѣтѣ, все это мои.

— Прошу покорно! За какую же ты дурочку меня принимаешь! Я вовсе не такъ глупа. Но скажи, кѣмъ же ты намѣренъ быть?

— Военнымъ.

— Ахъ какъ это хорошо! Въ такомъ случаѣ ты долженъ пріѣхать и убить всѣхъ, кто не хочетъ давать свободы неграмъ. Дядя и мой отецъ говорятъ, что въ Америкѣ скоро начнется война. Жаль, что теперь не прежнія времена! Мы бы съ тобой ушли далеко, далеко въ лѣсъ и вдругъ набрели бы на великолѣпный замокъ съ маленькими, маленькими карликами. Потомъ мы встрѣтили бы пустынника, очень добраго человѣка, съ длинной бѣлой бородой, котораго любятъ всѣ звѣри... Ахъ, знаешь, господинъ Кнопфъ могъ бы быть такимъ пустынникомъ. Къ тому же его и зовутъ: Эмиль-Мартынъ. Давай съ этихъ поръ всегда звать его братомъ Мартыномъ.

И дѣти все живѣе и живѣе болтали между собой.

— Зачѣмъ ты завтра уѣзжаешь? вдругъ спросилъ Роландъ.

— А ты зачѣмъ остаешься? возразила Лиліана.

— Я долженъ остаться съ родителями.

— А я съ моими. Ахъ, у тебя ужъ ростетъ борода! внезапно воскликнула дѣвочка и дернула его за темный пушокъ.

— Ты мнѣ дѣлаешь больно и вырываешь у меня волосики, которыми я горжусь.

— Ахъ, ты ими гордишься!

И она ручкой стала гладить его подбородокъ, произнося заговоръ для залечиванія ранъ, которому научилъ ее Кнопфъ.

— А гдѣ твоя собака?

— Она вѣрно ушла съ Эрихомъ.

Роландъ началъ свистать и Грейфъ не замедлилъ явиться на его зовъ.

Лиліана обняла собаку, ласкала ее, гладила и называла разными нѣжными именами.

— Хочешь, я тебѣ подарю эту собаку? спросилъ Роландъ.

— Смотри, какъ она на тебя глядитъ, воскликнула дѣвочка. Она точно понимаетъ и груститъ, что ты ее, какъ невольника, передаешь другому хозяину. Нѣтъ, Роландъ, я не могу взять ее съ собой. Я не смѣю и просить объ этомъ отца. Подумай-ка, сколько трудовъ и хлопотъ стоило бы намъ довезти ее до Нью-Йорка. Нѣтъ, пусть она лучше останется у тебя.

Роландъ, разсѣянно слушавшій послѣднія слова дѣвочки, вдругъ спросилъ:

— А ты видѣла невольниковъ?

— Нѣтъ, лишь только они къ намъ являются, они немедленно дѣлаются свободными. Но я видѣла многихъ, которые прежде были невольниками. Съ однимъ изъ нихъ очень друженъ мой отецъ, и они часто вмѣстѣ подъ руку гуляютъ по улицамъ...

Сюда, Грейфъ! внезапно перебила она сама себя; я хочу тебѣ что-то дать.

И она, вынувъ изъ кармана сахарный хлѣбецъ, скормила его собакѣ, которая еще долго послѣ того облизывалась, стоя на одномъ мѣстѣ и смотря въ пустое пространство.

Дѣти тоже въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молчали, потомъ Лиліана спросила:

— Что сдѣлаешь ты со своими милліонами, когда выростешь?

— Зачѣмъ ты это у меня спрашиваешь?

— Дядя и господинъ Кнопфъ часто объ этомъ говорили. А разъ такъ они еще, знаешь ли что́ сказали?

— Нѣтъ. Но что сдѣлала бы ты сама, еслибъ у тебя было много денегъ?

— Я? Я накупила бы себѣ кучу платьевъ, все золотыхъ и серебряныхъ, потомъ... потомъ... я построила бы церковь, нарядила бы всѣхъ людей и постаралась бы, чтобъ каждый изъ нихъ, возвращаясь домой, находилъ у себя хорошій обѣдъ. Но теперь ты все это для меня сдѣлаешь, неправда ли? Ну, а ты чего желаешь достигнуть?

— Право, не знаю!

— Во всякомъ случаѣ, ты долженъ быть чѣмъ-нибудь очень хорошимъ. Ахъ, богатство... фуй! нѣтъ, дядя говоритъ, что богатство ровно ничего не значитъ... А ты видѣлъ уже когда-нибудь цѣлый милліонъ? продолжала разспрашивать дѣвочка. Я думаю, это большая, большая комната, вся наполненная золотомъ... Но что мнѣ до этого за дѣло? Скажи-ка мнѣ лучше, есть ли у тебя также маленькая сестра?

— Нѣтъ, моя сестра старше меня.

— И такая же красавица, какъ ты?

Лиліана, не дожидаясь отвѣта, вдругъ сдѣлала знакъ Роланду, чтобъ онъ не шевелился. Она протянула руку и къ ней на ладонь сѣла божья коровка. Дѣвочка опрокинула ее на спинку и сказала:

— Смотри, какъ она, бѣдненькая, барахтается и работаетъ своими крылышками, чтобъ выдти изъ бѣды. Вонъ она ихъ загнула подъ спинку и опираясь на нихъ, сама, безъ всякой помощи, снова перевертывается... Ахъ, она улетѣла! Сколько разсказовъ будетъ у нея теперь дома! Ахъ, скажетъ она, я видѣла огромное, страшное животное съ пятью ногами на рукѣ... мои пальцы она, конечно, приметъ за ноги и ужиная съ своей семьей, вѣроятно... А что, вдругъ перебила себя дѣвочка: ты не хочешь ѣсть? Что до меня касается, то я ужасно голодна.

— Что вы тамъ дѣлаете? внезапно раздался женскій голосъ. Идите домой.

Дѣти увидѣли госпожу Вейдеманъ, за которой и должны были послѣдовать.

Взглянувъ на испуганное лицо Роланда, Лиліана подумала, что ему вѣрно пришла на память сказка о злой женщинѣ, которая въ лѣсу пожираетъ дѣтей.

— Не бойся, шепнула она мальчику: тётя не только не съѣстъ насъ, но напротивъ накормитъ насъ отличными блинами съ лукомъ. Развѣ ты не видишь у нея въ рукахъ лукъ? Она его нарѣзала въ огородѣ для блиновъ.

Роландъ и Лиліана вернулись съ госпожею Вейдеманъ домой.

ГЛАВА IV.

ПРИЗВАНІЕ И ОТЕЧЕСТВО.

Между тѣмъ, какъ дѣти, сидя въ саду на берегу ручья, болтали и мечтали, мужчины вошли въ домъ и остановились въ обширныхъ сѣняхъ съ паркетнымъ поломъ, стѣны которыхъ были увѣшаны вѣнками изъ колосьевъ. Вейдеманъ объяснилъ Эриху, что двадцать четыре изъ этихъ вѣнковъ повѣшены здѣсь имъ самимъ и означаютъ, что онъ уже столько разъ собиралъ съ своихъ полей жатву. Нѣсколько отдѣльно висѣвшій вѣнокъ принадлежалъ его покойному тестю, и былъ взятъ съ его могилы, гдѣ онъ лежалъ въ ознаменованіе его пятидесятой жатвы.

— Такого рода украшеніе, замѣтилъ Эрихъ, не можетъ быть куплено за деньги, а должно быть пріобрѣтено личнымъ трудомъ человѣка.

Вейдеманъ вмѣсто отвѣта утвердительно кивнулъ головой.

Эрихъ былъ несказанно радъ, что можетъ все это показать Роланду.

Они вошли въ первую жилую комнату нижняго этажа. Она была просторна и въ тоже время имѣла уютный видъ. Въ углубленіяхъ близъ оконъ стояли удобные диваны, а по угламъ во многихъ мѣстахъ были расположены стулья и столы.

— Лѣтомъ мы обыкновенно занимаемъ нижній этажъ, сказалъ Вейдеманъ. Отсюда можно лучше за всѣмъ наблюдать. Но лишь только деревья начинаютъ обнажаться, мы перебираемся въ нашу зимнюю резиденцію, въ верхній этажъ.

Рядомъ съ этой комнатой была другая. Тяжелыя занавѣсы,

скрывавшія входъ въ нее, внезапно распахнулись и изъ-за нихъ показался съ пачкою бумагъ въ рукахъ банкиръ, съ которымъ Эрихъ познакомился въ Карлсбадѣ. Онъ ласково привѣтствовалъ молодого человѣка и съ жаромъ выразилъ удовольствіе, какое ему доставляетъ эта новая встрѣча съ другомъ Клодвига.

Затѣмъ разговоръ принялъ совсѣмъ другое направленіе. Банкиръ сказалъ, что подробно изучилъ порученныя ему бумаги и убѣдился, что оцѣнка казеннаго имѣнія сдѣлана вѣрно, а что касается до размежёвки его, то Вейдеманъ самъ знаетъ какъ ее слѣдуетъ производить. Но онъ сомнѣвался въ возможности примѣнить къ новому предпріятію систему страхованія, которую Вейдеманъ ввелъ между своими работниками. Врядъ ли можно надѣяться, что оно доставитъ доходъ, который современемъ позволитъ составить сумму, необходимую для основанія страховаго капитала.

Изъ этого Эрихъ узналъ, что Вейдеманъ каждому работнику, который въ теченіи четырехъ лѣтъ ему вѣрно служилъ, доставлялъ средства, нужныя для застрахованія своей жизни.

Вейдеманъ замѣтилъ, что такъ-называемый соціальный вопросъ постоянно представляется его уму въ той самой формѣ, въ какой онъ являлся древнимъ римлянамъ. Теперь снова всѣ начинаютъ хлопотать о томъ, чтобъ создать какъ можно болѣе свободныхъ и самостоятельныхъ землевладѣльцевъ. Но, прибавилъ онъ съ жаромъ, вопросъ этотъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ быть разрѣшаемъ какъ простая математическая задача: въ него необходимо внести нравственное начало. И чтобы ни говорили другіе, какъ бы презрительно ни пожимали они плечами, а онъ, Вейдеманъ, твердо стоитъ на томъ, что гуманный принципъ масонства, на который привыкли смотрѣть, какъ на пустую фразу, долженъ искать себѣ здѣсь обновленія и примѣненія къ дѣлу.

Тутъ вскорѣ обнаружилось, что банкиръ тоже былъ членомъ масонскаго общества.

Сердце Эриха радостно билось при мысли, что время, въ которое онъ живетъ, преисполнено такого заботливаго стремленія облегчать судьбу ближнихъ, обиженныхъ судьбой. Въ этомъ, думалъ онъ, заключается наша религія, которая не имѣетъ храмовъ, не предписываетъ ни постовъ, ни праздниковъ, но постоянно борется за добро. Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ, и жилъ только настоящей минутой.

Немного спустя, Вейдеманъ перенесъ разговоръ на другую почву. Онъ спросилъ, чѣмъ намѣренъ быть Роландъ, но Эрихъ не успѣлъ ему отвѣчать, какъ въ комнату вошелъ докторъ Фрицъ

въ сопровожденіи пѣхотнаго офицера одного изъ высшихъ чиновъ. То былъ зять Вейдемана, который весьма дружески привѣтствовалъ Эриха. Оба вновь прибывшіе просили продолжать начатый до нихъ разговоръ.

Эрихъ объявилъ, что Роландъ намѣревается поступить въ военную службу, но прибавилъ, что онъ былъ бы гораздо довольнѣе, еслибъ мальчикъ захотѣлъ посвятить себя наукѣ или сельскому хозяйству.

Вейдеманъ съ улыбкой замѣтилъ, что Эрихъ вѣроятно потому такъ сильно возстаетъ противъ военной службы, что нѣкогда самъ былъ военнымъ. Ему же, напротивъ, кажется, что ничто такъ не приготовляетъ человѣка къ жизни, какъ временное пребываніе въ военной службѣ, которая развиваетъ въ немъ смѣлость, рѣшимость и довѣріе къ собственнымъ силамъ. Нигдѣ не пріобрѣтается такая аккуратность въ отправленіи своихъ обязанностей и такое умѣнье повиноваться волѣ другихъ, какъ въ военной службѣ. Роландъ долженъ только никогда не упускать изъ виду, что служба эта есть ничто иное, какъ временное занятіе, въ которомъ онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ искать удовлетворенія всей своей жизни.

— Въ такомъ случаѣ онъ никогда не будетъ хорошимъ солдатомъ, вмѣшался зять Вейдемана. Кто предпринимаетъ дѣло, которому онъ не считаетъ нужнымъ посвятить всѣ свои силы, тотъ никогда не достигнетъ хорошихъ результатовъ и никогда не будетъ жить настоящей, полной жизнью.

— Вы въ этомъ какъ нельзя болѣе сходитесь съ моимъ старымъ наставникомъ, профессоромъ Эйнзиделемъ, замѣтилъ Эрихъ. Онъ постоянно говоритъ, что временные правители всегда бываютъ самые худшіе. Вслѣдствіе этого Роланду необходимо избрать себѣ какую-нибудь такую дѣятельность, которой хватило бы ему на всю жизнь. Онъ не допуститъ, чтобъ за него рѣшилъ кто-нибудь другой, а не онъ самъ, но вы, господинъ Вейдеманъ, произвели на него сильное впечатлѣніе вашей дѣятельностью, и я полагаю, вы могли бы дать его уму то направленіе, какое я не въ состояніи ему сообщить.

— Въ такомъ случаѣ давайте обсудимъ вопросъ вмѣстѣ, сказалъ Вейдеманъ. Мы здѣсь собрались все люди опытные.

— А вы думаете, спросилъ Эрихъ, что совѣщаніе многихъ можетъ привести къ лучшему результату нежели спокойное обдумываніе предмета однимъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ человѣкомъ.

— Ага! недовѣріе къ мнѣнію большинства, съ усмѣшкой произнесъ Вейдеманъ. Впрочемъ этого слѣдовало и ожидать. Но

я на вашъ вопросъ отвѣчу прямо: *да*. Мнѣніе многихъ годится для многихъ, а такой богатый человѣкъ, какимъ будетъ Роландъ, заключаетъ въ себѣ силу многихъ и долженъ обращать ее на пользу многимъ. Во всякомъ случаѣ намъ не лишнее посовѣтоваться.

Всѣ сѣли и банкиръ началъ.

— Являясь въ чужой домъ, гдѣ ты чувствуешь себя неловко, говорилъ, если я не ошибаюсь, Жанъ-Поль, немедленно принимайся за работу и ты тотчасъ освоишься и съ домомъ и съ его обитателями. Я иду далѣе и говорю: кто хочетъ жить на свѣтѣ, какъ у себя дома, тотъ работай. Кто не трудится, тотъ постоянно чувствуетъ себя въ жизни чужимъ.

Разговоръ снова былъ прерванъ приходомъ русскаго князя, сына Вейдемана и Кнопфа. Имъ былъ объясненъ предметъ, о которомъ собиралось разсуждать общество.

— Насъ здѣсь много собралось для совѣщанія, замѣтилъ Вейдеманъ, откидываясь на спинку своего стула. Вы всѣ знаете очаровательнаго юношу, сына богача Зонненкампа. Капитанъ Дорнэ, котораго здѣсь видите, воспиталъ его такъ, что теперь всѣ карьеры сдѣлались ему доступны. Вопросъ въ томъ, какую слѣдуетъ ему избрать.

— Позвольте мнѣ предварительно спросить васъ объ одномъ, сказалъ Кнопфъ. Развѣ вы думаете, что богатому человѣку непремѣнно надо быть производителемъ? Не полагаете ли вы, что все его призваніе должно заключаться въ томъ, чтобъ давать ходъ произведеніямъ другихъ и поощрять искусство, науку, промышленность, земледѣліе, о которыхъ ему достаточно настолько знать, насколько это нужно, чтобъ побудить его имъ покровительствовать.

— Вы что-то хотите на это возразить, сказалъ Вейдеманъ банкиру, замѣтивъ по его подвижному лицу, что онъ собирается говорить.

— Не столько возразить, отвѣчалъ банкиръ, сколько опредѣлить разницу, существующую между призваніемъ и занятіемъ. Есть дѣятельности, въ которыхъз аключается одно только занятіе, и на оборотъ, положенія въ свѣтѣ, въ которыхъ заключается одно только призваніе. Главное затрудненіе людей, обладающихъ чрезмѣрнымъ богатствомъ, состоитъ въ томъ, что они могутъ имѣть только призваніе и вовсе не нуждаются въ занятіи. Дѣти богатыхъ людей всегда достигаютъ меньшаго, потому что они свободны отъ всякаго принужденія.

— Что вы подразумѣваете подъ словомъ призваніе? спросилъ Вейдеманъ.

— Я не съумѣю скоро и коротко...

— Позвольте мнѣ вамъ помочь, вмѣшался Эрихъ: призваніе— это даръ природы или необходимость, которую мы возводимъ въ свободный законъ. Животныя не имѣютъ призваній, потому что они повинуются одной только природѣ.

— Такъ точно, подтвердилъ банкиръ съ благодарностью кивая головой. Но позвольте вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, продолжалъ онъ, обращаясь исключительно къ Эриху: вашъ воспитанникъ не выказываетъ ли, подобно большинству сынковъ богатыхъ людей, стремленія попасть въ дворяне?

Эрихъ молчалъ.

— Вся бѣда въ томъ, прибавилъ банкиръ, что сыновья богачей довольствуются быть наслѣдниками и не заботятся о пріобрѣтеніи себѣ того уваженія, которое доставляютъ людямъ только ихъ личныя заслуги.

— Молодой человѣкъ, какъ мы уже слышали, началъ зять Вейдемана, хочетъ поступить въ военную службу. Что же, по моему мнѣнію, его надо по возможности поддерживать въ этомъ намѣреніи. Надѣюсь, меня не упрекнутъ въ пристрастіи къ моему званію, если я скажу, что вполнѣ соглашаюсь съ моимъ тестемъ, который говоритъ, что военная служба сообщаетъ человѣку особаго рода выдержку, какую врядъ ли онъ можетъ пріобрѣсти въ какомъ бы то ни было другомъ положеніи. Каждый день быть въ полномъ вооруженіи, всегда на-сторожѣ — вотъ что̀ дѣлаетъ человѣка на все готовымъ.

— Такъ точно, согласился Вейдеманъ. Но не должно ли опасаться, что человѣкъ, проведшій лучшіе годы своей жизни въ военной службѣ, не будетъ больше въ состояніи свыкнуться ни съ какой постоянной дѣятельностью? Ему все будетъ казаться, что онъ находится въ отпуску, а главное несчастіе нашего времени, особенно сильно выразившееся въ людяхъ богатыхъ, въ въ томъ именно и заключается, что они живутъ, какъ будто бы постоянно пользовались каникулами.

— Пусть-ка Роландъ всего лучше протретъ глаза своимъ денежкамъ, пошутилъ сынъ Вейдемана и засмѣялся, причемъ показалъ свои бѣлые зубы, которые Пранкенъ называлъ дерзкими.

— Хотѣлось бы и мнѣ сказать свое слово, проговорилъ русскій князь, наклоняясь къ Кнопфу, который немедленно произнесъ вслухъ:

— Князь желаетъ говорить.

Вейдеманъ ласково кивнулъ ему головой.

— Мнѣ кажется, началъ князь, что мы, русскіе, можемъ

вамъ служить хорошимъ примѣромъ. Всѣ мы, въ чемъ бы ни состояли наши имущества, въ деньгахъ или въ помѣстьяхъ, должны теперь превращаться изъ помѣщиковъ въ сельскихъ хозяевъ. Отчего бы и вашему молодому человѣку не сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ?

— Сельское хозяйство, возразилъ Вейдеманъ, состоитъ изъ пяти отраслей, изъ которыхъ каждая должна имѣть корень въ соотвѣтственной ей природной наклонности. Сельское хозяйство включаетъ въ себя физику, химію, минералогію, ботанику и зоологію. Необходимо имѣть склонность къ одной изъ этихъ наукъ, которая и должна лежать въ основаніи всего, иначе нельзя надѣяться на успѣхъ. А знаете ли вы, улыбаясь спросилъ онъ у князя, что̀ составляетъ первое и самое главное условіе благоустроеннаго сельскаго хозяйства?

— Деньги.

— Нѣтъ, деньги стоятъ на второмъ планѣ, а на первомъ — простой человѣческій здравый смыслъ. Въ мірѣ гораздо больше талантливыхъ людей, чѣмъ людей съ простымъ здравымъ смысломъ.

Князь обмѣнялся съ Кнопфомъ взглядомъ и улыбкой.

Вейдеманъ, съ непривычнымъ для него жаромъ, сталъ опровергать мнѣніе, будто сельское хозяйство можетъ служить прибѣжищемъ для всякаго, кто затрудняется въ выборѣ себѣ карьеры. Но тѣмъ не менѣе всѣ мало-по-малу пришли къ заключенію, что Роланду всего лучше превратиться въ сельскаго хозяина.

Затѣмъ разговоръ пересталъ быть общимъ. Кнопфъ замѣтилъ Эриху, что въ настоящее время нѣтъ больше Олимпа, съ высоты котораго боги изрекали бы свои опредѣленія на счетъ судьбы людей. А Вейдеманъ прибавилъ, что самое худшее для Роланда заключается въ отсутствіи необходимости трудиться для достиженія желаемаго. У него все есть и ему не можетъ быть знакомо счастіе человѣка, которому, посредствомъ длиннаго ряда усилій, наконецъ удается осуществить свое желаніе и это для того, чтобы опять начать желать и трудиться. Въ мірѣ есть законъ, въ силу котораго всякая удача уже въ самой себѣ носитъ зародышъ стремленія къ новому благу.

— Въ концѣ концовъ, сказалъ Вейдеманъ въ заключеніе, обращаясь къ Эриху, вы все-таки остались правы. Намъ вообще ни въ какомъ случаѣ, а въ этомъ въ особенности, не слѣдуетъ брать на себя роли Провидѣнія и рѣшать за другихъ ихъ судьбу. Не имѣемъ мы также и права воспитывать человѣка съ спеціальной цѣлью сдѣлать изъ него всеобщаго благодѣтеля. Намъ надо ограничиться стараніями пробудить въ юношѣ потребность къ

общенію съ людьми. Мало того, чтобъ онъ заботился о счастіи ближнихъ, ему еще необходима какая-нибудь лично его интересующая дѣятельность, которая одна заключаетъ въ себѣ источникъ истиннаго довольства. Воспитаніе должно сдѣлать его одинаково способнымъ самому наслаждаться жизнью и доставлять утѣшеніе и радости другимъ.

Докторъ Фрицъ одинъ не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ сидѣлъ погруженный въ задумчивость, а лицо его имѣло нѣсколько строгое выраженіе.

— Отчего ты такъ упорно молчишь? тихонько спросилъ у него Вейдеманъ подъ шумокъ оживленной бесѣды остального общества.

Докторъ Фрицъ также тихо ему отвѣчалъ:

— Вообще не легко справиться съ такимъ громаднымъ состояніемъ, даже еслибъ оно было и честнымъ образомъ пріобрѣтено. Но насколько еще труднѣе становится эта задача, когда надъ богатствомъ тяготѣетъ преступленіе.

Вейдеманъ, приложивъ палецъ къ губамъ, сдѣлалъ знакъ своему племяннику, чтобъ онъ замолчалъ. Эрихъ не слышалъ словъ, которыми они обмѣнялись, но нечаянно взглянувъ на двухъ собесѣдниковъ почувствовалъ, что они говорили о чемъ-то страшномъ. Онъ самъ не зналъ, чего боялся, но тѣмъ не менѣе, не могъ совладать съ внезапно охватившей его тревогой.

Между тѣмъ въ комнату вошла госпожа Вейдеманъ и пригласила гостей къ столу. Всѣ встали и послѣдовали за ней въ столовую.

Эрихъ сидѣлъ рядомъ съ Кнопфомъ.

— Позвольте мнѣ, любезный коллега, сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, совсѣмъ неожиданно обратился онъ къ нему, только съ уговоромъ, что вы мнѣ отвѣтите на него не раньше какъ завтра?

— Извольте. Въ чемъ же состоитъ вашъ вопросъ?

— Что стали бы вы дѣлать, еслибъ внезапно очутились обладателемъ нѣсколькихъ милліоновъ?

Кнопфъ, который въ эту минуту собирался пить и подносилъ стаканъ ко рту, вдругъ поперхнулся, раскашлялся и принужденъ былъ на время удалиться изъ-за стола. Немного спустя онъ вернулся, но въ теченіи всего вечера уже болѣе ничего не ѣлъ и не пилъ.

Банкиръ, прилежно слѣдившій за газетами, спросилъ у доктора Фрица, правду ли онѣ говорятъ о всѣхъ ужасахъ, которые будто бы происходятъ въ Америкѣ.

Роландъ весь превратился въ слухъ и съ жадностью устремилъ глаза на доктора Фрица.

— Если, началъ тотъ, разсматривать отдѣльно различныя явленія Новаго Свѣта, то дѣйствительно, при видѣ многихъ изъ нихъ, почувствуешь невольный ужасъ. Но одинъ весьма замѣчательный государственный мужъ Америки однажды раскрылъ передо мной картину поразительной вѣрности. Въ бытность мою въ Мюнхенѣ, говорилъ онъ мнѣ, я впервые научился понимать мое отечество. Разъ какъ-то я посѣтилъ литейный заводъ, на которомъ отливалась колоссальная статуя Баваріи. Различныя части ея, какъ-то руки, колѣни, голова, кусокъ туловища, все это лежало отдѣльно и возбуждало своими громадными размѣрами самое непріятное ощущеніе въ зрителѣ. Но годъ спустя, я увидѣлъ эту статую уже совсѣмъ готовую, и былъ пораженъ изяществомъ и соразмѣрностью ея фигуры въ цѣломъ. Тутъ мнѣ пришло на умъ, что также точно слѣдуетъ смотрѣть и на Америку. Ея отдѣльныя части производятъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе, — общій видъ, напротивъ, поражаетъ своей необычайной красотой и величіемъ.

Роландъ взглянулъ на Эриха сіяющими отъ радости глазами, а на губахъ его мелькнула торжествующая улыбка.

Всѣ встали изъ-за стола. Лиліану вскорѣ отправили спать, а когда докторъ Фрицъ, тоже собираясь на покой, началъ прощаться, Роландъ, крѣпко пожимая ему руку, воскликнулъ:

— Отъ души благодарю васъ за вашъ прекрасный отзывъ о моемъ отечествѣ! Я этого никогда не забуду.

— Развѣ вы не Германію считаете вашимъ отечествомъ?

— Нѣтъ, было рѣшительнымъ отвѣтомъ мальчика.

— Останьтесь еще здѣсь, мнѣ надо съ вами поговорить, шепнулъ Вейдеманъ Эриху.

Роландъ вышелъ съ Кнопфомъ на свѣжій воздухъ. Ночь была ясная, небо сверкало звѣздами. Мальчикъ взялъ съ своего бывшаго наставника слово, что онъ его непремѣнно разбудитъ на слѣдующее утро, ко времени отъѣзда доктора Фрица и его дочери. Вслѣдъ затѣмъ, но не прежде, Роландъ тоже согласился пойти въ свою комнату. Но сонъ еще долго не смыкалъ его глазъ. Онъ лежалъ, прислушиваясь къ плеску воды, къ шуму мельницы и перебиралъ въ своемъ умѣ событія минувшаго дня. Наконецъ усталость и молодость взяли свое и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА V.

НОЧНОЕ ИЗВѢСТІЕ И ПРОСПАННЫЙ ОТЪѢЗДЪ.

Роландъ спокойно спалъ, не подозрѣвая, что два человѣка съ нѣжной заботливостью и глубокимъ состраданіемъ толковали о его странной участи.

Эрихъ по приглашенію Вейдемана послѣдовалъ за нимъ въ его кабинетъ.

— Знаете ли вы, зачѣмъ васъ сюда прислали? спросилъ Вейдеманъ.

— Меня, сюда прислали?

— Да.

— Господинъ Зонненкампъ желаетъ завязать съ вами дружескія отношенія и самъ я уже давно стремлюсь....

— Хорошо. Лучшій шпіонъ тотъ, который, не зная что на него возложена обязанность подсматривать, все видитъ и передаетъ самымъ невиннымъ образомъ.

— Я рѣшительно не понимаю...

— Вѣрьте мнѣ, господинъ Зонненкампъ, которому еще неизвѣстно время отъѣзда доктора Фрица, ни минуты не намѣревался къ намъ пріѣхать. Онъ притворялся, когда васъ просилъ за нимъ прислать. Отправьте къ нему, хоть ради шутки, посланнаго съ приглашеніемъ явиться сюда и онъ вамъ отвѣтитъ, что къ крайнему своему сожалѣнію не можетъ самъ пріѣхать, но взамѣнъ себя присылаетъ за вами экипажъ. Ахъ, молодой другъ мой, грустно и больно подстерегать человѣка, какъ дикаго звѣря, стараясь напасть на слѣды его преступленій. Но прежде всего, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Извѣстно ли вамъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о возведеніи Зонненкампа въ дворяне?

— Нѣтъ.

— А знаете ли вы, что ко мнѣ тоже обращались за мнѣніемъ на счетъ его заслугъ?

Эрихъ снова отвѣчалъ отрицательно.

— Я уже вамъ говорилъ, что конюхъ, играющій на трубѣ, содержался нѣкогда въ исправительномъ заведеніи. У меня въ услуженіи находится еще одинъ бывшій преступникъ, только я его содержу на заднемъ дворѣ, потому что онъ ведетъ себя не такъ хорошо, не столько потому, чтобъ онъ былъ въ конецъ испорченъ, сколько изъ хвастовства и удали. Изъ этого вы видите, что я вовсе не отталкиваю отъ себя людей съ дурнымъ

прошлымъ, зная, какъ вообще шатка наша добродѣтель. Большинство случаевъ, когда человѣкъ до конца удерживается въ добрѣ, надо отнести на долю благопріятныхъ обстоятельствъ. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ передъ глазами примѣры или получалъ уроки, которые, вразумляя его, и не допускали до паденія. Конечно, бываютъ утонченные злодѣи, которые, постоянно подвизаясь на поприщѣ зла, возмущаютъ духъ человѣческій.... но не въ этомъ дѣло. Я хочу только сказать, что, вовсе не намѣреваясь ни въ чемъ мѣшать Зонненкампу, не могу однако не выразить своего удивленія, что̀ ему вздумалось хлопотать о дворянствѣ, такъ какъ это неминуемо должно поднять вопросъ о его прошломъ? Нашъ общій другъ, графъ Вольфсгартенъ, говорилъ мнѣ, будто вы имѣете большое вліяніе на Зонненкампа: постарайтесь его уговорить оставить это дѣло въ покоѣ.

Эрихъ провелъ рукою по лбу. Онъ весь дрожалъ, въ глазахъ его былъ непривычный блескъ. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ.

Вейдеманъ, совсѣмъ иначе понимая волненіе молодого человѣка, очень мягко замѣтилъ:

— Я удивляюсь вашему мужеству. Кнопфъ говорилъ мнѣ, — да и самъ я это вижу, — что вы внесли въ домъ Зонненкампа дотолѣ неизвѣстную въ немъ атмосферу добра и честности и успѣли привить вашему воспитаннику много прекрасныхъ и благородныхъ качествъ. Когда этотъ юноша впервые узнаетъ....

— Что такое? Ради Бога, я ничего не понимаю, съ трудомъ выговорилъ Эрихъ.

— Какъ? Гдѣ я? Гдѣ вы? въ изумленіи воскликнулъ Вейдеманъ, хватаясь обѣими руками за голову. Развѣ вы не знаете?....

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что господинъ Зонненкампъ владѣлъ большими плантаціями и множествомъ невольниковъ, что образъ жизни его въ Америкѣ пересталъ ему нравиться и онъ вернулся въ Германію.

— Зонненкампъ!.... Зонненкампъ!.... повторилъ нѣсколько разъ Вейдеманъ. Прекрасное имя и отчасти дѣйствительно ему принадлежащее, потому что такъ называлась его мать. Но о Банфильдѣ вамъ еще никогда не приходилось слышать?

— Почти нѣтъ. Мнѣ только садовникъ разсказывалъ, что господинъ Зонненкампъ, вернувшись изъ путешествія на воды, сильно разгнѣвался, увидя это имя на страницахъ книги, въ которой всѣ посѣщающіе виллу и оранжереи записываютъ свои имена. Умоляю васъ, объясните мнѣ, что все это значитъ.

— Зонненкампъ, или вѣрнѣе Банфильдъ, есть не кто иной,

какъ торговецъ невольниками, пользующійся въ Америкѣ громкой, но въ тоже время въ высшей степени незавидной славой. Мой племянникъ, докторъ Фрицъ, могъ бы вамъ многое о немъ поразсказать. Открыто защищая рабство, онъ печаталъ о немъ статьи, въ которыхъ довелъ свою дерзость до послѣднихъ предѣловъ. Онъ ставилъ себя въ примѣръ того, что не всѣ нѣмцы заражены сентиментальной гуманностью и называя себя представителемъ германскаго отечества, объявлялъ существованіе рабства вполнѣ законнымъ и справедливымъ. Замѣтили вы кольцо, которое онъ постоянно носитъ на большомъ пальцѣ правой руки? Оно скрываетъ слѣды зубовъ одного невольника, который, когда онъ его душилъ, укусилъ ему этотъ палецъ.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди Эриха.

— О Роландъ! о матушка! о Манна! съ отчаяніемъ произнесъ онъ.

— Мнѣ невыразимо больно съ вами объ этомъ говорить, но я полагаю, что вамъ лучше узнать все это отъ меня. Вамъ не понятно, какъ можетъ человѣкъ, съ подобнымъ прошлымъ, иногда дѣйствительно хорошо поступать и съ такимъ тактомъ разсуждать о высокихъ предметахъ? Да, Зонненкампа можно по истинѣ сравнить съ гнуснымъ болотомъ, покрытымъ роскошными цвѣтами, и я самъ недоумѣваю, какъ только носитъ его земля! Торгъ невольниками, это — хладнокровное убійство, совершаемое ради собственныхъ выгодъ, — убійство съ цѣлью грабежа, которое спокойно шагаетъ по трупамъ своихъ жертвъ, опираясь на какія-то мнимыя права. Міръ есть царство войны, все въ немъ находится въ непрерывной враждѣ и борьбѣ, но быть торговцемъ невольниковъ.... ихъ убійцей..... И что-же мы видимъ теперь? Этотъ самый человѣкъ живетъ между нами, занимается садоводствомъ и воспитываетъ наилучшіе въ здѣшней мѣстности плоды..... Гдѣ же справедливость изреченія: по плодамъ твоимъ познаютъ тебя? Ахъ, мысль объ этомъ человѣкѣ чуть не свела меня съ ума и я наконецъ далъ себѣ слово, какъ можно менѣе о немъ думать.

Вейдеманъ говорилъ много и быстро, точно дѣйствительно стараясь отогнать отъ себя тяжелыя размышленія.

Эрихъ, приподнявъ голову, едва слышно произнесъ:

— Скажите мнѣ все.

— Да, вамъ слѣдуетъ все знать. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна судьба, постигшая капитана Броуна при Гарперъ-Ферри?

— Конечно. Неужели господинъ Зонненкампъ тоже участвовалъ въ этомъ дѣлѣ?

— Онъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ.

Эрихъ разсказалъ, какъ Роландъ въ бреду однажды воскликнулъ: «Я вижу Джона Броуна на висѣлицѣ!»

Чѣмъ болѣе говорилъ Эрихъ о Роландѣ, тѣмъ сильнѣе становилось его волненіе, наконецъ онъ не въ силахъ былъ долѣе удерживать слезы, которыя брызнули у него изъ глазъ и быстро заструились по щекамъ. Стыдясь своей слабости, онъ старался оправдать ее въ глазахъ Вейдемана, но тотъ перебилъ его словами:

— Ваши слезы меня на вѣки съ вами связываютъ. Вы всегда будете имѣть во мнѣ друга, къ которому можете обращаться за помощью и за совѣтомъ во всякую минуту вашей жизни. Все, чѣмъ я могу располагать, ваше, равно какъ всѣ ваши дѣла отнынѣ становятся также и моими. Въ васъ нѣтъ малодушія, вы напротивъ сильны и вполнѣ соотвѣтствуете величію задачи руководить юношей въ столь тяжелыхъ и печальныхъ обстоятельствахъ.

Эрихъ всталъ, съ трудомъ переводя духъ. Онъ подалъ правую руку Вейдеману, а лѣвую крѣпко прижалъ къ груди и воскликнулъ:

— Я надѣюсь, что буду въ состояніи оправдать ваше довѣріе.

— А я въ этомъ не сомнѣваюсь и повторяю, что лучше вамъ было все это узнать отъ меня.

Послѣ этого они оба долго молчали. Эрихъ вмѣстѣ съ именемъ Роланда и своей матери, назвалъ также и Манну. Теперь, въ минуту горя, ему впервые стало ясно, что онъ любитъ Манну и сердце его болѣзненно сжалось при мысли, что онъ до сихъ поръ еще ни слова не говорилъ ей о своей любви.

Но минуту спустя, онъ жестоко упрекалъ себя въ эгоизмѣ. Какъ могъ онъ думать о себѣ, а не исключительно объ ея горькой участи? И сердце его преисполнилось состраданія къ ней, дочери подобнаго отца.

Какъ перенесетъ она это? Но, можетъ быть, ей уже все извѣстно? Не въ этомъ ли надо искать причину ея необыкновенной сдержанности и задумчивости? Не эта ли ужасная тайна породила въ ней рѣшимость поступить въ монастырь?

— Но вы не должны слишкомъ предаваться собственнымъ мыслямъ, замѣтилъ ему Вейдеманъ.

Эрихъ не осмѣлился заговорить съ нимъ о Маннѣ, но только спросилъ его совѣта на счетъ того, слѣдуетъ ему, или нѣтъ, открыть все это матери.

Вейдеманъ хорошо понималъ, какъ горько должно быть ѣсть хлѣбъ этого человѣка, пить его вино и вообще пользоваться его

благодѣяніями. Но тѣмъ не менѣе онъ уговаривалъ Эриха до послѣдней возможности щадить свою мать, присутствіе которой на виллѣ онъ считалъ настоящимъ счастіемъ для Манны и Цереры. Да, хорошо имъ будетъ въ минуту скорби опереться на эту женщину испытанной честности, ума и благородства.

Было уже далеко за полночь, когда Эрихъ разстался съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Онъ пошелъ въ свою комнату и долго съ умиленіемъ смотрѣлъ на прекраснаго спящаго юношу, въ глубинѣ души своей произнося обѣтъ, никогда его не покидать.

Затѣмъ онъ потихоньку выбрался изъ дому и пошелъ бродить по окрестностямъ. Въ воздухѣ пронеслось нѣсколько падающихъ звѣздъ, вдали сверкали волны Рейна, на травѣ и деревьяхъ лежала душистая роса. Эрихъ нигдѣ не находилъ покоя. Что̀ могъ и долженъ былъ онъ дѣлать?

Съ разсвѣтомъ онъ вернулся домой.

Тамъ уже все было въ движеніи.

На дворѣ онъ прежде всего встрѣтился съ Кнопфомъ.

— Ахъ! воскликнулъ тотъ. Я изъ-за васъ въ теченіи цѣлой ночи не смыкалъ глазъ. Вашъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя. Теоретически его вовсе нельзя разрѣшить, такъ какъ всѣ жизненныя отношенія состоятъ не изъ цѣлыхъ чиселъ, а изъ дробей и только съ помощью ихъ могутъ быть выражены. Какъ подведете вы имъ одинъ общій итогъ? Голова моя идетъ кругомъ при одной мысли, что̀ сталъ бы я дѣлать, еслибъ вдругъ очутился обладателемъ нѣсколькихъ милліоновъ. Учреждать благотворительныя заведенія, я еще не нахожу достаточнымъ: неужели же весь міръ долженъ быть только благоустроеннымъ пріютомъ, или богадѣльней? Люди нуждаются не въ одной пищѣ и одеждѣ, а также и въ красотѣ и въ веселости. Я бы въ каждой деревнѣ устроилъ классы для пѣнія и назначилъ учителямъ хорошее жалованье, а пѣвчимъ всякое воскресенье выдавалъ бы по бутылкѣ вина. У меня были бы вездѣ концертныя залы съ высокими сводами, прохладныя для лѣта, и хорошо натопленныя для зимы. Тамъ на стѣнахъ повсюду висѣли бы хорошія картины и тутъ же раздавались бы призы. Я еще устроилъ бы пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, самъ сдѣлался бы директоромъ его и построилъ бы домъ съ квартирами для старыхъ, заслуженныхъ гувернеровъ и учителей. Ужъ я и названіе придумалъ для этого дома. Мы бы написали надъ входомъ его: «Домъ отдыха послѣ работы». Ахъ, какъ весело было бы слушать споры старыхъ учителей, изъ которыхъ каждый отстаивалъ бы превосходство своей методы воспитанія! Затѣмъ я вотъ еще что придумалъ: я не трогалъ бы

всего капитала, а только отдѣливъ отъ него одинъ милліонъ, употребилъ бы его на путешествія. Выбравъ дюжину, другую товарищей, я отправился бы съ ними странствовать по свѣту. Въ числѣ ихъ были бы естествоиспытатели, живописцы, ваятели, купцы, ученые, политико-экономы, — словомъ люди съ самыми разнообразными свѣдѣніями. Я снабдилъ бы ихъ всѣмъ нужнымъ, мы по произволу мѣняли бы мѣста и вездѣ оставались бы столько времени, сколько намъ это было бы пріятно. Я такимъ образомъ познакомился бы съ учрежденіями различныхъ странъ и вернувшись домой, старался бы ввести у насъ то, что мнѣ наиболѣе понравилось у другихъ. Представьте себѣ, какъ интересно было бы путешествовать въ обществѣ умныхъ, образованныхъ людей. Мы плавали бы на своемъ собственномъ кораблѣ, а въ горахъ ѣздили бы на мулахъ. Однимъ словомъ, это было бы и пріятно и весьма полезно. А что касается до Роланда, то ему всего лучше сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ: онъ такимъ образомъ будетъ имѣть у себя подъ ногами твердую и самую естественную почву. Но, повторяю, я не могу сказать вамъ ничего опредѣлительнаго.

Эрихъ едва слушалъ, что говорилъ Кнопфъ, и очнулся отъ своей задумчивости, когда тотъ вдругъ воскликнулъ:

— Но гдѣ же Роландъ? Я ему обѣщался его разбудить ко времени отъѣзда доктора Фрица.

— Оставьте его спать.

— Вы берете это на свою отвѣтственность?

— Да.

— Хорошо, сказалъ Кнопфъ. Пусть же его спитъ: я отъ этого вовсе не прочь. У Роланда такимъ образомъ водворится въ сердцѣ романтическая печаль. Простился онъ съ дѣвочкой вечеромъ, или нѣтъ, все равно, но онъ легъ спать, а къ утру она исчезла. Что за удовольствіе рано утромъ, дрожа отъ холоду, провожать отъѣзжающихъ на пароходную пристань или на станцію желѣзной дороги! Пароходъ отчаливаетъ, поѣздъ уѣзжаетъ, а ты стоишь себѣ и смотришь имъ вслѣдъ, точно тебя внезапно обокрали. А тамъ надо возвращаться домой... Ахъ, все это такъ непріятно! Меня, послѣ такого разставанія, обыкновенно цѣлый день трясетъ лихорадка. То ли дѣло, когда Роландъ, проснувшись, узнаетъ, что дѣвочка исчезла! У него останется въ душѣ свѣжее, прелестное воспоминаніе, а мы съ вами, капитанъ Дорнэ, будемъ во всемъ этомъ играть роль великановъ въ дѣтской сказкѣ.

Тутъ къ нимъ присоединились Вейдеманъ съ женой и сыновьями, русскій князь, банкиръ и всѣ домашніе. Каждый на

прощанье пожалъ доктору Фрицу руку, а Лиліана, садясь въ карету, воскликнула:

— Господинъ Кнопфъ, поклонитесь отъ меня Роланду. Какой же онъ соня!

Экипажъ уѣхалъ, всѣ вернулись въ свои комнаты и снова улеглись въ постели, только Эрихъ съ Кнопфомъ пошли бродить по лѣсу. Кнопфъ съ восторгомъ любовался картиной пробуждающейся природы.

Онъ говорилъ, что это—прекрасное зрѣлище, которымъ однако рѣдко кто наслаждается безъ принужденія, по собственному произволу. Онъ даже сомнѣвался, чтобъ лирики, такъ часто воспѣвающіе прелести утренней зари и солнечнаго восхода, въ сущности болѣе другихъ любили рано вставать.

Слушая Кнопфа, Эрихъ удивлялся, что на свѣтѣ еще есть люди, которые могутъ предаваться такого рода мечтамъ и размышленіямъ. Въ его глазахъ весь міръ какъ бы подернулся туманомъ и казался ему населеннымъ тѣнями.

Кнопфъ, напротивъ, изъ молчанія Эриха заключилъ, что тотъ его весьма внимательно слушаетъ и распространился въ жалобахъ по случаю отъѣзда своей воспитанницы. Правда, у него еще оставались интересныя занятія съ русскимъ княземъ, но дѣвочка своимъ присутствіемъ всѣхъ оживляла и радовала. Она походила на одушевленный, говорящій цвѣтокъ, который былъ къ нимъ на время перенесенъ изъ Новаго Свѣта. Кнопфъ явно уже написалъ, или собирался писать стихотвореніе на эту тэму.

Эрихъ слушалъ его терпѣливо.

Наконецъ онъ спросилъ у Кнопфа, не разсказывалъ ли ему докторъ Фрицъ что-нибудь о Зонненкампѣ?

Кнопфъ повторилъ только часть изъ того, что Вейдеманъ сообщилъ Эриху. Онъ, какъ было видно, не все зналъ.

— Призываю въ свидѣтели это дивное утро, воскликнулъ вдругъ Кнопфъ, и говорю вамъ, капитанъ Дорнэ: вы удивительный человѣкъ, заслуживающій самаго искренняго уваженія. Еслибъ мнѣ прежде было извѣстно прошлое отца Роланда, я ни подъ какимъ видомъ не могъ бы такъ спокойно заниматься съ моимъ воспитанникомъ. Мнѣ все казалось бы, что я ношу при себѣ заряженный пистолетъ, который вдругъ возьметъ, да и выстрѣлитъ. Нечего сказать, у васъ сильный и твердый характеръ. Теперь мнѣ вполнѣ понятенъ вашъ способъ обращенія съ Роландомъ.

И Кнопфъ, въ порывѣ восторженнаго чувства, схватилъ руку Эриха и быстро поднесъ ее къ губамъ.

Эрихъ мгновенно почувствовалъ себя спокойнѣе, а лицо Кнопфа, отъ наполнявшей его сердце радости, вдругъ сдѣлалось похоже на поверхность ручья, по которому вѣтеръ гонитъ легкія струйки. Онъ говорилъ, что на долю его, равно какъ и Эриха, выпало счастье, хоть косвенно, участвовать въ выполненіи величайшей задачи нашего вѣка: Эрихъ воспитывалъ Роланда, которому впереди предстояло трудиться надъ разрѣшеніемъ вопроса о невольничествѣ, а онъ, Кнопфъ, содѣйствовалъ образованію русскаго князя, на которомъ лежала обязанность руководить въ ихъ новой жизни только-что отпущенными на волю крестьянами.

Кнопфъ сказалъ еще, что князь сильно уговаривалъ его ѣхать въ Россію открыть тамъ школу для поселянъ. Докторъ Фрицъ, съ другой стороны, звалъ его въ Америку заводить школу для дѣтей свободныхъ негровъ. Кнопфъ упрекалъ себя за то, что чувствовалъ гораздо болѣе склонности къ маленькимъ неграмъ. Онъ чистосердечно сознавался, что это предпочтеніе было ему внушено ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ жить по близости къ Лиліанѣ и имѣть возможность слѣдить за ея развитіемъ и дальнѣйшей судьбой.

Подходя къ дому, Эрихъ увидѣлъ Вейдемана и банкира, садившихся въ экипажъ. Они ѣхали въ столицу по дѣлу о казенномъ имѣніи. Эрихъ простился съ ними, такъ какъ имѣлъ намѣреніе немедленно вернуться на виллу Эдемъ. Произнося это послѣднее названіе, онъ вздрогнулъ. Вейдеманъ вышелъ изъ экипажа и, отведя Эриха въ сторону, снова посовѣтовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Затѣмъ онъ, уже сидя въ каретѣ, еще закричалъ ему:

— Любезный Дорнэ, помните, что домъ мой всегда открытъ не только для васъ, но и для вашей матушки и тетушки.

Эрихъ пошелъ разбудить Роланда.

— Какъ, уже совсѣмъ свѣтло! Они еще здѣсь? было первыми словами мальчика.

— Кто они?

— Лиліана и ея отецъ.

— Нѣтъ, они уже давно уѣхали.

— Ахъ, отчего же меня никто не разбудилъ?

— Отъ того, что тебѣ слѣдовало спать. Черезъ часъ и мы тоже отправимся домой.

Роландъ съ неудовольствіемъ отъ него отвернулся. Когда же, наконецъ сдавшись на ласковыя рѣчи Эриха, онъ снова обратилъ къ нему свое лицо, на его длинныхъ рѣсницахъ сверкали крупныя слезы.

Сколько горькихъ слезъ предстоитъ еще пролить этимъ глазамъ? подумалъ Эрихъ.

Вскорѣ вернулась карета, въ которой уѣхалъ докторъ Фрицъ, и кучеръ привезъ Роланду еще поклонъ отъ Лиліаны. Лошадей не велѣно было отпрягать, ихъ только покормили и Эрихъ съ Роландомъ въ той же каретѣ отправились домой.

ГЛАВА VI.

ВСЕ ВЪ МІРѢ ПУСТАЯ ИГРА.

Если въ составъ романтической печали входятъ блѣдное лицо, досада, недовольство собой и ненависть къ ближнимъ, то можно сказать, что Роландъ съ избыткомъ ею наслаждался. Онъ сидѣлъ возлѣ Эриха, съ закрытыми глазами, чтобъ яснѣе видѣть картины, которыя рисовало ему воображеніе. Блѣдныя губы его по временамъ дрожали и были крѣпко сжаты.

«Развѣ, думалъ онъ, меня все еще считаютъ за ребенка, котораго можно туда и сюда посылать, не объясняя ему причины такого передвиженія? Почему Эрихъ не говоритъ мнѣ, зачѣмъ мы такъ скоро отсюда уѣзжаемъ? Къ чему это Кнопфъ съ такой торжествующей улыбкой объявилъ мнѣ, что онъ не разбудилъ меня, имѣя въ виду особенную цѣль?»

Кнопфъ послѣ минутнаго раздумья счелъ за лучшее въ этомъ случаѣ взять на себя всю отвѣтственность. Пусть, думалъ онъ, Роландъ лучше сердится на меня, отсутствующаго, нежели на Эриха, на рукахъ котораго онъ остается. А Роландъ, между тѣмъ, сидя въ углу кареты, по временамъ украдкой взглядывалъ на Эриха, на ожиданіи, что тотъ наконецъ ему все объяснитъ. Но Эрихъ молчалъ и тоже сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Оба, учитель и воспитанникъ, оставались слѣпы къ прелестной мѣстности, по которой проѣзжали, и безраздѣльно отдались своимъ думамъ и мечтамъ.

Эрихъ, до крайности утомленный, находился въ какомъ-то полузабытьѣ, посреди котораго шумъ колесъ раздавался въ его ушахъ съ силой какъ бы адскаго треска. По временамъ, когда спускаясь съ горы, кучеръ тормозилъ экипажъ и колесо съ жалобнымъ скрипомъ медленно тащилось по песку, Эрихъ на мгновеніе открывалъ глаза. Вдали передъ нимъ сверкалъ Рейнъ, онъ взглядывалъ на него и снова погружался въ забытье. Онъ въ своемъ тревожномъ полуснѣ видѣлъ горы, которыя медленно за-

ливались водой, точно наступалъ новый потопъ. Посреди волнъ, на двухъ высокихъ скалахъ стояли два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Клодвигъ. Онъ держалъ въ рукахъ какую-то римскую древность и горячо о ней разсуждалъ. Другой, съ наружностью Вейдемана, толковалъ о страхованіи жизни. Потомъ оба заговорили объ Эрихѣ и Роландѣ, объявляя, что они куда-то благополучно прибыли. И съ этими послѣдними словами молодой человѣкъ проснулся.

— Ахъ, это вы! воскликнули въ одинъ голосъ Эрихъ и Роландъ.

— Это вы! повторилъ кто-то возлѣ самой кареты.

Лошади остановились передъ жилищемъ маіора. Въ палисадникѣ, у самаго забора, стояла фрейленъ Милькъ. Эрихъ поклонился ей, а она, не дожидаясь вопроса, въ увѣренности, что о ней самой никто не станетъ освѣдомляться, быстро проговорила:

— Маіоръ съ часъ тому назадъ отправился на виллу. За нимъ оттуда присылали и онъ мнѣ сказалъ, что не успѣетъ вернуться домой къ обѣду.

Эрихъ вышелъ изъ экипажа. Онъ освѣдомился у фрейленъ Милькъ о своей матери и спросилъ, не знаетъ ли она, что такое происходитъ на виллѣ. Она отвѣчала, что тамъ всѣ чему-то радуются, и прибавила, что вѣроятно сегодня же будетъ праздноваться и помолвка Пранкена съ Манной.

Эрихъ отпустилъ Роланда домой одного. Ему надо было собраться съ духомъ.

— Все въ мірѣ—пустая игра, проговорила фрейленъ Милькъ.

Эрихъ, несмотря на все свое уваженіе къ доброй старушкѣ, не чувствовалъ въ эту минуту ни малѣйшей склонности пуститься въ общія разсужденія о жизни и людяхъ. Когда же она попыталась-было разузнать, что произошло во время его посѣщенія въ Маттенгеймѣ, онъ отвѣчалъ ей не только коротко, но даже не совсѣмъ учтиво. Онъ и не подозрѣвалъ, что фрейленъ Милькъ уже давно все знала и хотѣла дать ему это понять.

Эрихъ собирался здѣсь немного оправиться и привести въ порядокъ свои мысли, но теперь ему вдругъ показалось, что его какъ будто отсюда гнали. Онъ пошелъ на виллу. Передъ нимъ сіяло роскошное зданіе, солнце ослѣпительно играло на стеклянномъ куполѣ оранжереи, онъ видѣлъ паркъ, виноградный домикъ, въ которомъ жила его мать..... и все это было выстроено и посажено на деньги, полученныя отъ продажи людей!....

Извѣстно ли это Пранкену? Ему необходимо все узнать—и тогда рѣшится ли онъ еще протянуть руку дочери этого человѣка?

При мысли, что Манна будетъ принадлежать другому, Эрихъ почувствовалъ неизъяснимую горечь. Имъ овладѣла страшная ненависть къ Пранкену; на лбу у него крупными каплями выступилъ потъ; онъ съ злобой сжалъ кулакъ и далъ себѣ слово разрушить все это зданіе лицемѣрія и лжи. Но Манна — какъ она все это перенесетъ?

Онъ остановился, упрекая себя за дурныя мысли, которымъ на мгновеніе позволилъ собой овладѣть. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на скалы, какъ бы умоляя ихъ низринуться въ долину и все въ ней превратить въ прахъ. Сердце его такъ болѣзненно сжималось и ныло, что онъ съ трудомъ переводилъ духъ. И во всемъ этомъ хаосѣ мыслей и ощущеній, онъ ясно понималъ только одно, что любитъ Манну. Вдругъ изъ груди его вырвался громкій хохотъ:

— Дочь этого человѣка—твоя жена, мать твоихъ дѣтей! Все въ мірѣ пустая игра!

Слова фрейленъ Милькъ глубоко врѣзались ему въ память.

— Къ тому же, прибавилъ онъ, минуту спустя, я вовсе не чувствую себя призваннымъ срывать личину съ великаго маскарада жизни.

Къ нему вернулось самообладаніе и онъ твердыми шагами вступилъ на виллу.

Б. Ауэрбахъ.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

V.

Сношенія съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ. — Священный Союзъ, 1815 (іюль — сентябрь).

По приглашенію императора Александра г-жа Крюднеръ отправилась въ Парижъ. Она пріѣхала туда съ своими спутниками 14-го іюля (за это время прозелитъ ея, баронъ Беркгеймъ, женился на ея дочери), и императоръ пожелалъ, чтобы она поселилась ближе къ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ онъ самъ. Г-жа Крюднеръ поселилась дѣйствительно въ сосѣдствѣ этого дворца, въ отелѣ Моншеню, въ Елисейскихъ поляхъ. Императоръ посѣщалъ ее постоянно.

Біографъ представляетъ г-жу Крюднеръ въ роли нѣкотораго рода духовной руководительницы императора; онъ говоритъ:

«Положеніе г-жи Крюднеръ, при русскомъ императорѣ, въ Парижѣ было гораздо болѣе деликатное, чѣмъ въ Гейдельбергѣ. Чтобы примирить свою вѣрность (принятымъ религіознымъ идеямъ) съ необходимыми уступками, какихъ требовало положеніе Александра, чтобы соединить свободу съ христіанской заботливостью, помогая ему воздерживаться отъ всего, нѣсколько похожаго на зло, и не освобождая его ни отъ какихъ обязанностей неразлучныхъ съ его саномъ, нужно было имѣть тактъ и мягкое, терпѣливое, *изобрѣтательное благоразуміе* (une prudence ingénieuse), какое можетъ дать только духъ Божій. Быть можетъ, г-жа Крюднеръ боялась испугать слишкомъ суровой дисциплиной эту еще не укрѣ-

*) См. выше: авг. 588 стр.

пившуюся душу; ей не хотѣлось утомлять совѣтами человѣка, не привыкшаго ихъ принимать. Александръ скоро успокоилъ ее.

— «Ахъ, не бойтесь ничего, браните меня; съ божіей помощью я буду слушать все, что вы мнѣ скажете».

Біографъ старается представить сколько можно ярче роль своей героини, и въ этомъ случаѣ дѣйствительно имѣлъ къ тому основанія. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ постоянно видался съ г-жей Крюднеръ, бесѣдовалъ съ ней, слушалъ ея благочестивыя изліянія и самъ участвовалъ въ нихъ. Его настроеніе конечно было тотчасъ замѣчено и вызывало комментаріи; онъ не хотѣлъ обращать на нихъ вниманія. «Положеніе Александра было очень деликатное, — говоритъ сотрудникъ г-жи Крюднеръ, — всѣ глаза были обращены на него, всѣ его поступки подвергались истолкованіямъ. Онъ зналъ конечно, что оставляя партію невѣрующихъ, которые до тѣхъ поръ хвалились, что считаютъ его въ числѣ своихъ адептовъ, — онъ станетъ предметомъ ихъ порицаній и сарказмовъ; но ничто не могло поколебать его вѣры»[1]). Императоръ уединялся, избѣгалъ праздниковъ и увеселеній; религіозное настроеніе овладѣвало имъ больше и больше[2]). Тотъ же современникъ разсказываетъ, что быстрый успѣхъ послѣдней войны императоръ положительно приписывалъ божественному покровительству. Это было конечно его искреннее убѣжденіе, и сопоставляя эту мысль съ послѣднимъ направленіемъ своихъ идей, онъ, понятнымъ образомъ, долженъ былъ еще больше отдаваться своей религіозности.

Сношенія императора съ г-жей Крюднеръ возбудили и политическое любопытство; въ нихъ сначала подозрѣвали скрытыя политическія цѣли. Г-жа Крюднеръ, нѣкогда знакомая Парижу

---

[1]) Empaytaz, Notice, p. 27—28.

[2]) Вотъ напр. одинъ изъ анекдотовъ, разсказываемыхъ біографами г-жи Крюднеръ о христіанскомъ благочестіи и смиреніи императора Александра въ тѣ времена:

Когда императоръ Александръ отправлялся къ г-жѣ Крюднеръ, его провожалъ обыкновенно довѣренный камердинеръ кн. Волконскаго. Однажды вечеромъ, входя къ г-жѣ Крюднеръ, императоръ спросилъ его, исполнилъ онъ его порученіе? Камердинеръ сознался, въ смущеніи, что онъ забылъ. — Когда я приказываю что-нибудь, я требую, чтобы мои приказанія исполнялись, сказалъ сурово императоръ. Онъ вошелъ затѣмъ въ залу, но на вопросы г-жи Крюднеръ о его здоровьѣ, онъ отвѣчалъ отрывочными, безпокойными фразами. Г-жа Крюднеръ замѣтила его тревогу, и спрашивала о причинѣ. Александръ вышелъ, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется. Онъ раскаявался въ своихъ суровыхъ словахъ къ камердинеру. Вышедши къ нему, онъ просилъ у него извиненія, что обошелся съ нимъ такъ сурово, и успокоился не прежде, какъ получилъ это извиненіе отъ растерявшагося слуги. «Александръ вернулся въ залу съ лицомъ, на которомъ изображалась радость доброй совѣсти, и спокойно началъ свой благочестивый разговоръ». Notice sur Alexandre, стр. 37.

совсѣмъ въ иномъ видѣ, снова обратила на себя вниманіе своей близостью къ императору. Само собою разумѣется, что ея апостольская роль служила нерѣдко цѣлью остроумія; разсказывали напр., что кто-то однажды пришелъ къ ней вечеромъ, во время ея молитвенныхъ упражненій, и она сказала ему своимъ обыкновеннымъ эмфатическимъ тономъ: «совершаются великія дѣла; весь Парижъ постится», — а посѣтитель ея только что пришелъ изъ Пале-рояля, гдѣ всѣ обѣдали, и онъ не могъ разубѣдить ее въ противномъ. Біографъ утверждаетъ, что она пріобрѣла однако и много горячихъ друзей и прозелитовъ; что невѣрующіе, приходившіе къ ней, смущались отъ ея вѣры, и равнодушные увлекались. Въ числѣ ея защитниковъ біографъ называетъ людей какъ Бенжаменъ Констанъ, Пюисегюръ, Шатобріанъ, Грегуаръ, Дежерандо, г-жа Рекамье, кн. Софья Волконская и т. д. Но если въ другихъ біографіяхъ, на которыя ополчается Эйнаръ, мы находимъ не совсѣмъ благопріятные отзывы о дѣятельности г-жи Крюднеръ, напр. нападки на ея искусственную торжественность и театральность, то въ нихъ конечно отражаются мнѣнія, какія г-жа Крюднеръ уже тогда поселяла о себѣ въ другой части общества.

Въ 7 часовъ вечера у г-жи Крюднеръ происходило обыкновенно богослуженіе ея новой религіи, состоявшее изъ импровизированной молитвы и толкованій писанія; дѣйствующимъ лицомъ бывалъ исключительно сотрудникъ г-жи Крюднеръ, Эмпейтазъ. Обстановка молитвенной залы была самая простая, — и г-жа Крюднеръ не преминула потомъ указывать на эту простоту, съ той точки зрѣнія, какую мы уже не разъ у нея указывали. Нанявъ себѣ просто меблированную квартиру, она хотѣла сама убрать ее; — но «вскорѣ *нѣкоторыя вещи показали мнѣ*, что мнѣ такъ и надо оставить это помѣщеніе безъ зеркалъ, съ нѣсколькими соломенными стульями и самой простой мебелью —— Я увидѣла впослѣдствіи, *какъ дѣйствуютъ* на свѣтскихъ людей эти сильные контрасты роскоши, въ которой я всегда жила, и этого полнаго ея отсутствія ——Люди видѣли, что я уже не придавала важности ничему, и тѣ, кто быть можетъ никогда о томъ не думалъ, подумали, что должно быть положительное счастіе въ этой евангельской религіи, чистоту которой исполнялъ божественный учитель, Богъ вселенной, покинувъ свою славу на небесахъ, чтобы принять человѣческій образъ и претерпѣть всѣ униженія».

Это—по поводу соломенныхъ стульевъ и отсутствія зеркалъ.

Въ своихъ письмахъ, напр. къ прежней пріятельницѣ фрей-

линѣ Стурдзѣ, г-жа Крюднеръ любитъ упоминать, что у нея отнято все время, что она впрочемъ бесѣдуетъ только съ тѣми, кому нужна религіозная помощь, что у нея бываютъ герцогини и т. д. Самъ біографъ сознается, что многіе приходили къ ней только изъ любопытства и моды, что другіе, какъ Шатобріанъ, хотѣли только черезъ нее приблизиться къ императору; но съ другой стороны самая мода на г-жу Крюднеръ имѣла свои причины, — въ это время уже разыгрывался тотъ церковный фанатизмъ, который соединился въ реставрацію съ фанатическимъ роялизмомъ. Возвращеніе къ религіи, получавшее почти исключительно реакціонную подкладку, распространялось съ большой силой въ высшемъ обществѣ феодальной реставраціи, и потому г-жа Крюднеръ могла получить особый интересъ для своей аристократической публики. Въ этомъ смыслѣ роль г-жи Крюднеръ дѣйствовала по-своему и на русское общество.

Что касается до императора, то были люди, которые не вѣрили въ его искреннее увлеченіе и объясняли эти его сношенія совсѣмъ инымъ образомъ, — именно политическимъ притворствомъ. Одинъ изъ прежнихъ жизнеописателей г-жи Крюднеръ, Паризо, говоритъ [1]), по поводу тогдашнихъ слуховъ о серьёзномъ вліяніи г-жи Крюднеръ на императора и о томъ, что она удаляла его отъ свѣтскихъ развлеченій: «очень вѣроятно, что Александръ мирился съ этими слухами и дѣлалъ видъ, что принимаетъ поученія г-жи Крюднеръ, для того чтобы думали, что онъ преданъ мечтаніямъ, которыя стоятъ квадратуры круга и философскаго камня, и изъ-за нихъ не видѣли его честолюбія и глубокаго макіавелизма».

Эйнаръ обличаетъ Паризо слѣдующей выпиской изъ письма г-жи Крюднеръ (въ августѣ 1815):

....«Александръ есть избранникъ Божій; онъ идетъ по путямъ самоотрицанія. Я знаю каждую подробность, почти каждую мысль его жизни; онъ правильно приходитъ сюда [2]) и эта духовная связь, созданная Богомъ, укрѣпляется все больше и больше. Онъ обязанъ иногда бывать въ свѣтѣ, но онъ никогда не отправляется на спектакли или на балы, и онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него точно впечатлѣніе похоронъ и что онъ уже не можетъ понимать свѣтскихъ людей, предлагающихъ ему удовольствія».

Эйнаръ приводитъ нѣсколько случаевъ, обнаруживавшихъ благочестивое смиреніе императора; Эмпейтазъ приводитъ его изре-

---

[1]) Biogr. Universelle (Michaud).

[2]) Т. е. въ домъ г-жи Крюднеръ.

ченія, выражавшія его аскетическую строгость къ себѣ и христіанское снисхожденіе, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вовсе не притворялся въ своихъ сношеніяхъ съ г-жей Крюднеръ, что таково и дѣйствительно было направленіе его мыслей; этому не противорѣчила нисколько и его политическая дѣятельность въ то время, законченная Священнымъ Союзомъ.

Между тѣмъ дѣятельность г-жи Крюднеръ и въ Парижѣ не обошлась безъ религіозныхъ экстравагантностей. Вслѣдъ заней, окнечно прослышавъ объ ея успѣхахъ, явился въ Парижъ пасторъ Фонтэнь съ своей пророчицей Маріей Куммринъ. Онъ обратился опять къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ старается повидимому смягчить ея роль въ этомъ дѣлѣ и говоритъ, что она отказала Фонтэню въ своей поддержкѣ у императора; но судя по словамъ того же біографа, что «благоразуміе императора избавило г-жу Крюднеръ отъ ея злого генія» (т. е. Фонтэня), и судя по тому еще, что Фонтэнь представился Александру все-таки въ домѣ г-жи Крюднеръ, надо предполагать, что она была не совсѣмъ безучастна въ угощеніи императора пророчествами Куммринъ.

Это разсказывается такимъ образомъ:

«Въ первомъ экстазѣ, какой пророчица имѣла по пріѣздѣ въ Парижъ, она возвѣстила, что *будетъ имѣть* второй экстазъ *на другой день* въ передней залѣ (отеля Моншеню). *Г-жа Крюднеръ провела нѣсколько часовъ въ молитвѣ, прося Бога открыть свою волю.* Между тѣмъ императоръ пришелъ въ обыкновенный часъ, и въ передней залѣ нашелъ Марію Куммринъ, лежавшую на канапе. Онъ спросилъ, что это значитъ; г-жа Крюднеръ молчала; Фонтэнь началъ говорить и объявилъ императору, что это—пророчица Всевышняго, которая будетъ говорить къ нему отъ Бога. Императоръ садится, готовый слушать, и Марія Куммринъ начинаетъ натянутую рѣчь, которая кончалась просьбой о деньгахъ на основаніе христіанской общины въ окрестностяхъ Вейнсберга. Г-жа Крюднеръ встала, услышавъ это, и вышла съ своей дочерью. Черезъ минуту она вернулась, прося Александра перейти въ салонъ. Александръ послѣдовалъ за ней, остановилъ ея извиненія, сказавши, что онъ довольно знаетъ свѣтъ, чтобы не дать себя обмануть благочестіемъ людей, которые такъ торопятся просить денегъ, и посовѣтовалъ ей какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этихъ людей.—Черезъ два дня Фонтэнь отправился изъ Парижа».

Невыгодное впечатлѣніе этой исторіи пока еще миновало г-жу Крюднеръ. Она продолжала играть свою роль, и въ началѣ сентября фигурировала на извѣстномъ военномъ торжествѣ въ лагерѣ Вертю, въ Шампани, гдѣ императоръ Александръ дѣлалъ смотръ

своимъ войскамъ и гдѣ на другой день совершено было религіозное торжество — благодарственный молебенъ, отслуженный православными священниками. Г-жа Крюднеръ отправилась туда со своей свитой, и поселилась не вдалекѣ отъ лагеря, въ замкѣ дю-Мениль. «Съ утра явились за ней императорскіе экипажи,— говоритъ Сенъ-Бёвъ [1]), и почести, которыя Людовикъ XIV оказалъ г-жѣ Ментенонъ въ компьенскомъ лагерѣ, не превосходятъ того почтенія, какое завоеватель воздалъ г-жѣ Крюднеръ — — Родъ тріумфа, который она имѣла въ лагерѣ Вертю, обозначитъ высшую точку и, такъ сказать, свѣтлую вершину ея вліянія». Г-жа Крюднеръ описала потомъ это торжество въ брошюрѣ «Le camp de Vertus». Это — патетическій диѳирамбъ, гдѣ она призываетъ торжество вѣры, превозноситъ Александра и дѣлаетъ воззванія къ Франціи, «древнему наслѣдію галловъ, дочери святого Людовика и столькихъ святыхъ, призвавшихъ на нее вѣчныя благословенія»: «возвращайся *вся* — восклицаетъ она, обращаясь къ этой Франціи — потому что ты стала безсмертіемъ; *ты не плѣнница* въ узахъ смерти» etc. Наконецъ она указываетъ на крестъ, поставленный на этомъ мѣстѣ, какъ на великолѣпный алтарь, который долженъ соединить все и который будетъ говорить: «Здѣсь преклонялся передъ Іисусомъ Христомъ герой и армія, любезная его сердцу; здѣсь народы Сѣвера *просили о счастіи Франціи*».

Тонъ этого диѳирамба объясняетъ между прочимъ, почему г-жѣ Крюднеръ приписывали такое прямое политическое вліяніе, какого на дѣлѣ она по всей вѣроятности не имѣла. Историки, принимающіе это вліяніе, разсказываютъ, что Каподистрія и Поццо-ди-Борго благопріятно смотрѣли на то вліяніе, какое имѣла г-жа Крюднеръ на императора Александра и которое будто бы отражалось на политическихъ планахъ, принятыхъ тогда императоромъ относительно Франціи; герцога Ришельё называютъ даже прямо посредникомъ между Людовикомъ XVIII и г-жей Крюднеръ съ ея обществомъ, и въ этомъ обществѣ указываютъ присутствіе дѣятельныхъ политическихъ пружинъ, напр. объ одной изъ прежнихъ пріятельницъ г-жи Крюднеръ, г-жѣ Лезэ-Марнезіа, говорятъ, что «въ своей дружбѣ съ г-жей Крюднеръ она какъ бы предуказывала союзъ между Россіей и Франціей, который Провидѣніе хочетъ сдѣлать путемъ и средствомъ возстановленія религіи» [2]).

---

[1]) Notice (при Valérie), стр. XXIV, XXVII.

[2]) Th. *Bernhardi*, Gesch. Russlands und der Europ. Politik, 1814—31, I, 449. Ср. *Pertz*, Stein's Leben IV, 564.

Едва ли впрочемъ политическое вліяніе, приписываемое г-жѣ Крюднеръ, было серьёзно на дѣлѣ. Конечно, христіанская проповѣдь, которую держала постоянно г-жа Крюднеръ, естественно могла внушать смиреніе въ побѣдѣ, великодушіе къ врагамъ: это еще больше могли внушать французскія связи г-жи Крюднеръ. Но политика императора Александра и безъ того опредѣлялась уже въ этомъ смыслѣ достаточными данными. Императоръ Александръ разъ уже явился великодушнымъ побѣдителемъ Франціи; эта роль такъ соотвѣтствовала его настроенію и вознаграждалась такимъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ въ странѣ, и такъ отвѣчала интересамъ Россіи, что онъ готовъ былъ и теперь сохранить ее. Ближайшій совѣтникъ императора Каподистрія постоянно указывалъ политическія соображенія, побуждавшія щадить Францію: черезъ это можно было впослѣдствіи имѣть вліяніе на ходъ ея политики и вступить съ нею въ союзъ, а этотъ союзъ былъ бы полезенъ Россіи противъ соперничества Австріи и Англіи—между прочимъ въ восточныхъ дѣлахъ, въ интересахъ близкаго сердцу Каподистріи греческаго вопроса. Смотръ въ Вертю имѣлъ видъ демонстраціи, быть можетъ, онъ и сдѣланъ былъ съ этой цѣлью: императоръ хотѣлъ показать союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукой въ поддержку своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ, собственно говоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шумнымъ объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получала и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія не намѣрена больше участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціей, если бы переговоры не пришли къ мирному концу [1]).

Слова и дѣйствія г-жи Крюднеръ могли соотвѣтствовать этимъ политическимъ событіямъ. Ея связи сближали ее съ императоромъ и съ французскимъ обществомъ. Она имѣла друзей и въ дипломатической и въ интимной обстановкѣ императора: мы упоминали о прежнихъ ея знакомствахъ,—теперь къ нимъ присоединяется между прочимъ имя княгини Софьи Волконской (жены начальника главнаго штаба имп. Александра, впослѣдствіи фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго), принадлежавшей къ дружескому дамскому кружку императора [2]); она сошлась теперь, кажется, и съ братомъ своей пріятельницы А. Стурдзой, состоявшимъ тогда при Каподистріи. Съ другой стороны она имѣла друзей въ роялистской и набожной французской аристократіи. «Прекрасная Франція» была издавна ея пассіей: здѣсь нѣкогда

---

[1]) Тамъ же, стр. 468.

[2]) Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 311—314.

совершались другія ея дѣянія, она жила долго въ средѣ французскаго общества, и когда здѣсь же началась теперь для нея новая эффектная роль, Франція снова стала ей любезна и прекрасна, и она поэтизировала ея возрожденіе. При всемъ томъ, за г-жей Крюднеръ едвали можно считать какое либо прямое политическое вліяніе, кромѣ той общей, неопредѣленной мистической религіозности, которую она поддерживала и усиливала въ императорѣ Александрѣ.

Дѣло въ томъ, что мысли ея едвали останавливались прочно на какомъ-нибудь реальномъ предметѣ. Господствующей чертой оставалась хвастливая экзальтація. Ей нравилось, когда окружала ее аристократическая толпа; ея профессія, проповѣдь, была въ тоже время и выставка; при всемъ самоуничиженіи, какое она на себя налагала, она съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ въ письмахъ о посѣщающихъ ее дюшессахъ, разсказываетъ даже, какъ посѣтилъ ее одинъ англичанинъ, объѣхавшій кругомъ свѣта и который, вѣроятно, смотрѣлъ на нее просто какъ на новую диковину, какихъ онъ еще не видывалъ въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи. Вообще, она слѣдовала только влеченіямъ своей религіозно-фантастической экзальтаціи, и имѣла сознаніе, что настоящая минута была въ особенности благопріятна для принятой ею роли [1]).

Но ей предстояло принять участіе еще въ одномъ знаменательномъ событіи этихъ дней,—именно получить извѣстную долю участія въ составленіи акта Священнаго Союза.

Въ то время нерѣдко приписывали этотъ актъ непосредственному вліянію г-жи Крюднеръ; говорили, что она внушила самую мысль Священнаго Союза, и приписывали ей бо́льшую или меньшую роль въ составленіи акта. Это мнѣніе было не совсѣмъ точно. Нѣсколько ближайшихъ свидѣтелей оставили слѣдующія воспоминанія о происхожденіи знаменитаго документа.

Сотрудникъ г-жи Крюднеръ, ея постоянный аколитъ въ это время, священникъ ея религіи, участвовавшій въ ея бесѣдахъ и молитвахъ съ императоромъ, разсказываетъ объ этомъ (въ 1828 году) такъ:

«За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Парижа — говоритъ онъ — императоръ Александръ сказалъ намъ: Я оставляю

---

[1]) Сенъ-Бевъ говоритъ: «Il est certain que 1815 fut un moment décisif, et aux esprits religieux il doit sembler que l'épreuve était de force à susciter son témoin mystique et son prophète. Madame de Krudener s'est moins trompée sur l'importance de 1815 même que sur les conséquences qu'elle en augurait» (стр. XXVIII). Мы это еще увидимъ дальше; замѣтимъ впрочемъ, что не нужно было особенной прозорливости, чтобы въ 1815 году понять важность 1815 года.

Францію; но до своего отъѣзда я хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я принесъ вамъ проектъ этого акта, и прошу васъ внимательно разсмотрѣть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, чтобы люди видѣли, что мы какъ восточные маги признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы будете вмѣстѣ со мной просить у Бога, чтобы мои союзники были расположены подписать его.

«На другой день Александръ пришелъ взять свой проектъ; онъ съ величайшимъ смиреніемъ принялъ представленныя ему замѣчанія. На слѣдующій день онъ далъ его для подписи союзнымъ государямъ. Онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что они тотчасъ раздѣлили его взгляды. Вечеромъ онъ пришелъ къ намъ разсказать о томъ, что̀ было имъ сдѣлано, и возблагодарить Бога за счастливый успѣхъ.

«Таково происхожденіе этого Священнаго Союза, который занималъ всѣ умы, о ко̀торомъ дѣлались такія противоположныя сужденія.

«Если какой-нибудь другой государь хотѣлъ воспользоваться этимъ актомъ, столь простымъ и столь чистымъ по своей сущности, для поддержанія системы своей политики, то злоупотребленіе, сдѣланное имъ, не можетъ ни въ чемъ измѣнить прямодушія и благочестія намѣреній Александра» [1]).

Такимъ образомъ, идея Священнаго Союза остается вполнѣ за императоромъ Александромъ; г-жа Крюднеръ узнала объ актѣ только отъ самого императора, и ея участіе ограничивалось только нѣкоторыми замѣчаніями.

Близкій также свидѣтель этого дѣла, А. Стурдза, подтверждалъ Эйнару полную принадлежность идеи этого акта императору Александру. «Мнѣ первому—говорилъ Стурдза—пришлось списать и слегка исправить (retoucher) актъ Священнаго Союза, весь написанный карандашомъ, рукой императора. Мнѣ неизвѣстно, имѣла ли г-жа Крюднеръ какое-нибудь вліяніе на мысль и редакцію этого достопамятнаго документа; но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ существеннымъ образомъ принадлежалъ мысли и религіозному чувству Александра», и пр. Такимъ же образомъ Стурдза разсказываетъ это въ своихъ запискахъ о жизни

---

[1]) Empaytaz, Notice, стр. 36—38.

графа Каподистріи. Императоръ самъ написалъ вчернѣ актъ, и призвавши однажды утромъ гр. Каподистрію (жившаго съ Стурдзой въ верхнемъ этажѣ Элизе-Бурбонскаго дворца), велѣлъ ему просмотрѣть это, сказавши: «я не мастеръ вашихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ; прибавьте необходимое, введите лучшій порядокъ мыслей, но сущности ихъ отнюдь не измѣняйте! Это мое дѣло; я началъ и, съ Божіею помощью, довершу». Каподистрія поручилъ Стурдзѣ переписку и отдѣлку выраженій. При этомъ Стурдза почему-то раздѣлилъ актъ вмѣсто трехъ на четыре статьи. Каподистрія въ тотъ же день представилъ обработанный проектъ Александру. Онъ одобрилъ всѣ внесенныя мелкія измѣненія, кромѣ только раздѣленія на *четыре* статьи. Поэтому актъ былъ переписанъ вновь, въ *трехъ* статьяхъ, и въ этомъ видѣ Александръ оставилъ его у себя. На другой же день, по словамъ Стурдзы, Александръ имѣлъ свиданіе съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ и склонилъ ихъ къ участію въ трактатѣ [1]). И здѣсь Стурдза ничего не говоритъ объ участіи г-жи Крюднеръ въ редакціи трактата; но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ передъ тѣмъ, показываютъ, что и въ его представленіи г-жа Крюднеръ имѣла однако нравственное вліяніе въ возникновеніи Священнаго Союза. Упомянувъ о тогдашнемъ благочестивомъ и смиренно христіанскомъ настроеніи императора Александра, Стурдза изображаетъ г-жу Крюднеръ, какъ «рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ, ибо въ сердцѣ ея горѣла истинная любовь къ ближнему», и отношенія ея къ императору представляетъ въ такихъ словахъ: «Въ бесѣдахъ сей знаменитой женщины съ императоромъ, еще на берегахъ Неккера (Неккара) и потомъ въ Парижѣ, разговоръ невольнымъ образомъ склонялся къ священной цѣли всѣхъ благочестивыхъ желаній — къ славѣ имени Христова и къ освященію союза народовъ его ученіемъ и духомъ. *Такимъ образомъ* возникъ проектъ братскаго и христіанскаго союза [2])».

Эйнаръ приводитъ дальше свидѣтельство герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, брата прусской королевы Луизы, къ которому Эйнаръ обращался за свѣдѣніями для своей исторіи,—герцогъ положительно думалъ, что Священный Союзъ надобно считать дѣломъ г-жи Крюднеръ. Но Эйнаръ считаетъ это мнѣніе совершенной ошибкой.

Еще одно важное указаніе дѣлаетъ евангелическій прусскій епископъ Эйлертъ, другъ и историкъ короля Фридриха-Виль-

---

[1]) Жизнь гр. Каподистріи, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1864, кн. 2, стр. 69.
[2]) Чтенія М. Общ., тамъ же.

гельма III. Въ своей книгѣ объ этомъ королѣ Эйлертъ приводитъ собственный разсказъ императора, слышанный имъ отъ самого Александра въ 1818 году. Въ этомъ разсказѣ императоръ приписывалъ первую мысль о союзѣ королю прусскому и относилъ ея возникновеніе еще къ началу послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

«Въ дни битвъ при Люценѣ, Дрезденѣ, Бауценѣ,—говорилъ Александръ Эйлерту,—послѣ столькихъ безплодныхъ усилій, или несмотря на величайшій героизмъ нашихъ войскъ, мы тѣмъ не менѣе вынуждены были отступить; вашъ король и я, мы не могли не придти къ убѣжденію, что власть человѣческая ничтожна и что Германія погибнетъ, если не будетъ особенной помощи и благословенія божественнаго Промысла. Мы ѣхали рядомъ, вашъ король и я, безъ свиты; мы оба были серьёзны, предавшись своимъ размышленіямъ, и молчали. Наконецъ этотъ любезнѣйшій изъ моихъ друзей прервалъ молчаніе и обратился ко мнѣ съ этими словами: «Такъ дѣло не можетъ идти! мы направляемся къ востоку, между тѣмъ мы хотимъ и мы должны идти къ западу. Мы придемъ туда, съ божіей помощью. Но если, какъ я надѣюсь, Богъ благословитъ наши соединенныя усилія, тогда провозгласимъ передъ лицомъ всего міра наше убѣжденіе, что слава принадлежитъ Ему одному». Мы обѣщали это другъ другу и мы искренно пожали руки. Затѣмъ послѣдовали побѣды при Кульмѣ, при Кацбахѣ, при Гросберенѣ и Лейпцигѣ, и когда прибывъ въ Парижъ, мы были въ концѣ труднаго странствія, король прусскій вспомнилъ наши святыя рѣшенія, первая мысль о которыхъ принадлежала ему, и благородный императоръ австрійскій, раздѣлявшій наши взгляды, наши чувства и стремленія, охотно вошелъ въ нашъ союзъ. Первая идея Священнаго Союза явилась въ трудную минуту; она осуществилась въ болѣе прекрасный моментъ благодарности и счастія. Она вовсе не дѣло наше, а дѣло Бога. Самъ Искупитель внушилъ всѣ мысли, какія заключаетъ этотъ актъ, всѣ принципы, которые онъ провозглашаетъ. Кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, кто, примѣшивая къ святому мірское, видитъ здѣсь только заднія мысли и тайные планы политики, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, и было бы безполезно допускать его [1])».

Эйнаръ справедливо замѣчаетъ, что этотъ разсказъ не противорѣчитъ приведеннымъ выше даннымъ: первая мысль могла принадлежать Фридриху-Вильгельму, но Александръ развилъ и

---

[1]) Eylert, Charakterzüge und histor. Fragmente aus dem Leben Fridrich Wilhelms III, II, стр. 246—248.

формулировалъ ее въ актѣ, переписанномъ Стурдзой и пересмотрѣнномъ г-жей Крюднеръ. Мнѣніе герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, хотя очень близкаго къ этимъ событіямъ, но не имѣвшаго прямыхъ свѣдѣній, легко объясняется тогдашними толками о тѣсной дружбѣ императора съ г-жей Крюднеръ и сходствомъ религіозной восторженности у обоихъ. На другой день послѣ того, какъ договоръ былъ подписанъ союзниками, императоръ Александръ посѣтилъ г-жу Крюднеръ, съ радостью разсказывалъ объ успѣхѣ дѣла и вмѣстѣ съ ней и ея сподвижникомъ приносилъ благодарственную молитву—понятно, что г-жѣ Крюднеръ могла быть приписываема и самая иниціатива.

«Имя Священнаго Союза—замѣчаетъ еще Эйнаръ—обозначаетъ въ пророчествахъ Даніила союзъ государей, которые будутъ царствовать въ послѣднія времена. Тамъ говорится о борьбѣ, которая произойдетъ между царемъ Сѣвера и царемъ Юга. Этотъ послѣдній наступаетъ съ большой арміей, но терпитъ пораженіе вслѣдствіе заговоровъ, составленныхъ противъ него окружающими и многіе ранены смертельно въ битвѣ.»

«Нѣкоторыя другія подробности,—прибавляетъ тотъ же авторъ,—взятыя отдѣльно, заставляли предполагать, что г-жа Крюднеръ считала событія 1815 года исполненіемъ пророчества Даніила. Мы этого не думаемъ, и ясно видимъ, что она не раздѣляла надеждъ Александра основать на землѣ царство Евангелія, предсказанное пророками, когда писала ему послѣ отъѣзда его изъ Парижа: «Ваши намѣренія велики и прекрасны, но вы еще не можете осуществить ихъ; нужно, чтобы вы помышляли только о своемъ перерожденіи, для того, чтобы все переродить вокругъ васъ; *нужно, чтобы все прошло еще черезъ одинъ великій кризисъ*. Германія, носящая въ себѣ зерно разрушенія, будетъ ниспровергнута (!). Должны появиться турки (!!); англичане не надежны», и т. д.

Какъ бы то ни было, мы видѣли однако, что въ другихъ случаяхъ г-жа Крюднеръ несомнѣнно подразумѣвала въ своихъ пророчествахъ близкое пришествіе тысячелѣтняго царства—фантазію, перенятую у Штиллинга — и говорила объ этомъ въ выраженіяхъ, заставляющихъ думать, что она считала это пришествіе возможнымъ на ея вѣку или на вѣку ея друзей.

Мы не будемъ упоминать здѣсь о судьбѣ, которая постигла Священный Союзъ. Довольно извѣстно, что онъ такъ и остался сантиментальной мечтой, какою былъ въ самой сущности; извѣстно съ другой стороны и то, чѣмъ обнаружилось вліяніе Священнаго Союза на дѣлѣ, какъ, подвергнувшись толкованіямъ Меттерниха, онъ сталъ орудіемъ самой ненавистной реак-

ціи и преслѣдованія всѣхъ живыхъ общественныхъ элементовъ, которые изъ энтузіазма войнъ за освобожденіе вынесли одушевленное стремленіе къ преобразованію общества, къ водворенію справедливости, умственной и гражданской свободы. Въ русскомъ обществѣ, какъ и понятно, было гораздо меньше движеній этого рода,—но наши домашніе консерваторы, вслѣдъ за европейскими, тоже сочли нужнымъ спасать принципы, которымъ пока не предстояло никакой бѣды, и поднимать вопли противъ разрушительнаго духа времени, который въ сущности выражался только очень скромными желаніями элементарныхъ улучшеній. Въ способѣ выраженія нашей реакціи господствовалъ нерѣдко тотъ же тонъ, какимъ говорила реакція западной Европы и который былъ очень страненъ у насъ.

Повторился также и тотъ піэтизмъ, какой лежалъ въ основаніи акта Священнаго Союза. На ряду съ людьми, которые дѣйствительно увлекались піэтистическимъ движеніемъ западнаго общества, тономъ изысканнаго благочестія заговорили лицемѣріе и интрига. Въ другомъ мѣстѣ мы приводили различныя черты этого направленія. Наполеонъ и Александръ сравнивались съ апокалиптическими царями Юга и Сѣвера, которые должны сражаться при концѣ временъ: отсюда прямо выводилась необходимость борьбы противъ антихристовыхъ силъ, представляемыхъ невѣріемъ и вольнодумствомъ, и въ господствующемъ тонѣ піэтистовъ покаянныя сокрушенія дико мѣшались съ инквизиторскими замашками. Теперь еще не было пока этого озлобленія и обскурантизма—напротивъ, какъ самъ императоръ проникнутъ былъ въ это время самыми либеральными намѣреніями, такъ и въ обществѣ мистицизмъ еще не дошелъ до своихъ крайнихъ практическихъ слѣдствій; но рано или поздно, онъ долженъ былъ придти къ нимъ. Въ развитіи этого апокалиптическаго направленія и тона въ русскомъ обществѣ, г-жѣ Крюднеръ также, кажется, слѣдуетъ приписать извѣстную долю вліянія вмѣстѣ съ Юнгомъ Штиллингомъ, библейскими дѣятелями и т. д.

Что касается до того, считала ли г-жа Крюднеръ событія 1815 года исполненіемъ Даніиловыхъ пророчествъ или не считала, какъ это старается опредѣлить Эйнаръ,—надъ этимъ вопросомъ конечно не стоитъ трудиться. Замѣтимъ, что послѣ 1815 года, который, въ глазахъ многихъ, оправдалъ ея пророчества, она не прекратила своего прорицательства. Оно было такъ пикантно для ея проповѣднической роли, что г-жа Крюднеръ и послѣ 1815 года продолжала предвѣщать какія-то неясныя, но «великія» событія и страшные перевороты. Эйнаръ замѣчаетъ по поводу ея письма къ императору: «Быть можетъ, г-жа Крюд-

неръ считала событія, которыя она возвѣщала, болѣе близкими, чѣмъ *они были на дѣлѣ*. Быть можетъ даже, она совершенно обманывалась»,—но онъ все-таки находитъ прекраснымъ то, что она не теряла изъ виду душевнаго освященія Александра, что она «понимала, что для него было нужно только одно — оставаться въ повиновеніи (?), и имѣла смѣлость говорить ему это безъ опасенія оскорбить его. Эта прямота и эта христіанская вѣрность имѣютъ право на все наше уваженіе» и т. д. По нашему мнѣнію, прорицательства г-жи Крюднеръ едва ли заслуживаютъ такихъ благосклонныхъ отзывовъ. Психологически можно понять тѣ неопредѣленныя мистическія ожиданія, какими живутъ религіозныя секты, особенно секты, распространяющіяся въ мало развитой экзальтированной массѣ; таковы бывали фантастическія ожиданія хиліастовъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, ждавшихъ близкаго основанія тысячелѣтняго царства, основывавшихъ новые Іерусалимы, отправлявшихся жить на Араратъ и т. п. Въ обществѣ, каково наше, съ его религіозной опытностью, такія ожиданія труднѣе понять въ человѣкѣ образованномъ; но онѣ все еще возможны въ людяхъ съ пламенной фантазіей. Но когда прорицанія принимаютъ тѣ формы, какія мы находимъ у г-жи Крюднеръ, когда предвѣщанія дѣлаются съ сознаніемъ положенія вещей (что конечно у нея бывало) и претендуютъ вмѣшиваться въ практическую жизнь и указывать дипломатическія комбинаціи, когда въ предвѣщаніяхъ являются Германія, турки и англичане, — то это было, если не шарлатанство, то крайнее разстройство воображенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, императоръ Александръ просилъ г-жу Крюднеръ пріѣхать также въ Петербургъ. 27-го сентября онъ простился съ ней и съ ея друзьями, и оставилъ ей паспортъ, предоставлявшій ей пріѣхать съ кѣмъ и какимъ путемъ она захочетъ. Недостатокъ въ деньгахъ задержалъ ея отъѣздъ изъ Парижа до конца октября; потомъ другія обстоятельства надолго удержали ее отъ поѣздки въ Россію.

Но вскорѣ и самыя отношенія къ ней Александра совершенно измѣнились.

VI.

Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815 — 1818.

Императоръ Александръ уже скоро разочаровался въ г-жѣ Крюднеръ. Едвали можно сомнѣваться, что этому способствовали и нѣкоторыя собственныя ея свойства, которыя въ ея отсутствіи могли ярче представиться императору и иначе освѣтить

всю ея личность. Мы упоминали, напримѣръ, объ угощеніи императора предвѣщаніями Куммринъ; предсказанія самой г-жи Крюднеръ о туркахъ вѣроятно также не производили благопріятнаго впечатлѣнія въ умѣ императора, и т. д. Въ упомянутомъ нами выше письмѣ кн. Мещерской приводятся слѣдующія слова императора о г-жѣ Крюднеръ. Императоръ говорилъ о своей неожиданной встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ въ ту миниту, когда онъ мысленно желалъ, чтобы Богъ послалъ ему человѣка, который бы помогъ ему понять правильно его святую волю — и затѣмъ продолжалъ: «Нѣсколько времени я думалъ, что Богъ именно ее и хотѣлъ назначить для этой цѣли; но я *очень скоро* увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ не что иное, какъ ignis fatuus» (блудящій огонь). Это были его собственныя слова»,— прибавляетъ кн. Мещерская [1]). Кромѣ личныхъ впечатлѣній, на мнѣнія императора должны были подѣйствовать дальнѣйшія похожденія г-жи Крюднеръ въ Швейцаріи и Германіи, которыя вскорѣ сдѣлали имя ея басней для цѣлой Европы.

Біографъ старается объяснить сколько можно выгоднѣе для своей героини эти ея похожденія и послѣдовавшее вскорѣ охлажденіе императора. По мнѣнію его, въ этомъ послѣднемъ виновата была предательская политика Меттерниха.

«Роль, которую четыре мѣсяца играла г-жа Крюднеръ,—говоритъ онъ, — была слишкомъ замѣтна, чтобы не возбудить къ себѣ вниманія и недовѣрчивости въ подозрительной политикѣ, мало благопріятной для религіозныхъ умозрѣній. Эта политика пугалась уже большого вліянія ея на русскаго императора, когда онъ просилъ ея одобренія для договора о Священномъ Союзѣ. Австрійская дипломатія, вынужденная по крайней мѣрѣ по наружности покориться тяжелой необходимости этого духовнаго согласія между народами и царями, о которомъ мечталъ Александръ, рѣшилась нейтрализовать его дѣйствіе: но для этого нужно было удалить императора отъ г-жи Крюднеръ, и съ этого дня все было пущено въ ходъ, чтобы выстроить между ними стѣну. Въ то время какъ начинали мало-по-малу дѣйствовать на императора, чтобы отдалить его отъ нея, г-жа Крюднеръ сама попадала въ *сѣти, искусно разставленныя* на ея дорогѣ. Чтобы избѣжать этихъ засадъ, чтобы сохранить довѣріе императора, которое усиливались у нея отнять, надо было бы прямо послѣдовать за нимъ въ Россію. Но у г-жи Крюднеръ не было иной воли кромѣ воли дѣлать божіе дѣло и говорить о спасеніи; она не искала человѣческой славы. Простодушіе голубицы, ко-

---

[1]) Pinkerton, Russia, стр. 370.

торое она противопоставляла коварству и интригамъ дипломатіи, вскорѣ должно было успокоить ея противниковъ, показавъ имъ, какъ ошибались они, когда боялись ея».

Эйнаръ не разсказываетъ однако, какія именно сѣти были разставляемы г-жѣ Крюднеръ. Напротивъ того, все, что она дѣлала въ это время, вполнѣ было дѣломъ ея собственныхъ вкусовъ и доброй воли.

Выѣхавши въ концѣ октября изъ Парижа, г-жа Крюднеръ отправилась въ Швейцарію, гдѣ у нея были старыя знакомства по «дѣламъ царства Божія» и теперь завязалось множество новыхъ. Въ Базелѣ ее познакомили съ успѣхами «возбужденныхъ», о которыхъ намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ [1]), успѣхами, пріобрѣтенными проповѣдью Booза, Линдля и Госнера; она примкнула къ библейской дѣятельности въ Базелѣ, въ которой усерднымъ пропагандистомъ былъ нѣкто Келльнеръ, ставшій теперь ближайшимъ сотрудникомъ и спутникомъ г-жи Крюднеръ; здѣсь же, по стараніямъ ея и ея друзей основалось «общество религіозныхъ трактатовъ» (такія общества устроивались обыкновенно рядомъ съ библейскими). Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась ревностная проповѣдь новой религіи. Въ это время сынъ г-жи Крюднеръ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при швейцарской республикѣ; г-жа Крюднеръ провела нѣсколько времени въ Бернѣ, но когда проповѣди ея самой и ея друзей стали привлекать къ ней многолюдныя сборища, бернское правительство, по внушеніямъ австрійскаго кабинета, находившаго ея пропаганду опасной, попросило ее удалиться изъ города.

Въ это вторичное пребываніе въ Базелѣ, успѣхъ проповѣди, по словамъ біографа, былъ чрезвычайный. На моленія, совершавшіяся у г-жи Крюднеръ, собирались такія многочисленныя толпы, что это стало возбуждать неудовольствія и опасенія; духовенство возставало противъ непризванныхъ пророковъ, и полиція нашла наконецъ нужнымъ вмѣшаться. Г-жа Крюднеръ и ея спутники закрывались паспортомъ отъ императора Александра, но тѣмъ не менѣе отъ нея потребовали, чтобы она оставила городъ. Она затруднялась было разными неудобными обстоятельствами, но эти затрудненія были устранены—по мнѣнію г-жи Крюднеръ и ея біографа—непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія: ей нечѣмъ было расплатиться въ отелѣ, но «cher Sauveur» послалъ къ ней человѣка, который далъ ей взаймы тысячу экю; ей нужно было выѣхать куда-нибудь изъ города—и къ ней явился одинъ подгородный житель съ предложеніемъ

[1]) «Р. Библ. Общество», В. Евр. 1868.

своего домика. Въ этомъ домикѣ, въ Гёрнлейнѣ близъ Базеля, она и поселилась.

Въ самомъ обществѣ г-жа Крюднеръ производила двоякое дѣйствіе. Въ то возбужденное время, при энтузіастическомъ жарѣ проповѣдниковъ понятно, что ея кружокъ находилъ себѣ не мало послѣдователей и въ образованной части общества,— хотя главнымъ образомъ увлекалась болѣе простодушная масса; въ средѣ духовенства находились люди, признававшіе за ней достоинства христіанской любви и искренняго благочестиваго увлеченія, — въ обществѣ также находились прозелиты. Біографъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ объ обращеніи нѣкоего Лашеналя, профессора философіи въ Базелѣ: — «вся его философія исчезла какъ утренній туманъ передъ простотой Евангелія», которую проповѣдовалъ одинъ изъ друзей г-жи Крюднеръ. Лашеналь оставилъ свою каѳедру и сдѣлался ея послѣдователемъ. Но съ другой стороны г-жа Крюднеръ возбуждала и сильную вражду. Газеты начали заниматься ею и судили ее весьма неблагосклонно; одинъ корреспондентъ изъ Базеля описывалъ ея общество какъ секту конвульсіонеровъ; ее изображали въ каррикатурахъ,—на одной изъ этихъ каррикатуръ она была изображена стоящею на бочкѣ и окруженною служанками, къ которымъ она обращаетъ слѣдующія утѣшительныя слова: «придетъ время, когда господа сами будутъ мыть зелень и ходить за водой, и когда всѣ служанки будутъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ». Выраженіе радости у этихъ бѣдныхъ служанокъ схвачено хорошо, — замѣчаетъ біографъ; но вѣроятно не совсѣмъ дурно схвачена была и сущность проповѣдей г-жи Крюднеръ.

Въ это время, въ концѣ 1815 или началѣ 1816, случилось одно обстоятельство, которое вѣроятно было причиной окончательнаго охлажденія императора къ г-жѣ Крюднеръ. Въ этомъ обстоятельствѣ играетъ роль все тотъ же Фонтэнь, относительно котораго императоръ самъ уже остерегалъ г-жу Крюднеръ. Біографъ не разсказываетъ факта, желаетъ даже обойти его, и розыскивать его не особенно важно, — но дѣло только въ томъ, что этотъ пастырь, къ которому г-жа Крюднеръ питала такую дружбу, довелъ свои подвиги до крайней наглости: полиція предупредила послѣдній скандалъ: виртембергское правительство произвело слѣдствіе и изгнало Фонтэня изъ страны, и секвестровало имѣнье Раппенгофъ, купленное въ прежнія времена для него г-жею Крюднеръ.

Разсказывая послѣдствія этой исторіи, біографъ старается сколько можно охранить интересы своей героини, — но, какъ увидимъ, это было довольно мудрено.

«Русскаго императора не замедлили извѣстить о дурномъ поведеніи этого протеже г-жи Крюднеръ,—говоритъ онъ,—ему дѣлали даже упреки за оказанное ей покровительство. Александръ не могъ ни на минуту смѣшать ее съ этимъ негодяемъ; но г-жа Крюднеръ, запутанная *связями, которыми Фонтэнъ умѣлъ окружить ее, не могла протестовать противъ его поведенія* со всей энергіей своего негодованія. Быть можетъ, она даже не сдѣлала бы этого, еслибъ и могла, чтобъ не отягощать человѣка, на котораго уже легла рука правосудія.

«Александръ доводилъ свою осмотрительность до крайности; ему было очень непріятно, что онъ могъ быть хоть на минуту компрометтированъ, даже косвенно, дурнымъ поведеніемъ человѣка, имя котораго, нѣкоторымъ образомъ, соединялось съ именемъ г-жи Крюднеръ. Язвительныя донесенія, съ намѣреніемъ сдѣланныя ему объ этомъ, *не охладивъ* его сердца, заставили его закрыть (renfermer) изъявленія своего довѣрія. Это было новое страданіе, прибавившееся (?) къ другимъ заботамъ, какія причиняла ему отвѣтственность его какъ государя и какъ христіанина.

«Г-жа Крюднеръ увидѣла, что ея Раппенгофское имѣнье было конфисковано для уплаты долговъ Фонтэня. Къ матеріальнымъ затрудненіямъ, испытаннымъ ею вслѣдствіе этого, прибавилась другая печаль—чувствовать, что покровительство и расположеніе императора должны скрываться» (sentir la faveur et l'affection de l'Empereur se voiler), и проч.

Едва ли однако таковъ былъ взглядъ императора Александра. Изъ приведеннаго выше замѣчанія его (въ письмѣ кн. Мещерской), достовѣрность котораго едва ли сомнительна, надобно заключать, что императоръ не то что сталъ скрывать свою привязанность къ г-жѣ Крюднеръ, а просто потерялъ эту привязанность. Если онъ сохранилъ впослѣдствіи нѣкоторую мягкость въ своихъ дѣйствіяхъ относительно ея, это была весьма понятная деликатность, за которой вѣроятно не скрывалось никакого особеннаго сочувствія. Дальнѣйшая исторія ея также мало должна была нравиться Александру.

Съ удаленіемъ изъ Базеля, для г-жи Крюднеръ начинается странный періодъ ея жизни и дѣятельности, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Это періодъ ея особенной экзальтаціи, когда она выступила съ проповѣдью своего ученія передъ народными массами и практически примѣняла свою религію. Обстоятельства сдѣлали ея дѣятельность очень шумной, и съ одной стороны дали ей огромную популярность въ народѣ, съ другой возбуждали противъ нея вражду и преслѣдованія.

Поселившись въ Гёрнлейнѣ, находившемся на баденской землѣ, г-жа Крюднеръ вскорѣ стала привлекать къ себѣ цѣлыя толпы. Годъ былъ неурожайный, на многихъ фабрикахъ остановились работы, и страна наполнена была множествомъ безпріютнаго народа, который бродилъ отыскивая работы или помощи. Г-жа Крюднеръ ревностно предалась филантропическимъ заботамъ объ этихъ бѣднякахъ, помогала и вмѣстѣ проповѣдовала имъ, многимъ давала пріютъ въ своемъ домѣ и т. д. Достаточно конечно было сдѣлать это разъ, чтобы стеченіе бѣдняковъ еще усилилось. Такъ это дѣйствительно и случилось. Наконецъ, ихъ приходило столько, что г-жа Крюднеръ проповѣдовала имъ на открытомъ воздухѣ. Эти собранія стали возбуждать неудовольствіе баденскаго правительства.

Другой кружокъ приверженцевъ г-жи Крюднеръ дѣйствовалъ такимъ же образомъ въ мѣстечкѣ Унтергольцѣ, въ базельскомъ кантонѣ, гдѣ было имѣнье Лашеналя: человѣкъ достаточный, онъ употреблялъ свои средства на эти благотворительныя цѣли. Здѣсь также собирались толпы бѣдняковъ, которымъ раздавали пищу, одежду, многимъ давали пріютъ и медицинскую помощь. Наконецъ, въ Гёрнлейнѣ, къ дому г-жи Крюднеръ приставили стражу, которая должна была не допускать стеченія народа; біографъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями обращала и самихъ жандармовъ, такъ что къ ней послали наконецъ такого жандарма, относительно котораго надѣялись, что на него никакая проповѣдь не подѣйствуетъ. Въ этой осадѣ г-жа Крюднеръ продолжала однако свою дѣятельность, и посѣщала также Унтергольцъ, гдѣ трудилась съ своими тамошними друзьями. Но филантропія и проповѣди г-жи Крюднеръ, собиравшія большую массу бѣдняковъ, вызывали въ другой части населенія и весьма враждебныя чувства: однажды толпа напала на домъ Лашеналя въ Унтергольцѣ, и только счастливая случайность избавила г-жу Крюднеръ отъ большихъ оскорбленій.

Имя ея между тѣмъ разносилось по всему краю. Изъ Гёрнлейна она сдѣлала однажды экскурсію въ кантонъ Аарау, куда ее звали ея друзья, и здѣсь она пріобрѣла опять множество приверженцевъ и между прочимъ обращала Песталоцци. Она стала настоящей достопримѣчательностью Швейцаріи; ее посѣщали путешественники англійскіе, французскіе, нѣмецкіе; ее посѣтилъ также извѣстный въ свое время квакеръ Вильямъ Алленъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ императоръ Александръ.

Въ февралѣ 1817 г., дѣятельнѣйшій сотрудникъ г-жи Крюд-

неръ, Эмпейтазъ, и еще нѣсколько другихъ спутниковъ ея, находившихся съ нею въ Унтергольцѣ, подверглись формальному изгнанію изъ базельскаго кантона. Сама г-жа Крюднеръ съ другими своими приверженцами была поставлена подъ самый внимательный надзоръ полиціи. Въ это время она сочла нужнымъ оправдать свои дѣйствія, которыя подвергались сильному порицанію въ газетахъ и въ самой оффиціальной сферѣ. Она адресовала такое оправданіе къ баденскому министру внутреннихъ дѣлъ,—это былъ Беркгеймъ, братъ ея зятя Беркгейма, который и теперь оставался ея постояннымъ сотрудникомъ.

Біографъ даетъ большое значеніе этой апологіи, и думаетъ, что она вполнѣ уничтожаетъ всѣ аргументы, обвинявшіе тогда г-жу Крюднеръ; онъ видитъ въ ней замѣчательную защиту дѣла христіанской любви и религіозной свободы, и вмѣстѣ историческое оправданіе самой г-жи Крюднеръ.

Оправданіе г-жи Крюднеръ сводится къ тому, что она исполняетъ прямыя повелѣнія божественной любви и не думала, чтобы накормить голоднаго могло быть запрещаемо въ христіанской странѣ. Ее упрекали, что она поощряетъ праздность и удаляетъ людей отъ ихъ прямыхъ духовныхъ наставниковъ; первое она отвергаетъ, представляя картину бѣдствій голодающаго населенія, лишеннаго работы, — она помогала бѣднымъ, потому что этого требуетъ христіанская любовь и притомъ она знала, что въ подобныхъ случаяхъ правительство никогда не можетъ оказать всей нужной помощи; о второмъ говоритъ, что не можетъ отказывать въ утѣшеніи тѣмъ, кто приходитъ къ ней искать его. Ее упрекали, что она не повинуется распоряженіямъ властей; она заявляетъ, что она никогда не сопротивляется властямъ, «насколько ихъ мѣры не противорѣчили тѣмъ повелѣніямъ, которыя она должна уважать еще больше и за которыя должна быть готова отдать свою жизнь, потому что онѣ исходятъ отъ Бога». Рядомъ съ этимъ, г-жа Крюднеръ проповѣдовала министру внутреннихъ дѣлъ о «единомъ на потребу», объясняла ему ничтожество земныхъ благъ и необходимость думать только о спасеніи души, и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ она заявляла о великой миссіи, данной ей Богомъ, и объ основаніи новой церкви, предвѣщала великія бѣдствія, которыя падутъ на Европу, и близкое пришествіе страшнаго суда.

Письмо по всей вѣроятности мало удовлетворило баденскаго министра. Біографъ считаетъ дѣятельность г-жи Крюднеръ чисто-христіанскимъ подвигомъ, на который нападали люди, закоснѣлые въ невѣріи, и правительство, грубой силой останавливавшее порывы христіанскаго энтузіазма, потому что они нару-

шали рутину его безсердечія. Біографъ находитъ вообще, что г-жа Крюднеръ возбуждала ненависть къ себѣ тѣмъ, что «переходила мѣру христіанства, допускаемую свѣтомъ».

Кто же былъ здѣсь правъ? Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Крюднеръ дѣйствительно выказала въ своей дѣятельности въ Швейцаріи и Баденѣ много самоотверженнаго человѣколюбія, которое приноситъ ей большую честь, — въ данную минуту она облегчила много страданій, утѣшила много несчастныхъ, и можетъ быть дѣйствительно внушила даже многимъ людямъ образованнаго класса хотя односторонно-религіозные принципы, на мѣсто полнаго отсутствія всякихъ нравственныхъ принциповъ. Но затѣмъ и самый характеръ г-жи Крюднеръ и способъ ея дѣйствій способны были вызвать не одно только осужденіе, исходящее отъ безсердечія. Личный характеръ легко могъ возбуждать антипатію своими вызывающими свойствами: не могли же административныя и полицейскія власти думать, что передъ ними дѣйствительно находится непосредственная божія посланница, за какую она себя считала и выдавала; нельзя было людямъ разсудительнымъ принимать серьёзно ея пророчества о близости второго пришествія и страшнаго суда, и ея новоизобрѣтенную религію. Вѣроятно, въ Швейцаріи нашлось бы достаточно религіозной свободы и для этой религіи, если бы она выражалась въ болѣе скромныхъ формахъ, и не выходила на площадь, гдѣ и сталкивалась (зная о томъ напередъ) съ противной партіей и съ властями. Эти послѣднія не могли не защищать своихъ правъ, и защищали ихъ конечно свойственными имъ пріемами. Ея заботы о бѣдствующихъ и обращенія къ народнымъ массамъ способны были возбуждать довольно серьёзныя опасенія. Г-жа Крюднеръ при каждомъ удобномъ случаѣ обращалась къ массамъ, читала назиданія молодымъ поколѣніямъ, охотно вступала въ собранія, принимавшія видъ демонстрацій, и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что весь характеръ ея природы заставляетъ предполагать при этомъ желаніе выставляться и рисоваться: при всѣхъ самоуничиженіяхъ, съ какими она любила о себѣ говорить, она не забываетъ выставлять себя божіей посланницей, устроительницей «небесныхъ дѣлъ», словомъ, не отличается христіанской скромностью; самое «преслѣдованіе», — состоявшее въ сущности въ скучныхъ конечно, но очень безопасныхъ полицейскихъ попеченіяхъ, вѣроятно нравилось ей, — она имѣла поводъ употреблять это слово, напоминающее столько подвиговъ въ исторіи христіанскихъ проповѣдниковъ. Повидимому, ея проповѣди къ бѣднымъ затрогивали также и вопросъ о собственности — что̀ могло вооружать на нее кромѣ поли-

ціи и мѣстныхъ жителей. Своихъ приверженцевъ она уже выдѣляла въ особую церковь, и грозя, въ самомъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что Господь заставитъ трепетать гордыхъ, она изображаетъ свое «стадо» какъ вѣрныхъ служителей Господа, для которыхъ—предполагается—и будетъ основано новое царство. Эта проповѣдь о наступающихъ послѣднихъ временахъ, обращаемая прямо къ самой неразвитой массѣ народа, естественно могла показаться небезопасной. Эйнаръ и почитатели Крюднеръ думаютъ, что она только излагала христіанскій принципъ. На дѣлѣ она только затрогивала больную сторону общества, не имѣя никакого яснаго представленія о томъ, гдѣ находятся средства изцѣленія. Она обманывала бѣдняковъ, предвѣщая имъ новое царство, и если она дѣйствительно выказывала въ своей швейцарской проповѣди и настоящее человѣколюбіе, цѣна его сильно уменьшается сумасброднымъ и безсодержательнымъ азартомъ. Далѣе, способъ дѣйствій г-жи Крюднеръ могъ внушать справедливое недовѣріе и потому, что она обнаруживала очень мало благоразумія въ выборѣ своихъ друзей и святыхъ: похожденія Фонтэня и Маріи Куммринъ бросались въ глаза всѣмъ сколько-нибудь разсудительнымъ людямъ.

Это послѣднее стояло вопіющимъ контрастомъ противъ ея притязаній [1]), и ея безграничная самоувѣренность, при такомъ отсутствіи *человѣческаго* благоразумія, должна была окончательно опредѣлить ея репутацію. Ее стали считать очень безпокойной дамой, отъ которой желательно какъ можно скорѣе отдѣлаться.

Въ концѣ письма къ Беркгейму она намекала, что герцогство баденское должно быть ниспровергнуто, если станетъ ее преслѣдовать: «То, что я сказала, относится ко всѣмъ правительствамъ. Это древняя борьба мрака со свѣтомъ. И государи и чиновники — только слуги этой власти, если только не считаютъ I. X., живаго Бога, своимъ царемъ и Искупителемъ, его евангелія—своимъ завѣтомъ, и его жизни—образцомъ. Онъ одинъ отворяетъ двери неба и затворяетъ двери ада. Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ. Скоро раздастся шумъ ихъ паденія!»

Г-жа Крюднеръ все больше и больше вдавалась въ рели-

---

[1]) Вотъ для образчика отрывокъ изъ ея посланія къ Беркгейму: «Я возвѣстила по приказанію Господа великія бѣдствія, которыя скоро распространятся на всю Европу. *Тысячи свидѣтелей* скажутъ вамъ, что я возвѣстила ихъ во многихъ странахъ, и что предсказаніе оправдалось бѣдствіемъ. Послѣ сказаннаго, я полагаю, вы не усумнитесь, что живя въ вашей странѣ я не имѣла никакого *человѣческаго* плана, никакой *человѣческой* цѣли»!!

тіозную фантастику. Она сблизилась съ религіознымъ движеніемъ «возрожденныхъ» баварскихъ и рейнскихъ, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ объ его представителяхъ [1]). Съ другой стороны она изучала мистическую литературу (въ Люцернѣ въ проповѣди къ студентамъ теологіи она подробно говорила о Таулерѣ), которая должна была произвести на нее свое обычное дѣйствіе. Прежніе задатки ея мечтательности развились до необычайной степени, странной или даже просто смѣшной. Убѣжденная, что Господь прямо открываетъ ей будущее, она была вообще убѣждена, что жизнь ея устраивается по непосредственному вожденію Промысла, который заботится даже о всѣхъ мелочахъ ея житейской практики: онъ приводитъ къ ней людей, съ которыми она знакомится; онъ говоритъ ей, когда и куда ей надо ѣхать; онъ указываетъ ей, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Жизнь идетъ среди постоянныхъ видѣній, чудесъ и откровеній. «Мы не кончили бы, — пишетъ она къ одному духовному другу, — если бы захотѣли разсказывать множество видѣній и чудесъ, которыя стали очевидны, и изъ которыхъ многія не могли быть публикованы по недостатку времени или по невниманію. Многія изъ этихъ видѣній относились къ моей миссіи и ко временамъ, въ которыя мы имѣемъ счастіе жить», и проч. Господь бралъ наконецъ заботу и о денежныхъ дѣлахъ г-жи Крюднеръ. Въ своихъ письмахъ она много разъ упоминаетъ объ этомъ и любитъ разсказывать, что она не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, что тратитъ все, что есть, не заботясь о томъ, что на другой день въ домѣ не будетъ на что сдѣлать обѣда. Напр. въ Парижѣ, по отъѣздѣ императора Александра, «Господь открылъ» имъ, что они должны остаться тамъ нѣсколько времени; вскорѣ оказалось, что у нихъ не было вовсе денегъ. «Завтра я не буду готовить обѣда», доложила кухарка. «Ну, такъ мы не будемъ завтра обѣдать», сказалъ Эмпейтазъ. Но Господь позаботился о нихъ; на другой день пріѣхалъ банкиръ изъ Карлсруэ и привезъ г-жѣ Крюднеръ пять тысячъ франковъ. «Мы всегда такъ дѣлаемъ», замѣчаетъ г-жа Крюднеръ. Въ крайнемъ случаѣ г-жа Крюднеръ обратится къ Господу, и непремѣнно является банкиръ, или услужливый за-

---

[1]) Напр. «Я охотно поговорила бы съ профессоромъ Зейлеромъ, когда онъ проѣзжалъ здѣсь, но Господь все управитъ по своей волѣ, когда будетъ время. Я полагаю, что *это свиданіе было бы важно* (!). Великій и любезный другъ Боозъ очаровалъ меня. Преслѣдованія — печать его ученія, основаннаго на истинѣ, и доказательство его христіанизма. Скоро онъ будетъ поставленъ въ широкій кругъ дѣятельности. Господь, въ своемъ милосердіи, нѣсколько времени назадъ *ясно открылъ* мнѣ это. Будьте спокойны на его счетъ» etc. (!!).

имодавецъ, предлагающій деньги. Г-жа Крюднеръ не принимала только въ соображеніе, что кромѣ Промысла ей помогали лифляндскія помѣстья, изъ которыхъ банкиру присылали для нея деньги.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться подробно на дальнѣйшихъ похожденіяхъ г-жи Крюднеръ, и мы отмѣтимъ нѣкоторыя частности для біографической связи.

Въ началѣ 1817 года, г-жа Крюднеръ получила приказаніе выѣхать изъ базельскаго кантона; въ тоже время она должна была избѣгать и баденской полиціи; ея друзья подверглись аресту и должны были покинуть Гёрнлейнъ. На нѣкоторое время она такимъ образомъ была разлучена съ Эмпейтазомъ и Беркгеймомъ. Первый изъ нихъ озабочивался при этомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г-жа Крюднеръ осталась безъ поддержки подъ вліяніемъ находившагося при ней Келльнера, крайняго мистика. «Съ тѣхъ поръ — разсказываетъ біографъ въ своемъ изысканно-піэтистическомъ стилѣ — какъ она увидѣла божію десницу въ столь чудесномъ исполненіи ея молитвъ, она неутомимо созерцала, зрѣніемъ вѣры, обширные горизонты того невидимаго міра, съ которымъ она была въ сношеніяхъ: она имѣла сильную наклонность къ разсказамъ о снахъ, видѣніяхъ и предчувствіяхъ, какіе передавали ей люди всякаго рода. Келльнеръ не только не умѣрялъ ее въ этихъ влеченіяхъ, но кажется поощрялъ ее еще больше. Его воображеніе безъ устали искало въ этихъ откровеніяхъ мистическаго смысла, часто весьма назидательнаго и поучительнаго, не замѣчая, что г-жа Крюднеръ, истощенная постомъ и жившая въ состояніи постояннаго возбужденія — результата всякаго рода утомленій, выносимыхъ ею такъ долго — всего больше нуждалась въ тишинѣ и спокойствіи. Келльнеръ принялъ ученія Якова Бёма и питался его мечтаніями. Къ несчастію, онъ присоединялъ къ этому великое удивленіе къ г-жѣ Крюднеръ, и въ своихъ видѣніяхъ всегда приписывалъ ей важную роль, и такимъ образомъ приводилъ ее къ тому, что она, сама того не желая, слишкомъ занята была сама собой, подъ предлогомъ того, что обращала свой взглядъ на будущее».

Въ это же время Келльнеръ издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Къ бѣднымъ», которая способна была оправдать опасенія властей. Разсказавши о концѣ ихъ миссіи, прекращенной силою, Келльнеръ увѣщевалъ бѣдныхъ къ исправленію, указывалъ имъ божію казнь въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя постигали ихъ и ихъ страну; указывалъ притѣсненія, которымъ они подвергаются въ своей родинѣ, гдѣ «законы человѣческіе противны

законамъ божественнымъ», и наконецъ извѣщалъ ихъ, что «Господь, вашъ Богъ, приготовилъ уже вамъ новое отечество, выбравши для этого человѣка, который долженъ вести божій народъ во имя Господа». Онъ убѣждалъ ихъ эмигрировать.

Біографъ извиняетъ воззваніе Келльнера тѣмъ, что ему было извѣстно, что императоръ Александръ открывалъ въ южной Россіи край для колонизаціи нѣмецкой и швейцарской. Но брошюра была не въ этомъ одномъ, и филиппики противъ «человѣческихъ законовъ» имѣли не одинъ религіозно-аскетическій смыслъ. Черезъ нѣсколько дней затѣмъ Келльнеръ издалъ «Газету бѣдныхъ», которую бѣдные получали даромъ и которая была написана въ томъ же смыслѣ; единственный появившійся нумеръ вышелъ въ маѣ 1817 года.

Біографъ умалчиваетъ о томъ, въ какомъ отношеніи стояла г-жа Крюднеръ къ этимъ публикаціямъ, но отношеніе было вѣроятно самое близкое. Въ то время ихъ даже прямо приписывали г-жѣ Крюднеръ, и газеты съ ожесточеніемъ напали на нее: самъ Бональдъ, авторитетъ мистическаго ультрамонтанства, написалъ противъ г-жи Крюднеръ язвительную статью, на которую отвѣчалъ въ ея защиту Бенжаменъ Констанъ.

Еще въ апрѣлѣ, г-жа Крюднеръ также получила приказаніе оставить Гёрнлейнъ, куда она явилась изъ Унтергольца. Начались ея скитанія съ одного мѣста на другое: толпы бѣдныхъ тотчасъ собирались вокругъ нея при ея появленіи, и ее приглашали удалиться; въ новомъ мѣстѣ тоже самое. Такъ удаляли ее изъ Вармбаха, изъ Рейнфельда, Мунгца, изъ кантона Аарау, Золотурна. Въ Люцернѣ приняли ее весьма благосклонно, газеты называли ее «звѣздой нашей эпохи», восхваляли ея благочестіе, — хотя находили страннымъ составъ ея свиты. Духовенство здѣсь отнеслось къ ней съ сочувствіемъ, профессора семинаріи явились къ ней съ своими воспитанниками, и г-жа Крюднеръ, повсюду говорившая рѣчи, произнесла и имъ длинную аллокуцію. Она изложила здѣсь свои мысли о свойствахъ истиннаго служителя алтаря: она возставала противъ обычныхъ формъ, въ какихъ существовала духовная профессія, утверждала, что священникомъ можетъ быть только тотъ, кого удостоитъ выбрать самъ Богъ, кого онъ самъ воспитаетъ въ школѣ страданій, — это была конечно и защита ея собственнаго проповѣдничества, которымъ занималась также чуть не вся ея свита, состоявшая вовсе не изъ священниковъ. Это назначеніе свыше — о которомъ она говорила — должно было быть болѣе или менѣе сверхъестественное, какимъ она считала и свое собственное. По словамъ ея — «священникъ *безъ чудесъ* не есть вовсе

священникъ, призванный Богомъ; какъ и вѣра *безъ чудесъ* перестаетъ быть христіанской вѣрой».

Въ ея разговорахъ появлялся непосредственно и Священный Союзъ. Она говорила, что ея миссія заключается въ томъ, чтобы поселить въ сердцахъ братскій духъ Священнаго Союза и указать тѣмъ, кто его отвергаетъ, какія ждутъ ихъ за это страшныя осужденія.

Ея религія сводилась въ это время къ слѣдующимъ главнымъ чертамъ. Она проповѣдывала соединеніе христіанъ въ одну великую семью, связуемую поклоненіемъ Христу. Она не причисляла себя ни къ какой существующей церкви. Истинная церковь, по ея словамъ, была церковь первыхъ двухъ вѣковъ; съ третьяго вѣка эта церковь перестала существовать. Начало реформы, напр., усилія Гуса стремились именно къ возстановленію этой церкви (это замѣчаніе почти вполнѣ вѣрно); но г-жа Крюднеръ тѣмъ не менѣе возставала противъ протестантства, какъ «хитраго дѣла сатаны», который внушилъ людямъ слишкомъ большую самоувѣренность и гордость дѣлами (вмѣсто одной слѣпой вѣры и полнаго самоуничиженія, какихъ требовала она). Въ наше время, это оставленіе истинной вѣры дошло до своего крайняго предѣла; необходимо должна воспослѣдовать страшная битва невѣрія (протестантство она въ концѣ концовъ также причисляла къ этому невѣрію) противъ вѣры. Все возвѣщаетъ объ этой битвѣ, и современники ея еще должны были быть свидѣтелями битвы. Французская революція была предисловіемъ къ ней....

Но и въ Люцернѣ дѣло кончилось неблагополучно. Люцернская газета, восхваляя г-жу Крюднеръ, превознесла ее насчетъ духовенства, которое сочло себя оскорбленнымъ и потребовало вмѣшательства полиціи. Такъ говоритъ біографъ, но вѣроятно это былъ не единственный поводъ. Такъ или иначе, полиція окружила ночью домъ, гдѣ жила г-жа Крюднеръ, и отвезла ее съ ея спутниками на границу кантона. Ей предложили выбирать дорогу на Базель или на Цюрихъ; она выбрала послѣднюю.

Здѣсь, съ половины 1817 г., начинается послѣдній актъ ея печальныхъ и вмѣстѣ странныхъ скитаній по Швейцаріи. Ея филантропія и пророческая репутація приводили къ ней множество голодныхъ бѣдняковъ и любопытныхъ: она раздавала пищу, проповѣдовала, а полиція торопилась сбыть ее съ рукъ, и наконецъ не выпускала уже ея изъ виду и жандармы стали вездѣ ея провожатыми, сдавая ее на руки одни другимъ.

Ее выслали изъ Цюриха; она прожила нѣсколько времени въ окрестностяхъ; отправившись далѣе, она была выслана изъ

Тургау; въ Констанцѣ ее уже ожидалъ приказъ удалиться изъ города, ее не пускали въ Шафгаузенъ, Сентъ-Галленъ, и т. д. Этотъ край Швейцаріи, кажется, въ особенности былъ переполненъ жертвами голода, и г-жа Крюднеръ дѣйствительно съ упорной энергіей отдавалась своимъ филантропическимъ заботамъ, несмотря на всѣ придирки полиціи. Помощь ея, конечно, дѣйствовала не долго, но во всякомъ случаѣ эта сторона ея дѣятельности есть единственное, что можетъ примирять съ ея страннымъ проповѣдничествомъ.

Весь августъ 1817 г. прошелъ въ безпрестанныхъ переѣздахъ ея съ мѣста на мѣсто, потому что нигдѣ ей не позволяли оставаться долго, и жандармерія отправляла ее назадъ въ тѣ мѣста, откуда ее только-что высылали. Она попала, наконецъ, въ Рейнекъ, на южномъ краю Констанцскаго озера, на австрійскую границу; но австрійская полиція, которой ее выдавали, отказалась пустить ее въ австрійскія владѣнія, и г-жѣ Крюднеръ пришлось вновь скитаться по сѣверной Швейцаріи, иногда разлучаясь съ своими спутниками. Въ началѣ сентября она попала въ Вальдсгутъ, откуда, наконецъ, выѣхала въ баденскія владѣнія. Въ это время ей пришлось разстаться съ Лашеналемъ, который до сихъ поръ сопутствовалъ ей и дѣлилъ съ ней заботы о голодающихъ. По требованію базельскихъ властей онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Базель; черезъ нѣсколько дней родственники г-жи Лашеналь вытребовали и ее: они распространили слухъ, что мужъ и жена, оба сумасшедшіе.

Изъ Вальдсгута г-жа Крюднеръ перевезена была жандармами черезъ Кольмаръ и Ней-Бризахъ въ Фрейбургъ (in Breisgau), гдѣ она могла остановиться на нѣсколько дней и должна была ждать рѣшенія своей судьбы. Великій герцогъ баденскій отдалъ приказъ, разлучавшій ее съ ея спутниками: только дочь ея, г-жа Беркгеймъ, и Келльнеръ получили разрѣшеніе отправиться съ ней въ Россію; другіе должны были возвратиться на родину. Эмпейтаза звали въ Женеву его друзья; ему было также предложено— какъ говоритъ біографъ — со стороны императора Александра, мѣсто проповѣдника въ Петербургѣ, но опасенія русскаго климата и приглашенія друзей заставили его предпочесть Женеву. Онъ поступилъ конечно благоразумно. Около этого же времени приглашались въ Петербургъ Линдль и Госнеръ; ни тотъ, ни другой не могли остаться въ Россіи. Тоже грозило и ему.

Баденская полиція передала г-жу Крюднеръ виртембергской, эта—баварской, баварская—саксонской. Въ Веймарѣ она встрѣтилась съ г-жей Стурдзой; въ Саксоніи ей разрѣшено было остановиться на нѣсколько дней въ Ней-Дитендорфѣ, и наконецъ въ

Лейпцигѣ. Ей нуженъ былъ отдыхъ, потому что здоровье ея пострадало отъ утомленія и треволненій путешествія. Тѣмъ не менѣе она принимала много посѣтителей: полиція держала ее какъ бы подъ домашнимъ арестомъ и допускала къ ней только тѣхъ, кто имѣлъ особенное разрѣшеніе начальства.

Между тѣмъ начинали появляться недоумѣнія о причинѣ такихъ строгостей, и Гёрресъ, извѣстный мистикъ, взялъ ее подъ свою защиту. Въ Лейпцигѣ между прочимъ посѣтилъ ее ученый профессоръ Кругъ; онъ написалъ небольшое сочиненіе о Священномъ Союзѣ и желалъ увидѣть и сколько возможно изучить личность, которая имѣла къ этому союзу столь близкое отношеніе. Книжка Круга относилась къ г-жѣ Крюднеръ какъ холодное наблюденіе; упомянутый выше Паризо замѣчаетъ, что «эта брошюра навсегда уничтожила очарованіе, окружавшее сѣверную волшебницу», — для Эйнара этого было довольно, чтобы отнимать всякій авторитетъ у книжки Круга. Мы не имѣли ея въ рукахъ, но думаемъ, что вѣроятно въ ней было больше правды, чѣмъ желаетъ доказать Эйнаръ. Впрочемъ, мы упомянемъ дальше о другомъ подобномъ сочиненіи, которое даетъ намъ образчикъ мнѣній о г-жѣ Крюднеръ въ разсудительной части тогдашняго общества.

Въ Германіи, по словамъ біографа, г-жа Крюднеръ была поражена тѣми ложными представленіями, которыя были составлены на ея счетъ, и въ своихъ рѣчахъ, какія она все еще держала нерѣдко къ своимъ посѣтителямъ, она старалась защитить свои дѣйствія. Мы не будемъ приводить цитатъ, потому что намъ уже знакомы темы ея рѣчей и ея собственныя представленія о себѣ самой. Въ этихъ апологіяхъ она продолжаетъ выставлять себя все той же привилегированной истолковательницей божіей воли: она попрежнему говоритъ о своихъ чудесахъ, какія дѣлала и какія съ ней дѣлались, предсказываетъ будущее и т. д.

Она желала провести зиму въ Дессау, но вмѣсто того повезли ее на Эйленбургъ, Бесковъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Нейенбургъ. Въ Пруссіи ей давали вообще больше свободы, она опять имѣла многочисленныя собранія, говорила рѣчи, между прочимъ къ солдатамъ и офицерамъ и т. д.

Наконецъ она переступила русскую границу.

VII.

Въ Россіи. — 1818—1824.

Путешествіе въ Россію было невольное для г-жи Крюднеръ, но не должно было представлять для нея и особенной тягости. Она была до сихъ поръ преисполнена самыми восторженными чувствами къ императору Александру, который казался ей провозвѣстникомъ той новой жизни человѣчества, какую она сама проповѣдовала. Тѣмъ не менѣе въ Россіи дѣятельность ея въ прежнемъ смыслѣ прекратилась. Здѣсь она уже не держала открытыхъ собраній, не странствовала; она должна была ограничиться тѣснымъ кружкомъ друзей и знакомыхъ; ея уклоненія отъ обычаевъ русской жизни были останавливаемы категорически, хотя можетъ быть и въ мягкихъ формахъ.

Біографъ разсказываетъ, что въ Митавѣ полиція встрѣтила ее придирчиво и неблагосклонно. Келльнера удалили отъ нея, и многія лица изъ ея свиты получили приказаніе вернуться назадъ. Остзейскій генералъ-губернаторъ учредилъ за ней полицейскій надзоръ. Но это дѣлалось безъ вѣдома императора. По словамъ біографа, Александръ, узнавши объ этомъ, выразилъ сожалѣніе о такомъ способѣ дѣйствій; кн. Голицынъ написалъ успокоительное письмо къ г-жѣ Крюднеръ и потребовалъ возвращенія отосланныхъ ея спутниковъ.

Г-жа Крюднеръ поселилась въ Лифляндіи, сначала въ помѣстьѣ своего брата, и провела тамъ лѣто 1818 г. Братъ ея, Б. И. Фитингофъ, одинъ изъ директоровъ, а съ 1819 г. изъ вице-президентовъ петербургскаго библейскаго комитета, прожилъ съ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одномъ письмѣ 1818 г., г-жа Крюднеръ писала: «Мой братъ пріѣхалъ сюда уже три мѣсяца назадъ; это прекрасный человѣкъ, и его благочестіе истинное и дѣятельное: онъ посылаетъ въ самую Сибирь религіозные трактаты для заключенныхъ.... Однажды мы молились вмѣстѣ въ слезахъ и пламенными молитвами».

Потомъ она переѣхала въ свое имѣнье, Коссе, гдѣ къ ней присоединились нѣкоторые изъ ея прежнихъ сотрудниковъ. Здѣсь она оставалась, кажется, до 1821 г. Мы сказали, что у нея уже не было теперь такой обширной и шумной дѣятельности, но ея мистическое развитіе продолжалось и дошло здѣсь до своихъ крайнихъ предѣловъ. Для характеристики ея состоянія довольно привести нѣсколько подробностей.

Она продолжала оставаться въ пророческомъ настроеніи. Въ

1818 г. она писала: «Востокъ открывается; бѣдствія приближаются ко всей Европѣ, и къ этимъ странамъ также». По обыкновенію, она выбирала какой-нибудь будущій пунктъ времени, и примѣняла къ нему свои прорицанія. Прежде, это былъ 1815, потомъ 1816 г. («1816 sera bien remarquable»), теперь назначенъ былъ январь 1819 г. (въ который на дѣлѣ ничего особеннаго не произошло, къ чему бы можно было какъ-нибудь привязать сдѣланное пророчество). Потребность высказываться, которой она удовлетворяла прежде своими рѣчами, теперь удовлетворялась перепиской и—религіозной поэзіей. Г-жа Крюднеръ писала религіозные гимны крайне мистическаго характера, гдѣ нашли мѣсто и ея предвѣщанія, восторженныя изліянія и—какія-то угрозы.

«Когда я возвѣщала союзъ благодати, когда я обнародовала манифестъ царя царей, земныя узы тяготѣли на моихъ путяхъ, цари меня преслѣдовали, но вѣра моя осталась тверда.

«Я вѣрю твердо; кто можетъ еще остановить меня? Дайте мнѣ крестъ, *грозящій тронамъ*. Любовь покоряетъ земныя власти; и мой Спаситель со мной въ битвахъ».

Когда г-жа Крюднеръ была еще въ Германіи, ея зять, Беркгеймъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ онъ хлопоталъ объ устройствѣ переселенія швейцарцевъ въ южную Россію. Теперь онъ съ женой поѣхалъ въ Швейцарію по этому дѣлу, которое чрезвычайно занимало и г-жу Крюднеръ: она желала, чтобы это переселеніе имѣло въ себѣ «меньше человѣческаго», а больше небеснаго. Самъ Беркгеймъ пріобрѣлъ въ эту поѣздку новое усовершенствованіе въ этомъ послѣднемъ родѣ. Онъ и его жена, дочь г-жи Крюднеръ, завязали тѣсныя отношенія съ маркизомъ Лангаллери, который еще въ молодости обращенъ былъ, въ Лозаннѣ, знаменитымъ мистикомъ Дютуа-Мамбрини (онъ умеръ въ 1790-хъ годахъ), и послѣ него остался руководителемъ его учениковъ. Этотъ мистицизмъ имѣлъ католическій оттѣнокъ, по особенному поклоненію Богоматери, которое въ послѣдніе годы является и у г-жи Крюднеръ. Въ одно время съ этой живой традиціей Дютуа, въ русской мистической литературѣ появился переводъ его «Божественной философіи», сдѣланный Карнѣевымъ (1818). Лангаллери полнѣе посвятилъ Беркгейма и въ творенія г-жи Гюйонъ, вліяніе которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше обнаруживается въ кружкѣ г-жи Крюднеръ. Мы позволимъ себѣ по поводу г-жи Гюйонъ небольшое отступленіе.

Г-жа Гюйонъ, одинъ изъ авторитетовъ у крайнихъ мистиковъ, между прочимъ у русскихъ, знаменита какъ представительница такъ-называемаго квіетизма. Подъ этимъ именемъ разу-

мѣли, въ концѣ XVII-го столѣтія, тотъ разрядъ мистицизма, который, не удовлетворяясь церковными формами религіи (какъ это большей частью бывало въ мистическихъ сектахъ), представлялъ религію какъ полное самоотрицаніе и покой души, погружающейся въ Богѣ и живущей однимъ этимъ чувствомъ. Первымъ писателемъ, изложившимъ теоретическія основанія этого ученія, былъ испанецъ Михаилъ Молиносъ. Его «Духовный путеводитель» былъ осужденъ папой, самъ Молиносъ вынужденъ былъ отречься отъ своего ученія и заключенъ былъ въ монастырь; но квіетизмъ, опровергаемый іезуитами и не принимаемый также и янсенистами, сталъ, однако, находить много послѣдователей, между прочимъ и между нѣмецкими піэтистами (Франке и Арнольдъ перевели много сочиненій этого рода на нѣмецкій языкъ). Гораздо болѣе, чѣмъ самъ Молиносъ, были знамениты г-жа Гюйонъ и г-жа Буриньонъ, въ особенности первая, какъ ревностныя послѣдовательницы квіетизма, который они проповѣдовали въ своихъ сочиненіяхъ и вполнѣ примѣняли въ жизни. Знаменитымъ приверженцемъ г-жи Гюйонъ былъ архіепископъ камбрейскій, Фенелонъ, съ которымъ по этому случаю вступилъ въ споръ Боссюэтъ; онъ донесъ на Фенелона королю, который предоставилъ дѣло на рѣшеніе папѣ. Ученіе Фенелона было осуждено папой, который нашелъ въ немъ 23 положенія, если не прямо еретическія, то неодобрительныя. Фенелонъ подчинился папскому рѣшенію. Приводимъ здѣсь эти подробности, потому что этотъ споръ Фенелона и Боссюэта былъ вспомянутъ и въ нашемъ библейскомъ мистицизмѣ: въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, что однимъ изъ важныхъ обвиненій противъ книги Станевича, осужденной въ 1818 г., кн. Голицынъ поставилъ то, что Станевичъ нападалъ на Фенелона, и восхвалялъ Боссюэта [1]).

Въ одномъ изъ 68-ми положеній Молиноса, осужденныхъ папой, находится слѣдующій принципъ квіетизма: «Человѣкъ долженъ уничтожать свои силы; а душа уничтожается тѣмъ, что она остается безъ дѣйствія. И если душа достигнетъ до мистической смерти, то, возвратившись этимъ путемъ къ своей основной причинѣ, къ своему началу, къ Богу, она уже не можетъ болѣе хотѣть ничего иного, кромѣ того, чего хочетъ Богъ». Г-жа Гюйонъ именно проводила этотъ принципъ на практикѣ. Женщина не безъ таланта и остроумія, плодовитая писательница, она провела странную жизнь въ служеніи этому принципу. Съ дѣтства болѣзненная, она отличалась экзальтированной религіозностью, жила потомъ нѣсколько времени въ неудачномъ

---

[1]) Ср. В. Евр. 1868.

бракѣ, который опять возвратилъ ее къ мистическому настроенію; это настроеніе перешло мало-по-малу въ полный квіетизмъ, самоуничтоженіе, дошедшее, наконецъ, до невѣроятныхъ размѣровъ. Она всѣми силами стремилась къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ все земное и человѣческое, чтобы погружаться въ свой первоначальный источникъ, въ Бога; ее учили, что душа только тогда переходитъ въ Бога, когда освобождается отъ всего, что привязываетъ ее къ самой себѣ или къ другимъ созданіямъ. Она заставляла себя дѣлать все, что только можетъ быть противнаго тѣлесной природѣ человѣка, съ намѣреніемъ подвергала себя всякимъ лишеніямъ, принимала самую отвратительную пищу и т. д. Она налагала на себя всевозможныя аскетическія самоистязанія, которыя, наконецъ, доводили ее до экстазовъ, до «погруженія въ божественную любовь», близкаго къ безумію. Путемъ этого самоуничтоженія она достигла, наконецъ, мистическаго совершенства: она имѣла видѣнія, откровенія, мистическіе восторги, совершала чудеса. Во время одной болѣзни она узнала языкъ ангеловъ; въ одномъ откровеніи она видѣла себя той женщиной, облеченной въ солнце, стоящей ногами на лунѣ и увѣнчанной двѣнадцатью звѣздами, — о которой говоритъ Апокалипсисъ; ей было также открыто, что она произведетъ милліоны духовныхъ дѣтей, что дьяволъ будетъ преслѣдовать ихъ вмѣстѣ съ нею, но ничего не успѣетъ съ ними сдѣлать. Она и дѣйствительно подверглась преслѣдованіямъ; какъ опасная сумасшедшая, она была заключена въ монастырь, потомъ была освобождена и нѣсколько лѣтъ играла роль проповѣдницы и пророчицы, затѣмъ еще разъ была заключена въ Венсеннъ. Несмотря на всѣ удивительныя истязанія, какія она производила надъ собой, она достигла весьма преклонныхъ лѣтъ, и умерла въ 1717 г. [1]).

Возвращаемся къ г-жѣ Крюднеръ. Намъ случилось уже указать выше проявленія подобнаго квіетизма и у нея. Въ 1817 г., въ бесѣдѣ съ однимъ духовнымъ посѣтителемъ, записавшимъ разговоръ, она между прочимъ говорила: «Черезъ сколько *смертей* нужно было пройти мнѣ, чтобы достигнуть жизни, жизни въ Тебѣ, Господь! Какъ многое нужно мнѣ было сначала *уничтожить!* Свѣтъ, знанія, таланты, науки, тщеславіе, гордость, собственную *волю!* Эту послѣднюю въ особенности надо было уничтожить во всемъ совершенно! Я страшно страдала», и проч.

---

[1]) Ср. F. Chr. Baur, Gesch. der christlichen Kirche, IV Bd. Tüb. 1863, стр. 262—264; также Heinroth, Gesch. und Kritik des Mysticismus. Ein Beitrag zur Seelenheilkunde, Leipz. 1830, стр. 460—470. Сочиненія ея отчасти переведены и на русскій языкъ; они очень уважались у мистиковъ, между прочимъ и новиковской школы.

Она не одинъ разъ возвращается къ этой темѣ, уничижаетъ всѣ мірскія достоинства и таланты, какія за ней признавали или она сама признавала; налагаетъ на себя аскетическія испытанія, живетъ въ хижинѣ, постится. Теперь эти аскетическія наклонности развиваются въ ней все больше и больше; вмѣстѣ съ тѣмъ мистицизмъ становится все болѣе туманнымъ и страннымъ. Бесѣды съ Беркгеймомъ и Келльнеромъ, которые оба пользовались большимъ ея уваженіемъ, еще больше утверждали ее на этой дорогѣ.

«Въ четвергъ, 6-го мая (1820), въ день Вознесенія, вечеромъ, — пишетъ Беркгеймъ въ письмѣ къ кому-то, — между 11 и 12 часами ночи, г-жа Крюднеръ молилась на садовой террасѣ: ей было дано сдѣлать необыкновенную молитву, духа которой не могутъ изобразить слова. Она, казалось, взлетѣла къ небесамъ, чтобы любить и превратиться въ лучъ свѣта. Она бросилась въ мученичество любви, призывала небесный Іерусалимъ, св. Дѣву и всѣхъ святыхъ сойти съ небесъ, чтобы привести къ ней души, въ сердце которыхъ она могла бы излить потоки любви, наполняющіе ея сердце» и т. д.

Стиль, совершенно напоминающій г-жу Гюйонъ.

Въ томъ же письмѣ Беркгеймъ разсказываетъ, что г-жа Крюднеръ давно чувствовала, что для довершенія ея «миссіи» ей нужно публично исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ. «Она сдѣлала это, молясь съ латышами; подвигнутая божіимъ духомъ, она исповѣдала свои грѣхи, и приняла исповѣдь этихъ людей — — Въ садахъ Коссе устроился живой конфессіоналъ; изъ него истекаютъ потоки благодати — — Господь ниспосылаетъ по молитвамъ maman и Келльнера чудесныя исцѣленія — — Келльнеръ находится въ глубочайшемъ внутреннемъ спокойствіи; онъ совершенствуется, по г-жѣ Гюйонъ» и проч. Дальше мы увидимъ, до чего довели они это усовершенствованіе.

Между тѣмъ г-жа Крюднеръ просила разрѣшенія отправиться къ дочери въ Петербургъ, гдѣ Беркгеймъ занялъ, между тѣмъ, мѣсто у кн. А. Н. Голицына, по министерству народнаго просвѣщенія. Императоръ Александръ находился на конгрессѣ въ Троппау. Отвѣтъ былъ полученъ благопріятный, и г-жа Крюднеръ въ началѣ 1821 отправилась въ Петербургъ. Въ петербургскомъ обществѣ она уже имѣла готовыя связи; Беркгеймъ и баронъ Фитингофъ были до извѣстной степени ея представителями; г-жа Беркгеймъ находилась еще прежде въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ кн. Анной Голицыной, которая познакомилась потомъ и съ г-жей Крюднеръ и уже просила отъ нея духовнаго руководства; съ кн. А. Н. Голицы-

нымъ г-жа Крюднеръ имѣла сношенія. Въ русскихъ мемуарахъ и запискахъ о томъ времени, какіе теперь извѣстны, кажется не было никакихъ ближайшихъ свѣдѣній о той роли, которую играла въ петербургскомъ обществѣ г-жа Крюднеръ; мы припомнимъ только, что впослѣдствіи архимандритъ Фотій, въ своихъ доносахъ имп. Александру, ставитъ г-жу Крюднеръ въ число злѣйшихъ враговъ православія и престола. По словамъ французскаго біографа, который имѣлъ свѣдѣнія и отъ русскихъ знакомыхъ и друзей г-жи Крюднеръ, между прочимъ отъ А. И. Тургенева и Стурдзы, — г-жа Крюднеръ «по пріѣздѣ въ Петербургъ, снова сдѣлалась предметомъ живого интереса. Русское общество.... собиралось къ кн. Голицыной, чтобы видѣть и слышать г-жу Крюднеръ: богатые и бѣдные, военные и статскіе, аристократы и ремесленники отправлялись туда съ жаждою слышать ея увѣщанія и остереженія, серьёзность которыхъ соотвѣтствовала потребности слушателей въ ощущеніяхъ. Въ этой толпѣ было и нѣсколько членовъ мистическихъ обществъ, образовавшихся въ послѣдніе годы царствованія Екатерины» [1]). Пріятельница г-жи Крюднеръ, кн. Анна Серг. Голицына, кажется, приходилась племянницей кн. А. Н. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По дружбѣ съ этой кн. Голицыной, которую снабжала мистическими назиданіями, по прежнимъ и новымъ связямъ съ кн. Голицынымъ, г-жа Крюднеръ стояла въ центрѣ петербургскаго мистицизма [2]). Мистицизмъ былъ тогда въ полной силѣ. Императоръ Александръ сохранялъ свои надежды на распространеніе чистаго христіанства между народами, покровительствовалъ мистической школѣ и благопріятно смотрѣлъ на ту пеструю смѣсь разныхъ видовъ религіозной экзальтаціи, какіе появились тогда въ обществѣ. Незадолго передъ пріѣздомъ г-жи Крюднеръ вызваны были иностранные проповѣдники изъ школы «возрожденныхъ»; г-жа Крюднеръ, во многомъ очень близкая къ «возрожденнымъ», могла встрѣтить публику, уже приготовленную къ проповѣди ея особеннаго христіанства.

---

[1]) Описывая вслѣдъ за этимъ тогдашнее настроеніе императора и состояніе религіозныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ, біографъ говоритъ о библейскомъ обществѣ, о его паденіи, и замѣчаетъ, что это случилось «незадолго до пріѣзда г-жи Крюднеръ» въ Петербургъ; это конечно ошибка. Нѣсколько замѣтокъ о жизни г-жи Крюднеръ въ Петербургѣ находится у Фарнгагена; «Blätter aus der preuss. Geschichte», I, 317; II, 23.

[2]) О кн. А. С. Голицыной, см. Надгробное Слово кн. А. Н. Голицыну, Стурдзы, стр. 19. Впослѣдствіи, живъ въ крымской колоніи Корейсѣ, она устроивала для А. Н. Голицына его замокъ въ Гаспрѣ (Александріи), гдѣ онъ прожилъ послѣднее время своей жизни.

Но отношенія ея къ императору Александру, охладѣвшія уже скоро послѣ 1815 г., теперь нисколько не поправились. Напротивъ, охлажденіе усилилось новыми причинами.

Эйнаръ, который вообще старается доказать, что императоръ былъ и послѣ 1815 г., по прежнему расположенъ къ г-жѣ Крюднеръ, но только скрывалъ свое расположеніе,—Эйнаръ здѣсь признается, что уже въ то время, когда императоръ только-что возвратился изъ Парижа, это охлажденіе было замѣтно. Когда одна пріятельница г-жи Крюднеръ спросила о ней императора, онъ сказалъ: «я боюсь, что она попала на дурную дорогу».

Сначала появленіе Фонтэня въ Парижѣ, потомъ раппенгофскій скандалъ, наконецъ швейцарскія приключенія г-жи Крюднеръ естественно должны были возбуждать подозрительность и недовѣрчивость императора Александра. Русскій посланникъ въ Швейцаріи былъ сынъ г-жи Крюднеръ, и императоръ деликатно не спрашивалъ у него свѣдѣній объ ея дѣйствіяхъ; между тѣмъ все больше распространялась молва объ ея странныхъ приключеніяхъ въ Баденѣ и Швейцаріи, гдѣ она между прочимъ дѣлала компрометтирующія ссылки на Священный Союзъ. При появленіи упомянутой брошюры Круга, императоръ, непріятно пораженный тѣмъ, какъ г-жа Крюднеръ говорила о Священномъ Союзѣ, потребовалъ у князя Репнина, русскаго посланника въ Саксоніи, свѣдѣній о Кругѣ: эти свѣдѣнія — говоритъ Эйнаръ — оказались вообще благопріятны для нравственнаго характера Круга, но не для его деликатности и благоразумія: «императоръ понялъ, какъ тяжело было это злоупотребленіе довѣрія, жертвой котораго стала г-жа Крюднеръ». Можетъ быть; хотя едва-ли злоупотребленіе было, потому что г-жа Крюднеръ излагала свои мнѣнія совершенно публично, ея рѣчи о Священномъ Союзѣ переданы были въ печать не однимъ Кругомъ. Какъ бы то ни было, императоръ показывалъ явно, что не принимаетъ солидарности съ ея идеями. Теперь онъ могъ еще опасаться, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями и пророчествами о будущемъ царствѣ усилитъ броженіе умовъ, размѣры котораго въ Россіи Александръ вообще такъ преувеличивалъ, и будетъ производить толки, несовмѣстные съ принятой имъ теперь политической системой.

До нѣкоторой степени это такъ и случилось. Фантазіи г-жи Крюднеръ обратились теперь на греческій вопросъ. Она давно пророчила, что «появятся турки», что будетъ великая война, и т. п. Теперь ей вообразилось, что эта война и будетъ именно война за освобожденіе Греціи. Еще живя въ Лифляндіи, она дѣлала свободу Греціи предметомъ своихъ мистико-пророческихъ

гимновъ; теперь она стала проповѣдовать объ этомъ въ гостиныхъ. Эйнаръ замѣчаетъ, что она «теряла отчасти самообладаніе и умѣренность выраженій», и понятно, что когда она, со свойственнымъ ей шумомъ фразеологіи, объявляла, что императоръ Александръ и есть именно орудіе, выбранное Богомъ для возстановленія Греціи, это назойливое приставанье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революціями, Александръ представлялъ теперь задачу Священнаго Союза именно въ подавленіи всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся, по его мнѣнію, къ низверженію «алтарей и престоловъ»; его убѣдили или самъ онъ былъ убѣжденъ, что долгъ Священнаго Союза подавить между прочимъ и греческое движеніе, хотя оно направлялось не противъ христіанскаго, а противъ турецкаго алтаря и престола. Священный Союзъ сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ.

Императоръ конечно узналъ, съ какимъ жаромъ г-жа Крюднеръ проповѣдовала освобожденіе грековъ и возставала на равнодушіе къ ихъ судьбѣ; онъ былъ этимъ недоволенъ тѣмъ болѣе, что и безъ того въ русскомъ обществѣ были мнѣнія, что Россія обязана защищать своихъ единовѣрцевъ, и Александру непріятно было признать справедливость интереса, котораго не хотѣла признавать его дипломатія. Наконецъ Александръ рѣшился остановить г-жу Крюднеръ, и сдѣлалъ это въ довольно мягкой формѣ. По словамъ Эйнара, онъ написалъ ей письмо на восьми страницахъ, гдѣ изложилъ свои мысли, указалъ трудность удовлетворенія стремленіямъ грековъ, свое желаніе исполнить божію волю, которой онъ еще не видитъ; свое опасеніе попасть на ложный путь и благопріятствовать «тѣмъ нововведеніямъ, которыя уже сдѣлали столько жертвъ и такъ мало счастливыхъ, но въ особенности принятое имъ на себя обязательство дѣйствовать за одно съ союзниками». Затѣмъ, говоритъ Эйнаръ, онъ, «порицая ту свободу, съ которой она осуждала правительство и его дѣйствія, далъ ей понять, въ тонѣ друга, но друга, который *могъ бы говорить и инымъ языкомъ*, что ставя въ затрудненіе его министровъ и поселяя волненіе подлѣ трона, она нарушала свои обязанности какъ подданной и какъ христіанки, и что ея присутствіе въ столицѣ возможно только на условіи — хранить почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго онъ не могъ измѣнить по ея желаніямъ». Это письмо императоръ послалъ ей черезъ Александра Тургенева, который, по прочтеніи этого письма г-жей Крюднеръ, долженъ былъ взять его назадъ. Г-жа Крюднеръ не могла выдержать принужденія,

какое налагалось этимъ на нее, и въ концѣ 1821 г. воротилась въ Коссе.

Здѣсь она предалась опять исключительно благочестію и аскетической практикѣ съ Келльнеромъ. Въ зиму 1822 она сдѣлала слѣдующій аскетическій опытъ. «Кромѣ поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила въ комнатѣ, безъ печки и безъ двойныхъ рамъ, температуру больше чѣмъ въ двадцать градусовъ ниже нуля по Реомюру, повидимому этого не замѣчая: такимъ образомъ она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Перенося всякія лишенія, она этимъ высказывала только свою надежду и свое постоянное заявленіе, что ея жизнь и ея сердце — на небесахъ.... И дѣйствительно, душа ея была радостна и даже тѣло ея, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, повидимому безъ труда подчинялось режиму, который она на себя налагала».

Келльнеръ дѣлилъ съ ней эти опыты и уходилъ себя уже скоро. По словамъ Эйнара, его «зрѣлость для вѣчности поражала всѣхъ, кто его видѣлъ». Смерть его очень опечалила г-жу Крюднеръ; ея здоровье также разстроилось, она впала въ мрачное настроеніе и мучительный страхъ смерти; только послѣ одного видѣнія спокойствіе къ ней возвратилось. Болѣзнь ея была однако серьезна; ей предписано было провести зиму на югѣ, и она приняла приглашеніе кн. Голицыной, которая звала ее, вмѣстѣ съ Беркгеймами, въ Крымъ, въ имѣнье княгини, гдѣ она хотѣла основать колонію. Весной 1824 г. они отправились въ дорогу; для избѣжанія трудностей путешествія, кн. Голицына рѣшилась отправиться по Волгѣ. Съ ними вмѣстѣ отправлялась и большая часть нѣмецкихъ переселенцевъ, которые должны были положить основаніе колоніи [1]).

---

[1]) Вигель въ своихъ запискахъ (III, ч. VII, стр. 6—7) слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ этого путешествія:

«Знаменитая г-жа Крюднеръ около этого времени испытала гоненія. Года три-четыре (?) она оставалась въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла распространить въ немъ. Подъ ея предсѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посовѣтовали выѣхать изъ столицы (?). Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Х-ва (Хвостова). Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопребываніемъ южную Россію, она требовала моего совѣта, и я предлагалъ ей Бессарабію.

«Въ отвѣтѣ моемъ мнѣ вздумалось поэтизировать — въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который я зналъ только по описаніямъ и по наслышкѣ. Письмо мое Х-ва представила на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницей въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Г-на. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Х-ва, воспламенило ея воображеніе: она начала бредить неприступными горами, стремни-

Г-жа Крюднеръ поправилась во время этого спокойнаго путешествія. Они остановились на нѣсколько времени въ Ѳеодосіи и въ половинѣ сентября прибыли въ Карасубазаръ. Съ началомъ зимы болѣзнь г-жи Крюднеръ усилилась, и она умерла 25-го декабря 1824 г. Ея останки были положены въ армянской церкви въ Карасубазарѣ, и потомъ перенесены въ православную церковь, которую кн. Голицына выстроила въ основанной ею колоніи, Корейсѣ.

Г-жа Крюднеръ представляетъ конечно не одинъ только интересъ оригинальной личности; ея исторія есть черта цѣлаго времени; ея успѣхъ въ извѣстной части общества есть вмѣстѣ и характеристика этого общества. Чтобы доставить читателю болѣе ясное впечатлѣніе объ этой личности, то возбуждающей сочувствіе одними своими сторонами, то способной возбудить полнѣйшую антипатію другими, мы считаемъ неизлишнимъ прибавить къ біографіи отзывы современниковъ, всегда болѣе наглядные и живые. Мы выбираемъ изъ нихъ въ особенности двухъ, достаточно спокойныхъ и безпристрастныхъ. Эти свидѣтели не имѣли къ г-жѣ Крюднеръ ни того явнаго пристрастія, какимъ отличается ея панегиристъ Эйнаръ или даже Сенъ-Бёвъ, ни вражды, какую она возбуждала потомъ, послѣ всѣхъ результатовъ мистическаго движенія, въ которомъ ей случилось играть роль, и которое сводилось къ злѣйшей реакціи. Эти непосредственныя наблюденія объясняютъ характеръ г-жи Крюднеръ, возможность и средства ея вліянія на умы и ея слабыя и непріятныя стороны, отталкивавшія отъ нея людей здравомыслящихъ. Эти отзывы современниковъ еще не подчинялись впечатлѣнію цѣлой исторической роли, которымъ руководится позднѣйшій историкъ; обращаясь къ нимъ, мы отвлекаемся отъ впе-

---

нами, шумными водопадами. Такъ какъ она всѣхъ на дорогу снабжала деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, она избрала красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюднеръ, съ зятемъ и дочерью, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ, въ 1824 году, переселилась въ вѣчность.

«За нею скоро послѣдовала привезенная княгиней Г-ой одна примѣчательная француженка. Она никогда не снимала лосинной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Г-ъ была сѣченая и клейменая Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о королевиномъ ожерельѣ».

чатлѣнія послѣдняго результата въ выгодную или невыгодную сторону, и можемъ скорѣе попасть на правильную оцѣнку личности.

Г-жа Крюднеръ имѣла извѣстное литературное имя, когда вступила на свою новую дорогу; кромѣ того, она занимала видное мѣсто въ общественной жизни, — поэтому ея новая дѣятельность обратила на себя больше вниманія, чѣмъ было бы въ другомъ случаѣ; ея отношенія къ императору Александру въ тѣ самыя минуты, когда рѣшалась судьба Европы, еще усилили это вниманіе; проповѣдь ея въ Швейцаріи окончательно сдѣлала ее феноменомъ. По дорогѣ въ Россію она собирала цѣлыя толпы любопытныхъ; газеты сообщали объ ней новости, анекдоты, прославляли ее или смѣялись надъ ней. Въ числѣ любопытныхъ бывали и люди серьезные, для которыхъ г-жа Крюднеръ была общественнымъ явленіемъ, интереснымъ именно по своему общественно-политическому характеру. Лейпцигскій профессоръ Кругъ въ этихъ видахъ посѣтилъ ее въ Лейпцигѣ и публиковалъ потомъ свои наблюденія. Когда она была во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, съ той же цѣлью посѣтили ее тѣ два свидѣтеля, о которыхъ мы говорили. Это были консисторіальный совѣтникъ Бресціусъ и профессоръ (кажется, теологіи) Спикеръ. Книжка, тогда же ими изданная [1]), представляетъ много несомнѣнно вѣрныхъ замѣчаній.

...«Г-жѣ Крюднеръ, съ виду, за шестьдесятъ лѣтъ, — разсказываетъ одинъ изъ этихъ наблюдателей; — она средняго роста, и черты ея, выражающія душевное спокойствіе и благочестивую покорность, еще сохраняютъ слѣды прежней красоты и граціи. Ея одежда не обнаруживаетъ никакого фантастическаго стремленія къ оригинальности, и только покрывало, въ которомъ она постоянно является, она кажется съ намѣреніемъ складываетъ по образцу знаменитаго изображенія мадонны. Она любитъ говорить, говоритъ много и если нѣтъ недостатка въ слушателяхъ, или если ее не прерываютъ вопросами, то говоритъ безъ перерыва; только иногда среди рѣчи она останавливается на нѣсколько мгновеній и поднимаетъ глаза къ небу или для того, какъ объясняетъ она сама, чтобы открыть свое сердце небесному вдохновенію, или потому, что въ массѣ мыслей теряетъ нить рѣчи, и чтобы найти эту нить, ей надо подумать. Ея рѣчь

---

[1]) Beiträge zu einer Charakteristik der Frau Baronesse von Krüdener, von dem Consistorialrathe Brescius und dem Professor D. Spieker zu Frankfurth a. d. O. Berlin, 1818.

проста и безпритязательна, въ высокой степени правильна и изящна.... Вообще, она отличается той ловкостью, многостороннимъ внѣшнимъ образованіемъ, изяществомъ и тонкостью обращенія въ сношеніяхъ съ людьми всѣхъ классовъ общества,— качествами, которыя большей частью бываютъ принадлежностью только высшихъ классовъ;... въ моменты сильнаго внутренняго движенія она поэтому всегда остается въ самыхъ умѣренныхъ предѣлахъ приличія, насколько вообще принятая ею пророческая роль не противорѣчитъ женственности»...

Авторъ приписываетъ ей обширныя свѣдѣнія, но упрекаетъ ее, что она не признаетъ цѣны образованія, которое, по мнѣнію автора, именно и спасаетъ ее отъ крайностей, въ какія впадали Гюйонъ или Буриньонъ.

«Она проповѣдуетъ, напротивъ, полное повиновеніе установленнымъ законамъ; она требуетъ дѣйствительной, благочестивой добродѣтели, которая должна быть живѣйшимъ отраженіемъ нашей любви къ Богу и Христу; она не отрицаетъ высокаго достоинства церкви и ставитъ ее выше всякаго гражданскаго правленія, но не признаетъ за ней никакой другой власти, кромѣ власти истины, неустрашимаго свободнаго исповѣданія, настойчиваго увѣщанія и наконецъ силы мученичества, всегда одерживающаго побѣду надъ гнетомъ насилія и произвола»...

Но, признавая достоинства Крюднеръ, авторъ не видитъ въ ней ничего необыкновеннаго; напротивъ, въ ея идеяхъ и дѣйствіяхъ есть слабыя и странныя стороны. «Она чувствуетъ себя проникнутой темнымъ чувствомъ идеала и высокимъ призваніемъ человѣка осуществлять въ мысляхъ и въ дѣлѣ идею безусловнаго добра, но у нея нѣтъ силы спокойной мужской разсудительности,— — она любитъ Спасителя міра со всей безграничной преданностью своего пола, но почитаетъ его такимъ способомъ, какого онъ никогда не требовалъ и который, еслибы сталъ всеобщимъ, привелъ бы міръ къ забвенію Бога и къ старому язычеству. Спокойный наблюдатель не можетъ стать на ея точку зрѣнія и не найдетъ въ ея религіозныхъ мнѣніяхъ ни внутренней связи, ни послѣдовательности.» Она вѣритъ въ букву писанія, и однакоже проповѣдуетъ о близкомъ второмъ пришествіи и конечномъ истребленіи ада, чего въ писаніи не говорится. Она возвѣщаетъ конецъ всѣхъ существующихъ формъ христіанскаго культа, и объявляетъ себя призванной начать эту великую катастрофу,—но ея религіозныя идеи представляютъ только смѣсь геррнгутерства съ греческимъ православіемъ и католичествомъ, и ея собственный культъ не имѣетъ ничего оригинальнаго. У нея нѣтъ собственнаго творчества.

Съ паденіемъ Наполеона, ей казалось, палъ идолъ времени, въ которомъ во всемъ ужасѣ выразилось антихристовское начало; когда русскій императоръ сталъ основателемъ союза, въ которомъ она видѣла соединеніе самой просвѣщенной терпимости съ самой искренней религіозностью, и когда она сама была призвана къ содѣйствію въ заключеніи этого союза, тогда она увидѣла въ этомъ и свое собственное назначеніе. «Здѣсь — казалось — взошло настоящее солнце ея жизни, всѣ прежнія состоянія оказались только приготовленіями къ этому новому подвигу жизни, только черезъ него они получали свое значеніе, и здѣсь ея безпокойное стремленіе, ея безцѣльная дѣятельность нашли наконецъ полную опредѣленность въ рѣшеніи — стать во главѣ *миссіи священнаго союза* [1])». Экзальтированное чувство и недостатокъ простого благоразумія не дали ей понять дѣйствительнаго положенія вещей, которыя стали представляться ей въ фантастическомъ свѣтѣ. Въ недостаткахъ общественной жизни и церкви она видѣла только неспособность человѣка уразумѣть истину безъ указаній высшаго свѣта; въ различныхъ физическихъ бѣдствіяхъ того времени она видѣла руку Провидѣнія, возбуждавшаго людей отъ невѣрія; ей казалось, что возвратились времена чудесъ, и такъ какъ себя она уже считала орудіемъ того же Провидѣнія, то чудеса, видѣнія, пророческіе сны стали у нея дѣломъ обыкновеннымъ... Указывая ошибки г-жи Крюднеръ, авторъ судитъ снисходительно объ ея увлеченіяхъ, исходящихъ изъ хорошаго источника, и хотя думаетъ, что она сама и ея почитатели были виной ея трудныхъ положеній, но считаетъ однако, что ея дѣятельность не пройдетъ безплодно,—какъ примѣръ силы христіанской любви...

«Эта женщина—говоритъ также въ своихъ воспоминаніяхъ Э. М. Арндтъ—не производила впечатлѣнія шарлатанства и обмана, а впечатлѣніе мечтательницы; у нея было страстное и сильное очарованіе восторженности, потому что она и была восторженная: она съ одинаковой ревностью проповѣдовала новое евангеліе бѣднымъ и богатымъ, императору и нищему» [2]).

Другой авторъ книжки «Beiträge etc.» произноситъ свои сужденія опредѣлительнѣе и вмѣстѣ строже.

«Она говорила тепло и живо, изящнымъ и выработаннымъ языкомъ, нерѣдко съ убѣдительною искренностью, съ чувствомъ и достоинствомъ, и если не была утомлена продолжительностью

---

[1]) *Миссіей* г-жа Крюднеръ называла себя съ своей святой.

[2]) E. M. Arndt, Erinnerungen aus dem äusseren Leben. 3 Aufl. Leipz. 1842, стр. 259.

рѣчи, — съ истиннымъ краснорѣчіемъ. Она очень вредила себѣ тѣмъ, что не переставала говорить. Утомленная физически, она говорила много тривіальнаго, пустого и вялаго, прибѣгала къ общимъ мѣстамъ и этимъ ослабляла живое впечатлѣніе рѣчи... 29-го января она говорила почти безъ всякихъ перерывовъ съ 9 часовъ утра до 11 часовъ вечера, притомъ передъ большимъ, постоянно смѣнявшимся собраніемъ.

«У нея нѣтъ собственной системы, и ея идеямъ недостаетъ ясности. Поэтому въ рѣчахъ ея нѣтъ никакой связи, и она быстро перескакиваетъ съ одного предмета на другой. Часто невозможно понять, какимъ образомъ умъ можетъ въ быстромъ теченіи рѣчи схватывать и связывать столь отдаленные предметы. Рядомъ съ самыми остроумными мыслями и выраженіями высокаго религіознаго чувства лежитъ часто цѣлая масса непонятной безсмыслицы. Когда трогательно и поразительно высказалось сердце, нерѣдко выступалъ холодный умъ съ самымъ тонкимъ остроуміемъ». Свои религіозныя чувства она высказывала съ большимъ достоинствомъ и силой. «Но затѣмъ, не безъ состраданія можно было слушать разсказы объ ея чудесахъ, объ ея пророческой силѣ, видѣніяхъ и ея высокомъ апостольскомъ призваніи. Эти была уже не благочестивая, смиренная христіанка,... а заблудившаяся мечтательница, женщина, ослѣпленная тщеславіемъ»...

«Надъ священнымъ писаніемъ она часто дѣлала насиліе, произвольно влагала въ него свои идеи и религіозные взгляды, и примѣняла къ себѣ многія мѣста изъ пророковъ (напр. Ис. 61, 1—3)...

«Ея утреннія и вечернія моленія были очень просты и составлены изъ обычаевъ греческой, католической и протестантской церкви. Ея спутники въ нѣсколько голосовъ пѣли нѣсколько строфъ въ тонѣ веселаго благочестія (einer heiteren Andacht), затѣмъ каждый становился на колѣни предъ стуломъ, и опускалъ голову, скрывая лицо въ платокъ. Литургъ (Келльнеръ) читалъ затѣмъ главу изъ евангелія и потомъ совершалъ молитву въ тонѣ трепета и сокрушенія, который дѣйствовалъ на нервы чрезвычайно пугающимъ образомъ и у многихъ извлекалъ слезы. Это была исполненная боязни молитва къ Спасителю о помилованіи и милосердіи, о прощеніи грѣховъ и спасеніи бѣднаго, глубоко упавшаго человѣчества отъ проклятія и осужденія, иногда не безъ чувства и искренности. По окончаніи молитвы всѣ вставали, г-жа Крюднеръ являлась передъ собраніемъ и держала формальную проповѣдь».

Профессоръ Кругъ, о которомъ мы выше упоминали, судья вообще неблагосклонный къ г-жѣ Крюднеръ, признаетъ также, что ея рѣчи были дѣйствительно способны производить впечатлѣніе; но «литургъ», Келльнеръ, даже и людямъ, восторгавшимся г-жею Крюднеръ, не казался особенно назидателенъ,—хотя, какъ видно изъ послѣдняго приведеннаго отзыва, и могъ производить религіозный эффектъ своими пріемами.

Авторъ приводитъ далѣе выдержки изъ проповѣдей Крюднеръ, дѣйствительно не лишенныя оригинальности и ума. Когда франкфуртскій профессоръ въ частныхъ разговорахъ высказывалъ ей свои недоумѣнія относительно различныхъ ея мнѣній, она умѣла ловко оспаривать возраженія, хотя защита ея была плохимъ теологическимъ аргументомъ. Женскія свойства ея ума обнаруживались въ неохотѣ къ строгой послѣдовательности, и капризныя фантазіи иногда забавно высказывали ея личное раздраженіе. Говоря въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, какъ злой духъ съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ ее за вѣру и преданность Христу, она потомъ въ разговорѣ дополняла, что дьяволъ имѣетъ самыхъ усердныхъ духовъ своихъ между жандармами, таможенными и полицейскими.

Тотъ же авторъ разсказываетъ и примѣры глубокаго, искренняго чувства. «Когда я однажды былъ у нея одинъ съ своимъ другомъ, она описывала швейцарскія бѣдствія такими живыми красками и съ такимъ сильнымъ сердечнымъ движеніемъ, что мы усильно просили ее не отягощать себя такими печальными воспоминаніями. Слезы текли у нея изъ глазъ...»

Объ императорѣ Александрѣ она говорила (1818) съ величайшимъ увлеченіемъ. Она восхваляла его великодушіе, человѣколюбіе и благочестіе. «Уже не далеко время, когда будетъ *одно* стадо и *одинъ* пастырь. Тотъ, отъ кого впервые вышла идея Священнаго Союза, есть великій и могущественный императоръ Сѣвера. Но это не его идея, а внушеніе Бога силою св. Духа. Этотъ духъ видимо покоится на немъ и руководитъ его во всѣхъ его предпріятіяхъ. Отъ него и черезъ него придетъ спасеніе міра, и взоры всѣхъ должны обратиться, съ жаждою спасенія, на Сѣверъ. Тамъ будетъ основанъ новый Іерусалимъ; туда странствуютъ бѣдные несчастные народы, не находящіе у себя на родинѣ пищи ни для души, ни для тѣла; туда *священная миссія* [1]) отсылаетъ вѣрующую толпу, въ благочестивомъ нетерпѣніи ожидающую дня господня. Черезъ него произойдетъ побѣда надъ турками и об-

[1]) Т. е. г-жа Крюднеръ и ея свита.

ращеніе ихъ... Не бойтесь ничего отъ его могущества. О, я знаю его великое сердце; отъ него исходитъ только благословеніе и его рука никогда не поднимется на завоеваніе..... *Священная миссія* есть произведеніе Священнаго Союза; отъ него получаетъ она силу и внутренній характеръ. Духъ Божій покоится на ней, и всѣ проклятія, высказанныя противъ нея, превращаетъ въ благословенія», и пр.

Авторъ замѣтилъ, что не безъ состраданія можно было слушать разсказы ея о чудесахъ, какіе творила она сама, или какія совершало надъ ней Провидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, она съ удивительнымъ самообольщеніемъ разсказывала множество исторій о томъ, какъ она девятью хлѣбами накормила тысячу триста человѣкъ, какъ своей молитвой отогнала толпу враговъ, окружавшихъ ея домъ, и т. п. Мы приводили выше разсказы о томъ, какъ Провидѣніе само устраивало ея денежныя дѣла, присылало ей заимодавцевъ и банкировъ, и т. п. Чудеса она видѣла повсюду; прочитывая въ ея проповѣдяхъ предвѣщанія о близкомъ второмъ пришествіи, мы переносимся въ настоящее средневѣковое суевѣріе. «Господь говорилъ теперь къ людямъ огнемъ и мечемъ, голодомъ и бѣдствіями, великими знаменіями и чудесами, и голосомъ ихъ собственнаго сердца. Землетрясенія и сильныя бури, пятна на солнцѣ и уродливыя рожденія (!) все возвѣщаетъ тяжкое время. Этими предзнаменованіями Богъ хочетъ предостеречь насъ и призвать къ покаянію». Надобно замѣтить притомъ, что это были вовсе не минутныя фантазіи въ пылу религіозной восторженности: «священная миссія» систематически держалась этихъ представленій и стремилась внушить ихъ массѣ. Такова была напр. та газета «для бѣдныхъ», которую, какъ мы упоминали, сталъ издавать Келльнеръ въ Швейцаріи. Келльнеръ завѣдывалъ вообще литературной частью миссіи и писалъ сочиненія въ защиту г-жи Крюднеръ [1]). Франкфуртскій профессоръ сообщаетъ объ этой газетѣ слѣдующія свѣдѣнія. «Въ Швейцаріи она (или Келльнеръ) стала издавать газету для бѣдныхъ, которая однако тотчасъ по выходѣ перваго нумера (онъ вышелъ 5 мая 1817) была запрещена,—и конечно справедливо: потому что уже въ этомъ первомъ нумерѣ заключается цѣлая масса суевѣрій. Народъ долженъ былъ узнать изъ этой газеты, какимъ образомъ Богъ научаетъ людей снами и видѣніями, даетъ имъ откровенія о состояніи

---

[1]) Напр.: Der lebendige Glaube des Evangeliums. Dargestellt in dem öffentlichen Leben der Frau von Krüdener, 1817; Freimüthige Widerlegung der in den vaterländischen Blättern eingerückten Schrift, Frau von Krüdener betreffend (Helvetien, 1817).

души по смерти и о послѣднемъ судѣ, посылаетъ ангеловъ, вдохновляетъ пророковъ, возвѣщаетъ великими событіями великія казни и новое царство, какимъ образомъ князь міра сего, глава противохристіанскаго царства, управляетъ столь страшно. Здѣсь объясняются пророческія мѣста и толкуются сны, Апокалипсисъ Іоанна примѣняется къ обстоятельствамъ нынѣшняго времени, и природа въ ея явленіяхъ изъясняется какъ голосъ божественнаго слова», и проч.

Разсказывая прежде о русскомъ Библейскомъ Обществѣ, мы видѣли, что эти и другіе мотивы, къ которымъ такъ часто возвращалась проповѣдь г-жи Крюднеръ, около того же времени съ замѣчательнымъ сходствомъ повторяются у нашихъ библейскихъ мистиковъ, у кн. Голицына, Лабзина, Магницкаго, и даже митрополита Серафима. Священный Союзъ очевидно понимался одно время такимъ образомъ, что этого рода мистическое суевѣріе, противопостановленіе Александра Наполеону, какъ свѣта тьмѣ, какъ человѣка Провидѣнія антихристовой силѣ, туманные намеки на близость «новаго царства» и гибель «тьмы», признаніе всякихъ чудесныхъ знаменій и предвѣщаній,—все это считалось какъ будто непремѣнной принадлежностью программы, выставленной Священнымъ Союзомъ.

Г-жа Крюднеръ была вообще однимъ изъ самыхъ характеристическихъ выраженій этого мистическаго суевѣрія. Историческая роль ея была не велика; высшій пунктъ ея славы было время сближенія съ императоромъ Александромъ, когда она получила свою долю участія въ происхожденіи Священнаго Союза; императоръ вскорѣ уже отдалился отъ нея, когда слишкомъ стали бросаться въ глаза ея личныя странности и притязанія—но тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что именно ей привелось играть роль во время Священнаго Союза, даетъ понятіе о характерѣ самаго факта. У г-жи Крюднеръ были конечно искреннія движенія и дѣйствительно безкорыстное человѣколюбіе; но она поражаетъ отсутствіемъ всякой серьезности и послѣдовательности, крайнимъ тщеславіемъ и притязательностью. Въ ея головѣ странно укладывались самыя удивительныя вещи: свои личныя дѣла она совершенно смѣшала съ «дѣлами царства божія»; поднимая войну съ полицейскими, она ссылается на Апокалипсисъ; представляя себя исполнительницей велѣній Провидѣнія, утверждаетъ, что Провидѣніе заботится и о подробностяхъ ея домашняго хозяйства; на свою филантропію въ Швабіи она тратитъ «все, что можетъ извлечь изъ Россіи», т. е. что ея управитель можетъ извлечь изъ полуголодныхъ эстовъ; жизнь ея наполнена была чудесами,

сама она съ успѣхомъ занималась чудотворствомъ. Ко всему этому она еще нападала на «науки», ей въ сущности мало извѣстныя, — что только давало поводъ къ лишнимъ насмѣшкамъ надъ ея миссіей. Въ общемъ счетѣ, благія побужденія г-жи Крюднеръ едва ли не пересиливаются притязательностью ея роли, для которой у нея не было средствъ и которой она даже хорошенько не обдумала; извѣстная даровитость, которой у нея нельзя отвергать, вся ушла на фальшивое употребленіе. Въ послѣдніе годы она кажется начинала это сознавать, и это окончательно увлекло ее въ ту религію самоуничтоженія, которой она кончила.

Суровость сужденій, которыя произносились противъ нея быть можетъ чаще, нежели противъ другихъ мечтателей подобнаго рода, имѣла свой источникъ конечно въ ея исключительномъ положеніи и вліяніи въ 1815 году: на здравое общественное мнѣніе должна была производить непріятное впечатлѣніе придворная пророчица, увеличивавшая путаницу политическаго броженія; еще меньше должна была нравиться она въ своей «миссіи», гдѣ ея филантропію сопровождало безплодное фанатизированіе и безъ того суевѣрной толпы. Несостоятельность содержанія, отличающая ея дѣятельность, незнаніе истиннаго состоянія общества, преобладаніе фантастическо-сантиментальнаго чувства, въ которомъ была притомъ и своя доля аристократическаго каприза и избалованности, соотвѣтствовали у нея самому дѣлу, которому она служила — потому что этими качествами отличались въ большой мѣрѣ и мистическіе планы Священнаго Союза.

А. Пыпинъ.

ОЧЕРКИ
СРЕДНЕЙ АЗІИ.

М. Н. Галкина: Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. Спб. 1869.
Туркестанскій край въ 1866 году. Путевыя замѣтки П. И. Пашино. Спб. 1868.
Очерки Средней Азіи. А. Вамбери. Москва. 1868.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начались наши сношенія со Средней Азіею и до сихъ поръ нельзя сказать, что мы извлекли изъ нихъ много пользы. Если видѣть пользу въ распространеніи территоріи имперіи, то и такая польза добыта нами только въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. За завоеваніемъ идетъ слѣдомъ и наука; она первая должна воспользоваться послѣдними успѣхами русскаго оружія. Въ этомъ отношеніи сношенія наши съ Среднею Азіею за двѣсти лѣтъ не произвели результатовъ, до послѣдняго времени. Изслѣдованія съ цѣлью научною не предпринимались. Съ военною и торговою цѣлью развѣдки были предприняты еще при Петрѣ I, но принесли мало пользы. Такъ, въ концѣ XVII-го вѣка купецъ Малинковъ ѣздилъ съ товарами въ Персію и Индію, съ грамотами отъ посольскаго приказа и подарками шаху персидскому и моголу индійскому; но проѣздивъ пять лѣтъ, онъ умеръ на обратномъ пути и всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали.

Если бы была надобность оправдывать завоеванія, сдѣланныя въ Средней Азіи Россіею, частью по необходимости, частью подъ вліяніемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, то можно бы пожалуй

ссылаться и на историческія права Россіи: въ Туркестанѣ—по отношенію собственно къ городамъ Туркестану и Ташкенту, а въ Хивѣ по отношенію къ цѣлому ханству. Въ XVII вѣкѣ, по сказанію татарскаго историка Абульгази, Ташкентъ былъ покоренъ киргизами, которые владѣли имъ затѣмъ около столѣтія; были изгнаны (въ 1723 году) изъ Ташкента и Туркестана зюнгарами, но снова завоевали свои кочевья между Ташкентомъ и Туркестаномъ, распространились и внизъ отъ него по Сыру, на кочевьяхъ, изстари принадлежавшихъ Малой Ордѣ, которая отодвинулась по направленію къ Уралу, Средняя же Орда двинулась на сѣверъ. Ханъ Малой Орды Абулъ-Хаиръ и ханъ Средней Орды Шемяка присягнули Россіи въ 1732 году. Вслѣдъ затѣмъ присягнули Россіи каракалпаки, располагавшіеся вблизи киргизскихъ кочевьевъ по Сыръ-Дарьѣ, а въ 1738 году просили о принятіи ихъ въ подданство и на это послѣдовало высочайше соизволеніе. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Галкинъ, безъ малѣйшаго насилія, владычество Россіи раздвинулось далеко на востокъ и югъ. Въ числѣ киргизскихъ земель, въ составъ имперіи вошли и оба берега Сыръ-Дарьи, какъ законное наслѣдіе Малой Орды, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ хановъ, Туркестаномъ, съ землями принадлежащими къ нему и городомъ Ташкентомъ, что все образуетъ такъ-называемую нынѣ Ташкентскую область. Киргизы, нераздѣльно владѣвшіе этими мѣстами, впервые передали ихъ въ распоряженіе и подъ защиту Россіи, отъ которой разсчитывали имѣть огражденіе и помощь».

Главнымъ виновникомъ такого событія былъ именно Абулъ-Хаиръ-ханъ, который имѣлъ въ виду, пользуясь покровительствомъ Россіи, распространить свою власть далеко за предѣлы Малой Орды, къ югу отъ его столицы, Туркестана. Но Абулъ не успѣлъ ни исполнить этого намѣренія, ни даже возвратиться въ Туркестанъ, освобожденный имъ отъ зюнгаровъ. Война продолжалась долгое время между зюнгарами и киргизами Большой Орды, которымъ помогали и нѣкоторые роды изъ Средней Орды. Въ теченіи этой войны, власть надъ Туркестаномъ и Ташкентомъ нѣсколько разъ переходила то къ одной, то къ другой изъ воевавшихъ сторонъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Ташкентѣ укрѣпился нѣкій Юнусъ-Ходжа, которому вскорѣ удалось покорить большинство мѣстныхъ киргизовъ и даже Туркестанъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Туркестанѣ было еще самостоятельное правленіе киргизскаго хана Тогая. Это были послѣдніе правители Ташкента и Туркестана до покоренія обоихъ городовъ коканцами. Тогай-ханъ, оказавъ имъ мужественное сопротивленіе, принужденъ былъ бѣжать въ Бухару.

Но коканцы не удовлетворились покореніемъ Ташкента и Туркестана. Они стали строить, внизъ по Сыръ-Дарьѣ, одно укрѣпленіе за другимъ. Значительное укрѣпленіе Акмечеть (нынѣ Фортъ Перовскій) обезпечило коканскому правительству обладаніе среднимъ теченіемъ Сыръ-Дарьи. Въ тоже время, низовья лѣваго берега Сыра были заняты другимъ ханствомъ, именно Хивою. Такимъ образомъ, положеніе наше относительно Средней Азіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія не только значительно измѣнилось въ ущербъ могуществу Россіи, но и сдѣлалось наконецъ даже несноснымъ, потому что коканцы не удовлетворились даже взиманіемъ податей съ ордынцовъ, но стали въ виду нашихъ укрѣпленій разорять и убивать киргизовъ, подвластныхъ Россіи. Напримѣръ, зимою 1849 г. разграблено было на Казалѣ до 1000 кибитокъ чумекеевскаго и другихъ подвластныхъ Россіи родовъ; весною 1850 самъ комендантъ акмечетскій, Якупъ-бекъ разграбилъ чумекеевцевъ въ Кара-Кумахѣ и дюрткаринцевъ на Айгерикѣ, весною же 1852 года опять напалъ на чумекеевцевъ и угналъ-было у нихъ до 150 тысячъ барановъ. Нападенія эти, разумѣется, вызывали нѣкоторыя мѣры и съ нашей стороны. Такъ, въ 1849 году, въ наказаніе за грабежъ, былъ взятъ и разрушенъ Кошъ-Курганъ, въ 1852 году значительная часть похищеннаго скота была отбита нашимъ отрядомъ, преслѣдовавшимъ хищниковъ въ степь.

Потомъ, когда ташкентское управленіе не только не обѣщало принять мѣръ къ прекращенію грабежей, но еще отвѣчало угрозами, были разрушены нашими войсками коканскія укрѣпленія Кумышъ и Чимъ-Курганы, и наконецъ, вслѣдствіе продолжавшихся враждебныхъ дѣйствій коканцевъ, въ 1853 году были приняты рѣшительныя мѣры: взяты были крѣпости Акмечеть и Джулекъ, изъ которыхъ первая, еще укрѣпленная нами, была переименована въ фортъ Перовскій, а послѣдняя разрушена.

Послѣ этихъ мѣръ, наше правительство хотѣло остановиться. Начаты были сношенія съ ташкентскимъ управленіемъ объ установленіи мирныхъ отношеній и дано ему увѣреніе, что русскіе далѣе Акмечети не пойдутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалось и вознагражденіе для киргизовъ за похищенное у нихъ коканцами. Ташкентское управленіе не дало ни вознагражденія, ни даже отвѣта. Оно попыталось, зимою 1853 года, возвратить Акмечеть, и несмотря на неудачу, продолжало дѣйствовать наступательно противъ Россіи. Благопріятствуя хищнымъ шайкамъ, которыя нападали на киргизовъ, оно имѣло цѣлью принудить киргизовъ перекочевать подъ его покровительство, къ

Туркестану, что отчасти и удавалось. Наконецъ, коканцы стали пресѣкать намъ торговыя сношенія съ Бухарою.

Здѣсь не мѣсто излагать дальнѣйшую исторію нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію; разсказъ объ этомъ движеніи и о томъ, въ какой мѣрѣ оно измѣнило программу, первоначально имѣвшуюся въ виду нашимъ правительствомъ, можно найти въ одной изъ прошлогоднихъ статей «Вѣстн. Европы», посвященной разбору «Замѣтокъ» г. Романовскаго. Предшествующимъ извлеченіемъ изъ статьи г. Галкина, мы хотѣли только напомнить, что хотя пріобрѣтенія, сдѣланныя въ Средней Азіи за послѣдніе года, конечно, не имѣли уже, собственно говоря, значенія мѣръ обороны, но самое движеніе нашихъ войскъ въ туркестанской степи было вызвано положительной необходимостью самозащиты. Что касается «историческихъ правъ», къ которымъ г. Галкинъ относится вполнѣ серьёзно, то едва-ли можно придавать имъ въ самомъ дѣлѣ значеніе.

Сношенія Россіи съ Хивою начались еще раньше, чѣмъ сношенія ея съ туркестанскимъ краемъ, именно съ 1670 года. Въ 1700 году, прибылъ хивинскій посолъ съ грамотою хана Шаніаза о принятіи его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи. Петръ Великій выразилъ согласіе и впослѣдствіи подтвердилъ этотъ актъ о принятіи въ подданство по отношенію къ новому хивинскому хану Аракъ-Ахмету (въ 1703 г.). Петръ Великій принялъ это дѣло близко къ сердцу: ходили слухи о золотомъ пескѣ на Аму-Дарьѣ, о возможности возвратить ее въ прежнее русло. Голиковъ говоритъ: «проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то по крайней мѣрѣ, найденъ будетъ новый способъ къ полученію онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ стороны съ самою Индіею». Петръ рѣшился сблизиться съ Хивою, построить на ея границѣ крѣпость, вступить въ сношенія съ эмиромъ бухарскимъ и даже съ «моголомъ индѣйскимъ». Онъ даже снарядилъ для этого экспедицію.

Въ числѣ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Галкина, одинъ изъ самыхъ интересныхъ это именно — извлеченіе изъ дѣлъ московскаго сенатскаго архива объ отправленіи преображенскаго полка капитана, князя Бековича-Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву, въ 1714—1717 г. Князю Черкасскому дано было до 1760 чел., 11 пушекъ, инженерные инструменты и 124 малыхъ судна для транспортированія отряда. Эта первая экспедиція кн. Черкасскаго, начатая въ апрѣлѣ 1715 года и оконченная въ октябрѣ того же года, повидимому не была удачна, такъ какъ онъ привезъ обратно только 7 пушекъ; впрочемъ

свѣдѣній о ея результатахъ въ дѣлѣ нѣтъ. Изъ указа же, даннаго сенату въ 1814 году, видно, что князь Черкасскій былъ потомъ на Каспійскомъ морѣ для отысканія устья Аму-Дарьи. Вторая экспедиція кн. Черкасскаго была снаряжена въ 1716 году. Цѣлью ея было построить крѣпость у Красноводскаго залива, близъ прежняго устья Аму-Дарьи, и сблизиться съ Хивою, для чего и отправиться туда лично. Эта вторая экспедиція пустилась въ путь лѣтомъ 1717 года. Кн. Черкасскій имѣлъ довольно значительный отрядъ. Замѣчательно, что г. Галкинъ въ одной изъ статей, вошедшихъ въ составъ его книги, говоритъ, что отрядъ этотъ состоялъ изъ 3,000 чел., между тѣмъ какъ въ другой, именно въ извлеченіи изъ подлиннаго дѣла, приводитъ подробное исчисленіе отряда, исчисленіе, изъ котораго оказывается, что въ немъ было 6,240 чел. войска [1]), да еще 110 чел. разныхъ людей: дворянъ, купцовъ, вожатыхъ, переводчиковъ и т. д. Разногласіе это объясняется тѣмъ, что статьи составлены были разновременно; но при включеніи ихъ въ книгу слѣдовало бы подобныя разногласія устранять. Точно такъ число пушекъ, бывшихъ въ этой экспедиціи, въ одной статьѣ г. Галкина показано 7, а изъ дѣла видно, что ихъ было 15.

Возвратимся къ дѣйствіямъ экспедиціи. Кн. Бековичъ-Черкасскій не засталъ уже въ Хивѣ того хана, который предлагалъ построить крѣпость у Красноводскаго залива. Новый ханъ посовѣтовалъ начальнику русскаго отряда раздѣлить отрядъ на пять частей для болѣе удобнаго продовольствованія. Кн. Черкасскій послушался этого совѣта: раздѣлилъ на пять ту часть отряда, которою предводительствовалъ самъ и приказалъ раздѣлить также на пять отдѣловъ и ту часть отряда, которая состояла подъ начальствомъ майора Франкенберга. Какъ только это было сдѣлано, хивинцы напали на оба отряда, перерѣзали всѣхъ офицеровъ и старыхъ солдатъ, оказавшихъ сопротивленіе, а молодыхъ солдатъ увели въ неволю. Самому кн. Черкасскому распороли животъ и отрубили голову за то, что онъ упрекалъ хана въ вѣроломствѣ. Изъ показаній нѣкоторыхъ плѣнныхъ, возвратившихся назадъ, видно, что хивинцы отпустили братьевъ кн. Черкасскаго, и что магометане, бывшіе въ русскомъ отрядѣ, были прощены по просьбѣ старшаго духовнаго лица въ Хивѣ. Въ красноводской крѣпости гарнизонъ держался нѣкоторое время, но потомъ долженъ былъ, въ томъ же 1717 году, выйти въ море.

Петръ Великій имѣлъ оригинальную и очень практичную

---

[1]) Еще не считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ морского вѣдомства.

мысль: пользуясь вѣчными неустройствами, какія бывали и бываютъ въ Хивѣ и Бухарѣ, предложить тамошнимъ ханамъ «русскую гвардію», то-есть отряды тѣлохранителей изъ русскихъ солдатъ. Извѣстно, что англичане именно такимъ образомъ укрѣплялись въ индійскихъ владѣніяхъ. Хива могла такимъ образомъ подпасть въ полную отъ Россіи зависимость и, какъ замѣчаетъ объ этомъ Н. Н. Муравьевъ (Карсскій), — въ предисловіи къ изданному имъ описанію путешествія въ Хиву, — могла сдѣлаться «средоточіемъ всей азіатской торговли и поколебала бы сильно торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи». Вотъ каковы были планы Петра Великаго!

Въ 1740 году, Хива еще разъ признала надъ собою власть Россіи, призвавъ ханомъ къ себѣ подвластнаго Россіи хана Малой Орды, упомянутаго уже Абулъ-Хаира, который, принимая хивинское ханство, объявилъ его состоящимъ въ подданствѣ Россіи. При этомъ онъ имѣлъ въ виду охраниться отъ нападенія угрожавшаго Хивѣ персидскаго шаха. Но со вступленіемъ на ханство, около 1802 г., Мухаммедъ-Рахима, Хива не только перестала считать себя подвластною Россіи, а даже начала въ отношеніи послѣдней политику наступательную и принудила Малую Орду платить дань себѣ. Въ двадцатыхъ годахъ хивинское ханство, благодаря Мухаммедъ-Рахиму, сдѣлалось значительнымъ владѣніемъ. Хивинцы не боялись дѣлать набѣги и забирать у насъ плѣнныхъ, которыхъ къ 1839 г. накопилось тамъ довольно много. Въ этомъ-то году состоялась зимняя экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву. Она окончилась бѣдственно, то-есть вернулась пройдя всего треть пути, но непосредственной своей цѣли все-таки достигла; ханъ, объятый страхомъ отъ такого предпріятія, освободилъ 500 плѣнныхъ русскихъ и объявилъ строгое запрещеніе брать русскихъ въ неволю. Само собою разумѣется, что запрещеніе это нисколько не подѣйствовало.

Въ 1849—1850 и 1852 годахъ пріѣзжало къ намъ изъ Хивы посольство. Въ военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ Туркестанѣ съ 1853 года, Хива не участвовала; она держала себя осторожно и на призывы Кокана о помощи, отвѣчала или уклончиво или присылкою небольшого количества свинца и пороха. Впрочемъ, во время восточной войны, хивинское правительство, по внушеніямъ Турціи, не безъ успѣха возбуждало мятежи въ нашихъ предѣлахъ. Послѣдняя русская миссія въ Хиву была миссія 1858 года, въ которой и участвовалъ г. Галкинъ. Въ книгѣ его есть выдержки изъ «дневника слѣдованія» этой экспедиціи.

Большое этнографическое значеніе имѣетъ статья того же

автора о туркменахъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря, въ которой исчислены роды туркменовъ и указаны мѣста ихъ кочевокъ. Общее число ихъ опредѣляется около 350 т. кибитокъ или, примѣрно, 1 м. 750 т. душъ обоего пола. Изъ остальныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Галкина, нѣкоторые имѣютъ нынѣ только историческое значеніе, другіе, какъ напр. распросныя свѣдѣнія о Шегри-Сябсѣ и Ларвѣ, представляютъ и практическую цѣнность. Въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе вниманія заслуживаетъ статья: «Нѣсколько дорожниковъ чрезъ наши киргизскія степи въ Среднюю Азію», которая даетъ также маршруты между Бухарою, Коканомъ, Шегри-Сябсомъ, Ташкентомъ и т. д. Вообще же издатель сдѣлалъ полезное дѣло, собравъ въ книгу матеріалы, помѣщенные г. Галкинымъ въ разныхъ изданіяхъ.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ природныхъ и промышленныхъ условій нашего туркестанскаго края по книгѣ г. Пашино, который за короткое время своего тамъ пребыванія успѣлъ однако собрать данныхъ достаточно для довольно полной картины.

Хлѣбородная полоса земли начинается отъ форта № 1 и простирается до верховьевъ Сыръ-Дарьи. Небольшое пространство между Чемкендомъ и Ташкентомъ, занятое горными возвышенностями, лишено всякой растительности и къ обработкѣ негодно. По ту сторону Сыра, почти вплоть до самаго Ходжента тянутся мѣстности незаселенныя, пустынныя, но не лишенныя возможности быть воздѣланными. Климатъ на всемъ протяженіи отъ Туркестана до Ташкента мало разнится: maximum жары + 35° Р., холода — 15° Р. Южные и западные вѣтры увеличиваютъ жаръ лѣтомъ, а зимою умѣряютъ холодъ; сѣверные и особенно восточные вѣтры, дующіе изъ ущелій, производятъ дѣйствіе противоположное. Климатъ сухой, но довольно здоровый, не производящій особыхъ, туземныхъ болѣзней. Замѣчательно, что никто не запомнитъ, чтобы когда-нибудь въ этомъ краѣ свирѣпствовала холера.

Обработка земли здѣсь возможна только при помощи искусственнаго орошенія. «Каждое дерево и каждая травка требуютъ попеченія со стороны человѣка. Про лѣсъ нечего и говорить. По словамъ туземцевъ, лѣсъ можно встрѣтить только на верховьяхъ Чирчика, и то мѣстами, и не въ большомъ количествѣ. Проходившіе туда русскіе отряды находили по берегамъ этой рѣки срубленныя, правильно сложенныя и какъ бы приготовленныя къ сплаву деревья. Дороговизна лѣса заставила жителей заняться искусственнымъ разведеніемъ деревьевъ. Я видѣлъ подъ Ташкентомъ большія пространства, обведенныя стѣ-

ною и прорытыя канавками, гдѣ устроены питомники для различныхъ сортовъ лѣса». Для разведенія огня употребляются кизякъ, колючка и саксаулъ. Домовъ не отопляютъ, а грѣются около мангаловъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются преимущественно киргизы. Главная задача хлѣбопашца здѣсь — не обработка, а поливка поля и наблюденіе за хлѣбомъ, чтобы онъ не высохъ. Удобреніе впрочемъ употребляется мѣстами. Зато урожаи здѣсь бываютъ яровой ржи, ячменя и пшеницы до самъ-55; бухарской пшеницы, джугары, съ нѣсколькими стеблями на одномъ колосѣ — до самъ-100; а проса — до самъ-200. Разведеніемъ хлопка занимаются только въ окрестностяхъ Чемкенда и Ташкента, хотя вся сыръ-дарьинская равнина, по словамъ г. Пашино, способна производить хлопокъ. Ташкентскій хлопокъ хуже персидскаго и во многомъ уступаетъ бухарскому, что́ объясняется отчасти небрежностью обработки. Американскій хлопокъ пробовали сѣять, но онъ не удался, по мнѣнію г. Пашино оттого, что это былъ хлопокъ островной. Шелководство развито въ ташкентскомъ краю очень мало, хотя тутовое дерево тамъ растетъ. Дѣло въ томъ, что въ ташкентскомъ районѣ жители до сихъ поръ преимущественно занимались хлѣбопашествомъ, а шелкъ вымѣнивали изъ Кокана на свои земледѣльческіе продукты. Сарты занимаются преимущественно садоводствомъ и огородничествомъ, которыя здѣсь процвѣтаютъ. Есть и виноградники, и фиговыя деревья.

Перейдемъ къ царству ископаемыхъ. Полковникъ горныхъ инженеровъ Татариновъ открылъ на верховьяхъ рѣки Бугуни пластъ каменнаго угля въ 9 вершк. толщиною, но очень глубоко лежащій, и другой пластъ, въ 10 верстахъ отъ Туркестана, на р. Карачикъ, который еще не развѣданъ. Найдены также богатыя свинцовыя руды. Открыты и золотые пріиски, но сомнѣваются, чтобы они стоили разработки. Относительно нахожденія золота въ пескѣ дна Сыръ-Дарьи и другихъ рѣкъ, имѣются пока еще только разсказы туземцевъ. Около Чемкенда заявлены богатыя селитряныя копи. Соль употребляется самосадочная, изъ многихъ озеръ, и каменная, добываемая въ горахъ между Пишпекомъ и Токмакомъ.

Скотоводство находится все въ рукахъ кочевниковъ. На первомъ планѣ стоитъ овцеводство. Баранъ въ продажѣ стоитъ иногда до 8 рублей, но цѣна падаетъ и до $2^1/_2$ р. Киргизы питаются преимущественно бараниною и просомъ. Послѣ разведенія овецъ наиболѣе выгоднымъ считается разведеніе лошадей. Цѣна киргизской лошади 10—50 рублей; только одна порода,

жарабаиръ, цѣнится до 100 рублей лошадь. Разведеніе верблюдовъ также распространено; нѣтъ киргизской кибитки, которая не держала бы пары ихъ. Рогатый скотъ здѣсь мелокъ и слабосиленъ, но молока даетъ много. Мясо его употребляется въ пищу рѣдко и то бѣдными, такъ какъ говядина здѣсь гораздо дешевле баранины.

Мануфактурная промышленность въ нашемъ туркестанскомъ краѣ ничтожна даже въ сравненіи съ такою же промышленностью въ ханствахъ. Валяютъ шляпы, ткутъ бумажныя ткани и армячину — вотъ и все. Собственно въ туркестанской области изготовляются бумажныя матеріи; полушелковыя выдѣлываются въ Ходжентѣ. Кожевенное производство, несмотря на обиліе матеріала, находится на самой низкой степени; кожевенныхъ заводовъ нѣтъ; о дубленіи не имѣютъ и понятія. Желѣзо привозится изъ Россіи, и притомъ уже обдѣланное. Ружейнымъ дѣломъ и каленіемъ клинковъ отличается Наманганъ, который стволы до сихъ поръ получалъ изъ Россіи.

Внутренняя торговля очень значительна, но она по преимуществу — мѣновая. Въ каждомъ населенномъ пунктѣ устраиваются по разу и по два раза въ недѣлю базарные съѣзды. Центромъ крупныхъ сдѣлокъ считается Ташкентъ, изъ котораго ѣдутъ во всѣ стороны на базары коммиссіонеры для закупки товаровъ и для заключенія контрактовъ. Европейскія издѣлія, по преимуществу русскія, играли до сихъ поръ не очень большую роль. Въ фортахъ № 1 и Перовскомъ годовой оборотъ доходитъ всего до 100 т. р., но на лѣвомъ флангѣ торговля оживленнѣе. Монета, ходившая здѣсь до сихъ поръ, самая цѣнная, золотая называется «тилля»; она равна 20 серебряпымъ «тенгамъ»; тенга равна 64 мѣднымъ «чохамъ»; чоха — нашей копѣйкѣ ассигнац. Курсъ монеты измѣняется; въ то время, о которомъ пишетъ г. Пашино, тилля стоила 3 р. 80 к. и 4 р., а за тенгу давали до 73 чоховъ.

Вывозная торговля туркестантской области имѣетъ предметами: зерновый хлѣбъ, скотъ, шкуры, шерсть, войлокъ, чувалы и валяныя шляпы. Все это идетъ преимущественно на югъ, въ Коканъ и Бухару. Въ Россію туземцы возятъ не свои произведенія, а чужія; изъ своихъ же только пушной товаръ, марену, ревень, цитварное сѣмя. Изъ Бухары и Кокана въ Туркестанъ идутъ бухарскіе ситцы и полушелковыя матеріи, краски, соль, сѣра, хлопокъ, шелкъ-сырецъ, писчая бумага, индійская кисея и другія *англійскія* произведенія.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ этнографическому очерку племенъ Средней Азіи, остановимся на минуту на второй части

труда г. Пашино, которою мы теперь воспользовались для описанія естественныхъ и промышленныхъ условій русскихъ пріобрѣтеній въ туркестанскомъ краѣ. Эта часть — наиболѣе серьёзная. Несмотря на то, что мы уже около четырехъ лѣтъ владѣемъ Ташкентомъ, нельзя сказать, чтобы экономическія свѣдѣнія о туркестанскомъ краѣ изобиловали, и трудъ г. Пашино, представляющій показанія любознательнаго очевидца, добросовѣстно старавшагося изучить край, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Изящно, даже роскошно изданная книга г. Пашино украшена множествомъ рисунковъ путешествовавшаго съ нимъ же покойнаго художника Вележева и картою туркестанскаго края г. Струве.

Перейдемъ теперь къ общей картинѣ населенія Средней Азіи.

Въ «Очеркахъ» своихъ Вамбери помѣстилъ характеристику туранскаго и иранскаго племенъ Средней Азіи. Тюркское или туранское племя — кочевники и владѣтели, иранское — горожане, купцы и рабы. Тюркское племя прославилось воинственностью: это — завоеватели; иранское племя — прославилось древнею культурою. Сдѣлаемъ перечень народовъ того и другого племени, по классификаціи Вамбери.

Къ тюркскому племени принадлежатъ: 1) *Буряты*, живущіе на восточныхъ границахъ Туркестана; сюда же Вамбери относитъ и Кипчаковъ; 2) *Киргизы* или кайсаки; 3) *Каракалпаки*, отличающіеся высокимъ ростомъ и плоскимъ лицомъ; 4) *Туркмены*, выселившіеся изъ Мангышлака; и 5) *Узбеки*, какъ Вамбери называетъ нынѣ осѣдлыхъ и «цивилизованныхъ» жителей Средней Азіи. Они представляютъ уже сильное смѣшеніе съ древне-персидскими элементами тѣхъ мѣстностей. Узбекъ, хотя нынѣ и осѣдлый житель, однако въ немъ все еще сказывается кочевническая природа; богатѣя, онъ не строитъ себѣ прежде всего дома, какъ сартъ, а заводитъ лошадей и оружіе. Это — народы тюркскаго или монголо-турецкаго племени.

Къ племени иранскому принадлежатъ *восточные* иранцы: a) *Сейнстанцы* (отъ горныхъ границъ теперешняго Хорассана до Бирдшана; ихъ называютъ и хафизами); по языку, Вамбери относитъ ихъ къ первобытнымъ обитателямъ Ирана, но выражаетъ притомъ мнѣніе, что нельзя положительно сказать объ иранскомъ племени, которая изъ его вѣтвей — самая первобытная, подобно тому, какъ это можно сказать о бурятахъ по отношенію къ племени туранскому; b) *Чихаръ-Аймаки* — имя собирательное, которымъ монголы во время покоренія Герата назвали четыре народности иранскаго племени, именно тимуровъ, тейменовъ, фируцкуховъ и джемшидовъ; изъ нихъ по-

слѣдніе до сихъ поръ — кочевники; c) *Тадшики*, которыхъ называютъ остатками первоначальнаго иранскаго населенія Средней Азіи, теперь встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ въ бухарскомъ ханствѣ и Бедахшанѣ; кромѣ того, ихъ много еще въ городахъ Кокана, Хивы, Китайской Татаріи и Афганистана. Вамбери замѣчаетъ, что тадшики сами никогда не называютъ себя этимъ именемъ, потому что хотя оно у нихъ и не считается прямо поноснымъ словомъ, однако они привыкли разумѣть подъ нимъ выраженіе того презрѣнія, съ которымъ завоеватели-узбеки смотрятъ на подчиненныхъ туземцовъ или сартовъ. Подъ именемъ тадшика, татарское населеніе Туркестана разумѣетъ человѣка унижающагося, скупого, корыстолюбиваго, хитраго и хвастуна. «Удивительно, замѣчаетъ Вамбери, какъ тадшики, несмотря на то, что уже нѣсколько столѣтій живутъ вмѣстѣ съ узбеками, отличаются отъ нихъ не только своими индивидуальными качествами, но даже и домашними обычаями. Пословица говоритъ: смотри на узбека на конѣ, а на тадшика въ его домѣ. Тадшики занимаются земледѣліемъ, торговлею, промышленностью и ненавидятъ войну, а когда по неволѣ берутся за оружіе, то рѣдко бываютъ храбры, а жестоки — часто». Слово «сартъ» Вамбери принимаетъ за тюркское названіе тадшика. Сами узбеки иногда различаютъ тадшиковъ отъ сартовъ, но въ такомъ случаѣ тадшиками они называютъ иранцевъ, еще недавно прибывшихъ въ Туркестанъ и сохранившихъ свой иранскій языкъ, а сартами — жителей давно осѣдлыхъ, которые, по большей части, перемѣнили свое родное иранское нарѣчіе на нарѣчія тюркскія.

Теперь, уяснивъ различіе между элементами среднеазіатскаго населенія, возвратимся къ собственно нашимъ новымъ владѣніямъ, ихъ характеру и событіямъ въ томъ краѣ въ 1866 году.

Кромѣ свѣдѣній о природныхъ и естественныхъ условіяхъ края, — «путевыя замѣтки» г. Пашино представляютъ живописную и осмысленную картину внѣшней стороны нашихъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи и жизни тамъ русскихъ начальниковъ и солдатъ. Поѣздка его до Ташкента читается съ большимъ интересомъ не потому, чтобы онъ сообщалъ много новаго, но какъ подробная и очень удачная, по выбору и по изложенію, панорама края и его жителей. Быстрой поѣздки по степи, съ самыми краткими остановками по дорогѣ, было бы, конечно, слишкомъ недостаточно для того, чтобы узнать тѣ подробности быта и мѣстныя условія, которыя описываетъ авторъ. Но знаніе нѣсколькихъ восточныхъ языковъ и разныхъ татар-

скихъ нарѣчій дало ему возможность узнать и понять многое, что̀ ускользнуло бы отъ европейца не-оріенталиста.

Вотъ примѣръ. Авторъ ѣдетъ изъ Чемкенда въ Ташкентъ; на дорогѣ ему встрѣчаются три киргизскихъ джигита, въ полномъ вооруженіи. Онъ любуется на нихъ и вступаетъ въ разговоръ съ киргизами, своими конвойными. Тѣ объясняютъ ему, что и они сами, какъ тѣ джигиты — потомки нѣкоего Алача̀хана, который жилъ еще за тысячу лѣтъ до Чингиза и былъ родоначальникомъ всего киргизскаго народа. Про Чингиза они знаютъ, что онъ завоевалъ «полсвѣта», и прибавляютъ: «Мы теперь — потомки этихъ завоевателей; на насъ нельзя *просто* смотрѣть; у насъ Чингизъ-ханова яса̀, его обычаи; словомъ, мы узбеки, — чего еще больше!»

— Какъ, вы узбеки? Вы биштамгалинцы, не больше; узбекскій народъ особенный.

— Нѣтъ, туря; мы всѣ узбеки; начиная отъ Оренбурга, куда ни поѣдешь, все будутъ узбеки; у насъ у всѣхъ свои біи есть.

— А сарты кто же такіе?

— Сарты? Они ни рода, ни племени не имѣютъ, — они по городамъ называются. Спроси сарта, кто онъ такой; онъ тебѣ отвѣтитъ — ташкенликъ или, еще проще, — мусульманъ. А спросите, какъ его зовутъ? — Мухаммедъ-керимъ какой-нибудь. А какого рода? — Рода у меня нѣтъ, отвѣтитъ онъ; я ташкендецъ, чего же еще надо. Между тѣмъ каждый киргизъ имѣетъ свой родъ.»

Вотъ вамъ тоже характеристическая черта различія въ населеніи степей и населеніи городовъ, какую мы встрѣтили выше, въ этнографическомъ очеркѣ Вамбери. Киргизъ, племени тюркскаго, кочевникъ, бѣденъ, но считаетъ себя, по древнимъ преданіямъ, воиномъ, рыцаремъ, хотя воинственность его теперь проявляется только разбоемъ. Сартъ, племени иранскаго, которое населяло города Туркестана еще задолго до великихъ монгольскихъ завоевателей, и понынѣ житель городовъ. Онъ развитѣе, достаточнѣе киргиза, онъ — купецъ, иногда богатъ. Но въ положеніи его до сихъ поръ отзывается древній фактъ покоренія его монголами. До сихъ поръ, въ среднеазіятскихъ ханствахъ правители, ихъ беки, дворъ и войско — тюркскаго племени, къ которому принадлежатъ и киргизы. Тюркское племя дало Туркестану его владыкъ, его аристократію и — его кочевой пролетаріатъ. Племя иранское, въ туземныхъ своихъ представителяхъ — сартахъ, составляетъ такъ сказать буржуазію, а въ невольникахъ — иранцахъ, захваченныхъ туркменами въ не-

волю и проданныхъ на рынки Средней Азіи, оно же образуетъ сословіе домашнихъ рабовъ.

Отсюда понятно пренебреженіе не только узбековъ, но и единоплеменниковъ ихъ, киргизовъ, къ сартамъ, торговому и подчиненному племени. По словамъ г. Пашино, киргизская дѣвушка никогда не выходитъ замужъ за сарта, между тѣмъ какъ киргизы берутъ себѣ въ жены сартянокъ. О сартахъ, народѣ торговомъ и хитромъ, какъ родственные ему персіяне, киргизы говорятъ: «чортъ киргиза надуетъ, еврея надуетъ, а сарта не проведетъ».

Подъѣзжая къ Ташкенту, путешественникъ не видитъ сперва передъ собою города, а только безконечный садъ. Мало-по-малу открываются стѣны, наконецъ ворота, на которыхъ устроили себѣ гнѣзда аисты, которые важно наблюдаютъ сверху проѣзжающихъ. Колокольчикъ привлекаетъ общее вниманіе, такъ что жители выбѣгаютъ изъ домовъ, не имѣющихъ оконъ на улицу. Полураздѣтые ребятишки встрѣчаютъ проѣзжаго криками, въ которыхъ есть и привѣтствіе: «аманъ урусъ» и брань, сложившаяся въ силу риѳмы: «урусъ — хурусъ» (русскій — пѣтухъ). На кривыхъ и узкихъ улицахъ встрѣчаются партіи конныхъ людей и караваны. Встрѣчаются и женщины, сартянки, закутанныя въ халаты, съ черной волосяною сѣткой на лицѣ.

У небольшой площади, куда въѣхалъ нашъ путешественникъ— базаръ, мечеть, медресе (училище), каравансерай и чай-хане (распивочная чайная лавка), однимъ словомъ, весь циклъ общественныхъ заведеній. Мечеть съ двухъ сторонъ безъ стѣнъ и потолокъ поддерживается деревянными колоннами. Все зданіе мечети расписано мелкою живописью цвѣтовъ и стихами корана. Въ мечети громко выкрикивали свой урокъ шакирды (студенты), но услыхавъ колокольчикъ, тотчасъ побросали свои книги и закричали «аманъ!» Въ чай-хане сидѣлъ дервишъ и распѣвалъ передъ толпою народа какую-то исторію, брыкая ногами и ударяя себя въ грудь кулакомъ. Вотъ на встрѣчу попался русскій офицеръ въ бѣломъ кителѣ, верхомъ, объѣзжавшій базары изъ любопытства, за заборъ придерживались двое пьяныхъ солдатъ, бранившихся на родномъ языкѣ, а впереди проходилъ солдатъ, обнявшись съ сартомъ.

Улица подымается, изгибается въ разныхъ направленіяхъ и идетъ мимо другого медресе съ огромнымъ садомъ, который и есть общественный садъ Ташкента. Зданіе этого медресе построено изъ нежженаго кирпича, въ два этажа, съ двумя башнями. Еще базаръ, мелочной, наконецъ приближается цитадель. Цитадель отдѣлена отъ города рвомъ; направо отъ нея съ шу-

момъ падаетъ вода, а налѣво тянутся лавки и построенныя между ними бани. Переѣхавъ черезъ мостъ, путешественникъ встрѣчаетъ казармы, большой прудъ, обсаженный деревьями, наконецъ губернаторскій домъ.

Г. Пашино пріѣхавъ въ край въ интересный моментъ, именно вскорѣ послѣ пріѣзда туда новаго начальника, генерала Романовскаго, на смѣну генерала Черняева. Неожиданная смѣна завоевателя Ташкента сильно встревожила туземное населеніе, во-первыхъ потому, что не знали, станетъ ли исполнять новый начальникъ условія, а во-вторыхъ потому, что въ то время бухарскій эмиръ Мозаффаръ-ханъ готовился къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Россіи, и о многочисленности его войска, непобѣдимости его и проч. ходили въ Ташкентѣ преувеличенные слухи, какъ мы уже это знаемъ изъ книги г. Романовскаго. Г. Пашино, при составленіи своихъ путевыхъ замѣтокъ, имѣлъ въ виду «Замѣтки» г. Романовскаго; оказывается даже, что нѣкоторые документы, приводимые въ книгѣ г. Романовскаго, переводилъ г. Пашино. Тѣмъ не менѣе, тѣ мѣста, гдѣ г. Пашино касается событій, происшедшихъ въ тогдашнее время, производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ описаніе этихъ событій у г. Романовскаго.

Изъ двухъ опасеній, возбужденныхъ въ ташкентскомъ населеніи смѣною генерала Черняева, особенно живо было, разумѣется, первое.

— «А что — говорили ташкентцы — если новый генералъ, не принимая въ уваженіе условій, сдѣланныхъ съ Черняевымъ при сдачѣ Ташкента, начнетъ брать рекрутъ и станетъ взимать подати и налоги? Что тогда?» — говорили одни.

— «Тогда—*абтралъ* (значитъ: ошалѣть, стать въ тупикъ),— отвѣчали другіе.

— «Эмиръ — на головѣ, а Черняевъ уѣзжаетъ; *биткянъ ишъ* (кончено дѣло)», тревожились они. Но, конечно, перспектива «*биткянъ ишъ* не такъ безпокоила ихъ какъ мысль, что осуществится именно «*абтралъ*».

Не будемъ разсказывать, какъ г. Пашино сопровождалъ генерала Черняева въ посѣщеніяхъ домовъ почетныхъ туземцовъ и какъ обнаруживалось гостепріимство послѣднихъ. Скажемъ только, что изъ этого описанія видно, до какой степени г. Черняевъ съумѣлъ сблизиться съ туземными населеніями, внушить имъ своею энергіею довѣріе, а своею простотою въ обхожденіи искреннюю привязанность.

Изъ Ташкента г. Пашино поѣхалъ въ Чинасъ, оттуда отправился въ лагерь, гдѣ находился новый начальникъ края. Сдѣ-

лаемъ двѣ выписки, чтобы показать, какъ относится авторъ къ мелкимъ и крупнымъ фактамъ, характеризовавшимъ то время.

«Генералъ по вечерамъ забавлялъ себя пѣсенниками, которые собирались къ его палаткѣ; онъ ихъ заставлялъ пѣть пѣсни, какъ

«Сыръ-дарьинцы молодцы
По степи гуляютъ,
А коканцы подлецы
Крѣпости кидаютъ.

«Другой хоръ начинаетъ пѣть «Ты Настасья», потомъ первый хоръ затягиваетъ какую-то пѣсню, гдѣ упоминаетъ генерала Романовскаго.

— «Это они про меня ужъ пѣсню сложили», — замѣчаетъ съ самодовольной улыбкой г. Романовскій, забывая, что эта пѣсня уже давно была сложена: — ее пѣли и при Черняевѣ, и при Колпаковскомъ, и при Веревкинѣ.

«4-го апрѣля, вечеромъ была отправлена стрѣлковая рота 4-го баталіона впередъ. На разсвѣтѣ отправился и генералъ съ кавалеріею и со своимъ значкомъ. Часамъ къ 8-ми онъ вернулся и съ восторгомъ разсказывалъ, что поднялъ духомъ упавшихъ солдатъ послѣ дизакскаго *пораженія*. Дизакскій Мухаммедъ Якубъ-бекъ признавалъ тоже Черняева пораженнымъ.

— «Поздравьте, Петръ Ивановичъ, мы разбили вашихъ бухарцевъ; да посмотрите-ка, какой еще доходъ будетъ: забрали у нихъ въ плѣнъ всѣхъ барановъ, — говорилъ генералъ, умываясь отъ пыли, которою онъ былъ покрытъ.

— «Въ добрый часъ, въ добрый часъ, поздравляю васъ, — говорилъ я, искренно радуясь побѣдѣ.

«На завтра вернулся въ отрядъ графъ В — ъ Д — ъ съ остальными войсками, съ однимъ плѣннымъ и съ четырнадцатью пастухами. Войска были заняты охраненіемъ барановъ; солдаты бросились впередъ на встрѣчу стадамъ. Изъ разсказовъ плѣнныхъ пастуховъ оказалось, что эти стада принадлежали нашимъ киргизамъ.»

«Эти бараны были киргизскіе», сказалъ потомъ г-ну Пашино единственный плѣнный (и то передавшійся илятъ, а не бухарецъ), — эмиру нѣтъ до нихъ никакого дѣла».

«Извѣстіе о мурзарабатскомъ дѣлѣ, — читаемъ мы ниже — произвело на Ташкентъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Черняевъ, который еще не уѣзжалъ изъ Ташкента, написалъ какое-то непріятное для генерала письмо, которое его очень взволновало». Бараны продавались потомъ по два съ полтиною, «да и то въ долгъ».

Занимательно у г. Пашино описаніе прибывшаго бухарскаго посольства, наивнаго удивленія пословъ при прогулкѣ на пароходѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ спорилъ, что пароходы изобрѣлъ не Фультонъ, а греческій мудрецъ Афлатунъ (Платонъ) и т. д.

Г. Пашино разсказываетъ еще интересную подробность относительно ирджарскаго дѣла: «генералъ въ своемъ донесеніи писалъ, будто было найдено письмо Аллаяръ-хана къ эмиру, въ которомъ первый увѣрялъ эмира, что онъ окружилъ русскихъ и что, хотя потеря его велика, потопитъ ихъ всѣхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ присылки бумагъ, захваченныхъ у эмира, разсчитывая найти въ нихъ много интереснаго....» Впослѣдствіи, когда г-ну Пашино были переданы разныя бухарскія грамоты, то на поляхъ одной изъ бумагъ онъ увидѣлъ русскій переводъ, что «Аллаяръ-ханъ увѣдомляетъ эмира о томъ, что русскіе будутъ разбиты, если будетъ на то воля Божія». Между тѣмъ, бумага, съ которой былъ сдѣланъ этотъ переводъ однимъ плѣннымъ персіяниномъ, оказалась простымъ бланкомъ, съ пробѣломъ для вставки имени и безъ печати. По спросу персіянина, оказалось, что онъ и читать не умѣлъ.—«Какъ же ты смѣлъ переводить?»

— «Что же мнѣ было дѣлать, когда мнѣ приказали перевести? Я и перевелъ».

Анекдотическая часть въ книгѣ г. Пашино вообще богата и многіе изъ разсказываемыхъ имъ анекдотовъ дѣйствительно очень характеристичны, представляя духъ отношеній того времени и въ особенности отношеній азіятцевъ къ русской цивилизаціи и русскимъ обычаямъ. Но нельзя не сказать также, что многія подробности относительно «чаепитія» и нѣкоторые разговоры съ удобствомъ могли бы быть пропущены.

Вотъ что г. Пашино говоритъ о Вамбери: «Вамбери, путешествовавшій по Бухарѣ, находитъ тамъ узбековъ и киргизовъ. Тѣже самыя достоинства, которыя онъ приписываетъ узбекамъ, я нашелъ и въ здѣшнихъ киргизахъ; узбековъ же я окончательно не видалъ и рискую предполагать ошибку въ описаніяхъ этого ученаго. Кстати сообщить здѣсь о томъ, что я слышалъ объ этомъ путешественникѣ отъ видавшихъ его людей. Одинъ казанскій татаринъ, бывшій въ Самаркандѣ во время пребыванія тамъ Вамбери, разсказывалъ мнѣ, будто этотъ ученый не былъ тамъ дервишемъ, а выдавалъ себя за посланнаго отъ султана чиновника, привезшаго ханамъ инвеституры, и при представленіи эмиру будтобы разговаривалъ съ нимъ о прекращеніи торговли невольниками, такъ какъ этого желаютъ султанъ, шахъ персидскій и англійское правительство; будто эмиръ чрезвычайно оскорбился такимъ предложеніемъ и велѣлъ ему убираться вонъ

изъ Самарканда, такъ что Вамбери, при истинномъ желаніи посѣтить Коканъ и Ташкентъ, долженъ былъ ретироваться на югъ». Показаніе «одного казанскаго татарина» мы однако отказываемся принять за достаточное опроверженіе словъ почтеннаго ученаго, который не только положительно говоритъ, что онъ былъ въ Бухарѣ въ качествѣ дервиша, но и приводитъ такія подробности относительно нравовъ дервишей и хаджей, а также относительно религіозныхъ обычаевъ, предразсудковъ и лицемѣрія бухарцевъ (мы сейчасъ возвратимся къ этому интересному предмету), что едва ли какой-либо иностранный чиновникъ, хотя бы и султанскій, могъ бы имѣть случай познакомиться съ ними. Что касается до другого предположенія г. Пашино, именно, что такъ какъ онъ не нашелъ узбековъ, то ихъ нѣтъ и въ Бухарѣ, гдѣ онъ не былъ—то оно болѣе смѣло, чѣмъ серьезно.

Что касается легкости нашихъ побѣдъ надъ бухарцами, образчикъ которой представленъ выше въ юмористическомъ разсказѣ г. Пашино, то, чтобы объяснить ее себѣ вполнѣ, надо познакомиться съ составомъ бухарскихъ войскъ.

Въ книгѣ г. Галкина мы находимъ описаніе военныхъ силъ бухарскаго эмира, относящееся къ 1857—1858 годамъ. Регулярное войско сталъ заводить отецъ нынѣшняго эмира Мозаффара, — Назръ-Улла, съ тридцатыхъ годовъ, по совѣту бѣжавшаго изъ англійской службы персіянина Абдуссамата. Основаніе регулярному войску должна служить пѣхота. Между тѣмъ само собою разумѣется, что «благородные узбеки» не захотѣли служить пѣшкомъ. Вслѣдствіе того, эмиръ образовалъ своихъ «сарбазовъ» изъ плѣнныхъ персіянъ и русскихъ, съ прибавкою охотниковъ изъ сартовъ. Всего пѣхоты было образовано сперва 2,500 человѣкъ. Солдаты были помѣщены за городомъ, имѣютъ семейства и свои хозяйства; жалованье они получаютъ порядочное, именно по 3 рубля въ мѣсяцъ на человѣка. Назръ-Улла устроилъ себѣ и артиллерію по-европейски, изъ 80-ти орудій.

Кавалеріи регулярной Бухара не имѣетъ, но каждый узбекъ —кавалеристъ (голябатырь, хабасадаръ). Иррегулярной кавалеріи въ городѣ Бухарѣ насчитывается до 13,000 человѣкъ. Это люди, которые живутъ въ своихъ домахъ, занимаются своими дѣлами, а во время войны призываются на службу и получаютъ тогда отъ правительства по 2 — 3 тиллы (8 — 11 р.) въ мѣсяцъ на человѣка, да лошадь, въ случаѣ, если собственная падетъ. Вооруженіе кавалеристовъ: длинная пика, сабля и винтовка. Во время войны набирается еще ополченіе, которое состоитъ, разумѣется, изъ конницы. Ополченцы въ содержаніи сравнены съ голябатырями. Отряды ополченія состоятъ подъ начальствомъ старшинъ

своихъ родовъ. Въ военное время устраивается еще рабочая команда, снабжаемая топорами, мотыгами, лопатами, для полевыхъ и осадныхъ работъ. Въ Бухарѣ есть литейные и пороховые заводы.

Изъ такого устройства бухарскихъ военныхъ силъ слишкомъ ясно, какъ легки должны быть побѣды надъ ними европейскому войску, состоящему преимущественно изъ пѣхоты, хорошо обученной и вооруженной и снабженной такими орудіями, которыхъ дѣйствіе изучено артиллеристами, между тѣмъ, какъ бухарскимъ канонирамъ приходится стрѣлять изъ пушекъ разнаго калибра, случайно попавшихъ въ Бухару. Вспомнимъ, что въ одномъ изъ дѣлъ, описываемыхъ г. Романовскимъ, бухарскіе артиллеристы стрѣляли «вѣрно, но черезъ головы» нашихъ линій.

Что эмиръ Мозаффаръ имѣлъ въ Средней Азіи славу непобѣдимаго, это объясняется тѣмъ, что коканскія войска еще хуже его войскъ. Но главное значеніе бухарскаго эмира въ Средней Азіи, да и на всемъ мусульманскомъ Востокѣ, заключается не въ войскахъ его, а въ религіозномъ авторитетѣ Бухары и строгоправовѣрнаго, фанатическаго владѣтеля ея, который съумѣлъ воспользоваться фанатизмомъ народа, какъ средствомъ для укрѣпленія своей власти, пока побѣды русскихъ не разрушили обаянія его непобѣдимости.

«Ха Бахараи шерифъ»! (да, благородная Бухара) вздыхаетъ западный мусульманинъ, особенно турокъ, оскорбленный реформами. Онъ внимаетъ съ чувствами грусти и умиленія разсказу своего единовѣрца о нравахъ и обычаяхъ Бухары, этой крѣпости ислама, гдѣ правовѣріе, вдали отъ всякихъ вліяній, процвѣтаетъ до сихъ поръ во всемъ бытѣ народа и его повелителя. «Когда я спрашивалъ муллъ въ Бухарѣ, говоритъ Вамбери, какъ это сдѣлалось, что они—лучшіе магометане, чѣмъ жители Мекки и Медины, гдѣ жилъ и училъ самъ Магометъ, то они отвѣчали мнѣ: факелъ бросаетъ свой свѣтъ вдоль, но у собственнаго подножія его всегда бываетъ темно». Съ этимъ воззрѣніемъ, повидимому, согласны и сами обитатели «подножія факела ислама», такъ какъ на богомольца изъ Средней Азіи они смотрятъ съ особымъ уваженіемъ и принимаютъ его съ почетомъ. Самую Бухару на всемъ мусульманскомъ Востокѣ считаютъ опорой ислама или, лучше сказать, чистѣйшимъ его сосудомъ.

Въ Бухарѣ, въ самомъ дѣлѣ, правовѣріе проникаетъ насквозь и общественную и государственную жизнь. Въ числѣ причинъ, обусловившихъ деспотизмъ и чистоту ислама въ Бухарѣ, важное мѣсто занимаетъ, конечно, изолированность; но не меньшее значеніе здѣсь имѣютъ и недостатокъ умственнаго развитія и са-

мая наклонность тюркской расы къ безпрекословному повиновенію, къ умственному рабству. Изолированность, конечно, является и въ этомъ отношеніи существеннымъ условіемъ: благодаря ей, поддерживается умственный застой, благодаря ей и самая раса сохранилась въ Средней Азіи въ большей чистотѣ, чѣмъ въ Турціи. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе замѣтно вліяніе кавказскаго племени на племя туранское, такъ что турокъ, по чертамъ лица, уже совсѣмъ не похожъ на туранца, съ которымъ имѣетъ сходство только по языку и нравамъ. Западные мусульмане умственно болѣе развиты и по характеру менѣе склонны къ безусловному рабству буквѣ, частью потому, что они къ тюркской расѣ вовсе не принадлежатъ, какъ арабы, персіяне, афганцы, частью же потому, что даже происходя отъ этой расы, какъ турки, давно уже представляютъ не чистый видъ ея, а смѣшеніе съ другими племенами.

Интересно прослѣдить, въ важнѣйшихъ частностяхъ, это различіе между характеромъ мусульманства въ глухомъ центрѣ Востока и на окраинахъ его, въ сосѣдствѣ съ кавказскимъ племенемъ.

Благочестивыя братства, нѣчто въ родѣ монашескихъ орденовъ, въ западно-магометанскихъ странахъ имѣютъ своихъ представителей только въ лицѣ немногихъ фанатиковъ, между тѣмъ, какъ въ Бухарѣ и Коканѣ эти ордена захватили въ полное свое распоряженіе цѣлыя населенія. Въ такихъ обществахъ, кромѣ свѣтскихъ муллъ, есть всегда нѣсколько ишановъ (монашествующихъ муллъ), которымъ всѣ члены братства оказываютъ слѣпое повиновеніе. Ясно, что правительства Средней Азіи не могли не смотрѣть съ недоброжелательствомъ на эти могущественныя корпораціи, но не только не трогали ихъ, а даже сами выказывали наружную къ нимъ приверженность. Такъ, въ Бухарѣ самъ ханъ, министры и многіе улемы, несмотря на ненависть свою къ ишанамъ, сами носятъ значки разныхъ монашескихъ братствъ.

Различіе между востокомъ и западомъ оказывается всего рельефнѣе въ судѣ. Не только въ Персіи, но и въ Турціи, «шаріатъ», т. е. кодексъ законовъ, выведенныхъ изъ корана, давно признанъ недостаточнымъ. Тамъ его дополняютъ «канунъ» (новые законы) и «урфъ», т. е. приговоры по личному убѣжденію судьи. Но въ Средней Азіи всѣ эти нововведенія упорно отвергаются, считаются грѣхомъ. «Въ Туркестанѣ не только муллы, но и правительства и *народъ* сильно вооружены противъ всякаго измѣненія въ законѣ, такъ какъ въ ихъ глазахъ — коранъ тонокъ какъ волосъ, остеръ какъ мечъ и удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ—и по ихъ мнѣнію, со всякимъ думающимъ иначе, должно быть поступлено какъ съ самымъ чернымъ невѣрнымъ».

Нарочно выписываемъ эти слова Вамбери, которыя для насъ имѣютъ особое значеніе и которыхъ мы не должны терять изъ виду. Они показываютъ, какъ намъ слѣдуетъ быть осторожнымъ именно въ отношеніи судебнаго устройства въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Это, быть можетъ, — самая чувствительная струна въ бытѣ покореннаго нами народа. Между тѣмъ, ея-то мы прежде всего и коснулись учрежденіемъ такъ-называемыхъ «мехкемѐ», т. е. смѣшанныхъ судовъ. Правда, судамъ этимъ предоставлено руководствоваться шаріатомъ, но самая цѣль ихъ устройства — вырвать судъ изъ рукъ духовенства — уже нарушаетъ весь духъ суда. Нѣтъ спора, что сдѣлать это необходимо, вопросъ только въ томъ, своевременно ли это было сдѣлано. Чтобы коснуться съ успѣхомъ, не вызывая всеобщаго неудовольствія, столь чувствительной струны народнаго быта, едва ли не требуется болѣе нравственнаго авторитета, чѣмъ сколько мы могли имѣть въ средѣ туркестанскаго населенія, особенно три года тому назадъ. Въ то время—да и теперь — среднеазіятцы могли видѣть въ насъ только успѣшныхъ завоевателей и больше ничего. Мы еще ничѣмъ не показали имъ своего нравственнаго превосходства, ничего еще не успѣли сдѣлать не только для благосостоянія страны, но даже для введенія въ ней какой-либо безопасности. Напротивъ, мы потрясли весь край войною, которой прямымъ послѣдствіемъ была общая остановка въ торговыхъ дѣлахъ. И вдругъ, мы начали съ того, что вводимъ измѣненія въ судебную часть, тѣсно связанную съ вѣрой населенія. Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ помнить примѣръ покоренія Бухары арабами: покореніе это потребовало двухъ столѣтій, чтобы установиться, потому именно, что первымъ дѣломъ завоевателей было посягнуть на вѣру покоряемыхъ (которые въ то время держались такъ-называемаго Зороастрова ученія).

Главнымъ доводомъ при введеніи смѣшанныхъ судовъ въ Туркестанѣ была ссылка на тотъ фактъ, что подобные суды «успѣшно» дѣйствуютъ у насъ на Кавказѣ и у французовъ въ Алжиріи. Но вотъ тутъ-то и надо принять къ свѣдѣнію выписанныя нами выше слова Вамбери о томъ, до какой степени различно относятся къ нововведеніямъ именно въ судѣ магометанскій западъ и фанатическій мусульманскій востокъ.

Различіе между этими частями мусульманскаго міра, краснорѣчиво отразилось и въ отношеніяхъ ихъ къ шіитскому Ирану: турки и арабы, несмотря на религіозную ненависть къ персіянамъ, признаютъ ихъ все-таки мусульманами, только раскольниками: дозволяютъ имъ входить въ свои священные города, даже въ свои мечети, между тѣмъ, какъ въ Средней Азіи имъ

не дозволяется даже и жить. На нихъ наложена фетва и всѣ разбойничьи нападенія туркменовъ на Иранъ, жестокости, совершаемыя надъ шіитами, похищеніе ихъ и происходящій отсюда обширный торгъ людьми, оправдываются именно религіознымъ побужденіемъ. Понятно, что такое оправданіе не что иное какъ лицемѣріе; тамъ, гдѣ преобладаетъ фанатизмъ, лицемѣріе становится нормою жизни. Но дѣло въ томъ, что не будь персіяне шіиты, не подлежи они фетвѣ, ихъ нельзя бы было продавать въ Бухарѣ, такъ какъ законъ положительно осуждаетъ торгъ правовѣрными.

Внѣшніе обряды ислама въ Средней Азіи и многочисленнѣе и суровѣе, чѣмъ на западѣ. Все, что въ западное магометанство прокралось мягкаго, благозвучнаго, эстетическаго — въ Бухарѣ строго осуждается. «Меланхолическіе «эзаны» (призывы къ молитвѣ), раздающіеся со стройныхъ минаретовъ Босфора и такъ волшебно-дѣйствующіе на слушателя среди тишины лунной ночи, считаются въ Бухарѣ грѣхомъ и слушаются съ глубокимъ отвращеніемъ» (бухарцами).

Вотъ физіономія фанатической Бухары, начертанная Вамбери въ немногихъ строкахъ: «....Множество мечетей, медрессе, биткомъ набитыхъ учениками, кариханъ (домовъ, гдѣ втеченіи дня слѣпцы распѣваютъ коранъ), большое количество ханокъ (скитовъ), гдѣ фанатики денно и нощно выкрикиваютъ свои «сикры».... Ломанье, строгій взглядъ и дикая, фанатическая наружность муллы, ишановъ, дервишей, калентеровъ и аскетовъ — вотъ Бухара, опора ислама, гнѣздо доведеннаго до крайности религіознаго рвенія, гдѣ ученіе аравійскаго пророка вылилось въ такую форму, въ какой, можетъ быть, самъ основатель никогда не пожелалъ бы его видѣть. Отсюда ученіе его, съ такими же тенденціями, распространилось въ Индію, въ Кашмиръ, въ китайскую Татарію, и на сѣверъ — до Казани. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ бухарскій духъ пустилъ глубоко свои корни. Бухара — ихъ учитель; Бухара, а не Константинополь и не Мекка — ихъ уставщикъ. Наша цивилизація встрѣтитъ въ этихъ странахъ гораздо больше твердый камень преткновенія, чѣмъ въ западной Азіи».

Интересно у Вамбери описаніе уличной жизни города Бухары. Религіозные обряды и религіозныя увеселенія составляютъ въ ней всю умственную пищу общества. Еще до восхода солнца всѣ встаютъ и улицы покрываются неумытыми, полуодѣтыми, сонными людьми, которые бѣгутъ въ мечети на поклоненіе. Достаточные люди и вечеръ оканчиваютъ мнимо-религіознымъ образомъ, именно посѣщеніемъ «ханокъ» или монастырей, гдѣ

распѣваются духовныя поэтическія произведенія. Но это служитъ только предлогомъ къ самому гнусному разврату. Вообще лицемѣріе въ высокой степени развито въ Бухарѣ. Тамошніе фанатики искренно вѣрятъ, что достаточно соблюдать всѣ обряды и «казаться» добродѣтельнымъ, чтобы исполнить всѣ религіозно-нравственныя обязанности.

Тотъ развратъ, который на магометанскомъ западѣ хотя и существуетъ, однако считается порокомъ и грѣхомъ, тутъ процвѣтаетъ открыто. Употребленіе вина и спиртныхъ напитковъ здѣсь преслѣдуется. Въ Турціи и Персіи на запрещеніе корана пить вино смотрятъ тоже лицемѣрно, именно относя это запрещеніе только къ вину виноградному, или во всякомъ случаѣ употребляютъ водку, считая это меньшимъ преступленіемъ. Въ Бухарѣ же просто, безъ особыхъ усилій, нельзя найти вина или водки. Самое произношеніе словъ «шарабъ» (вино) и «аракъ» (водка) тамъ считается грѣхомъ. Но за то въ Бухарѣ, да и вообще въ Средней Азіи страшно развито употребленіе *сухихъ* наркотическихъ веществъ, и именно «бенги» (ядъ, добываемый изъ растенія canabis indica).

Книга Вамбери не только богата научными свѣдѣніями, но и написана съ тою увлекательностью, которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ изложенія этого знаменитаго путешественника. Чрезвычайно интересны въ ней статьи о торговлѣ невольниками и жизни невольниковъ въ Средней Азіи, о древнѣйшей исторіи Бухары, о литературѣ въ Средней Азіи, о дервишахъ и т. д. Намъ пришлось бы дѣлать слишкомъ много выписокъ, если бы мы предприняли познакомить читателя со всѣмъ, что есть интереснаго въ этой книгѣ Вамбери, изданной въ минувшемъ году въ дополненіе къ его «Путешествію по Средней Азіи». Въ предисловіи, Вамбери говоритъ, что написалъ ее потому, что первое его сочиненіе упрекали въ скупости и краткости описаній. Многословія нѣтъ и въ новой его книгѣ; изложеніе Вамбери фактическое, а потому, при его искусствѣ какъ разсказчика, чрезвычайно картинно. Предпочитаемъ отослать читателя къ вышедшему недавно русскому переводу ея. Русскому переводчику слѣдуетъ сдѣлать тотъ упрекъ, что выраженіе Вамбери turks, turkish онъ почти вездѣ перевелъ безразлично словами «турки», «турецкій» или «турецкіе», между тѣмъ какъ по большей части они относятся ко всему племени *тюркскому*. Такъ въ русскомъ переводѣ буряты, узбеки, киргизы являются подъ именемъ восточныхъ «турокъ». Это не мало собьетъ съ толку неприготовленныхъ читателей.

Л. А.

КОРНЕЛЛЕВСКІЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ
ВЪ АМЕРИКѢ.

The new education (Atlantic Monthly, февраль, мартъ и апрѣль 1869).
Eighty years of republican government in the United States. By Louis J. Jennings. 1868.
Report to the Commissioners appointed by Her Majesty to inquire in to the Echyption. Given in schools in England not comprised within Her Majesty's two Recent Commissions and to the Commissioners appointed to inquire into the School in Scotland on the Common School System of the United States and Canada. By the Rev. J. Fraser, M. A. 1867.

I.

Внутри штата Нью-Йорка, подлѣ озера Кайюги (Cayuga), на прекрасной равнинѣ расположенъ небольшой, но весьма дѣятельный городъ Итака, съ 8,000 жителей, занимающихся хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ и чугуннымъ производствомъ; двѣ желѣзныя дороги соединяютъ Итаку съ Нью-Йоркомъ и — черезъ Нью-Йоркъ—со всѣмъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, съ жизнью котораго итакійцы знакомятся ежедневно изъ мѣстной газеты и изъ двухъ другихъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, выходящихъ рѣже. Въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, въ Итакѣ шла сильная агитація по «университетскому вопросу», и какъ мѣстные органы печати, такъ и многія брошюры много разсуждали о томъ, что станется съ незатѣйливымъ, но за то

тихимъ и мирнымъ счастіемъ Итаки, когда подлѣ города возникнетъ университетъ. Были нѣкоторые краснорѣчивые люди, горячо возстававшіе противъ этого «нововведенія», но въ концѣ концовъ ихъ краснорѣчіе оказалось безуспѣшнымъ,—почти всѣ жители перешли на сторону «великаго благотворителя», и за городомъ, на возвышеніи въ 500 футовъ надъ уровнемъ озера, появились пять массивныхъ зданій въ флорентинскомъ стилѣ, изъ которыхъ два еще недостроены. 22-го сентября прошлаго года въ этихъ зданіяхъ и городѣ праздновали открытіе университета, названнаго Корнеллевскимъ по имени основателя, Эзры Корнелля (Ezra Cornell).

Начиная съ замѣчательной личности самого основателя и кончая самою ничтожною подробностью въ устройствѣ и планѣ новаго учрежденія, все въ этомъ университетѣ заслуживаетъ серьёзнаго вниманія, все въ немъ дышетъ тою жизнью и тѣмъ стремленіемъ, которыя развиваются въ народѣ, обладающемъ всѣми способами проявлять свою самостоятельность. Для самихъ американцевъ этотъ университетъ имѣетъ громадное значеніе,—въ немъ сосредоточены всѣ надежды и интересы самыхъ прогрессивныхъ и серьёзныхъ мыслителей Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ учрежденія, по словамъ «Daily-News», американцы видятъ «воплощеніе той великой революціи въ дѣлѣ образованія, которую профессоръ Тиндалль предвѣщаетъ какъ новую фазу въ жизни природы, столь же непреодолимую, какъ движеніе прилива и отлива, или какъ теченіе Гольфстрима. Новый университетъ служитъ такимъ же полнымъ представителемъ науки, какъ прежніе служили представителями религіи (напр. Оксфордъ и Кэмбриджъ). Это—новое *провозглашеніе независимости* изъ-подъ тиранніи мертвыхъ языковъ и отжившихъ формъ мысли».

Корнеллевскій университетъ дѣйствительно является результатомъ новаго, широкаго образовательнаго движенія, которое началось въ Соединенныхъ Штатахъ со времени учрежденія перваго реальнаго училища (1824), Ренселарскаго (Rensselaer) политехническаго института въ городѣ Трой (Troy). Этимъ движеніемъ выразилась сильная потребность націи въ замѣнѣ стараго классическаго образованія, перенесеннаго въ Америку изъ Англіи, новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ практической дѣятельности современной жизни. Американскій народъ создалъ свое государство съ одной стороны неутомимою борьбою съ природою, съ другой — безпрерывнымъ трудомъ на поприщѣ самоуправленія. Понимая весьма хорошо, что накопленіе богатствъ и упроченіе гражданской равноправности—задачи крайне трудныя и требующія для своего разрѣшенія орудій твердыхъ и сильныхъ, амери-

канцы быстро додумались до необходимости вывести свое образованіе на реальную дорогу, а сознавъ однажды эту необходимость и имѣя подъ рукою всѣ средства къ свободному обсужденію и испытанію любого проекта всякихъ предпріятій, они тотчасъ же приступили къ практическому удовлетворенію своихъ новыхъ нуждъ въ образованіи.

Прежде, со времени основанія республики, высшіе и средніе курсы образованія носили всегда тотъ самый классическій характеръ, какимъ надѣлены до сихъ поръ разныя классическія учебныя заведенія въ Англіи. Вся система народнаго просвѣщенія опредѣлялась закономъ 1789 года [1]), который ввелъ обязательное образованіе и раздѣлилъ всѣ училища на три разряда: низшія, среднія и высшія (primary, grammar и high schools). Всѣ города, мѣстечки и селенія должны были заводить у себя «достаточное» число школъ перваго разряда, а въ городахъ, имѣющихъ болѣе 500 жилыхъ домовъ, приказано было учредить, по крайней мѣрѣ, по одному среднему учебному заведенію; заводить высшія школы законъ не принуждалъ. Два университета: Ейльскій (Yale) и Гарвардскій уже были основаны (въ 1701 и 1642 г.) на началахъ, господствовавшихъ въ древнихъ англійскихъ университетахъ.

Въ низшихъ школахъ учатъ только грамотѣ и ариѳметикѣ; въ среднихъ — англійской грамматикѣ, географіи и исторіи Соединенныхъ Штатовъ, и есть курсы геометріи, алгебры и рисованія. Въ высшихъ училищахъ, приготовительныхъ къ университетскому образованію, введена была классическая система, господствующая тамъ и донынѣ; первостепенными высшими школами считаются тѣ, въ которыхъ преподаются оба древніе языка: греческій и латинскій, — во второстепенныхъ преподается только одинъ латинскій. Кромѣ древнихъ языковъ, курсъ высшихъ школъ заключаетъ въ себѣ поверхностное ознакомленіе съ естественною исторіею, физіологіею, химіею и астрономіею и серьезное изученіе «конституціи Соединенныхъ Штатовъ»; изъ математики здѣсь проходятъ алгебру, геометрію и тригонометрію, — сюда же причисляютъ бухгалтерію. Въ низшихъ, среднихъ и нѣкоторыхъ высшихъ училищахъ дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками; всѣ три курса проходятъ дѣти съ 5-лѣтняго возраста до 18-лѣтняго. Въ университетахъ тоже давали лишь *общее* классическое образованіе, не подготовляя студентовъ къ прак-

---

[1]) Этотъ законъ введенъ былъ сперва въ одномъ штатѣ Массачузетсѣ, но потомъ его приняли и всѣ другіе штаты сѣверной половины республики.

тической жизни; только юридическій и медицинскій факультеты имѣли въ виду спеціальныя цѣли.

Само собою разумѣется, что подобная система образованія мало соотвѣтствовала потребностямъ такого дѣятельнаго народа, какъ американцы, и поэтому, высшія школы, какъ и университеты, посѣщались довольно скудно. Успѣхъ Ренселарскаго политехническаго института показалъ высшему законодательному собранію (конгрессу) въ Вашингтонѣ, какого именно образованія недостаетъ націи. Курсъ этого заведенія продолжается четыре года и состоитъ не только изъ разныхъ отраслей технологіи, но также изъ французскаго и англійскаго языковъ, естественныхъ наукъ и философіи. Изъ этого института вышли весьма многіе замѣчательные инженеры и желѣзно-дорожные дѣятели. Въ этомъ же заведеніи впервые былъ введенъ ручной трудъ, какъ непремѣнная составная часть преподаванія, но какъ въ Ренселарскомъ институтѣ, такъ и въ другихъ американскихъ училищахъ трудъ этотъ остался непримѣнимымъ вслѣдствіе того, что его ввели какъ предметъ гимнастики, а также потому, что въ самомъ заведеніи не было никакихъ практическихъ, житейскихъ потребностей въ ручномъ трудѣ. Эта неудача заставила многихъ американцевъ предположить, что молодые люди, занимаясь умственнымъ трудомъ, теряютъ расположеніе къ труду физическому, и что трудъ ручной не есть простое тѣлесное упражненіе, но и еще нѣчто, несовмѣстное съ работою мысли. Правда, они знали, что дѣти англійскихъ рабочихъ успѣшно обучаются въ фабричныхъ школахъ, употребляя половину такъ-называемаго «рабочаго дня» (6—8 часовъ въ сутки) на техническій трудъ въ фабричныхъ залахъ. Но, утверждаютъ скептики, тамъ, на англійскихъ фабрикахъ, вы имѣете передъ собою дѣло съ дѣтьми ниже 13-лѣтняго возраста, да и все ихъ образованіе составляютъ грамота и ариѳметика;—здѣсь же вы имѣете юношей не менѣе 16 лѣтъ и образованіе преподается высшее: пусть эти юноши погуляютъ на волѣ, ловятъ бабочекъ и собираютъ цвѣты или минералы, упражняются въ интересныхъ химическихъ опытахъ, рисуютъ, — пускай ихъ лучше проводятъ время въ своей собственной веселой компаніи или научаются пріемамъ вѣжливости и пріятнаго обхожденія въ дамскомъ обществѣ, дайте имъ побольше свободы, иначе ихъ умственныя силы не вынесутъ того труда, котораго требуетъ изученіе науки. Однако, всѣ эти доводы мало убѣждаютъ туземныхъ новаторовъ въ образованіи, и Корнеллевскій университетъ ввелъ въ свои стѣны ручной трудъ, но на другихъ основаніяхъ, какъ мы увидимъ ниже.

Въ тридцатыхъ годахъ, вопросъ о практическомъ, реальномъ,

«новомъ» образованіи достигъ законодательнаго собранія, и въ обѣихъ палатахъ вашингтонскаго конгресса раздались энергическія рѣчи въ пользу обращенія всѣхъ высшихъ училищъ въ «полезныя» заведенія. Такъ какъ въ Америкѣ министры не могутъ насильно устанавливать одну систему образованія въ привилегированное положеніе передъ другою, и такъ какъ свобода печати существуетъ тамъ для всѣхъ направленій въ журналистикѣ, то голосъ практическихъ нуждъ націи былъ услышанъ и конгрессъ въ скоромъ времени приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній. И въ Америкѣ были, конечно, ловкіе сторонники классицизма, старавшіеся перенести этотъ чисто общественный вопросъ на политическую почву и запугать общество и правительство призрачными ужасами сепаратистическихъ стремленій въ разныхъ штатахъ, но всѣ ихъ усилія потерпѣли полное фіаско, и въ 1842 году конгрессъ принялъ законъ о распредѣленіи между всѣми штатами 5 милліоновъ акровъ [1]) государственной земли съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ штатѣ была учреждена хотя одна коллегія, въ которой главными предметами преподаванія были бы «такія отрасли науки, которыя приложимы къ сельскому хозяйству и механическому искусству». Земли, дарованныя конгрессомъ, лежатъ въ отдаленныхъ и мало-населенныхъ (въ то время) штатахъ: Канзасѣ, Висконсинѣ и друг., и потому не могли пойти въ дѣло тотчасъ-же. Однако же, одна мысль о возможности пріобрѣсть со временемъ порядочное пособіе дѣлу мѣстнаго образованія заставляла представителей разныхъ штатовъ подумывать о томъ, какъ бы лучше воспользоваться даромъ конгресса. Въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ стали разсуждать о томъ, какъ бы устроить такой курсъ преподаванія, какой обозначенъ въ новомъ законѣ, и явилось не мало предложеній, клонившихся къ распредѣленію денегъ, отъ предполагавшейся продажи земель, между тѣми высшими школами (high schools), которыя введутъ у себя техническій курсъ вмѣсто классическаго или вмѣстѣ съ классическимъ. Само собою разумѣется, что подобная агитація не могла не повліять и на самые упорные умы, державшіеся прежней системы образованія. Даже старые университеты уступили дружному натиску сторонниковъ новаго образованія. Въ 1846 году, Гарвардскій университетъ, а въ 1847 году и Ейльскій, открываютъ у себя «научныя школы» (scientific schools); въ 1852 году такая же школа открыта при Дартмутской коллегіи, а въ университетахъ: Бро-

---

[1]) Акръ — треть одной десятины.

унскомъ и Мичигэнскомъ вводятся параллельные курсы классической и реальной системы образованія. Въ болѣе близкій къ намъ періодъ времени, въ 60-хъ годахъ, учреждаются самостоятельныя техническія заведенія, какъ горная школа въ Колумбіи (1864) и технологическій институтъ въ Бостонѣ (1865). Въ разныхъ краяхъ страны заведены земледѣльческія школы. Корнеллевскій университетъ вѣнчаетъ дѣло и соединяетъ въ себѣ всѣ отрасли какъ научнаго, такъ и практическаго образованія.

Научныя или реальныя «школы» при университетахъ были открыты сперва, какъ особые курсы техническаго образованія. Въ отчетахъ Гарвардскаго и Ейльскаго университетовъ за 1847—48 учебный годъ прямо говорится о томъ, что начальство университета учреждаетъ особый отдѣлъ физическихъ и точныхъ наукъ (department of physical and exact science), на подобіе факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и богословскаго. Съ теченіемъ времени, однако, эти курсы стали имѣть и чисто образовательный характеръ. Въ 1860 году, Ейльскій университетъ окончательно преобразовалъ этотъ факультетъ въ факультетъ философіи и искусствъ, учредивъ трехлѣтній «общій курсъ» въ составъ котораго вошли математическія науки, естественная исторія, французскій, нѣмецкій и англійскій языки, литература, исторія, политическая экономія и торговое право, и два спеціальныхъ курса: одинъ — химическій, въ которомъ преподаются новѣйшіе языки, ботаника, физическая географія, физика и химія, исторія индуктивныхъ наукъ, геологія и логика; а другой — механическій, въ которомъ изучаютъ тѣже языки, всѣ отрасли инженернаго искусства, а также астрономію, химію, физику, минералогію и геологію. Эти два спеціальныхъ курса опредѣлялись сперва въ два года, но съ 1862 года имъ придаютъ еще «общій курсъ» въ одинъ годъ. Съ 1864 года университетъ нашелъ нужнымъ снова переработать всю систему реальнаго образованія и устроилъ семь спеціальныхъ курсовъ, каждый изъ которыхъ продолжается три года. Первый годъ — общій курсъ, состоящій изъ математики, новѣйшихъ языковъ, нравственной и политической философіи и исторіи; слѣдующіе два года посвящаются спеціальнымъ отраслямъ изученія: химіи и минералогіи, естественной исторіи и геологіи, инженерному искусству, механикѣ, сельскому хозяйству, горному дѣлу, естественнымъ наукамъ и литературѣ вообще. Другіе факультеты въ университетѣ: юридическій, медицинскій, богословскій, филологическій, тоже продолжаются по три года, и всѣ они вмѣстѣ взятые, даютъ воспитанникамъ одинаковыя права и ученыя степени: баккалавра и доктора. Вступительный экзаменъ въ реальные фа-

культеты требуетъ знанія ариѳметики, алгебры, геометріи и элементарной тригонометріи, англійской грамматики, географіи, исторіи Соединенныхъ Штатовъ и элементарныхъ свѣдѣній изъ естественной исторіи; экзаменъ въ другіе факультеты требуетъ знанія классическихъ языковъ, вмѣсто новѣйшихъ. Почти все, что мы говоримъ о Ейльскомъ университетѣ, относится и къ Гарвардскому.

Ейльскій университетъ находится въ штатѣ Коннектикутѣ; мѣстное законодательное собраніе нашло, что университетъ вполнѣ удовлетворяетъ (съ 1864 года) всѣмъ условіямъ «дара конгресса» и распорядился объ отдачѣ земли, пришедшейся на долю Коннектитута, Ейльскому университету, чѣмъ и обезпечивается теперь существованіе и процвѣтаніе реальнаго образованія въ Ейлѣ. Тоже самое сдѣлало законодательное собраніе штата Нью-Гэмпшира, гдѣ находится «реальная школа» при Дартмутской коллегіи. Этой же коллегіи подарилъ бригадный генералъ Сильванусъ Тэйеръ (Thayer) пятьдесятъ тысячъ долларовъ на основаніе школы строительнаго и инженернаго искусствъ. Въ Дартмутской коллегіи курсъ продолжается четыре года. Какъ въ Ейльскомъ и Гарвардскомъ университетахъ, такъ и въ Дартмутской коллегіи реальное образованіе идетъ весьма успѣшно, и число учащихся съ каждымъ годомъ все прибываетъ.

Менѣе успѣшны *параллельные курсы*, которые состоятъ въ томъ, что воспитанники обоихъ отдѣленій университета проводятъ первые два года вмѣстѣ и учатся обоимъ наукамъ у однихъ и тѣхъ же профессоровъ, съ тою лишь разницею, что классики учатся греческому и латинскому языкамъ, а реалисты — нѣмецкому и французскому. Остальные два года студенты проводятъ въ изученіи спеціальныхъ наукъ. Таковъ курсъ въ Броунскомъ университетѣ (въ Провиденсѣ), и въ Мичигэнскомъ университетѣ. Малый успѣхъ этихъ курсовъ опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на двадцатилѣтнее состязаніе, классическій курсъ все-таки одерживаетъ верхъ надъ реальнымъ: число студентовъ въ классическомъ курсѣ значительно превышаетъ число студентовъ въ реальномъ и студенты охотнѣе стремятся къ достиженію степени баккалавра по классическимъ наукамъ, чѣмъ по реальнымъ. Само собою разумѣется, что не малая доля этого явленія зависитъ отъ того, что само реальное образованіе есть еще новость въ Соединенныхъ Штатахъ, и что въ обществѣ настоящимъ «джентльменомъ» привыкли считать лицъ, умѣющихъ къ своему разговору кстати и некстати примѣшивать латинскія и греческія фразы.

Одинъ американскій писатель приписываетъ неуспѣхъ реализма въ параллельныхъ курсахъ исключительно тому обстоятельству, что реальные курсы идутъ вмѣстѣ съ классическими. Онъ убѣжденъ, что этотъ параллелизмъ одинаково вредитъ и классическому образованію. Онъ говоритъ:

«Одновременное веденіе двухъ совершенно различныхъ курсовъ преподаванія въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ, среди однихъ и тѣхъ же студентовъ, и однимъ и тѣмъ же составомъ профессоровъ, дѣйствуетъ, по нашему мнѣнію, весьма неблагопріятно на обѣ системы обученія. Подобную комбинацію подвергали испытаніямъ во французскихъ лицеяхъ, но неудачно, и она тамъ оставлена. Въ Германіи сочли удобнымъ отдѣлить оба курса даже въ періодъ школьнаго образованія (гимназіи и реальныя школы); тамъ же нашли необходимымъ создать особыя учрежденія для высшаго преподаванія обѣихъ системъ. Дѣло въ томъ, что весь характеръ и духъ хорошей коллегіи долженъ быть совершенно иного рода, чѣмъ въ хорошей политехнической или реальной школѣ. Въ коллегіи, господствующими идеями должны быть: стремленіе къ самой широкой культурѣ, къ наилучшему образованію и просвѣщенію ума, восторженное изученіе предметовъ изъ простой любви къ нимъ, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, любовь къ наукѣ и научнымъ изысканіямъ для самой науки. Въ политехнической школѣ тоже должна развиться и такая дрессировка ума, которая не уступила бы въ силѣ и широтѣ никакой другой дрессировкѣ, и жажда къ знаніямъ, и искреннее увлеченіе научными изысканіями, и истинная любовь къ природѣ. Но всего этого достигаютъ тамъ подъ вліяніемъ особеннаго научнаго закона и руководствуясь вовсе не такими побужденіями, какія мы привыкли искать въ коллегіи. Студентъ въ политехнической школѣ имѣетъ постоянно въ виду практическую цѣль; — онъ развиваетъ свои способности съ нарочною цѣлью образовать изъ себя лучшаго фабриканта, инженера, или учителя, онъ изучаетъ процессы природы для того, чтобы обратить потомъ свои знанія на человѣческія пользы и въ свою собственную выгоду. Если онъ ревностно старается проникнуть въ тайны электричества, то всего болѣе потому, что ему желательно понять дѣйствіе телеграфа; если онъ изучаетъ французскій и нѣмецкій языки, то главнымъ образомъ потому, что желаетъ пользоваться лучшею технологическою литературою своего времени; если онъ вбираетъ въ свой умъ глубокія и тяжкія опредѣленія математики, то это для того, чтобы изучить механику. Подобныхъ практическихъ цѣлей никогда не теряютъ изъ виду ни студенты, ни преподаватели въ политехнической

школѣ, между тѣмъ какъ въ коллегіи только изрѣдка думаютъ и еще рѣже вспоминаютъ о практикѣ жизни. Насколько духъ, свойственный политехнической школѣ, проникаетъ въ коллегію, ровно настолько коллегія падаетъ ниже своего истиннаго идеала. Практическій духъ и литературный, или схоластическій, оба хороши, но они несовмѣстимы. Смѣшанные вмѣстѣ, они извращаются оба». (Atlantic Monthly, февраль, стр. 214, 215).

Въ этомъ мнѣніи осторожнаго американца особенно важно его признаніе въ томъ, что и въ реальной школѣ, гдѣ вовсе не преподаютъ классическихъ языковъ, умъ учениковъ развивается также удачно, какъ и въ коллегіяхъ, и пріобрѣтаетъ ту же «силу и широту», и что реальная система воспитываетъ жажду и ревностное стремленіе къ серьезнымъ знаніямъ и изслѣдованіямъ, и также истинную любовь къ природѣ. Основываясь на этомъ признаніи, можно было бы спросить американца, отчего онъ не желаетъ окончательно упразднить классическую систему образованія? Если воспитанникъ реальной школы пріобрѣтаетъ «жажду къ знаніямъ» и имѣетъ отлично выдрессированный умъ, то становится несомнѣннымъ, что онъ способенъ проникаться не только практическими цѣлями, но и часто научными, а такъ какъ въ немъ преобладаетъ практическое направленіе, то его научныя понятія будутъ имѣть предметомъ самыя существенныя потребности минуты, и могутъ, слѣдовательно, разомъ удовлетворять и строгія предписанія наукъ и утилитарныя требованія жизни. Превосходство реальной системы образованія надъ классическою становится такимъ образомъ неоспоримымъ, даже съ той благопріятной для классицизма точки зрѣнія, съ которой смотритъ на разбираемый нами вопросъ американскій писатель. Онъ самъ, впрочемъ, видитъ нѣкоторое противорѣчіе въ своихъ словахъ, и старается дальше объяснить свою осторожность «естественными наклонностями» дѣтскаго ума. Мы вполнѣ согласны съ нимъ въ томъ, что слѣдуетъ обращать самое серьезное вниманіе на природныя способности учащихся и не насиловать ихъ въ пользу той или другой системы воспитанія; мы готовы допустить также, что въ настоящее время нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ ни въ пользу классицизма, ни въ пользу реализма, и что если подвергать испытанію обѣ системы, то это слѣдуетъ дѣлать при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ привилегій, и никакъ не въ параллельныхъ курсахъ, — но мы не понимаемъ, почему и университетское преподаваніе, основанное на этихъ системахъ, должно быть тоже раздѣльное. Университетское преподаваніе, въ европейскомъ смыслѣ, можетъ обнимать всѣ отрасли знанія разомъ, въ одномъ и томъ

же зданіи. Параллельные курсы въ Броунскомъ и Мичигэнскомъ университетахъ имѣютъ, впрочемъ, скорѣе характеръ гимназическій, чѣмъ университетскій; только послѣдніе два года въ этихъ университетахъ проходятъ въ преподаваніи дѣйствительно университетскихъ предметовъ. Но Корнеллевскій университетъ преслѣдуетъ болѣе широкія цѣли, какъ научныя, такъ и практическія, и поэтому принимаетъ въ свою аудиторію всѣхъ слушателей, не отдавая преимущества ни реалистамъ, ни классикамъ, и старается удовлетворить естественныя наклонности студентовъ, доставляя имъ полную свободу въ выборѣ какъ отдѣльныхъ предметовъ изученія, такъ и цѣлыхъ курсовъ. Въ немъ классическія науки соединены подъ однимъ кровомъ съ реальными, и это соединеніе, какъ мы увидимъ ниже, произведено по мысли главныхъ основателей университета, пользующихся въ штатѣ Нью-Йоркѣ такимъ же почетнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ образованія, какъ и журналъ «Atlantic Monthly».

II.

Главными учредителями Корнеллевскаго университета были два замѣчательныхъ человѣка: Эзра Корнеллъ и Эндрю Уайтъ.

Нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Корнелля такъ тѣсно связаны съ мыслью объ основаніи описываемаго нами университета, что мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ этими біографическими подробностями, тѣмъ болѣе, что онѣ интересны сами по себѣ и хорошо характеризуютъ здоровыя стороны американской жизни.

Эзра Корнеллъ родился въ 1808 году въ штатѣ Массачузетсѣ, но уже съ дѣтскихъ лѣтъ проводилъ свою жизнь въ Итакѣ и другихъ мѣстечкахъ центральной части штата Нью-Йорка, гдѣ отецъ его занимался фермерствомъ. Семья Корнелля принадлежала къ раціоналистической партіи въ сектѣ квакеровъ, извѣстной подъ именемъ гикситовъ. Маленькій Эзра, на фермѣ своего отца, научился уважать ручной, земледѣльческій трудъ и оказывалъ своей семьѣ значительныя услуги. Съ лѣтами, его практическій, смѣтливый умъ доставилъ ему извѣстность въ околодкѣ, какъ молодому человѣку, одаренному большими познаніями въ механикѣ; къ нему обращались за совѣтами всякій разъ, когда требовалось строить мельницу, плотину, сельскій мостикъ. Въ тридцатыхъ годахъ Корнеллъ изобрѣлъ плугъ; ему посовѣтовали отправиться съ плугомъ въ Вашингтонъ и взять привилегію. Въ то самое время изобрѣтеніе пишущаго теле-

трафа Морса уже пріобрѣло довольно обширную извѣстность, и вашингтонскій конгрессъ заключилъ контрактъ съ Смитомъ для проведенія подземной линіи изъ столицы Соединенныхъ Штатовъ въ Балтиморъ. Когда Корнеллъ явился въ такъ-называемое «Patent Office», которое завѣдуетъ раздачею привилегій на изобрѣтенія, — тамъ занимался въ тотъ день Смитъ, вмѣстѣ съ чиновниками, составленіемъ модели иструмента, необходимаго для копанія земли подъ телеграфную проволоку. Начальникъ вѣдомства утверждалъ, что устроить такой инструментъ дѣло невозможное, что нужно приступить къ работамъ по обыкновенному способу. Смитъ настаивалъ на необходимости новаго орудія. Молодой Корнеллъ внимательно слушалъ, и вдругъ ему пришла мысль предложить свой новый плугъ къ услугамъ Смита. Почтенный телеграфистъ выслушалъ незнакомца весьма внимательно, самъ начальникъ департамента заинтересовался объясненіями Корнелля, и результатомъ этой бесѣды было то, что Смитъ поручилъ Корнеллю устроить машину для копанія земли подъ телеграфную проволоку. Молодой изобрѣтатель тотчасъ же принялся за дѣло; средствъ у него было весьма мало, но Корнеллъ не унывалъ, хотя не разъ приходилось ему оставаться безъ обѣда, Наконецъ машина была готова, опытъ съ нею удался и работы начались. Въ скоромъ времени, проволока была проложена на разстояніи десяти верстъ, и Смитъ уже радовался, что остальныя сорокъ можно будетъ положить раньше контрактоваго срока. Корнеллъ, между тѣмъ, напалъ на мысль воздушнаго телеграфа и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Смиту; тотъ принялъ новое изобрѣтеніе съ такимъ же вниманіемъ, какъ и первое, и убѣжденный въ дѣльности проекта Корнелля, обратился къ членамъ конгресса съ обновленнымъ проектомъ балтиморскаго телеграфа. На этотъ разъ, конгрессъ поручилъ надзоръ за работами по одной изъ линій самому изобрѣтателю. Плату за труды Корнеллъ бралъ телеграфными акціями, которыя стояли въ то время весьма низко, такъ какъ мало было такихъ людей, которые способны были предвидѣть богатую будущность только-что возникавшаго предпріятія. Корнеллю, между тѣмъ, поручали строить одну линію за другою, и акцій у него собиралось все болѣе и болѣе, такъ что когда акціи стали приносить дивидендъ, онъ вдругъ сталъ весьма богатымъ человѣкомъ. Въ настоящее время, Корнеллъ считается милліонеромъ.

Подобно многимъ другимъ богатымъ американцамъ, успѣвшимъ достичь своего счастливаго положенія путемъ усиленныхъ трудовъ и изобрѣтательности ума, Корнеллъ находитъ удовлетвореніе своему благородному честолюбію въ распространеніи

образованія и въ осуществленіи разныхъ проектовъ къ улучшенію быта рабочихъ людей. Корнеллъ не забываетъ ни о своемъ происхожденіи, ни о всѣхъ затрудненіяхъ, какія пришлось ему испытывать на своемъ жизненномъ пути. Стараясь изучить въ совершенствѣ телеграфное искусство, механику и всѣ отрасли инженернаго дѣла, этотъ почтенный человѣкъ перерылъ въ свое время всю библіотеку «Patent-Office» и библіотеку вашингтонскаго конгресса. Серьезныхъ, спеціальныхъ сочиненій по этимъ отраслямъ знанія Корнеллъ нашелъ тамъ мало, и ему приходилось собирать свои свѣдѣнія изъ разныхъ энциклопедій и другихъ не-спеціальныхъ книгъ. Обращая свое вниманіе на положеніе реальнаго образованія вообще, онъ замѣтилъ, что въ его отечествѣ молодые люди пріобрѣтаютъ въ высшихъ школахъ лишь такія свѣдѣнія, которыя не имѣютъ никакого практическаго значенія. Негодуя на всѣ препятствія и непріятности, какія приходится превозмогать молодымъ людямъ, желающимъ получить образованіе согласно съ наклонностями своего ума, Корнеллъ скоро напалъ на мысль взять на себя починъ и въ дѣлѣ «новаго» образованія. Вернувшись въ Итаку, гдѣ онъ встрѣтилъ со стороны жителей самый радушный пріемъ, онъ сталъ проповѣдовать принципъ новаго образованія и старался убѣдить весь избирательный округъ, въ которомъ расположенъ городъ Итака, въ необходимости учредить университетъ на «американскихъ» началахъ. Граждане слушали его съ восторгомъ, и на слѣдующихъ выборахъ въ законодательное собраніе штата Нью-Йорка, Корнеллъ получилъ громадное число голосовъ. Это случилось въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія.

Въ 1862 году, нью-йоркское законодательное собраніе получило въ свое распоряженіе 330,000 десятинъ государственной земли, дарованной конгрессомъ въ силу закона 1842 года. Всѣ коллегіи, находившіяся въ штатѣ, узнавъ объ этомъ лакомомъ кускѣ, тотчасъ подняли сильную агитацію и стали спорить о томъ, кому слѣдуетъ овладѣть дарованными десятинами. Споръ этотъ существовалъ уже съ сороковыхъ годовъ, но только теперь достигъ полнаго ожесточенія. Одни хотѣли распредѣлить землю между всѣми коллегіями, если онѣ заведутъ у себя реальные классы, другіе требовали отдать всю землю тѣмъ коллегіямъ, которыя уже успѣли основать реальное образованіе; было много смѣшанныхъ плановъ, и всѣ прожектёры отстаивали свое по возможности бойко, горячо и съ негодованіемъ на планы противниковъ. Корнеллъ предложилъ законодательному собранію продать землю и вырученную сумму раздѣлить на двѣ ровныя половины, изъ которыхъ одна должна была удовлетво-

рить притязанія всѣхъ коллегій, а другая — послужить основнымъ капиталомъ для учрежденія большого центральнаго университета въ штатѣ.

Агитація Корнелля обратила на себя вниманіе молодого профессора исторіи въ Мичигэнскомъ университетѣ, Эндрю Уайта, урожденца города Итаки. Уайтъ тоже богатый человѣкъ, и тоже посвящаетъ значительныя средства на дѣло образованія. Историческіе труды его и преподаваніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ американскихъ университетовъ доставили ему почетную извѣстность. Все свое жалованье издерживалъ Уайтъ на пополненіе университетской библіотеки. Узнавъ объ агитаціи Корнелля въ штатѣ Нью-Йоркѣ и имѣя свою собственную завѣтную мысль о реформѣ университетскаго дѣла въ Америкѣ, молодой профессоръ, долго не медля, подалъ въ отставку въ Мичигэнѣ и вернулся на родину. Ему тоже удалось пріобрѣсть мѣсто въ законодательномъ собраніи, гдѣ онъ явился самымъ горячимъ поборникомъ предложеній Корнелля. Твердая и глубокая мысль Уайта, его обширныя знанія и блестящее краснорѣчіе успѣли привлечь на сторону Корнелля все, что было дѣльнаго и честнаго среди нью-йоркскихъ законодателей. Въ своихъ предложеніяхъ Уайтъ нѣсколько отличался отъ Корнелля, но не въ принципѣ, а лишь относительно распредѣленія подарка конгреса. Уайтъ убѣждалъ собраніе посвятить всю сумму, дарованную конгрессомъ, на устройство новаго университета. Когда, однажды, Корнеллъ защищалъ свой проектъ о раздѣленіи подаренной земли на двѣ половины, прибавивъ, что онъ, Корнеллъ, придастъ къ университетской половинѣ, изъ собственнаго кошелька, триста тысячъ долларовъ, Уайтъ обратился къ нему и сказалъ: «Корнеллъ, требуйте все».

— Въ такомъ случаѣ, подхватилъ Корнеллъ, то-есть, если вы посвятите весь конгрессовый фондъ на устройство американскаго университета, то я готовъ предоставить въ ваше распоряженіе не триста тысячъ, а цѣлые полъ-милліона долларовъ.

Часть собранія приняла эти слова съ восторгомъ, но многіе члены, особенно представители разныхъ высшихъ школъ въ штатѣ, сильно вознегодовали на «алчность» Корнелля. Предложеніе обоихъ благотворителей было отвергнуто. Оппозиція, составившаяся подъ предводительствомъ депутатовъ методистскаго института въ городкѣ Теннесси, надѣявшихся получить значительную долю конгрессоваго дара, скрѣпилась такъ сильно, что побороть ее нельзя было иначе, какъ торжественнымъ обѣщаніемъ Корнелля дать этому институту 25 тысячъ долларовъ. Впрочемъ, вновь избранное законодательное собраніе отмѣнило

это обѣщаніе, и утвердило предложеніе Корнеллъ-Уайта въ первоначальномъ видѣ, при чемъ всѣ члены собранія единодушно пожелали назвать учреждаемый университетъ «Корнеллевскимъ» — «the Cornell University».

Когда личное желаніе Корнелля стало закономъ штата, благородный благотворитель тотчасъ же представилъ не только обѣщанные полъ-милліона долларовъ, но еще около сотни десятинъ земли, палеонтологическій кабинетъ, стоющій десять тысячъ долларовъ, книгъ на три тысячи, да сто тысячъ на учрежденіе публичной библіотеки въ городѣ. Сотрудникъ «Daily-News» утверждаетъ, что кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, Корнеллъ истратилъ на университетъ еще триста тысячъ долларовъ, такъ какъ онъ самъ хлопоталъ о продажѣ конгрессовой земли, бо́льшую половину которой пріобрѣлъ въ свою собственность съ исключительною цѣлью доставить университетской коммиссіи бо́льшую сумму денегъ. Участки конгрессовой земли были отведены штату Нью-Йорку въ штатахъ Висконсинѣ и Канзасѣ; Корнеллъ послалъ туда своихъ агентовъ слѣдить за тѣмъ, чтобъ участки продавались добросовѣстнымъ образомъ и по возможности выгоднѣе для университета. Всѣ эти хлопоты и убытки, которые потерпѣлъ Корнеллъ на купленной имъ землѣ, обошлись ему въ ту сумму, о которой говоритъ сотрудникъ лондонской газеты.

III.

Труды и пожертвованія Корнелля дали самые блистательные результаты, благодаря просвѣщеннымъ усиліямъ Уайта, на долю котораго выпала трудная обязанность внутренняго устройства новаго университета. Корнеллъ желалъ лишь одного — чтобы развитію человѣческаго ума въ новомъ храмѣ науки была предоставлена полная свобода, и чтобы такое свободное развитіе было безусловною и существенною цѣлью всей программы преподаванія. Кромѣ желанія Корнелля, университетскій уставъ Уайта долженъ былъ осуществить всѣ цѣли, указанныя въ учредительномъ законѣ нью-йоркскаго законодательнаго собранія, а этотъ послѣдній законъ былъ основанъ, конечно, на условіяхъ извѣстнаго закона конгресса 1842 года. Единственнымъ условіемъ раздачи государственныхъ земель законъ 1842-го года признаетъ учрежденіе такихъ университетовъ или коллегій, гдѣ главнымъ предметомъ преподаванія введены (не исключая другихъ научныхъ или классическихъ курсовъ, и со включеніемъ военной тактики) такія отрасли знанія, которыя имѣютъ

отношеніе къ сельско-хозяйственному и механическому искусствамъ; законъ требуетъ сверхъ того, чтобы предписанія законодательныхъ собраній относительно университетскихъ уставовъ составлялись не иначе, какъ въ видахъ споспѣшествованія широкому и практическому обученію промышленныхъ классовъ разнымъ промысламъ и занятіямъ жизни. Нью-йоркское законодательное собраніе опредѣлило въ своемъ учредительномъ законѣ не только эти условія, но и два другихъ, касающихся профессоровъ и студентовъ, и признало новый университетъ органическою частью всей системы мѣстнаго образованія. Однимъ изъ двухъ упомянутыхъ условій является обязанность университета постановить за слушаніе своихъ лекцій по возможности низкую плату и допустить даромъ по одному слушателю отъ каждаго округа въ штатѣ (всѣхъ округовъ 128); эти даровые студенты избираются въ каждомъ округѣ мѣстнымъ начальствомъ (по народному образованію) изъ числа лучшихъ учениковъ высшихъ училищъ или частныхъ «академій», въ награду за личное прилежаніе. Другое условіе, введенное законодательнымъ собраніемъ въ университетскій уставъ, касается религіи профессоровъ и студентовъ; — оно требуетъ безусловной терпимости: ни одно вѣроисповѣданіе, ни атеизмъ не могутъ служить препятствіемъ ко вступленію въ число студентовъ или профессоровъ новаго университета. Мѣстныя власти штата касаются лишь внѣшней стороны университетской жизни; — внутренняя жизнь, то-есть все, что касается внутренняго управленія, образовательныхъ и научныхъ вопросовъ и поддержанія значенія университета среди другихъ учрежденій въ штатѣ — все это регулируется каждымъ факультетомъ въ отдѣльности или ихъ ежемѣсячными собраніями, называемыми академическимъ сенатомъ. Факультетомъ называется сонмъ всѣхъ профессоровъ, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ; автократическій характеръ университетскихъ ректоровъ окончательно отмѣненъ, и всѣ профессора, молодые и старые, пользуются одинаковымъ голосомъ какъ въ факультетскомъ совѣтѣ, такъ и въ академическомъ сенатѣ. Контроль надъ правильнымъ употребленіемъ университетскихъ суммъ ввѣренъ особому *бюро довѣренныхъ лицъ* (board of trustees), которому академическій сенатъ долженъ представлять ежемѣсячные отчеты. Это бюро состоитъ изъ 24 лицъ, половина которыхъ избирается нью-йоркскимъ законодательнымъ собраніемъ, девять другихъ — оффиціальные довѣренные люди, а три остальные избираются студентами, проживающими въ стѣнахъ университета (когда ихъ наберется до 50 человѣкъ); въ числѣ оффиціальныхъ довѣренныхъ людей считаются губернаторъ штата,

вице-губернаторъ, предсѣдатель нью-йоркскаго законодательнаго собранія, предсѣдатель нью-йоркскаго сельско-хозяйственнаго общества, главный инспекторъ народнаго образованія, и другіе. Неоффиціальные члены бюро избираются лишь на пять лѣтъ; оффиціальные же подлежатъ общимъ законамъ объ оффиціальныхъ лицахъ, то-есть могутъ мѣняться или ежегодно, напримѣръ, губернаторъ, или въ каждые два года разъ, напримѣръ, предсѣдатель нью-йоркскаго законодательнаго собранія.

Бюро довѣренныхъ лицъ учреждено по предписаніямъ закона объ учрежденіи университета, а права факультетскихъ профессоровъ постановлены учредительнымъ комитетомъ, на который возложена обязанность начертать университетскій уставъ.

Имѣя въ виду всѣ предписанія законодательныхъ властей и осуществленіе желаній самого учредителя, предсѣдатель комитета, Уайтъ, выработалъ въ 1866 году, вмѣстѣ съ другими членами комитета, основную теорію университетскаго преподаванія, которую онъ и изложилъ въ своемъ отчетѣ членамъ вышеупомянутаго бюро. Эта теорія зиждется, по словамъ автора, на двухъ убѣжденіяхъ, касательно образовательныхъ нуждъ страны, и на двухъ идеяхъ, соотвѣтствующихъ удовлетворенію сказанныхъ нуждъ. «Первое изъ этихъ убѣжденій, говоритъ Уайтъ, то, что существуетъ необходимость, никогда вполнѣ не удовлетворявшаяся, въ истинномъ образованіи по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ знанія, особенно въ изученіи теоріи и практики сельскаго хозяйства, промышленной механики и тому подобныхъ областей мысли и дѣятельности. Соотвѣтствующею этому убѣжденію практическою идеею является запросъ на учрежденіе такихъ заведеній, въ которыхъ требуемое образованіе проводилось бы при помощи всѣхъ средствъ, необходимыхъ для отысканія истины и для распространенія ея; требуется, далѣе, чтобы подобныя заведенія не подчинялись никакимъ другимъ, чтобы сельско-хозяйственныя и промышленныя профессіи стали во главѣ всѣхъ остальныхъ, и чтобы доступъ въ эти области знанія былъ открытъ для всѣхъ по возможности шире, а преуспѣянію ихъ споспѣшествовали по возможности больше. Второе убѣжденіе состоитъ въ томъ, что нынѣ господствующая система коллегіальнаго образованія не удовлетворяетъ потребностей весьма значительнаго числа, быть можетъ, большинства тѣхъ людей, которые желаютъ пріобрѣсть общее высшее образованіе; что хотя въ существующей системѣ высшаго образованія принимаютъ благородное участіе многіе достойные люди, она тѣмъ не менѣе посвящала свои силы и орудія главнымъ образомъ на изученіе исключительно одной системы науки,

пользоваться которою искренно желаютъ лишь весьма немногіе; что въ тѣхъ коллегіяхъ, гдѣ область изученія была расширена, всѣ курсы, не входившіе въ составъ традиціонной программы, низводили лицъ, слушавшихъ эти курсы, въ низшую касту, — что, поэтому, общее высшее образованіе лишилось своего обаянія въ глазахъ большинства надежныхъ руководителей общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло значеніе и довѣріе въ средѣ большинства всего населенія, и что, вслѣдствіе того, большинство нашихъ энергическихъ и способныхъ молодыхъ людей пренебрегаетъ университетскимъ образованіемъ и не ищетъ его. Соотвѣтствующею практическою идеею является запросъ на коллегіи съ болѣе широкими основами, въ которыхъ воспитанникъ не подлежалъ бы одному и тому же узаконенному курсу; требуется, чтобы въ одномъ учебномъ заведеніи были многія программы наукъ, способныя удовлетворить требованіямъ различныхъ плановъ и умовъ съ разными наклонностями, чтобы такимъ образомъ можно было представить такой общій курсъ наукъ, котораго не достаетъ существующимъ коллегіямъ».

Теорія Уайта встрѣтила всеобщее сочувствіе въ комитетѣ и проведена въ университетскомъ уставѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ее предложилъ этотъ почтенный профессоръ. Согласно съ этою теоріею высшаго образованія, преподаваніе распадается на два большихъ отдѣла: на отдѣлъ общаго образованія, и на отдѣлъ спеціальныхъ знаній.

Въ первомъ отдѣлѣ имѣются четыре разныя программы: одна «научная», обязательная для всѣхъ лицъ, которыя намѣрены посвятить себя изученію естественныхъ наукъ, и три общихъ. Въ первомъ общемъ курсѣ преподаются тѣже науки, какъ во всѣхъ существующихъ нынѣ коллегіяхъ — это курсъ классическій, состоящій главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и латинскаго языковъ; во второмъ общемъ курсѣ греческій языкъ замѣненъ нѣмецкимъ, а въ третьемъ и латинскій языкъ уступаетъ свое мѣсто одному изъ новѣйшихъ, именно французскому. Само собою разумѣется, что кромѣ языковъ, во всѣхъ четырехъ программахъ общаго образованія находятся и другія отрасли знанія, считающіяся необходимыми для общаго образованія. Есть еще пятый курсъ общаго образованія, такъ-называемый *выборный* (optional)—дипломъ по этому курсу выдается всякому студенту, выдержавшему экзаменъ по тремъ (не менѣе) отраслямъ знанія изъ всѣхъ остальныхъ, предлагаемыхъ въ университетѣ.

Второй отдѣлъ—отдѣлъ спеціальныхъ знаній—состоитъ изъ девяти факультетовъ: сельско-хозяйственнаго (9-ти разныхъ отраслей), промышленно-механическаго (6 отраслей), инженернаго

искусства (5 отраслей), торговли, горнаго дѣла (4 отрасли), врачебной науки, законовѣдѣнія, политики и исторіи и педагогики.

Для преподаванія всѣхъ упомянутыхъ отраслей знанія признано необходимымъ пригласить не менѣе 26-ти профессоровъ, изъ которыхъ 16-ть должны жить въ университетѣ, а остальные десять будутъ пріѣзжать въ извѣстные мѣсяцы года. Плата за эти временныя лекціи опредѣляется не разъ навсегда, но по взаимному соглашенію между временнымъ профессоромъ и бюро довѣренныхъ лицъ. Жалованье постоянныхъ профессоровъ дѣлится на три категоріи: въ 2,250 долларовъ, въ 2,000 долл. и въ 1,750, а ихъ ассистентовъ на четыре категоріи: въ 1,000 долларовъ, 1,200, 1,500 и въ 1750 долларовъ. Въ маленькомъ городѣ и въ провинціи подобное жалованье считается весьма почтеннымъ и удовлетворительнымъ. Довѣренные люди старались раздать каѳедры преимущественно молодымъ людямъ, но успѣвшимъ уже пріобрѣсть видное мѣсто въ ученой іерархіи. Многіе замѣчательные ученые, напримѣръ, оксфордскій (въ Англіи) профессоръ Голдуинъ Смитъ бросилъ большое жалованье въ Оксфордѣ и принялъ каѳедру политической экономіи въ Корнеллѣ, лишь бы послужить этому прекрасному и полезному во всѣхъ отношеніяхъ заведенію. Изъ временныхъ профессоровъ нельзя не упомянуть объ извѣстномъ натуралистѣ Агассицѣ, согласившимся прочесть 20 лекцій по естественной исторіи, а также о профессорѣ англійской литературы, извѣстномъ поэтѣ и романистѣ Джемсѣ Лоуеллѣ.

Кромѣ превосходныхъ и энергическихъ профессоровъ, университету нужны еще значительныя учебныя пособія. Учредители не щадили своихъ средствъ и усилій, чтобы и въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ университетъ могъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ учрежденій въ Америкѣ. Особенно богато и роскошно имъ удалось устроить библіотеку, въ которой книжныя сокровища собраны въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ каждомъ изъ всѣхъ другихъ туземныхъ университетовъ. Прежде всего Уайтъ постарался о пріобрѣтеніи богатой коллекціи книгъ (7,000 томовъ), принадлежавшихъ недавно умершему юристу и филологу, Чарльзу Антону. Затѣмъ, къ этой коллекціи присоединена библіотека нѣмецкаго оріенталиста Боппа, состоящая изъ 4,000 томовъ разныхъ филологическихъ сочиненій. Самъ Уайтъ отдалъ университету 13,000 томовъ историческихъ сочиненій, собранныхъ имъ во время трехъ путешествій по Европѣ; въ числѣ этихъ книгъ находится коллекція разныхъ сочиненій и памфлетовъ (числомъ 5,000) о французской революціи, принадлежавшая графу Вьель-Кастелю. Собранная Гар-

томъ коллекція разныхъ сочиненій и памфлетовъ (4,000 томовъ) о послѣдней междоусобной войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, тоже вошла въ составъ Корнеллевской библіотеки. Въ самое послѣднее время, въ нее внесено еще 12,000 томовъ сочиненій, купленныхъ при распродажѣ библіотекъ Бокля, Маколея и другихъ замѣчательныхъ европейскихъ ученыхъ. Въ 1867 году, Уайтъ былъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ и скупилъ тамъ 187 образцовыхъ земледѣльческикъ машинъ, сработанныхъ на нѣмецкихъ фабрикахъ, и полный сборъ анатомическихъ и эмбріологическихъ моделей Озу. Въ университетѣ есть сверхъ того хорошій физическій кабинетъ, богатая химическая лабораторія и превосходная коллекція палеонтологическихъ и геологическихъ предметовъ, собранныхъ въ Америкѣ проф. Джуеттомъ (Jewett) и купленныхъ у него за 10,000 долларовъ; къ этой коллекціи присоединена въ послѣднее время коллекція раковинъ и разныхъ морскихъ диковинокъ, найденныхъ натуралистомъ Ньюкомбомъ на берегахъ Калифорніи. Есть еще кабинетъ зоологіи, ботаники и другіе, устроенные на счетъ казны штата Нью-Йорка. При университетѣ имѣется, наконецъ, астрономическая обсерваторія, значительный участокъ земли для сельско-хозяйственныхъ работъ, и заведены разныя мастерскія для упражненія студентовъ въ ручномъ трудѣ, а также гимнастическій залъ и множество лодокъ разной величины на озерѣ Кайюгѣ. Предполагается обучать студентовъ также всѣмъ пріемамъ военнаго искусства; есть даже профессоръ военныхъ наукъ, маіоръ американской арміи, Джозефъ Уиттльси.

Ручной трудъ долженъ занять весьма видное мѣсто какъ въ университетскомъ преподаваніи, такъ и въ экономіи университета. Предположено, по желанію самого Корнелля, дать бѣднымъ студентамъ возможность платить за университетскій курсъ ручнымъ трудомъ. Чтобы лучше познакомить съ намѣреніями Корнелля по этому важному предмету, мы приведемъ здѣсь письмо его, помѣщенное въ нью-йоркской газетѣ «Tribune», въ отвѣтъ на многія просьбы, полученныя имъ отъ молодыхъ людей, желающихъ поступить въ университетъ, но настолько бѣдныхъ, что они не могутъ платить за свое содержаніе и за слушаніе лекцій. Корнеллъ пишетъ:

«Организуя университетъ, довѣренные люди постарались ввести въ него систему ручного труда, ни для кого не обязательную, но которая даетъ всѣмъ студентамъ университета возможность развивать посредствомъ труда свои физическія силы и энергію; справедливая плата за этотъ трудъ будетъ покрывать всѣ издержки университетскаго образованія. На фермѣ въ сотню десятинъ (300 акровъ) земли студентамъ предложатъ обработы-

вать и производить разные продукты, которыхъ требуетъ университетскій столъ. Въ число этихъ работъ будетъ включенъ уходъ за рогатымъ скотомъ, приготовленіе масла и сыра, а также убой животныхъ на мясо, посѣвъ хлѣбныхъ растеній, уходъ за овощами и плодовыми растеніями всякаго рода, подходящими подъ климатъ и свойства обработываемой почвы. Въ машинномъ отдѣленіи университета студентамъ будутъ предлагать всякаго рода механическія работы. Въ этомъ отдѣленіи поставлена паровая машина въ 25 лошадиныхъ силъ; тамъ много токарныхъ станковъ, машина для струганія желѣза и дерева, и всякаго рода инструментовъ и орудій для обработки дерева и желѣза. Тамъ студенты могутъ сами приготовлять разные инструменты, машины, модели и т. п. Постройка добавочныхъ помѣщеній и цѣлыхъ зданій снабдитъ студентовъ строительною работою на цѣлые года. Много труда потребуется на расчистку полей и луговъ, на проведеніе дорогъ, на улучшеніе и украшеніе фермы и самого университета. Трудъ студентовъ будетъ оплачиваться по обыкновеннымъ рыночнымъ цѣнамъ, и всѣ работы будутъ производиться подъ надзоромъ профессоровъ, а также свѣдущихъ надзирателей и мастеровъ. Довѣренные люди и университетскіе факультеты обѣщаютъ употребить всѣ свои старанія на то, чтобъ трудъ былъ по возможности привлекателенъ и поучителенъ для работающихъ, и чтобы онъ способствовалъ развитію здоровья, роста и физическихъ силъ студентовъ, доставляя имъ въ тоже время достаточныя средства для жизни и университетскаго ученія».

Далѣе Корнеллъ выражаетъ надежду, что ни одно лицо, «искренно желающее» получить полное университетское образованіе, не встрѣтитъ никакихъ затрудненій въ достиженіи этой цѣли своими собственными усиліями. «У насъ, — прибавляетъ онъ,—есть уже нѣсколько студентовъ, вступившихъ въ университетъ за три мѣсяца до открытія, для того, чтобъ получая по два доллара ежедневно за сѣнокосъ и жатву, обезпечить за собою образованіе». Въ заключеніи письма почтенный основатель университета прибавляетъ: «Увѣряю васъ, что если молодые люди станутъ совершать тамъ четвертую часть того ежедневнаго труда, который совершалъ я самъ въ ихъ возрастѣ, или если они станутъ трудиться лишь такъ, какъ тружусь теперь я, шестидесятилѣтній старикъ, то имъ удастся вполнѣ обезпечить за собою всѣ издержки, необходимыя для ихъ занятій и жизни въ Итакѣ».

Такъ какъ въ университетѣ предполагается устроить ручной трудъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ «по возможности привле-

кателенъ и поучителенъ для работающихъ, и чтобы онъ способствовалъ развитію здоровья, роста и физическихъ силъ», — то понятно, что и въ дальнѣйшей своей жизненной дѣятельности студенты станутъ хлопотать о томъ, чтобы и вездѣ, гдѣ имъ придется дѣйствовать или жить, ручной трудъ устраивался на такихъ же основаніяхъ. Они разнесутъ по всей странѣ столь значительную массу разныхъ технико-гигіеническихъ свѣдѣній, что не пройдетъ и одной сотни лѣтъ (особенно если въ другихъ штатахъ откроются такіе же университеты), какъ уже вся территорія Соединенныхъ Штатовъ покроется фабриками, въ которыхъ рабочіе люди будутъ пользоваться всѣми гигіеническими условіями здороваго и болѣе или менѣе пріятнаго труда. Само рабочее движеніе, получивъ поддержку со стороны образованныхъ людей, прошедшихъ школу ручного труда, найдетъ себѣ гораздо болѣе удовлетворительный исходъ какъ для рабочихъ, такъ и для капиталистовъ, чѣмъ при системѣ полнаго взаимнаго отчужденія этихъ обоихъ классовъ обществъ. Студентъ, пріобрѣвшій высшее образованіе путемъ ручного труда, пойметъ положеніе рабочаго человѣка и оцѣнитъ его почтенные труды гораздо лучше, чѣмъ какой-нибудь казенный стипендіатъ, поставленный своею стипендіею въ положеніе несамостоятельное и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже унизительное. Стипендіатъ находится въ полной зависимости отъ своихъ благотворителей или отъ тѣхъ лицъ, которымъ предоставлено распоряжаться его стипендіею; — стипендіату необходимо такъ или иначе задобривать своихъ благотворителей, а кому неизвѣстно нравственное значеніе всякихъ задобриваній и прислуживаній! Корнеллевскій студентъ избавленъ отъ этой порчи юныхъ натуръ, его личная гордость можетъ находить себѣ полное удовлетвореніе въ самостоятельномъ трудѣ, способствующемъ, сверхъ того, развитію его здоровья, роста и физическихъ силъ. Вся дисциплина, которой предполагается его подвергать, состоитъ въ простой, обыкновенной организаціи работъ; кодексъ этой дисциплины еще не выработанъ, но принципомъ ея должна служить самая широкая свобода, совмѣстная съ соблюденіемъ порядка. По всей вѣроятности, учредители не станутъ сочинять правилъ студентской жизни *a priori*, соображаясь лишь съ какими-нибудь патріархальными или бюрократическими понятіями объ отношеніи профессоровъ къ студентамъ, такъ какъ самъ Уайтъ, президентъ университета, объявилъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, что между студентами и профессорами должны быть «самыя свободныя и пріятныя сношенія, что для этой цѣли тамъ будутъ устраиваться сходки для обсужденія разныхъ теоретическихъ и

практическихъ вопросовъ науки и университетской жизни». Студенты, наконецъ, пользуются избирательнымъ правомъ, не только какъ простые граждане Итаки, но и какъ члены университетской корпораціи, которая, какъ было уже упомянуто выше, предоставляетъ имъ возможность избирать трехъ представителей своихъ интересовъ въ бюро довѣренныхъ лицъ. Въ политическихъ выборахъ студенты могутъ принимать участіе лишь по достиженіи совершеннолѣтія (21 годъ) и въ силу своихъ цензовыхъ правъ. Но подъ цензъ они всѣ подходятъ, такъ какъ ежегодныя затраты ихъ простираются до 250 долларовъ. За слушаніе лекцій полагается 30 долларовъ (20-ю долларами меньше, чѣмъ въ Ейлѣ, и 70-ю меньше, чѣмъ въ Гарвардѣ). За квартиру въ стѣнахъ университета (тамъ устроено 300 отдѣльныхъ помѣщеній) взимается тоже по 30 долларовъ ежегодно, но туда принимаются лишь самые прилежные и спокойные студенты; — остальные должны размѣститься въ городѣ и окрестностяхъ его, гдѣ они подлежатъ законамъ, обязательнымъ для всѣхъ гражданъ. Хорошій обѣдъ и вообще содержаніе обойдутся каждому студенту не менѣе 750 долларовъ ежегодно.

Наиболѣе способные и дѣльные студенты могутъ не только заработывать въ университетѣ всѣ средства къ своему существованію и обученію, но и пріобрѣсть даже нѣкоторыя средства къ послѣ-университетской жизни, такъ какъ академическій совѣтъ рѣшился, по предложенію Уайта, раздавать денежныя преміи за успѣхи. Самъ Уайтъ пожертвовалъ на этотъ предметъ тысячу долларовъ, другой профессоръ присоединилъ къ нимъ еще триста.

Сотрудникъ лондонской газеты «Daily-News» говоритъ, что бюро довѣренныхъ лицъ весьма ревностно обсуждаетъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университетъ, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Самъ Корнеллъ, когда защищалъ университетское дѣло въ законодательномъ собраніи, тоже не разъ говорилъ о необходимости распространить на женщинъ всѣ блага высшаго образованія, и тѣмъ дать имъ полную возможность развивать свои природныя способности, насколько хватитъ у нихъ терпѣнія и желанія.

Изъ нашего описанія новаго американскаго университета читатель легко составитъ себѣ понятіе о томъ воспитательномъ положеніи, которое должно принять учрежденіе Корнелля въ средѣ другихъ образовательныхъ заведеній въ штатѣ Нью-Йорка. Намъ остается, однако, опредѣлить значеніе Корнеллевскаго уни-

верситета, какъ новое орудіе къ распространенію образованія, какъ ту часть ежегодныхъ пожертвованій, употребляемыхъ штатомъ Нью-Йоркомъ, съ цѣлью внести образованіе во всѣ дома своихъ гражданъ. Это опредѣленіе сдѣлаютъ за насъ весьма краснорѣчивыя цифры отчета по народному просвѣщенію за 1862 годъ.

Въ штатѣ Нью-Йоркѣ считается около $4^1/_2$ милліоновъ жителей. Въ образовательномъ отношеніи весь штатъ раздѣленъ на 11,763 округа съ 90,288 народными школами и съ 200 академіями (средними училищами); кромѣ того, есть тамъ 8 богословскихъ школъ, до 60 женскихъ среднихъ заведеній,—въ низшихъ школахъ дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками. Есть нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній: нью-йоркскій университетъ съ медицинскою школою, университетъ въ Рочестерѣ и Мадисоновъ университетъ въ Гамильтонѣ, коллегіи «Union» въ Шенектади, «Hobart» въ Дженивѣ, «Saint Johns» въ Фордгэмѣ, «Hamilton» въ Клинтонѣ, и «Columbia» въ самомъ Нью-Йоркѣ. Фордгэмская коллегія—римско-католическая, при ней находится богословская семинарія. Кромѣ медицинской школы при университетѣ, въ Нью-Йоркѣ есть еще одна самостоятельная. Такая же школа учреждена въ Элбани, да еще одна — при дженивской коллегіи. Въ Элбани есть училище правовѣдѣнія. При разныхъ школахъ и университетахъ открыты библіотеки, въ которыхъ насчитывается до 1,700,000 томовъ. Образовательный фондъ штата простирается до 7 — 8 милліоновъ долларовъ, а ежегодно издерживается на образовательныя цѣли около 4-хъ милліоновъ. Въ 1862 году издержано 3,955,664 доллара. Если примѣнить эту цифру издержекъ на народное образованіе къ Россіи, то въ нашемъ государственномъ бюджетѣ расходы по министерству народнаго просвѣщенія оказались бы въ десять разъ больше нынѣшнихъ.

Итакъ, если въ воспитательномъ значеніи Корнеллевскій университетъ занимаетъ первое мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ, въ денежномъ, въ затратахъ на народное образованіе, онъ является лишь незначительною цифрою въ бюджетѣ своего собственнаго штата.

Р—ль.

ВОСПОМИНАНІЯ

Е. А. ХВОСТОВОЙ.

1812—1835.

V*).

Въ Петербургѣ. — Старый обожатель. — Смерть отца. — Альбомъ съ стихами Лермонтова.—Гаданье на новый годъ.—Сонъ въ руку.—На свадьбѣ въ Москвѣ.— Новый поклонникъ.— Опять Лермонтовъ и его стихи.— 1830—1833 гг.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я очень холодно встрѣтилась съ Марьей Васильевной; дядя Николай Сергѣевичъ окончилъ слѣдствіе въ Велижѣ, такимъ образомъ мы всѣ съѣхались и жизнь наша пошла прежнимъ порядкомъ, однообразная, скучная, утромъ слезы, вечеромъ балъ.

Флигель-адъютантъ Ш., произведенный въ генералы, тоже возвратился съ дядей и еще настойчивѣе сталъ за мною ухаживать, но я съ нимъ была гораздо суровѣе чѣмъ въ Велижѣ; тамъ онъ былъ одинъ, или почти одинъ, бѣдный князь стоялъ вдалекѣ, всегда безсловесный и разстроенный. На балахъ Ш. казался мнѣ смѣшнымъ вздыхателемъ съ своей лысиной, лоснящимся лицомъ, безпрестаннымъ дерганьемъ плечъ, украшенныхъ огромными эполетами, а главное, съ своими pas de pigeon въ мазуркѣ.

Мы смѣялись надъ нимъ и мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, отдѣлаться отъ его преслѣдованій, когда

---

*) См. выше: авг. 684 стр. и слѣд.

онъ началъ свое объясненіе этой неумѣстной фразой: «знаете-ли, всѣ говорятъ, что я на васъ женюсь?»

— Какой вздоръ, отвѣчала я, развѣ не видятъ, что я обращаюсь съ вами, какъ съ дѣдушкой? А мнѣ право кажется, что вы однихъ лѣтъ съ дѣдушкой, оттого-то я и люблю съ вами говорить, даже и танцовать, потому что никому не придетъ въ голову выдавать меня за васъ, мой почтенный дѣдушка.

Я такъ ошеломила этимъ отвѣтомъ сѣдовласаго поклонника, что съ этого же вечера онъ пересталъ танцовать, а мнѣ этого только и надобно было. Онъ продолжалъ къ намъ ѣздить, говорилъ мнѣ о любви своей и, по стеченію разныхъ грустныхъ для меня обстоятельствъ, я почти дала ему слово, но въ это время мой отецъ умеръ скоропостижно. Его неожиданная, одинокая, несчастная кончина, вѣроятно искупитъ передъ милосердымъ Господомъ много того, въ чемъ онъ былъ виноватъ передъ моею матерью; по крайней мѣрѣ я этого надѣюсь и объ этомъ молюсь.

Перескакиваю прямо въ деревню; и тутъ я попала изъ огня въ пламя. Только-что избавилась отъ ухаживанія Ш., какъ начались опять подобныя преслѣдованія сосѣда нашего Л., того самого, который танцовалъ со мною на балахъ и праздникахъ, данныхъ островскимъ дворянствомъ по случаю коронаціи.

Въ это время Сашенька прислала мнѣ въ подарокъ альбомъ, въ который всѣ мои московскія подруги написали увѣренія въ дружбѣ и любви. Конечно дѣло не обошлось безъ Лермонтова. Вотъ его три стихотворенія:

Въ верху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда.
Мои мечты
Она влечетъ
И съ высоты
Меня зоветъ!
Таковъ же былъ
Тотъ нѣжный взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ,
Какъ та звѣзда
Онъ былъ *высокъ*[1]).
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ!

Я тогда имѣла привычку все смотрѣть въ верхъ и Лермонтовъ смѣялся надо мной и часто повторялъ, что стòитъ быть у моихъ ногъ, чтобъ никогда не быть мной замѣчену.

Вотъ вторая его пьеса:

Я не люблю тебя! Страстей
И мукъ умчался прежній сонъ,

[1]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 101 напечатано: «далекъ».

Но образъ твой въ душѣ моей
Живетъ, хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть тебя не могъ,
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

На самомъ послѣднемъ листкѣ альбома было написано подражаніе Байрону:

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей,
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.
Быть можетъ — нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: «онъ правъ!»
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца памятникъ могильный [1]. 1831 г.

Теперь я разскажу о моемъ гаданьѣ на новый 1832 годъ. Меня научили прочесть сорокъ разъ «Отче Нашъ» и положить сорокъ земныхъ поклоновъ, потомъ, ложась спать, сказать: «Суженый-ряженый, приснися мнѣ». Я все это исполнила и вотъ, что̀ я видѣла во снѣ: я была на большомъ балѣ, танцовала, пріѣхали щегольскія маски, окружили меня; одна изъ нихъ, переодѣтая въ разносчика съ большимъ лоткомъ, меня ни на минуту не оставляла, все говорила о своей любви и передъ отъѣздомъ, взявъ съ лотка хрустальную собачку, державшую во рту письмо съ моимъ вензелемъ, подала мнѣ ее, сказавъ: ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème.

Я разсказала многимъ этотъ сонъ, въ томъ числѣ и теткѣ, кончила разумѣется тѣмъ, что забыла про него. Осенью того же года, сталъ за мною неотступно ухаживать конногвардеецъ Г-нъ. Онъ былъ не дуренъ, не глупъ, славно танцовалъ, прекрасно говорилъ по-французски, былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ, словомъ былъ, какъ говорится съ свѣтѣ, для всякой дѣ-

---

[1]) Въ изд. 1860 г., т. II, стр. 101—102, въ отдѣлѣ стихотвореній 1830—1831 гг.

вушки выгодный женихъ, и всѣ маменьки ухаживали за нимъ и за его братьями. Марья Васильевна, напротивъ, была съ нимъ неучтива до дерзости, потому что онъ на первыхъ порахъ бальнаго знакомства не обратилъ на нее никакого вниманія и не убоялся ея суровыхъ взглядовъ, продолжая слѣдить за мною шагъ за шагомъ, не скрывая ни отъ кого своей страсти ко мнѣ. Я даже увѣрена, что имъ были подкуплены наши люди; онъ до малѣйшей подробности зналъ, что̀ дѣлалось у насъ, что̀ говорилось, кто чаще посѣщалъ насъ, куда мы ѣздили, поэтому я его встрѣчала по нѣскольку разъ въ день и безъ суровости къ нему Марьи Васильевны, такой настойчивости довольно было, чтобъ заинтересовать меня и расположить въ его пользу. Но я не любила его, даже онъ мнѣ нравился менѣе чѣмъ Пестель и Хвостовъ, который въ то время служилъ въ персидскомъ посольствѣ, но моя метода продолжалась: идти во всемъ на перекоръ теткѣ.

Г-нъ черезъ всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ пытался попасть къ намъ въ домъ; но Марья Васильевна была злопамятна къ его невниманію и не соглашалась принять его; онъ не переставалъ настаивать. Такимъ образомъ наступилъ 1833 годъ. Мы встрѣтили его на балѣ Б., я обѣщала еще прежде танцовать мазурку съ Г-нымъ. Одинъ изъ его братьевъ предупредилъ меня, лишь только я пріѣхала, что можетъ быть братъ его немного опоздаетъ, проситъ у меня извиненія и умоляетъ начать мазурку съ нимъ; я согласилась, но подставной мой кавалеръ надоѣдалъ мнѣ, расхваливая слишкомъ отсутствующаго, разсказывая мнѣ, какъ онъ любитъ меня, какъ былъ бы счастливъ, если бы я согласилась выйти за него замужъ. Я догадалась, что онъ мнѣ говоритъ вытверженный урокъ и отшучивалась какъ могла. Вдругъ вошли маски, разносчикъ съ лоткомъ подбѣжалъ ко мнѣ и подалъ мнѣ точно такую хрустальную собачку, какую я видѣла во снѣ и повторилъ тѣ же самыя слова: «ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème». Маска не перемѣнила голоса, я съ перваго слова узнала Г-на, въ одну минуту припомнила свой сонъ до малѣйшей подробности, вообразила себѣ, что передо мной стоитъ мой суженый и дрожащею рукою взяла собачку, назвавъ разносчика по имени. Онъ видѣлъ мое смущеніе, и какъ всѣ эти господа, перетолковалъ его въ свою пользу, схватилъ мою руку, увѣряя меня въ любви, преданности, вѣрности и просилъ позволенія объясниться съ родными. А я, потерявъ совершенно голову, просила его подождать, стараться понравиться Марьѣ Васильевнѣ, попытаться еще ѣздить къ намъ и послѣ, если онъ не

измѣнитъ чувствъ своихъ ко мнѣ, просить моей руки. Все это такъ внезапно устроилось, что я была какъ въ чаду, говорила безъ сознанія, въ полной увѣренности, что Г-нъ предназначенъ мнѣ судьбою. А всему виной было гаданье и святочный мой сонъ.

Я разсказала его Г-ну и онъ раздѣлялъ мое убѣжденіе.

Возвратясь домой, я углубилась въ размышленія, анализировала свои чувства и не нашла въ сердцѣ своемъ и тѣни любви къ Г-ну. Мнѣ страшно было выходить замужъ безъ малѣйшаго призрака чувства, но я не имѣла никакой причины отвергнуть его предложеніе и, махнувъ рукой, успокоила себя страннымъ изреченіемъ: суженаго конемъ не объѣдешь.

Между тѣмъ, онъ началъ увиваться около Марьи Васильевны и даже на балахъ, замѣнивъ себя въ мазуркѣ однимъ изъ братьевъ своихъ, поигрывалъ въ вистъ съ нею; я ему подсказала, что это одна изъ ея слабѣйшихъ струнъ; но она все-таки не смягчилась и увѣнчала свое мщеніе тѣмъ, что, задавъ балъ, пригласила всѣхъ моихъ приверженцевъ, даже братьевъ Г-ныхъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Этимъ она въ одно время нанесла ударъ его самолюбію, а мнѣ окончательно доказала свое недоброжелательство и выиграла только то, что я не на шутку убѣдилась, что я—героиня романа, окруженная жестокими стражами, а Г-нъ — мученикъ любви; я преувеличивала себѣ его неловкое положеніе въ свѣтѣ, жалѣла о немъ, почти готова была полюбить его, лишь бы идти противъ Марьи Васильевны въ бой. Одно меня охлаждало: Г-нъ былъ рабомъ моимъ, а я искала въ мужчинѣ, котораго желала бы полюбить, которому хотѣла бы принадлежать, идеала, властелина, а не невольника, я хотѣла бы удивляться ему, унижаться передъ нимъ, смотрѣть его глазами, жить его умомъ, слѣпо вѣрить ему во всемъ,— но съ Г-нымъ мы были равны. На нашемъ балѣ я все танцовала съ его братьями, оба говорили мнѣ объ его отчаяніи отъ грубаго поступка Марьи Васильевны, представляли мнѣ, что въ сущности я не завишу отъ нея, что я должна рѣшиться бѣжать съ нимъ и тайно отъ тетки обвѣнчаться, что онъ все приготовитъ, лишь бы я только согласилась, и тотчасъ послѣ свадьбы уѣдетъ въ Москву на житье.

Первый разъ послѣ этого вечера, какъ я встрѣтилась съ Г-нымъ, онъ самъ старался убѣдить меня не подчиняться несправедливости родныхъ, когда дѣло шло о счастіи всей моей жизни, что съ нимъ я буду счастлива, что онъ мнѣ посвятитъ жизнь свою, что въ его семействѣ я найду истинныхъ родныхъ и друзей, а если съ своими родными я разсорилась бы и навсегда,

то судя по многому, потеря была бы не велика. Я не знала, что мнѣ дѣлать, онъ такъ страстно уговаривалъ меня, даже плакалъ, братья его умоляли меня о счастіи его, общіе друзья наши Р. и В. тоже мнѣ проповѣдовали, я просила его дать мнѣ двѣ недѣли на размышленіе, но ничего еще не обѣщала рѣшительнаго.

Боже мой! что я перечувствовала, что я выстрадала въ это время, я не могу описать! Всѣ почти ночи на пролетъ я ходила по комнатѣ; наконецъ я посовѣтовалась съ однимъ изъ моихъ cousin, Ростиславомъ Д-мъ. Онъ тоже самое мнѣ совѣтовалъ, то-есть: бѣжать съ Г-нымъ и скорѣе освободиться отъ моихъ гонителей. Я продолжала выѣзжать всюду и всѣхъ пугала своей блѣдностью и изнуреннымъ видомъ, но Г-нъ находилъ меня еще милѣе и былъ еще влюбленнѣе. Наконецъ я дала ему слово; назначено было съѣхаться у общей нашей повѣренной, куда бы пріѣхали и его свидѣтели и мой cousin; все было улажено, я все приготовила къ побѣгу, написала прощальное письмо Марьѣ Васильевнѣ. Насталъ этотъ день, и тутъ немного поздно, сознаюсь, я размыслила, сколько будетъ невыгодныхъ толковъ обо мнѣ, какъ неумолимый свѣтъ радъ будетъ припомнить всѣ прежнія исторіи нашего семейства, потревожитъ память усопшихъ; я думала обо всемъ этомъ, какъ настала рѣшительная минута. Я судорожно взяла клочекъ бумаги и написала Г-ну:

«Забудьте меня, разлюбите меня, но только не презирайте и не считайте меня кокеткой. У меня не достаетъ духу бѣжать и сдѣлать огласку. Можетъ быть со временемъ вы бы меня упрекнули этимъ поступкомъ и тогда мы оба были бы несчастны и навсегда несчастны. Будьте, будьте счастливы, а для себя я надѣюсь, что мнѣ не долго остается жить».

Всѣ наши повѣренные возстали на меня. Г-нъ перемѣнилъ службу и долженъ былъ оставить Петербургъ. Передъ его отъѣздомъ я встрѣтилась съ нимъ; онъ сказалъ мнѣ, что все по прежнему меня любитъ и не возвратитъ мнѣ даннаго ему слова прежде истеченія года и будетъ стараться отклонить всѣ преграды. Онъ былъ такъ искренно несчастливъ, что я обѣщала ему ни на что не рѣшаться до истеченія назначеннаго имъ срока. Онъ уѣхалъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года, мы поѣхали въ Москву; одна изъ моихъ кузинъ [1]) выходила замужъ за очень богатаго и знатнаго человѣка.

---

[1]) Е. П. Сушкова, вышедшая замужъ за графа А. Ѳ. Ростопчина.

Свадьба эта сладилась совершенно неожиданно для всѣхъ насъ и грустно удивила меня. Кузина, за недѣлю до рѣшенія своей судьбы, писала мнѣ и съ отчаяніемъ говорила о своей пламенной и неизмѣнной любви къ другому, даже умоляла Марью Васильевну употребить свое вліяніе на брата, чтобъ упрочить ея счастіе бракомъ, на который онъ не соглашался, потому что женихъ былъ бѣденъ. И вдругъ вслѣдъ за этимъ письмомъ, мы получаемъ другое письмо, съ извѣщеніемъ объ ея помолвкѣ съ богачемъ!

Грустно мнѣ было ѣхать въ Москву, гдѣ незадолго передъ этимъ скончалась бабушка Прасковья Михайловна. Первый мой выѣздъ былъ на ея могилу въ Дѣвичьемъ монастырѣ; — какъ горько я плакала, какъ усердно молилась, чтобъ Господь прекѣкъ и мою грустную жизнь; мнѣ некого было оставлять, несого жалѣть, одна лишь дружба Сашеньки блѣдно свѣтилась мнѣ въ будущемъ. О родныхъ же я недумала... Въ однихъ только молитвахъ я находила успокоеніе.

Съ волненіемъ, съ безпокойствомъ ждала я первой встрѣчи съ кузиной; я не радовалась за нее, но оплакивала судьбу ея: я не понимала возможности выдти замужъ любя другого и такая свадьба мнѣ казалась мрачнѣе бала безъ кавалергардовъ, — сильнѣе этого сравненія я тогда не могла подобрать.

Но какъ выразить мое изумленіе, я не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ, когда меня встрѣтила кузина, не блѣдная, не исхудалая, не грустная, но веселая, цвѣтущая, счастливая! Первое ея восклицаніе было: «представь себѣ, Catherine, вся Москва завидуетъ моей участи, моимъ брилліантамъ, а какой у меня будетъ кабинетъ! просто игрушечка; женихъ мой во всемъ совѣтуется со мной!»

И смотря на нее безсмысленными глазами, мнѣ въ первый разъ запала въ сердцѣ безотрадная мысль: стало быть богатство и знатность могутъ замѣнить любовь?—Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно: неужели, думала я, и мнѣ суждено выдти замужъ по разсчету?

Свадьба была блистательная, молодые казались счастливыми, обѣды и балы обыкновенной чередой смѣнялись одинъ за другимъ. На прекрасномъ балѣ молодыхъ, мнѣ пришлось протанцовать раза три съ какимъ-то очень молодымъ человѣкомъ; мнѣ его представили, я не разслышала его фамиліи, да и не освѣдомилась о ней и послѣ продолжительной мазурки, хотя разговоръ моего кавалера нравился мнѣ проблесками чувства и наивнаго удивленія, внушеннаго ему мною.

Этотъ мазуристъ оказался двоюроднымъ братомъ Сашеньки. Съ возвратомъ Сашеньки въ Москву, я часто съ нимъ встрѣчалась у нея. Сашенька въ этотъ разъ удивляла своей настойчивостью дразнить меня страстью, которую я, по словамъ ея, внушала Лермонтову; всякій разъ бывало, когда Л-нъ оживится слишкомъ въ разговорѣ со мною, или призадумается глядя на меня, Сашенька совсѣмъ не кстати заговоритъ о влюбленномъ отрокѣ-поэтѣ, пустится разсказывать Л-ну, какъ любилъ онъ меня, какъ ревновалъ, какъ воспѣвалъ, какъ бѣсился на мое равнодушіе и къ довершенію продекламируетъ его стихи, посвященные мнѣ. Л-нъ, повидимому, какъ бы не вслушивался въ эти разсказы, посвистываетъ себѣ французскіе водевильные куплеты, насупится и промолчитъ все остальное время нашей бесѣды, а иногда прежде окончанія ея разсказа совсѣмъ скроется.

Одинъ разъ послѣ подобной выходки, Сашенька, внимательно посмотрѣвъ на меня, сказала: «какъ тебя любитъ Л-нъ!»

— Полно, Сашенька; ты во всѣхъ подозрѣваешь любовь ко мнѣ; Л-нъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что вѣрно никого и никогда не полюбитъ.

— Онъ холоденъ? онъ не любитъ тебя? пожалуй ты тоже не замѣтила, какъ онъ ревнуетъ тебя къ памяти Лермонтова. Одно имя нашего поэта выводитъ его изъ себя, съ какимъ волненіемъ тогда онъ смотритъ на тебя, съ какими пожирающими взорами слѣдитъ за каждымъ твоимъ движеніемъ; да, онъ любитъ тебя страстно и ты это давно знаешь.

— Перестань, Сашенька; для меня главное достоинство Л-на и Лермонтова то, что они твои братья и дружба моя къ тебѣ отражается въ непринужденномъ, дружескомъ моемъ обращеніи съ ними; особливо на Л-на я смотрю какъ на хорошаго пріятеля и не имѣю притязаній на болѣе нѣжное чувство съ его стороны. Успокойся, ни тотъ, ни другой не могутъ полюбить меня, я старѣе ихъ почти двумя годами.

— А кузина твоя, развѣ не старѣе своего мужа? а ты гораздо ее моложавѣе; да это все пустыя отговорки, я стою на своемъ: Л-нъ тебя любитъ, да и ты его любишь, можетъ быть ты еще не созналась и себѣ въ этомъ чувствѣ.

— Да, кажется, я никогда не сознаюсь.

— Хорошо, только вѣрь моему предчувствію; вы полюбите другъ друга, или правильнѣе сказать, вы уже оба влюблены.

— Сашенька, по моему, любить и влюбиться двѣ разныя вещи; влюбляешься на время въ хорошенькое лицо, полюбуешься имъ, а потомъ и забудешь — а любить, любить можно только разъ въ жизни.

Я не успѣла кончить послѣднихъ словъ, какъ вошелъ Л-нъ. Я вспыхнула при мысли, не слыхалъ ли онъ моихъ объясненій о любви и о влюбленности; мнѣ было неловко, я имѣла видъ виноватой.

Между тѣмъ Сашенька прямо заговорила о Лермонтовѣ и дала мнѣ двѣ его пьесы, которыя съ 1830 года хранились у нея.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ
Отъ нея разсыпаясь бѣжитъ.

* * *

Но поймать ты не льстись и ловить берегись —
Обманчивы лучъ и волна,
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдетъ и заблещетъ она!

* * *

Свѣтлой радости такъ безконечной призракъ
Насъ манитъ подъ холодною мглой,
Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ,—онъ вновь предъ тобой.

1830 г.

Л-нъ читалъ стихи, Сашенька нѣсколько разъ повторила: «обманчивы лучъ и волна». Потомъ продекламировала сама слѣдующую пьесу съ большой напыщенностію, подчеркивая, если можно такъ сказать, нѣкоторыя выраженія:

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.

* * *

Слеза по щекѣ огневая катится —
Она не изъ сердца идетъ;
Что̀ въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ и умретъ.

* * *

Не смѣйте искать въ той груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ;
Когда я свои презираю мученья,
Что̀ мнѣ до страданій чужихъ?

* * *

Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я-бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
А я не люблю вспоминать!

* * *

Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былого призракъ,
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ.

* * *

Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ безъ надеждъ воротится,
Жалѣя о краѣ родномъ [1]).

1831 г.

Сашенька обратилась ко мнѣ съ этими словами:

— Согласись, Catherine, что Лермонтовъ не только поэтъ, но даже пророкъ.

— Я не понимаю тебя.

— Видишь, онъ говоритъ объ умершей дѣвицѣ, а вѣдь ты для него точно умерла, никогда не говоришь о немъ, я это ему напишу.

— Напиши и поклонись ему отъ меня; ты пошлешь ему въ одно время и клевету и опроверженіе.

Намъ пришли сказать, что экипажи готовы, и мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Нескучное.

Погода была чудесная; театръ, устроенный въ саду подъ открытымъ небомъ, восхитилъ меня; декораціями служили вѣковыя деревья, журчащій ручеекъ, дерновыя скамьи и кусты махровыхъ розъ.

Во время антрактовъ дамы перебѣгали изъ ложи въ ложу, въ креслахъ тоже пестрѣли нарядныя дамскія шляпки, кавалеры подносили своимъ избраннымъ и ихъ безмолвнымъ и неулыбающимся тѣлохранительницамъ, букеты, фрукты и мороженое. Л-нъ конечно не забылъ меня; онъ далъ мнѣ букетъ изъ бѣлыхъ розъ и незабудокъ, а Марьѣ Васильевнѣ изо всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и травъ, и обѣ мы были довольны его выборомъ [2]).

---

[1]) Оба послѣднія стихотворенія, если только не ошибаюсь, не были еще напечатаны.

[2]) Далѣе нѣсколько десятковъ страницъ отведено подъ разсказъ о любви Л-на, о свиданіяхъ и бесѣдахъ съ нимъ и т. п. Весь этотъ разсказъ, какъ не имѣющій никакого общаго интереса, при всей увлекательности его изложенія—я счелъ необходимымъ опустить.

VI.

Сватовство. — Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ. — Появленіе его на домашней вечеринкѣ. — Новыя его посѣщенія. — Поцѣлуй. — Балъ у адмирала А. С. Шишкова. — Опасеніе дуэли. — Пріѣздъ жениха. — Разочарованіе. — Новая любовь. — Балъ у генералъ-губернатора. — Вѣроломный другъ. — Страсть и признаніе въ ней Лермонтову. 1834 г.

L'élément de l'amour est la douleur,
son atmosphère est l'orage.
(D'Arlincourt).

Осенью 1834 г. мы ранѣе обыкновеннаго возвратились изъ деревни въ Петербургъ въ ожиданіи пріѣзда вѣчно кочующаго табора, т. е. дяди Андрея Васильевича, Прасковьи Васильевны и ихъ ангела Вареньки.

Сестра Лиза пріѣхала тоже съ ними. Отрадны были первые дни моего соединенія съ нею. Она пріѣхала изъ Пензы; я съ жадностью слушала ея разсказы объ этомъ городѣ, о дѣдушкѣ, которому очень хотѣлось повидаться со мной, о благоговѣйномъ воспоминаніи, которое оставила мать моя всѣмъ и каждому. Наговорившись до сыта о прошедшемъ, помечтавъ объ осуществленіи нашего задушевнаго желанія побывать вмѣстѣ въ Пензѣ, мы перешли къ настоящему, и она мнѣ разсказала, какъ проѣздомъ черезъ Москву она часто видалась съ Сашенькой, сдружилась съ Вѣрой, сестрой Л-на, какъ онъ всегда краснѣлъ, когда говорили обо мнѣ, и какъ Вѣра спросила ее, помню ли я ея брата?

— Какъ и всѣхъ знакомыхъ, отвѣчала Лиза.

— Я надѣюсь, возразила Вѣра, что братъ мой не то, что всѣ для нея.

Вскорѣ потомъ я получила письмо отъ Сашеньки.

«То, что я должна тебѣ открыть, не удивитъ тебя, писала Сашенька, ты привыкла побѣждать сердца. Если бы я тебѣ сказала, что тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я буду говорить тебѣ, остался равнодушнымъ послѣ короткаго знакомства съ тобою — вотъ что могло-бы справедливо удивить тебя. Итакъ, скажу тебѣ съ его согласія, что онъ любитъ тебя, что отъ тебя одной зависитъ его счастіе! Я не называю его; напиши мнѣ, что сердце твое его узнало, его назвало, онъ приметъ такой отвѣтъ за согласіе и въ декабрѣ пріѣдетъ въ Петербургъ, чтобъ объясниться съ твоими родными. Но ради Бога, прежде чѣмъ ты увидишься съ нимъ, не говори ни слова роднымъ твоимъ о

немъ, во-первыхъ: ты отъ нихъ не зависишь; во-вторыхъ: вспомни, какъ они здѣсь съ нимъ дурно обращались».

Въ отвѣтѣ моемъ я имѣла неимовѣрную глупость дать почти форменное согласіе, сказавъ, что сердце мое не ошибается, и трудно было бы ошибиться, когда я только съ однимъ молодымъ человѣкомъ была коротка въ Москвѣ и что я буду ждать его и молчать.....

Трудно не подивиться моей сверхъестественной глупости; и тутъ еще я ничего не сказала дядѣ Николаю Васильевичу, когда до той поры ни въ чемъ не скрывалась отъ него — вѣрно не суждено было состояться этому браку.

Сашенька отвѣчала, что онъ счастливъ, благодаренъ, подтверждала хранить тайну, потому что и онъ никому изъ своихъ родныхъ ничего не откроетъ, до объясненія со мной. Я стала считать себя его невѣстой, успокоилась на счетъ своей будущности, старалась убѣдить себя, что я его люблю, принуждала себя безпрестанно думать о немъ — но любовь не зарождалась, а я все ждала ее. Лиза величала меня: Madame de L-ne. Мы устроивали будущую жизнь, я брала ее къ себѣ, въ воображеніи нашемъ мы уже посѣтили Пензу, свидѣлись съ дѣдушкой, поплакали на могилѣ матери нашей. Такимъ образомъ наступило 4-е декабря.

Живо я помню этотъ, вмѣстѣ и роковой и счастливый вечеръ; мы одѣвались на балъ къ госпожѣ К. Я была въ бѣломъ платьѣ, вышитомъ пунцовыми звѣздочками и съ пунцовыми гвоздиками въ волосахъ. Я была очень равнодушна къ моему туалету.

Л-нъ не увидитъ меня, думала я, а для прочихъ я уже не существую.

Въ швейцарской снимали шубы и прямо входили въ танцовальную залу по прекрасной лѣстницѣ, убранной цвѣтами, увѣшанной зеркалами; зеркала были такъ размѣщены въ залѣ и на лѣстницѣ, что отражали въ одно время всѣхъ пріѣхавшихъ и пріѣзжающихъ; въ одну минуту можно было разглядѣть всѣхъ знакомыхъ. По близорукости своей и по равнодушію, я шла опустивъ голову, какъ вдругъ Лиза вскричала: «ахъ, Мишель Лермонтовъ здѣсь!»

— Какъ я рада, отвѣчала я; онъ намъ скажетъ, когда пріѣдетъ Л-нъ.

Пока мы говорили, Мишель уже подбѣжалъ ко мнѣ, восхищенный, обрадованный этой встрѣчей, и сказалъ мнѣ:

— Я зналъ, что вы будете здѣсь, караулилъ васъ у дверей, чтобъ первому ангажировать васъ.

Я обѣщала ему двѣ кадрили и мазурку, обрадовалась ему,

какъ умному человѣку, а еще болѣе, какъ другу Л-на. Л-нъ былъ моей первенствующей мыслью. Я не видала Лермонтова съ 30-го года; онъ почти не перемѣнился въ эти четыре года, возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ большею увѣренностію, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностію.

— Меня только на дняхъ произвели въ офицеры, сказалъ онъ [1]); я поспѣшилъ похвастаться передъ вами моимъ гусарскимъ мундиромъ и моими эполетами; они даютъ мнѣ право танцовать съ вами мазурку; видите ли, какъ я злопамятенъ, я не забылъ косого конно-гвардейца; оттого въ юнкерскомъ мундирѣ я избѣгалъ случая встрѣчать васъ; помню, какъ жестоко вы обращались со мной, когда я носилъ студенческую курточку.

— А ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись, теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами.

— По зрѣлости моего ума?

— Нѣтъ, это въ сторону; во-первыхъ, я въ Петербургѣ не могу выбирать кавалеровъ, а во-вторыхъ, я перемѣнилась во многомъ.

— И этому причиной любовь?

— Да я и сама не знаю; скорѣе, мнѣ кажется, непростительное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ.

— Къ окружающимъ — я думаю; къ отсутствующимъ — позвольте не вѣрить вамъ.

— Браво, monsieur Michel, вы кажется заочно меня изучали; смотрите, легко ошибетесь.

— Тѣмъ лучше; посмотрите, изучилъ ли я васъ или нѣтъ, но вы точно перемѣнились; вы какъ-будто находитесь подъ вліяніемъ чей-то власти, какъ-будто на васъ тяготѣетъ какая-то обязанность, отвѣтственность, правда-ли?

— Нѣтъ, пустяки, — оставимте настоящее и будущее, давайте вспоминать.

Тутъ мы стали болтать Сашенькѣ, о Средниковѣ, о Троицкой Лаврѣ, — много смѣялись, но я не могла рѣшиться замолвить первая о Л-нѣ.

Раздалась мазурка; едва мы усѣлись, какъ Лермонтовъ сказалъ мнѣ, смотря прямо мнѣ въ глаза:

---

[1]) Въ 1832 г., Лермонтовъ, исключенный за шалость изъ московскаго университета, поступилъ въ юнкерскую школу въ Петербургѣ, откуда и выпущенъ въ 1834 году корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

— Знаете ли, на дняхъ сюда пріѣдетъ Л-нъ.

Для избѣжанія утвердительнаго отвѣта я спросила:

— Такъ вы скоро его ждете?

Я чувствовала, какъ краснѣла отъ этого имени, отъ своего непонятнаго притворства, а главное отъ испытующихъ взоровъ Мишеля.

— Какъ хорошо, какъ звучно называться Madame de L-ne, продолжалъ Мишель, не правда-ли? Согласились бы вы принять это имя?

— Я соглашусь въ томъ, что есть много именъ лучше этого, — отвѣчала я отрывисто, раздосадованная на Л-на, котораго я упрекала въ измѣнѣ; отъ меня требовалъ молчанія, а самъ безъ моего согласія повѣрялъ нашу тайну своимъ друзьямъ, а можетъ быть и хвастается вліяніемъ своимъ на меня. Не помню теперь слово въ слово разговоръ мой съ Лермонтовымъ, но помню только, что я убѣдилась въ томъ, что ему все было извѣстно и что онъ въ безпрерывной перепискѣ съ Л-нымъ; онъ распространялся о добротѣ его сердца, о ничтожности его ума, а болѣе всего напиралъ, съ колкостью, о его богатствѣ.

Лиза и я, мы сказали Лермонтову, что у насъ 6-го будутъ танцовать, и онъ намъ рѣшительно объявилъ, что пріѣдетъ къ намъ.

— Возможно-ли, вскричали мы въ одинъ голосъ; вы не знаете ни дядей, ни тетокъ?

— Что за дѣло? я пріѣду къ вамъ.

— Да мы не можемъ принять васъ, мы не принимаемъ никого.

— Пріѣду пораньше, велю доложить вамъ, вы меня и представите.

Мы были и испуганы и удивлены его удальствомъ, но зная его коротко, ожидали отъ него такого необдуманнаго поступка.

Мы начали ему представлять строгость тетокъ и сколько онъ намъ навлечетъ непріятныхъ хлопотъ.

— Во что бы то ни стало, повторилъ онъ, я непремѣнно буду у васъ послѣзавтра.

Возвратясь домой, мы много разсуждали съ сестрой о Лермонтовѣ, о Л-нѣ и очень безпокоились, какъ сойдетъ намъ съ рукъ безразсудное посѣщеніе Лермонтова.

Наконецъ насталъ страшный день 6-го декабря. Съ утра у насъ была толпа поздравителей; къ обѣду собралось человѣкъ сорокъ, всѣ родные, вся канцелярія и нѣкоторые изъ несносныхъ нашихъ обожателей; по какому-то предчувствію, я отка-

зала всѣмъ первую кадриль и мазурку, не говоря да и не зная навѣрное, съ кѣмъ придется ихъ танцовать; впрочемъ, лучшіе кавалеры должны были пріѣхать позднѣе и я могла всегда выбрать одного изъ нихъ.

Не позже семи часовъ, лакей пришелъ доложить сестрѣ и мнѣ, что какой-то маленькій офицеръ проситъ насъ обѣихъ выдти къ нему въ лакейскую.

— Что за вздоръ, вскричали мы въ одинъ голосъ; какъ это можетъ быть.

— Право, сударыни, какой-то маленькій гусаръ спрашиваетъ, здѣсь ли живутъ Екатерина Александровна и Елизавета Александровна С-вы.

— Поди, спроси его имя.

— Лакей возвратился и объявилъ, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ дѣвицамъ С-мъ.

— А, теперь я понимаю, сказала я; онъ у меня спрашивалъ адресъ брата Дмитрія и вѣроятно отыскиваетъ его.

Братъ Дмитрій пригодился намъ и могъ доставить истинное удовольствіе, представивъ въ нашъ домъ умнаго танцора, остраго разсказчика и сверхъ всего моего милаго поэта. Мы съ сестрой увѣрили его, что бывшій его товарищъ по университетскому пансіону къ нему пріѣхалъ и дали ему мысль представить его Марьѣ Васильевнѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ; все обошлось какъ нельзя лучше.

Я отъ души смѣялась съ Лермонтовымъ....

Лермонтовъ самъ удивился, какъ все складно устроилось, а я просто не приходила въ себя отъ удивленія къ своей находчивости.

— Видите ли, сказалъ онъ мнѣ, какъ легко достигнуть того, чего пламенно желаешь?

— Я бы не тратила свои пламенныя желанія для одного танцовальнаго вечера больше или меньше въ зиму.

— Тутъ не о лишнемъ вечерѣ идетъ дѣло; я сдѣлалъ первый шагъ въ ваше общество и этого много для меня. Помните, я еще въ Москвѣ вамъ говорилъ объ этой мечтѣ, теперь только осуществившейся.

Онъ позвалъ меня на два сбереженные для него танца и былъ очень веселъ и милъ со всѣми, даже ни надъ кѣмъ не посмѣялся. Во время мазурки онъ началъ мнѣ говорить о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Москву.

— И скоро вы ѣдете?

— Къ праздникамъ или тотчасъ послѣ праздниковъ.

— Я вамъ завидую, вы увидите Сашеньку!

— Я бы вамъ охотно уступилъ это счастіе, особенно вамъ, а не другому. Я ѣду не для удовольствія, меня тоже зависть гонитъ отсюда; я не хочу, я не могу быть свидѣтелемъ счастія другого, видѣть, что богатство все доставляетъ своимъ избраннымъ, — богатому лишнее имѣть умъ, душу, сердце, его и безъ этихъ прилагательныхъ полюбятъ, оцѣнятъ, для него не замѣтятъ искренной любви бѣдняка, а если и замѣтятъ, то прикинутся недогадливыми; не правда-ли, это часто случается?

— Я не знаю, я никогда не была въ такомъ положеніи; по моему мнѣнію, одно богатство безъ личныхъ достоинствъ ничего не значитъ.

— Поэтому, позвольте васъ спросить, что же вы нашли въ Л-нѣ?

— Я говорю вообще и не допускаю личностей.

— А я прямо говорю о немъ.

— О, если такъ, сказала я, стараясь выказать какъ можно больше одушевленія, такъ мнѣ кажется, что Л-нъ имѣетъ все, чтобъ быть истинно любимымъ и безъ его богатства; онъ такъ добръ, такъ внимателенъ, такъ чистосердеченъ, такъ безкорыстенъ, что въ любви и въ дружбѣ можно положиться на него.

— А я увѣренъ, что если бы отняли у него принадлежащія ему пять тысячъ душъ, то вы бы первая и не взглянули на него.

— Могу васъ увѣрить, я не знала, богатъ или бѣденъ онъ, когда познакомилась съ нимъ въ Москвѣ, и долго спустя узнала, какъ отецъ его поступилъ благородно съ сестрой своей и по неотступной просьбѣ Л-на уступилъ ей половину имѣнія, а такіе примѣры рѣдки. Теперь я знаю, что онъ богатъ, но это не увеличило ни на волосъ моего хорошаго мнѣнія о немъ; для меня богатство для человѣка все равно, что роскошный переплетъ для книги: глупой не придастъ занимательности, хорошей — не придастъ цѣны и своей мишурной позолотой.

— И вы всегда такъ думали?

— Всегда, и нѣсколько разъ доказывала это на дѣлѣ.

— Такъ ваше мнѣніе о Л-нѣ?

— Самое лестное и непоколебимое.

— Да я зналъ и прежде, что вы въ Москвѣ очень благоволили къ нему, а онъ-то совсѣмъ растаялъ; я знаю все, помните ли вы Нескучное, превратившееся безъ васъ въ Скучное, букетъ изъ незабудокъ, страстные стихи въ альбомѣ; да, я все тогда же зналъ и теперь знаю, съ какими надеждами онъ сюда ѣдетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ чернокнижникъ, но истощаете свое дарованіе на пустяки.

— О, если бы я былъ точно чернокнижникъ! Но я просто другъ Л-на и у него нѣтъ отъ меня ни одной скрытой мысли, ни одного задушевнаго желанія.

Мнѣ еще досаднѣе стало на Л-на, зачѣмъ поставилъ онъ меня въ фальшивое положеніе передъ Мишелемъ, разболтавъ ему всѣ эти пустяки и наши планы на будущее.

Между тѣмъ мазурка кончилась, въ ожиданіи ужина Яковлевъ пѣлъ разные романсы и восхищалъ всѣхъ своимъ пріятнымъ голосомъ и чудной методой.

Когда онъ запѣлъ:

Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей погасла не совсѣмъ,—

Мишель шепнулъ мнѣ, что эти слова выражаютъ ясно его чувства въ настоящую минуту.

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

— О нѣтъ, продолжалъ Лермонтовъ въ полголоса, пускай тревожитъ, это — вѣрнѣйшее средство не быть забыту.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,

— Я не понимаю робости и безмолвія, шепталъ онъ, а безнадежность предоставляю женщинамъ.

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

— Это совсѣмъ надо перемѣнить, естественно ли желать счастія любимой женщинѣ, да еще съ другимъ? Нѣтъ, пусть она будетъ несчастлива; я такъ понимаю любовь, что предпочелъ бы ея любовь — ея счастію; несчастлива черезъ меня, это бы связало ее на вѣкъ со мною! А вѣдь такія мелкія, сладкія натуры, какъ Л-нъ, чего добраго, и пожелалъ бы счастія своимъ предметамъ! А все-таки жаль, что я не написалъ эти стихи, только я бы ихъ немного измѣнилъ. Впрочемъ у Баратынскаго есть пьеса, которая мнѣ еще больше нравится, она еще вѣрнѣе обрисовываетъ мое прошедшее и настоящее, и онъ началъ декламировать:

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему я занятъ вами

И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Другимъ молился божествамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца!

— Вамъ, Михаилъ Юрьевичъ, нечего завидовать этимъ стихамъ, вы еще лучше выразились:

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

— Вы помните мои стихи, вы сохранили ихъ? Ради Бога, отдайте мнѣ ихъ; я нѣкоторые забылъ, я передѣлаю ихъ получше и вамъ же посвящу.

— Нѣтъ, ни за что не отдамъ, я ихъ предпочитаю какими они есть, съ ихъ ошибками, но съ свѣжестью чувства; они точно не полны, но если вы ихъ передѣлаете, они утратятъ свою неподдѣльность, оттого-то я и дорожу вашими первыми опытами.

Онъ настаивалъ, я защищала свое добро — и отстояла.

На другой день вечеромъ, мы сидѣли съ Лизой въ маленькой гостиной и какъ обыкновенно случается послѣ двухъ баловъ сряду, въ неглиже, усталыя, полусонныя и лѣниво читали вновь вышедшій романъ г-жи Дебордъ-Вальморъ: «l'Atelier d'un peintre». Марья Васильевна по обыкновенію играла въ карты въ большой пріемной, какъ вдругъ раздался шумъ сабли и шпоръ.

— Вѣрно Лермонтовъ, проговорила Лиза.

— Что за вздоръ, отвѣчала я, съ какой стати?

Тутъ раздались слова тетки: мои племянницы въ той комнатѣ, и передъ нами вдругъ явился Лермонтовъ. Я оцѣпенѣла отъ удивленія.

— Какъ это можно, вскрикнула я, два дня сряду! и прежде никогда не бывали у насъ, какъ это вамъ не отказали; сегодня у насъ принимаютъ только самыхъ короткихъ.

— Да мнѣ и отказывали, но я настойчивъ.

— Какъ же васъ приняла тетка?

— Какъ видите, очень хорошо, нельзя лучше, потому что допустила до васъ.

— Это просто сумазбродство, monsieur Michel, c'est absurde, вы еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ.

Не долго я сердилась, онъ меня заговорилъ, развеселилъ, разсмѣшилъ разными разсказами. Потомъ мы пустились разсуж-

дать о новомъ романѣ и по просьбѣ его, я ему дала его прочитать съ уговоромъ, чтобъ онъ написалъ свои замѣчанія на тѣ мѣста, которыя мнѣ больше нравились и которыя, по *Онѣгинской* дурной привычкѣ, я отмѣчала карандашемъ или ногтемъ; онъ обѣщалъ исполнить уговоръ и взялъ книги.

Онъ предложилъ намъ гадать въ карты, по праву чернокнижника предсказать намъ будущность. Не мудрено было ему наговорить мнѣ много правды о настоящемъ, до будущаго онъ не касался, говоря, что для этого нужны разныя приготовленія.

— Но по рукѣ я еще лучше гадаю, сказалъ онъ, дайте мнѣ вашу руку и увидите.

Я протянула ее и онъ серьезно и внимательно сталъ разсматривать всѣ черты на ладони, но молчалъ.

— Ну что же? спросила я.

— Эта рука обѣщаетъ много счастія тому, кто будетъ ею обладать и цаловать ее, и потому я первый воспользуюсь.—Тутъ онъ съ жаромъ поцаловалъ и пожалъ ее.

Я выдернула руку, сконфузилась, раскраснѣлась и убѣжала въ другую комнату. Что это былъ за поцалуй! Если я проживу и сто лѣтъ, то и тогда я не позабуду его; лишь только и теперь подумаю о немъ, то кажется, такъ и чувствую прикосновеніе его жаркихъ губъ; это воспоминаніе и теперь еще волнуетъ меня, но въ ту самую минуту со мной сдѣлался мгновенный, непостижимый переворотъ; сердце забилось, кровь такъ и переливалась съ быстротой, я чувствовала трепетаніе всякой жилки, душа ликовала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ досадно было на Мишеля; я такъ была проникнута моими обязанностями къ Л-ну, что считала и этотъ невинный поцалуй измѣной съ моей стороны и вѣроломствомъ съ его.

Я была серьезна, задумчива, разсѣянна въ продолженіи всего вечера, но непомѣрно счастлива! Мнѣ все представлялось въ радужномъ сіяніи.

Всю ночь я не спала, думала о Л-нѣ, но еще болѣе о Мишелѣ; признаться-ли, я цаловала свою руку, сжимала ее и на другой день чуть не со слезами умыла ее: я боялась сгладить поцалуй, нѣтъ! онъ остался въ памяти и въ сердцѣ надолго, навсегда! Какъ хорошо, что воспоминаніе никто не можетъ похитить у насъ; оно одно остается намъ вѣрнымъ и всемогуществомъ своимъ воскрешаетъ прошедшее съ тѣми же чувствами, съ тѣми же ощущеніями, съ тѣмъ же пыломъ, какъ и въ молодости. Да! я думаю, что и въ старости воспоминаніе остается молодымъ!

Во время безсонницы своей, я стала сравнивать Л-на съ

Лермонтовымъ; къ чему говорить, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ? Всѣ нападки Мишеля на умъ Л-на, на его ничтожество въ обществѣ, все, выключая его богатства, было уже для меня доступно и даже казалось довольно основательнымъ; его же довѣріе къ нему непростительно глупымъ и смѣшнымъ. Поэтому я уже не далеко была отъ измѣны, но еще совершенно не понимала состоянія моего сердца.

Въ среду мы поѣхали на балъ къ извѣстному адмиралу Шишкову; у него были положенные дни. Грустно было смотрѣть на бѣднаго старика, доживающаго свой вѣкъ! Онъ былъ очень добръ и ему доставляло удовольствіе окружать себя веселящеюся молодежью; онъ, бывало, со многими изъ насъ поговоритъ и часто спрашивалъ: на мѣстѣ ли еще ретивое? У него были часто онѣмѣнія головы и тогда онъ тутъ же въ залѣ ложился на диванъ и какая-то женщина растирала ему виски и темя; всѣ ее звали *чесалкой*, — она какъ тѣнь слѣдила за Александромъ Семеновичемъ, который едва передвигалъ ноги. Я любила ѣздить къ Шишкову и говорить съ нимъ; меня трогала его доброта и гостепріимство. Онъ иногда шутилъ со мною и говорилъ, что чувствуетъ, какъ молодѣетъ, глядя на меня.

Мишель взялъ у меня списокъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, чтобы со временемъ постараться познакомиться съ ними. Я не воображала, чтобъ онъ умѣлъ такъ скоро распорядиться, и очень удивилась, найдя его разговаривающимъ съ былой знаменитостью. Я чувствовала, что Мишель пріѣхалъ для меня, эта увѣренность заставила меня улыбнуться и покраснѣть.

Но я еще больше раскраснѣлась, когда Александръ Семеновичъ Шишковъ сказалъ мнѣ: «что, птичка, ретивое еще на мѣстѣ? смотри, держи обѣими руками; посмотри, какіе у меня сегодня славные новички». И онъ сталъ меня знакомить съ Лермонтовымъ; я такъ растерялась, что очень низко присѣла ему — тутъ мы оба расхохотались и полетѣли вальсировать.

Надобно ли говорить, что мы почти всѣ танцы вмѣстѣ танцовали.

— Вы грустны сегодня, сказала я ему, видя, что онъ безпрестанно задумывается.

— Не грустенъ, но золъ, отвѣчалъ онъ; золъ на судьбу, золъ на людей, а главное золъ на васъ.

— На меня? чѣмъ я провинилась?

— Тѣмъ, что вы губите себя; тѣмъ, что вы не цѣните себя; вы олицетворенная мечта поэта, съ пылкой душой, съ возвышеннымъ умомъ, и вы заразились свѣтомъ! И вамъ необходимы поклонники, блескъ, шумъ, суета, богатство и для этой

мишуры вы затаиваете, заглушаете ваши лучшія чувства, приносите ихъ въ жертву человѣку, неспособному васъ понять, вамъ сочувствовать, человѣку, котораго вы не любите и никогда не можете полюбить.

— Я васъ не понимаю, Михаилъ Юрьевичъ; какое право имѣете вы мнѣ все это говорить; знайте разъ навсегда, я не люблю ни проповѣдей, ни проповѣдниковъ.

— Нѣтъ, вы меня понимаете и очень хорошо. Но извольте, я выражусь просто: послѣ завтра пріѣзжаетъ Л-нъ; принадлежащія ему пять тысячъ душъ дѣлаютъ его самоувѣреннымъ, да въ чемъ же ему и сомнѣваться? Первый его намекъ поняли, онъ ѣдетъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; увижу, придастъ ли ему хоть эта увѣренность ума, а я такъ думаю и, признаюсь, желаю, чтобъ онъ потерялъ и то, чего никогда не имѣлъ, то-то я поторжествую!

— Я думаю тоже, что ему нечего терять.

— Какъ? что вы сказали?

— Не вы же одни имѣете право говорить загадками.

— Нѣтъ, я не говорю загадками, но просто спрошу васъ: зачѣмъ вы идете за него замужъ; вѣдь вы его не любите?

— Я иду за него? вскричала я почти съ ужасомъ; о, это еще не рѣшено! Я вижу, что вы все знаете, но не знаю, какъ вамъ передали это обстоятельство. Такъ и быть, я сама вамъ все разскажу. Признаюсь, я сердита на Л-на: чѣмъ онъ хвастается, въ чемъ такъ увѣренъ? Сашенька мнѣ писала по его просьбѣ, что если сердце мое узнаетъ и назоветъ того, кто безпрестанно думаетъ обо мнѣ, краснѣетъ при одномъ имени моемъ; что если я напишу ей, что угадала его имя, то онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить моей руки,—вотъ и весь романъ; кто знаетъ какая еще будетъ развязка? Да, я рѣшаюсь выдти за него безъ сильной любви, но съ увѣренностію, что буду съ нимъ счастлива, онъ такъ добръ, благороденъ, не глупъ, любитъ меня, а дома я такъ несчастлива. Я такъ хочу быть любимой!

— Боже мой! если бы вы только хотѣли догадаться, какъ васъ любятъ! Если бы хотѣли только понять, съ какой пылкостью, съ какой покорностью, съ какимъ неистовствомъ васъ любитъ одинъ молодой человѣкъ моихъ лѣтъ.

— Я знаю, что вы опять говорите о Л-нѣ; я именно и ввѣряю ему свою судьбу, потому что увѣрена въ его любви, потому что я первая его страсть.

— Вотъ прекрасно, вы думаете, что я хлопочу за Л-на?

— Если не о немъ, такъ о комъ же вы говорите?

— Положимъ, что и о немъ. Но отвѣчайте мнѣ прежде на одинъ мой вопросъ: скажите, если бы васъ въ одно время любили два молодые человѣка, одинъ — пускай его будетъ Л-нъ, онъ богатъ, счастливъ, все ему улыбается, все предъ нимъ преклоняется, все ему доступно, единственно потому только, что онъ богатъ! Другой же молодой человѣкъ далеко не богатъ, не знатенъ, не хорошъ собою, но уменъ, но пылокъ, воспріимчивъ и глубоко несчастливъ; онъ стоитъ на краю пропасти, потому что никому и ни во что не вѣритъ, не знаетъ, что такое взаимность, что такое ласка матери, дружба сестры, и если бы этотъ бѣднякъ рѣшился обратиться къ вамъ и сказать вамъ: спаси меня, я тебя боготворю, ты сдѣлаешь изъ меня великаго человѣка, полюби меня и я буду вѣрить въ Бога, ты одна можешь спасти мою душу. Скажите, что̀ бы вы сдѣлали?

— Я надѣюсь не быть никогда въ такомъ затруднительномъ положеніи; судьба моя уже почти рѣшена, я любима и сама буду любить.

— Будете любить! пошлое выраженіе, впрочемъ доступное женщинамъ; любовь по приказанію, по долгу! желаю вамъ полнаго успѣха, но мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ вы полюбили Л-на; да этого и не будетъ.

Возвратясь домой, я еще больше негодовала на Л-на; вѣдь это его необдуманная откровенность навлекла мнѣ такіе неловкіе разговоры съ Лермонтовымъ, сблизила меня съ нимъ.

Проучу же я его, помучаю, раздумывала я. Понятно, что я, хотя безсознательно, но уже дѣйствовала, думала и руководствовалась внушеніями Мишеля. А между тѣмъ, всѣ мои помышленія были для Лермонтова. Я вспоминала малѣйшее его слово, вездѣ видѣла его жгучіе глаза, поцалуй его все еще звучалъ въ ушахъ и раздавался въ сердцѣ, но я не признавалась себѣ, что люблю его. Пріѣдетъ Л-нъ, разсуждала я сама съ собой, и все пойдетъ иначе; онъ любитъ меня, хотя и безъ волненія, но глубоко; участіе его успокоитъ меня, разгонитъ мои сомнѣнія, я ему разскажу подробно все, что мнѣ говорилъ Лермонтовъ, я не должна ничего отъ него скрывать. Такъ думала я, такъ хотѣла поступить, но вышло иначе.

Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ Мишель, разстроенный, блѣдный; улучилъ минуту увѣдомить меня, что Л-нъ пріѣхалъ, что онъ ревнуетъ, что встрѣча ихъ была какъ встрѣча двухъ враговъ и что Л-нъ намекнулъ ему, что онъ знаетъ его ухаживанье за мной и что онъ не прочь и отъ дуэли, даже и съ роднымъ братомъ, если бы тотъ задумалъ быть его соперникомъ.

— Видите ли, продолжалъ Лермонтовъ, если любовь его къ вамъ не придала ему ума, то по крайней мѣрѣ придала ему догадливости; онъ еще не видалъ меня съ вами, а уже знаетъ, что я васъ люблю; да, я васъ люблю, повторилъ онъ съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ, и намъ съ Л-мъ тѣсно вдвоемъ на землѣ.

— Мишель, вскричала я внѣ себя, что же мнѣ дѣлать?

— Любить меня.

— Но Л-нъ, но письмо мое, оно равняется согласію.

— Если не вы рѣшите, такъ предоставьте судьбѣ или правильнѣе сказать: пистолету.

— Неужели нѣтъ исхода? помогите мнѣ, я все сдѣлаю, но только откажитесь отъ дуэли, только живите оба, я уѣду въ Пензу къ дѣдушкѣ и вы оба меня скоро забудете.

— Послушайте; завтра пріѣдетъ къ вамъ Л-нъ, лучше не говорите ему ни слова обо мнѣ, если онъ самъ не начнетъ этого разговора; примите его непринужденно, ничего не говорите роднымъ о его предложеніи; увидя васъ, онъ самъ догадается, что вы перемѣнились къ нему.

— Я не перемѣнилась, я все та же, и все люблю и уважаю его.

— Уважаете! это не любовь; я люблю васъ, да и вы меня любите, или это будетъ непремѣнно; бойтесь меня, я на все способенъ и никому васъ не уступлю, я хочу вашей любви. Будьте осторожны; двѣ жизни въ вашихъ рукахъ!

Онъ уѣхалъ, я осталась одна съ самыми грустными мыслями, съ самыми черными предчувствіями. Мнѣ все казалось, что Мишель лежитъ передо мной въ крови, раненый, умирающій; я старалась въ воображеніи моемъ замѣнить его трупъ трупомъ Л-на; это мнѣ не удавалось и несмотря на мои старанія, Л-нъ являлся передо мной бѣленькимъ, розовымъ, съ свѣтлымъ взоромъ, съ самодовольной улыбкой. Я жмурила глаза, но обѣ эти картины не измѣнялись, не исчезали. Совѣсть уже мучила меня за Л-на; сердце билось, замирало, жило однимъ только Лермонтовымъ.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пріѣхалъ къ намъ Л-нъ; это первое свиданіе было принужденно, тетка не отходила отъ насъ; она очень холодно и свысока приняла Л-на, но по просьбѣ дяди Николая Васильевича пригласила его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. Дядя желалъ отъ души, чтобъ я вышла замужъ за Л-на, и лишь только онъ уѣхалъ, онъ началъ мнѣ толковать о всѣхъ *выгодахъ* такой партіи, но и тутъ я ни въ чемъ не призналась ему: какъ ни добивался онъ

откровенности, но на этотъ разъ я дѣйствовала уже по разсчету. Съ первыхъ моихъ словъ, онъ бы выгналъ Лермонтова, все бы высказалъ Л-ну и устроилъ бы нашу свадьбу. А мнѣ уже казалось невозможнымъ отказаться отъ счастія видѣть Мишеля, говорить съ нимъ, танцовать съ нимъ.

За обѣдомъ Л-нъ сидѣлъ подлѣ меня, онъ былъ веселѣе чѣмъ утромъ, говорилъ только со мною, вспоминалъ наше московское житье до малѣйшей подробности, освѣдомлялся о моихъ выѣздахъ, о моихъ занятіяхъ, о моихъ подругахъ.

Мнѣ было не ловко съ нимъ. Я все боялась, что онъ вотъ сейчасъ заговоритъ о Мишелѣ; я сознавалась, что очень виновата предъ нимъ, разсудокъ говорилъ мнѣ: съ нимъ ты будешь счастлива,—а сердце вступалось за Лермонтова и шептало мнѣ: тотъ больше тебя любитъ! Мы ушли въ мой кабинетъ, Л-нъ тотчасъ же спросилъ меня:

— Помните ли, что вы писали Сашенькѣ въ отвѣтъ на ея письмо?

— Конечно, отвѣчала я, это было такъ недавно.

— А если бы давно, то вы бы забыли или перемѣнились?

— Не знаю и не понимаю, къ чему ведетъ этотъ допросъ.

— Могу ли я объясниться съ вашими родными?

— Ради Бога, подождите, сказала я съ живостью.

— Зачѣмъ же ждать, если вы согласны?

— Все лучше; постарайтесь понравиться Марьѣ Васильевнѣ, играйте съ ней въ вистъ и потомъ...

— Неужели она можетъ имѣть на васъ вліяніе; я стараюсь нравиться только вамъ, я васъ люблю болѣе жизни и клянусь все сдѣлать для вашего счастья, лишь бы вы меня немного любили.

Я заплакала и готова была тутъ же высказать все Л-ну, упрекнуть его въ неограниченномъ, неумѣстномъ довѣріи къ Лермонтову, сообщить ему всѣ наши разговоры, всѣ его увѣренія, просить его совѣта, его помощи. Едва я вымолвила первыя слова, какъ дядя Николай Сергѣевичъ пришелъ, предложилъ ему сигару и увелъ въ свой кабинетъ. Четверть часа прошло, а съ нимъ и мое благое намѣреніе; мнѣ опять представился Лермонтовъ съ своими угрозами и вооруженный пистолетомъ.

Л-нъ былъ очень веселъ, усѣлся за вистъ съ Марьей Васильевной; я взяла работу, подсѣла къ карточному столу; онъ часовъ до девяти пробылъ у насъ, уѣхалъ выпросивъ позволеніе пріѣхать на другой день посмотрѣть на мой туалетъ, мы собирались на балъ къ генералъ-губернатору.

Лишь только Л-нъ отъ насъ уѣхалъ, какъ влетѣлъ Лер-

монтовъ. Для избѣжанія *задушевнаго* разговора, я осталась у карточнаго стола; онъ надулся, гремѣлъ саблей, острилъ безъ пощады, говорилъ вообще дурно о свѣтскихъ дѣвушкахъ и въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ разсказывалъ громогласно, относя къ давно прошедшему, мои отношенія къ Л-ну, любовь свою ко мнѣ и мое кокетство съ обоими братьями.

Наконецъ эта пытка кончилась; взбѣшенный моимъ равнодушіемъ и невмѣшательствомъ моимъ въ разговоръ, онъ уѣхалъ, но однако же, при всѣхъ пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку.

Я задумала остаться дома, упрашивала объ этомъ, мнѣ не позволяли, называли меня *капризной*. Итакъ, все было противъ меня и противъ моего желанія остаться вѣрной Л-ну.

Собираясь на балъ, я очень обдумывала свой туалетъ, никогда я не желала казаться такой хорошенькой, какъ въ этотъ вечеръ; на мнѣ было бѣлое платье и вѣтки репейнику на головѣ, такая же вѣтка у лифа. Л-нъ пріѣхалъ, я вышла къ нему съ дядей Николаемъ Васильевичемъ, который очень любилъ выказывать меня. Л-нъ пришелъ въ восторгъ отъ моего сіянья, какъ онъ выразился, и поцаловалъ мою руку, — какая разница съ поцалуемъ Лермонтова! Тотъ рѣшилъ судьбу мою, въ немъ была вся моя жизнь, и я бы отдала всѣ предстоящіе мнѣ годы за другой такой же поцалуй!

Мы усѣлись; онъ спросилъ меня, какъ я окончила вчерашній вечеръ?

— Скучно!

— Кто былъ у васъ?

— Никого кромѣ Лермонтова.

— Лермонтовъ былъ! невозможно!

— Что же тутъ невозможнаго? онъ и третьяго дня былъ!

— Какъ! въ день моего пріѣзда?

— Да.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ.

— Да, и тысячу разъ да, отвѣчала я обидѣвшись, что онъ мнѣ не вѣритъ.

Мы оба надулись и прохаживались по комнатѣ. Тутъ я ужъ ничего не понимала, отчего такъ убѣжденъ Л-нъ въ невозможности посѣщеній Мишеля. Я предчувствовала какія-то козни, но я не пыталась отгадывать и даже боялась отгадать, кто ихъ устроиваетъ; я чувствовала себя опутанной, связанной по рукамъ и по ногамъ, но кѣмъ?...

Вошла Марья Васильевна и мы поѣхали на балъ.

Лермонтовъ ждалъ меня у дверей; протанцовалъ со мной

двѣ первыя кадрили и подъ предлогомъ какого-то скучнаго вечера уѣхалъ, обѣщаясь возвратиться къ мазуркѣ. Съ его минутнымъ отсутствіемъ, какъ глубоко поняла я значеніе стиха графа Рессегье:

Le bal continuait,—la fête n'était plus!

Онъ сдержалъ слово и возвратился на балъ, когда усаживались къ мазуркѣ. Онъ былъ веселъ, шутливъ, говорилъ съ восторгомъ о своей неизмѣнной любви и повершилъ тѣмъ, что объявилъ, что онъ очень счастливъ.—А вы? спросилъ онъ меня.

— Я, такъ себѣ, по прежнему.

— Вы продолжаете начатое?

— Лучше сказать, я останавливаю не начатое.

Онъ улыбнулся и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку въ турѣ.

— Что́ Л-нъ? спросилъ онъ.

— Ждетъ! отвѣчала я. Но скажите же, monsieur Michel, что́ мнѣ дѣлать? Я въ такомъ неловкомъ, запутанномъ положеніи; ваши угрозы смутили меня, я не могу быть откровенна съ Л-нымъ, все боюсь недосказать или высказаться, я безпрестанно противорѣчу себѣ, своимъ убѣжденіямъ. Признайтесь, его ревность, его намѣреніе стрѣляться съ вами, все это было въ вашемъ только воображеніи?

— О, я вижу, сказалъ онъ съ живостью, что ужъ успѣли мнѣ повредить въ вашемъ мнѣніи; вы мнѣ больше не вѣрите. Я вамъ говорилъ, что у меня есть враги, и вотъ они и постарались внушить вамъ подозрѣнія, и успѣли кажется, оттого-то вы мнѣ и не вѣрите.

— Вѣрю, божусь, вѣрю, но бѣдный Л-нъ въ такомъ миролюбивомъ расположеніи, такъ увѣренъ во мнѣ, а—я, я, мнѣ кажется, его обманываю, поступаю съ нимъ неблагородно, мучу его и сама терзаюсь. Надо же положить всему этому конецъ.

— Ну что-же, выходите за него; онъ богатъ, онъ глупъ, вы будете его водить за носъ. Что вамъ до меня, что вамъ любовь моя?..... я бѣденъ!... Пользуйтесь вашимъ положеніемъ, будьте счастливы, выходите за него, но на дорогѣ къ этому счастью, вы перешагнете черезъ мой или его трупъ, тѣмъ лучше! Какая слава для васъ, два брата, два друга за васъ сдѣлаются непримиримыми врагами, убійцами. Весь Петербургъ, вся Москва будутъ съ недѣлю говорить о васъ, довольно ли этого для вашего ненасытнаго самолюбія, для вашего кокетства?

— Вы меня, Михаилъ Юрьевичъ, или не знаете, или презираете. Скажите, что я сдѣлала, чтобы заслужить такія колкія и дерзкія выраженія? Я согласилась на предложеніе Л-на, прежде чѣмъ встрѣтилась съ вами; я не звала васъ къ намъ,

вы ворвались въ нашъ домъ почти силой и съ тѣхъ поръ преслѣдуете меня вашими увѣреніями, угрозами и даже дерзостью. Я болѣе не допущу этого, я довольно настрадалась въ это время, и завтра же все покончу. Вотъ и теперь на балѣ, въ кругу блеска, золота, веселья, меня преслѣдуетъ вашъ образъ окровавленный, обезображенный, я вижу васъ умирающимъ, я страдаю за васъ, готова сейчасъ заплакать, а вы упрекаете меня въ кокетствѣ!

Мазурка кончилась, всѣ танцующіе сдѣлали большой туръ по всѣмъ комнатамъ, мы немного отстали и пробѣгая черезъ большую билліардную, Лермонтовъ нагнулся, поцаловалъ мою руку, сжалъ ее крѣпко въ своей и шепнулъ мнѣ: я счастливъ!

Возвратясь въ большую залу, мы прямо усѣлись за столъ; Лермонтовъ, конечно, ужиналъ подлѣ меня; никогда не былъ онъ такъ веселъ, такъ оживленъ.

— Поздравьте меня, сказалъ онъ, я началъ славное дѣло, оно представляло затрудненія, но по началу, по завязкѣ, я надѣюсь на блестящее окончаніе.

— Вы пишете что-нибудь?

— Нѣтъ, но я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій: знаете ли, вы будете почти вездѣ героиней.

— Ахъ, ради Бога, избавьте меня отъ такой гласности.

— Невозможно! первая любовь, первая мечта поэтовъ вездѣ вкрадывается въ ихъ сочиненія; знаете-ли, вы мнѣ сегодня дали мысль для одного стихотворенія?

— Мнѣ кажется, что у меня въ это время не было ни одной ясной мысли въ головѣ и вы мнѣ придаете свои.

— Нѣтъ, прекрасная мысль! Вы мнѣ съ такимъ увлеченіемъ сказали, что въ кругу блеска, шума, танцевъ, вы только видите меня, раненаго, умирающаго и въ эту минуту вы улыбались для толпы, но вашъ голосъ дрожалъ отъ волненія, но на глазахъ блестѣли слезы, и со временемъ я опишу это. Узнаете ли вы себя въ моихъ произведеніяхъ?

— Если они не будутъ раскрашены вашимъ воображеніемъ, то останутся безцвѣтными и блѣдными, какъ я, и не многихъ заинтересуютъ.

— А были ли вы сегодня блѣдны, когда Л-нъ, провожая васъ на балъ, поцаловалъ вашу руку?

— Вы шпіонъ?

— Нѣтъ, я просто повѣренный?

— Глупъ же Л-нъ, что вамъ довѣряется; ваше поведеніе съ нимъ неблагородно.

— Въ войнѣ всѣ хитрости допускаются. Да и вы-то ка-

жется переходите на непріятельскую сторону; прежде выхваляли его умъ, а теперь называете его глупцомъ.

— А вы забываете, что и умный человѣкъ можетъ быть глупо-довѣрчивъ и самая эта довѣрчивость говоритъ въ его пользу; онъ добръ и не способенъ къ хитрости.

Я провела ужасныя двѣ недѣли между двумя этими страстями. Л-нъ трогалъ меня своей преданностью, покорностью, смиреніемъ, но иногда у него проявлялись проблески ревности. Лермонтовъ же поработилъ меня совершенно своей взыскательностью, своими капризами, онъ не молилъ, но требовалъ любви, онъ не преклонялся, какъ Л-нъ, передъ моей волей, но налагалъ на меня свои тяжелыя оковы, говорилъ, что не понимаетъ ревности, но безпрестанно терзалъ меня сомнѣніемъ и насмѣшками. Меня приводило въ большое недоумѣніе то, что они никогда не встрѣчались у насъ, а лишь только одинъ уѣдетъ, другой сейчасъ войдетъ. Когда же ни одного изъ нихъ не было у меня на глазахъ, я просто не знала, куда дѣваться отъ мучительнаго безпокойства. Дуэль между ними была моей господствующей мыслію. Я высказала свои страданія Лермонтову и упросила его почаще проѣзжать мимо нашихъ оконъ, онъ жилъ дома за три отъ насъ. Я такъ привыкла къ скрипу его саней, къ крику его кучера, что не глядя въ окошко знала его приближеніе и иногда, издали завидя развѣвающійся бѣлый султанъ и маханіе батистовымъ платкомъ, я успокоивалась на нѣсколько времени. Мнѣ казалось, что я такъ глубоко сохранила въ душѣ моей предпочтеніе къ нему подъ личиной равнодушія и насмѣшливости, что онъ не имѣлъ малѣйшаго повода подозрѣвать это предпочтеніе, а между тѣмъ я высказывала ему свою душу безъ собственнаго сознанія и онъ узналъ прежде меня самой, что всѣ мои опасенія были для него одного. Мнѣ было также непонятно ослѣпленіе всѣхъ родныхъ на его счетъ, особливо же со стороны Марьи Васильевны. Она терпѣть не могла Лермонтова, но считала его ничтожнымъ и неопаснымъ мальчишкой, принимала его немножко свысока, но боясь его эпиграммъ, свободно допускала его разговаривать со мною; при Л-нѣ она сторожила меня, не давала почти случая сказать двухъ словъ другъ другу, а съ Мишелемъ оставляла цѣлые вечера вдвоемъ! Теперь, когда я болѣе узнала жизнь и поняла людей, я еще благодарна Лермонтову, несмотря на то, что онъ убилъ во мнѣ сердце, душу, разрушилъ всѣ мечты, всѣ надежды, но онъ могъ и совершенно погубить меня и не сдѣлалъ этого. Впослѣдствіи, одна изъ моихъ кузинъ, которой я разсказала всю эту эпоху съ малѣйшими подробностями, спросила одинъ разъ

Мишеля, зачѣмъ онъ не поступилъ со мною, какъ и съ Любенькой Б. и съ хорошенькой дурочкой Т., онъ отвѣчалъ: «потому что я ее любилъ искренно, хотя и не долго, она мнѣ была жалка и я увѣренъ, что никто и никогда такъ не любилъ и не полюбитъ меня, какъ она».

Онъ всѣми возможными, самыми ничтожными средствами тиранилъ меня; гладко зачесанные волосы не шли ко мнѣ; онъ требовалъ, чтобъ я всегда такъ чесалась; мнѣ сшили пунцовое платье съ золотой кордельерой и къ нему прибавили зеленый вѣнокъ съ золотыми желудями; для одного раза въ зиму этотъ нарядъ былъ хорошъ, но Лермонтовъ настаивалъ, чтобы я на всѣ балы надѣвала его — и несмотря на ворчанье Марьи Васильевны и пересуды моихъ пріятельницъ, я постоянно являлась въ этомъ театральномъ костюмѣ, движимая увѣреніями Мишеля, который повторялъ: «что́ вамъ до другихъ, если вы мнѣ такъ нравитесь?»

Однако же онъ такъ началъ поступать послѣ 26 декабря, день, въ который я въ первый разъ призналась ему въ любви и дала торжественное обѣщаніе отдѣлаться отъ Л-на. Это было на балѣ у генералъ-губернатора. Лермонтовъ пріѣхалъ къ самой мазуркѣ; я не помню ничего изъ нашего несвязнаго объясненія, но знаю, что счастье мое началось съ этого вечера. Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ откровененъ, разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о бабушкѣ, о Чембарской деревнѣ, такими радужными красками описывалъ будущее житье наше въ деревнѣ, за границей, всегда вдвоемъ, всегда любящими и безконечно счастливыми, молилъ отвѣта и рѣшенія его участи, такъ, что я не выдержала, измѣнила той холодной роли, которая давила меня, и въ свою очередь сказала ему, что люблю его больше жизни, больше чѣмъ любила мать свою и поклялась ему въ неизмѣнной вѣрности.

Онъ рѣшилъ, что прежде всего надо выпроводить Л-на, потомъ понемногу уговаривать его бабушку согласиться на нашу свадьбу; о родныхъ моихъ и помину не было, мнѣ была опорой любовь Мишеля и съ ней я никого не боялась, готова была открыто дѣйствовать, даже и противъ Марьи Васильевны.

Въ этотъ вечеръ я всю свою душу открыла Мишелю, высказала ему свои задушевныя мечты, помышленія. Онъ увѣрился, что онъ давно былъ любимъ и любимъ свято, глубоко; онъ казался вполнѣ счастливымъ, но какъ будто боялся чего-то, — я обидѣлась, предполагая, что онъ сомнѣвается во мнѣ и лицо мое омрачилось.

— Я увѣренъ въ тебѣ, сказалъ онъ мнѣ, но у меня такъ

много враговъ, они могутъ оклеветать меня, очернить, я такъ не привыкъ къ счастію, что и теперь, когда я увѣрился въ твоей любви, я счастливъ настоящимъ, но боюсь за будущее, да я еще не зналъ, что и счастье заставляетъ грустно задумываться!

— Да, и такъ скоро раздумывать о завтрашнемъ днѣ, который уже можетъ сокрушить это счастье!

— Но кто же мнѣ поручится, что завтра кто-нибудь не постарается словесно или письменно перетолковать вамъ мои чувства и дѣйствія?

— Повѣрьте, мнѣ никто и никогда не повредитъ въ моемъ мнѣніи о васъ, вообще я не руководствуюсь чужими толками.

— И потому ты вопреки всѣхъ и всегда будешь моей заступницей?

— Конечно. Къ чему объ этихъ предположеніяхъ такъ долго говорить; кому какое дѣло до насъ, до нашей любви? Посмотрите, кругомъ никто не занимается нами и кто скажетъ, сколько радостей и горя скрывается подъ этими блестящими нарядами; дай Богъ, чтобъ всѣ они были такъ счастливы, какъ я!

— Какъ мы, подтвердилъ Лермонтовъ; надо вамъ привыкать, думая о своемъ счастіи помнить и обо мнѣ.

Я возвратилась домой совершенно перерожденная.

Наконецъ-то я любила; мало того, я нашла идола, передъ которымъ не стыдно было преклоняться передъ цѣлымъ свѣтомъ, я могла гордиться своей любовью, а еще болѣе его любовью; мнѣ казалось, что я достигла цѣли всей своей жизни; я бы съ радостью умерла, унеся съ собой на небо, какъ вѣнецъ безсмертія, клятву его любви и вѣру мою въ неизмѣнность этой любви. О! какъ счастливы тѣ, которые умираютъ не разочарованными! Измѣна хуже смерти; что за жизнь, когда никому не вѣрить и во всемъ сомнѣваться!

На другой день Л-нъ былъ у насъ; на обычный его вопросъ, съ кѣмъ я танцовала мазурку, я отвѣчала не запинаясь:

— Съ Лермонтовымъ.

— Опять! вскричалъ онъ.

— Развѣ я могла ему отказать?

— Я не объ этомъ говорю; мнѣ бы хотѣлось навѣрное знать, съ кѣмъ вы танцовали?

— Я вамъ сказала.

— Но если я знаю, что это неправда.

— Такъ, стало быть, я лгу?

— Я этого не смѣю утверждать, но полагаю, что вамъ весело со мной кокетничать, меня помучить, развить мою ревность къ бѣдному Мишелю; все это, можетъ быть, очень мило, но не кстати; перестаньте шутить, мнѣ право тяжело; ну скажите же мнѣ, съ кѣмъ вы забывали меня въ мазуркѣ?

— Съ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ.

— Это ужъ черезъ-чуръ, вскричалъ Л-нъ; какъ вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ, когда я до двѣнадцати почти часовъ просидѣлъ у больного Лермонтова и оставилъ его въ постелѣ крѣпко заснувшаго.

— Ну что-жъ? Онъ послѣ вашего отъѣзда проснулся, выздоровѣлъ и пріѣхалъ на балъ прямо къ мазуркѣ.

— Пожалуйста, оставьте Лермонтова въ покоѣ; я прошу васъ назвать мнѣ вашего кавалера; замѣтьте, я прошу, я бы вѣдь могъ требовать.

— Требовать! вскричала я вспыхнувъ, какое же вы имѣете право? Что́ я вамъ обѣщала, увѣряла ли васъ въ чемъ-нибудь? Слава Богу, вы ничего не можете требовать, а ваши безпрестанныя вспышки, всѣ эти сцены до того меня истерзали, измучили, истомили, что лучше намъ теперь же положить всему конецъ и врозь искать счастія.

Я не смѣла взглянуть на Л-на и поспѣшила выдти изъ комнаты. Наединѣ я предалась отчаянію; я чувствовала себя кругомъ виноватой передъ Л-нымъ; я сознавалась, что отталкивала вѣрное счастіе быть любимой, богатой, знатной за невѣрный призракъ, за ненадежную любовь!

Притворная болѣзнь Лермонтова, умолчаніе со мной объ этой продѣлкѣ, чернымъ предчувствіемъ опутали всѣ мои мысли; мнѣ стало страшно за себя, я какъ будто чувствовала бездну подъ своими ногами, но я такъ его любила, что успокоила себя его же парадоксомъ: «предпочитать страданіе и горе отъ любимаго человѣка — богатству и любви другого». Будь что должно быть, сказала я себѣ, я поступила такъ, какъ онъ хотѣлъ, и такъ неожиданно скоро! Ему это будетъ пріятно, а мнѣ только этого и надобно.

VII.

Горькія предчувствія. — Предостереженіе друга. — Отъѣздъ бывшаго жениха. — Кольцо. — Анонимное письмо. — Семейная буря. — Обыскъ, допросъ, арестъ. — Исповѣдь. — Рѣшительное объясненіе. — 1834—1835 гг. — Послѣсловіе издателя записокъ.

Въ первый разъ, когда я увидѣла Мишеля послѣ этого разрыва и когда онъ мнѣ сказалъ: tu es un ange,—я была вполнѣ вознаграждена; мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ то, что̀ называлъ онъ моимъ жертвоприношеніемъ.

Я нашла почти жестокимъ съ его стороны, выставлять и толковать мнѣ, какъ я необдуманно поступила отказавъ Л-ну, какая была бы это для меня, бѣдной сироты, блестящая партія, какъ бы я вся была облита брилліантами, окутана шалями, окружена роскошью. Онъ какъ будто поддразнивалъ меня.

— Я поступила по собственному убѣжденію, а главное, по вашему желанію и потому ни о чемъ не жалѣю.

— Неужели одна моя любовь можетъ все это замѣнить?

— Рѣшительно все.

— Но у меня дурной характеръ; я вспыльчивъ, золъ, ревнивъ; я долженъ служить, заниматься, вы всю жизнь проведете въ заперти съ моей бабушкой.

— Мы будемъ съ ней говорить о васъ, ожидать вашего возвращенія; намъ вмѣстѣ будетъ даже весело; моя пылкая любовь понимаетъ и цѣнитъ ея старческую привязанность.

Онъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Съ моей стороны, это было маленькое испытаніе; я вѣрю вашей любви и готовности сдѣлать мое счастіе и самъ я никогда не былъ такъ счастливъ, потому что никогда не былъ такъ любимъ. Но однако-же обдумайте все хорошо, не пожалѣете ли вы когда о Л-нѣ. Онъ добръ — я золъ, онъ богатъ — я бѣденъ; я не прощу вамъ ни сожалѣнія, ни сравненія, а теперь еще время не ушло и я еще могу помирить васъ съ Л-нымъ и быть вашимъ шаферомъ.

— Мишель, неужели вы не понимаете, что вамъ жестоко подсмѣиваться теперь надо мной и уговаривать меня поступить противъ моего сердца и моей совѣсти; я васъ люблю и для меня все кончено съ Л-нымъ. Зачѣмъ вы мучите меня и высказываетесь хуже, чѣмъ вы есть?

— Чтобъ не поступить, какъ другіе; всѣ хотятъ казаться добряками и въ нихъ скоро разочаровываются, — я можетъ быть

преувеличиваю свои недостатки и для васъ будетъ пріятный сюрпризъ найти меня лучше, чѣмъ вы ожидаете.

Трудно представить, какъ любовь Лермонтова возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ; я благоговѣла передъ нимъ, удивлялась ему; гляжу бывало на него и не нагляжусь, слушаю и не наслушаюсь. Я переходила черезъ всѣ фазы ревности, когда пріѣзжали къ намъ молодыя дѣвушки (будь онѣ уроды), я каждую изъ нихъ ревновала, каждой изъ нихъ завидовала, каждую ненавидѣла за одинъ его взглядъ, за самое его пошлое слово. Но отрадно мнѣ было при моихъ поклонникахъ; передъ ними я гордилась его любовью, была съ ними почти неучтива, едва отвѣчала на ихъ фразы, мнѣ такъ и хотѣлось высказать имъ: «оставьте меня, вамъ ли тягаться съ нимъ? Вотъ мой алмазъ-регентъ, онъ обогатилъ, онъ украсилъ жизнь мою; вотъ мой кумиръ, — онъ вдохнулъ безсмертную любовь въ мою безсмертную душу».

Въ это время я жила полной, но тревожной жизнью сердца и воображенія и была счастлива до безконечности.

Помнишь ли ты, Маша[1]), послѣдній нашъ балъ, на которомъ мы въ послѣдній разъ такъ весело танцовали вмѣстѣ, на которомъ однако же я такъ разсердилась на тебя? Я познакомила тебя съ Лермонтовымъ и съ Л-нымъ и ты на мои пылкіе и страстные разсказы отвѣчала, покачавъ головой:

— Ты промѣняла кукушку на ястреба.

О, ты должна вѣрить, какъ искренно я тебя люблю, потому что я тебѣ простила это дерзкое сравненіе. Да, твоя дружба предугадала его измѣну, ты все проникла своимъ свѣтлымъ, спокойнымъ взоромъ и сказала мнѣ: «съ Л-нымъ ты будешь счастлива, а Лермонтовъ кромѣ горя и слезъ ничего не дастъ тебѣ». Да, тыбыла права;—но я, безразсудная, была въ чаду, въ угарѣ отъ его рукопожатій, нѣжныхъ словъ и страстныхъ взглядовъ.

Въ мазуркѣ я сѣла рядомъ съ тобой, предупредивъ Мишеля, что ты все знаешь и присутствіемъ твоимъпокро вительствуешь намъ и что мы можемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ сосѣдствомъ. Ты слышала, какъ увѣрялъ онъ меня, что дѣла наши подходятъ къ концу, что недѣли черезъ двѣ онъ объявитъ о нашей свадьбѣ, что бабушка согласна, — ты все это слышала и радовалась за меня. А я! о, какъ слѣпо я ему вѣрила, когда

---

[1]) Составительница записокъ въ этомъ мѣстѣ обращается къ своему другу М. С. Багговутъ, для которой собственно и были писаны эти записки.

онъ клялся, что сталъ другимъ человѣкомъ, будто перерожденнымъ, вѣритъ въ Бога, въ любовь, въ дружбу, что все благородное, все высокое ему доступно и что это чудо совершила любовь моя, — какъ было не вскружиться моей бѣдной головѣ!

На этомъ балѣ Л-нъ совершенно распрощался со мной, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву. Я рада была этому отъѣзду, мнѣ съ нимъ было такъ неловко и отчасти совѣстно передъ нимъ, къ тому же я воображала, что присутствіе его мѣшаетъ Лермонтову просить моей руки.

На другой день этого бала, Мишель принесъ мнѣ кольцо, которое я храню какъ святыню, хотя слова, вырѣзанныя на этомъ кольцѣ, теперь можно принять за одну только насмѣшку [1]).

Мнѣ становится невыносимо тяжело писать; я подхожу къ перелому всей моей жизни, а до сихъ поръ я съ какой-то ребячливостью отталкивала и заглушала все, что мнѣ напоминало объ этомъ ужасномъ времени.

Одинъ разъ, вечеромъ, у насъ были гости, играли въ карты, я съ Лизой и дядей Николаемъ Сергѣевичемъ сидѣла въ кабинетѣ; она читала, я вышивала, онъ по обыкновенію раскладывалъ grand-patience. Лакей подалъ мнѣ письмо, полученное по городской почтѣ, я начала его читать и вѣроятно очень измѣнилась въ лицѣ, потому что дядя вырвалъ его у меня изъ рукъ и сталъ читать его вслухъ, не понимая ни слова, ни смысла, ни намековъ о Л-нѣ, о Лермонтовѣ, и удивлялся, съ какой стати злой анонимъ такъ заботится о моей судьбѣ. Но для меня каждое слово этого рокового письма было пропитано ядомъ и сердце мое обливалось кровью. Но что я была принуждена вытерпѣть брани, колкостей, уничиженія, когда гости разъѣхались и Марья Васильевна прочла письмо, врученное ей покорнымъ супругомъ! Я и теперь еще краснѣю отъ негодованія, припоминая грубыя выраженія ея гнѣва.

Вотъ содержаніе письма, которое никогда мнѣ не было возвращено, но которое огненными словами запечатлѣлось въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ:

«Милостивая государыня,
Екатерина Александровна!

«Позвольте человѣку, глубоко вамъ сочувствующему, уважающему васъ и умѣющему цѣнить ваше сердце и ваше благород-

---

[1]) Кольцо это, къ сожалѣнію, не сохранилось въ семействѣ покойной Е. А. Хвостовой.

ство, предупредить васъ, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша къ *нему* (извѣстная всему Петербургу, кромѣ родныхъ вашихъ) погубитъ васъ. Вы и теперь уже много потеряли во мнѣніи свѣта, оттого что не умѣете и даже не хотите скрывать вашей страсти къ *нему*.

«Повѣрьте, *онъ* недостоинъ васъ. Для *него* нѣтъ ничего святого, *онъ* никого не любитъ. *Его* господствующая страсть: господствовать надъ всѣми и не щадить никого для удовлетворенія своего самолюбія.

«Я зналъ *его* прежде, чѣмъ вы; *онъ* былъ тогда и моложе и неопытнѣе, что однако же не помѣшало ему погубить дѣвушку, во всемъ равную вамъ и по уму и по красотѣ. *Онъ* увезъ ее отъ семейства и, натѣшившись ею, бросилъ.

«Опомнитесь, придите въ себя, увѣрьтесь, что и васъ ожидаетъ такая же участь. На васъ въ чужѣ жаль смотрѣть. О зачѣмъ, зачѣмъ вы его такъ полюбили? Зачѣмъ принесли *ему* въ жертву сердце, преданное вамъ и достойное васъ.

«Одно участіе побудило меня писать къ вамъ; авось еще не поздно! Я ничего не имѣю противъ *него*, кромѣ презрѣнія, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ. *Онъ* не женится на васъ, повѣрьте мнѣ; покажите *ему* это письмо, онъ прикинется невиннымъ, обиженнымъ, забросаетъ васъ страстными увѣреніями, потомъ объявитъ вамъ, что бабушка не даетъ ему согласія на бракъ, въ заключеніе прочтетъ вамъ длинную проповѣдь или просто признается, что онъ притворялся, да еще посмѣется надъ вами и — это лучшій исходъ, котораго вы можете надѣяться и котораго отъ души желаетъ вамъ:

Вамъ неизвѣстный, но преданный вамъ другъ NN»[1]).

Вообразите, какое волненіе произвело это письмо на весь семейный конгрессъ и какъ оно убило меня. Но никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что дѣло шло о Лермонтовѣ и о Л-нѣ; они судили, рядили, но не догадались, стали допрашивать меня. Тутъ я ожила и стала утверждать, что не понимаю, о комъ шла рѣчь въ письмѣ, что вѣроятно его написалъ изъ мести какой-нибудь отверженный поклонникъ, чтобъ навлечь мнѣ непріятность. Можетъ быть, все это и сошло бы мнѣ съ рукъ; роднымъ мысль моя показалась правдоподобной, если бы сестра моя Лиза не сочла нужнымъ сказать имъ, что въ письмѣ на-

---

[1]) Въ составленіи этого письма Е. А., какъ сама впослѣдствіи разсказывала, подозрѣвала М. Ю. Лермонтова; — но это подозрѣніе родилось въ ней не вдругъ, а въ послѣдующіе уже годы ея жизни.

мекалось на Лермонтова, котораго я люблю, и на Л-на, за котораго не пошла замужъ по совѣту и по волѣ Мишеля.

Я не могу вспомнить, что я выстрадала отъ этого неожиданнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что Лиза знала многіе мои разговоры съ Мишелемъ, и сама старалась воспламенить меня отдавая предпочтеніе Мишелю надъ Л-нымъ.

....Открыли мой столъ, перешарили все въ моей шкатулкѣ, перелистали всѣ мои книги и тетради, конечно ничего не нашли; мои дѣйствія, мои мысли, моя любовь были такъ чисты, что если я во время этого обыска и краснѣла, то только отъ негодованія, отъ стыда за ихъ поступки и ихъ подозрѣнія. Они поочередно допрашивали всѣхъ лакеевъ, всѣхъ дѣвушекъ, не была ли я въ перепискѣ съ Лермонтовымъ, не цаловалась ли съ нимъ, не имѣла ли съ нимъ тайнаго свиданія.

Что за адское чувство страдать отъ напраслины, а главное, выслушивать, какъ обвиняютъ боготворимаго человѣка! Удивительно, какъ въ ту ночь я не выплакала все сердце и осталась въ своемъ умѣ.

Я была отвержена всѣмъ семействомъ, со мной не говорили, на меня не смотрѣли (хотя и зорко караулили), мнѣ даже не позволяли обѣдать за общимъ столомъ, какъ будто мое присутствіе могло осквернить и замарать ихъ! А Богъ видѣлъ, кто изъ насъ былъ чище и правѣе.

Моей единственной отрадой была мысль о любви Мишеля, она поддерживала меня, но какъ ему дать знать все, что я терплю и какъ страдаю изъ любви къ нему? Я знала, что онъ два раза заѣзжалъ къ намъ, но ему отказывали.

Дня черезъ три послѣ анонимнаго письма и моей опалы, Мишель опять пріѣхалъ, его не велѣли принимать; онъ настаивалъ, шумѣлъ въ лакейской, говорилъ, что не уѣдетъ, не повидавшись со мной, и велѣлъ доложить объ этомъ. Марья Васильевна, не отличавшаяся храбростью, побаивалась Лермонтова, не рѣшалась выдти къ нему и упросила свою невѣстку, А. С. С-ву, принять его. Она не соглашалась выдти къ нему безъ меня, — за что я ей несказанно была благодарна. Марья Васильевна ухитрилась надѣть на меня шубу, какъ несомнѣнное доказательство тому, что мы ѣдемъ въ театръ, и потому только отказывала ему, чѣмъ она ясно доказала Мишелю, что боится не принимать его и прибѣгаетъ къ пошлымъ обманамъ. Я въ слезахъ, но съ восторгомъ выскочила къ Мишелю, добрая А. С. учтиво извинилась передъ нимъ и дала намъ свободу поговорить. На всѣ его распросы, я твердила ему безсвяз-

но: «анонимное письмо, — меня мучатъ, — насъ разлучаютъ, — мы не ѣдемъ въ театръ, — я все таже и никогда не измѣнюсь».

— Какъ намъ видѣться? спросилъ онъ.

— На балахъ, когда выйду изъ домашняго ареста.

Тутъ онъ опять обратился къ А. С. и просилъ передать роднымъ, что пріѣзжалъ объясниться съ ними обо мнѣ и не понимаетъ, почему они не хотятъ его видѣть, намѣренія его благородны и обдуманны. И онъ уѣхалъ — въ послѣдній разъ былъ онъ въ нашемъ домѣ.

Тутъ началась для меня самая грустная, самая пустая жизнь; мнѣ некого было ждать, не пріѣдетъ онъ больше къ намъ, надежда на будущее становилась все блѣднѣе и неяснѣе. Мнѣ казалось невѣроятнымъ и невозможнымъ жить и не видѣть его, и давно ли еще мы такъ часто бывали вмѣстѣ, просиживали вдвоемъ длинные вечера; уѣдетъ бывало и мнѣ останется отрадой припоминать всякое движеніе его руки, значеніе улыбки, выраженіе глазъ, повторять всякое его слово, обдумывать его. Провожу бывало его и съ нетерпѣніемъ возвращаюсь въ комнату, сажусь на то мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, съ упоеніемъ допиваю неоконченную имъ чашку чая, перецѣлую все, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ — и все это я дѣлала съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Долго я не могла понять этой жестокой разлуки; самую смерть его, мнѣ казалось, я перенесла бы съ большею покорностью, тутъ было бы предопредѣленіе божіе; но эта разлука, наложенная ненавистными людьми, была мнѣ невыносима и я роптала на нихъ, даже проклинала ихъ.

— Какъ выдержитъ онъ это испытаніе? безпрестанно спрашивала я себя. Устоитъ ли его постоянство? Преодолѣетъ ли онъ всѣ препятствія? Что будетъ со мной, если деспотическое тиранство моихъ гонителей согласуется съ его тайнымъ желаніемъ отвязаться отъ моей пылкой и ревнивой страсти? Любитъ ли еще онъ меня? вскрикивала я съ отчаяніемъ и не знала, что отвѣчать на всѣ эти вопросы.... Иногда я доходила до помѣшательства, я чувствовала, какъ мысли мои путались, сталкивались; я тогда много писала и не находила словъ для выраженія моихъ мыслей; по четверти часа я задумывалась, чтобъ припомнить самыя обыкновенныя слова. Иногда мнѣ приходило въ голову, что жизнь моя можетъ вдругъ пресѣчься и я обдумывала средство жить безъ самой жизни.

Да, страшное было то время для меня, но оно прошло, какъ и все проходитъ, не оставивъ слѣда ни на лицѣ моемъ, ни на окружающихъ предметахъ; но бѣдное мое сердце! Од-

нако же и въ самые эти дни испытанія и пытки душевной, я нашла истинное утѣшеніе, я пріобрѣла вѣрныхъ и надежныхъ друзей: А. С. показывала мнѣ большое участіе, хотя и не знала всей грустной драмы моей жизни, а только ободряла и утѣшала меня, видя недоброе расположеніе ко мнѣ Марьи Васильевны. Cousin мой Долгорукій съ грустью тоже смотрѣлъ на меня и даже вызвался доставить письмо Мишелю, и я всегда ему буду благодарна за этотъ добрый порывъ, но я не воспользовалась его предложеніемъ; моимъ первымъ желаніемъ было жить и дѣйствовать такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшаго обвиненія, а сердце никто не можетъ упрекнуть, къ кому бы оно ни привязалось; любить свято, глубоко, не краснѣть за свою любовь, хранить воспоминаніе этого чувства яснымъ, свѣтлымъ, это еще хорошій удѣлъ и данъ не многимъ.

Горничная моя, Танюша, тоже въ эти дни гоненія очень привязалась ко мнѣ; она считала себя кругомъ виноватою передо мной, во время обыска въ моихъ вещахъ; родные такъ напугали ее обѣщаніемъ наказанія, если она что-нибудь утаитъ, что она принесла имъ романъ: l'Atelier d'un peintre, божась, что больше никогда ничего не видала отъ Михаила Юрьевича въ моихъ рукахъ, какъ эти книжки, исписанныя на поляхъ его примѣчаніями, и прибавила, что я ихъ безпрестанно перечитываю и цалую. Какъ послѣ она горько плакала со мной, раскаявалась, что выдала имъ книжки: хоть бы ихъ-то вы теперь читали, говорила она, настращали меня, я испугалась, отдала ихъ, думала, что и васъ оставятъ въ покоѣ, такъ ужъ я имъ клялась, что больше ничего не было у васъ отъ Михаила Юрьевича.

Мнѣ кажется, что это одно показаніе Танюши могло бы ихъ убѣдить, какъ невинна была моя любовь. Нѣтъ, подозрѣніе и караулъ продолжались. Они стерли резинкой всѣ его замѣтки въ книжкахъ, но нѣкоторыя я еще помню. Тамъ гдѣ говорилось о любви, онъ подписалъ:

«Aimer plus que l'on est aimé — *Malheur!*
«Aimer moins que l'on est aimé — *Dégout!*
Choisir!!!

Я подписала внизу: «Mon Dieu, comment donc vous aimer, vous ne serez content d'aucun amour. On peut cependant aimer autant que l'on est aimé!»

Потомъ, что-то говорилось о мертвой головѣ; онъ подчеркнулъ и написалъ: la tête de mort — la seule qui ne ment pas!

Ses yeux remplis d'étoiles,—онъ опять подписалъ: «comme les vôtres, — je profiterai de cette comparaison».

Въ концѣ было: «On est si bien près de la bonté», онъ замѣтилъ: «это нравится Лизѣ и ея замѣтка не ваша.»

По этимъ припискамъ тетка заключила, что онъ меня не уважаетъ, считаетъ совершенно погибшей; что она давно знала, что во мнѣ пути не будетъ, и тому подобныя вещи, я должна была выслушивать съ утра до ночи.

Еще одинъ молодой человѣкъ, Ю-чъ, въ это тяжелое время, доказалъ мнѣ свою неограниченную преданность и на дѣлѣ явилъ, что нераздѣленная, но истинная любовь можетъ обратиться въ искреннюю дружбу. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ однимъ изъ нашихъ *habitués* и съ перваго времени знакомства влюбился въ меня. Онъ снискалъ мою благосклонность тѣмъ, что никогда не промолвился мнѣ о любви своей, однако же повѣрялъ ее другимъ; онъ считалъ меня *недосягаемой* для него, но кажется, видя меня равнодушною ко всѣмъ, надѣялся на будущее. Онъ первый догадался о любви моей къ Лермонтову и съ этой самой минуты онъ началъ поступать такъ благородно, какъ рѣдко приходится видѣть тому примѣры; онъ безъ ревности, безъ всякаго выказыванія самопожертвованія покорился судьбѣ и всячески старался выставить меня передъ Лермонтовымъ, возвышалъ каждое мое слово, выхвалялъ каждый мой поступокъ. Въ этомъ же ужасномъ переломѣ моей жизни, онъ явился настоящимъ моимъ ангеломъ-утѣшителемъ.

Видя, какъ я грустила и изнывала, не зная ничего о Мишелѣ, онъ или собиралъ всюду о немъ извѣстія или выдумывалъ ихъ, но раза три или четыре въ недѣлю, доносилъ мнѣ подробно, что̀ Мишель дѣлалъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ танцовалъ. Отъ наблюдательности его, обогащенный еще намеками Марьи Васильевны на мой счетъ, ничего не скрылось отъ него изъ этихъ недавнихъ происшествій; мало-по-малу онъ мнѣ высказался и увѣрилъ меня, что все сдѣлаетъ въ угодность мнѣ и что мое счастіе будетъ всегда его счастіемъ.

«Я хочу только его видѣть», отвѣчала я, не цѣня тогда его самоотверженія;—такъ всякое глубокое чувство невольно заставляетъ насъ быть жестокими къ самымъ преданнымъ намъ людямъ.

На другой же день, за обѣдомъ (мнѣ уже разрѣшили обѣдать вмѣстѣ со всѣми), Ю-чъ сказалъ мнѣ вполголоса, но такъ, чтобы всѣ могли его разслышать, что въ городѣ удивляются, отчего я такъ давно не выѣзжаю и что сестру видятъ одну съ Марьей Васильевной, что даже упрекаютъ ее въ потворствѣ

моимъ капризамъ, что находятъ страннымъ мое отчужденіе отъ свѣта, дѣлаютъ разныя предположенія, что все это не хорошо, и надо, чтобы толки обо мнѣ прекратились.

Слова эти были всѣми услышаны, но пропущены какъ бы безъ вниманія; однакоже на той же недѣлѣ меня повезли на вечеръ къ Л. и тамъ я въ первый разъ встрѣтилась съ Мишелемъ, послѣ отказа ему отъ нашего дома. Хотя я и напередъ знала, что непремѣнно увижу его тамъ, заранѣе старалась приготовиться къ этому счастію, но войдя въ комнату, такъ смутилась, увидя его послѣ двухъ-недѣльной разлуки, что вся задрожала, у меня потемнѣло въ глазахъ, я чуть не упала. Марья Васильевна ущипнула меня, сказавъ, что сейчасъ увезетъ меня, если я намѣрена разъигрывать комедію; эта угроза всего болѣе подѣйствовала на меня, обдавъ меня холодомъ дѣйствительной жизни, и я оправилась. Мазурку мнѣ запрещено было танцовать съ Лермонтовымъ, но мы усѣлись рядомъ и могли говорить сколько душѣ было угодно. Онъ мнѣ сказалъ, что все прошедшее не удивляетъ его, что онъ давно предугадывалъ, что ему повредятъ во мнѣніи моихъ родныхъ, но что теперь ему все равно, потому что мое-то мнѣніе о немъ осталось непоколебимымъ. Вѣроятно любовь моя была такъ искренна, что не могла укрыться подъ личиной свѣтскаго равнодушія и тѣмъ возбудила почти общее сочувствіе; всѣ знакомые, какъ бы сговорясь, охраняли ее и прикрывали отъ зоркихъ глазъ Марьи Васильевны. Она на вечерахъ всегда играла въ карты, тогда мы танцовали вмѣстѣ или уходили говорить въ другую комнату, но когда она кончала свою партію, многіе прибѣгали объявить мнѣ объ этомъ и толпой сопровождали меня въ залу.

Такимъ образомъ я прозябала отъ вечера до вечера и считала жизнію только тѣ минуты, въ которыя видала Мишеля. Онъ старался поддержать во мнѣ надежду, обдумывалъ средство войти опять въ нашъ домъ, но больше уговаривалъ о побѣгѣ, о тайномъ бракѣ. Я возставала противъ этой мысли, говоря, что у меня достанетъ твердости объявить роднымъ, что и безъ ихъ согласія я выйду за него; эти споры все болѣе и болѣе разрушали мою надежду въ счастіе и терзали мое сердце.

Потомъ я видѣла его рѣже. На страстной недѣлѣ я говѣла; всю душу свою излила я передъ почтеннымъ духовникомъ своимъ, Петромъ Борисовичемъ Вигилянскимъ. Онъ одобрилъ мой отказъ бѣжать съ Лермонтовымъ, старался доказать мнѣ, что онъ меня не искренно любитъ и совѣтовалъ выйти за кого другого, котораго я бы могла уважать, и тогда, сказалъ онъ, «строгое испол-

неніе вашихъ обязанностей, забота о счастіи человѣка, ввѣрившаго вамъ свое имя, мало-по-малу заглушатъ вашу любовь, а душевное спокойствіе и сознаніе, что вы свято исполнили обязанности жены и матери, замѣнятъ счастіе».

Въ этотъ годъ святая была довольно поздно. За заутреней, когда все ликовало и радовалось вокругъ меня, я такъ горько плакала, такъ судорожно рыдала во время всей службы, что возбудила общее участіе, даже и родные похристосовались со мною благосклонно и обѣщали возвратить прежнюю *пріязнь* и *хорошее мнѣніе*, съ уговоромъ, что я забуду Лермонтова!

Въ самый первый день Христова Воскресенія была такая вьюга, такая мятель, что десятки людей погибли на улицахъ, занесенные снѣгомъ; я такъ была настроена, что во всемъ этомъ видѣла грустное предзнаменованіе для меня.

Я съ особенной радостью и живѣйшимъ нетерпѣніемъ собиралась въ слѣдующую среду на балъ; такъ давно не видалась я съ Мишелемъ, и вопреки всѣхъ и вся, рѣшила въ умѣ своемъ танцовать съ нимъ мазурку.

Пріѣзжаемъ на балъ, — его еще тамъ не было.

Не знаю, достанетъ ли у меня силъ разсказать все, что̀ я выстрадала въ этотъ вечеръ. Вообще я пишу вкратцѣ, выпускаю многіе разговоры, но у меня есть завѣтная тетрадка, въ которую я вписывала по нѣскольку разъ въ день всѣ его слова, все, что̀ я слышала о немъ; мнѣ тяжело вторично воспоминаніемъ перечувствовать былое и я спѣшу только довести до конца главные факты этого переворота въ моей жизни [1]).

Я танцовала, когда Мишель пріѣхалъ; ка̀къ стукнуло мнѣ въ сердце, когда онъ прошелъ мимо меня и не замѣтилъ меня! Я не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ и подумала, что онъ дѣйствительно проглядѣлъ меня. Кончивъ танцовать, я сѣла на самое видное мѣсто и стала пожирать его глазами, онъ и не смотритъ въ мою сторону, глаза наши встрѣтились, я улыбнулась,— онъ отворотился. Что̀ было со мной, я не знаю и не могу передать всей горечи моихъ ощущеній; голова пошла кругомъ, сердце замерло, въ ушахъ зашумѣло, я предчувствовала что-то недоброе, я готова была заплакать, но толпа окружала меня, музыка гремѣла, зала блистала огнемъ, нарядами, всѣ казались веселыми, счастливыми. Вотъ тутъ-то въ первый разъ поняла я,

---

[1]) Тетрадка эта была, какъ говорится, зачитана у Е. А. однимъ изъ ея родственниковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, пропала безвозвратно.

какъ тяжело притворяться и стараться сохранить безпечно-равнодушный видъ, однакоже, это мнѣ удалось, но Боже мой! чего мнѣ стоило это притворство! Не всѣхъ я успѣла обмануть; я на нѣсколько минутъ ушла въ уборную, чтобъ тамъ свободно вздохнуть; за мной послѣдовали мои милыя бальныя пріятельницы, Лиза Б. и Сашенька Ж.

— Что съ тобой? Что съ вами обоими сдѣлалось? приставали онѣ ко мнѣ.

— Не знаю, отвѣчала я и зарыдала передъ ними.

— Я улажу все дѣло, сказала Сашенька.

— И я буду о томъ же стараться, подхватила Лиза.

И въ самомъ дѣлѣ, въ мазуркѣ онѣ безпрестанно подводили ко мнѣ Мишеля. Особливо цѣнила я эту жертву со стороны Лизы. Она сама страстно любила Лермонтова, однакоже уступала мнѣ свою очередь протанцовать съ нимъ, не принимала передо мною торжествующаго вида, но сочувствовала моему отчаянію и просила прощенія за то, что въ этотъ вечеръ онъ за ней ухаживалъ болѣе, чѣмъ за другими, — она поневолѣ сдѣлалась моей соперницей. За то теперь, когда бѣдная Лиза сгубила себя для него, потеряна для родныхъ и для свѣта, какъ бы я была счастлива, еслибы мнѣ привелось случайно ее встрѣтить, пожать ей руку, показать ей мое живѣйшее участіе не въ одномъ разочарованіи, но въ истинномъ бѣдствіи. Бѣдная Лиза! не было у нея довольно силы характера, чтобы противостоять ему — и она погибла!

Когда въ фигурѣ названій Лермонтовъ подошелъ ко мнѣ съ двумя товарищами и, зло улыбаясь и холодно смотря на меня, сказалъ: haine, mépris et vengeance, я, конечно, выбрала vengeance, какъ благороднѣйшее изъ этихъ ужасныхъ чувствъ.

— Вы несправедливы и жестоки, сказала я ему.

— Я теперь такой же, какъ былъ всегда.

— Неужели вы всегда меня ненавидѣли, презирали? за что вамъ мстить мнѣ?

— Вы ошибаетесь, я не перемѣнился, да и къ чему было мѣняться; напыщенныя роли тяжелы и не подъ силу мнѣ; я дѣйствовалъ откровенно, но вы такъ охраняемы родными, такъ недоступны, такъ изучили теорію любить съ ихъ дозволенія, что мнѣ нечего дѣлать, когда меня не принимаютъ.

— Неужели вы сомнѣваетесь въ моей любви?

— Благодарю за такую любовь!

Онъ довелъ меня до мѣста и, кланяясь, шепнулъ мнѣ:

— Но лишній плѣнникъ вамъ дороже!

Въ мою очередь я подвела ему двухъ дамъ и сказала: pardon, dévouement, résignation.

Онъ выбралъ résignation, т. е. меня. И, язвительно улыбаясь, сказалъ:

— Какъ скоро вы покоряетесь судьбѣ, вы будете очень счастливы!

— Мишель, не мучьте меня, скажите прямо, за что̀ вы сердитесь?

— Имѣю ли я право сердиться на васъ; я доволенъ всѣмъ и всѣми и даже благодаренъ вамъ, за все благодаренъ.

Онъ ужъ больше не говорилъ со мной въ этотъ вечеръ. Я не могу дать и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ; въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ неожиданно, такъ незаслуженно! Онъ зналъ, какъ глубоко, какъ горячо я его любила; къ чему же мучить меня недовѣріемъ, упрекать въ кокетствѣ? не по его ли совѣтамъ я дѣйствовала, поссорясь съ Л-нымъ? Съ той самой минуты, какъ сердце мое отдалось Мишелю, я жила имъ однимъ, или воспоминаніемъ о немъ, все вокругъ меня сіяло въ его присутствіи и меркло безъ него.

Въ эту грустную ночь я не могла ни на минуту сомкнуть глазъ. Я истощила всѣ средства, чтобъ найти причины его перемѣны, его раздражительности — и не находила.

«Ужъ не испытаніе ли это?» мелькнуло у меня въ головѣ и благодатная эта мысль нѣсколько успокоила меня. «Пускай испытываетъ меня сколько хочетъ, сказала я себѣ; не боюсь; при первомъ же свиданіи я разскажу ему, какъ я страдала, какъ терзалась, но скоро отгадала его злое намѣреніе испытанія и что ни холодность его, ни даже дерзость его не могли ни на минуту измѣнить моихъ чувствъ къ нему.»

Какъ я переродилась; куда дѣвалась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость? Я готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы онъ ласково взглянулъ на меня!

Долго ждала я желаемой встрѣчи и дождалась, но онъ все не глядѣлъ и не смотрѣлъ на меня,—не было возможности заговорить съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько скучныхъ вечеровъ, наконецъ выпалъ удобный случай и я спросила его:

— Ради Бога, разрѣшите мое сомнѣніе, скажите, за что̀ вы сердитесь? Я готова просить у васъ прощенія, но выносить эту пытку и не знать за что̀ — это невыносимо. Отвѣчайте, успокойте меня!

— Я ничего не имѣю противъ васъ; что прошло, того не

воротишь, да я ничего ужъ и не требую; словомъ, я васъ больше не люблю, да, кажется, и никогда не любилъ.

— Вы жестоки, Михаилъ Юрьевичъ; отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее мое, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся отнять у меня воспоминаніе; оно моя собственность, — я дорого заплатила за него.

Мы холодно разстались. И вотъ я опять вступила въ грустную, одинокую жизнь, болѣе грустную и холодную, чѣмъ была она прежде; — тогда я еще надѣялась, жаждала любви, а тутъ ужъ и надежды не было, и любовь моя, схороненная въ глубинѣ сердца, мучила и терзала меня. Все мнѣ надоѣло, всѣ окружающіе меня сдѣлались мнѣ несносны, противны, я рада была скорому отъѣзду въ деревню....

Село Ѳедосьино,
1837 г.

ЗАМѢТКА.

Здѣсь обрываются записки Екатерины Александровны Хвостовой; далѣе слѣдуютъ двѣ-три странички разсказа объ отъѣздѣ ея въ Псковскую деревню и о новыхъ ухаживаніяхъ одного изъ ея сосѣдей; затѣмъ говорится о выходѣ замужъ ея родной сестры Елизаветы Александровны. Эти подробности не представляютъ, по содержанію своему, никакого общаго интереса, а потому и опущены здѣсь.

Такимъ образомъ катастрофой разрыва съ М. Ю. Лермонтовымъ исчерпывается весь разсказъ Е. А. Года два спустя послѣ этого событія является изъ Америки ея давнишній поклонникъ А. В. Хвостовъ; онъ дѣлаетъ ей предложеніе и получаетъ согласіе. Бракосочетаніе молодой четы было въ Петербургѣ, и обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ церкви Св. Симеона; народу въ церкви было очень много и въ толпѣ публики былъ замѣтенъ Лермонтовъ; онъ, если не ошибаюсь, не задолго передъ тѣмъ вернулся съ Кавказа, изъ ссылки, и вновь поступилъ въ гвардію. Намъ разсказывали, будто Лермонтовъ усиленно просился быть шаферомъ у Е. А., и не получивъ на то согласія, все-таки присутствовалъ при обрядѣ вѣнчанія и горько, горько плакалъ.

Въ какой степени это вѣрно и въ какой степени соотвѣтствуетъ характеру Лермонтова, мы не беремся рѣшить. Точно также разсказываютъ, что изъ церкви Лермонтовъ поспѣшилъ прежде молодыхъ въ домъ жениха и здѣсь, въ суетѣ пріема молодыхъ, сдѣлалъ оригиналь-

ную шалость: онъ взялъ солонку и разсыпалъ соль по полу. „Пусть молодые новобрачные ссорятся и враждуютъ всю жизнь“, сказалъ Лермонтовъ тѣмъ, которые обратили вниманіе на эту умышленную неловкость. Въ началѣ 1840 года дуэль Лермонтова съ Барантомъ была причиной вторичной ссылки его на Кавказъ; сюда же въ Тифлисъ явилась и Екатерина Александровна съ мужемъ, имѣвшимъ постъ директора дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ кавказскаго края. Разсказываютъ, что именно въ это время Лермонтовъ прислалъ Е. А. Хвостовой свой живописный очень хорошій портретъ. Увѣряютъ, что она, не принявъ этого портрета, отправила его назадъ. Лермонтовъ, въ величайшей досадѣ, изрѣзалъ портретъ въ куски и бросилъ его въ печку: „Если не ей, — будто бы сказалъ при этомъ поэтъ, — то пусть никому не достается этотъ портретъ“.

15-го іюля 1841 г., пуля офицера Мартынова поразила на смерть молодого поэта. „Еслибъ я могла хотя предчувствовать эту трагическую, столь преждевременную кончину Лермонтова, говорила впослѣдствіи г-жа Хвостова, то ужъ разумѣется и въ мысляхъ моихъ не было бы сдѣлать такую глупость, какъ я сдѣлала съ его портретомъ!“

Въ семействѣ Е. А. сохранился другой, маленькій портретъ Лермонтова; это литографія съ акварельнаго портрета. На этомъ портретѣ Лермонтовъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ, въ довольно ранній возрастъ юности, курносый, съ фигурой весьма не представительной, но съ выразительными глазами, словомъ, наружность его здѣсь именно такова, какъ она описывается въ этихъ запискахъ Е. А. Г-жа Хвостова увѣряла, что этотъ портретъ чрезвычайно похожъ, и на оборотъ, совершенно не похожъ тотъ портретъ Лермонтова, который обыкновенно прикладывается къ его сочиненіямъ и приложенъ къ послѣднему изданію, а именно, гдѣ онъ изображенъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ шашкой. Въ семействѣ же госпожи Хвостовой какъ святыня хранится тотъ французскій романъ, о которомъ она упоминаетъ въ своихъ запискахъ, и поля котораго были испещрены остроумными замѣчаніями Михаила Юрьевича Лермонтова; но увы! всѣ эти замѣчанія, какъ выше разсказано, вытерты еще въ 1834 г.

Возвратимся къ Лермонтову. Въ запискахъ г-жи Хвостовой, при всемъ ея весьма понятномъ нежеланіи отнестись недружелюбно къ личности нѣкогда горячо ею любимой, эта личность все-таки, съ нравственной стороны, обрисовывается не въ привлекательномъ видѣ. Лермонтовъ увлекаетъ дѣвушку, весьма искусно разыгрываетъ роль человѣка страстно влюбленнаго, энергически преодолѣваетъ препятствія, встрѣчаемыя имъ къ достиженію желаемой цѣли, не стѣсняется при этомъ никакими средствами, вѣроломно обманываетъ человѣка, считавшаго его своимъ искреннимъ другомъ и довѣрчиво открывавшаго

Лермонтову свои задушевныя тайны. При этомъ, мороча довѣрчиваго пріятеля, Лермонтовъ являетъ полную готовность вытянуть его въ крайнемъ случаѣ на барьеръ подъ выстрѣлъ пистолета. Наконецъ, когда цѣль достигнута, то-есть когда *героиня* разыгрываемаго въ лицахъ романа страстно влюбляется въ героя, этотъ герой довольно цинически объявляетъ ей, что все это было не болѣе какъ шутка, какъ фарсъ, которымъ онъ тѣшилъ только свое самолюбіе и тщеславіе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ его послѣднихъ и рѣшительныхъ объясненій съ составительницей записокъ.

Впрочемъ и сама г-жа Хвостова въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, именно на одной изъ тѣхъ страницъ, которыя мы сочли нужнымъ, по слишкомъ интимному ихъ характеру, опустить, дѣлаетъ слѣдующаго рода обращеніе къ личности Лермонтова, обращеніе, подтверждающее справедливость нашего замѣчанія. „Цѣлые дни — писала она въ 1837 году, — бьюсь и на силу соберу въ памяти что-то напоминающее лицо Лермонтова.... Помню только выраженіе глазъ и всегда чувствую пожатіе руки, когда въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ: „я люблю васъ“; но этотъ милый взглядъ, но эта добрая улыбка сливаются въ памяти съ столь же холодной, жесткой, ѣдкой улыбкой, съ которой онъ впослѣдствіи времени сказалъ мнѣ, низко кланяясь: „вы преувеличили любовь мою, *да я этого и хотѣлъ*, не я же васъ обманывалъ, а вы сами себя, преувеличивъ мои чувства“.

Итакъ, повторяемъ, то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе записокъ г-жи Хвостовой, въ концѣ концовъ, является далеко не въ пользу Лермонтова; но внимательно пересматривая его сочиненія, мы находимъ въ нихъ, если не оправданіе, то положительное разъясненіе этой, во всякомъ случаѣ замѣчательной личности. Вотъ, напр., Лермонтовъ пишетъ относительно Лугина, героя одной изъ начатыхъ имъ повѣстей [1]). „Съ нѣкотораго времени Лугина преслѣдовала постоянно идея мучительная и несносная тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его *самолюбіе*. Онъ былъ далеко не красавецъ, это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе находили выраженіе лица его пріятнымъ; но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность....

„Мнѣ часто случалось, говоритъ Лугинъ въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти, возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я точно знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и при-

---

[1]) Сочиненія Лермонтова, изданія 1860 г., т. II, стр. 636 и 626.

вычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь этому счастію, — я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло, нѣтъ. — Я дуренъ, и слѣдовательно женщина меня любить не можетъ. — Это ясно. Аристократическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ, онѣ и долѣе насъ покорены первому впечатлѣнію. Если я успѣвалъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то *это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ*. Но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мной, и благодарилъ за него только себя, то самъ не могъ забыться до *полной, безотчетной любви*. Къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!...“

Прочитавъ это замѣчательное мѣсто (на которое указываетъ и одинъ изъ біографовъ Лермонтова) и сопоставляя выписанныя страницы изъ сочиненій Лермонтова, со всѣмъ разсказомъ г-жи Хвостовой, для насъ многое въ поступкахъ перваго дѣлается совершенно яснымъ. И разъ признавъ въ Лугинѣ, фантастическомъ героѣ повѣсти, сильное сходство съ ея авторомъ, мы видимъ Лермонтова далеко уже не въ столь непривлекательномъ видѣ, въ какомъ онъ является въ искреннемъ и увлекательномъ разсказѣ г-жи Хвостовой.

Въ заключеніе помѣщаемъ дополнительныя свѣдѣнія, сообщенныя намъ Е. А. Хвостовой отрывочно:

По увѣренію Е. А., Лермонтовъ родился въ 1815 г., а не въ 1814 г., какъ это показано въ „Матеріалахъ для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова [1])“.

«Dominer est ma passion dominante et peut-être la seule».

«Il vaut mieux aimer de la tête, que du coeur; car, quand on aime de la tête—on domine et quand on aime du coeur—on est dominé».

«La vie est une épigramme, dont la mort fait le point».

Слова Лермонтова.

„Я изготовляю на дѣлѣ матеріалы для будущихъ моихъ сочиненій.— Отвѣтъ Лермонтова на вопросъ: зачѣмъ онъ интригуетъ женщинъ?

---

[1]) Составитель этихъ матеріаловъ, С. Дудышкинъ говоритъ: «Лермонтовъ род. 1814 г. 3-го октября, умеръ 1841 г. 15-го іюля, слѣдовательно жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, — такъ говоритъ намъ скромная надпись на деревенскомъ памятникѣ Лермонтова, въ селѣ Тарханахъ, недалеко отъ Чембара, въ Пензенской губерніи». (Сочиненія Лермонтова, изд. 1863 г., томъ второй, стр. III).

Въ 1837 г., за стихи на смерть Пушкина, Лермонтова перевели изъ гвардіи тѣмъ-же чиномъ въ армію, въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, говоритъ г. Меринскій („Библіографическія Записки“ 1859, № 20, стр. 636), Лермонтовъ отправился къ своему начальнику, чтобы ему откланяться; тотъ встрѣтилъ его такимъ выговоромъ:

„Что это вы вздумали писать стихи? на это есть поэты, а вы корнетъ — ваше дѣло заниматься своимъ взводомъ, и болѣе ничего.“ Г-жа Хвостова, основываясь на словахъ самого Лермонтова, передавала мнѣ объ этомъ иначе, а именно: Комендантъ Мартыновъ принялъ на свой счетъ стихи:

«А вы, надменные потомки
Извѣстныхъ подлостью прославленныхъ отцовъ...»

укорялъ за нихъ Лермонтова и прибавилъ: „ваше ли дѣло писать стихи! для этого есть поэты, авторы, писатели, а вы такой-же благородный человѣкъ, какъ и я“.

Стихотвореніе „На свѣтскія цѣпи“ [1]), какъ я слышалъ отъ Е. А., написано Щербатовой, урожденной Штеричъ, потомъ — г-жа Лутковская.

Екатерина Александровна выражалась о Лермонтовѣ: «Lermontoff toujours calculateur et énigmatique».

Будучи женихомъ Щербатовой и въ тоже время избѣгая брака, Лермонтовъ на колѣняхъ умолялъ свою бабушку Арсеньеву не позволять ему жениться.

Когда Екатерина Александровна была сговорена, Лермонтовъ вознамѣрился вызвать ея жениха на дуэль, о чемъ и предупреждалъ ее. По этому случаю, онъ написалъ стихотвореніе „Сонъ“:

Въ полдневый жаръ, въ долинѣ Дагестана — [2]).

---

[1]) Въ изд. соч. Лермонтова 1863 г., оно значится подъ 1840 годомъ.
[2]) Въ изд. соч. Лермонтова 1863 г., подъ 1841 годомъ.

Съ Е. А. Лермонтовъ поступалъ эгоистически и кокетливо. Такъ, неравнодушная къ нему, она, втайнѣ отъ родныхъ, связала къ его именинамъ кошелекъ (изъ бѣлаго и голубого шелку — любимые цвѣта Лермонтова), который отправила къ нему incognito. Лермонтовъ не могъ не догадаться, отъ кого былъ этотъ подарокъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ игралъ въ карты съ дамами, и одна изъ нихъ замѣтила ему, что онъ очень дорожитъ приношеніемъ поздравительницы. „Я дорожу?!“ воскликнулъ Лермонтовъ: „нисколько! и въ доказательство ставлю его на карту....“ Названный подарокъ былъ проигранъ одной изъ собесѣдницъ. Спустя нѣсколько времени, эта особа, въ присутствіи Е. А. и ея родныхъ, доставала изъ этого кошелька деньги: Е. А. была удивлена и раздосадована.

Е. А. и многія сверстницы ея и почитательницы Лермонтова, чтобъ высказать ему свое особенное вниманіе, являлись передъ нимъ, всѣ вмѣстѣ, въ уборахъ изъ бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ; „но онъ, казалось, не замѣчалъ этого, что ни одной изъ насъ не оскорбляло, такъ какъ мы знали, что онъ ко всѣмъ намъ одинаково равнодушенъ“, говорила Е. А.

Когда Е. А. возвратилась отъ вѣнца, Лермонтовъ въ качествѣ шафера подошелъ къ ней съ поздравительнымъ покаломъ и сказалъ: «je me recommande, madame, à votre bonté!»

М. Семевскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го сентября 1869.

Внутренній заемъ въ 15 милл. р.—Обращеніе безпроцентнаго долга.—Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса.—Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ.—Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ.—Расторженіе контракта съ Уайненсомъ.—Желѣзно-дорожные торги.—Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги.—Съѣздъ петербургскаго духовенства.

Новый внутренній пяти-процентный заемъ въ 15 милл. рублей былъ опубликованъ въ то время, когда мы оканчивали прошлую хронику; мы должны были подождать результатовъ подписки; операція разверстки была окончена къ началу августа. Легко было предвидѣть, что подписка далеко превыситъ требованіе, но результаты подписки превзошли всѣ ожиданія (почти 337½ милл. р.). Въ блестящемъ успѣхѣ новаго займа едва ли слѣдуетъ, впрочемъ, видѣть какой-либо необыкновенно-благопріятный признакъ нашего экономическаго положенія. Громадное превышеніе подписками цифры предлагаемыхъ правительствами займовъ обыкновенно толкуютъ, какъ свидѣтельство о прочномъ нравственномъ довѣріи къ правительству и о значительности сбереженій въ народѣ. Успѣхъ новаго займа у насъ въ первомъ смыслѣ ничего не прибавляетъ къ тому, что́ несомнѣнно; обмѣнивать безпроцентныя ассигнаціи на бумаги, приносящія доходъ и, сверхъ того, предлагаемыя дешевле цѣны ассигнацій, несомнѣнно-выгодно во всякомъ случаѣ; прочность же нравственнаго довѣрія къ правительству удостовѣряется уже достаточно обращеніемъ самыхъ ассигнацій. Что касается количества народныхъ сбереженій, то блестящій успѣхъ нынѣшняго займа и въ этомъ отношеніи ничего не доказываетъ уже потому, что по кратковременности подписки участвовать въ ней могло только населеніе Петербурга. Сверхъ того, сумма всѣхъ требованій до 50 билетовъ не составила и 9½ милл. рублей.

Всѣхъ участвовавшихъ въ подпискѣ было около 9,400 чел. Изъ нихъ 622 чел. подписались на сумму до 102 милл., а 96 лицъ почти на

200 милл. р. Почти $^2/_3$ подписанной суммы приходились на долю всего 718 лицъ изъ 9,432. Итакъ, ясно, что характеръ подписки былъ преимущественно-спекуляціонный. Правительство нашло удобнымъ сдѣлать заемъ въ то время, когда курсъ процентныхъ бумагъ вообще высокъ, и успѣхъ подписки свидѣтельствуетъ собственно о томъ же самомъ фактѣ. Успѣхъ этого займа, вѣроятно, побудитъ къ новымъ выпускамъ, о которыхъ уже и ходятъ слухи. Что нынѣшній выпускъ былъ всего на 15 милл. р., это можно объяснить скорѣе всего желаніемъ сдѣлать на первый разъ только опытъ.

Новый заемъ предназначается на изъятіе изъ обращенія и уничтоженіе равнаго количества ассигнацій, и этой цѣли нельзя не сочувствовать особенно въ то время, когда заграничный курсъ нашего рубля упалъ на цѣлые 20 процентовъ. Можно бы, конечно, только пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски, съ тою же цѣлью обращенія безпроцентнаго долга въ процентный, не заставили себя долго ждать. Всѣ мѣры, которыя были принимаемы до сихъ поръ для поднятія курса кредитнаго рубля, не достигли этой цѣли: ни открытіе размѣна на золото, ни скопленіе въ кладовыхъ банка 140 милл. рублей звонкою монетою, безъ открытія размѣна. Остается прибѣгнуть къ единственной вѣрной мѣрѣ поддержать цѣнность своихъ безсрочныхъ и безпроцентныхъ обязательствъ, именно къ уменьшенію ихъ количества. Сокращеніе на 12 милліоновъ рублей суммы безпроцентнаго обращенія, которое превосходитъ 700 милл. р., само по себѣ незначительно, но оно имѣло бы очень большое значеніе, какъ начало цѣлаго ряда подобныхъ операцій, начало цѣлой системы постепенной редукціи нашего безпроцентнаго долга, если бы такую систему провесть съ раціональною выдержкой. Но въ этомъ-то именно отношеніи и трудно имѣть полную увѣренность.

Не говоря уже о войнѣ, которая всегда и вездѣ нарушаетъ исполненіе принятой финансовой системы, могутъ представиться разныя непредвидѣнныя обстоятельства, которыя принудятъ къ выпуску новыхъ серій ассигнацій, взамѣнъ уничтоженныхъ; тогда вся эта операція превращенія части безпроцентнаго долга въ процентный обратилась бы въ ничто и результатомъ ея было бы только увеличеніе процентнаго долга. А такъ какъ публика, пріобрѣтая новыя процентныя бумаги собственно для того, чтобы воспользоваться преміею на нихъ, несетъ ихъ затѣмъ въ тотъ же банкъ, то вся эта операція сводилась бы со стороны публики къ игрѣ, а со стороны банка къ росту съ игроковъ, безъ всякой пользы для нашихъ государственныхъ финансовъ.

Финансовое положеніе Россіи представляетъ сходство съ положеніемъ запущеннаго долгое время имѣнія. Надъ нимъ тяготѣютъ прежніе долги, доходъ съ имѣнія непосредственно увеличить нельзя, потому

что для этого необходимы огромныя улучшенія и въ положеніи крестьянъ, и въ проведеніи дорогъ, однимъ словомъ, увеличенію оброка или податей должно предшествовать усиленіе производительности, которое прежде всего требуетъ новыхъ значительныхъ денежныхъ затратъ. Сверхъ того и непроизводительные расходы годъ отъ году увеличиваются, отъ общаго ли вздорожанія цѣнъ, или отъ необходимости не отставать отъ сосѣдей. Крымская война завѣщала намъ громадное увеличеніе долга, и вмѣстѣ необходимость увеличенія постоянныхъ расходовъ. Податная сила страны была уже натянута до крайняго предѣла, и обращаться къ странѣ съ новыми требованіями путемъ непосредственнаго возвышенія податей не представлялось возможности. Оставались два совмѣстные пути — путь новыхъ денежныхъ обязательствъ государства для гарантированія тѣхъ улучшеній, которыя были необходимы для поднятія его производительности, и путь новыхъ займовъ для покрытія текущихъ дефицитовъ.

Такъ какъ всѣ обязательства государства въ концѣ концовъ падаютъ всё-таки на плательщиковъ податей, то необходимое одновременное слѣдованіе по обоимъ указаннымъ путямъ значительно усложнило на время (и не на короткое время) всѣ наши финансовыя отправленія. Государство должно было принять на себя финансовыя обязательства для гарантіи надѣла крестьянъ и для гарантіи доходности массы предпринятыхъ желѣзныхъ дорогъ. Гарантируя доходность желѣзныхъ дорогъ, которымъ, въ общей ихъ сложности, суждено на первое время быть бездоходными, государство очень хорошо знало, что обязывается на жертву ради увеличенія производительной силы страны. Принимая на себя гарантію по надѣлу крестьянъ, государство было готово на подобную же жертву и только, можно сказать, неожиданная исправность взносовъ выкупа освобожденными и надѣленными крестьянами свело эту ежегодную жертву государства до небольшихъ размѣровъ. Зато значительно увеличилась податная сумма, падающая на крестьянъ, увеличенная отчасти еще и издержками самоуправленія волостного и земскаго. Между тѣмъ, своимъ чередомъ шли займы на покрытіе тѣхъ ежегодныхъ дефицитовъ, какіе не могли не образоваться, когда расходы возрастали, а государственныхъ податей увеличить было нельзя.

Великимъ и благотворнымъ результатомъ такого хода дѣлъ будетъ то, что освободивъ земледѣльческій трудъ, усиливъ его производительность, обезпечивъ производительность сбыта системою быстрыхъ сообщеній, и этими же сообщеніями возбуждая новые роды производительности въ странѣ — мы должны увидѣть въ Россіи значительное возвышеніе податной способности. Придетъ время, когда нынѣшнія подати будутъ казаться легкими, но это время нужно еще выждать. Придетъ — буде какія-либо чрезвычайныя обстоятельства не явятся

исказить всѣ финансовыя предположенія—и то время, когда желѣзныя дороги, въ своей совокупности, будутъ оплачивать сами себя, не требуя пожертвованій отъ правительства, и эра тѣхъ преобразованій, которыя связаны съ денежными обязательствами и затратами, будетъ заключена до отдаленнаго срока. Тогда мы будемъ имѣть предъ глазами комбинацію трехъ благопріятныхъ экономическихъ элементовъ: роздыхъ въ денежныхъ затратахъ на улучшеніе, увеличенную производительность страны и соотвѣтственно съ нею—возможность прекратить неопредѣленное возрастаніе государственнаго долга, возможность соразмѣрить прямо поступленіе податей съ потребностью государственныхъ расходовъ.

Это время, повторяемъ, нужно выждать и до тѣхъ поръ имѣется одно финансовое средство, суррогатъ производительности — займы; остается — изворачиваться займами. Какъ бы ни было велико число новыхъ займовъ, какъ бы ни возрасла цифра государственнаго долга, мы готовы принять ихъ и несть ихъ бремя, если только намъ представляется впереди возможность окончательнаго вступленія на путь единственно-правильный, путь согласованія податей съ расходами и расходовъ съ податями. Какъ бы ни было велико бремя, которое упадетъ на насъ, мы не будемъ жаловаться, если силы наши окрѣпнутъ, и никто въ Россіи не пожалѣетъ, если государственный долгъ возрастетъ подъ вліяніемъ великихъ усилій ко внутреннимъ улучшеніямъ, хотя бы въ такой же пропорціи, въ какой онъ возросъ подъ вліяніемъ бѣдственной крымской войны. Употребила же Сѣверная Америка баснословныя средства, требующія теперь геройскаго терпѣнія плательщиковъ податей, для того, чтобы разъ навсегда вырвать изъ себя съ корнемъ рабство.

Но для того, чтобы страна съ терпѣніемъ и даже съ самоотверженіемъ принимала каждый годъ новое бремя на свое будущее, безусловно-необходимо, чтобы она имѣла передъ глазами правильную систему финансовой политики, чтобы она знала что дѣлается, знала, до какой степени будущность ея отдается въ залогъ по нынѣшнимъ обязательствамъ. Для этого безусловно-необходимо, чтобы неизбѣжные въ переходное время новые займы были гласны и правильно обусловлены сроками погашенія, и чтобы никакой тайный экономическій червь не глодалъ наружной правильности финансовой системы, не работалъ въ тиши надъ искаженіемъ самого отношенія какъ податной суммы, такъ и внутреннихъ обязательствъ казны къ кредитной единицѣ — основанію всѣхъ разсчетовъ. Иначе, какъ бы мы готовы ни были къ пожертвованіямъ, но не могли бы не предвидѣть безполезность всякихъ усилій для наполненія бочки Данаидъ, какою бы представлялась народная касса при условіи внутренняго разрушенія того, что снаружи созидается.

Насъ не обвинятъ въ пессимизмѣ. Изъ сказаннаго выше ясно, что мы не только допускаемъ необходимость новыхъ займовъ въ переходное время, но даже убѣждены, что безъ нихъ нельзя и обойтись. Пока нѣтъ возможности обращаться съ новыми требованіями прямо къ плательщикамъ податей, неизбѣжно обращеніе къ заимодавцамъ, къ кредиту. И на кредитъ нравственный, на это довѣріе страны къ окончательному успѣху великихъ экономическихъ преобразованій, правительство вправѣ разсчитывать. Но одного вида займа мы не нашли бы возможности объяснить и оправдывать, это — дальнѣйшихъ неограниченныхъ ежегодныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Займы правильные, гласные, процентные, срочные—это неизбѣжный суррогатъ возвышенія податной силы; но займы ассигнаціонные, негласные, безпроцентные, безсрочные—прямой подрывъ производительности, прямое противорѣчіе всѣмъ тѣмъ надеждамъ, которыя однѣ оправдываютъ временное усиленное обращеніе къ средствамъ будущаго. Будучи негласны и неограничены, они колеблютъ внутренній кредитъ; увеличивая обращеніе необезпеченное, они производятъ пертурбацію въ отношеніяхъ къ казнѣ и плательщиковъ и получателей; роняя курсъ, они ставятъ производительность въ самое неблагопріятное положеніе, ослабляютъ торговлю, тяготѣютъ на всѣхъ дѣлахъ, однимъ словомъ, искажаютъ всю систему окончательнаго поправленія финансовъ государства посредствомъ улучшенія общаго экономическаго положенія страны. Это-то и есть тотъ червь, который втайнѣ глодалъ всѣ наши финансовыя системы.

Мы не можемъ не допустить, что правильный, небольшой выпускъ ассигнацій необходимъ для производства внутреннихъ платежей; но не можемъ допустить такіе выпуски въ смыслѣ финансоваго ресурса вообще, и въ смыслѣ средства къ поправленію финансовыхъ условій— въ особенности. Напримѣръ, если новые выпуски ассигнацій обусловливались бы отчасти стремленіемъ накопить по возможности бо́льшій запасъ звонкой монеты въ кладовыхъ банка, съ цѣлью удержать курсъ отъ паденія, то это представляло бы такой софизмъ, котораго ложность не можетъ подлежать сомнѣнію. Даже если бы допустить окончательною цѣлью открытіе размѣна, то и тогда подобная система представлялась бы химерою, потому что съ открытіемъ размѣна — какъ научаетъ прежній опытъ—тотчасъ явилась бы не ограниченная мѣна бумажекъ на золото, а настоящая ликвидація ассигнацій, которая скоро поглотила бы металлическій фондъ. Если же не имѣть въ виду открытія размѣна, то тогда накопленіе металлическаго фонда представляется только какъ бы нравственнымъ средствомъ удержать паденіе курса, средствомъ во всякомъ случаѣ невѣрнымъ, а между тѣмъ сопряженнымъ съ вѣрнымъ пониженіемъ курса, путемъ новыхъ выпусковъ ассигнацій. Что накопленіе металлическаго фонда до сихъ поръ

мало принесло пользы въ отношеніи курса, это оказывается на фактахъ: за послѣдніе два года металлическій фондъ увеличенъ въ полтора раза, а курсъ между тѣмъ упалъ.

Итакъ, не допуская, чтобы раціонально было пользоваться выпускомъ бумажныхъ денегъ какъ финансовымъ ресурсомъ вообще и средствомъ для поправленія финансовыхъ условій въ особенности, мы все-таки готовы допустить необходимость правильныхъ, небольшихъ выпусковъ ассигнацій для внутреннихъ платежей, съ цѣлями собственно казначейскими. Но для того, чтобы совокупность такихъ выпусковъ не превращалась въ подрывъ будущему поправленію финансовъ, совершенно необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы выпуски эти были гарантированы самой точной гласностью. Если общество будетъ знать съ точностью, сколько въ дѣйствительности обращается бумажныхъ денегъ каждаго достоинства и сколько предполагается выпустить ихъ въ текущемъ году, для цѣлей казначейскихъ, то отъ такого внесенія гласности въ искони-темное ассигнаціонное дѣло не только не послѣдуетъ паники относительно цѣнности кредитныхъ бумажекъ, но напротивъ, довѣріе къ нимъ, стало быть и достоинство ихъ, чувствительно возвысится.

Казна отъ этого будетъ въ чистомъ выигрышѣ, потому что и казна находится въ положеніи не только должника, но и покупателя продуктовъ и труда. Послѣдняя черта въ положеніи казны даже преобладаетъ, такъ какъ именно огромное вздорожаніе цѣнъ—которое легко указать по бюджетамъ всѣхъ вѣдомствъ—постоянно увлекаетъ правительство въ увеличенные расходы. Внесеніе бо́льшей гласности въ ассигнаціонное дѣло, говоримъ мы, ощутительно возвысило бы достоинство ассигнацій, потому что всякое ограниченіе какого бы то ни было производства, какъ бы нестѣснительны и широки ни были размѣры этого ограниченія, все-таки возвышаетъ цѣну продукта. Кромѣ того, очень важно нравственное отношеніе общества къ извѣстной экономической цѣнности или потребности. Прежніе экономисты напрасно слишкомъ пренебрегали именно нравственнымъ отношеніемъ общества, или группъ общества, къ экономическимъ условіямъ, какъ такою силою, которая сама по себѣ способна создавать новые экономическіе факты. Милль уже обратилъ вниманіе на эту истину; напр., въ его объясненія видоизмѣненій рабочей платы входитъ, въ числѣ экономическихъ факторовъ, нравственное представленіе рабочихъ объ уровнѣ потребностей въ данное время.

Нравственное впечатлѣніе, какое произвело бы подчиненіе выпуска ассигнацій общественному контролю, хотя бы только путемъ гласности, было бы огромно и для финансовой системы въ высшей степени выгодно. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ на бумажныя деньги смотрятъ какъ на неистощимый источникъ казны. По мнѣнію неисчислимаго большинства общества, отъ казны зависитъ выпустить бумажныхъ

денегъ сколько она хочетъ, дѣлать денегъ сколько ей угодно. А такъ какъ тоже общество, хотя инстинктивно понимаетъ, что дѣйствительная цѣнность отъ казны не зависитъ, то отсюда происходитъ такое представленіе о бумажныхъ деньгахъ, что онѣ — не что иное какъ фикція, и фикція эта поддерживается единственно тѣмъ, что казна— для которой деньги эти никакой цѣны не имѣютъ—соглашается тѣмъ не менѣе принимать ихъ въ уплату податей.

Тогда же, при введеніи въ это дѣло полной гласности, общество убѣдится, что выпускъ бумажныхъ денегъ вовсе не есть философскій камень, находящійся въ рукахъ правительства, что выпуски эти ограничены, а увидѣвъ, что въ дѣйствительности выпуски эти будутъ употребляемы съ умѣренностью и не какъ средство выходить изъ затруднительнаго положенія, а только въ размѣрѣ потребности внутреннихъ разсчетовъ, общество пріучится къ мысли, что кредитные рубли имѣютъ цѣну не только для него, но и *для самой казны.* Товаръ, который имѣетъ сбытъ и котораго производство ограничено, имѣетъ два главныя условія цѣнности.

Какимъ же образомъ ввесть точную гласность въ ассигнаціонное дѣло? Нѣтъ сомнѣнія, что спеціальное вѣдомство лучше насъ можетъ указать наиболѣе удобныя для того средства. Мы же, со своей стороны, можемъ предложить, только въ видѣ примѣра, одно такое средство, которое уже и само по себѣ, отдѣльно взятое, могло бы принесть несомнѣнную пользу въ смыслѣ гласности и представляемой гласностью гарантіи. Пусть сперва будетъ обнародовано, сколько въ настоящее время имѣется серій или выпусковъ бумажныхъ денегъ разнаго достоинства, какими знаками или буквами каждая изъ этихъ серій обозначается, какому соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности году, сколько въ каждой изъ нихъ номеровъ, и затѣмъ, итоги всей нарицательной цѣнности, или суммы каждаго выпуска въ кредитныхъ рубляхъ; пусть сдѣлается извѣстнымъ, сколько и какія именно есть серіи и какіе нумера въ каждой серіи первый и послѣдній. Само собою разумѣется, что тѣмъ самымъ всѣ билеты, которые встрѣтятся внѣ показанной нумераціи или окажутся съ тѣми же нумерами, но съ иными знаками, признаются фальшивыми.

Еще лучше было бы, если бы при нынѣшней перемѣнѣ старыхъ кредитныхъ билетовъ на новые, была объявлена вѣдомость старымъ на основаніи, которое только что указано, а затѣмъ по всѣмъ новымъ билетамъ всѣхъ достоинствъ была бы введена одна общая нумерація, съ объявленіемъ въ каждомъ году *послѣдняго,* высшаго нумера кредитныхъ билетовъ. Хотя бы это было 100-милліонный нумеръ, напечатать его не трудно, а знать очень важно. Дальнѣйшіе же выпуски кредитныхъ билетовъ въ каждомъ году объявлялись бы гласно при самомъ выпускѣ, съ означеніемъ новаго послѣдняго нумера.

Не сомнѣваемся, что для гласности и общественнаго контроля, которыя возвысили бы цѣнность денегъ, выпускаемыхъ казною, можно пріискать средства болѣе практичныя, чѣмъ то, на которое мы указали. Но не сомнѣваемся также, что, за отсутствіемъ болѣе практичнаго и дѣйствительнаго, и это принесло бы пользу.

При нынѣшней системѣ, о количествѣ выпусковъ бумажныхъ денегъ упоминается въ рѣчахъ министра финансовъ въ кредитныхъ установленіяхъ. Но въ этихъ рѣчахъ о бумажномъ обращеніи упоминается между прочимъ, и далеко не въ одной системѣ каждый годъ, такъ, что изъ этихъ рѣчей трудно даже вывесть, сколько было выпущено бумажныхъ денегъ за каждый изъ прошлыхъ годовъ. Спеціализаціи же на серіи, итоги нумеровъ въ серіяхъ, и цѣнности каждой серіи отдѣльно — въ этихъ рѣчахъ нѣтъ. Наконецъ, знать общую сумму денежнаго обращенія и цѣнность выпусковъ въ рубляхъ, вовсе не все равно, что знать сколько всего серій, сколько въ каждой серіи нумеровъ, какой нумеръ послѣдній, и сколько именно выпущено и будетъ выпущено въ нынѣшнемъ году за какими именно нумерами. А это-то и полезно знать; въ обнародованіи вотъ именно этихъ-то точныхъ свѣдѣній и заключается то средство, на которое мы, между прочимъ, указываемъ.

Возвращаясь къ разверсткѣ нынѣшняго займа, замѣтимъ, что признавая за мелкою подпискою характеръ преимущественно-спекулятивный, какой она и имѣла, потому что для помѣщенія сбереженій еще на долго останутся наиболѣе популярными займы выигрышные—все-таки можно было предоставить все количество облигацій этой мелкой подпискѣ. О примѣненіи такъ-называемаго во Франціи принципа «демократизаціи» займовъ нечего, конечно, говорить по поводу займа незначительнаго; но просто не было надобности отдавать премію въ руки банкировъ. Впрочемъ администрація, не признавъ возможнымъ предоставить весь заемъ, то-есть всю премію маленькимъ капиталамъ, конечно, имѣла въ виду особыя соображенія; заемъ этотъ, разумѣется, не послѣдній, и содѣйствіемъ крупныхъ капиталистовъ нельзя не дорожить на будущее время.

Что финансовая система въ государствѣ подвергается частымъ измѣненіямъ, смотря по тому, какому средству кредита въ ней даютъ преобладаніе въ извѣстную эпоху или насколько находятъ необходимымъ возвышать подати — это неудивительно. Финансовая система во всѣхъ государствахъ, по необходимости, соображается болѣе съ потребностями, чѣмъ со средствами государства. По прошествіи нѣкотораго времени непремѣнно являются такія чрезвычайныя потребности, которыя измѣняютъ установленную систему, отдаляютъ на долгое время равновѣсіе, которое уже казалось близкимъ, и заставляютъ снова на-

чинать изыскиваніе дополнительныхъ средствъ, а иногда и геройскія усилія для возстановленія порядка.

Но какая отрасль государственной дѣятельности менѣе зависитъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей и болѣе способна къ отправленію правильному, къ развитію логическому и постепенному, чѣмъ попеченіе о народномъ образованіи? Казалось бы, здѣсь уже совсѣмъ не должны имѣть мѣста безсвязные переходы отъ одного къ другому, періодическое предпочтеніе то одной, то другой системы, однимъ словомъ тѣ «скачки», которымъ въ недавнее время такъ убѣдительно противопоставлялась теорія органическаго, правильнаго, постепеннаго развитія.

Между тѣмъ, у насъ эта именно отрасль государственной дѣятельности едва ли не чаще всѣхъ другихъ подвергалась кореннымъ измѣненіямъ системы, не потому, конечно, чтобы потребность народа въ образованіи могла радикально измѣняться по прошествіи пяти или десятилѣтнихъ періодовъ, а просто потому, что взгляды лицъ, поставленныхъ во главѣ этой отрасли управленія, могутъ измѣняться столь же часто, какъ измѣняются сами эти лица. Такимъ образомъ, наша система публичнаго обученія до сихъ поръ еще не вышла изъ состоянія такъ сказать экспериментальнаго. Мы все еще на образованіи будущихъ поколѣній учимся сами педагогикѣ. Недавній фактъ показалъ, что изъ этихъ экспериментовъ можно извлекать выводы весьма различные, что общество можетъ приходить къ выводамъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ администрація, спеціально изучающая, опытнымъ образомъ, педагогику.

Лица, подписавшія заявленіе о безплодной обременительности нынѣшняго гимназическаго курса для учениковъ, только выразили единогласное мнѣніе общества. Родителей не можетъ не возмущать тотъ фактъ, что дѣти твердятъ множество своихъ ежедневныхъ уроковъ до ночи, и въ результатѣ такого усиленнаго, разбросаннаго и непереваренного изученія оказываются самые плохіе практическіе результаты. Обширность и многопредметность курса классическихъ гимназій и недостатокъ времени для дѣйствительнаго усвоенія его — вотъ главныя условія, которыя какъ будто разсчитаны на то, чтобы утомить ученика какъ можно болѣе и вмѣстѣ сдѣлать какъ можно поверхностнѣе его знакомство съ пройденными предметами. А такъ какъ всякое изученіе можетъ умственно развивать ученика только подъ условіемъ спокойнаго размышленія и усвоенія изучаемаго, то неоспоримо, что при многопредметности и неизбѣжной притомъ спѣшности курса, ученики выходятъ изъ нашихъ гимназій и неосновательно подготовленными научно и мало развитыми, что въ особенности печально, такъ какъ главнымъ назначеніемъ общаго образованія должно быть именно умственное и нравственное развитіе.

Обширность курса въ нашихъ гимназіяхъ происходитъ собственно отъ условія, которое не зависитъ отъ взглядовъ, преобладающихъ въ данное время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а именно прежде всего отъ недостатка въ нашемъ обществѣ первоначальнаго домашняго воспитанія. А такъ какъ этотъ недостатокъ не восполняется хорошо устроенными элементарными школами, то и выходитъ, что ученики поступаютъ въ первый классъ гимназій едва грамотными. Отсюда курсъ общаго образованія въ нашихъ гимназіяхъ долженъ обнимать весь составъ общаго образованія, кромѣ самой развѣ русской грамоты, между тѣмъ какъ гимназіи считаются средними учебными заведеніями.

Это обстоятельство, котораго никакія пріемныя программы измѣнить не въ силахъ, такъ какъ оно зависитъ отъ уровня образованія самихъ родителей, и преимущественно матерей—само уже указываетъ на необходимость раздѣленія гимназическаго курса на два отдѣленія: элементарнаго и затѣмъ собственно средняго образованія. Само собою разумѣется, что изъ перваго отдѣленія должно быть исключено все то, что совершенно неразвитыя дѣти могутъ учить неиначе какъ машинально, все то, что включаетъ понятія отвлеченныя, стало быть всякія грамматики, представляющія не что иное какъ рядъ недоступныхъ ребенку логическихъ опредѣленій и отвлеченныхъ формъ, и ариѳметика, а тѣмъ болѣе древніе языки, которые не представляютъ ничего иного, какъ усложненіе грамматическихъ формъ приложеніемъ ихъ къ мертвой рѣчи. За то въ первоначальный курсъ должны входить историческіе разсказы, физическая географія, наглядное ознакомленіе съ общею географіею. Такое раціональное, согласованное съ дѣйствительностью распредѣленіе курса уже само по себѣ требовало бы совершенной перемѣны принятой въ гимназіяхъ программы.

Но самая неизбѣжность *обширности* курса въ нашихъ гимназіяхъ уже сама по себѣ доказываетъ невозможность въ гимназическомъ курсѣ многопредметности. Предположеніе о добавленіи въ гимназіяхъ восьмого класса само по себѣ было бы очень раціонально, и если нельзя желать его у насъ, такъ это единственно потому, что будь только восьмой классъ, сейчасъ еще распространятъ программу курса. Восьмой классъ въ гимназіяхъ могъ бы быть спеціальнымъ. Говоря собственно о классическихъ гимназіяхъ, замѣтимъ, что даже оба послѣдніе класса могли бы быть посвящены исключительно древнимъ языкамъ и математикѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посвящая бо́льшую часть времени изученію древнихъ языковъ, ученики въ теченіи двухъ лѣтъ, будучи даже вовсе незнакомы раньше съ этими языками, усвоили бы ихъ себѣ лучше, чѣмъ теперь, когда одна половина гимназическаго курса проходитъ въ несообразованномъ съ ребяческимъ возрастомъ изученіи мертвыхъ формъ и отвлеченныхъ правилъ, безъ

всякаго участія и интереса, а другая—въ слушаніи латинскаго и греческаго синтаксисовъ и мнимомъ ознакомленіи съ писателями, когда сама этимологія остается совершенно неусвоенною. Классическіе языки, алгебра и геометрія могли бы быть заключены въ одни два высшіе класса, а всѣ предшествующія шесть лѣтъ освобождены отъ непосильнаго и безплоднаго бремени классицизма, и огромное выигранное отъ этого время могло бы быть посвящено всѣмъ тѣмъ именно предметамъ, которые развиваютъ умъ.

Мы утверждаемъ, что 15—16-ти-лѣтній мальчикъ, употребляя половину всего своего времени на латинскій языкъ, можетъ въ теченіи двухъ лѣтъ изучить его формы и ознакомиться съ его составомъ и писателями гораздо полнѣе, чѣмъ ученикъ, который начнетъ «долбить латынь» съ восьмилѣтняго возраста и будетъ продолжать это производительное занятіе по часу въ день въ теченіи семи лѣтъ. Эта послѣдняя система — существуетъ, и составляетъ вопіющее противорѣчіе здравому смыслу.

Будемъ надѣяться, что директоры гимназій, которымъ передано на обсужденіе нынѣшнее заявленіе родителей, примутъ въ основаніе своихъ сужденій положительный опытъ, а не какое-либо желаніе или какую-либо надежду. Пусть они основываются просто на томъ, что́ дѣйствительно *происходитъ*, происходитъ теперь, а не на тѣхъ фантастическихъ результатахъ, которые могли бы оправдать нынѣшнюю систему, если бы «усилить наблюденіе», «умножить рвеніе» и т. п. Пора же намъ выработать наконецъ программу обученія, основанную не на «желаніяхъ» и «направленіяхъ», а просто на дѣлѣ, на данныхъ общественныхъ фактахъ, и затѣмъ развивать ее впослѣдствіи только сообразно съ естественнымъ развитіемъ самого общества, а не по прихоти произвольныхъ, вѣчно измѣняющихся тенденцій. Пора извлечь самое важное, самое настоятельное въ Россіи дѣло — дѣло народнаго образованія изъ области педагогическихъ экспериментовъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ желѣзно-дорожной хроники за послѣднее время было состоявшееся, наконецъ, расторженіе контракта съ г. Уайненсомъ по ремонту подвижного состава Николаевской дороги. Контрактъ съ нимъ окончательно перестанетъ дѣйствовать съ 1-го будущаго октября. Такъ какъ, на основаніи самаго контракта, заключеннаго до 1874 года, правительство имѣло право прекратить его дѣйствіе уже въ половинѣ 1872 года, на извѣстныхъ условіяхъ, и такъ какъ правительство, разумѣется, воспользовалось бы этимъ правомъ, то, стало быть, нынѣшнимъ преждевременнымъ расторженіемъ контракта выкупаются у г. Уайненса всего 2 года 9 мѣсяцевъ.

При расторженіи контракта, г. Уайненсъ получитъ хотя не ту баснословную сумму, о которой мы упоминали въ прошлое лѣто, когда

начались переговоры по этому предмету, однако сумму весьма почтенную, именно 7 милл. кредитныхъ рублей. Впрочемъ, не всю эту сумму можно считать новымъ подаркомъ безпримѣрно-счастливому контрагенту. Часть ея пришлась бы ему въ вознагражденіе и въ случаѣ прекращенія контракта только въ 1872 году, часть уплачивается ему за матеріалы ремонта и за приготовленныя имъ запасныя вещи, и наконецъ за отказъ его отъ судебнаго иска. Затѣмъ сумма чистаго вознагражденія составитъ около 5 милл. рублей.

Но противъ разсчета, составленнаго въ этомъ смыслѣ, можно еще возражать, такъ какъ, во-первыхъ, отказъ г. Уайненса отъ предъявленнаго имъ иска на казну могъ и ничего не стóить, ибо казна давно имѣла поводы начать искъ противъ самого г. Уайненса за неточное исполненіе контракта; во-вторыхъ, г. Уайненсу нынѣ будетъ уплачена за матеріалы та цѣна, въ какую онъ самъ покажетъ стоимость ихъ ему, а также и за строенія и машины, со скидкою только 10 %; въ третьихъ, наконецъ, нынѣ въ пользу г. Уайненса допущены такія отступленія отъ контракта, которыхъ важность для него исчислить съ точностью весьма трудно, а именно: сдача всего подвижного состава, всего имущества, а также казеннаго механическаго завода, не въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ все это было имъ принято, а въ томъ, въ какомъ все это будетъ находиться въ день прекращенія контракта. Опредѣлить, во сколько бы обошлось г. Уайненсу приведеніе этого громаднаго имущества въ тотъ видъ, въ какомъ оно бы должно быть сдано имъ согласно контракту, едва ли возможно, а потому никакъ нельзя имѣть увѣренности, что вознагражденія и льготы, даруемыя ему нынѣ, не превышаютъ — и быть можетъ весьма значительно — помянутые 5 милл. руб.

Противъ этого возраженія могутъ сказать, что вѣдь матеріалы и имущество отъ г. Уайненса поступаютъ къ главному обществу и что стало быть та редукція цѣнъ, которую выговорило себѣ это общество, соотвѣтствуетъ именно тому пониженію достоинства, какое дѣйствительно имѣетъ сдаваемое нынѣ имущество. Но вѣдь сумму вознагражденія деньгами заплатитъ г. Уайненсу казна, а не общество; для общества расторженіе контракта такъ важно, что оно, нѣтъ сомнѣнія, уравновѣшиваетъ тѣ уступки въ пользу контрагента, на которыя общество согласилось со *своей* стороны. Спрашивается только, не слишкомъ ли дорого заплатила казна при допущеніи въ пользу г. Уайненса такихъ льготъ.

Этотъ вопросъ, правда, можно устранить простымъ замѣчаніемъ, что кто заключилъ такой необыкновенный контрактъ, съ которымъ на дорогѣ невозможны никакія улучшенія, тотъ пусть и расплачивается за его расторженіе. Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться,

хотя и очень хорошо понимаешь, что заплатятъ въ дѣйствительности не тѣ, кто заключалъ контрактъ.

Вознагражденіе вмѣстѣ съ предоставляемыми г. Уайненсу льготами составитъ, конечно, болѣе пяти милліоновъ. Между тѣмъ, принесеніе этой огромной и отчасти неопредѣленной жертвы все-таки признается гораздо выгоднѣе, чѣмъ удержаніе контракта въ силѣ еще на 2 года и 9 мѣсяцевъ. Итакъ, за 8 лѣтъ теченія всего контракта съ г. Уайненсомъ, этотъ контрактъ принесъ бы ущерба государству не менѣе *двадцати милліоновъ!* Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣглаго взгляда на то, во-первыхъ, убыточное, а во-вторыхъ стѣсненное, опутанное положеніе, въ какое этотъ контрактъ поставилъ эксплуатацію дороги, чтобы убѣдиться въ раціональности, можно сказать, всякой жертвы, чтобы только избавиться отъ него. Напримѣръ: подъ вліяніемъ контракта съ г. Уайненсомъ расходъ на подвижной составъ, въ отношеніи къ каждой пройденной въ теченіи года версты, составлялъ сумму болѣе чѣмъ вдвое большую, чѣмъ тотъ же расходъ на дорогахъ варшавской и нижегородской: приходилось платить г. Уайненсу за передѣлку стараго вагона по 800 рублей, между тѣмъ какъ новый вагонъ можно построить немного дороже 1000 р.; невозможно было понизить плату за перевозъ хлѣба, а стало быть и усилить провозъ его; невозможно было ни ускорить движенія товарныхъ поѣздовъ, ни дѣлать какихъ либо измѣненій въ подвижномъ составѣ и т. д.

Вотъ какимъ контрактомъ обременена и опутана была эксплуатація Николаевской дороги. И этотъ контрактъ, однажды заключенный, былъ выполненъ до истеченія срока, а потомъ возобновленъ; возобновленъ тогда, когда въ обществѣ условія «контракта съ американцами» давно уже слыли курьезомъ плачевнаго свойства и когда въ самомъ составѣ инженеровъ давно сложилось убѣжденіе о громадной невыгодности этого дѣла для казны и для самой дороги.

Мы не хотимъ дѣлать личныхъ рекриминацій; мало того, мы, со всѣмъ обществомъ, убѣждены, что тотъ главный начальникъ, который возобновилъ этотъ контрактъ, не возобновилъ бы его, еслибы спеціальное дѣло всегда находилось совершенно въ рукахъ начальника спеціальной части. Но мы не можемъ не напутствовать расторженіе диковиннаго контракта съ г. Уайненсомъ предположеніемъ, что исторія этого обязательства должна содержать въ себѣ много поучительнаго для характеристики времени еще недавняго. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ людей, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, сохранилъ его подробности хотя бы для любознательнаго потомства.

Расторженіе этого контракта, заключеннаго безъ конкурренціи, произошло въ то время, когда начало конкурренціи введено и въ желѣзно-дорожное дѣло, въ видѣ торговъ на концессіи по постройкѣ

желѣзныхъ дорогъ. Мы не принадлежимъ къ безусловнымъ сторонникамъ системы торговъ, тамъ, гдѣ администрація могла бы, при хорошемъ выборѣ людей, удовлетворять нуждамъ управленія непосредственною закупкою или постройкою. Система торговъ далеко не устраняетъ тѣхъ злоупотребленій, противъ которыхъ она направлена, и удешевленіе цѣнъ, достигаемое посредствомъ ея, нерѣдко бываетъ только наружное. Надъ точнымъ исполненіемъ подрядовъ все-таки наблюдаютъ тѣже члены администраціи и если допустить, что на ихъ добросовѣстность полагаться нельзя, то допустить это слѣдуетъ и при торгахъ, какъ и безъ торговъ.

Но предоставленіе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ теперь собственно находится въ иномъ положеніи. Постройка желѣзныхъ дорогъ—дѣло столь многосложное и въ техническомъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, что казенная дѣятельность въ этомъ случаѣ не можетъ быть выгодною. Кромѣ того, когда государству необходимо въ короткое время обзавестись цѣлою сѣтью дорогъ, безъ которыхъ оно ежегодно теряетъ неизмѣримо болѣе того, что оно по каждой дорогѣ можетъ переплатить напрасно, то становится совершенно неизбѣжнымъ обращеніе къ частной предпріимчивости уже потому, что у государства не можетъ быть средствъ на такую постройку. Если же обращаться къ частной предпріимчивости, то нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуетъ допускать ее на началѣ конкурренціи. Весь вопросъ въ томъ, въ какомъ смыслѣ принципъ торговъ примѣнимъ въ этомъ случаѣ.

Конкурренція требуется вообще справедливостью; когда же, какъ было у насъ до сихъ поръ, дѣйствительная стоимость постройки желѣзныхъ путей, при среднихъ условіяхъ, оставалась невыясненною, то конкурренція приноситъ пользу и въ этомъ отношеніи. Допущеніе, хотя не безусловное, конкурренціи въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ у насъ значительно понизило цѣны построекъ. Поверстная стоимость въ 80 т. рублей обратилась теперь въ миѳъ и есть примѣры объявленія цѣны ниже 40 т. р. съ версты (г. Варшавскимъ объявлено на скопинскую дорогу 36 т. съ версты). Самымъ осязательнымъ примѣромъ удешевленія цѣнъ конкурренціею представляется скидка съ цѣны, объявленной первоначально безъ конкурренціи (на ту же дорогу г. Рыковъ объявлялъ до торговъ 60 т. р., а на торгахъ 38 т. р.). Факты эти очень поучительны, но поученіе, какое они содержатъ, довольно двусмысленно.

Возможность такихъ огромныхъ пониженій показываетъ ли, какіе громадные барыши получили тѣ строители, которымъ концессіи были даны безъ торговъ, или она показываетъ, до какой степени *различно* можно строить желѣзныя дороги? Быть можетъ, эти огромныя пониженія означаютъ и то и другое. Въ такомъ случаѣ, повторимъ

то, на чемъ мы уже настаивали прежде, именно, что вся надежда общества возлагается на старательность и добросовѣстность техническаго свидѣтельствованія работъ административными лицами. Такимъ образомъ, при этихъ, да и при всякихъ торгахъ, ключемъ дѣла является все-таки добросовѣстность административныхъ лицъ, точно такъ, какъ и при казенной постройкѣ или казенномъ заготовленіи.

Но не надо забывать, что на желѣзно-дорожныхъ торгахъ сбавки цѣнъ могутъ дѣлаться въ ущербъ тысячамъ жизней. Въ сравненіи съ такой опасностью, пониженія цѣнъ постройки на какіе-нибудь десять процентовъ представлялись бы нестоющими вниманія. Вотъ почему, признавая необходимость ввесть конкурренцію въ желѣзно-дорожное дѣло, собственно для выясненія предѣловъ истинныхъ цѣнъ строительства желѣзныхъ дорогъ, мы склонны думать, что по достиженіи собственно этого, такъ сказать справочнаго результата, система безусловнаго аукціона на концессіи не должна быть удерживаема. Въ этомъ опасномъ дѣлѣ, переплата какихъ-нибудь трехъ тысячъ съ версты составляетъ еще наименьшую опасность.

Правда, строители за исправность постройки отвѣчаютъ залогами; но вѣдь залоги освобождаются немедленно по окончаніи постройки, освобождаются даже частями, по окончаніи работъ участками. А неисправность постройки чаще всего можетъ обнаружиться только по открытіи правильнаго движенія. Полезно было бы удерживать залоги строителей хотя бы на годъ, по окончаніи постройки, съ тѣмъ, чтобы на нихъ падали въ теченіи этого времени и отвѣтственность за непрочность, какая можетъ обнаружиться на практикѣ, и вознагражденія за возможные въ первое время несчастные случаи. Условіе это, еслибы оно включалось въ кондиціи, предлагаемыя на торгахъ, могло бы поднять цѣну постройки, но не болѣе какъ процентовъ на десять съ суммы залоговъ, а между тѣмъ оно могло бы имѣть немаловажное вліяніе на качества постройки, независимо отъ свидѣтельствованія.

Высказавъ наше мнѣніе о значеніи системы торговъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, мы должны однако оговорить, что въ такихъ случаяхъ, когда на произведенныхъ уже торгахъ конкурренты — фирмы одинаково благонадежныя, то отданіе предпочтенія кому-либо, кто объявилъ цѣну высшую, могло бы только подорвать довѣріе конкурентовъ къ самой системѣ торговъ и сдѣлать призрачными и неискренними тѣ цѣны, которыя на торгахъ объявляются. Пока существуетъ конкурренція въ видѣ формальныхъ торговъ, на которые допускаются не всѣ, а только фирмы признанныя благонадежными, ясно, что концессіи слѣдуетъ оставаться за тѣмъ, кто объявилъ цѣну низшую. Оговорка, въ противоположномъ смыслѣ, съ которою торги теперь производятся, намъ непонятна; она какъ бы означаетъ, что ми-

нистерство финансовъ, разъ признавъ конкуррентовъ благонадежными, не вполнѣ однако довѣряетъ своему «первому движенію».

Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстно, чѣмъ будетъ рѣшенъ такой именно вопросъ по дорогамъ воронежско-грушевской и бессарабской: будетъ ли дѣло окончательно рѣшено въ пользу тѣхъ фирмъ, которыя, бывъ допущены къ торгамъ, стало быть признаны благонадежными, объявили низшія цѣны. Но казалось бы ясно, что концессіи должны быть предоставлены на томъ основаніи, на которомъ производились торги. Такъ, по воронежско-грушевской дорогѣ цѣна гг. Гладиныхъ наименьшая, затѣмъ сомнѣніе въ томъ, возможно ли постройка дороги по ихъ цѣнѣ, не должно бы имѣть мѣста; а если допускать такія сомнѣнія, то слѣдуетъ теперь же остановить систему торговъ, которой такія сомнѣнія прямо противорѣчатъ. Мы не будемъ входить въ разборъ ни предварительныхъ правъ, заявленныхъ на эту концессію г. Поляковымъ, ни доказательствъ его, почему его цѣна, при соединеніи въ одно общее предпріятіе дорогъ воронежско-грушевской и грушевско-ростовской, выгоднѣе; достаточно сказать, что права и аргументы эти предъявляются слишкомъ поздно, такъ какъ торги производились независимо отъ такихъ правъ и соображеній. Въ дѣлѣ бессарабской дороги колебанія еще менѣе объясняются. Цѣна русской компаніи г. Шидловскаго низшая, а солидность ея доказалась уже фактомъ взноса дополнительнаго залога въ милліонъ рублей.

Такія сомнѣнія и колебанія, когда благонадежность конкуррентовъ уже была признана до торговъ и когда торги произведены, не должны бы уже имѣть мѣста. Но самый фактъ возникновенія такихъ сомнѣній доказываетъ то, что мы сказали выше, именно, что предоставленіе постройки желѣзныхъ дорогъ такъ сказать съ молотка, тому, кто объявитъ цѣну ниже, не можетъ быть возведено въ окончательную систему, и когда рядомъ торговъ уже достаточно выяснятся предѣлы истинныхъ цѣнъ, то полезнѣе будетъ возвратиться къ концессіямъ безъ торговъ, но съ предварительнымъ обнародованіемъ условій, какъ то дѣлалось въ послѣднее время. Конкурренція все-таки всегда будетъ и безъ торговъ, а прежнихъ громадныхъ цѣнъ, правительство, наученное уже результатами бывшихъ торговъ, конечно, утверждать не станетъ. Система торговъ можетъ дѣйствовать только при безусловной конкурренціи, иначе, т. е. при ограниченіи числа конкуррентовъ, и съ правомъ не утверждать постройки за выпросившимъ наименьшую цѣну, она поведетъ только къ нареканіямъ, а быть можетъ къ процессамъ, такъ какъ самое представленіе и своихъ собственныхъ залоговъ все-таки соединено съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ. За постоянное же примѣненіе системы неограниченныхъ, безусловныхъ торговъ къ желѣзно-дорожному строительству едва ли можно говорить серьезно.

Нынѣшній съѣздъ депутатовъ петербургскаго духовенства составитъ важный моментъ въ жизни не одного только духовенства этой мѣстности. Для улучшеній въ духовной средѣ не такъ важно ознакомленіе съ существующими иными темными сторонами быта и злоупотребленіями въ управленіи, сколько рѣшимость признать такіе факты дѣйствительно существующими. Разъ это сдѣлано, улучшенія становятся неизбѣжны. Именно признаніе-то и важно. Объяснимся примѣромъ. Нѣтъ, конечно, ни одного члена петербургскаго духовенства, которому бы, если не по собственному опыту, то изъ многихъ слуховъ, не было издавно извѣстно то возмутительно - плачевное положеніе, въ какомъ находилось александро-невское духовное училище. Между тѣмъ, ничто не препятствовало этому положенію и оно могло существовать въ самомъ центрѣ епархіальнаго управленія.

Какъ только повѣрочная коммиссія съѣзда рѣшилась формальнымъ образомъ признать существованіе этихъ злоупотребленій, и прежде всѣмъ конечно извѣстныхъ, такъ сейчасъ и рушился самый порядокъ, обусловленный самозамкнутостью, неприступностью этого духовнаго учрежденія: вслѣдствіе одного факта откровеннаго признанія тотчасъ измѣнилось управленіе, и тотчасъ, безъ всякаго противодѣйствія, взяло верхъ убѣжденіе въ необходимости коренныхъ измѣненій, даже основанія новаго училища гдѣ-нибудь въ центрѣ города, чтобы только извлечь его отъ вліянія прежняго пагубнаго духа. И само высшее управленіе епархіею не только не противопоставило затрудненій такой коренной мѣрѣ, но даже нашло лишнимъ отлагать исполненіе ея до слѣдующей сессіи, какъ полагалъ съѣздъ.

Вотъ какъ важна именно въ духовной средѣ откровенность, благородная рѣшимость произнесть первое слово. Духовенство—сословіе, котораго члены тѣсно связаны и сословіе образованное (говоримъ о духовенствѣ столичномъ). Поэтому въ немъ давно уже должно было установиться очень опредѣленное, хотя и тайное общественное мнѣніе относительно всѣхъ видовъ исконнаго порядка управленія. Итакъ, здѣсь нужно не изучать положеніе дѣлъ, не выработывать мнѣніе о немъ, а только быть откровеннымъ: откровенность здѣсь-то именно уже и есть половина — и быть можетъ труднѣйшая половина — всего дѣла.

Вотъ почему нельзя достаточно «обезкураживать» тѣ попытки, которыя дѣлаются для порицанія такой плодотворной, необходимо нужной и спасительной откровенности. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что подобныхъ попытокъ не заявило высшее духовное управленіе.

Но такія попытки все-таки уже проявились; мы уже говорили о нихъ отчасти въ прошлый разъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ одной газеткѣ

появилась статейка, оспаривавшая фактъ безпорядковъ въ управленіи суммами, собираемыми въ приходахъ; а въ другомъ, спеціально-духовномъ органѣ появилась статья, написанная отчасти противъ права съѣзда депутатовъ дѣлать заявленія въ пользу выборнаго начала, отчасти же и противъ «вмѣшательства» свѣтской печати въ духовныя дѣла. Отъ этой статьи вѣетъ духомъ времени, которое, къ счастью, начинаетъ уже проходить. Было, и недалеко еще—время, когда лица, принадлежащія къ каждому «вѣдомству», считали свое вѣдомство какой-то опричиной, самосущей и самоцѣльной, а все остальное общество считали чуждой себѣ «земщиной», отрицая у нея всякое право касаться «чуждой ей сферы». Такъ, военное управленіе все русское государство, кромѣ арміи, считало «гражданскимъ вѣдомствомъ».

Въ этомъ только смыслѣ понятно и негодованіе, какое быть можетъ внушаетъ нѣкоторымъ ревнителямъ «духовнаго вѣдомства» — *вторженіе* въ ихъ сферу хотя бы слова только, печатнаго слова изъ «свѣтскаго вѣдомства», то-есть изъ православнаго общества, того общества, для котораго въ практическомъ смыслѣ только и существуетъ само духовное вѣдомство. Нельзя достаточно выяснить ту истину, что отъ откровеннаго, гласнаго обсужденія, духовными ли, мірянами ли, условій быта духовенства не можетъ возникнуть положительно никакая опасность авторитету церкви: съ одной стороны весь народъ искони свыкся съ мыслью о существованіи такихъ злоупотребленій и обнародованіе ихъ не только не есть для него печальная новость, но напротивъ — свѣтлое явленіе, свидѣтельствующее объ обновленіи духа въ самомъ духовенствѣ; съ другой же стороны, народъ, именно въ силу многообразія и мнимой неискореняемости злоупотребленій въ духовномъ управленіи, искони привыкъ отдѣлять авторитетъ церкви и святость вѣры отъ тѣхъ или другихъ порядковъ или поступковъ въ средѣ духовенства.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) сентября 1869.

КОНСТИТУЦІОННАЯ РЕФОРМА ВО ФРАНЦІИ.

Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа.— Диктатура Наполеона I.—Божественное право Карла X.—Паденіе іюльской монархіи.—Вторая республика и возобновленіе диктатуры.—Наполеонъ III.— Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію.—Посланіе 12-го іюля.—Кризисъ второй имперіи.

Среди массы предвзятыхъ мнѣній, вращающихся въ обществѣ, мнѣній ни на чемъ неоснованныхъ, фальшивыхъ, рутинныхъ и до крайности дикихъ есть одно, которое пробило себѣ особенно широкую дорогу. Таково очень распространенное мнѣніе, что Франція не способна къ самоуправленію, что она не создана для свободы, что порядокъ въ ней можетъ поддерживаться только желѣзною рукою. Мнѣніе это, избитое до послѣднихъ размѣровъ, банальное до скуки, находитъ себѣ много приверженцевъ, но что при этомъ особенно удивительно, это то, что нигдѣ не развелось этихъ приверженцевъ въ такомъ изобиліи, какъ у насъ въ русскомъ обществѣ, и въ его косомъ зеркалѣ—русской печати. Возьмите любую изъ русскихъ газетъ, любой изъ русскихъ журналовъ, и почти нѣтъ сомнѣнія, что вы встрѣтите это пресловутое мнѣніе о гнилости Франціи, о ея неспособности пользоваться свободными учрежденіями, выраженное во всевозможныхъ формахъ и на всѣ лады. Когда это мнѣніе попадается въ нѣкоторыхъ органахъ напр. англійской печати, то тамъ ему еще можно подъискать объясненіе, во-первыхъ и главнымъ образомъ въ той собственной и прочной политической свободѣ, которою пользуются англичане, и во-вторыхъ, въ той старой враждѣ и чувствѣ ревности, съ которыми Англія относится къ Франціи. Нѣкоторымъ, и разумѣется самымъ узкимъ и ограниченнымъ англійскимъ умамъ, какъ-то особенно улыбается фраза: Франція не способна обладать тою свободою, которою обладаемъ мы, ей нуженъ господинъ, въ ней рабскія наклонности. Этою фразою какъ бы вымещается злоба Англіи за то,

что она встрѣтила себѣ соперницу, что у нея оспариваютъ право на первую роль въ развитіи цивилизованнаго міра. Нужно впрочемъ сказать, что и здѣсь даже это мнѣніе уступаетъ мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ, болѣе достойному отношенію къ Франціи, и теперь рѣдко уже кто рѣшается высказывать его открыто. Нелѣпость его сознана слишкомъ явно. Если сравненіе спокойнаго и прогрессивнаго развитія Англіи съ неровнымъ ходомъ, постоянными скачками политическаго развитія Франціи можетъ сколько-нибудь объяснить существованіе, если не основательность, такого мнѣнія въ Англіи, то спрашивается, какъ, какими средствами, какимъ чудомъ возможно объяснить распространенность этого мнѣнія въ Россіи, нашу кичливость, наше надменное обращеніе къ политическому развитію Франціи? Вотъ ужъ по истинѣ когда оправдывается изреченіе: въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна. Другое объясненіе придумать трудно, развѣ еще то, что мы какъ попугаи повторяемъ то, что твердилось въ Европѣ во времена реакціи, когда всѣ были озлоблены противъ той революціонной иниціативы, которая сдѣлалась кажется достояніемъ Франціи. Мы повторяемъ чужія мнѣнія, чужія фразы, вовсе не понимая какъ смѣшно, какъ неприлично звучатъ въ нашихъ устахъ возгласы о политической неспособности французовъ. Конечно, Франція отъ подобнаго о ней мнѣнія ничего не теряетъ, она давно привыкла его выслушивать и еще болѣе привыкла не обращать на него вниманія. Тѣмъ болѣе она должна была свыкнуться съ этимъ мнѣніемъ, что она слышала его не только отъ другихъ, но и у себя дома всѣ правительства, которыя стремились задушить свободу страны, постоянно ее увѣряли, что она создана для такой формы правленія, гдѣ бы именно чувствовалась твердая отеческая рука правящаго монарха. Къ счастію Франціи и несчастію управлявшихъ ея судьбами, всѣ эти увѣренія оставались безъ всякаго результата, и кромѣ злого смѣха, граничащаго съ презрѣніемъ, она ничѣмъ болѣе не отвѣчала на добрые совѣты отказаться отъ политической свободы. Едва ли можно лучше отвѣтить на подобное мнѣніе о политической неспособности французовъ, какъ отвѣтилъ на него давно уже, около сорока лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ публицистовъ Франціи, который до сихъ поръ еще не утратилъ своей силы, именно Арманъ Каррель, говоря: «Отчего бы не противопоставить этому аргументу, до такой степени и такъ глупо избитому, что мы не имѣемъ достаточно добродѣтели, чтобы жить въ республикѣ, обратное положеніе, именно, что мы не имѣемъ болѣе достаточно пороковъ, чтобы доставить монархіи долгое существованіе». Исторія послѣдняго столѣтія какъ нельзя болѣе подтверждаетъ слова Армана Карреля; въ самомъ дѣлѣ, она доказала, что система не только абсолютной монархіи, но даже ея самая смягченная форма, форма лич-

наго правленія не въ состояніи утвердиться на долгое время во Франціи. Тѣ, которые утверждаютъ, что Франція неспособна къ прочной политической свободѣ, ссылаются обыкновенно на эту же самую исторію и говорятъ: смотрите, сколько разъ Франція завоевывала себѣ свободу и сколько разъ она теряла ее! Припоминаютъ при этомъ 1789 годъ и рядомъ съ этимъ 1799, роковое число 18-го брюмера, когда Наполеонъ I-й совершилъ свой coup d'état, припоминаютъ 1830 годъ, 1848 г., и съ увѣренностью спрашиваютъ: развѣ все это не доказываетъ, что Франція не способна къ свободѣ? Отвѣчать на это не трудно. Нѣтъ, все это нисколько не доказываетъ, чтобы во Франціи не утвердился наконецъ порядокъ, основанный на свободѣ, всѣ эти банальные аргументы могутъ быть обращены противъ тѣхъ, которые ихъ приводятъ, такъ какъ всѣ они несомнѣнно подтверждаютъ одинъ фактъ, что Франція не способна примириться съ деспотическимъ правительствомъ, что она не выноситъ диктатуры, что она сбрасываетъ личное правленіе, какъ только оно стремится перейти въ наслѣдственный принципъ.

Какое правительство, какая диктатура могла быть, казалось, крѣпче диктатуры Наполеона I. Онъ связалъ измученную Францію, измученную эшафотомъ и войнами, и бросилъ ее къ своимъ ногамъ, воображая себя вѣчнымъ и непоколебимымъ властелиномъ. Диктатура скоро превратилась въ наслѣдственную имперію, консулъ въ императора; народъ, который такъ недавно диктовалъ законы, громко выражалъ свою волю и осудилъ на смертную казнь короля божественнаго права, теперь послушно лежалъ у ногъ своего побѣдителя. Казалось, что послѣ такого позора, невозможно снова подняться, свобода націи повидимому была навѣки схоронена. Пятнадцать лѣтъ продолжалась летаргія Франціи, пятнадцать лѣтъ безправія и деспотизма корсиканскаго цезаря; и вотъ въ 1813 году снова чувствуется какое-то медленное, едва замѣтное пробужденіе страны. Законодательный корпусъ первой имперіи, до сихъ поръ покорно внимавшій голосу властелина, осмѣливается напомнить Наполеону, или, вѣрнѣе, смиренно выразить ему, что Франція не хочетъ больше войнъ, не хочетъ деспотизма, что у нея нѣтъ другого желанія, какъ чтобы извнѣ соблюдалась политика мира, чтобы внутри уважены были народныя права и чтобы власть дѣйствовала на основаніи законовъ. Эти скромныя заявленія не были пріятны Наполеону, и онъ, принимая депутатовъ 1-го января 1814 года, гнѣвно сказалъ: «Кто вы такіе, чтобы нападать на меня? Я одинъ представитель націи. Касаться меня значитъ касаться ея». Остальныя европейскія державы слѣдили за положеніемъ Франціи, они должны были видѣть, что народъ, потерявъ свободу, потерялъ вмѣстѣ и энергію и энтузіазмъ, съ которыми Франція покорила почти всю Европу. Если въ силу этого народнаго

энтузіазма Франція республиканская должна была побѣдить, то въ силу апатіи Франціи императорской она должна была быть побѣждена. Союзники должны были видѣть, что за спиной Наполеона нѣтъ больше того вулкана, который чуть не каждый день выбрасывалъ изъ себя новыя арміи, полныя огня, что вулканъ погасъ, что они больше не будутъ имѣть дѣло съ свободными людьми, которые десять лѣтъ назадъ превращались во львовъ, когда дѣло шло о спасеніи отечества. Упорство Наполеона, его страсть къ неограниченной власти стоили ему престола, потому что только возвративши свободу націи, онъ могъ успѣшно бороться съ союзниками. Онъ не понялъ этого въ 1814 году и заплатилъ за это отреченіемъ, бѣгствомъ, островомъ Эльбою. Вернувшись во Францію въ 1815 году, въ періодъ ста дней ему, казалось, сдѣлалось ясно, что для того, чтобы удержать за собою Францію, нужно отречься отъ абсолютной власти и возвратить свободу странѣ. Такова была его программа въ эту минуту, программа, разрушенная Ватерлоо. Таковъ былъ исходъ наполеоновскаго владычества. Если сверженіе его деспотическаго правительства совершилось при помощи обиднаго вторженія чужеземцевъ, то можно все-таки съ увѣренностью сказать, принимая во вниманіе замѣтное пробужденіе 1813 года и затѣмъ самое поведеніе Наполеона въ 1815 году, что тоже самое случилось бы и безъ посторонней помощи, которая такъ дорого обошлась народу, и что нація, можетъ быть нѣсколько позже, но все-таки кончила бы тѣмъ, что, вполнѣ пробудившись, сбросила бы съ себя диктаторскую власть Бонапарта. Такъ или иначе, но Франція оказалась неспособною перенести абсолютное правительство, и это было такъ явно, такъ очевидно въ 1815 году, что возвратившаяся династія Бурбоновъ, посаженная союзниками снова на французскій престолъ, не могла и думать продолжать абсолютное правленіе Наполеона. Если хартія 1815 года представляла собою значительное отступленіе отъ широкихъ началъ 1789 года, то тѣмъ не менѣе по сравненію съ конституціею Наполеона, она имѣла на своей сторонѣ громадныя преимущества. Эпоха реставраціи была относительно императорской эпохи временемъ самаго широкаго либерализма. Власть королевская была настолько ограничена, что потомкамъ Лудовика XIV было не по себѣ, они не чувствовали себя свободными, и потому всѣ старанія ихъ направились къ тому, чтобы съузить свободу и расширить монархическую власть. На эту борьбу потрачено было царствованіе Карла X, и очень хорошо извѣстно, кто вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы: деспотизмъ или свобода. Карлъ X не могъ выносить стѣсненій, онъ, несмотря на конституцію, продолжалъ считать себя королемъ божественнаго права и никакъ не могъ понять, какимъ образомъ власть его могла быть ограничена конституціею. Выходя изъ такого понятія, или вѣрнѣе, такого непониманія, очень скоро обнаружилось его стрем-

леніе выйти изъ предѣловъ, назначенныхъ закономъ. Между его правительствомъ и народомъ завязалась борьба. Партія крайне-роялистская, партія контръ-революціи старалась поддерживать Карла X въ его наклонностяхъ къ абсолютной власти и не переставала внушать ему, что онъ не только не долженъ, но что даже не совмѣстно съ его королевскимъ достоинствомъ было бы стѣсняться конституціею, законами, палатой депутатовъ или палатой перовъ. Правительство набросилось на прессу, оно представило проектъ закона о печати, который былъ до-нельзя стѣснителенъ, и представила его палатѣ въ сессію 1827 года. Проектъ этотъ вызвалъ страшное негодованіе, и съ этой минуты борьба становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ожесточенною. Правительство возбудило противъ себя не только республиканскую партію,—объ ней нечего и говорить,—но даже партію умѣренныхъ либераловъ, партію монархистовъ, и одинъ изъ нихъ, пользовавшійся большою извѣстностью, именно Ройе-Колларъ, громко возсталъ противъ этой партіи реакціи, которая должна была бросить монархію въ страшную бездну. «Я не буду спрашивать ее, говорилъ онъ, кто она такая, откуда она взялась и куда стремится, потому что отвѣтъ ея былъ бы ложью. Я буду судить о ней только по ея дѣламъ. Теперь она предлагаетъ уничтоженіе прессы. Въ прошломъ году она выкопала изъ средневѣкового мусора право первородства; а за годъ передъ этимъ—законъ объ оскверненіи храмовъ. Такимъ образомъ въ религіи, въ гражданскихъ и политическихъ учрежденіяхъ — она желаетъ поворота назадъ. Какъ бы ее ни называли, контръ-революціею или какъ-нибудь иначе, это все равно, довольно того, что она идетъ назадъ. Посредствомъ фанатизма, привилегій и невѣжества она стремится къ варварству и къ господству неразумныхъ силъ, которыя производятъ варварство. Но предпріятіе это не безъ трудностей. Пока мы не забыли того, что знаемъ, до тѣхъ поръ мы не поддадимся отупѣнію и рабству». Если такъ говорили преданные монархіи люди, то что же должны были думать и говорить другіе, не принадлежавшіе къ монархической партіи. Съ каждымъ днемъ оппозиція противъ правительства усиливалась. Всѣ правительственныя мѣры, какъ возстановленіе цензуры, распущеніе палаты, назначеніе новыхъ перовъ, въ числѣ 76, преданныхъ правительству, все это возбуждало страну еще болѣе противъ министерства Виллеля, которое послѣ новыхъ выборовъ должно было уступить мѣсто новому министерству, во главѣ котораго фактически сталъ Мартиньякъ. Министерство Мартиньяка имѣло примирительный характеръ, оно было какъ бы уступкою со стороны Карла X, дальше которой онъ рѣшился не идти, предпочитая въ крайнемъ случаѣ рѣшиться на coup d'état. Положеніе Мартиньяка было крайне затруднительно; партія роялистовъ, во главѣ которой стоялъ

самъ король, смотрѣла на него съ недовѣріемъ и видѣла въ немъ постоянно уступку, на которую она вынуждена была силою, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для либеральной партіи министерство Мартиньяка не представлялось достаточно либеральнымъ. Стоя между двухъ огней, Мартиньякъ долженъ былъ получить сильный обжогъ, который сдѣлалъ его положеніе невыносимымъ. Карлъ X все болѣе и болѣе раздражался оппозиціею, которую встрѣчалъ одинаково какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ палатѣ перовъ, и въ этомъ раздраженіи его еще больше поддерживала придворная партія, возлагавшая на coup d'état самыя пламенныя надежды. Министерство Мартиньяка пало и король съ радостью назначилъ на его мѣсто своего любимца Полиньяка, который долженъ былъ его погубить. Когда выборы въ новую палату не дали правительству покорнаго большинства, тогда въ совѣтѣ короля рѣшено было немедленно распустить несобравшуюся еще палату, измѣнить королевскимъ повелѣніемъ избирательный законъ, уничтожить свободу печати, и потомъ уже созвать новую палату, въ которой большинство было бы обезпечено за правительствомъ. Всѣ эти мѣры, нарушая хартію, и составляли задуманный правительствомъ Карла X coup d'état. Результатъ извѣстенъ— іюльская революція, вызванная ордонансами 26-го іюля, снесла реставрацію и отомстила старшей линіи Бурбоновъ вѣчнымъ изгнаніемъ за желаніе подчинить Францію диктаторской власти. Такимъ образомъ во второй разъ въ короткій промежутокъ времени деспотическая власть съ грохотомъ повалилась, какъ только она стала рѣшительно дѣйствовать для подавленія народной свободы. Франція не желала тогда революціи, всѣми способами она предупреждала короля, чтобы онъ отказался отъ нарушенія хартіи, чтобы онъ подчинился ей и не вступалъ на путь беззаконій. Сами республиканцы говорили, что «судьба короля въ его собственныхъ рукахъ, и что если онъ останется вѣренъ хартіи, то всякое возмущеніе, всякой заговоръ былъ бы безуміемъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждали его, что если онъ не уступитъ, если пойдетъ дальше и нарушитъ хартію, то никакія силы не спасутъ его и народъ отомститъ ему съ оружіемъ въ рукахъ. Предсказаніе сбылось во всей точности, какъ бы для того, чтобы еще разъ доказать тѣмъ, которые утверждали, что Франція неспособна къ свободному правленію, что они ошибаются, и что если Франція къ чему нибудь не способна, такъ это къ тому, чтобы примириться и жить съ деспотическою властью. Она готова была жить въ мирѣ съ умѣреннымъ правительствомъ реставраціи, она можетъ быть долго бы довольствовалась данною ей хартіею, наконецъ своею парламентскою борьбою она нѣсколько лѣтъ старалась отвратить послѣднее и рѣшительное столкновеніе, нѣсколько лѣтъ пробовала мирными средствами заставить уважать свою свободу, и только убѣдившись, что ничто не

помогаетъ, что время дѣлаетъ власть еще болѣе самонадѣянною, она употребляетъ послѣднее средство — революцію.

Пойдемъ дальше и взглянемъ, оправдываетъ ли послѣдующая исторія Франціи положеніе, что только сильное личное правленіе способно руководить ея судьбами? Іюльскую монархію встрѣтили громкимъ ликованіемъ, потому что правительство, благодаря своему революціонному происхожденію, должно было (такъ по крайней мѣрѣ представлялось) никогда не отклоняться отъ даннаго имъ обѣщанія: быть правительствомъ народнымъ, т. е. такимъ, въ которомъ не было бы и тѣни диктаторской власти, съ которымъ личное правленіе не имѣло бы ничего общаго. Ликованіе это продолжалось не долго и новое правительство скоро увидѣло, какія трудности окружаютъ его. Скоро республиканская партія, сильная по таланту и по энергіи, объявила іюльской монархіи непримиримую войну, которую съ другой стороны поддерживала легитимистская партія въ соединеніи съ клерикальною. Для однихъ іюльская монархія была недостаточна либеральна, для другихъ она казалась какимъ-то воплощеніемъ демагогіи. Несмотря на это противодѣйствіе, которое встрѣтила іюльская монархія, она бы одолѣла всѣ препятствія, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ въ первые годы ея существованія, если бы не отступила отъ своей строго-конституціонной программы и если бы неутомимо продолжала прислушиваться къ общественнымъ требованіямъ. Двѣ причины погубили іюльскую монархію: личное правленіе короля, съ каждымъ днемъ дѣлавшееся болѣе чувствительнымъ, и такая узкая избирательная система, что нація не имѣла возможности законно дѣйствовать на преобразованіе учрежденій и спасти власть отъ ея собственнаго на себя покушенія. Бѣда короля заключалась въ томъ, что вмѣсто того, чтобы держаться въ сторонѣ отъ парламентскихъ и вообще политическихъ свалокъ, постоянно прикрывая себя конституціею, по которой онъ долженъ былъ царствовать, но не управлять, Луи-Филиппъ слишкомъ открыто вмѣшивался въ борьбу, и исходъ ея поэтому неизбѣжно долженъ былъ отозваться на немъ самомъ. Всѣ ошибки, всѣ промахи, всѣ злоупотребленія приписывались ему самому, благодаря его неумѣстному вмѣшательству въ государственное управленіе, вмѣшательству, которое превращало парламентскую форму іюльской монархіи въ систему бо́льшаго или меньшаго личнаго правленія. Другая причина паденія іюльской монархіи, причина, проистекавшая изъ того же источника, заключалась въ томъ, что Луи-Филиппъ, имѣя на сторонѣ своей политики большинство въ палатѣ, не хотѣлъ обращать вниманія на то, что большинство это давно уже не отвѣчало настроенію всего народа, и отказывался перемѣнить министерство Гизо, которое всѣхъ возстановило противъ себя своимъ надменнымъ, доктринер-

скимъ обращеніемъ и своимъ снисхожденіемъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, какъ подкупъ, продажность и тому подобное. Какимъ же образомъ случилось, что, обладая большинствомъ въ палатѣ, правительству не имѣло его въ цѣлой странѣ? Такое ненормальное явленіе объясняется очень просто. Оно можетъ проистекать изъ двухъ причинъ, или когда избирательная система слишкомъ узка, какъ это было именно во времена іюльской монархіи, или, когда существуетъ даже самая широкая избирательная система, какъ всеобщая подача голосовъ, но когда рядомъ съ этимъ существуетъ другая противорѣчащая ей система оффиціальныхъ кандидатуръ, система уродливая и фальшивая, нашедшая себѣ такое широкое примѣненіе во второй имперіи. Какъ узкость избирательнаго права, такъ и система оффиціальныхъ кандидатуръ одинаково обманываютъ правительство относительно истинныхъ стремленій и требованій народа. Въ первомъ случаѣ правительство имѣетъ дѣло только съ представителями самаго ничтожнаго богатаго меньшинства, меньшинства всегда всѣмъ довольнаго, потому что ему тепло, хорошо; во второмъ, вмѣсто народныхъ представителей оно имѣетъ предъ собою своихъ же слугъ, своихъ агентовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ правительство становится на скользкій путь: оно склонно забывать происхожденіе этого большинства въ палатѣ; обманывая себя, оно принимаетъ его постоянное одобреніе за одобреніе дѣйствительныхъ представителей народа, и такимъ образомъ все больше и больше становится глухо къ настоящимъ потребностямъ и стремленіямъ націи. Результатъ подобнаго состава палаты и ея раболѣпнаго или довольнаго большинства бываетъ обыкновенно тотъ, что внѣ палаты, за ея спиной выростаетъ другая невидимая сила, которая начинаетъ диктовать свои законы, зловѣщій голосъ которой заглушаетъ голосъ палаты, является тайная сила, которая иногда увлекаетъ за собою, помимо его воли, и самое большинство палаты. Такъ, напр., случилось въ настоящее время во Франціи.

Въ 1848 году іюльская монархія горькимъ опытомъ узнала, какъ пагубны бываютъ результаты узкой избирательной системы. Правительство, сохраняя большинство въ палатѣ, возбудило противъ себя громадное большинство всего народа, на которое къ несчастію оно не обратило достаточно вниманія. Несмотря на недовольство масса населенія не желала революціи и нѣтъ сомнѣнія, что избирательная реформа, сдѣланная во время, вмѣстѣ съ перемѣной кабинета, отвратили бы паденіе правительства Луи-Филиппа. При этомъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, которое бросается въ глаза, когда читаешь исторію Франціи и ея кровавыхъ переворотовъ, именно то, что французы, которыхъ принято обвинять въ такой легкости, въ любви къ шуму и безпорядкамъ, всегда тщательно избѣгаютъ рѣшитель-

ныхъ мѣръ, не желаютъ и не любятъ революціи, и почти наканунѣ того, что она должна вспыхнуть, большинство журналовъ, газетъ, большинство общества всегда рѣшительно высказывается противъ подобнаго разрѣшенія вопроса. До послѣдней минуты они сохраняютъ надежду, что правительство одумается, вступитъ на новый путь и широкою реформою замѣнитъ неизбѣжность революціи. Луи-Филиппъ вмѣсто того, чтобы понять критическое положеніе страны и выйти изъ него такъ, какъ долженъ былъ выйти строго-конституціонный монархъ, т. е. прежде всего перемѣнить министерство, которое возбуждало такое общее и заслуженное негодованіе, ухватился за него и всякую перемѣну считалъ для себя за личное оскорбленіе и вмѣстѣ за личное несчастіе, такъ какъ это министерство вполнѣ отвѣчало его личнымъ стремленіямъ и вкусу. Король, увлеченный своею собственною политикою, каждый день погружаясь все больше и больше въ систему личнаго правленія, не замѣчалъ того народнаго движенія, которое росло противъ его правительства не по днямъ, а по часамъ, а если и замѣчалъ, то, обманывая себя послушнымъ большинствомъ и забывая, что оно лишено истиннаго значенія, находилъ какое-то «особенное удовольствіе бравировать непопулярность», какъ замѣчаетъ Прево-Парадоль въ своей интересной и талантливо написанной книгѣ «La France Nouvelle». Эта бравада обошлась ему дорого: за удовольствіе личнаго правленія и за невниманіе къ стремленіямъ и требованіямъ народа онъ лишилъ французскаго престола себя и свой домъ.

Такимъ образомъ окончился третій кризисъ личнаго правленія. Франція подтвердила еще разъ, что она нехочетъ не только деспотической власти, что она не выноситъ не только диктатуры, но что она не хочетъ мириться вообще съ личнымъ правленіемъ, въ какой бы личной формѣ оно ни явилось. Франція не защитила первой имперіи, потому что она стремилась утвердить диктатуру, она не только допустила ея паденіе, но своимъ безучастнымъ отношеніемъ содѣйствовала ему; она низвергла реставрацію, когда потеряла надежду, что реставрація способна сдѣлаться либеральною, и возстала противъ нея, какъ только Карлъ X задумалъ установить деспотическое правленіе; она прогнала наконецъ Орлеановъ, какъ только убѣдилась, что они обманули возложенныя на нихъ надежды, она разрушила тронъ іюльской монархіи за то только, что вмѣсто строгаго парламентаризма, Луи-Филиппъ сталъ прокладывать себѣ путь не къ деспотической абсолютной власти, какъ желали ея Наполеонъ I или Карлъ X, а къ болѣе личной формѣ личнаго правленія. Гдѣ же, спрашивается, возможность утверждать, послѣ этой упорной и безостановочной борьбы со всякимъ проявленіемъ произвола, послѣ того, что Франція сбросила въ пропасть и первую имперію, и реставрацію и

іюльскую монархію за то, что они въ разной степени стремились установить порядокъ, основанный на личной волѣ, — гдѣ кроется возможность утверждать, что Франція не способна къ свободному правленію, что она требуетъ для себя желѣзной руки какого-нибудь властелина? Не гораздо ли болѣе исторія послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ говоритъ за то, что для Франціи невозможно въ самомъ дѣлѣ одно только, это — личное правленіе. Нужно особенное, кажется, упорство, чтобы не признавать справедливости этого мнѣнія.

Появленіе второй республики не принесло съ собою торжества свободы, появленіе ея не было даже перемиріемъ, борьба продолжалась— вторая республика была только однимъ изъ фазисовъ ея, короткимъ отдыхомъ, за которымъ слѣдовали новыя столкновенія, новыя жертвы и новая вражда противъ всякаго произвола. Вторая республика явилась въ несчастную минуту. Сверженіе трехъ порядковъ личнаго правленія должно было естественно утомить націю, она жаждала успокоенія, боялась всякихъ слишкомъ крутыхъ перемѣнъ, и когда черезъ февральскую революцію, какъ черезъ прорвавшуюся плотину, внезапно всплыли на поверхность новые вопросы и главнымъ образомъ соціальныя доктрины, общество перепугалось, средній и высшій классы, казалось, поклялись своимъ поведеніемъ задушить тотъ порядокъ, который претендовалъ не только на политическое, но и на соціальное устройство страны. Провинціи, своими выборами въ національное собраніе, оказали плохую услугу молодой республикѣ, противъ которой онѣ были злобно настроены за то только, что республика была провозглашена помимо ихъ согласія, небольшою кучкою людей, безъ ихъ спросу, безъ того, чтобы ихъ депутаты участвовали въ рѣшеніи вопроса: какова должна быть форма правленія. Всѣ подчинились декрету Парижа, но подчинились не съ добрымъ чувствомъ. Вслѣдъ затѣмъ немедленно установленный, или вѣрнѣе, увеличенный на 45% прямой налогъ, возбудилъ сильное неудовольствіе, главнымъ образомъ сельскаго населенія, котораго эта мѣра касалась болѣе чувствительно чѣмъ другихъ, и сдѣлалъ то, что земледѣльческіе классы какъ бы отшатнулись отъ новаго порядка, который и безъ того уже имѣлъ противъ себя и высшее и среднее сословія. Ко всему этому прибавилась дурно выработанная конституція, которая вооружала президента, избираемаго на четыре года и всеобщею подачею голосовъ, слишкомъ крупною властію, чтобы ему не захотѣлось ею злоупотребить. Гарантій противъ подобнаго злоупотребленія не было достаточно. Все это, взятое вмѣстѣ и покрытое раздоромъ нѣсколькихъ партій, не представляло прочныхъ условій для водворенія твердаго порядка, основаннаго на свободѣ. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы захотѣли остановиться на причинахъ паденія второй

республики, да и притомъ причины эти были уже изложены на страницахъ нашего журнала [1]).

Когда мѣсто второй республики, изчезнувшей съ такою быстротою, заступила вторая имперія, основанная на началахъ самаго крайняго личнаго правленія, можно было опасаться, что въ этотъ разъ Франція уже не въ состояніи будетъ высвободиться изъ-подъ ферулы деспотической власти. Можно было ожидать, что въ груди французской націи потухнетъ тотъ священный огонь, который воспламенялъ ихъ каждый разъ на новую борьбу. Боязнь эта закралась во многіе и лучшіе умы этого народа, и нѣкоторые изъ нихъ готовы уже были признавать свой призрачный страхъ за печальную дѣйствительность. Недавно еще, всего годъ назадъ, Прево-Парадоль, этотъ свѣтлый умъ и одинъ изъ даровитѣйшихъ людей богатой талантами фаланги современныхъ писателей, съ глубокою горечью и вмѣстѣ съ необыкновенною теплотою высказывалъ свои опасенія: «изъ монотоннаго зрѣлища всѣхъ этихъ паденій родились въ душѣ, когда-то столь пылкой, нашего народа этотъ смертельный упадокъ духа и эта глубокая усталость, которыя сдѣлались кажется темпераментомъ Франціи. Послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ и послѣ столькихъ разрушенныхъ надеждъ, среди насъ образовалось какое-то настроеніе общественнаго духа, опредѣлить который нельзя лучше, какъ сказавъ, что онъ прямо противоположенъ духу 1789 года. Насколько тогда Франція была склонна къ великодушнымъ иллюзіямъ, настолько же теперь она не довѣряетъ самымъ скромнымъ попыткамъ». Слова эти произносились именно въ ту минуту, когда Франція стряхивала съ себя свою усталость, отбрасывала мрачную боязнь и съ новымъ пыломъ порывалась на новую борьбу. Намъ случалось уже въ этомъ обозрѣніи говорить о томъ, какъ пробуждалась Франція послѣ забытья, послѣ тяжелаго сна, вызваннаго чрезмѣрною усталостью въ борьбѣ съ предшествующими порядками. Пробужденіе было медленно, возвращеніе къ жизни, полной счастливыхъ порывовъ и вспышекъ, шло тихо, мертвые подымались изъ своихъ гробовъ какъ-то боязливо, точно не смѣя нарушить тишину необозримаго кладбища. Мало-помалу говоръ, движеніе, жизнь пробудившихся превращались въ звучный гулъ, который, распространяясь все дальше и дальше, всюду взывалъ къ новой жизни, къ новой борьбѣ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли уже отъ нея отказаться. «Смертельный упадокъ духа и глубокая усталость» точно исчезли и на мѣсто ихъ явились прежнія надежды и прежнія силы. Пробужденіе, движеніе, сказавшееся сначала въ самомъ небольшомъ кружкѣ, съ каждымъ днемъ все быстрѣе шло

---

[1]) См. «Декабрьскій переворотъ.»

дальше, захватывало большую массу людей, пока наконецъ не охватило даже всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіи столькихъ лѣтъ противодѣйствовали живительной силѣ. Движеніе охватило ихъ противъ собственной воли и тѣ, которые еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ были самыми рѣшительными сторонниками личнаго правленія, теперь, къ ихъ собственному удивленію, увидѣли себя защитниками правленія народомъ посредствомъ народа. Какая-то волшебная сила неумолимо толкала ихъ впередъ по этому направленію. Вмѣсто недовѣрія явилась снова вѣра въ свѣтлое будущее, вмѣсто равнодушія всѣ почувствовали ненависть, отвращеніе къ произволу. Если пробужденіе началось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то рѣшительный, главный моментъ его безъ сомнѣнія лежитъ въ послѣднихъ выборахъ, которые съ такою поразительною наглядностью показали, что стремленія Франціи радикально расходятся съ стремленіями правительства, что народъ предъявляетъ свои требованія свободы, требованія уничтоженія личнаго правленія, что онъ никогда не допуститъ, чтобы произвольная власть обратилась въ наслѣдственный принципъ. Выборы представляютъ собою точку поворота, они служатъ гранью между двумя различными порядками, благодаря имъ давно подготовлявшійся кризисъ личнаго правленія сдѣлался явнымъ, очевиднымъ; послѣ послѣднихъ выборовъ никто уже болѣе не можетъ сомнѣваться, что кризисъ этотъ существуетъ, и что не сегодня такъ завтра мы должны ждать его разрѣшенія. Итакъ, мы присутствуемъ при четвертомъ кризисѣ личнаго правленія, совершающемся въ XIX ст., четыре раза въ теченіи какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ французская нація доказываетъ, что она не выноситъ порядка, основаннаго на личномъ правленіи, и несмотря на это, многіе продолжаютъ повторять, что Франція только и создана, что для личнаго правленія. Не гораздо ли болѣе справедливъ Арманъ Каррель, утверждая, что Франція «лишена достаточно пороковъ, чтобы доставить монархіи долгое существованіе»?

Несомнѣнно, что настоящій кризисъ кончится въ ущербъ личнаго правленія, и теперь уже оно потеряло многіе изъ своихъ аттрибутовъ, важно только знать, какъ совершится окончательная его развязка, путемъ ли уступокъ, отреченія самой власти отъ ея прерогативъ или путемъ насилія или революціи? То, что́ было замѣчено наканунѣ іюльской революціи, то замѣчается и теперь; какъ тогда никто не желалъ революціи, такъ точно не желаютъ ея и теперь, несмотря на сильное возбужденіе, господствующее въ народѣ и обществѣ. Большинство журналовъ, газетъ, за исключеніемъ двухъ - трехъ органовъ, которые не видятъ другого исхода какъ революція, всѣ выражаютъ рѣшительное желаніе, чтобы правительство широкою рефор-

мою, всѣми требуемыми уступками, избавило Францію отъ новой революціи. Весь вопросъ заключается въ томъ, съумѣетъ-ли понять настоящее правительство свою собственную выгоду и въ силу собственной своей иниціативы превратиться изъ личнаго правленія въ такое конституціонное, гдѣ бы вся власть сосредоточивалась въ рукахъ народныхъ представителей, или захочетъ оно пойти избитою всѣми предшествовавшими правительствами тропою и затянуть собственными руками узелъ на своей шеѣ. Судя по первымъ шагамъ, по первымъ поступкамъ правительства послѣ того, какъ сдѣлались извѣстны результаты выборовъ, можно было опасаться, что неблагоразуміе возьметъ верхъ надъ благоразуміемъ, и что правительство для ускоренія своей гибели кинется въ реакцію. Опасенія эти возбуждались весьма естественно одною изъ рѣчей Наполеона, въ которой онъ такъ открыто подтверждалъ начала личнаго правленія, затѣмъ его письмами, и между прочимъ письмомъ къ барону Мако, въ которомъ онъ выставлялъ какъ принципъ, что «твердое правительство» не должно уступать натиску общественнаго мнѣнія, наконецъ, нѣкоторыми повышеніями и наградами самыхъ реакціонерныхъ личностей, и затѣмъ тѣми статьями оффиціальныхъ, полуоффиціальныхъ и, если можно такъ выразиться, особенно интимныхъ газетъ, въ которыхъ между прочимъ высказывались такія мысли: «Самое необходимое въ настоящую минуту — не увеличеніе свободы, а принятіе твердой, ясной и рѣшительной политики.... Нужно наконецъ, чтобы чувствовалась рука императора.... Нужно, чтобы онъ управлялъ больше чѣмъ когда-нибудь, чтобы онъ управлялъ самъ съ твердостью и рѣшительностью». Разумѣется, когда подобныя идеи проповѣдывались тѣми, кто имѣетъ назначеніе служить выраженіемъ императорской мысли, то можно было опасаться, что правительство послѣдуетъ такому неудачному плану и безумною диктатурою попробуетъ подавить неожиданно вставшее передъ нимъ народное движеніе. Такое поведеніе, какъ бы ни было оно неблагоразумно, нисколько бы не могло собою удивить кого бы то ни было, потому что такое поведеніе общее всѣмъ личнымъ правленіямъ, когда ихъ застигаетъ кризисъ. Самое полное непониманіе ни своихъ, ни народныхъ интересовъ — это самое прочное изъ его свойствъ. Правда, правительству Наполеона поступить такъ, а не иначе, было бы еще болѣе непростительно, чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ, во-первыхъ потому, что онъ могъ воспользоваться ихъ опытомъ, а во-вторыхъ еще потому, что собственная его жизнь, его долгая ссылка, изгнаніе, заключеніе въ тюрьмѣ, все расположилось такъ, чтобы сдѣлать его болѣе чувствительнымъ, болѣе чуткимъ къ народному голосу. Поэтому можно было ожидать, что когда движеніе станетъ слишкомъ очевиднымъ, когда опасность

сопротивленія общимъ требованіямъ блеснетъ въ его головѣ, когда онъ убѣдится, что съ окончаніемъ выборовъ страна не успокоится, а будетъ еще рѣшительнѣе дѣлать свои заявленія,—что онъ одумается и измѣнитъ предначертанный имъ планъ отпора народнымъ требованіямъ на другой планъ, болѣе практическій, планъ уступокъ, реформъ, ограниченій личнаго правленія. Тѣ, которые ждали подобнаго превращенія, не обманулись. Наполеонъ, пораженный разумѣется картиною, которую представила ему Франція послѣдними выборами, пораженный тѣмъ, что́ дѣлалось въ палатѣ, какъ только она собралась, и испуганный тою тайною силою, которая все приводила въ движеніе, во всѣхъ вселяла какой-то духъ либерализма, даже въ тѣхъ, кто нѣсколько мѣсяцевъ назадъ еще открещивался отъ него руками и ногами, быстро рѣшился отказаться отъ программы, которую онъ только-что передъ тѣмъ выставлялъ съ такою самоувѣренностью, сдаться силѣ общественнаго мнѣнія и пойти на уступки, которыми онъ, безъ сомнѣнія, полагаетъ надолго зажать уста свободы.

Странную въ самомъ дѣлѣ картину представляла и представляетъ Франція. Послѣ майскихъ и іюньскихъ выборовъ, послѣ вспышекъ и шумныхъ сборищъ наступило время, когда оппозиція должна была сосчитать свои силы въ палатѣ. На ея долю не приходилось и третей части депутатовъ; громадное большинство, при помощи административныхъ маневровъ, по прежнему принадлежало правительству; казалось бы, оно должно было торжествовать, должно было громко ликовать свою побѣду, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно чувствовало себя не по себѣ, оно было въ смущеніи отъ этой побѣды, которая такъ сильно походила на пораженіе. Гдѣ же причина этого явленія, гдѣ причина смущенія и недовольства правительства? Въ томъ тайномъ голосѣ, который говорилъ ему: это не побѣда, а пораженіе, новая оппозиція не похожа на старую; новое большинство, составленное по большей части изъ тѣхъ же лицъ, все-таки не то больше, какимъ оно было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; новая сила управляетъ теперь людьми, новый духъ поселился въ палату и увлекаетъ ее противъ личнаго правленія. Эта новая сила, новый духъ сказывались въ томъ общемъ одушевленіи, съ которымъ страна стала требовать реформъ, въ томъ крикѣ, который разнесся по всей странѣ: долой личное правленіе! Слова эти означали не что иное какъ то, что Франція желала, чтобы законодательный корпусъ получилъ дѣйствительную власть, силу для управленія страною, чтобы, однимъ словомъ, были уничтожены послѣдніе слѣды произвола и чтобы на мѣсто его поставлена была свобода, а потому неизбѣжно и право. Первое, что́ сталъ требовать общественный голосъ, это—чтобы какъ можно скорѣе былъ созванъ законодательный корпусъ; и въ этомъ вопросѣ, хотя можетъ быть и противъ

воли, правительство уступило. Законодательный корпусъ былъ собранъ, такъ по крайней мѣрѣ говорило правительство устами Руэра, исключительно для повѣрки выборовъ въ экстренную сессію, и что только въ обыкновенную сессію, которая должна была быть нѣсколько мѣсяцевъ спустя, правительство внесетъ въ палату тѣ проекты законовъ, которые отвѣчали бы стремленіямъ націи. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ всѣмъ сдѣлалось совершенно ясно, что законодательный корпусъ не станетъ дожидаться обыкновенной сессіи, чтобы высказать то, что у всѣхъ давно было на языкѣ. Тайная волшебная сила слишкомъ опутала его, чтобы онъ могъ не поднять вопроса, возбуждавшаго всю Францію, вопроса о реформѣ. Если бы вопросъ этотъ на первыхъ же порахъ былъ поднятъ крайнею оппозиціею, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, всѣмъ было бы понятно стремленіе ея поскорѣй сразиться, поскорѣй поставить правительство въ затруднительное положеніе. Но оппозиція молчала, или если не молчала, то ограничилась нѣсколькими горячими нападками на избирательную систему оффиціальныхъ кандидатуръ, главнаго же вопроса, который былъ у всѣхъ на умѣ, она не поднимала. Она находилась въ выжидательномъ положеніи, ей точно хотѣлось посмотрѣть, какъ поведетъ себя большинство. Большинство это въ новой палатѣ явилось уже не тою сплошною массою, которая въ старой палатѣ подавляла всякій живой вопросъ; оно разбилось теперь на группы, изъ которыхъ самою сильною, самою многочисленною сдѣлалась такъ-называемая средняя партія, лѣвый центръ, на который выпала иниціатива движенія. Прежняя правая сторона обѣднѣла и потеряла всякое значеніе. Франція съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ слѣдила за открывшимся законодательнымъ корпусомъ, всѣ точно на что-то надѣялись, всѣ ожидали окончанія повѣрки выборовъ, повѣрки, которая открыла массу злоупотребленій, вполнѣ увѣренные, что послѣ того, что палата будетъ составлена, на правительство посыплется цѣлая бездна самыхъ разнообразныхъ запросовъ. Но повѣрка была еще далека до окончанія, когда средняя партія зашевелилась, точно толкаемая какою-то невидимою силою. Эта иниціатива настоящей средней партіи, стараго большинства, показываетъ, какъ глубоко проникло движеніе, какое большое разстояніе уже пройдено имъ. Давно ли эти самые люди съ неистовствомъ шумѣли, когда какой-нибудь депутатъ оппозиціи упоминалъ о необходимости расширить свободу, рѣшиться на ту или другую реформу. А теперь.... эти самые люди начинаютъ первые толковать о необходимости коренныхъ измѣненій, о необходимости замѣны личнаго правленія парламентскимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Правительство имѣло всѣ основанія не вѣрить своимъ глазамъ, а между тѣмъ все это была горькая дѣйствительность. На частномъ

собраніи средней партіи рѣшено было сдѣлать правительству интерпелляцію, въ которой выражалась бы необходимость болѣе или менѣе широкой реформы; сначала это заявленіе средней партіи было робко, боязливо, оно состояло изъ какихъ-то общихъ выраженій, видно было, что сами составители не знали какъ далеко они могутъ идти, не смѣли перешагнуть извѣстной границы; но когда иниціаторы этого заявленія увидѣли, что къ нему присоединяются мало-по-малу всѣ депутаты большинства, даже изъ лагеря реакціонеровъ, тогда, чтобы заявленіе не потеряло всякаго значенія, они усилили его выраженія, дали ему опредѣленный смыслъ, и наконецъ, дошли до геркулесовыхъ столбовъ дерзости, вписавъ въ свою программу ужасныя два слова: отвѣтственность министровъ. Вмѣсто того, чтобы подобная программа оттолкнула отъ себя большую часть депутатовъ, избранныхъ благодаря существованію оффиціальныхъ кандидатуръ, заявленіе это къ всеобщему удивленію стало покрываться такими именами правительственныхъ кандидатовъ, какъ барона Мако, прославившагося реакціоннымъ письмомъ къ нему императора, герцога Муши, родственника Наполеона, и т. д., и т. д. Очевидно, нечистая сила водила ихъ руками, когда они подписывали это убійственное для правительства заявленіе или программу. Движеніе это угрожало не только распространиться еще дальше, но сдѣлаться еще болѣе рѣзкимъ и поставить правительство въ самое невыносимое положеніе. Шутить съ этимъ заявленіемъ средней партіи было неудобно, потому что всѣ отлично сознавали, какая тайная сила стоитъ позади его, какой духъ направляетъ это движеніе, и что не обратить на него вниманія значило, можетъ быть, перенести эту программу изъ законодательнаго корпуса на улицу и вмѣсто борьбы въ палатѣ завязать борьбу на улицѣ. Правительству ничего болѣе не оставалось, какъ повести контръ-мину, пойти на встрѣчу этого заявленія, и вмѣсто того чтобы откладывать свои проекты законовъ, которые «способны осуществить желанія страны», поднести ихъ палатѣ, или вѣрнѣе, цѣлой странѣ не медля ни одной минуты. На эту-то мѣру правительство и рѣшилось въ виду всеобщаго движенія и заявленія средней партіи, собравшей 116 подписей изъ стараго большинства, и 12-го іюля, государственный министръ Руэръ пропѣлъ передъ палатой свою лебединую пѣснь, прочитавъ знаменитое посланіе 12-го іюля, составляющее эпоху въ исторіи второй имперіи.

Несмотря на то, что правительство объявило, что оно представитъ на обсужденіе законодательнаго корпуса и сената тѣ «рѣшенія и проекты», которые ему кажутся болѣе всего соотвѣтствующими для осуществленія желаній націи, только при открытіи обыкновенной сессіи, говорилось въ этомъ посланіи, но такъ какъ «законодательный корпусъ выражаетъ желаніе немедленно знать, какія реформы приняты правитель-

ствомъ», то Наполеонъ и спѣшитъ прибавить: «я считаю полезнымъ предупредить ваши стремленія». На самыхъ первыхъ словахъ посланія можно уже замѣтить, что въ теченіи двухъ недѣль, которыя прошли отъ 28-го іюня, дня открытія новаго законодательнаго корпуса, до 12-го іюля, дня прочтенія императорскаго посланія, въ образѣ мыслей, въ настроеніи и намѣреніяхъ правительства произошла радикальная перемѣна. 28-го іюня, когда тайный голосъ, говорившій о пораженіи правительства на выборахъ, не сказался еще въ палатѣ, когда правительство могло еще питать надежду, что раболѣпное до сихъ поръ большинство останется ему вѣрно, не покинетъ его въ трудную минуту, оно говорило только о «рѣшеніяхъ и проектахъ», боясь произнести то слово, которое произносилось въ странѣ: реформа. Теперь же, когда (можетъ быть къ счастью правительства, потому что оно побудило его къ уступкамъ) старое большинство выказало до извѣстной степени духъ независимости, правительство замѣняетъ очень общія выраженія «проекты и рѣшенія» словомъ «реформы». «Мое твердое намѣреніе, законодательный корпусъ долженъ быть твердо увѣренъ въ томъ, расширить его права, совмѣстно съ существенными основаніями конституціи, и я представляю ему черезъ это посланіе рѣшенія, принятыя мною». Перечисливъ, затѣмъ, всѣ уступки, реформы, на которыя рѣшилось правительство, Наполеонъ спѣшитъ напомнить о томъ, что́ сдѣлано уже имъ для возвращенія свободы странѣ, говоря: «я показалъ уже много разъ, что я расположенъ, въ виду общей пользы, отказаться отъ нѣкоторыхъ моихъ прерогативъ. Измѣненія, которыя я рѣшился предложить, составляютъ естественное развитіе тѣхъ, которыя послѣдовательно были сдѣланы въ учрежденіяхъ имперіи». Не успѣло еще это посланіе быть разосланнымъ по всѣмъ угламъ Франціи, не успѣла палата придти отъ него въ себя и рѣшить, радоваться ей или нѣтъ, что́ выразилось въ довольно сухомъ пріемѣ, который получило посланіе, какъ на другой день рано утромъ въ оффиціальной газетѣ имперіи появились два декрета, вызвавшіе всеобщее негодованіе и немедленно ослабившіе то болѣе или менѣе выгодное для правительства впечатлѣніе, произведенное посланіемъ. Одинъ изъ этихъ декретовъ гласилъ объ отсрочкѣ засѣданій палаты на неопредѣленное время, другой объявлялъ о созваніи сената, который долженъ былъ заняться обсужденіемъ реформъ, объявленныхъ правительствомъ. Отсрочка засѣданій законодательнаго корпуса въ ту самую минуту, когда дѣло шло именно о томъ, чтобы расширить какъ можно болѣе его участіе въ управленіи страною, было актомъ крайне не-политическимъ, непослѣдовательнымъ, противорѣчащимъ самому духу посланія. Актъ этотъ долженъ былъ вызвать крайнее раздраженіе въ самой палатѣ, и раздраженіе это сказалось въ энергическихъ словахъ, произнесенныхъ при чтеніи этого де-

крета Жюлемъ Фавромъ, т. е. однимъ изъ умѣренныхъ новой оппозиціи: «Я всхожу на трибуну, сказалъ онъ, чтобы протестовать противъ акта, который служитъ самымъ рѣшительнымъ противорѣчіемъ посланія, которое мы слушали вчера. Актъ этотъ не только неприличенъ, онъ составляетъ покушеніе на достоинство палаты, и показываетъ глубокое безсиліе личной власти». Слова эти, нѣсколько разъ перерываемыя со стороны президента призывомъ къ порядку, съ достаточною силою выразили собою общественное мнѣніе. Произнося, что «личная власть осуждена», что, по его убѣжденію, она «не перенесетъ настоящаго испытанія», Жюль Фавръ былъ только отголоскомъ того, что́ говорилось вездѣ на улицѣ. Актъ объ отсрочкѣ засѣданій законодательнаго корпуса засталъ всѣ партіи въ расплохъ. Лѣвый центръ, средняя партія, долго не могла рѣшиться, считать ли ей себя удовлетворенною посланіемъ или нѣтъ, взять назадъ свое заявленіе или, несмотря на посланіе, поддерживать его. Что правительство дало ей удовлетвореніе, въ этомъ не могло быть сомнѣнія; но настолько ли оно полно, какъ того желала она, это оставалось для нея нерѣшеннымъ, потому что самое посланіе императора было темно и оставляло широкое поле для догадокъ и предположеній. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, средняя партія рѣшила взять назадъ свое заявленіе, и тѣмъ какъ бы прекратить свою оппозицію правительству.

Въ неменьшемъ затрудненіи находилась и крайняя лѣвая сторона, она одинаково не могла рѣшить, что́ ей дѣлать. Она чувствовала очень хорошо, что разойтись просто, не сказавши своего слова о совершающихся событіяхъ, было неудобно, потому что общественное мнѣніе, цѣлая Франція дожидалась мнѣнія оппозиціи, чтобы окончательно произнести свой судъ о посланіи 12-го іюля. Депутаты лѣвой стороны собрались вмѣстѣ, чтобы обсудить свой планъ дѣйствій, обнародовать свою программу, но къ несчастью, при составленіи ея неизбѣжно должна была сказаться разношерстность оппозиціи, крайнее разногласіе въ мнѣніяхъ между такими депутатами, какъ Тьеръ, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ и такими, какъ Гамбетта, Распайль и Бансель. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ совѣщаній, оппозиція разошлась, ничего не порѣшивъ и не выпустивъ въ этотъ важный моментъ своей опредѣленной программы, заявленія своихъ требованій. Но если лѣвая сторона не могла придти къ общему соглашенію относительно единаго заявленія, за то во всѣхъ газетахъ посыпались письма депутатовъ къ своимъ избирателямъ, въ которыхъ они съ энергіею протестовали противъ распущенія палаты.

Едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ протестовъ былъ протестъ Гамбетты, въ которомъ онъ ясно ставилъ вопросъ о томъ, что́ можетъ въ настоящую минуту удовлетворить Францію. Онъ ра-

зумно утверждалъ, что лѣвая сторона должна опредѣлиться яснѣе, что она должна распасться на двѣ категоріи, изъ которыхъ подъ одну подошли бы всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ Тьеромъ требуютъ только «необходимыхъ вольностей» и преслѣдуютъ одну цѣль: возстановленіе чистаго парламентаризма; и другую категорію, въ которую вошли бы всѣ тѣ, которые не хотятъ довольствоваться отвѣтственностью министерства, но которые требуютъ прямой, непосредственной отвѣтственности всякаго, который состоитъ въ должности, и главнымъ образомъ серьезной, легко приводимой въ исполненіе отвѣтственности главы исполнительной власти, чтобы всегда была на готовѣ возможность быстраго и дѣйствительнаго подавленія его, если бы ему вздумалось нарушить право народа или измѣнить самымъ высшимъ интересамъ націи. Однимъ словомъ, для этой категоріи онъ указываетъ одну цѣль, къ которой она непреклонно должна стремиться, это— утвержденіе въ странѣ истинно демократическихъ учрежденій, которыя обезпечили бы девизъ 89 года, «свободу, равенство и братство».

Само правительство, рѣшившись на закрытіе экстренной сессіи прежде чѣмъ даже окончилась повѣрка выборовъ, и испугавшись заявленія 116-ти или, вѣрнѣе, заявленія цѣлой страны, отголосокъ которой выразился въ программѣ средней партіи, находилось теперь въ затруднительномъ положеніи. Сенатъ былъ созванъ на 2-ое августа, т. е. оставалось еще почти три недѣли до его собранія, всѣ министры подали въ отставку, которая была принята, такъ что государственная машина была пріостановлена въ своемъ ходѣ. Нѣсколько дней прошло прежде, чѣмъ составилось новое министерство, министерство безцвѣтное какое только могло быть. Никогда въ самомъ дѣлѣ правительство еще не было такъ мало послѣдовательно, какъ въ тотъ кризисъ, который совершается на нашихъ глазахъ. Съ самаго начала оно твердо и съ увѣренностью объявляетъ, что не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ, что не станетъ расширять существующую свободу подъ угрозою давленія, и не проходитъ нѣсколькихъ дней, какъ тайная сила принуждаетъ его дать самому себѣ рѣшительное опроверженіе, и оно спѣшитъ нести въ законодательный корпусъ программу своихъ реформъ, изъ опасенія, чтобы у него не потребовали, не вынудили больше. Затѣмъ, рѣшившись созвать законодательный корпусъ, оно вдругъ, очертя голову, отсрочиваетъ его засѣданія, боясь слишкомъ бурныхъ обсужденій, и тѣмъ самымъ ослабляетъ впечатлѣніе посланія 12-го іюля и навлекаетъ на себя самыя горькія нареканія. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать законодательный корпусъ участникомъ въ принятыхъ реформахъ и тѣмъ дать удовлетвореніе и вмѣстѣ успокоеніе странѣ, оно переноситъ обсужденіе въ сенатъ, состоящій изъ людей, назначенныхъ туда волею императора и потому самому не пользую-

щихся никакимъ довѣріемъ страны. Оно не допускаетъ законодательный корпусъ (съ этою цѣлію оно отсрочиваетъ его засѣданія) обсуждать конституцію, до которой никто не смѣлъ прикасаться, и какого же результата достигаетъ оно? Одного только: конституція дѣлается предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ, ярыхъ нападковъ въ прессѣ; всѣ газеты, и въ этомъ оффиціальныя трудно отличить отъ неоффиціальныхъ, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются разрывать ее на части... и правительство безсильно, потому что ему нужно было бы бороться съ такою силою, которую оно не видитъ и которая увлекаетъ его само въ общую свалку. Этого мало. Оно принимаетъ отставку всѣхъ министровъ, и этимъ какъ бы прямо указываетъ, что старые мѣха не годятся для новаго вина, и что же оно дѣлаетъ? Уступая требованію страны, заявленію средней партіи, оно рѣшается заикнуться объ отвѣтственности министровъ, слѣдовательно о кабинетѣ, и потому самое естественное было бы взять всѣхъ министровъ изъ среды той средней партіи, програму которой оно какъ бы усыновило. Нѣтъ, правительство боится пойти прямою дорогою, оно колеблется, останавливается, ему хочется сдѣлать два шага впередъ, оно пугается, и торопится отступить шагъ назадъ, и тѣмъ только компрометтируетъ даже тотъ шагъ, который все-таки уже сдѣланъ. Вмѣсто того, чтобы взять новыхъ министровъ изъ законодательнаго корпуса, правительство беретъ оттуда трехъ или четырехъ самыхъ незначительныхъ депутатовъ, а остальные портфели раздаетъ старымъ министрамъ, которые далеко не пользовались популярностью. Оно приноситъ въ жертву Руэра, противъ котораго особенно сильно возбуждено общественное мнѣніе, такъ какъ на него привыкли смотрѣть, и весьма справедливо, какъ на самый прочный оплотъ личной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ министерство внутреннихъ дѣлъ Форкаду, этой правой рукѣ Руэра. Ко всему этому, вмѣсто того, чтобы совершенно отдалить послѣдняго отъ дѣлъ, оно назначаетъ его президентомъ сената, въ которомъ должны обсуживаться реформы, которыхъ Руэръ былъ всегда открытымъ врагомъ. Однимъ словомъ, самая крайняя непослѣдовательность и безтактность — вотъ что особенно отличаетъ правительство Наполеона III въ настоящую минуту; впрочемъ французы не должны жаловаться на такое поведеніе правительства, такъ какъ имъ еще больше компрометтируется личное правленіе.

Итакъ, самому безцвѣтному министерству поручено вводить новыя реформы и защищать и отстаивать ихъ передъ страною. Посмотримъ же теперь, какія это реформы и насколько подвигается ими впередъ дѣло свободнаго правленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что объявленныя въ посланіи 12-го іюля реформы, составляютъ дѣйствительный прогрессъ и значительное улуч-

шеніе въ учрежденіяхъ имперіи, несмотря на тотъ нерѣшительный характеръ, которымъ они запечатлѣны. Эта нерѣшительность отличала всегда всѣ реформы, выходившія изъ такъ-называемой свободной иниціативы императора, хотя свободы въ ней именно меньше всего. Тотъ же характеръ лежитъ на реформѣ 24-го ноября 1860 года, одинаково какъ и на реформѣ 19-го января 1867 года, которою была предоставлена значительная свобода прессѣ и расширено право собранія, и тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ боязливый характеръ, и та и другая послужили какъ нельзя болѣе дѣлу разрушенія личнаго правленія. Реформы 12-го іюля представляютъ собою еще болѣе значительный шагъ на пути поворота къ истинному народному представительству, изъ чего впрочемъ вовсе не слѣдуетъ дѣлать заключеніе, что они удовлетворятъ возбужденное общество, которое гораздо болѣе раздражено тѣмъ, что́ есть въ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствомъ, мелкаго, трусливаго, что́ открываетъ въ нихъ какую-то заднюю мысль, чѣмъ удовлетворено тѣмъ, что́ представляется истиннымъ улучшеніемъ. Прислушиваясь къ голосу Франціи, можно съ увѣренностью сказать, что этими реформами, которыя могли бы удовлетворить общественное мнѣніе еще годъ назадъ, правительство не достигнетъ того результата, на который оно надѣется, т. е. не обезоружитъ партій и не заставитъ ихъ помириться съ собою. Толчокъ, данный выборами, былъ слишкомъ силенъ, и общественное мнѣніе, общественныя требованія ушли гораздо дальше тѣхъ реформъ, на которыя правительство вынуждено было согласиться, чтобы не довести возбужденіе до того пункта, когда никакія уступки болѣе не спасаютъ правительство.

Реформы, объявленныя въ посланіи 12-го іюля, несравненно нагляднѣе представляются въ проектѣ сенатскаго постановленія, который былъ прочитанъ въ первомъ засѣданіи сената, собравшагося 2-го августа. Многое, что было глухо въ посланіи, опредѣлялось въ проектѣ, многое, наконецъ, на что́ посланіе даже не указывало, нашло себѣ мѣсто въ проектѣ, представленномъ на обсужденіе сената. Эта бо́льшая опредѣленность съ одной стороны и важныя прибавочныя статьи, о которыхъ не упоминалось въ посланіи, показываютъ, что правительство не остается глухо къ высказываемымъ требованіямъ, и что съ каждымъ днемъ оно болѣе убѣждается въ силѣ существующаго движенія. Едва ли не самая важная часть реформъ 12-го іюля заключается въ двухъ первыхъ параграфахъ проекта сенатскаго постановленія, въ которыхъ мы читаемъ: императоръ и законодательный корпусъ имѣютъ иниціативу закона, и затѣмъ другія два слова: министры отвѣтственны. Какъ дополненіе къ этому, слѣдуетъ параграфъ, который говоритъ, что министры могутъ быть членами сената и законодательнаго корпуса. Въ этихъ трехъ пунктахъ заключается вся сущность

настоящей реформы, такъ какъ всѣ послѣдующіе являются болѣе или менѣе неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. О другихъ уступкахъ, о другихъ параграфахъ общество почти и не думаетъ, до такой степени казались они неизбѣжными. Объяви правительство годъ тому назадъ, что законодательному корпусу предоставляется самому утвержденіе своего устава, избраніе своего президента и вице-президентовъ; объяви оно годъ назадъ, что каждый сенаторъ или депутатъ имѣетъ право безпрепятственно дѣлать запросъ правительству по всѣмъ дѣламъ; объяви оно тогда, что бюджетъ вотируется по отдѣльнымъ статьямъ и параграфамъ, что засѣданія сената дѣлаются публичны,—все это было бы предметомъ страшнаго шума, выгоднаго для правительства, всѣ бы закричали о либерализмѣ императора, на все это смотрѣли бы какъ на самыя важныя мѣры, обезпечивающія свободу страны, а теперь все это встрѣчается холоднымъ молчаніемъ, дѣлаются упреки, что все это является слишкомъ поздно, и правительство слышитъ выраженія благодарности только отъ самыхъ оффиціальныхъ органовъ, да и то не отъ всѣхъ. Иниціатива законовъ и отвѣтственность министерства—вотъ единственное, что возбуждаетъ еще толки, да и толки эти по большей части невыгодны для правительства. Всѣ почти обвиняютъ его въ одномъ, что оно не рѣшилось на отвѣтственность министровъ прямо, открыто, а пропустило эту реформу точно черезъ заднее крыльцо, черезъ скважину, сказавъ: министры отвѣтственны и депутаты могутъ быть министрами, но къ чему, всѣ спрашиваютъ и всѣ упрекаютъ правительство, стоитъ тутъ другая фраза: министры зависятъ только отъ императора. Очевидно, что правительство колебалось, не знало на что ему рѣшиться и вмѣсто того, чтобы прямо ввести или также прямо отбросить основной принципъ парламентскаго правленія—отвѣтственность министровъ, оно не посмѣло рѣшиться ни на тотъ, ни на другой шагъ, избравъ что-то среднее, что неизбѣжно ведетъ къ настоящей и полной отвѣтственности министерства и лишаетъ только правительство чести этой реформы. Такое поведеніе правительства еще болѣе придаетъ реформѣ какой-то вынужденный, насильственный характеръ. Если правительство могло ожидать, глядя на необыкновенное возбужденіе умовъ, что данныя имъ реформы не возбудятъ ни восторга, ни энтузіазма въ народѣ, то оно могло по крайней мѣрѣ надѣяться, что въ сенатѣ этотъ проектъ расширенія правъ, приближеніе къ парламентарной системѣ, получитъ полное одобреніе. Велико должно было быть его удивленіе, когда и тутъ реформы встрѣчены были съ какимъ-то недовѣріемъ: одни находили, что уступается слишкомъ много, другіе, что слишкомъ мало, и на несчастный проектъ сенатскаго постановленія посыпались поправки, одни консервативнаго, другія либеральнаго свойства, изъ которыхъ безъ

сомнѣнія бо́льшая часть будетъ отброшена. Партія «молодыхъ» въ сенатѣ, состоящая можетъ быть изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, требовала, чтобы отвѣтственность министровъ была поставлена безъ всякихъ ограниченій; чтобы въ этомъ параграфѣ не было противорѣчія между отвѣтственностью передъ палатою и зависимостью отъ императора; чтобы министры, наконецъ, могли быть прямо обвиняемы законодательнымъ корпусомъ, а не сенатомъ, какъ говорится въ проектѣ сенатскаго постановленія. Безъ сомнѣнія, несмотря на императорскую идею удерживать министровъ въ своей зависимости, дѣлая ихъ всетаки отвѣтственными передъ палатой, дѣло придетъ къ тому же, что существуетъ и во всѣхъ остальныхъ парламентскихъ правленіяхъ, т. е. что за императоромъ останется одно только право, очень эфемерное, назначать новымъ министромъ депутата, пользующагося въ палатѣ преобладающимъ вліяніемъ. Большею частью въ парламентскомъ правленіи зависимость министерства отъ палаты, отъ большинства, не формулирована въ законѣ. Она вытекаетъ просто изъ нравственной необходимости, изъ того неловкаго положенія, въ которомъ очутилось бы министерство, если бы оно имѣло противъ себя враждебное большинство; наконецъ, большинство имѣетъ возможность прибѣгать къ тому, что называется на парламентскомъ языкѣ vote de manque de confiance, послѣ котораго министерство должно подавать въ отставку; самому правительству было бы нестерпимо держаться министерства, которому враждебно большинство, потому что оппозиція противъ него превратилась бы въ систематическую, и палата отказывала бы тогда во всѣхъ правительственныхъ представленіяхъ, и въ концѣ концовъ зависимость утвержденія бюджета отъ палаты ставитъ правительство въ прямую отъ нея зависимость. Но несмотря на то, когда страна выходитъ изъ личнаго правленія, осторожность и предусмотрительность требуютъ того, чтобы въ законѣ не было оставлено мѣста для недоразумѣній и столкновеній между исполнительною властью и законодательнымъ корпусомъ. Помимо этого требованія, чтобъ въ сенатскомъ постановленіи было уничтожено противорѣчіе между зависимостью отъ императора и отвѣтственностью министерства передъ палатою, партія прогрессивныхъ сенаторовъ дѣлала еще нѣкоторыя другія требованія, изъ которыхъ одно имѣло бы, если бы было принято, значительную важность: это — составленіе сената изъ двухъ элементовъ, изъ двухъ разрядовъ лицъ, изъ сенаторовъ по назначенію и сенаторовъ по выбору. Одна половина по прежнему бы назначалась главою исполнительной власти, другая избиралась бы генеральными совѣтами провинцій. Эти въ высшей степени либеральныя требованія одной части сенаторовъ указываютъ также, какъ глубоко измѣнился общій духъ. Кто могъ бы думать годъ назадъ, что всѣ упомянутыя реформы, явля-

ясь на обсужденіе сената, покажутся недостаточными для людей, назначаемыхъ волею императора. Но что представляется самымъ грустнымъ для имперіи и самымъ утѣшительнымъ для многочисленной арміи ея враговъ—это то обстоятельство, что, вообще говоря, проектъ вводимыхъ реформъ встрѣчаетъ себѣ вездѣ какое-то скептическое отношеніе, не исключая и самаго сената. Тѣ, которые работаютъ надъ проектомъ, какъ бы сознаютъ, что они строятъ домъ не изъ прочнаго матеріала, и что онъ будетъ снесенъ при первомъ приливѣ общественной свободы.

Нѣтъ вѣры въ обществѣ въ честныя намѣренія правительства: за всѣми либеральными реформами, за всѣми свободными началами стоитъ, какъ грозная тѣнь, преступленіе 2-го декабря; за фигурой Наполеона, ищущаго себѣ спасенія въ свободѣ, виднѣется точно другая фигура, которая искала себѣ опоры и силы въ народной крови и въ дикихъ преслѣдованіяхъ этой самой свободы. Къ настоящему относятся съ недовѣріемъ, потому что всѣмъ слишкомъ памятно еще прошедшее, которое парализуетъ будущее. Народъ мститъ недовѣріемъ къ искренности либеральныхъ стремленій того порядка, въ основѣ котораго лежалъ деспотизмъ. Положеніе правительства тѣмъ тяжеле, что настоящимъ своимъ поведеніемъ оно не удовлетворяетъ никого; не удовлетворяетъ даже тѣхъ немногихъ друзей, которыхъ оно сохраняло до послѣдняго времени. Если нѣкоторые сенаторы высказываютъ прямо, что они недовольны проектомъ реформъ, не видя въ нихъ достаточно прочныхъ гарантій для широкой свободы и находя, что реформы явились слишкомъ поздно, что правительство опоздало, и что въ концѣ концовъ онѣ должны будутъ потерпѣть фіаско, то каково же слушать правительству, когда въ эти тяжелыя для него минуты, такой оффиціальный органъ какъ «Pays», который всегда пѣлъ торжество и славу Наполеона, вдругъ обращается къ нему съ рѣчью, служащею отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что реформы 12-го іюля доказываютъ только силу правительства, его побѣду, а не пораженіе. «Если посланіе 12-го іюля, восклицаетъ «Pays», побѣда, что же тогда называется пораженіемъ, что называется бѣдствіемъ? Императоръ, въ такомъ случаѣ, и послѣ своихъ побѣдъ 19-го января и 12-го іюля, можетъ сказать какъ Пирръ: «еще двѣ такія побѣды, и я погибъ!» 19-го января было Мексикой во внутренней политикѣ, дай Богъ, чтобы посланіе 12-го іюля не было ни Лейпцигомъ, ни Вартерлоо». «Pays», безъ сомнѣнія, не ошибается. Посланіе 12-го іюля составляетъ пораженіе и бѣдствіе для личнаго правленія, но Ватерлоо наступитъ для него только въ такомъ случаѣ, если бы Наполеонъ захотѣлъ дать грубою силою отпоръ народнымъ стремленіямъ, если бы на новыя требованія свободы онъ не отвѣчалъ болѣе новыми уступками. Порядку,

основанному на личной власти, нѣтъ другого исхода во Франціи: или онъ долженъ погибнуть насильственною смертью, какъ погибло правленіе Наполеона I, Карла X и Луи-Филиппа, или онъ самъ долженъ обречь себя на добровольную смерть и убить себя собственными реформами, введеніемъ самыхъ широкихъ свободныхъ учрежденій. Послѣдній выходъ личнаго правленія безъ сомнѣнія болѣе выгоденъ для страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несравненно труднѣе для правительства. Способенъ ли будетъ на него человѣкъ, рѣшившійся на государственный переворотъ 2-го декабря — мы не станемъ заранѣе предсказывать, тѣмъ болѣе, что намъ не долго придется ожидать рѣшенія этого вопроса. Еще нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, и проектъ этихъ реформъ превратится въ дѣйствительность, въ законъ, и тогда только, когда соберется законодательный корпусъ, можно будетъ сказать, какая судьба ожидаетъ всѣ новыя реформы, удовлетворится ими на время страна или она будетъ требовать отъ правительства все новыхъ уступокъ до тѣхъ поръ, пока ему наконецъ нечего будетъ больше уступать. Близкое будущее покажетъ намъ, чѣмъ окончится этотъ новый кризисъ личнаго правленія во Франціи; уступитъ ли правительство этому разумному натиску народной силы, народной страсти къ свободѣ, или оно захочетъ противостоять ему и со страшнымъ потрясеніемъ цѣлой страны скатится въ ту пропасть, гдѣ лежатъ уже другъ на другѣ, обломки, развалины личныхъ порядковъ Наполеона I, Карла X и Луи-Филиппа. Такъ или иначе окончится настоящій кризисъ, такъ или иначе окончитъ свое существованіе вторая имперія, мирное ли, революціонное ли разрушеніе ея подтверждаетъ еще разъ, что Франція не создана для личнаго правленія, что она не выноситъ укрѣпленія произвола, и что слѣпы тѣ, которые утверждаютъ, что такимъ цивилизованнымъ народомъ какъ французы можетъ управлять только желѣзная рука.

ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

съ 12-го іюня.

Наконецъ, послѣ долгаго откладыванія и колебаній, по министерству народнаго просвѣщенія сдѣланъ, повидимому, рѣшительный шагъ въ дѣлѣ элементарнаго народнаго образованія. Мы говоримъ о высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ государственнаго совѣта «о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія» и «объ устройствѣ училищной части въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ» отъ 12-го іюня сего года, состоявшихся вслѣдствіе представленія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Упомянувъ сейчасъ о медленности и колебаніяхъ, мы вовсе не думаемъ обвинять кого бы то ни было, кромѣ совокупности всего русскаго общества, которое ни въ одномъ вопросѣ не показало себя въ такомъ странномъ, чтобъ не сказать болѣе, свѣтѣ, какъ въ вопросѣ о народномъ образованіи. Этотъ вопросъ въ настоящее царствованіе былъ поднятъ въ одно время съ другими первой важности, которые уже успѣли болѣе или менѣе разрѣшиться. Въ особенно тѣсной связи находился онъ съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. И странное дѣло!—уже въ 1857 г. никто, за исключеніемъ самыхъ закоренѣлыхъ крѣпостниковъ не оспаривалъ, по крайней мѣрѣ не рѣшался оспаривать, что крестьянъ нужно освободить, а спорили только о томъ, какъ ихъ нужно освободить. Между тѣмъ тогда одинъ извѣстный писатель и знатокъ народнаго быта поднялъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли учить крестьянъ грамотѣ. Только закоренѣлые крѣпостники выражались категорически, что крестьянъ нужно сначала образовать, а потомъ уже освобождать. Крѣпостники, конечно, желали отложить дѣло освобожденія въ долгій ящикъ, но они дѣйствительно были отчасти правы. Не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ надо было подождать съ освобожденіемъ:—нѣтъ, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ,—но

дѣйствительно, поднятіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, о допущеніи ихъ въ земскія учрежденія и въ присяжные засѣдатели въ судахъ, казалось бы, требовало немедленнаго приступа къ самому широкому осуществленію системы народнаго образованія, — а между тѣмъ именно съ этой подготовкой народа къ пользованію реформами и новыми учрежденіями мы и опоздали. И даже теперь, довольно долго послѣ совершенія крестьянской реформы, послѣ учрежденія земства и новыхъ судовъ, даже утвержденныя 12-го іюня мѣры, какъ мы постараемся показать, далеко не представляютъ всего того, что необходимо даже для *почина* этого важнаго дѣла. Эта отсталость въ такомъ первой необходимости дѣлѣ произошла отъ множества причинъ. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ частыя перемѣны правительственныхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе вопроса о народномъ образованіи. Между тѣмъ, какъ въ теченіе настоящаго царствованія въ другихъ министерствахъ произошло не болѣе 2—3 перемѣнъ высшихъ правительственныхъ лицъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія такихъ перемѣнъ произошло съ 1857 г. пять. Перемѣны попечителей учебныхъ округовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершались еще чаще: вообще не менѣе четырехъ разъ; а въ западныхъ округахъ, гдѣ вопросъ о народномъ образованіи представляетъ особенную важность и потому чаще поднимался,—въ виленскомъ округѣ съ 1863 г. три раза перемѣнились попечители, а въ кіевскомъ съ 1857 г. шесть разъ. Такимъ образомъ средняя продолжительность управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и учебными округами въ послѣднее время у насъ 2—3 года. А такъ какъ высшее управленіе учебною частію у насъ по большей части вручается лицамъ, прежде не служившимъ по учебному вѣдомству, то лицо, отъ котораго зависитъ направленіе народнаго образованія, едва успѣвало ознакомиться съ дѣломъ, какъ получало другое назначеніе. При этомъ дѣло образованія, — а особенно народнаго образованія, у насъ совершенно новаго, — такого свойства, что болѣе другихъ открыто теоретическимъ вліяніямъ и колебаніямъ направленій, обнимающихъ въ извѣстное время общество. Нашему же обществу даже въ послѣднее десятилѣтіе пришлось пережить двѣ такія эпохи, какъ время около 1862 — 63 г. и около 1866 г. Оба эти времени общественной паники отразились и на вопросѣ о народномъ образованіи. Многіе вліятельные люди оба раза убоялись, какъ бы тлетворныя и опасныя доктрины не проникли и въ народное образованіе. Такъ, напр., въ 1862 г., ради этой опасности были закрыты воскресныя школы, а въ 1866 оставлена была мысль объ открытіи семинарій для приготовленія сельскихъ учителей. «Московскія Вѣдомости», не переставшія съ 1863 до прошлаго года ратовать противъ упомянутыхъ семинарій, —заговорили сами въ прошломъ году о томъ, что народное воспитаніе въ Россіи стоитъ ниже,

чѣмъ даже въ Турціи, и будетъ стоять такъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ учреждены учительскія семинаріи,—объясняли прежнее поведеніе свое въ этомъ вопросѣ именно опасеніемъ, какъ бы «нигилизмъ не проникъ въ эти семинаріи». Надо замѣтить, что наши реакціонныя движенія обыкновенно имѣютъ чисто теоретическія основанія,—хотя и весьма практическіе результаты, и особенно для народнаго образованія. Всѣ очень хорошо знаютъ, что нашъ государственный строй отличается непоколебимою твердостію, что такъ-называемыя «основы Россіи» особенно крѣпки именно въ массѣ народа. А между тѣмъ реакція революціоннымъ идеямъ послѣ 1848 г. привела именно къ закрытію податнымъ сословіямъ доступа къ гимназическому воспитанію; страхъ, наведенный петербургскими прокламаціями и пожарами въ 1862—къ повсемѣстному закрытію воскресныхъ школъ, а стремленіе къ поддержанію охранительныхъ началъ въ 1866 г. пріостановило открытіе 15-ти педагогическихъ семинарій, на которое уже испрошено было тогдашнимъ министерствомъ разрѣшеніе и денежныя средства. Одно изъ употребительнѣйшихъ возраженій, на которое опирались и опираются противники учительскихъ семинарій—тоже чисто-теоретическаго свойства: говорятъ, образованіе народа должно быть основано на религіи, быть преимущественно религіозно-нравственнымъ, а потому должно находиться въ рукахъ духовенства. Но при этомъ вовсе упускается изъ виду практическая сторона вопроса, именно: что религіозно-нравственное направленіе могутъ имѣть не одни духовные, а и учителя, спеціально подготовленные, и что духовенство, при всемъ религіозно-нравственномъ направленіи, можетъ не имѣть спеціально-педагогической подготовки и, наконецъ, свободнаго времени для того, чтобъ у него могло быть исключительно сосредоточено народное образованіе.

Къ сказаннымъ причинамъ колебаній и медленности въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ прибавить еще одну: мы вообще любимъ мудрить,—а особенно эта страсть сказалась въ вопросѣ народнаго образованія, по которому многіе солидные люди поднимали разсужденія, по истинѣ, достойныя знаменитаго философа Кифы Мокіевича. Такъ у насъ и въ печати и даже въ земскихъ собраніяхъ толковали о томъ, полезна или вредна будетъ мужику одна грамота безъ воспитанія, а что такое разумѣть подъ воспитаніемъ для мужика, еще менѣе было понятно разсуждавшимъ, чѣмъ подъ воспитаніемъ для «благороднаго юноши». Говорили и о томъ, что рано учить «народъ» прежде, чѣмъ «мы, оторванное отъ почвы общество», выработаемъ ясныя понятія о нуждахъ народа, прежде чѣмъ вернемся въ «лоно народное» и т. п. Объ одномъ лишь не подумали говорившіе, что достаточна ли грамота, или недостаточна, нужно ли намъ соединиться съ «почвой», или не нужно,—все-таки грамота, т. е. толковое чтеніе есть основа

всему и помощь всему, и во всякомъ случаѣ сообщеніе ея народу ни чему дальнѣйшему не помѣшаетъ, а вызоветъ и народную литературу, уяснитъ и то, что зовутъ «почвой» и т. д.

Отъ указанныхъ здѣсь и пропущенныхъ причинъ дѣло народнаго образованія у насъ подвигалось мало, разработка вопроса о немъ то поднималась, то оставлялась, и при томъ, по исконному закону русской исторіи, такъ, — что вся прежде сдѣланная работа и начинанія пропадали и забывались цѣликомъ, не оставляя по себѣ ничего, кромѣ горечи съ одной стороны и скуки съ другой, — благодаря чему только и возможны такія явленія, какъ оспариваніе уже казавшихся прежде рѣшенными сторонъ вопроса, клеветы на дѣло, пользовавшееся общимъ сочувствіемъ прежде, и наконецъ такія передергиванія, какъ отношеніе «Московскихъ Вѣдомостей» къ вопросу объ учительскихъ семинаріяхъ.

Напомнимъ коротко важнѣйшіе моменты въ движеніи дѣла народнаго образованія за послѣднее десятилѣтіе.

Нельзя не сознаться, что въ первые годы его, отъ 1859 до 1862—63 г., постановка дѣла народнаго образованія подавала гораздо больше надежды, чѣмъ въ послѣдующее время. Учебное вѣдомство было занято предварительными работами: составленіемъ проектовъ устава народныхъ училищъ, проектовъ, которые были предположены оффиціальнымъ педагогамъ и публикѣ на обсужденіе, памятникомъ котораго остались нѣсколько томовъ «Замѣчаній на проектъ устава среднихъ и низшихъ училищъ». Нѣсколько лицъ было отправлено для развѣданія положенія народнаго образованія и отношеній къ нему народа въ Россіи и для изученія организаціи его и способовъ обученія въ Европѣ. Тогдашніе журналы, напр., «Журналъ для Воспитанія» и особенно «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и «Учитель», были полны статьями и отчетами лицъ, спеціально занимавшихся вопросомъ народнаго образованія. Между авторами тѣхъ статей выдавались гг. Золотовъ, Ушинскій, Вессель, Паульсонъ, Водовозовъ, которыхъ статьи оказались бы далеко не лишними и въ болѣе богатой педагогической литературѣ.

Комитетъ грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ предлагалъ къ обсужденію разные вопросы по дѣлу народнаго образованія, назначалъ преміи за составленіе разныхъ учебныхъ пособій. Общіе журналы время отъ времени принимали участіе въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ элементарнаго воспитанія. Важнѣйшими изъ выработанныхъ тогдашнимъ педагогическимъ движеніемъ положеній были: 1) открытіе элементарныхъ училищъ должно быть возможно менѣе стѣснено формальностями и централизаціей: частной инициативѣ долженъ быть предоставленъ возможно бо́льшій просторъ; 2) народное образованіе должно имѣть возможно болѣе реальный харак-

теръ, быть возможно болѣе близкимъ къ условіямъ и потребностямъ народной жизни: обученіе грамотѣ должно сопровождаться обученіемъ какому-нибудь ремеслу, начальное обученіе должно быть наглядно, близко по образамъ и языку къ народной жизни и мѣстнымъ условіямъ и т. д. Нельзя сказать, чтобъ прежняя разработка этихъ положеній окончательно пропала даромъ: «Положеніемъ о народныхъ училищахъ» отчасти обезпечено участіе общества въ устройствѣ и направленіи народнаго образованія, земскимъ положеніемъ тоже,—хотя на практикѣ земству предоставляется менѣе активная роль, чѣмъ даже даваемая ему законодательствомъ. Кредитъ прежняго дьячковскаго обученія подорванъ окончательно; кое-что сдѣлано для нагляднаго обученія; народная поэзія и разсказы изъ народной жизни вошли крупнымъ элементомъ въ книги для первоначальнаго чтенія, хотя пока только великорусская, бѣлорусская же и малорусская жизнь и ея произведенія не удостоились еще этой чести, какъ «нечисто-русскія». Но то, что усвоено практикой изъ прежней теоретической разработки вопроса о народномъ образованіи, не составляетъ и десятой доли того, что высказано лучшими нашими педагогическими писателями. Частная иниціатива въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ стѣснена почти по прежнему. Губернскіе училищные совѣты, правда, могутъ открывать школы въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, но составъ этихъ совѣтовъ не можетъ-быть названъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, а между тѣмъ школы, устроенныя совершенно частной иниціативой, подчинены вполнѣ этимъ совѣтамъ. По остроумному замѣчанію г. Погодина, у насъ открытіе кабака чрезвычайно легко и не возбуждаетъ никакого подозрѣнія и опасеній, а между тѣмъ объ открытіи школы — того отнюдь нельзя сказать. Въ печати были сообщены факты о печальной борьбѣ полтавскаго училищнаго совѣта со школами, основанными гг. Лесевичемъ и Закревскимъ. Совѣтъ, увлекаемый желаніемъ открыть и истребить въ школахъ малороссійскій сепаратизмъ, причинилъ не мало затрудненій школѣ г. Закревскаго, довелъ-было до закрытія школу г. Лесевича, неправильно лишилъ учителя Безуглаго права преподаванія, — неправильно, потому что такъ это рѣшилъ правительствующій сенатъ. Полтавскій училищный совѣтъ преслѣдовалъ въ обѣихъ школахъ *преподаваніе* на малорусскомъ нарѣчіи, въ противность «Положенію о народныхъ училищахъ». Въ школѣ г. Закревскаго онъ не нашелъ подтвержденія своимъ предположеніямъ, въ библіотекѣ же школы г. Лесевича найдены были малороссійскія книжки, которыя и были отобраны, по распоряженію совѣта. Но полученіе этихъ книжекъ учениками изъ библіотеки для *чтенія* на дому, не есть вовсе преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи. Чтеніе многихъ разсказовъ изъ малорусской жизни, какъ напр. Квитки, Шевченко, М. Вовчка, одобренныхъ цензурою, не только не запрещается «Положеніемъ» о школахъ,

которое желаетъ только повсемѣстнаго употребленія литературнаго языка въ преподаваніи, но также умѣстно въ Полтавской губерніи, какъ чтеніе Кольцова, разсказовъ Писемскаго, Тургенева въ Воронежской или Костромской. Что касается до преподаванія по малорусски въ школѣ г. Закревскаго, то совѣтъ былъ очевидно введенъ въ заблужденіе лицомъ, которое объясненія приняло за преподаваніе: при первоначальномъ обученіи, особенно наглядномъ, учителю постоянно придется объяснять слова и выраженія языка литературнаго словами языка народнаго, такъ что, при охотѣ, не только въ Полтавской или Минской губерніи, но и въ Рязанской и Вятской можно найти слѣды ужаснаго сепаратизма, духа Олега рязанскаго и хлыновскихъ ушкуйниковъ. Изъ печатныхъ разъясненій дѣлъ со школами гг. Закревскаго и Лесевича, равно какъ и столкновенія въ одной изъ школъ, находящихся въ завѣдываніи барона Н. А. Корфа въ Екатеринославской губерніи, видно, что въ провинціяхъ чисто личныя побужденія заставляютъ иныхъ взводить тяжелыя обвиненія на начинателей дѣла народнаго обученія, а иные совѣты слишкомъ склонны придавать значеніе этимъ обвиненіямъ и злоупотреблять своей огромной властію надъ судьбою школъ, заведенныхъ частными лицами, и надъ средствами, доставленными частными лицами. Не слишкомъ ли велика эта власть? Вообще по отношеніямъ, какія у насъ еще господствуютъ къ частной иниціативѣ въ дѣлѣ образованія, мы считаемъ весьма типичнымъ случай съ одною изъ провинціальныхъ школъ, который мы знаемъ изъ вполнѣ надежныхъ источниковъ. Школа эта была заведена лицомъ, которое по должности находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, затрогивавшихъ интересы разныхъ лицъ. Желаніе повредить лицу основателя школы, навело коекого на мысль о доносѣ на школу. Доносъ вызвалъ слѣдствіе, по которому въ школѣ не найдено ничего предосудительнаго. Черезъ нѣсколько времени одно довольно высоко-поставленное лицо посѣтило школу и въ заключеніе осмотра замѣтило: «я могу сказать только одно: школа слишкомъ хороша для того, чтобы въ ней не скрывались какія-нибудь заднія цѣли». — Таково положеніе школъ народныхъ. Библіотеки же сельскія, въ силу недавняго циркуляра, можно считать совершенно запрещенными, а между тѣмъ, не говоря о пользѣ библіотекъ вообще, не только библіотеки, но и публичныя чтенія необходимы, особенно въ простонародьи, какъ единственное пока средство поддержки грамоты, какъ уже у окончившихъ обученіе, такъ и у учащихся, изъ коихъ иные за лѣто вовсе почти забываютъ то, чему выучились за зиму. Въ газетахъ прежняго времени частенько приходилось встрѣчать извѣстія о публичныхъ чтеніяхъ для народа, о читальняхъ и т. п. Теперь такія извѣстія не попадаются. Также сравнительно мало вошли въ жизнь и предположенія

педагогической литературы 1859—63 г. и замѣчаній на проектъ устава низшихъ учебныхъ заведеній, касательно организаціи собственно учебной части въ низшихъ училищахъ и характера обученія и учебныхъ пособій. Ремесленныхъ училищъ до сихъ поръ почти нѣтъ, толковыхъ книгъ для народнаго чтенія, за исключеніемъ немногихъ, изданныхъ товариществомъ «Общественная польза» и одобренныхъ комитетомъ грамотности, — тоже. Собственно учебныхъ книгъ, читальниковъ для школъ, которые могли бы быть признаны удовлетворительными, можно сказать вовсе нѣтъ. Изъ большихъ читальниковъ въ нашихъ школахъ въ ходу «Книга для чтенія», изданная виленскимъ учебнымъ округомъ и «Пчела» Щербины. Но достаточно прочесть прекрасную рецензію г. Водовозова на первую книгу въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1864 г. и сравнить основанія, по которымъ г. Водовозовъ предлагалъ составить не одну общую для всѣхъ разнообразныхъ мѣстъ Россіи книгу для чтенія въ школахъ, а читальники, приноровленные къ каждой мѣстности, посредствомъ постепеннаго перехода отъ мѣстнаго къ общему, сравнить съ исполненіемъ обѣихъ упомянутыхъ книгъ для чтенія, — чтобы видѣть, что къ такому важному дѣлу, какъ составленіе толковыхъ читальниковъ, вовсе и не приступлено сколько-нибудь серьезно. Весьма любопытно, что никто изъ лицъ, которыя спеціально изучали дѣло народнаго образованія и доказали свою способность къ составленію учебниковъ, какъ напр. г. Водовозовъ или г. Ушинскій не были приглашены къ составленію читальника для народныхъ школъ, а составленіемъ этимъ занялся покойный Щербина. Пособій для нагляднаго обученія, кромѣ картинъ изъ священной исторіи, картинъ изъ русской исторіи г. Золотова, — не во всемъ удачныхъ, — и дорогого «Лѣта» г. Семенова, у насъ тоже нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ. И въ томъ, что́ есть, вовсе не приложено начало локализаціи, такъ необходимое въ наглядномъ обученіи. Намъ когда-то случилось въ одной изъ школъ внутренней Россіи видѣть наглядное обученіе первоначальной географіи по учебнику, изданному для Петербурга и его окрестностей, по картамъ и картинкамъ, изображающимъ то, что́ окружаетъ ученика петербургскаго, а отнюдь не орловскаго. То же слѣдуетъ сказать и о всѣхъ нашихъ пособіяхъ для нагляднаго обученія, если не о всѣхъ пособіяхъ элементарнаго обученія. На стѣнѣ школы въ степной полосѣ вы найдете картины, изображающія земледѣліе — не волами и плугомъ, но лошадью и сошкою, найдете картинку, изображающую лапотника, и т. п. Такой старательный руководитель народныхъ школъ, какъ бар. Н. А. Корфъ, предлагаетъ училищному совѣту Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, выписать для мѣстныхъ школъ «Дѣтскія пѣсни» (и игры), изданныя г. Безсоновымъ, хотя всѣ эти пѣсни записаны во внутрен-

ней, Великой Руси, и ни одна изъ нихъ не слыхана въ Новороссіи. Виленскій округъ издаетъ «Сборникъ русскихъ народныхъ гимновъ и пѣсенъ» для своихъ народныхъ школъ и наполняетъ его тоже великорусскими пѣснями. Очевидно, что чѣмъ болѣе близко извѣстное пособіе, а особенно имѣющее художественный характеръ, чѣмъ болѣе приспособлено оно къ одной мѣстности, тѣмъ менѣе оно годится для другой; чѣмъ болѣе пѣсни г. Безсонова или картина г. Семенова приспособлена къ Московской губерніи, тѣмъ дальше она отъ Екатеринославской.

Основное начало новой педагогики, особенно нагляднаго обученія—восходить отъ близкаго къ далекому; потому странно—наглядно обучать сельскаго крестьянскаго мальчика по картинкамъ, изображающимъ жизнь «скромнаго Пьерра», имѣющаго гувернантку и живущаго въ папашиномъ домѣ на Литейной, и наоборотъ. Нельзя виленскаго, кіевскаго, екатеринославскаго мальчика учить по тѣмъ картинкамъ, разсказамъ, пѣснямъ, которыя изданы для московскаго, калужскаго или орловскаго, и наоборотъ. Въ концѣ концовъ нужно, чтобъ скромный Пьерръ познакомился съ обстановкою быта сельскаго мальчика, виленскій ученикъ съ бытомъ московскаго и обратно, — все должно свестись къ общему,—но началомъ должно быть частное и близкое, иначе наглядно-художественный элементъ въ обученіи не имѣетъ никакого смысла. Лучше ужъ прямо начинать съ общаго, хотя и отвлеченнаго, чѣмъ съ образнаго, но далекаго. Очевидно, что указанныя странности происходятъ отъ того, что учебныя пособія у насъ или составляются только въ Петербургѣ и Москвѣ, или коекакъ, подражательно и безъ всякой самостоятельной мысли. Очевидно также, что вполнѣ удовлетворительныя для каждой мѣстности учебныя пособія, какія проектировали наши лучшіе педагоги, появятся у насъ только тогда, когда въ провинціяхъ заведутся педагогическія семинаріи и начнется серьёзная разработка способовъ народнаго образованія. А это, кажется, останется еще надолго pia desideria.

Такимъ образомъ, если посмотримъ, что усвоилось и вошло въ жизнь изъ проектированнаго нашей педагогической литературой и учебнымъ вѣдомствомъ въ 1859—63 г., то окажется очень немного. Забыто съ тѣхъ поръ гораздо больше. Но въ то время не только литература и учебное вѣдомство довольно усердно работали надъ дѣломъ народнаго образованія, но и общество. Вопросъ объ общественномъ починѣ въ народномъ образованіи не былъ тогда только теоретическимъ вопросомъ. Пока учебное вѣдомство занято было составленіемъ проектовъ, собираніемъ свѣдѣній, подготовкой руководителей дѣла, мыслящая часть общества принялась на практикѣ за народное образованіе. Въ то время въ образованныхъ кружкахъ была въ ходу мысль, что образованное общество наше сильно обязано на-

роду, на счетъ прямыхъ и косвенныхъ податей котораго организовано все наше учебное вѣдомство, а потому обязано хотя отчасти отплатить народу за свое высшее образованіе его низшимъ образованіемъ. Послѣдствіемъ этой мысли было учрежденіе, почти повсемѣстное, воскресныхъ школъ, во многихъ мѣстахъ безплатныхъ ежедневныхъ школъ, опытовъ, въ родѣ школы въ Ясной Полянѣ, литературныхъ чтеній и лекцій для народа, читалень и т. п. Въ наше, болѣе холодное время многое изъ того, что дѣлалось еще такъ недавно, — когда студенты, чиновники, свѣтскія дамы стояли съ подвижными буквами передъ грязноватыми мальчишками и дѣвочками, когда плотникъ, съ просѣдью въ бородѣ, сидѣлъ рядомъ съ ребенкомъ за складами, — когда извѣстный русскій писатель и графъ переходилъ отъ игръ съ деревенскими дѣтьми къ обученію, старался воспользоваться съ педагогическою цѣлью сказками, разсказываемыми этими мальчиками, находя, что народный учитель можетъ кое-чему научиться у собственныхъ учениковъ, — въ наше, болѣе разсудительное время, говоримъ мы, многое изъ поименованнаго сейчасъ покажется страннымъ и можетъ-быть даже смѣшнымъ или подозрительнымъ. Alia tempora! Быть можетъ и дѣйствительно въ тогдашнемъ педагогическомъ увлеченіи было много непрочнаго. Но надо наконецъ отдать ему и справедливость; надо вспомнить, что это была первая общественная попытка послужить дѣлу первостепенной важности, попытка, мысль которой зародилась въ самомъ обществѣ и исполнялась его первыми представившимися средствами. Надо вспомнить, что въ то время было еще меньше, чѣмъ теперь, народныхъ учителей по профессіи, не было училищныхъ совѣтовъ, отъ правительства вовсе почти не отпускалось средствъ на народное образованіе. Учителя тогдашнихъ частныхъ школъ, особенно воскресныхъ, были первые, которые приложили на дѣлѣ звуковой методъ, нашли частныя средства для поддержанія школъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Люди состоятельные, городскія думы стали мало-по-малу давать періодически средства на поддержку этихъ школъ. Практика лучшихъ методовъ обученія, о которыхъ у насъ прежде и слуху не было, возбудила педагогическіе вопросы, обсуждавшіеся и въ литературѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, пересмотрѣвъ тогдашніе журналы, особенно «Ж. Мин. Нар. Просв.». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составлены были проекты обществъ грамотности. Не съ бо́льшими средствами и опытностію начало, лѣтъ 60 тому назадъ, свою дѣятельность британское школьное общество, которое въ настоящее время содержитъ до 30 тысячъ воскресныхъ школъ и столько же ежедневныхъ. Кто знаетъ, быть можетъ и у насъ образовалось бы нѣчто подобное! Но не такую нить выткали нашему школьному движенію безжалостныя Парки. Петербургскіе пожары 1862 г., революціонныя прокламаціи, открытіе въ

двухъ петербургскихъ воскресныхъ школахъ слѣдовъ соціалистической пропаганды повело за собою *временное* закрытіе воскресныхъ школъ и подходящихъ къ нимъ частныхъ безплатныхъ школъ во всей Россіи, впредь до составленія обстоятельныхъ правилъ для надзора за ними. Всѣ считали пріостановленіе воскресныхъ школъ дѣломъ временнымъ. Въ такомъ смыслѣ выражались и всѣ органы нашей печати. Но это временное отсутствіе частныхъ безплатныхъ школъ превратилось въ долговременное. А недавно почти всѣ органы печати, со словъ виленскаго исторіографа, г. Ратча, провозгласили прежнее школьное движеніе дѣломъ «панургова стада»—хотя, какъ было разъяснено въ въ прошломъ году «С.-Петербургскими Вѣдомостями» на основаніи показаній, сообщенныхъ оффиціальными изданіями Западнаго Края, воскресныя школы въ этомъ краѣ были основаны именно какъ противодѣйствіе польскимъ школамъ,—и хотя въ провинціальныхъ городахъ учредители и преподаватели въ воскресныхъ школахъ были бо́льшею частью не только не слыхавшіе слова о польской интригѣ, но даже и не принадлежавшіе къ заподозрѣнной тогда университетской молодежи.

Скоро наше общество и печать занялись усиленнымъ изысканіемъ враговъ отечества и агентовъ всемірной революціи, поджигателей. До школъ ли намъ было и подвижныхъ буквъ, когда мы занялись такими важными вопросами [1]). Ни одно изъ предполагавшихся обществъ грамотности или не состоялось, или не было разрѣшено; дѣятельность комитета грамотности стала почти неслышна, педаго-

---

[1]) Насколько важны были на самомъ дѣлѣ тогдашнія занятія печати, можно видѣть изъ того, что «Московскія Вѣдомости», которыя въ 1862—66 годахъ пугали своихъ читателей агентами всемірной революціи и особенно Тульчинскимъ гнѣздомъ ея, теперь смѣются надъ самымъ терминомъ «всемірная революція» и называютъ его изобрѣтеніемъ «Вѣсти», которая пугаетъ общество этимъ призракомъ для остановки противныхъ ей реформъ настоящаго царствованія. Тульчинскій же революціонеръ, г. Кельсіевъ, оказался человѣкомъ совершенно смирнымъ и даже писалъ, подъ псевдонимомъ, статьи для «Русскаго Вѣстника» какъ разъ въ то самое время, когда «Московскія Вѣдомости» пугали всѣхъ «Тульчинскою агенціей». По собственнымъ разсказамъ г. Кельсіева, онъ въ то время занимался больше всего разговорами съ разными бѣглыми о величіи Россіи, а газета «Голосъ» (№ 197) окончательно объяснила намъ, наконецъ, кто такой г. Кельсіевъ. Корреспондентъ ея изъ Константинополя пишетъ въ «Голосъ», отъ 8-іюня, о своемъ разговорѣ съ однимъ некрасовцемъ, Гончаровымъ: «Къ намъ подошелъ—пишетъ корреспондентъ — одинъ знакомый, которому я и представилъ Гончара, какъ казака-баши.—«Ошибаетесь; я не казакъ-баши, а просто себѣ Гончаръ, сказалъ онъ: а казака-баши у насъ болѣе нѣтъ; уничтожили казачину: зачѣмъ же теперь баши имѣть?»—«А Кельсіевъ?» спросилъ мой знакомый.—«Это въ книгѣ-то его прописано; читалъ, батюшка, читалъ и удивляюсь, какъ это можно пустяки говорить, когда издалека приходятъ. Никогда онъ не былъ у насъ казакъ-баши, никогда! пріѣзжалъ въ Тульчу дѣтей у насъ учить по-русски, да не вычилъ. Какія-то красныя рубахи намъ понашивалъ, да не въ прокъ пошли...»

гическіе журналы стали тоще содержаніемъ, одинъ даже совсѣмъ прекратился. Увлеченіе народной школой кончилось.

Послѣ 1864 г. единственнымъ результатомъ прежняго движенія въ пользу народнаго образованія осталось «Положеніе о народныхъ училищахъ»,—объ отношеніи котораго къ прежнему движенію мы уже говорили. Единственною сферою, гдѣ толковали о народномъ образованіи—были земскія собранія. Здѣсь, правда, очень часто раздавались голоса Кифъ Мокіевичей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ губернскія земскія собранія стали посѣщаться только «избранниками изъ избранниковъ»; иныя земскія собранія отнеслись къ дѣлу, какъ московское, т. е. три раза объявляли вопросъ открытымъ и оставляли его такимъ до слѣдующаго года безъ всякаго практическаго шага впередъ. Но были земскія собранія, которыя отнеслись къ дѣлу вполнѣ искренно и съ полнымъ желаніемъ двинуть его впередъ (самарское, черниговское, рязанское, вятское, херсонское и др.). Дѣйствительную помощь земскихъ собраній народному образованію можно подвести подъ двѣ категоріи: 1) отпускъ извѣстной суммы въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ въ помощь существующимъ школамъ и 2) опредѣленіе суммы на учрежденіе педагогическихъ семинарій. Иногда земство, сознавая трудность осуществленія послѣдняго плана, думало замѣнить педагогическія семинаріи учительскими стипендіями при уѣздныхъ училищахъ, и учительскими классами при нихъ. Безъ сомнѣнія, что отпускъ суммъ въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ на поддержаніе существующихъ школъ можетъ принести во многихъ случаяхъ существеннѣйшую помощь народному образованію: уже существующія школы нужно снабдить сколько-нибудь порядочными учебными пособіями, нужно поддержать сравнительно удовлетворительныя школы, бывшія въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Но помощь существенная можетъ быть оказана только при достаточной энергіи училищныхъ совѣтовъ; иначе вспомогательныя суммы попадутъ въ руки тѣхъ, у кого школы оказываются существующими только на бумагѣ. Опасенія подобнаго исхода земскихъ пожертвованій и заставили нѣкоторыя земскія собранія отказаться отъ всякаго дѣятельнаго вспомоществованія народнымъ школамъ, пока не будутъ открыты педагогическія семинаріи. Опасность совершенно непроизводительной траты земскихъ денегъ, при выдачѣ пособій школамъ, существуетъ въ особенности относительно школъ, числящихся по духовному вѣдомству. Изъ заявленій въ земскихъ собраніяхъ, изъ заявленій печати, чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, наконецъ многихъ лицъ изъ самого духовенства видно, что преподаваніе въ школахъ, находящихся въ вѣдѣніи духовныхъ лицъ, идетъ очень не блестяще, потому что священники далеко не всѣ готовили себя въ педагоги, да и заняты своими прямыми обязанностями; обученіе же по большей части

или поручено причетникамъ, или числится только на бумагѣ. Между тѣмъ, распоряженіями, о которыхъ будетъ сказано послѣ, всякое «вмѣшательство въ учебную часть школъ, находящихся въ рукахъ духовныхъ, строго воспрещено для лицъ не-духовнаго вѣдомства.» Такимъ образомъ земству предоставлено давать деньги и не разсуждать и не повѣрять, кому оно даетъ ихъ. Примѣръ дѣятельности александровскаго училищнаго совѣта въ Екатеринославской губерніи показываетъ, что и теперь училищные совѣты могутъ сдѣлать не мало,—но для этого нужна и энергія, какую показываетъ членъ его, баронъ Н. А. Корфъ. Самъ баронъ Корфъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, между прочимъ въ 162 № «Спб. Вѣдомостей» за этотъ годъ, высказываетъ, что заботиться о преуспѣяніи и открытіи народныхъ школъ, безъ учрежденія учительскихъ семинарій, значитъ строить зданіе безъ фундамента. Поэтому, изъ всѣхъ предположеній земскихъ собраній въ пользу народнаго образованія самыми цѣлесообразными могутъ быть названы, конечно, ходатайства объ открытіи учительскихъ семинарій и назначеніе для этого суммъ. Много такихъ ходатайствъ было представлено земскими собраніями особенно въ теченіе 1865 года.

Въ 1866 г., въ началѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія было составлено предположеніе объ открытіи 15-ти учительскихъ семинарій въ губерніяхъ, гдѣ введено земское положеніе, для чего и было испрошено около 150,000 р. Еще въ 1865 г. министерство, съ высочайшаго соизволенія опредѣлило 500 р. въ помощь школѣ сельскихъ учительницъ, основанной комитетомъ грамотности. Но въ это время послѣдовала перемѣна лица, завѣдывавшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ сентябрѣ 1866 г. школа, основанная комитетомъ грамотности, была закрыта «по обстоятельствамъ, отъ комитета не зависящимъ».

Въ январѣ 1867 г. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» заявилъ, что новое министерство полагаетъ, что учрежденіе педагогическихъ семинарій въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія имѣло бы самыя гибельныя послѣдствія, устранивъ отъ народнаго образованія духовенство и такимъ образомъ лишивъ его религіозно-нравственнаго характера. По мнѣнію упомянутой статьи оффиціальнаго журнала, приготовленіе учителей народныхъ должно быть всецѣло предоставлено православному духовенству, министерство же и земство въ этомъ отношеніи должны ограничиться только доставленіемъ духовенству средствъ на открытіе школъ. Вмѣсто предполагавшихся прежде общихъ мѣръ, какъ напр. открытіе повсемѣстно педагогическихъ школъ для приготовленія постоянныхъ учителей, статья оффиціальнаго журнала указываетъ на то, что нѣкоторые архіереи распорядились о томъ, чтобы обучавшіеся въ семинаріяхъ назначались на мѣста священно-и церковно-служителей не иначе, какъ про-

бывши нѣкоторое время учителями въ народныхъ школахъ. Впрочемъ въ слѣдующей статьѣ (№ 3) оффиціальнаго журнала заявлено было, что министерство, независимо отъ церковно-приходскихъ школъ, открываемыхъ духовенствомъ, предполагаетъ въ центральныхъ мѣстностяхъ учредить нормальныя школы, двуклассныя, изъ воспитанниковъ которыхъ могутъ быть приготовляемы учителя, которые бы помогали священникамъ въ обученіи. Весьма любопытно, что въ то время, когда въ руководящихъ статьяхъ «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» высказывались такія заключенія и предположенія, въ отдѣлѣ извѣстій въ томъ же журналѣ постоянно печатались заявленія различныхъ лицъ, въ томъ числѣ чиновниковъ министерства и лицъ духовныхъ, въ томъ смыслѣ, что священники, и особенно церковно-служители, не въ состояніи, по недостатку ни времени, ни подготовки, исполнять обязанности учителей, что «необходимы училища, для приготовленія *особыхъ* учителей и ихъ помощниковъ». Интересный сводъ такихъ заявленій, извлеченныхъ изъ «Ж. М. Н. Просвѣщенія», можно найти въ статьѣ бар. Н. А. Корфа «Земскія учительскія семинаріи» (въ 162 № «Спб. Вѣдом.»). Въ вышеприведенномъ смыслѣ высказалась дирекція училищъ Витебской губерніи, Бессарабской области, Гродненская (въ которой изъ 327 училищъ 136 найдено неудовлетворительными), инспекторъ чувашскихъ школъ въ Казанской губерніи, Полтавскій губернскій училищный совѣтъ, находящійся подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея, Царево-кокшайскій штатный смотритель, предсѣдатель Усманскаго училищнаго совѣта протоіерей Никольскій и др. Что касается до временнаго исправленія должности народнаго учителя кандидатами на мѣста священно-и церковно-служителей, то, во-первыхъ, временный учитель, конечно, не то, что постоянный; во-вторыхъ, въ церковно-служители поступаютъ лица, которыя, по неуспѣшности, не могли окончить курса въ семинаріи, а потому и не могутъ быть хорошими учителями. Въ довершеніе, сокращеніе комплекта учениковъ въ духовныхъ семинаріяхъ, произведенное по новому уставу,— сократитъ сильно число лицъ, которые поджидаютъ открытія вакансій на священническія мѣста: разсчетъ «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» о большомъ числѣ окончившихъ курсъ семинаристовъ, которые ожидаютъ вакансій, сдѣланъ по старому комплекту; наконецъ, недавно обнародованный законъ, предоставляющій лицамъ духовнаго званія право службы, совершенно опустошитъ ожидаемые «Ж. М. Народн. Просвѣщенія» запасы народныхъ учителей изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Воспитанники двуклассныхъ нормальныхъ училищъ не могутъ, конечно, замѣнить учителей, подготовленныхъ въ спеціальной учительской семинаріи: много-много, если они будутъ въ состояніи быть помощниками учителей. Такимъ образомъ предположенія «Ж. М. Нар. Просвѣщенія» отъ 1867 г. далеко не замѣняютъ предположеній многихъ зем-

скихъ собраній, заявленныхъ въ 1865 г., и министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 1866 г. Но и эти предположенія еще не были приведены въ исполненіе: такъ, не были еще учреждены ни обѣщанныя инспекціи народныхъ школъ, ни нормальныя школы. Инспекторы народныхъ училищъ въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить учительскія семинаріи, наставляя и руководя теперешній неопытный и рутинерскій составъ народныхъ учителей въ употребленіи болѣе раціональныхъ методовъ обученія. Пока, кое-гдѣ, могли бы помогать въ этомъ отношеніи и теперешніе чиновники министерства народнаго просвѣщенія, между которыми конечно есть лица, знакомыя съ нуждами и способами народнаго образованія, какъ напр. нѣкоторые директоры училищъ и даже уѣздные штатные смотрители. Но оффиціальная статья министерскаго журнала категорически не одобрила «всякаго прикосновенія со стороны лицъ учебнаго вѣдомства» къ школамъ церковно-приходскимъ. Въ тоже время послѣдовалъ въ такомъ же родѣ циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ, особенно мировымъ посредникамъ и земскимъ управамъ, — циркуляръ, содержаніе котораго и вліяніе разсказано и довольно хорошо объяснено въ книгѣ г. Кошелева «Голосъ изъ земства». Циркуляръ этотъ долженъ былъ поставить лицъ, близко стоящихъ къ народу, въ большое недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что прежде и послѣ министерство же внутреннихъ дѣлъ приглашало ихъ оказывать духовенству пособіе въ заведеніи школъ и склонять къ тому, и къ посылкѣ дѣтей въ школы, крестьянъ. Въ печати и въ земскихъ собраніяхъ много разъ было заявлено, что во многихъ церковно-приходскихъ школахъ обучаютъ полуграмотные дьячки, что мальчики зачастую сидятъ по нѣскольку дней безъ ученья и даже употребляются на работы во дворѣ и на огородѣ священниковъ и церковно-служителей. Мировой посредникъ или членъ земской управы обязанъ склонять крестьянъ посылать дѣтей въ такого рода школу, выдавать ей пособіе,—а если крестьяне ему заявляютъ о состояніи въ ней обученія, онъ не имѣетъ права ни провѣрять справедливость заявленія, ни сообщать, куда слѣдуетъ, о состояніи обученія въ школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока церковно-приходскія школы останутся въ такой мѣрѣ неприкосновенными для критики, въ какое ставитъ ихъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ и статья «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», до тѣхъ поръ циркуляры о пособіи дѣлу народнаго образованія и даже учрежденіе инспекторовъ народныхъ школъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ земства,—т. е., напр., въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ особенно много числится церковно-приходскихъ школъ,—останутся совершенно безъ вліянія на значительную долю школъ. Рутина и безпечность будутъ продолжать свое царство въ такихъ школахъ еще долго.

Въ такое положеніе пришелъ вопросъ о народномъ образованіи въ 1866—67 году. Немногіе голоса продолжали говорить о шаткости надеждъ, возлагаемыхъ исключительно на духовное вѣдомство и на нѣкоторыхъ архіереевъ, которые рѣшились давать мѣста священно-церковно-служителей не иначе, какъ послѣ пробытія кандидатами нѣкотораго времени въ должности народнаго учителя. Изъ журналовъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Вѣстникъ Европы» нѣсколько разъ, хотя коротко, высказывались въ такомъ смыслѣ. «Московскія Вѣдомости» и «Вѣсть», назвавшая въ 1865 году редактора «Московскихъ Вѣдомостей» царемъ русской печати, вполнѣ одобрили систему и надежды, изложенныя въ 1 № «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1867 годъ.

«Московскія Вѣдомости» видѣли въ желаніи прежняго министерства учредить учительскія семинаріи и открывать народныя школы «антагонизмъ противъ духовенства», — «борьбу государства, начала регламентаціи,—противъ церкви, начала свободы». Такъ выражались они въ 1863 году, по поводу учрежденія въ Кіевѣ временной педагогической школы и хода народнаго образованія въ югозападномъ краѣ. Послѣ они уже объясняли свое противодѣйствіе учительскимъ семинаріямъ опасеніемъ вторженія въ народное образованіе нигилизма (начала регламентаціи?). Съ 1868 года «Московскія Вѣдомости», хотя и нѣсколько робко, стали заговаривать, что такъ какъ теперь уже нигилизмъ подавленъ и опасаться его вторженія въ народное образованіе нечего, то нечего бояться открытія педагогическихъ семинарій, что діэта хороша, пока болѣзнь существуетъ, но продолжая держать на діэтѣ выздоровѣвшаго, можно уморить его паче болѣзни, что разсчитывать на духовныхъ, отвлекаемыхъ отъ школы другими обязанностями, ошибочно и что дѣло народнаго образованія до тѣхъ поръ не станетъ у насъ на ноги, пока оно не будетъ въ рукахъ спеціально-подготовленныхъ и исключительно имъ занятыхъ учителей. Въ такомъ родѣ голоса опять стали подниматься въ земскихъ собраніяхъ, между прочимъ и въ московскомъ, которое, впрочемъ, къ практическимъ мѣрамъ не приступило. Очень вѣрно указана несостоятельность нынѣшней системы народнаго обученія и въ упомянутой книгѣ г. Кошелева. Даже газета «Москва», органъ партіи, которая всегда стояла за предоставленіе образованія народа духовнымъ, въ статьяхъ объ усиленіи раскола, ставила главною причиной послѣдняго небрежность духовенства къ наставленію народа. Однимъ словомъ, сознаніе необходимости болѣе рѣшительнаго образованія со стороны министерства народнаго просвѣщенія, бо́льшаго простора для земства въ этомъ отношеніи и учрежденія учительскихъ семинарій стало болѣе или менѣе общимъ, хотя и не очень энергически выраженнымъ. Впрочемъ, большой энер-

гіи ожидать и нечего, такъ какъ прежде бывшіе примѣры значительно ее охладили.

Отвѣтомъ на начинающія подниматься требованія въ дѣлѣ народнаго образованія явилось представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, удостоившееся 12-го іюня сего года высочайшаго утвержденія. Къ нему мы и обратимся.

Новыя мѣры относятся къ 33-мъ губерніямъ, въ которыхъ введено земское положеніе, и къ Бессарабіи, и кромѣ того особыя мѣры приняты для югозападнаго края. Сущность мѣръ касательно народнаго образованія въ 34-хъ упомянутыхъ губерніяхъ, заключается въ слѣдующемъ: Для наблюденія за народными училищами учреждаются должности инспекторовъ этихъ училищъ по одному на каждую губернію, съ 1,500 руб. окладомъ содержанія. Обязанности ихъ должны быть опредѣлены въ *особой инструкціи*, которая составляется министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и представляется на высочайшее утвержденіе черезъ комитетъ министровъ. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, не выходя изъ размѣра общей, ассигнуемой въ его распоряженіе суммы на народныя училища: а) открывать въ значительнѣйшихъ селеніяхъ образцовыя училища, предпочтительно одноклассныя и частію двуклассныя, избирая для сего селенія, въ коихъ состоятся приговоры сельскихъ обществъ о безвозмездной уступкѣ изъ общественнаго надѣла земли подъ устройство дома для училища и о принятіи на свой счетъ ремонта, отопленія и освѣщенія училищныхъ домовъ и содержанія прислуги; б) снабжать лучшія вообще народныя училища учебными пособіями и поощрять денежными выдачами лицъ, отличающихся по народному образованію; в) выдавать стипендіи въ размѣрѣ до 100 руб. тѣмъ изъ предназначенныхъ въ священно-служители, окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, которые будутъ избраны земствомъ или обществами на учительскія должности въ содержимыхъ на ихъ счетъ начальныхъ народныхъ училищахъ, и г) поддерживать пособіями, предпочтительно временными, училища содержимыя духовнымъ вѣдомствомъ, земствомъ, сельскими обществами или частными лицами. Для осуществленія вышеозначенныхъ мѣропріятій, съ будущаго 1870 года повелѣно вносить въ смѣты министерства, сверхъ суммъ, ассигнованныхъ по дѣйствующей смѣтѣ того же министерства на народныя училища, по 306,000 р. ежегодно, а именно: а) на содержаніе 34 инспекторовъ, по 1,500 р. каждому, — 51,000 р.; б) на разъѣзды имъ, по 500 р.,—17,000 р.; в) на содержаніе двуклассныхъ образцовыхъ училищъ, полагая по 1,000 р. на каждое,—34,000 р.; г) на содержаніе одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, полагая по 226 р. на каждое, — 34,000 р.; д) на учебныя пособія и на поощренія народнымъ вообще

училищамъ, по 2,000 р. на губернію,—68,000 р.; е) на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ, по 1,500 р. на губернію — 51,000 р., и ж) на поддержаніе училищъ, содержимыхъ духовенствомъ, земствомъ, обществами и частными лицами, по 1,500 р. на губернію—51,000 р. Въ текущемъ году повелѣно отпустить министерству 202,000 р., въ томъ числѣ 100,000 р. на постройку домовъ и первоначальное обзаведеніе вновь открываемыхъ образцовыхъ народныхъ училищъ и 102,000 р. по разсчету съ 1-го сентября сего года на содержаніе училищъ и прочіе вышеозначенные расходы.

Всмотрѣвшись внимательно въ изложенныя мѣры, нельзя не замѣтить, что онѣ не отступаютъ отъ основаній и предположеній, заявленныхъ въ 1867 году «Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Пока неизвѣстна еще инструкція для инспекторовъ народныхъ училищъ, пока не видно еще осуществленія изложенныхъ мѣръ на практикѣ, до тѣхъ поръ трудно произнести рѣшительное мнѣніе о характерѣ новыхъ мѣръ по народному просвѣщенію [1]). Неизвѣстно, въ какія отношенія будутъ поставлены инспекторы къ церковно-приходскимъ школамъ. Не видно также, сохранится ли для учрежденія образцовой школы въ силѣ прежде заявленное министерствомъ народнаго просвѣщенія правило, по которому народныя школы вѣдѣнія министерства могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ послѣ удостовѣренія отъ духовнаго вѣдомства, что къ тому препятствій со стороны послѣдняго не имѣется. Но распредѣленіе общей суммы, назначенной министерству по статьямъ,—даетъ возможность уже и теперь составить приблизительное понятіе о значеніи вышеизложенныхъ мѣръ. Двуклассныхъ образцовыхъ училищъ будетъ только 34, по одному на губернію,—такъ что значеніе ихъ, какъ образцовыхъ, будетъ не очень широко. Одноклассныхъ же образцовыхъ будетъ 150, т. е. меньше чѣмъ по 5-ти на губернію, — слѣдовательно, тоже образцы будутъ имѣть передъ собою только немногія мѣстности (на три югозападныя губерніи будетъ 132 такихъ школы). Такимъ образомъ число школъ, которыя будутъ находиться въ непосредственномъ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ весьма незначительно. Неизвѣстно, въ какія отношенія будутъ поставлены и эти образцовыя училища къ школамъ церковно-приходскимъ. Образцовыя училища тогда

---

[1]) Весьма важно, какія лица будутъ назначены въ должности инспекторовъ народныхъ школъ. Должности эти во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе, чѣмъ инспекторовъ гимназій и, конечно, между учителями послѣднихъ охотники на мѣста инспекторовъ школъ найдутся. Будутъ ли должности инспекторовъ школъ замѣщаться, какъ мѣста инспекторовъ и директоровъ гимназій, по выслугѣ лѣтъ? Не обратились бы онѣ тогда въ разъѣздныя синекуры, какъ обратились въ сидячія синекуры мѣста директоровъ гимназій, при которыхъ нѣтъ даже такой хоть канцелярской работы, какую несутъ еще дирекціи училищъ.

только могутъ быть дѣйствительными образцами для другихъ, когда ихъ будетъ больше и когда не-образцовыя будутъ находиться въ нѣкоторомъ филіальномъ къ нимъ отношеніи, которое выражалось бы руководствомъ ихъ преподавателей учителями образцовыхъ училищъ. Гораздо больше средствъ, чѣмъ оставило въ своемъ вѣдѣніи министерство, назначено для другихъ вѣдомствъ, особенно для духовнаго. Такъ 1,500 р. на губернію (51,000 р.) отчислено на стипендіи учителямъ изъ семинаристовъ,—тогда какъ на содержаніе одноклассныхъ образцовыхъ училищъ назначено только по 1,000 р. на губернію [1]). Другой пунктъ д) отчисляетъ на учебныя пособія и на поощреніе народнымъ *вообще* училищамъ, по 2,000 р. на губернію (68,000 р.), т. е. училищамъ, содержимымъ посторонними министерству вѣдомствами, или какъ сказано выше, на «поощреніе денежными выдачами *лицъ*, отличающихся по народному образованію». А такъ какъ на практикѣ и по словамъ министерства больше всего изъ школъ числится и будетъ числиться церковно-приходскихъ, т. е. значительнѣйшая часть изъ этой суммы отойдетъ *лицамъ* духовнаго вѣдомства. Наконецъ, послѣдній пунктъ отчисляетъ по 1,500 руб. на губернію (51,000 р.) на поддержаніе училищъ (на этотъ разъ уже не лицъ), содержимыхъ *духовенствомъ*, земствомъ, обществами и частными лицами. Такимъ образомъ, особенно, если исключить расходъ на содержаніе и разъѣзды инспекторовъ народныхъ школъ, отпущенная министерству народнаго образованія сумма будетъ получена не столько министерствомъ, для открытія новыхъ школъ, сколько духовнымъ вѣдомствомъ и лицами этого вѣдомства, при посредствѣ министерства народнаго просвѣщенія. О томъ, какое вѣдомство израсходуетъ деньги, назначенныя на народное образованіе, нечего бы было и говорить, если бы, какъ объяснено выше, такое множество самыхъ различныхъ лицъ не засвидѣтельствовали о неудовлетворительномъ состояніи народнаго образованія въ рукахъ лицъ духовнаго вѣдомства.

Въ заключеніе о новыхъ постановленіяхъ по народному образованію въ 34-хъ губерніяхъ слѣдуетъ прибавить, что, по нимъ, все-таки не предположено открыть ни одной спеціальной школы для приготовленія народныхъ учителей. Значитъ, говоря словами «Московскихъ Вѣдомостей», діэта, вызванная нигилистической эпидеміей, все еще признается необходимою, несмотря на то, что такіе компетентные врачи считаютъ ее уже лишней. Новыя постановленія считаютъ возможнымъ обойтись безъ спеціально подготовленныхъ учителей въ народныхъ школахъ 33-хъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ «Положеніе о земскихъ учреж-

---

[1]) Неизвѣстно, будетъ ли стипендія выдаваться и тогда, когда семинаристъ будетъ учителемъ въ образцовой школѣ, т. е. будетъ получать содержанія 226 р. Тогда учитель не изъ семинаристовъ будетъ получать меньше за ту же работу, что и учитель изъ семинаристовъ. Если нѣтъ, — тогда эта статья есть только новый видъ пособія школамъ, содержимымъ духовенствомъ.

деніяхъ» и въ Бессарабской области, несмотря на то, что учительская семинарія признана необходимой въ сѣверозападномъ краѣ, гдѣ и существуетъ съ 1864 года въ Молодечнѣ, и несмотря на то, что другимъ представленіемъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ того же 12-го іюня, предположена къ открытію учительская семинарія въ юго-западномъ краѣ. Такимъ образомъ только западныя губерніи будутъ имѣть правильную систему подготовки народныхъ учителей, между тѣмъ какъ тамъ семинаристовъ не меньше, если не больше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Учительской семинаріи не будетъ даже въ Бессарабіи, гдѣ населеніе не-русское и гдѣ слѣдовательно особенно трудно найти удовлетворительныхъ народныхъ учителей [1]). Отчего такое несоотвѣтствіе въ мѣрахъ, исходящихъ изъ одного и того же вѣдомства?

Мы упомянули о представленіи министра народнаго просвѣщенія касательно народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ, утвержденномъ въ одинъ день съ представленіемъ «о нѣкоторыхъ мѣрахъ по народному образованію въ 33-хъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ земское положеніе и въ Бессарабіи». Но мы не коснемся теперь положенія народнаго образованія въ западномъ краѣ: тамъ оно представляло и представляетъ нѣкоторыя оригинальныя особенности, о которыхъ мы поговоримъ особо.

Н. В—ій.

ПО ПОВОДУ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ *).

(Письмо въ Редакцію).

Въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы», въ статьѣ г. Клауса: «Духовенство и школы», между прочимъ упомянуто объ объявленіи начальника Ставропольской губерніи, по поводу самовольныхъ переселеній, и авторъ статьи, указывая на то, что послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія и покоренія Кавказа образовались большія территоріи пустопорожнихъ земель, — приходитъ къ заключенію, что ставропольскому начальству едва ли извѣстны состоящія въ его вѣдѣніи

---

[1]) Частная учительская семинарія есть на Кавказѣ,—основанная миссіонерскимъ обществомъ.

*) Настоящее письмо сообщено намъ начальникомъ Ставропольской губерніи Г. К. Властовымъ. — *Ред.*

земельныя угодья и какое число переселенцевъ можетъ быть принято на каждый участокъ.

Недоразумѣнія подобныя настоящему возникаютъ постоянно и требуютъ категорическаго разъясненія вопроса. Такъ недавно лица, интересовавшіяся поселеніемъ чеховъ, обратились ко мнѣ для указанія пустопорожнихъ мѣстъ подъ поселеніе.

Всѣ эти недоразумѣнія возникаютъ отъ недостаточнаго знакомства съ географіей и административнымъ дѣленіемъ сѣвернаго Кавказа.

Собственно Ставропольская губернія, населенная издавна сплошною массою чистаго русскаго населенія, занимаетъ средину кавказскаго перешейка, и не прикасается нигдѣ къ Кубани. Южная граница губерніи есть линія, протянутая отъ Ставрополя къ Пятигорску, а отсюда къ селенію Новогригорьевскому на р. Кумѣ, но и въ эту границу врѣзываются земли волжскаго казачьяго полка, принадлежащія не Ставропольской губерніи а Терской области. Сѣверная часть губерніи занята кочевыми калмыками, а безводные пески отъ Кумы до Каспійскаго моря — ногаями.

Осѣдлое населеніе Ставропольской губерніи, сидящее между Манычемъ и Кумою, должно бы было имѣть по закону 15-ти-десятинный надѣлъ на душу; но увеличеніе населенія довело этотъ надѣлъ до 10, 9 и даже 8 десятинъ на душу. Общества, не имѣющія излишка земли, имѣютъ право не принимать переселенцевъ; лишь въ тѣ селенія, гдѣ количество земли болѣе законной пропорціи на душу, могутъ приписываться переселенцы безъ пріемныхъ приговоровъ. Совершенно свободныхъ участковъ въ Ставропольской губерніи нѣтъ, ибо они были бы немедленно заняты малоземельными крестьянами. Добавьте къ этому, что степи, принадлежащія кочевымъ племенамъ, безпрерывно подвергаются захвату, несмотря на то, что вода въ степяхъ горько-соленая и едва-годная для питья. Такъ недавно крестьяне Ставропольской губерніи поселились на ур. Чограсъ, среди кочевыхъ, и несмотря на возникающія между кочевыми и осѣдлыми споры за землю, администрація должна была признать это поселеніе, совершившееся вслѣдствіе усиливающейся тѣсноты населенія.

Засимъ весьма многіе смѣшиваютъ Ставропольскую губернію съ областями Кубанскою и Терскою, и съ Черноморскимъ округомъ, имѣющими совершенно отдѣльныя администраціи, и даже принадлежащія отдѣльному вѣдомству (военному).

Поэтому никакъ нельзя думать, что въ Ставропольской губерніи образовывались пустопорожнія мѣста отъ ушедшихъ въ Турцію татаръ, и что покореніе Кавказа могло открыть новыя земли для поселенцевъ. Всѣ эти предположенія относятся преимущественно къ Кубанской области и къ Черноморскому прибережью, не входящимъ въ составъ губерніи, но и тамъ, сколько намъ извѣстно, поселеніе идетъ весьма

успѣшно, и весьма скоро, за надѣломъ казаковъ и поселенцевъ, не будетъ свободной земли.

Вообще говоря, странно думать, что заселеніе какой либо пустынной мѣстности можетъ встрѣтить препятствіе отъ администраціи. На практикѣ обыкновенно пустынныя мѣста захватываются совершенно самовольно, и администрація совершенно *безсильна* остановить захваты, если бы даже она этого хотѣла. Ей остается только регулировать поселеніе и утверждать уже сдѣланное, устраняя для переселенцевъ тѣ затрудненія, которыя возникаютъ при окончательной припискѣ въ губерніи, вслѣдствіе претензіи тѣхъ обществъ внутреннихъ губерній, откуда по большей части самовольно уходятъ переселенцы. Такъ около 15 лѣтъ тому назадъ бывшая палата государственныхъ имуществъ вела переписку о сорока тысячахъ душъ, занявшихъ мѣсто ушедшихъ въ Турцію ногаевъ, и всѣхъ ихъ причислила, оформивъ сама, посредствомъ сношеній съ подлежащими мѣстами, всѣ тѣ неправильности, которыя были допущены самовольно поселившимися.

Противодѣйствіе поселенію начинается тогда, когда плотное населеніе начинаетъ чувствовать недостатокъ земли и рѣшительно противится вторженію новыхъ лицъ въ свои дачи, опираясь притомъ на законъ, дающій ему право отказывать въ пріемныхъ приговорахъ, если въ дачѣ селенія нѣтъ излишней земли по числу душъ.

Конечно и администрація, по требованію того же населенія и съ его же помощью, не допускаетъ вторженій, имѣющихъ характеръ насилія въ чужой собственности.

Весьма можетъ быть, что Редакціи «Вѣстника Европы» не безъинтересно будетъ имѣть эти свѣдѣнія по вопросамъ о заселеніи, появляющимся на страницахъ ея уважаемаго изданія.

Г. Властовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

АВГУСТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ. *А. Стоянова.* Харьковъ. 1869.

Въ относительно-короткое время у насъ, вмѣстѣ съ судебной реформой, возникла адвокатура, какъ особая профессія. Въ ней, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, не мало хорошихъ силъ и, въ интересѣ самыхъ судовъ, желательно, чтобы такихъ силъ было еще больше и чтобы процвѣтаніе нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ всегда было въ прямомъ соотношеніи съ ихъ талантомъ, юридическою опытностію и добросовѣстнымъ веденіемъ дѣлъ. Но какое общественное значеніе пріобрѣтетъ у насъ адвокатура, суждено ли ей, въ большинствѣ ея представителей, стать доброй общественной силой, выработается ли въ средѣ ея строгое понятіе о томъ, что согласно и несогласно съ достоинствомъ ея призванія, и насколько званіе присяжнаго повѣреннаго всегда будетъ служить ручательствомъ для общества и суда въ томъ, что принятое въ корпорацію лицо и по знанію, и по честности стоитъ выше дѣльцовъ стараго добраго времени,—все это, разумѣется, покажетъ время и будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ того духа, который будетъ преобладать въ совѣтахъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ ожиданіи, что общественный характеръ этой корпораціи съ теченіемъ времени нѣсколько полнѣе опредѣлится, не лишено интереса уяснить себѣ, чѣмъ адвокатура была у другихъ историческихъ народовъ. Уясненію этого вопроса посвящена монографія г. Стоянова, начинающаго, правда, свое изслѣдованіе нѣсколько издалека. Очевидно, только желаніе представить что нибудь цѣлое заставляетъ автора начать съ историческаго обзора судебной защиты на Востокѣ. Тамъ, гдѣ гражданскій законъ не успѣлъ отдѣлиться отъ религіознаго и гдѣ самая идея суда не получила еще самостоятельнаго значенія, напрасно искать зачатковъ учрежденія, которое только въ римскомъ мірѣ пріобрѣтаетъ юридическій характеръ. Всѣ предшествующія эпохи, какіе бы образчики богато-развитой культуры онѣ ни представляли, могутъ по отношенію къ избранному авторомъ предмету привести только къ отрицательнымъ результатамъ. Намъ кажется, что не всѣ институты одинаково, если поставить себѣ задачею изслѣдованіе ихъ обще-историческаго значенія, требуютъ того, чтобы за точку отправленія брать непремѣнно Египетъ и Индію. Если вопросъ идетъ о такихъ институтахъ, которые коренятся болѣе или менѣе въ самой природѣ человѣка, какъ напр. бракъ, родительская власть, опека, имущественныя права, право наслѣдованія и т. д., или о такихъ понятіяхъ, которыя необходимо представляются уже самому неразви-

тому человѣческому сознанію и являются при всякой общественности, какъ понятія о преступленіи и о наказаніи, то само собою разумѣется, что задача научнаго изслѣдованія не можетъ ограничиваться только тѣми эпохами человѣческой исторіи, когда эти институты или понятія представляютъ уже значительную степень развитія. Въ интересѣ возможно-полнаго раскрытія всѣхъ сторонъ ихъ, авторъ долженъ будетъ прослѣдить ихъ, начиная съ первобытныхъ и самыхъ простыхъ формъ человѣческаго общежитія. Сравнительно-историческій методъ не можетъ, конечно, ограничиваться основными понятіями матеріальнаго гражданскаго или уголовнаго права. Онъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ вопросамъ общественнаго устройства. Учрежденія государственныя и судебныя въ особенности требуютъ сравнительнаго изученія, и въ отношеніи къ нимъ въ наукѣ прежде всего стали пользоваться этимъ методомъ. Но при этомъ точкой отправленія можетъ быть только такое историческое время, которому вообще не чуждо понятіе изслѣдуемаго учрежденія. Обращаться же къ тѣмъ эпохамъ, въ которыхъ вовсе не было почвы для него, едва ли слѣдуетъ. Иначе учрежденію придается ложная родословная. То, что нѣкоторые французскіе писатели, какъ напр. Мерленъ и Дюпенъ, относили начало адвокатуры ко временамъ глубокой древности, или, какъ Даллозъ, «ко временамъ почти баснословнымъ», также еще ничего не доказываетъ, потому что заниматься опроверженіемъ историческихъ мнѣній такихъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ можетъ быть весьма свѣдущихъ юристовъ, столь же полезно, какъ опровергать, положимъ, мнѣнія писателей, которые родословную любого героя производили отъ Кесаря Августа.

Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что египтяне не желали имѣть защитниковъ на судѣ, потому что рѣчи ораторовъ скорѣе затемняютъ, чѣмъ уясняютъ дѣло. Это господствующій взглядъ восточныхъ деспотій на судебную защиту. И какъ ни любопытны сами по себѣ извѣстія о судебныхъ порядкахъ, почерпнутыя авторомъ изъ новыхъ изслѣдованій о Востокѣ и въ которыхъ заключается намекъ на то, что въ исключительныхъ случаяхъ нѣчто похожее на защиту допускается на судѣ въ восточныхъ теократіяхъ, но такія исключенія только подтверждаютъ общее правило, что судебная защита немыслима тамъ, гдѣ судъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и самое знаніе законовъ составляетъ монополію жреческой касты.

Адвокатуры, въ смыслѣ особой профессіи, мы напрасно стали бы искать и въ Греціи, хотя тамъ уже признано, что судебная защита необходима въ интересѣ самаго правосудія. Защита эта и по содержанію, и по формѣ представляетъ оригинальныя черты. Несмотря на господствующую въ Аѳинахъ страсть къ процессамъ, осмѣянную Аристофаномъ, въ судахъ, предъ державнымъ народомъ, предъ его представителями въ лицѣ дикастовъ, слышалось болѣе политическаго ораторства, чѣмъ юридическихъ доводовъ, и было въ обычаѣ болѣе умилостивлять, чѣмъ убѣждать судей. Друзья и родственники подсудимаго, въ томъ числѣ старики, женщины и дѣти, сопровождая его, съ «жезломъ плачущихъ», въ судъ, старались видомъ своего горя и отчаянія разжалобить судей. Обращеніе на пользу защиты мимики и жестикуляціи, торжественное возвышеніе и пониженіе голоса, біеніе себя по груди, въ знакъ глубокаго убѣжденія, вообще театральная манера защиты была въ нравахъ не только Греціи, но и Рима, и встрѣчается до сихъ поръ у нѣкоторыхъ южныхъ народовъ, благодаря, конечно, ихъ темпераменту. Законъ въ Греціи требовалъ, чтобы подсудимые и тяжущіеся лично становились на судъ и сами себя защищали. Но послѣ защитительной рѣчи, произнесенной ими самими, выступалъ, съ разрѣшенія суда, посторонній ораторъ, чтобы силою своего слова отразить нападенія и удары противной стороны. Такіе защитники-ораторы (синегоры), являвшіеся на помощь съ дополнительною заранѣе заготовленной рѣчью, могли разбирать дѣло во всемъ его объемѣ, но главное ихъ назначеніе заключалось въ томъ, чтобы подѣйствовать на судъ краснорѣчіемъ, котораго у кліентовъ недоставало и которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, и у самихъ говорившихъ было, по большей части, заимствованное. Иногда же, вмѣсто длинныхъ адвокатскихъ рѣчей, отъ излишней продолжительности которыхъ судьи ограждены были клепсидрою, показывавшею назначенное для судебныхъ рѣчей каждой стороны время,—требовалось, послѣ самозащиты подсудимаго, разъяснить отдѣльно какое-нибудь обстоятельство, сдѣлать суду еще

какое-нибудь заявленіе. Съ такими объясненіями и заявленіями выступалъ кто-нибудь изъ родственниковъ или близкихъ людей подсудимаго, или посторонній человѣкъ изъ народа, говорившій похвалу подсудимому, превозносившій его «правдивость» или «честность». Лица, дѣлавшія такія похвальныя заявленія въ процессѣ (параклеты) въ дѣйствительности отличались, по современнымъ понятіямъ, отъ свидѣтелей, выставляемыхъ самими подсудимыми или защитою, только тѣмъ, что не присягали. Что они могли говорить только о фактахъ, не вошедшихъ въ выслушанныя уже показанія, также ничего не измѣняетъ въ этомъ отношеніи, и во всякомъ случаѣ обстоятельство это только потому, кажется намъ, ставитъ автора въ нѣсколько затруднительное положеніе при опредѣленіи роли этихъ лицъ въ процессѣ, что онъ эту роль старается исключительно связать (с. 26 и 27) съ дѣломъ защиты, въ техническомъ смыслѣ слова. Но особенно характеристическимъ видомъ судебной защиты въ Аѳинахъ служитъ такъ-называемая логографія. Можно было заказать искусному сочинителю приличную случаю рѣчь, выучить ея текстъ и затѣмъ произнести на судѣ. Краснорѣчіе синегоровъ лилось большею частію по такому чужому, заученному тексту. Риторы и софисты, бывшіе того мнѣнія, что правда и законъ придуманы для порабощенія людей, промышляли рѣчами, сочиненными на всякій случай, составляли цѣлыя книжки съ подобными рѣчами и преподавали искусство говорить въ обвиненіе и защиту по одному и тому же дѣлу. Образчикомъ подобнаго искусства можетъ служить слѣдующій примѣръ. Защищая богатаго подсудимаго, логографъ развиваетъ такую мысль: «N N любитель боговъ, потому что богатъ, а кого любятъ боги, тотъ не можетъ быть осужденъ за преступленіе.» Съ другой стороны, если противникъ кліента богатъ, то сочинитель рѣчи съ ловкостію набрасывалъ подозрѣніе на источникъ обогащенія. Тутъ адвокатъ сатирически выставлялъ обратную сторону медали: «Богачъ гордъ и презираетъ народъ. У такого человѣка не можетъ быть искренней преданности къ народовластію, въ глубинѣ души, онъ всегда съ олигархами» и т. п. (с. 30). Не являясь сами въ суды, логографы не несли нравственной отвѣтственности за то, что по одному и тому же предмету они въ рѣчи, проданной одному синегору, высказывали одно мнѣніе, а въ рѣчи, проданной другому, другое. Именно поэтому, профессія эта, если не всегда преслѣдовалась властью, то все же считалась весьма двусмысленною. Впрочемъ не одни софисты торговали своими рѣчами: самъ Демосѳенъ занимался логографіей и не одна изъ его образцовыхъ рѣчей написана была по заказу и уступлена какому-нибудь темному синегору. Великій патріотъ и политическій ораторъ является вообще въ крайне невыгодномъ свѣтѣ, когда знакомишься съ его частною адвокатскою дѣятельностью. Логографія дѣлала возможнымъ безнаказанное вступленіе въ сношенія съ противникомъ той стороны, для которой оратору заказаны были рѣчи. Измѣнивъ однажды кліенту, которому онъ писалъ рѣчи по четыремъ процессамъ, и вступивъ въ сношенія съ противникомъ, который вслѣдствіе того и выигрываетъ дѣло, тотъ же адвокатъ-ораторъ, предъ самымъ исполненіемъ рѣшенія, «поворачиваетъ къ своему ex-кліенту по 4-мъ процессамъ и пишетъ громовую рѣчь противъ главнаго свидѣтеля со стороны соперника, выигравшаго тяжбу». Конференціи или совѣта адвокатовъ тогда не было, но за отсутствіемъ всякой организаціи между людьми, явно и еще болѣе тайно занимавшимися судебною защитою, была исторія, чтобы записать и заклеймить позоромъ такой поступокъ знаменитаго оратора-адвоката. Плутархъ по этому поводу замѣтилъ: «не значитъ ли это взять два меча изъ одного склада и выгодно продать ихъ людямъ, которые намѣрены перерѣзать другъ другу горло»?

Въ Римѣ судебная защита первоначально тѣсно связана съ аристократической идеей патроната. Люди, въ экономическомъ и политическомъ отношеніи зависимые отъ патриція, являются его кліентами на судѣ и имѣютъ въ немъ своего естественнаго защитника, своего патрона. Это болѣе древнее выраженіе патрона, распространенное на защитниковъ вообще, удерживалось за ними въ теченіе всего республиканскаго періода и было вытѣснено изъ употребленія названіемъ адвоката только уже въ императорское время. Цицеронъ не безъ гордости указываетъ на различіе судебной защиты въ Греціи и въ Римѣ. Между тѣмъ, какъ у грековъ, замѣчаетъ онъ, послѣдній сортъ людей (infimi homines), руководимый торгашествомъ, является въ судахъ въ качествѣ защитниковъ,

въ римской республикѣ лучшіе люди выступаютъ въ этой роли. Этотъ аристократическій характеръ судебная защита сохранила и послѣ того, какъ знаніе законовъ и формулъ, которыми переполненъ былъ римскій юридическій бытъ, перестало составлять секретъ знатныхъ родовъ и образовался особый классъ людей, къ которому граждане обращаются за юридическимъ совѣтомъ. Чѣмъ болѣе обращаются къ какому-нибудь юристу, чѣмъ болѣе его консультируютъ, тѣмъ большимъ значеніемъ пользуется онъ въ республикѣ. Рѣдкій изъ политическихъ дѣятелей въ Римѣ не начиналъ своей карьеры съ юридической профессіи. Тамъ, гдѣ, по выраженію Тацита, интересъ суда былъ интересомъ римскаго народа, профессія эта наиболѣе представляла способовъ снискать популярность и открывала доступъ ко всѣмъ выборнымъ почетнымъ должностямъ. Къ этой профессіи, какъ преданіе объ аристократическомъ ея происхожденіи, перешло и сохранялось до конца республики, но какъ идеальное уже только требованіе, — правило о безвозмездной защитѣ подсудимыхъ. Такая защита, если человѣкъ, выступившій на публичную арену, обнаруживалъ талантъ, сторицею вознаграждалась въ избирательныхъ комиціяхъ. Тѣмъ не менѣе даровая защита, къ концу республики, составляла не болѣе, какъ преданье старины глубокой. Правда, весьма вѣроятно, что за защиту сицилійцевъ противъ Верреса Цицеронъ не взялъ денежнаго гонорара и удовольствовался тѣмъ громаднымъ количествомъ пшеницы, которую кліенты его прислали ему изъ Сициліи и которую онъ роздалъ въ Римѣ народу. Но такая раздача могла при случаѣ пригодиться великому оратору. Да, кромѣ того, не даровой, конечно, защитою и не одними легатами отъ богатыхъ кліентовъ составилъ себѣ этотъ безродный и «новый» человѣкъ колоссальное состояніе въ 20 милліоновъ сестерцій, — около милліона руб. сер. на наши деньги. Дѣятельность адвоката, не всегда совпадавшая съ болѣе почетною дѣятельностью юриста-консультанта, проявлялась не только въ защитѣ, но и въ обвиненіи. Съ послѣдняго обыкновенно начинали молодые римляне, выступавшіе на адвокатское поприще, потому что обвинять считалось легче, чѣмъ защищать, «подобно тому, какъ легче нанести, чѣмъ излечить рану». Независимо отъ этого римскаго аргумента, работа надъ обвинительными рѣчами считалась особенно хорошею школою для защитниковъ. Соединеніе въ адвокатской дѣятельности попеременно обвиненія и защиты представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ многихъ любопытныхъ пунктовъ сходства въ юридическомъ быту Рима и современной Англіи. Вслѣдствіе обвинительнаго характера римскаго уголовнаго процесса, право возбуждать и послѣ поддерживать на судѣ всякій уголовный искъ, принадлежало самимъ гражданамъ. Особыхъ органовъ обвинительной власти, въ видѣ новѣйшей прокуратуры, Римъ въ лучшее свое время не зналъ, точно также, какъ ихъ въ весьма незначительной степени знаетъ современная Англія, хотя въ ней на предстоящемъ нынѣ конгрессѣ соціальныхъ наукъ и будетъ обсуждаться, не въ первый уже, впрочемъ, разъ, вопросъ о томъ, какіе могли бы быть созданы для нея органы публичнаго обвиненія. Римскій гражданинъ, возбуждавшій противъ частнаго или должностнаго лица уголовный искъ, получалъ отъ претора полномочіе, въ силу котораго онъ приступалъ къ розыску, производилъ осмотръ слѣдовъ преступленія, вызывалъ и допрашивалъ свидѣтелей и собиралъ другія доказательства. Уголовное преслѣдованіе въ этой формѣ практически возможно было при двухъ другихъ началахъ римскаго процесса: во-первыхъ, при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ уже до суда допускалась публичность, за обвинителемъ шагъ за шагомъ слѣдилъ защитникъ обвиняемаго, присутствовавшій при всѣхъ осмотрахъ и снятіи свидѣтельскихъ показаній, и во-вторыхъ, обвинитель за всякій неосновательно возбужденный уголовный искъ подвергался наказанію. Условіе о допущеніи публичности и защиты при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ существуетъ и въ Англіи, и нельзя сказать, чтобы уголовное правосудіе въ ней находилось отъ того въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Второе изъ означенныхъ условій римскаго процесса въ значительной степени излишне и отпадаетъ въ новыхъ государствахъ, даже при полнѣйшемъ проведеніи обвинительнаго начала, потому что между возбужденіемъ уголовнаго иска и слѣдствіемъ съ одной стороны, а съ другой самимъ судомъ, стоитъ посерединѣ вопросъ о преданіи суду, и разрѣшеніе этого вопроса въ Англіи, какъ вездѣ, окончательно зависитъ отъ органовъ судебной власти.

Понятно теперь, какое обширное поприще открывалъ римскій процессъ, на всѣхъ ступеняхъ его, для адвокатовъ, выступавшихъ одинаково въ роли обвинителей и защитниковъ. Но чѣмъ болѣе расширялся кругъ адвокатской дѣятельности, чѣмъ большей общественной силой становилась адвокатура, тѣмъ естественнѣе долженъ былъ представиться вопросъ: всякое ли дѣло позволено адвокату брать и не страдаетъ ли честь его и доброе имя отъ защиты дѣлъ дурныхъ, двусмысленныхъ?—Этотъ капитальный, вѣчно повторяющійся вопросъ адвокатуры началъ занимать и римское общество, и римскихъ юристовъ уже въ республиканское время. Общество высказывалось на этотъ счетъ весьма положительнымъ образомъ: mala causa silenda est, т. е. нечего къ дурному дѣлу являться на помощь со своимъ словомъ. Цицеронъ же, длинныя адвокатскія рѣчи котораго составляютъ цѣлыя книги, переполненныя патріотическими возгласами и понятіями самой строгой стоической морали, даетъ на этотъ вопросъ весьма тонкій, почти уклончивый отвѣтъ: «дѣло судьи искать истины, адвокатъ можетъ взять подъ свою защиту вѣроятность невинности». Такъ. Но тогда оставался еще вопросъ, какъ же долженъ поступить уважающій себя адвокатъ, когда для него самого не только невѣроятна невинность, но когда онъ вынесъ изъ дѣла полное убѣжденіе въ виновности лица, которое къ нему обратилось за помощью? Взять дѣло, чтобъ доказывать смягчающія вину обстоятельства? Но это можетъ имѣть мѣсто только въ уголовномъ процессѣ, въ которомъ существуетъ оффиціальная защита, по назначенію отъ суда. Такая защита извѣстна и Риму, и если по свидѣтельству Плинія, она стала общеупотребительною въ первый вѣкъ имперіи, то едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что не разомъ она возникла, а встрѣчалась и прежде. Практическое разрѣшеніе поставленнаго разъ вопроса отложено было на многіе вѣка, до самаго законодательства Юстиніана, которое къ нему возвратилось. Пока же было не до нравственныхъ требованій отъ адвокатуры, когда въ гражданскихъ междоусобіяхъ, предвѣщавшихъ близкую гибель свободныхъ учрежденій и переходъ къ цезаризму, впервые начинались процессы вовсе безъ защитниковъ. Такими процессами отмѣчены кровавые дни Суллы. Подходило время, когда наиболѣе важные политическіе процессы, въ которыхъ разрѣшался вопросъ о жизни или смерти гражданина, переносились съ форума и изъ сената въ цезарскую спальню. Тацитъ, изобразившій одинъ изъ такихъ процессовъ, именно надъ Валеріемъ, противъ котораго доносчикомъ и обвинителемъ выступилъ адвокатъ Суилій, представляетъ вообще достаточно данныхъ для характеристики адвокатуры во времена имперіи. Самъ принадлежа, по своему прошедшему къ судебной сферѣ, великій историкъ хорошо знакомъ съ нею и не перестаетъ указывать деморализацію, произведенную въ ней имперіей. Вмѣстѣ съ ограниченіемъ подсудности тѣхъ судовъ, въ которыхъ еще допускались адвокаты, измельчала сама практика, что опять должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ пониженіе умственнаго уровня профессіи. Въ рѣчи своей объ ораторѣ Тацитъ замѣчаетъ: «таланты растутъ съ важностію дѣлъ: иное защищать вора или толковать объ интердиктѣ; иное отстаивать муниципіи». Но гораздо болѣе, чѣмъ таланты, понизился уровень адвокатской нравственности, никогда, впрочемъ, не бывшій очень высокимъ въ Римѣ. Говоря въ своихъ Анналахъ о томъ, какіе обширные пути общественнаго грабежа открыты были цезарями, сосредоточившими въ своемъ лицѣ всѣ отрасли власти, и какъ на этихъ путяхъ въ особенности подвизались адвокаты, подражавшіе Суилію въ роли доносчиковъ и обвинителей, Тацитъ приходитъ къ заключенію, что «адвокатская совѣсть сдѣлалась самымъ продажнымъ товаромъ на публичномъ рынкѣ». Тамъ же мы читаемъ объ адвокатѣ, который, взявъ по одному дѣлу съ римскаго всадника 400 т. сестерцій (около 20 т. руб. сер.), измѣняетъ своему кліенту, вступая въ сношенія съ противною стороною, и доводитъ его до самоубійства. Какъ ни привыкли тогда къ скандаламъ и безчестностямъ всякаго рода — это было при Клавдіѣ — но приведенный сейчасъ случай показался уже черезъ чуръ возмутительнымъ. По иниціативѣ консула, сенаторы стали требовать исполненія стараго цинціева закона, запрещавшаго брать деньги или подарки за судебную защиту, съ тѣмъ, чтобы виновные въ нарушеніи этого закона су-

дились какъ за вымогательство. Тогда Суплій и другіе адвокаты, «видѣвшіе себя напередъ уже не только преслѣдуемыми, но и осужденными, потому что ихъ преступленія были для всѣхъ очевидны», обратились къ цезарю, къ которому они имѣли доступъ, съ такими рѣчами: «что кто же изъ людей настолько гордъ, чтобъ мечтать о вѣчной славѣ? Краснорѣчіе прежде всего есть полезное и практическое орудіе, потому что безъ адвокатовъ каждый сталъ бы зависѣть отъ болѣе сильнаго. Но даръ слова пріобрѣтается не даромъ: для того, чтобъ посвятить себя чужимъ дѣламъ, нужно пренебречь собственными. Одни живутъ военнымъ ремесломъ, другіе обработкою полей, но никто не обращается къ занятію, не высчитавъ напередъ всѣ его выгоды» и т. д. Цезарь убѣдился этими рѣчами и опредѣлилъ maximum адвокатскаго гонорара въ 10 т. сест. или въ 500 р. с. Тогда стали обходить законъ такимъ образомъ, что эту сумму брали не за цѣлое дѣло, а за каждое отдѣльное дѣйствіе въ процессѣ. Такое вознагражденіе получали, разумѣется, наиболѣе извѣстные люди профессіи. Но такъ какъ наплывъ въ нее всякаго люда былъ очень великъ, то второстепеннымъ дѣятелямъ приходилось довольствоваться меньшимъ гонораромъ. Сатирики этого времени упоминаютъ о защитникахъ, которые не брезгаютъ гонораромъ изъ нѣсколькихъ связокъ египетскаго луку, приправленныхъ затхлымъ виномъ отдаленной провинціи. Но убѣжденіе, что всякое дѣло хорошо, когда попадаетъ къ ловкому адвокату, одинаково и безразлично раздѣляется цѣлой профессіей.

Устройство адвокатуры, очищеніе ея посредствомъ правильной организаціи отъ паразитовъ всякаго рода и освобожденіе посредствомъ дисциплины отъ собственныхъ немощей ея, становилось очереднымъ и насущнымъ вопросомъ для законодательства. Юристы II и III стол., трудами которыхъ воспользовалось Юстиніаново законодательство, — Ульпіанъ, Павелъ и др. считали правильное устройство адвокатуры тѣмъ болѣе необходимымъ, что видѣли въ ней составную часть правильной судебной организаціи. Не ихъ вина, конечно, что ступивъ разъ на путь регламентаціи этого сословія и стремясь исчерпать вопросы, кто имѣетъ право быть адвокатомъ, отъ какой власти зависитъ принятіе кого-либо въ адвокаты, какія права ихъ и обязанности въ отношеніи къ кліентамъ и къ судебной власти, какая ихъ отвѣтственность за прямыя нарушенія долга, за упущенія и даже за ошибки, — законодательство перешло за черту необходимаго и затянуло распущенное прежде сословіе такими крѣпкими узами, что ему уже свободно дышать нельзя было, задушило въ немъ всякую жизнь и обратило въ трупъ. То было послѣдствіемъ тѣхъ общихъ стремленій правительства къ централизаціи и къ подчиненію всѣхъ общественныхъ силъ и учрежденій префектамъ и ректорамъ провинцій, губернаторамъ, по которымъ и суды давно лишились уже всякой самостоятельности и въ государствѣ имѣла силу и значеніе одна административная власть. Это тѣ самыя стремленія, которыя изъ имперіи выбивали всякую жизнь и медленно, но вѣрно обращали ее въ огромное бездушное тѣло. Вдунуть новую жизнь въ это тѣло Юстиніаново законодательство, конечно, не могло. Ему оставалось подвести только итоги подъ прошедшее и заняться собираніемъ матеріала, можетъ быть, къ чему нибудь еще пригоднаго. Относительно адвокатуры Юстиніаново законодательство завершаетъ рядъ предшествовавшихъ мѣръ, клонившихся къ установленію отвѣтственности адвокатовъ. Предъ каждымъ дѣломъ адвокаты обязаны присягать на евангеліи: «употребляя честныя средства, отстаивать, всею силою своихъ способностей и знаній, законные и справедливые интересы кліентовъ». При этомъ кодексъ Юстиніана ставитъ адвокатамъ въ обязанность отказываться отъ дурныхъ дѣлъ, послѣ принятія ихъ и даже послѣ приступа уже къ защитѣ. За дѣло, признанное уже однимъ адвокатомъ лживымъ, безчестнымъ и безнадежнымъ, не въ правѣ браться другой адвокатъ. Защитѣ долженъ такимъ образомъ предшествовать строгій разборъ дѣла въ кабинетѣ адвоката. Но когда кто принялъ дѣло по убѣжденію въ его честности и справедливости, тогда онъ обязанъ довести его до конца, развѣ представились бы какія-нибудь законныя препятствія. Какое употребленіе, по отношенію къ адвокатурѣ, сдѣлали новыя законодательства изъ матеріала, собраннаго Юстиніаномъ и имъ дополненнаго, мы, конечно, увидимъ изъ труда г. Стоянова, когда онъ будетъ доведенъ до конца, и въ томъ же научномъ направленіи, въ которомъ онъ начатъ.

Б. У.

Картины прошедшаго. Писалъ съ натуры *А. Сухово-Кобылинъ.* Москва, 1869.

Въ 1855 г. на московскомъ театрѣ въ первый разъ была представлена трехъ-актная комедія «Сватьба Кречинскаго», которая не только до сихъ поръ удержалась на сценѣ, но занимаетъ въ нашемъ репертуарѣ почетное мѣсто. Въ это время сцена начала уже освѣжаться произведеніями Островскаго, но тѣмъ не менѣе появленіе комедіи А. Сухово-Кобылина сопровождалось нѣкоторымъ шумомъ и толками. Талантъ признавали въ немъ всѣ, но относительно значенія комедіи слышались мнѣнія противоположныя: одни говорили, что новая пьеса выводитъ какихъ-то исключительныхъ личностей и что самая завязка принадлежитъ къ числу исключительныхъ; другіе придавали комедіи большое значеніе и въ Кречинскомъ и Расплюевѣ видѣли крупные типы. Какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, правду надо было искать въ серединѣ. Г. Сухово-Кобылинъ обнаружилъ несомнѣнный сценическій талантъ: красивая постройка пьесы, ловко развитая интрига, движеніе, у мѣста поставленные эффекты — все это говорило о замѣчательномъ знаніи сцены и о томъ тактѣ, который дается только недюжиннымъ талантамъ. Внутренній комизмъ нѣкоторыхъ сценъ также былъ несомнѣненъ, но были мѣста, гдѣ этотъ комизмъ былъ чисто внѣшняго свойства, былъ шаржировкою, да притомъ еще довольно грубою. Талантливое исполненіе пьесы закрывало этотъ недостатокъ. Что касается типовъ, то опять приходилось признаться, что личность плута была воспроизведена съ большимъ умѣньемъ, даже съ историческимъ пріемомъ, который показывалъ этого плута такъ-сказать въ первобытное, доисторическое время и затѣмъ въ томъ видѣ, какъ выработали его внѣшнія стороны цивилизаціи. Кречинскій и Расплюевъ — это одинъ типъ, но только въ разные фазисы развитія. Кречинскій вовсе не особенно уменъ, но онъ ловокъ, онъ наметался вокругъ игроковъ, усовершенствовалъ форму и развилъ свой умъ въ одну сторону. Этотъ плутъ былъ недостаточно понятенъ массѣ и потому Кречинскій не сдѣлался въ ея обиходѣ ходячимъ типомъ; напротивъ, Расплюевъ, хвастунъ, человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ понятій, наивный плутъ, то дерзкій, то трусливый, смотря по обстоятельствамъ, былъ немедленно понятъ всѣми и вошелъ въ общее употребленіе. Въ сущности оба они похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, разница только въ формѣ и развитіи; но до этой формы и этого развитія масса не доросла и смотрѣла на Кречинскаго, какъ на любопытный и рѣдкій экземпляръ, а г. Самойловъ, воспроизводившій его на петербургской сценѣ, придалъ ему даже польскій акцентъ, какъ будто для того, чтобы показать разницу двухъ цивилизацій, русской и польской. «А, это не нашъ», сказала себѣ публика, глядя на штуки этого совершеннѣйшаго джентльмена, который украсилъ бы собою самый элегантный кругъ общества, и привязалась къ Расплюеву, въ которомъ узнала слишкомъ родное и первобытное. Съ этой стороны, типъ Расплюева вовсе не такъ мелокъ, какъ думаютъ нѣкоторые: это не плутъ-игрокъ, не плутъ извѣстной профессіи, а плутъ вообще, или, лучше сказать, человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, готовый совершить всякую подлость, даже всякое преступленіе, если ему докажутъ, что онъ никакой за то отвѣтственности не подвергнется. Не обладая внѣшнимъ лоскомъ и развитіемъ, какъ Кречинскій, онъ самъ ничего путнаго измыслить не можетъ, но исполнителемъ, холопомъ, гончей собакой будетъ, если его прикармливать и показывать въ дали болѣе блестящее положеніе. Онъ чувствуетъ въ себѣ по временамъ даже нѣкоторую силу, но сознаетъ въ тоже время, что сила эта первобытная, не получившая должной отдѣлки и потому принужденная склоняться передъ другою, высшей силой. Расплюевыхъ много, они не вывелись и выведутся не скоро, если только выведутся; они на виду у всѣхъ дѣйствуютъ и всѣ знаютъ, что они Расплюевы. Кречинскаго уловить трудно: изящныя формы прикрываютъ его щитомъ, да кромѣ того онъ витаетъ по большей части въ такихъ сферахъ, гдѣ легко мѣняются роли и гдѣ пути открыты для дарованій.

Успѣхъ «Сватьбы Кречинскаго» подвигнулъ автора ея къ созданію новаго произведенія. Онъ написалъ пяти-актную драму «Дѣло», которую не только не пустили на сцену, но и въ печати она извѣстна была до настоящаго времени только немногимъ по заграничному изданію. Авторъ счелъ нужнымъ приступить къ ней не просто: «Сватьба Кречинскаго» да

вала ему право обнаружить оригинальничанье съ первыхъ страницъ драмы и онъ пишетъ въ заголовкѣ: *«данности»*. Данности эти заключаются въ слѣдующемъ: «Со времени разстроившейся сватьбы Кречинскаго прошло 6 лѣтъ. Дѣйствіе происходитъ въ Санктъ-Петербургѣ, частію на квартирѣ Муромскихъ, частію въ залахъ и аппартаментахъ какого ни есть вѣдомства». Обыкновенные смертные, начиная съ Шекспира и кончая Гоголемъ, подобныя замѣчанія писали просто. Далѣе слѣдуютъ дѣйствующія лица, которыя раздѣляются на пять разрядовъ: «начальства, силы, подчиненности, ничтожества или частныя лица и не лицо». Выписываемъ начальства: *весьма важное лицо*. Здѣсь все, и самъ авторъ безмолвствуетъ. *Важное лицо*. По рожденію князь; по службѣ тайный совѣтникъ. По клубу пріятный человѣкъ. На службѣ звѣрь. Ѣсть здоровъ, за клубничкой охотится, но тамъ и здѣсь до пресыщенія, и потому геморроидалистъ». Въ числѣ «силъ» главное мѣсто занимаетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Варравинъ и коллежскій совѣтникъ Тарелкинъ; въ подчиненностяхъ обращаютъ на себя вниманіе «колеса, шкивы и шестерни бюрократіи», чиновники: Герцъ, Шерцъ и Шмерцъ. «Ничтожества или частныя лица» тѣ же, что и въ «Сватьбѣ Кречинскаго», исключая, впрочемъ, Кречинскаго и Расплюева. «Дѣло» есть продолженіе «Сватьбы Кречинскаго» и заключаетъ въ себѣ изображеніе судьбы семейства Муромскихъ, преданныхъ на съѣденіе стараго суда. Лидочка привлечена къ дѣлу Кречинскаго вслѣдствіе того, что квартальный, бравшій Кречинскаго, когда обнаружился подлогъ булавки, донесъ, что Лидочка, отдавая ростовщику настоящую булавку, сказала: «это моя ошибка», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она проговорила: «это была ошибка». Понятно, что если она сказала: «это моя ошибка», значитъ участвовала съ Кречинскимъ въ подлогѣ; если она участвовала въ подлогѣ, значитъ, была очень близка къ Кречинскому; отъ этого предположенія недалеко до незаконнаго «сожитія», а если сожитіе было, то могъ быть и ребенокъ. Гдѣ же ребенокъ? Куда онъ исчезъ? Добрая репутація дѣвушки подорвана; Расплюевъ является свидѣтелемъ, что Лидочка дѣйствительно «жила» съ Кречинскимъ. Муромскій, отецъ Лидочки, всѣми силами старается заглушить скандалъ; онъ продалъ одно имѣніе, заложилъ другое—все это идетъ на взятки. Не видя конца ему, онъ ѣдетъ самъ въ Петербургъ, думая, что въ высшихъ сферахъ найдетъ себѣ защиту; но «очень важное лицо» и «важное лицо» подчинены «силамъ», «силы» же хотятъ крупной взятки, такой взятки, о которой не смѣли помышлять въ провинціи, и чтобъ вѣрнѣе подвинуть его на это, стращаютъ стороной, что Лидочку освидѣтельствуютъ въ медицинской управѣ, чтобъ убѣдиться, сохранила ли она невинность или нѣтъ. Муромскій рѣшается дать, но въ рѣшительную минуту жалѣетъ денегъ и ѣдетъ объясниться съ «важнымъ лицомъ», въ надеждѣ, что онъ приметъ его дѣло къ сердцу. Это объясненіе—одно изъ лучшихъ сценъ въ драмѣ, хотя и шаржировано. «Важное лицо» является комичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительнымъ по своему наглому цинизму, легкомыслію и невниманію къ просителямъ. Муромскій выходитъ изъ себя: «нѣтъ у васъ правды», кричитъ онъ: «суды ваши—пилатовы расправы. Судопроизводство ваше—хуже іудейскаго. Судейцы ваши ведутъ уже не торгъ—это были счастливыя времена—а разбой». «Важное лицо» приходитъ въ бѣшенство и приказываетъ обратить дѣло къ «строжайшему переслѣдованію», чего именно не хотѣлось главной «силѣ», Варравину: онъ желалъ взять взятку и покончить съ дѣломъ. А теперь, когда оно поступаетъ къ переслѣдованію, взятку взять мудрено. Однако, онъ ухитряется съ помощью своего фактотума, Тарелкина, который убѣждаетъ Муромскаго загладить свой промахъ передъ «важнымъ лицомъ» и самому свезти 25 т. серебромъ Варравину. Муромскій упорствуетъ, Лидочка стоитъ на сторонѣ отца, но всѣ остальные убѣждаютъ его и между ними Нелькинъ, который и здѣсь, какъ въ «Сватьбѣ Кречинскаго» является болтуномъ и безцвѣтнымъ человѣкомъ, хотя и говоритъ такія звонкія фразы: «неужели внутри насъ нѣтъ столько честности, чтобы съ гордостью одѣться въ лохмотья внѣшней чести, которую располосовалъ въ куски этотъ старый шутъ законъ, разшитый по швамъ, разряженный въ ленты и повѣсившій себѣ на шею Іудинъ кошель». Муромскій ѣдетъ въ присутствіе къ Варравину, тотъ его вѣжливо принимаетъ и обнадеживаетъ; оставивъ пакетъ съ деньгами, Муромскій только что вышелъ изъ кабинета, какъ Варравинъ

зоветъ его обратно и говоритъ, что онъ забылъ у него пакетъ, что онъ хотѣлъ купить его, но это ему не удастся и, бросая пакетъ на полъ, говоритъ: «я васъ могу представить всей строгости законовъ—и только ваши лѣта—извольте идти». Муромскій поднимаетъ пакетъ, въ которомъ отъ 25 тысячъ осталась всего одна съ небольшимъ, приходитъ въ ужасъ, сознаетъ, что ему разставили капканъ и поймали въ него.

Муромскій. Да кто же тутъ *(осматриваясь)*... тутъ все одна шайка... *(вдругъ выпрямляется)*. Стойте! Ведите меня къ Государю!

Живецъ и Тарелкинъ *(обступаютъ его, машутъ руками и унимаютъ)*. Шшиттъ... успокойтесь. Милостивый государь... успокойтесь... что вы?.. шшиттъ...

Муромскій *(стремительно выступая впередъ)*. Я требую... ведите меня къ моему Государю... Давайте сюда жандармовъ!., полицейскихъ!... по улицѣ!.. безъ шапки!.. Мы сообщники! Мы воры!.. *(хватаетъ Варравина за руку и тащитъ его)* Пойдемъ!..

Варравинъ *(рвется у него)* Что вы... что вы?

Муромскій *(тащитъ его)* Пойдемъ! Мы клятвопреступники... куйте насъ! Слово и дѣло!.. куйте насъ вмѣстѣ *(его голосъ слабѣетъ)*... къ Государю!.. я ему скажу... Отецъ!... Всѣхъ насъ отецъ... Милостивый мой, добросердый... Государь!... *(у него занимается духъ)*.. Ва... Ва... ше... Ва... ше.

Муромскій лишается чувствъ и затѣмъ умираетъ. Варравинъ торжествуетъ и зарекомендовываетъ себя честнѣйшимъ человѣкомъ, какъ передъ «важнымъ лицомъ», такъ и передъ «очень важнымъ лицомъ».

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе драмы, которая въ свое время могла бы имѣть успѣхъ громадный и въ настоящее время — весьма большой, хотя она отнюдь не отличается достоинствами «Сватьбы Кречинскаго». Правда, вопросъ о неправосудіи поставленъ въ ней такъ рѣзко, что рѣзче этого поставить его нельзя; но зато постройка драмы чисто внѣшняя и вся она держится на такихъ случайностяхъ, что можетъ ежеминутно распасться. Внутренней необходимости событій, этой своего рода судьбы древнихъ трагедій, которыя ставятъ дѣйствующихъ лицъ въ безъисходное положеніе, отыскать тутъ невозможно. Главное дѣйствующее лицо является человѣкомъ пассивнымъ, ничего не дѣлающимъ для лучшаго оборота своего дѣла и слишкомъ наивнымъ. Это—воскъ, изъ котораго окружающіе дѣлаютъ все что хотятъ, обманываютъ, эксплуатируютъ и т. д. Искуственность постройки драмы видна на каждомъ шагу даже самому недогадливому читателю, который замѣтитъ, что дѣйствіе направляется въ одну сторону единственно по волѣ автора, а не потому, чтобъ дѣйствующія лица поставлены были въ необходимость дѣлать такъ, а не иначе. Сшитая изъ случайностей, она не обладаетъ ни тѣмъ движеніемъ, какое находимъ въ «Сватьбѣ Кречинскаго», ни тою отдѣлкою характеровъ, ни ихъ новизною. Мы сказали, что Кречинскаго и Расплюева не является на сценѣ, но Варравинъ и Тарелкинъ — сколки съ нихъ, почти фотографическіе снимки; въ комедіи Кречинскій попадаетъ за подлогъ подъ судъ и комедія кончается тѣмъ, что порокъ наказанъ по крайней мѣрѣ квартальнымъ надзирателемъ; въ драмѣ, Кречинскій-Варравинъ, совершивъ самое подлое дѣло, не только остается не наказаннымъ, но торжествуетъ, какъ человѣкъ безкорыстный. Только въ этомъ и разница между ними и въ этомъ же мораль пьесы: частному лицу продѣлки не всегда сходятъ съ рукъ, чиновнику, особенно важному, при господствовавшемъ произволѣ, можно было совершать все безнаказанно. Мораль опять-таки ярко и рѣзко выставленная, но опять чисто внѣшнимъ образомъ: г. Сухово-Кобылину не удается схватить пружинъ внутреннихъ, и по нашему мнѣнію, «Дѣло», несмотря на всю свою благонамѣренность въ лучшемъ значеніи этого слова — ничего не прибавляетъ къ его литературной репутаціи. Что касается комедіи «Смерть Тарелкина», то это довольно пустой фарсъ, основанный на переодѣваніи и самомъ невѣроятномъ анекдотѣ; онъ не заслуживаетъ, чтобъ надъ нимъ останавливаться, даже въ виду того, что здѣсь снова является Расплюевъ—это лучшее созданіе г. Сухово-Кобылина — уже въ качествѣ квартальнаго надзирателя.

При благопріятныхъ условіяхъ нашего театра г. Сухово-Кобылинъ могъ бы подарить ему нѣсколько пьесъ, которыя не отличались бы силою художественнаго дарованія, но были

бы очень сценичны, умны и дали бы прекрасный матеріалъ для даровитыхъ артистовъ Талантъ не глубокій, но живой и наблюдательный, способный къ ловкой компоновкѣ, къ умнымъ, хотя и внѣшнимъ эфектамъ, авторъ «Сватьбы Кречинскаго» могъ бы играть далеко не послѣднюю роль и не на такой бѣдной драматической сценѣ, какъ наша.

Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Книга третья. М. 1869.

Сборникъ г. Бартенева пользуется значительнымъ успѣхомъ, благодаря возбужденному въ нѣкоторой части общества интересу къ прошлымъ судьбамъ отечества и нѣсколькимъ относительно цѣннымъ матеріаламъ, напечатаннымъ въ немъ; но такихъ матеріаловъ весьма немного; большею частію «Осмнадцатый вѣкъ» наполняется такими документами, которые имѣютъ значеніе фамильное, а иногда и вовсе никакого. Къ сожалѣнію, это же приходится сказать и о большинствѣ оригинальныхъ статей его, которыя, впрочемъ, появляются рѣдко. Какое значеніе, напримѣръ, имѣетъ статья г. Андреева объ Екатеринѣ Первой, помѣщенная въ третьей книжкѣ «Осмнадцатаго вѣка»? Какъ компиляція извѣстій, набранныхъ изъ иностранныхъ источниковъ, она могла бы имѣть нѣкоторый интересъ, еслибъ автору извѣстна была критическая оцѣнка источниковъ, которыми онъ пользовался, или еслибъ онъ съумѣлъ представить яркую характеристику Екатерины, какъ жены Петра и какъ государыни. Ничего подобнаго у г. Андреева отыскать невозможно: его интересуютъ анекдотическія подробности, болѣе или менѣе извѣстныя и часто весьма сомнительнаго происхожденія, сны, которые случалось видѣть Екатеринѣ и т. п. Этотъ поверхностный взглядъ на задачу біографіи отражается и въ томъ предпочтеніи, которымъ онъ удостоиваетъ одни источники передъ другими. Обиліе анекдотовъ и связный разсказъ для него ручательство достовѣрности источника. Напр. записки Вильбуа, наполненныя множествомъ сказокъ, прикрашенныя фантазіей съ ловкостью и безцеремонностью француза, г. Андреевъ считаетъ достовѣрными и преспокойно предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ источникамъ единственно на томъ основаніи, что эти записки «кажутся» г. Андрееву «обстоятельными». Критическій пріемъ изъ самыхъ элементарныхъ и наивныхъ, но изъ устъ младенцевъ не всегда исходитъ истина; по этому пріему можно судить и о самой характеристикѣ Екатерины, сдѣланной г. Андреевымъ. Что касается сновъ, то онъ передаетъ читателямъ «Осмнадцатаго вѣка» два; одинъ, видѣнный Екатериною за двѣ недѣли до ареста Монса, «оказавшійся пророческимъ», и другой передъ смертью, «опять вѣрно истолкованный ею», замѣчаетъ историкъ «Осмнадцатаго вѣка». Явившись поклонникомъ сноталковательныхъ способностей Екатерины, г. Андреевъ опускаетъ все то, что дѣйствительно заслуживало вниманія, напр. вниманіе, которое оказала Екатерина народу, по вступленіи на престолъ, озаботившись уменьшеніемъ налоговъ, на что указалъ, если не измѣняетъ намъ память, г. Арсеньевъ въ своей монографіи: «Царствованіе императрицы Екатерины I»; въ ряду другихъ фактовъ, заслуживало бы анализа вліяніе Екатерины на характеръ дѣятельности Петра по отношенію къ боярству, вліяніе, которое могло родиться независимо отъ самой Екатерины, просто въ силу того, что она была изъ низшаго сословія. Съ своей стороны, г. Бартеневъ дѣлаетъ къ статьѣ примѣчаніе, что она «написана прежде, чѣмъ вышелъ въ свѣтъ 18-й томъ «Исторіи Россіи», С. М. Соловьева», гдѣ «находятся *совершенно новыя* извѣстія о родствѣ императрицы Екатерины I, розысканныя по ея собственному приказанію въ 1715 г. П. М. Бестужевымъ». Повидимому выходитъ, что статья г. Андреева помѣщена въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ», единственно на томъ основаніи, что въ ней находятся *совершенно старыя* извѣстія о супругѣ Петра.

Для оправданія помѣщенія многихъ другихъ будто бы историческихъ матеріаловъ нельзя пріискать и такой причины. Издатель «Осмнадцатаго вѣка» особенную слабость чувствуетъ къ письмамъ людей сколько-нибудь замѣчательныхъ; хотя бы эти письма были совершенной ничтожностью, онъ печатаетъ ихъ крупнымъ шрифтомъ; считая каждую строку за нѣкоторую святыню; если попадается конвертъ, г. Бартеневъ описываетъ и конвертъ, изслѣдуетъ печать и свойства сургуча. Въ первыхъ двухъ томахъ «Осмнадцатаго вѣка» такихъ писемъ множество, и они составляютъ тотъ балластъ, который дѣлаетъ эти

томы нѣсколько объемистыми; также много ихъ и въ третьемъ томѣ и огромное большинство ихъ также ничтожно. Кому можетъ быть нужно, что Анна Іоанновна, будучи герцогиней курляндской, писала такія записочки къ А. М. Козодавлевой: «Анна Михайловна, за письмо ваше благодарна и впредь пиши. Живите щастлива на прикизѣ. О себѣ вамъ объявляю, въ добромъ здоровьи; только вчера немогла бокомъ, а сегодня кровь пускала, и благополучно пустили; а что я долго не писала, того ради, что великая печаль дошла: не стало государыни Е. И. В., а россійскій скипетръ воспринялъ великій князь Е. И. В-ство, и тѣмъ меня еще порадовало. А я нынѣ въ Варцавѣ очень хорошо, и Жукова нѣтъ. Поздравьте мужу и Анюткѣ. И пребываю вамъ всегда доброжелательная Анна». Еще ничтожнѣе по своему значенію записочки в. к. Павла Петровича къ Ѳедору Ивановичу Курдюкову, который служилъ оффиціантомъ и завѣдывалъ дворцомъ въ Павловскѣ. Историческому лицу нельзя написать простой записки къ своему истопнику о томъ, чтобъ онъ вытопилъ печи, безъ того, чтобы эта записка не попала въ печать. «Курдюковъ. Пришли сюда садовника Мамонова съ курьеромъ». «Курдюковъ. Увѣдомь меня, какъ работы въ домахъ идутъ. Каковы печи и полы. Живописцы пріѣхали ли и когда. Начали ли они свою работу и когда отдѣлаются. О всемъ семъ увѣдомь меня подробно.» «Курдюковъ. Мы будемъ завтра обѣдать въ Паулѣлускъ, то приготовься принять. Изъ пушекъ съ пріѣзда не стрѣлять, а только изъ 2-хъ къ обѣду». Такого же характера и письма Павла Петровича къ Вадковскому. Нѣсколько любопытнѣе письма его къ Е. И. Нелидовой, съ которою онъ сохранялъ постоянную, «идеально-чистую и возвышенную» дружбу. Для характеристики этихъ отношеній важно французское письмо его къ императрицѣ Екатеринѣ II, начинающееся такъ: «эти строки дойдутъ до В. И. В. вѣроятно лишь тогда, когда меня уже не будетъ въ живыхъ». Великій князь, чтобъ оправдать Нелидову, рѣшился лишить себя жизни, какъ видно изъ этихъ и слѣдующихъ строкъ: «я видѣлъ, пишетъ онъ, какъ злоба возставала на судъ [1]) и хотѣла дать ложныя толкованія связи, единственно дружественной, возникшей между Е. И. Нелидовою и мною. Относительно этой связи, клянусь тѣмъ судилищемъ, предъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ передъ нимъ съ совѣстью свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ не могу это засвидѣтельствовать цѣною моей крови! Свидѣтельствую о томъ..... [1]) прощаясь съ жизнью. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ, и проч.». Письмо это не имѣетъ даты; по какому случаю оно написано—неизвѣстно: издатель «Осмнадц. вѣка», весьма щедрый на примѣчанія даже тамъ, гдѣ они совсѣмъ не нужны, оставилъ это письмо безъ всякихъ объясненій. Мы не знаемъ даже того, было ли оно послано по назначенію, ибо напечатано въ ряду писемъ и записочекъ, носящихъ общее заглавіе: «изъ бумагъ Е. И. Нелидовой». Быть можетъ, оно попало въ руки Нелидовой изъ рукъ великаго князя, какъ цѣнное воспоминаніе. Какъ бы то ни было, отношенія Павла Петровича и супруги его къ Нелидовой въ самомъ дѣлѣ любопытны въ психологическомъ отношеніи.

Изъ другихъ писемъ разныхъ лицъ можно упомянуть о письмѣ архимандрита Симонова монастыря, Амвросія, къ архіепископу московскому Платону. Дѣло въ томъ, что Платонъ потребовалъ запискою, чтобъ архимандритъ кланялся ему во время служенія «политичнымъ образомъ, пониже». Архимандритъ отвѣчалъ ему, что приказаніе это удивило его «первое потому, что самъ Богъ положилъ заповѣдь сію: *Господу Богу твоему поклонишися*, а того, чтобъ низко или пониже кланяться, не предписалъ. Посему обыкновенно разными образами кланяются ему, яко не на внѣшнее тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему». Сославшись затѣмъ на императора, который также не обращаетъ вниманія на «качества» поклоновъ, и на свое долголѣтнее служеніе, онъ продолжаетъ: «не знаю, по какому

---

[1]) Цитируемъ по переводу, который не особенно грамотенъ. Эта фраза по-французски гораздо понятнѣе: «j'ai vu la malignité s'ériger en juge».

[1]) Судя по точкамъ въ «Осмн. вѣкѣ», тутъ пропускъ какого-то слова.

праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ, и проч.» Письмо это можетъ быть поучительно и для архіереевъ настоящаго времени.

Для характеристики Екатерины II, не лишены значенія письма ея къ Н. И. Панину и генералъ-прокурору Вяземскому по дѣлу извѣстнаго Мировича, который хотѣлъ возвратить русскій престолъ 24-лѣтнему Іоанну Антоновичу, сидѣвшему въ Шлиссельбургской крѣпости. Извѣстна трагическая судьба этого юноши, который весь свой вѣкъ провелъ въ заточеніи и погибъ жертвою честолюбивыхъ замысловъ и дворскихъ интригъ. Императрица говоритъ, что видѣла этого принца, желая узнать его душевныя качества и доставить ему покойную жизнь; но, убѣдившись, что онъ косноязыченъ и лишенъ «разума и смысла человѣческаго», она оставила его въ заключеніи, опредѣливъ къ нему «надежный караулъ», «дабы кто злоухищренный для своихъ какихъ либо видовъ не покусился иногда его обеспокоить или какимъ предпріятіемъ въ обществѣ мятежъ произвести». Человѣколюбивое намѣреніе исчезло передъ принцемъ, который оказался безумнымъ. Еслибъ былъ онъ въ здравомъ разсудкѣ, она доставила бы ему спокойную жизнь. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Безумный человѣкъ едва ли не безопаснѣе здравомыслящаго. Кажется, есть извѣстіе, что одно время Екатерина думала о бракѣ съ несчастнымъ принцемъ... Неизвѣстно, когда и гдѣ происходило ея свиданіе съ нимъ, но императрица свидѣтельствуетъ: «всѣ бывшія тогда съ нами видѣли, сколько наше сердце сострадало жалостью человѣчеству....» Во время суда надъ Мировичемъ, разыгралась довольно характерная сцена. Духовенство высказалось за пытку, Черкасовъ поддерживалъ его, говоря: «намъ необходимо нужно, жестокимъ розыскомъ злодѣю, оправдать себя не только передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасались, чтобъ не имѣли причины почитать насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или комедіянтами». Собраніе оскорбилось. По этому поводу императрица написала Вяземскому письмо, въ которомъ, оправдывая Черкасова его «лицемѣрнымъ усердіемъ», прибавила: «Съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу распѣваютъ, что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истины комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе ни присовѣтывать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю».

Любопытны два письма ея къ тому же лицу о лифляндскихъ депутатахъ въ коммиссію объ Уложеніи, которые выражали желаніе отклониться отъ предположенныхъ, общихъ для всей Россіи, законовъ. Она говорила о «лифляндской замашкѣ быть нашими законодавцами» и приказываетъ Вяземскому, чтобъ онъ велѣлъ какому-нибудь депутату, особенно изъ знати, чтобы онъ подалъ голосъ противъ этой замашки и сама набрасываетъ полную программу этого голоса или мнѣнія, изъ котораго приводимъ слѣдующія строки: «Чтобъ же лифляндскіе законы лучше были нежели наши будутъ, тому статься нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правила показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя (т. е. устраняясь отъ общихъ для всей Россіи законовъ), торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертію казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняемъ противорѣчія и темноты нашихъ узаконеній и пр. Просвѣщенному сенату остается судить о подобныхъ непостовствахъ. Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано, и такъ употребите лишь то что прилично.»

Дѣйствительно это писано съ жаромъ, и въ настоящее время, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ фразъ, могло бы цѣликомъ быть отнесено къ лифляндцамъ, хоть напр. что касается судовъ и темноты узаконеній; но въ XVIII вѣкѣ знаменитый Наказъ послужилъ только къ личной славѣ императрицы за границей, разнесенной писателями, щедро за то вознагражденными русскимъ золотомъ, коммиссія объ Уложеніи была распущена именно въ то время, когда созрѣла для законодательной работы и насъ не приводятъ въ восхищеніе вышеприведенныя слова императрицы, обращенныя къ лифляндскимъ депутатамъ, хотя они несомнѣнно доказываютъ, что Екатерина намѣревалась энер-

гически противодѣйствовать провинціальному партикуляризму, на что въ настоящее время у насъ какъ будто не хватаетъ духу.

Если мы упомянемъ о переводѣ писемъ дюка де-Лирія и двухъ статейкахъ г. Лонгинова, то исчерпаемъ почти все содержаніе третьяго тома «Осмнадцатаго вѣка». Въ одной замѣткѣ г. Лонгиновъ перечисляетъ русскій генералитетъ въ началѣ 1730 г., причемъ оказывается, что въ то время было у насъ только 179 человѣкъ въ генеральскомъ чинѣ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, изъ нихъ 50-ть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ. Въ другой статейкѣ онъ даетъ краткія біографическія указанія о первыхъ пособникахъ Екатерины II, причемъ, въ концѣ, довольно наивно замѣчаетъ: «событія, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II, разслѣдованы мною такъ, что всѣ они представляются мнѣ въ точной послѣдовательности, несмотря на нѣкоторыя разнорѣчія въ источникахъ, которыя я успѣлъ согласовать между собою и уяснить себѣ. Желающимъ достигнуть подобнаго результата, совѣтую подвергнуть сличенію и критикѣ слѣдующія свидѣтельства и проч.» Это примѣчаніе напоминаетъ намъ главнѣйшую особенность изданій г. Бартенева—ихъ домашній, халатный характеръ, напоминающій доброе старое время.

Недоразумѣніе. Повѣсть въ трехъ частяхъ. *Данкевича.* Спб. 1869.

Въ Римѣ живутъ два художника, Шумскій и Гордѣевъ; Шумскій нѣчто въ родѣ чувствительнаго Эраста, а Гордѣевъ—хладнокровнаго Леонида, двухъ героевъ одной изъ повѣстей Карамзина. Стоятъ два юные друга на квартирѣ у одного итальянца, который имѣетъ двухъ дочерей, Маріетту и Лину, изъ которыхъ одна составляетъ подобіе Эраста, то-есть Шумскаго, другая подобіе Леонида, т. е. Гордѣева. Эрастъ влюбляется сначала въ свое подобіе, чувствительную и нѣжную Маріетту, потомъ покидаетъ ее для болѣе пылкой и сильной Лины, на которой и женится. Скрытный Леонидъ, т. е. Шумскій самъ любитъ Лину, но не показываетъ этого и удаляется въ Петербургъ. Маріетта, продолжающая любить Эраста, выходитъ замужъ за итальянскаго князя. Повидимому все устроивается благополучно: молодая пара путешествуетъ и наслаждается любовью; Гордѣевъ пишетъ картину и т. д. Но еслибъ дѣло оставить въ этомъ видѣ, то никакого недоразумѣнія не получилось бы, между тѣмъ какъ романъ собственно и написанъ для того, чтобъ показать, что недоразумѣніе играетъ въ жизни чувствительнаго Эраста и хладнокровнаго Леонида весьма важную роль. Авторъ немедленно и приводитъ это въ исполненіе. Пріѣзжаетъ Гордѣевъ, объясняется съ Линой, которая и убѣгаетъ съ нимъ, оставляя мужу вмѣсто себя ребенка. Шумскій въ отчаяніи и съ отчаянія, какъ это нерѣдко бываетъ, схватываетъ нервную горячку. Жизнь его разбита. Увы, нѣтъ: мужа Маріетты убиваютъ въ схваткѣ съ австрійцами и она, такимъ образомъ, дѣлается свободною и пылаетъ страстью къ Шумскому. Развязку предвидѣть не трудно: всѣ обрѣтаютъ счастіе, какъ скоро недоразумѣніе кончается, т. е. когда подходящіе другъ къ другу характеры соединяются узами любви. Романъ этотъ растянутъ на такое пространство, что перейти его было бы весьма трудно; къ счастью дорога лежитъ такая плоская и на ней верстовые столбы такъ замѣтно раскрашены цвѣтами безталанности, что чтеніе совершается довольно быстро и приноситъ двоякую пользу: во-первыхъ каждая дѣвица, одолѣвъ его, станетъ избирать себѣ соотвѣтственнаго кавалера, а кавалеръ соотвѣтственную дѣвицу, и во-вторыхъ, каждый убѣдится, что нерѣдко романы пишутся по недоразумѣнію.

Справедливость заставляетъ насъ сказать, однако, что романъ написанъ языкомъ вполнѣ литературнымъ, хотя столь же безцвѣтнымъ, какъ и самое содержаніе, которому онъ даетъ форму; мы признаемъ также за авторомъ и ту заслугу, что онъ соорудилъ цѣлый монументъ въ 500 убористыхъ страницъ ничтожному недоразумѣнію. На такой неблагодарный трудъ хватитъ не всякаго, ибо въ настоящее время даже недаровитые беллетристы начинаютъ понимать, что жизнь слагается не изъ однихъ любовныхъ недоразумѣній и что эту тему если нельзя оставить совсѣмъ, то необходимо привести ее въ гармонію съ другими человѣческими интересами.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. *Карла Реклама,* профессора медицины въ Лейпцигѣ. Спб. 1869.

Популярное изложеніе какой-нибудь науки

становится вполнѣ возможнымъ только тогда, когда она достаточно разработана и получается возможность дѣлать выводы неоспоримые. Гигіена — одна изъ самыхъ молодыхъ отраслей медицины, не могущая еще похвалиться достаточнымъ количествомъ истинъ, которыя не встрѣтили бы себѣ противорѣчій. Поэтому заглавіе выписанной книги кажется намъ слишкомъ претенціознымъ; это не «популярная гигіена, какъ наука», а гигіеническіе совѣты, популярно изложенные и болѣе или менѣе раціональные. Лейпцигскій профессоръ постарался собрать въ своей книгѣ замѣчательную часть того, что добыто опытомъ относительно гигіены, иногда безъ строгой провѣрки, и придать своему изложенію занимательность. Послѣднее ему удалось въ значительной степени; относительно самыхъ совѣтовъ должно сказать, что многое въ нихъ или лишнее, или подлежитъ еще сомнѣнію, или, наконецъ, непримѣнимо къ нашему климату; но затѣмъ остается еще многое, чѣмъ можно воспользоваться, въ особенности классамъ достаточнымъ; существенное отличіе этой книги отъ множества другихъ, трактующихъ о томъ же предметѣ, заключается въ томъ, что лейпцигскій профессоръ постоянно указываетъ на то, что сдѣлано относительно гигіены въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Послѣдняя, впрочемъ, значительно отстала въ этомъ отношеніи отъ Англіи, чѣмъ и приближается нѣсколько къ Россіи. Рекламъ нападаетъ даже на нечистоплотность и неряшливость нѣмцевъ и нѣмокъ, ставя имъ въ примѣръ французовъ и англичанъ, а у насъ нѣмецкая чистота едва ли не вошла въ пословицу. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что намъ гораздо дальше до нѣмцевъ, чѣмъ нѣмцамъ до англичанъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднія эпидеміи слишкомъ очевидно доказали, до чего пренебрегаютъ гигіеническими условіями даже въ Петербургѣ и какъ трудно втолковать жителямъ самыя элементарныя правила гигіены. Нестерпимый запахъ на черныхъ лѣстницахъ, заражающій воздухъ на тѣсныхъ дворахъ, устроенныхъ въ видѣ клѣтки, такой же запахъ на улицахъ ночью отъ вывозимыхъ нечистотъ—все это продолжается до настоящаго времени и встрѣчаетъ себѣ энергическое противодѣйствіе только во время эпидемій; эпидемія прошла—распущенность и патріархальность нравовъ снова вступаютъ въ свои права, а полиція складываетъ руки; городское общество тратитъ сотни тысячъ на предметы весьма сомнительной полезности и ни мало не заботится о томъ, чтобъ улучшить гигіеническія условія города. Все это зависитъ отъ малой степени научнаго образованія какъ представителей власти городского общества, такъ въ особенности отъ полнаго невѣжества и алчности домовладѣльцевъ. Мы ѣздимъ изучать устройство полиціи въ Лондонъ и Парижъ, но не было примѣра, чтобъ посылали кого-нибудь за границу для изученія примѣненій правилъ гигіены къ жизни. Существуетъ изреченіе весьма справедливое, какъ съ гигіенической, такъ и съ экономической точки зрѣнія, что «степень образованности народа можно узнать по способамъ, какими онъ удаляетъ отъ себя свои экскременты». Мы можемъ похвалиться, что стоимъ еще на первой ступени, ибо заражаемъ нечистотами не только воздухъ, которымъ дышемъ, и которымъ медленно отравляемъ себя, но и воду, которую пьемъ. Все это дѣлается на виду всѣхъ, всѣ это знаютъ и оставляютъ процвѣтать въ прежнемъ видѣ. Возьмите другой существенный вопросъ гигіены жилищъ—вентиляцію. Давно ли у насъ стали о ней заботиться, да и заботятся ли полно? Можно чуть не по пальцамъ пересчитать въ Петербургѣ дома, въ которыхъ устроено сколько-нибудь сносная вентиляція; огромное же большинство жителей цѣлую зиму дышетъ зараженнымъ воздухомъ; тоже можно сказать относительно большинства школъ и больницъ. На всемъ пространствѣ россійской имперіи нельзя найти и тѣни того, что сдѣлано относительно больницъ за границей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ берлинскомъ госпиталѣ Милосердія былъ устроенъ особенный лѣтній домъ для доставленія больнымъ возможно болѣе чистаго воздуха. Въ лейпцигской больницѣ есть такъ-называемый воздушный базаръ — открытый ходъ, гдѣ нѣкоторые больные лежатъ день и ночь на совершенно вольномъ воздухѣ, но защищенные отъ непогоды. Лондонскій Consumption-Hospital устроилъ въ своемъ большомъ саду подражаніе хрустальному дворцу 1852 года, съ цѣлью доставить своимъ выздоравливающимъ родъ зимняго сада; больничныя палаты сообщаются съ этимъ садомъ посредствомъ крытаго хода, такъ что выздоравливающіе, оставляя постель, немедленно могутъ пользо-

ваться благодѣтельной прогулкой посреди зелени, не подвергаясь суровости англійскаго климата.

«Популярная гигіена» значительно бы выиграла, еслибъ переведена была лучше и еслибъ была просмотрѣна и измѣнена, сообразно нашимъ климатическимъ условіямъ, какимъ-нибудь знающимъ и добросовѣстнымъ врачемъ. Редакція же «Дѣла», издавшая эту книгу, ограничилась вставками тамъ, гдѣ Рекламъ осуждаетъ нѣмцевъ, такихъ фразъ: «у насъ тоже», или: «а у насъ кольми паче»,—это слишкомъ немного для «настольной книги», а назначенныхъ за эту «настольную книгу» двухъ рублей слишкомъ много.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin, von *C. Schirren.* Leipzig, 1869. (Лифляндскій отвѣтъ г. Юрію Самарину, К. Ширрена).

Книга г. Ширрена, какъ и книга г. Самарина, которой она служитъ отвѣтомъ, въ настоящее время въ продажѣ не находятся. Но такъ какъ о послѣдней мы говорили въ то время, когда она появилась, то не можемъ умолчать и о первой, тѣмъ болѣе, что книга бывшаго дерптскаго профессора надѣлала много шуму въ нашей ежедневной прессѣ, получивъ въ ней названіе памфлета.

Названіе это книга г. Ширрена отчасти заслуживаетъ. Во-первыхъ, она имѣетъ непосредственную политическую цѣль: вызвать со стороны правительства желаемый авторомъ шагъ, стало быть, входитъ въ область практической политики; во-вторыхъ, она написана по извѣстному поводу и обращена къ русской печати, въ лицѣ г. Самарина. Имѣя происхожденіе и цѣль политическихъ записокъ или брошюръ, эта книга похожа на памфлетъ и по рѣзкости своего полемическаго характера. Она безусловно опровергаетъ всѣ требованія русской политики относительно остзейскаго края и не только преувеличенныя требованія той части печати, которая въ залогъ прочности нашего обладанія этимъ краемъ хотѣла бы осуществить невозможное, то-есть, вдругъ изгладить въ немъ прошедшее и всѣ мѣстныя особенности, созданныя самими условіями жизни—но и той части печати, которая не видитъ для государства никакой пользы въ искорененіи какихъ бы то ни было провинціальныхъ организмовъ, а только считаетъ справедливымъ и раціональнымъ подчиненіе мѣстныхъ особенностей общему государственному строю Россіи и признаетъ за аксіому, что во всѣхъ частяхъ государства нефедеративнаго должно дѣйствовать одно право, а во всей государственной администраціи долженъ господствовать одинъ языкъ, языкъ государственный. Г. Ширренъ долженъ же допустить, что то, что признается справедливымъ для Пруссіи, Франціи, остается справедливымъ и для Россіи.

Но если по цѣли своей и характеру книга г. Ширрена можетъ быть названа памфлетомъ, то нельзя не признать, что она по своей программѣ и методу выходитъ изъ ряда эфемерныхъ полемическихъ брошюръ. Она представляетъ собою Summam Summarum всѣхъ возраженій, жалобъ и ссылокъ на историческое право, какая заключается въ арсеналѣ приверженцевъ безусловной остзейской особности, полной остзейской отчужденности. Рѣзкая, безусловно-неуступчивая въ принципѣ, аргументація г. Ширрена ведена однако съ тѣмъ спокойствіемъ, той умѣренностью, той свободою отъ всякаго голословнаго паѳоса и школьническихъ выходокъ, которые мы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчаемъ въ этой скучной полемикѣ, съ обѣихъ сторонъ.

По логичности и послѣдовательности, книга г. Ширрена стоитъ, пожалуй, выше книги г. Самарина. Но, увы! логика даетъ полное дѣйствіе и развитіе только той мысли, которая принята за исходную точку. Какъ бы научно-строгъ ни былъ методъ, онъ все-таки не можетъ создать внутренней силы тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ самой вещи.

Такимъ образомъ, солидность веденія спора налагаетъ на насъ обязанность относиться къ труду г. Ширрена съ тѣмъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ серьёзное сочиненіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ и противъ основныхъ

его положеній, вредныхъ государственному единству Россіи, и противъ его попытки игнорировать русскій народъ, отрицать всякія права русскаго народа на территорію, принадлежащую къ государству, которое создано русскимъ народомъ и внѣ существованія русскаго народа не имѣло бы причины быть.

Разсматривая книгу г. Ширрена какъ сумму возраженій нѣмецкихъ колонистовъ въ Остзейскомъ краѣ, мы укажемъ на существеннѣйшіе его аргументы и на характеристическія черты его взгляда по поводу отношеній остзейскихъ губерній къ русскому государству и русскому народу.

Г. Ширренъ безусловно стоитъ на почвѣ «историческаго права». Капитуляція 1710 года и подтвержденныя ею прежнія привилегіи, среди которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ: актъ короля Сигизмунда-Августа, ништадтскій миръ, возстановленіе мѣстнаго права императоромъ Павломъ и послѣдующія конфирмаціи, въ томъ числѣ послѣдняя—1856 года—вотъ та лѣстница, по которой онъ восходитъ до остзейскаго и спеціально-лифляндскаго summum jus; онъ спускается по ней внизъ, отражаетъ нашу предполагаемую summam injuriam и снова взбирается на верхъ своего безусловнаго, незыблемаго права. Кромѣ этой лѣстницы, г. Ширренъ ничего знать не хочетъ: ни требованій государственнаго единства, ни примѣровъ изъ практики другихъ государствъ, хотя бы той Пруссіи, въ которую онъ удалился, ни наконецъ простой практической истины, что сотня тысячъ нѣмцевъ, соединенныхъ судьбою съ 70-ти-милліоннымъ русскимъ народомъ, не могутъ же на вѣчныя времена отказываться отъ всякаго съ нимъ сближенія подъ предлогомъ нѣсколькихъ кусковъ пергамена. Г. Ширренъ написалъ свою книгу точно такъ, какъ Деакъ свой знаменитый адресъ 1861 года: историческое право, прагматическая санкція, обоюдная обязательность, — и больше ничего! Но г. Ширренъ не могъ не сознавать самъ, что почва, на которой стоялъ адвокатъ венгерской короны, и та, на которой долженъ держаться адвокатъ остзейскихъ привилегій, слишкомъ несходны. Реальныя, дѣйствительныя отношенія въ обоихъ примѣрахъ слишкомъ различны. Деаку предстояло историческимъ правомъ только оправдать венгерское «не хочу»; г. Ширрену же предстояло бы *убѣдить* въ томъ, чего онъ лично желаетъ. Для убѣжденія же, одного историческаго права недостаточно. Сверхъ того, и самое свойство историческаго права въ обоихъ случаяхъ неодинаково. Какъ историческія основы венгерской законности ясны и безспорны, такъ историческія основы балтійской отчужденности неясны и даже противорѣчивы. Первыя всѣ истекаютъ изъ формальныхъ, билатеральныхъ трактатовъ съ одной и той же властью. Послѣднія состоятъ изъ неравномѣрныхъ и условныхъ подтвержденій властями трехъ государствъ, попеременно владѣвшихъ Лифляндіею, порядковъ, существовавшихъ до вступленія ихъ во владѣніе областью. Венгерская законность представляетъ рядъ договоровъ венгерскаго сейма, представительства венгерскаго королевства, и венгерскимъ королемъ. Законность остзейская, на которую ссылается г. Ширренъ, то-есть законность, независящая отъ нашего свода мѣстныхъ законовъ, представляетъ рядъ не вполнѣ совпадающихъ по своему объему подтвержденій, данныхъ государями трехъ державъ, кому?—не Остзейскому краю, какъ государству, какъ странѣ, а нѣкоторымъ остзейскимъ сословіямъ.

Такъ, грамота польскаго короля Сигизмунда-Августа подтверждаетъ огуломъ всѣ тѣ порядки, какіе существовали до польскаго владѣнія, не опредѣляя какіе именно, и послѣдствіемъ такого огульнаго, безформеннаго утвержденія порядковъ разновременныхъ, между собою несогласимыхъ, является вскорѣ подъ польскимъ же владычествомъ *совершенно-новое* устройство края; грамота шведскаго короля Карла также подтверждаетъ прежнія привилегіи и обычаи, но о сигизмундовой грамотѣ не упоминаетъ; и подъ шведскимъ правленіемъ тотчасъ заводятся *новые* порядки. Капитуляція 1710 года упоминаетъ объ этой грамотѣ, но ништадтскій мирный трактатъ подтверждаетъ тѣ порядки, которые были при шведскомъ правленіи, стало быть и всѣ шведскія нововведенія, противорѣчившія порядкамъ существовавшимъ до шведскаго правленія.

Спрашивается, возможно ли видѣть въ этихъ послѣдовательныхъ актахъ нѣчто цѣльное, въ каждомъ изъ нихъ усматривать подтвержденіе прежняго (и чего именно?), а совокупность ихъ считать правильнымъ codex juris или даже — «конституціею» Остзейскаго края.

Теперь—объ обоюдной обязательности, о би-

латеральности, на которую такъ напиралъ Деакъ, а за нимъ и г. Ширренъ. Въ обоюдномъ обязательствѣ необходимы два независимыхъ юридическихъ лица. Въ венгерской законности мы видимъ — государственный сеймъ, представительство королевства Венгріи, и государя габсбургскаго дома: между ними происходили соглашенія, по силѣ которыхъ монархъ габсбургскаго дома и сдѣлался королемъ Венгріи. Въ цѣломъ ряду соглашеній, составляющихъ венгерскую законность, всегда являются эти два юридическія лица, полноправныя и независимыя, и отсюда истекаетъ однородность, юридическая связь основъ венгерской законности и несомнѣнная обоюдо-обязательность ея.

Гдѣ же эти два постоянныя, всегда тѣ же лица, въ дипломатикѣ остзейской? Кто именно и кому именно обязался? Каждый изъ тѣхъ актовъ, изъ которыхъ г. Ширренъ пытается создать остзейскую законность, исходитъ отъ другой власти и данъ иному лицу: контрагентомъ со стороны Остзейскаго края являются то одно сословіе одной провинціи, то городъ Рига, то одно сословіе двухъ провинцій, то — никто, просто никто, именно тогда, когда актъ, дающій привилегію, является proprio motu. Но ни въ одномъ изъ этихъ актовъ и никогда контрагентомъ не является какое-либо государственное представительство Остзейскаго края, не является самъ Остзейскій край, какъ persona juris.

При такомъ характерѣ наличнаго юридическаго матеріала, возможно ли *твердо* стоять на юридической почвѣ, безусловно опираться на историческое право, какъ то дѣлаетъ г. Ширренъ? Сравненіе съ Деакомъ здѣсь, конечно, странно; въ положеніи г. Ширрена, конечно, нѣтъ ничего общаго съ положеніемъ Деака, но столь же мало сходства и въ юридическомъ достоинствѣ той законности, которую каждый изъ нихъ защищаетъ. На привилегіи, обусловливающія государственную обособленность венгерской короны, мы сослались единственно съ цѣлью показать, что такое есть безусловная обоюдо-обязательная законность и историческое право ясное, законченное само въ себѣ, представляющее точку опоры для юриста, который внѣ ея ничего знать не хочетъ. Остзейская законность, не представляя въ себѣ ничего органически-цѣлаго, а только совокупность актовъ разныхъ властей, обусловленная оговорками въ разныхъ размѣрахъ то самаго права, то территоріи, къ какой оно примѣняется,—по существу своему совершенно отлична отъ первой: полный кодексъ можно составить изъ нея не иначе, какъ помощью произвольныхъ, подлежащихъ спору толкованій. Уже одна Петровская оговорка, что привилегіи, о которыхъ упомянуто въ капитуляціи, утверждаются настолько, насколько онѣ были примѣнимы къ тогдашнему времени и безъ всякаго ограниченія правъ монаршей власти, — уничтожаетъ безусловную неприкосновенность и обязательность привилегій, и г. Ширренъ не иначе, какъ съ помощью совершенно произвольнаго толкованія, отрицаетъ примѣнимость этой оговорки къ послѣдующимъ отступленіямъ отъ привилегій.

Точно также нетвердо и то единственное международное основаніе, на которое ссылается г. Ширренъ, именно ништадтскій договоръ. Здѣсь опять договаривались совсѣмъ другія лица, то-есть Швеція и Россія, а не Россія и Остзейскій край. Наконецъ, самъ г. Ширренъ доказываетъ, что при шведскомъ правленіи мѣстныя права были нарушены, а вѣдь ништадтскимъ договоромъ Россія подтверждала только привилегіи, дѣйствовавшія при шведскомъ правленіи, т. е. подтверждала нарушеніе мѣстныхъ правъ.

Однимъ словомъ, попытка создать полную историческую законность для Остзейскаго края похожа на работу мозаиста: изъ разныхъ кусковъ, приставляемыхъ то къ тому мѣсту, то къ этому, то срѣзываемыхъ, по неудобству, то накладываемыхъ въ видѣ заплатъ, — создается нѣчто будто бы цѣлое, но во всякомъ случаѣ не картина, писанная одною кистью, на цѣльномъ полотнѣ, а нѣчто такое, что имѣетъ цѣну только по трудности и возможной законченности работы и тщательности отдѣлки—качества, которыя мы охотно признаемъ за книгою г. Ширрена; но все это не подвигаетъ его дѣла впередъ.

Легко понять, почему г. Ширренъ и занялся исключительно этой работою. На всякомъ иномъ полѣ, кромѣ юридическаго, онъ встрѣтился бы не съ кусками пергамена, а съ живымъ вопросомъ о томъ, много ли выиграло отъ остзейскихъ привилегій большинство населенія края; встрѣтился бы съ краснорѣчивымъ положеніемъ мѣстнаго крестьян-

ства. Тутъ уже никакая мозаическая работа не сведетъ такихъ фактовъ, какъ обезземеленіе, недовольство, выселеніе,—въ картину общаго процвѣтанія; никакая заплата, какъ хитра она ни будь, не покроетъ великой несправедливости.

Г. Ширренъ этого вопроса и не разбираетъ. Между тѣмъ, вопросъ этотъ долженъ являться и на почвѣ историческаго права. Тотъ самый ништадтскій договоръ, который составляетъ единственное международное основаніе лифляндско-эстляндской законности, обусловливалъ и неприкосновенность крестьянской земли, какъ она была при шведскомъ правленіи. Или уничтоженіе этой неприкосновенности впослѣдствіи не слѣдуетъ считать «одностороннимъ» нарушеніемъ трактата, потому что оно исходило отъ самихъ помѣщиковъ и утверждено правительствомъ? Но въ такомъ случаѣ, надо признаться, что въ настоящее время было бы совершенно правильно соглашеніе правительства съ крестьянами относительно надѣла ихъ землею.

Авторъ грозитъ намъ историческою Немезидою, съ удовольствіемъ распространяясь о томъ, какъ Польша и Швеція, каждая въ свою очередь, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій нарушали мѣстную обособленность и затѣмъ лишались своего прибалтійскаго владѣнія. Стало быть и Россія, которая.... и такъ далѣе, въ свою очередь.... выводъ ясенъ, хотя логика этого вывода не совсѣмъ убѣдительна. Логическій методъ, выражающійся въ правилахъ: post hoc, ergo propter hoc, и ab uno disce omnes, далеко не безошибоченъ. Ни Польша, ни Швеція не лишились своего балтійскаго владѣнія отъ того, что принимали мѣры къ объединенію его съ государствомъ. Если бы это было такъ, то г. Ширренъ не имѣлъ бы повода ссылаться, какъ на заслугу остзейцевъ, на вѣрность, высказанную ими до конца той власти, подъ которою они находились. И въ настоящее время рѣшительно нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ вѣрности не только большинства населенія въ краѣ, но и собственно нѣмецкой части его — какія бы реформы въ этомъ краѣ ни были признаны нужными. Тѣ самыя условія, которыя г. Ширренъ разумѣетъ подъ именемъ «теченія остзейскихъ рѣкъ», ручаются за это. Нѣтъ сомнѣнія, что средства членовъ нынѣшнихъ рыцарствъ и огромнаго числа «литератовъ» балтійскаго края въ значительной степени доставлены и доставляются имъ службою и отправленіемъ своей профессіи въ Россіи. Нѣтъ также сомнѣнія, что и торговое сословіе въ краѣ главныя свои выгоды извлекало и извлекаетъ изъ Россіи же.

Вотъ въ виду этого-то обстоятельства и представляется совершенно несправедливыми со стороны г. Ширрена такія положенія, какъ слѣдующія: «мы ничего не имѣемъ общаго съ вашимъ народомъ, кромѣ государственной обязанности» (стр. 95); «вашъ народъ не достаточно зрѣлъ и недостоинъ господствовать надъ нами» (стр. 101); «русскіе здѣсь (въ Балтійскомъ краѣ) и теперь то, что они должны быть по праву и чѣмъ въ дѣйствительности всегда были—гости, имѣющіе право жить, но не строить» (стр. 94). Спрашиваемъ, таково ли было и есть положеніе остзейцевъ у насъ въ Россіи, внѣ предѣловъ Остзейскаго края? Какое различіе, какое исключеніе когда-либо дѣлалось въ Россіи *въ ущербъ* имъ? Не были ли они всегда и вездѣ принимаемы по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ хозяевами и ужъ никакъ не въ качествѣ гостей, которымъ дозволяется жить, а строить запрещено. Много ли есть «рыцарскихъ» фамилій, гордящихся тѣмъ, что онѣ не то что русское дворянство, которыя бы не поддержали своихъ средствъ именно тѣмъ, что служили въ Россіи на правѣ русскихъ дворянъ, а не иностранцевъ? Принималась ли изъ русскихъ въ дворянское сословіе Остзейскаго края хотя тысячная часть того числа остзейскихъ дворянъ, которые сдѣлались русскими равноправными помѣщиками, и по собственному пріобрѣтенію населенныхъ земель на правѣ русскаго дворянства, и по пожалованію имъ такихъ земель? Допускались ли въ какія бы то ни было профессіи въ Остзейскомъ краѣ, начиная отъ ремесленниковъ и кончая администраціею, русскіе, незнавшіе нѣмецкаго языка?

Нѣтъ, въ Россіи гостепріимство для остзейцевъ понимали совсѣмъ иначе, чѣмъ въ остзейскомъ краѣ для русскихъ. Г. Ширренъ напрасно напоминаетъ намъ про иго монгольское, чтобы усовѣстить насъ насчетъ гоненій, претерпѣваемыхъ его земляками. Русское иго надъ остзейцами ничего общаго съ игомъ монгольскимъ не имѣло. Случалось Россіи получать отъ Остзейскаго края Бироновъ, но мы не награждали ихъ ничѣмъ подобнымъ.

Мы вовсе не такъ щекотливы въ самолю-

біи какъ г. Ширренъ, и читая его упреки намъ въ недостаткѣ «выдержки, выработанности характера, умѣренности, благоразумія», его порицанія нашей склонности къ крайностямъ, его глумленіе надъ пароксизмами нашихъ общественныхъ настроеній, мы сознаемся, что во всѣхъ этихъ упрекахъ есть правда. Но все это нисколько не укрѣпляетъ балтійской законности, не дѣлаетъ сигизмундову грамоту солидарною съ ништадтскимъ трактатомъ, не ослабляетъ оговорки Петра относительно дѣйствія привилегій, не доказываетъ, что балтійскимъ крестьянамъ безъ земли быть лучше, чѣмъ съ землею. Мало того, выходки эти, если онѣ что-нибудь укрѣпить могутъ, такъ это убѣжденіе въ необходимости изученія балтійскими нѣмцами русскаго языка, для того, чтобы они лучше насъ понимали; и если эти выходки могутъ что-нибудь ослабить, такъ именно достоинство книги г. Ширрена, какъ полемической монографіи лифляндскаго права.

Къ той же категоріи принадлежитъ и все глумленіе автора надъ историческимъ призваніемъ русскаго народа. Авторъ, конечно, не отрицаетъ историческаго призванія германской расы, того самаго призванія, которое положило начало и господству нѣмцевъ въ балтійскомъ краѣ?—Что касается намековъ автора на нравственныя качества Индрика Страумита, намеки, которыми онъ думаетъ устранить неудобное для него свидѣтельство мѣстнаго уроженца относительно «больного мѣста» всего балтійскаго вопроса — то намеки эти намъ кажутся недостойными общаго тона сочиненія г. Ширрена.

Авторъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ русскимъ народомъ, онъ обращается только къ власти и желаетъ получить отъ нея объявленіе, на какомъ пунктѣ остановятся посягательства на мнимое національное остзейское право. Но если онъ полагается въ этомъ отношеніи на правительство, то напрасно самъ же пишетъ родъ ультиматума (стр. 192, 194). Наслѣдственное господство въ остзейскомъ краѣ нѣмецкой *націи* и наслѣдственная принадлежность этого края нѣмецкой націи—вотъ его ультиматумъ. «Найдите болѣе ясное выраженіе для великаго права!» восклицаетъ г. Ширренъ, поставивъ этотъ ультиматумъ. Выраженіе, дѣйствительно, ясно. Но неясно отношеніе между его терминами. Принадлежность остзейскаго края нѣмецкой націи—какъ разумѣть ее? Если выраженіе это означаетъ, что нѣмецкая нація, кромѣ собственной своей территоріи, т. е. Германіи, владѣетъ еще за предѣлами ея колоніею—Остзейскимъ краемъ—то это будетъ ясно, но примѣненіе этого принципа допущено быть не можетъ, ибо Остзейскій край, какъ извѣстно, принадлежитъ россійской коронѣ и россійскому гражданству. Если же приведенное выраженіе разумѣть въ томъ смыслѣ, что Остзейскій край принадлежитъ націи, населяющей этотъ край, то въ такомъ случаѣ не окажется возможнымъ признать эту націю нѣмецкою.

Смѣемъ увѣрить г. Ширрена и тѣхъ остзейцевъ, которые раздѣляютъ всѣ его воззрѣнія, что они напрасно предполагаютъ въ русскомъ обществѣ фанатическое стремленіе къ преслѣдованію нѣмецкой части населенія Остзейскаго края за ея національныя особенности. Крайности, въ какія впадаетъ иногда наша печать, далеко не всегда соотвѣтствуютъ истинному настроенію нашего общества. Чтобы коронная администрація въ остзейскомъ краѣ приняла общегосударственный языкъ—даже этого требуетъ не столько русское общество, сколько здравый смыслъ. За примѣромъ ходить не далеко. Какой языкъ употребляется въ администраціи Познани и восточной Пруссіи? Пусть нѣмцу, латышу и эсту будетъ предоставлена *возможность* учиться по-русски, безъ всякаго принужденія, и пусть отмѣнится въ мѣстныхъ постановленіяхъ и обычаяхъ все то, что составляетъ ограниченіе гражданскихъ правъ русскихъ уроженцевъ; пусть нѣмцы перестанутъ мечтать о наслѣдственномъ владѣніи краемъ, а согласятся, что и онъ долженъ воспользоваться реформами крестьянскою и судебною, идти на пути законодательства за одно съ Россіею—вотъ крайніе предѣлы того, что требуется общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Насильственныхъ мѣръ къ обрусѣнію эстовъ, латышей и нѣмцевъ оно вовсе не требуетъ, а сравненія печати остзейскаго края въ просторѣ съ печатью русскою, оно желаетъ столько же, сколько сами нѣмцы, и не для одного Остзейскаго края, а вообще для всѣхъ русскихъ губерній; тоже самое справедливо и относительно свободы вѣроисповѣданія.

Неужели нѣмецкая *культура* состоитъ въ

томъ, чтобы противиться потребностямъ такого единенія? Г. Ширренъ сознается въ одномъ мѣстѣ, что достаточно было Шереметеву сдѣлать два лишнихъ выстрѣла, чтобы условій капитуляціи Риги вовсе не было; но по его мнѣнію, выстрѣловъ этихъ и *не стоило* дѣлать, а лучше было привлечь на свою сторону населеніе. Но неужели же Россія за эти два выстрѣла продала на вѣки именно большинство населенія? Неужели Россія введеніемъ справедливыхъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ хочетъ чего-нибудь другого, а не привлеченія на свою сторону большинства населенія? Если же привилегіи остзейскихъ сословій противорѣчатъ видамъ современной цивилизаціи, то Россія въ томъ не отвѣтственна.

Die Baltischen Provinzen am Rubicon. Ein Sendschreiben an die Deutschen der Ostseeländer von einem Potripten. Berlin 1869. (Балтійскія провинціи при Рубиконѣ).

Если уже въ книгѣ г. Ширрена, несмотря на стараніе его сохранить строго-научный тонъ, проявляется страстно-враждебное отношеніе къ «инстинкту» и «призванію» русскаго народа, то чего же ждать отъ другихъ, менѣе ученыхъ германскихъ патріотовъ, выступающихъ на политическій турниръ? Всѣ они отличаются энергіею въ сужденіяхъ именно о народѣ русскомъ, хотя въ дѣйствительности русскій народъ ничего остзейцамъ не сдѣлалъ. Да и кто же имъ сдѣлалъ что-нибудь? Неужели же введеніе русскаго языка въ мѣстную коронную администрацію (мѣры, вдобавокъ еще, далеко не осуществившейся) и назначеніе одного губернатора изъ русскихъ достаточно, чтобы оправдать всѣ эти вопли къ небу о преслѣдованіяхъ и всѣ эти усилія нѣмецкихъ авторовъ уязвить русскій народъ?

Это желаніе ихъ уязвить русскій народъ было бы совершенно необъяснимо, еслибы мы не знали, что весь «балтійскій вопросъ» раздутъ до размѣровъ вопроса собственно газетною полемикою съ обѣихъ сторонъ. Нѣмцы сердятся не только за неправду, но и за правду, и въ основаніи ихъ досады лежитъ еще больше чистаго предразсудка, чистой національной спѣси, чѣмъ даже въ тѣхъ изъ направленныхъ противъ нихъ обвиненій, которыя натянуты. Кто мы такіе, чтобы мы смѣли вообще сужденіе имѣть о столь высокоцивилизованной націи, какъ нѣмцы? Вотъ въ сущности главный мотивъ, вдохновляющій нѣмецкихъ писателей, въ томъ числѣ и г. Ширрена. Естественно, что изъ такой несерьезной постановки ими вопроса истекаютъ и ребяческія огульныя обвиненія ими русскаго народа.

Но если смотрѣть на балтійскій вопросъ какъ на смѣшной вопросъ о томъ, кто изъ насъ спѣсивѣе, нѣмцы или мы, и кто первый сталъ браниться, то едва-ли и въ этомъ отношеніи большая вина будетъ на нашей сторонѣ.

Ничтожная брошюра, которой заглавіе мы выписали, какъ нельзя лучше излагаетъ все представленіе нѣмцевъ о русскомъ народѣ и государствѣ; въ этомъ собственно отношеніи она и интересна. Представляя вѣрный сводъ нелѣпыхъ предразсудковъ и вершину самомнѣнія нѣмцевъ о русскомъ народѣ и ихъ отношеніяхъ къ нему, она доказываетъ, что какъ бы несправедливы ни были нѣкоторыя обвиненія противъ балтійскихъ нѣмцевъ, явившіяся въ нашей печати, какъ бы ни были преувеличены обвиненія, внушенныя однимъ предразсудкомъ, всѣ эти наши уклоненія отъ правды маловажны въ сравненіи съ той горою несправедливостей, предразсудковъ, самообольщеній и самовосхваленій, съ которой смотрятъ на насъ нѣмцы.

Въ брошюрѣ несчастные остзейцы сравниваются съ Прометеемъ, прикованнымъ къ нашей скалѣ и нами терзаемымъ, не взирая на то, что онъ именно далъ намъ «искру просвѣщенія». Извѣстно, что въ полемикѣ этой, всегда сбивающейся на перебранку, приведенное представленіе всегда играетъ главную роль. Какъ будто—допустивъ, что насъ просвѣтили именно одни нѣмцы,—они сами въ самомъ дѣлѣ похитили съ неба священный огонь просвѣщенія; какъ будто въ самомъ ихъ научномъ лексиконѣ большинство словъ не чужды нѣмецкому языку?

«Такъ-то тѣло, воспитанное сердечною кровью нѣмцевъ (русскій народъ) нынѣ возстаетъ на своего творца (нѣмецкій народъ)»; такъ жалуется авторъ брошюры. Далѣе, онъ увѣряетъ, будто мы сознаемъ, что безъ нѣмца мы не можемъ обойтись, и между тѣмъ хотимъ, чтобы нѣмецъ пересталъ быть нѣмцемъ; но въ такомъ случаѣ, вѣдь онъ заразился бы всѣми нашими недостатками и уже не могъ бы «освѣщать намъ пути впередъ»,—заключеніе, котораго правильность равна наивности посылки.

Авторъ въ происшедшихъ у насъ перемѣнахъ видитъ только паденіе и увѣряетъ, крупнымъ шрифтомъ, что паденіе это началось именно съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцевъ удалили изъ администраціи (?) и предоставили русскихъ самимъ себѣ. Само собою разумѣется, что полное господство нѣмецкой національности въ Остзейскомъ краѣ авторъ доказываетъ тѣмъ, что латыши и эсты — народы неспособные къ культурѣ.

Практическій совѣтъ автора остзейцамъ это — «оказывать пассивное сопротивленіе». Сверхъ того, для спасенія дѣла нѣмецкой національности, онъ требуетъ, чтобы остзейцы (и преимущественно дворяне) сдѣлали и нѣкоторыя *пожертвованія*, какъ-то: облегчили крестьянамъ выкупъ земель, устроили школы для обученія нѣмецкому языку, допустили не-дворянскія сословія принять участіе въ ландтагахъ. Въ заключеніе—точно будто авторъ все-таки не надѣется на эти пожертвованія — выражается утѣшеніе, что «грозная туча съ сѣвера можетъ быть разсѣяна бурею съ запада».

History of European Morals from Augustus to Charlemagne. By William Edward Hartpole Lecky, M. A. In two volumes. London, 1869. (Исторія европейской нравственности со временъ Августа до Карла Великаго, соч. Вилльяма Эдуарда Гартполя Лекки).

Писатель, съ сочиненіемъ котораго мы желаемъ познакомить нашихъ читателей, извѣстенъ въ Россіи лишь по одному изъ писемъ нашего берлинскаго корреспондента, высказавшаго нѣсколько мыслей по поводу перевода другого сочиненія Лекки на нѣмецкій языкъ;— между тѣмъ, Лекки успѣлъ уже составить въ своемъ отечествѣ столь громкое имя, что его новый трудъ, несмотря на свою дороговизну [1]), успѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдержать два изданія. Буквы: M. A., приписанныя къ фамиліи писателя, показываютъ, что онъ пріобрѣлъ уже одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, и хотя громадныя массы выносокъ, разсыпанныхъ въ обоихъ большихъ сочиненіяхъ автора, свидѣтельствуютъ о рѣдкой начитанности его, требовавшей долгаго, усидчиваго труда, Лекки вступилъ на литературное поприще еще весьма недавно. Какъ ирландецъ, Лекки посвятилъ свое первое сочиненіе изображенію «Вождей общественнаго мнѣнія въ Ирландіи», но этотъ памфлетъ прошелъ безслѣдно. Своею славою Лекки обязанъ первому большому труду: «Исторія возникновенія и вліянія духа раціонализма въ Европѣ» (History of the Rise and Influence of the spirit of Rationalism in Europe), появившемуся въ печати три года тому назадъ, тоже въ двухъ томахъ. Какъ въ томъ сочиненіи, такъ и въ нынѣшнемъ, авторъ является раціоналистомъ особаго рода, такъ какъ раціонализмъ является подъ его перомъ вовсе не въ той системѣ, въ какой привыкли представлять это направленіе въ богословіи. Лекки — деистъ и горячій защитникъ христіанской нравственности, но догматы разныхъ церквей, и особенно римско-католической, имѣютъ для него лишь историческое значеніе. Въ «Исторіи раціонализма» онъ обнаружилъ столько привязанности къ точнымъ, индуктивнымъ наукамъ, придавалъ индустріальному духу столь великое значеніе въ исторіи культуры, и самъ держался такого метода, по которому многіе признали его писателемъ «боклевской школы», что трудно было предположить, что онъ считаетъ себя однимъ изъ бойцовъ дедуктивной, или интуитивной партіи. Правда, и въ прежнемъ сочиненіи были нѣкоторые намеки на то, что позитивисты суть не что иное, какъ скрытые матеріалисты, но никто не ожидалъ отъ Лекки такого ожесточеннаго нападенія на «утилитаристовъ», какое мы находимъ въ первой, обширной главѣ его новаго сочиненія. Эта аттака доказываетъ, что авторъ не желаетъ ограничиваться лишь серьезнымъ изученіемъ того или другого предмета, но и старается, по мѣрѣ силъ и возможности, участвовать непосредственно въ общественныхъ спорахъ дня. Въ самомъ дѣлѣ, эта первая глава есть цѣлый памфлетъ, имѣющій почти исключительно полемическій характеръ. Правда, и въ другихъ отдѣлахъ новаго труда, авторъ не колеблется перебрасывать васъ изъ философскихъ системъ древней Греціи въ ученія новѣйшихъ мыслителей, и потомъ въ догматику св. отцовъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они связаны между собою общею цѣлью сочиненія. Никто не станетъ оспаривать того, что «исторія не простая смѣна событій, связанныхъ между собою лишь хронологіею, а цѣпь причинъ и

[1]) Онъ стоитъ 28 шиллинговъ, а у насъ 14 руб.

слѣдствій», но полемика противъ утилитаріанизма, наполняющая почти половину перваго тома, едва-ли здѣсь умѣстна. Ожесточенный и отчасти саркастическій тонъ, принятый Лекки въ этой главѣ, значительная путаница понятій, невыдержанная до конца аргументація мысли и напрасныя обвиненія, разсыпаемыя авторомъ на головы противниковъ — все это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что глава объ утилитаріанизмѣ стремится достигнуть чего угодно, но только никакъ не безстрастнаго поученія юношества. Это политическій памфлетъ, ѣдкій, горячій, и какъ всѣ почти памфлеты этого рода, сильно страдаетъ односторонностью и узкостью воззрѣній. Но прежде, чѣмъ говорить о памфлетистѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ историкомъ.

Какъ историкъ, Лекки имѣетъ неоспоримыя достоинства не только какъ путеводитель къ тѣмъ многочисленнымъ, древнимъ источникамъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свой богатый матеріалъ, но и въ качествѣ популяризатора самыхъ трудныхъ научныхъ вопросовъ. Его обширное знакомство съ литературою описываемаго времени, при помощи богатой фантазіи, даетъ ему возможность представить намъ общественную жизнь древнихъ, ихъ нравы и обычаи въ такой осязательной формѣ, какъ будто мы сами жили этою жизнью. Съ замѣчательною послѣдовательностью и искусствомъ находитъ Лекки тѣсную связь между перемѣнами съ одной стороны въ основахъ и типахъ нравственности, и съ другой — въ философской мысли и религіозномъ чувствѣ. Слогъ у него простой, легкій, мѣстами блестящій и краснорѣчивый.

Главная цѣль новаго труда состоитъ, по словамъ автора, въ томъ, «чтобъ прослѣдить дѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ на нравственность, изслѣдовать — каковы были нравственные типы, считавшіеся идеалами въ разныя времена, до какой степени осуществились они въ дѣйствительной жизни, и подъ вліяніемъ какихъ причинъ они измѣнялись, извращались, или разрушались». Начиная свое описаніе съ правленія Августа, Лекки вовсе не видитъ въ этомъ историческомъ періодѣ какой-нибудь исключительной границы въ смыслѣ историческаго изображенія нравовъ; онъ начинаетъ съ Августа лишь для того, что ему необходимо очертить положеніе римскаго общества въ самый моментъ появленія новаго нравственнаго ученія, которому удалось преобразовать старый, языческій міръ. Лекки указываетъ тѣсную связь между христіанствомъ и философскими школами древней Греціи и употребляетъ почти половину своего труда на то, чтобъ показать, какимъ образомъ христіанство возникло на развалинахъ языческаго міра, подкопалось подъ него, и потомъ, разрушая его, вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сдѣлки, имѣвшія важное вліяніе на дальнѣйшія судьбы европейской образованности.

Относительно древней религіи Лекки говоритъ: «Одинъ изъ первыхъ фактовъ, непремѣнно поражающихъ каждаго ученаго, изслѣдующаго этическое ученіе древней цивилизаціи, состоитъ въ томъ, что это ученіе имѣло слишкомъ много представителей и внушало къ себѣ слишкомъ слабое довѣріе въ народѣ. Древніе люди никогда не искали своихъ нравственныхъ идеаловъ въ дѣйствіяхъ боговъ, и еще задолго до торжества христіанства, политеизмъ пересталъ уже оказывать сколько-нибудь значительное вліяніе на болѣе образованные умы человѣчества. Въ Греціи мы можемъ прослѣдить, съ самыхъ раннихъ временъ, слѣды религіи природы, совершенно отличной отъ легендъ миѳологіи». Предоставленныя самимъ себѣ и не имѣя опредѣленныхъ правилъ нравственности, освященныхъ общественнымъ мнѣніемъ, древніе люди сдерживались въ своихъ страстяхъ и желаніяхъ одними лишь привычными, эмпирическими свѣдѣніями о законахъ природы. Взаимныя отношенія между людьми служили предметомъ многихъ философій, но ни одна изъ нихъ не снабжала общества такими нравственными правилами, которыя могли бы стать обязательными для каждаго человѣка въ отдѣльности. Существованіе рабства много препятствовало образованію народнаго нравственнаго чувства, такъ какъ оно дѣлило народъ на двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга половины. Не имѣя общепризнаннаго нравственнаго мѣрила въ своихъ поступкахъ, каждый человѣкъ принужденъ былъ опредѣлять собственнымъ умомъ справедливость своихъ отношеній къ другимъ людямъ, и потому неудивительно, что капризная мысль какого-нибудь крупнаго и эксцентрическаго ума, возбуждая и поражая воображеніе современниковъ, могла входить

въ моду, освящаться привычкою и наконецъ становиться обычаемъ. Какъ иначе объяснить такое ужасное явленіе, какъ присутствіе римскихъ женщинъ при бояхъ гладіаторовъ, среди бѣшеныхъ криковъ и воплей смерти, въ виду потоковъ крови и изувѣченныхъ тѣлъ? Правда, въ Римѣ господствовала государственная религія, но ея предписанія, всегда измѣнчивыя, не могли имѣть значенія, какое пріобрѣли каноны христіанства, обнимающіе всю жизнь человѣка, во всѣхъ, даже малѣйшихъ подробностяхъ ея. Разъ признанная народною, христіанская религія должна была установить прочныя начала нравственности, обязательныя для всѣхъ. Но государственная религія древнихъ была религіею чисто-практическою, пригодною лишь для нѣкоторыхъ цѣлей, и потому оставалась безъ всякаго вліянія на тѣхъ великихъ моралистовъ, которые проповѣдовали служеніе добродѣтели въ Римѣ. Иные изъ нихъ были атеисты и открыто смѣялись надъ богами, какъ надъ созданіемъ рабскаго страха; другіе признавали существованіе божественной воли, но только не обитателей Олимпа, — однимъ словомъ, въ дѣлѣ вѣры Римъ представлялъ два совершенно разныхъ народа: между образованнымъ классомъ и необразованнымъ легла, въ этомъ отношеніи, непроходимая пропасть. Господствовавшая религія укрѣпляла въ народѣ полезныя добродѣтели, возбуждала патріотическія чувства, и даже способствовала развитію нравственной чистоты въ жизни, но тѣмъ не менѣе она воспитывала исключительный эгоизмъ. Эта религія была просто способомъ къ достиженію благоденствія, предотвращенію несчастія, и предугадыванію будущаго. Древній Римъ произвелъ много героевъ, но ни одного святого. Его самопожертвованіе было патріотическое, но не религіозное. Его религія не была ни независимымъ наставникомъ, ни источникомъ вдохновенія, хотя обряды ея находились въ связи съ лучшими привычками народа, и укрѣпляли ихъ.

Сильный ударъ римскому язычеству нанесенъ былъ римскими завоеваніями, которыя познакомили массу римскаго народа съ богами другихъ странъ древняго міра. Новые боги, принесенные къ Римъ, внесли въ умы низшихъ классовъ крайнюю путаницу религіозныхъ понятій, которыя имѣли послѣдствіемъ полное распущеніе всѣхъ нравственныхъ узъ. Новыя религіи не замѣнили старой, но только возбудили къ ней и самимъ себѣ сильное недовѣріе и, вмѣстѣ съ нею, пали въ общемъ мнѣніи. Вотъ почему, «среди разврата имперіи мы встрѣчаемъ множество благородныхъ усилій къ религіознымъ реформамъ, со стороны философовъ и императоровъ, но нигдѣ нѣтъ и слѣда нравственнаго вліянія древней религіи.» Тамъ, «съ одной стороны, мы находимъ систему этики, о которой, судя по стройности и прелести ея предписаній, по возвышенности побужденій, ею вызываемыхъ, и по совершенному освобожденію ея отъ суевѣрныхъ элементовъ, можно безъ преувеличенія сказать, что хотя другія системы могли съ нею равняться ни одна никогда не превосходила ея. Съ другой стороны мы находимъ общество, почти безусловно лишенное морализующихъ учрежденій, занятій или вѣрованій, существующее подъ властью экономической и политической системы, которая неизбѣжно ведетъ къ общему развращенію, и страстно преданное самымъ звѣрскимъ наслажденіямъ. Нравственный кодексъ, распространяясь въ своей теоретической догматичности, сокращался въ своемъ практическомъ приложеніи».

Отдавая извѣстную долю справедливости древнимъ философамъ и такимъ замѣчательнымъ моралистамъ, каковы: Плутархъ, Плиній, Сенека и Маркъ Аврелій, Лекки утверждаетъ, что если они пренебрегали христіанскимъ движеніемъ и не говорятъ о немъ иначе, какъ въ презрительныхъ выраженіяхъ, то лишь потому, что сами, въ своихъ высшихъ и благороднѣйшихъ поученіяхъ, только устанавливали христіанскую нравственность, но не усвоивали ея предписаній, не сживались съ ними. Какъ бы то ни-было, то, чему учили философы, и то, о чемъ проповѣдовали первые учители христіанства, хотя имѣло между собою много общаго, производило на умы народа совершенно различныя впечатлѣнія. Тогда какъ философамъ пришлось завернуться въ свою тогу и заживо отойти отъ міра пустыхъ треволненій и разврата, и доживать свой вѣкъ почти въ одиночествѣ, безъ послѣдователей, безъ вліянія на народныя массы,— христіанство мало-по-малу срыло всѣ столбы, на которыхъ держалась могущественная языческая имперія. Многіе ученые утверждали, что обращенію язычниковъ въ христіанство всего болѣе спо-

собствовали чудеса, признаваемыя церковью. Лекки отвергаетъ это мнѣніе и ищетъ причинъ быстраго распространенія христіанства въ силѣ и привлекательности его принциповъ, а также въ обстоятельствахъ того времени. Появившись въ такой моментъ, когда успѣхи римскаго оружія опрокинули всѣ преграды, до тѣхъ поръ отдѣлявшія одну партію отъ другой, и установили единство въ государственныхъ учрежденіяхъ разныхъ странъ, новая религія провозглашала всеобщее братство народовъ. Въ то самое время, когда народныя массы такъ много страдали подъ игомъ рабства и нищеты, христіанство предложило имъ личную свободу, какъ прирожденное право и вѣрный миръ и счастіе въ будущей жизни. «Міру, раздираемому враждебными религіями и соперничавшими философіями, оно представляло свои ученія не какъ результатъ человѣческаго мышленія, но какъ божественное откровеніе, подтверждаемое не столько разумомъ, сколько вѣрою.... Подобно всѣмъ великимъ религіямъ, оно стремилось охватить скорѣе образы чувства, чѣмъ образы мысли. Главная причина его успѣха была совпаденіе его ученій съ духовною природою человѣчества.» Не малую силу пріобрѣталъ христіанскій прозелитизмъ въ своемъ ученіи о спасеніи одною вѣрою, и о проклятіи всѣхъ, кто находился внѣ лона новой религіи. Это ученіе «било разомъ какъ по грубѣйшимъ струнамъ надежды и страха, такъ и по тончайшимъ струнамъ состраданія и любви. Послѣдователь политеизма, допустивъ однажды, что христіанство можетъ быть истинною религіею, приходилъ въ ея лоно путемъ простого разсчета благоразумія, и бѣднѣйшій христіанинъ всегда готовъ былъ претерпѣть всякія страданія, лишь бы привлечь въ свою среду всѣхъ, кого любилъ.» Все, что предлагало и чѣмъ прельщало христіанство, все это именно было нужно и льстило народнымъ массамъ. Обстоятельства такъ хорошо слагались для распространенія новаго ученія, что ему нужны были только ревностные и горячіе проповѣдники, и такихъ то именно пропагандистовъ творило христіанство собственнымъ своимъ ученіемъ, при помощи условій самаго быта отживавшаго общества. Но вмѣстѣ съ благопріятными для прозелитизма принципами, христіанство заключало въ себѣ и такіе, которые вызывали противъ него сперва холодное отвращеніе, скоро перешедшее въ самое жестокое преслѣдованіе. Въ самомъ дѣлѣ, угрожая всѣмъ, кто придерживается иныхъ религіозныхъ убѣжденій, вѣчными муками ада, новое ученіе являлось противникомъ религіозной свободы; признавая только одного Бога въ небесахъ, оно отрицало божественность цезарей и такимъ образомъ становилось въ прямой антагонизмъ съ господствовавшими въ имперіи властями; выставляя свои истины какъ единственно вѣрныя и неоспоримыя, оно возстановило противъ себя все, что гордилось своими умственными достоинствами, оно налагало руку на свободу мысли. Какъ бы то ни было, все-таки преслѣдованіе, которому подвергались основатели христіанской церкви, было ведено далеко не такъ искусно и сильно, чтобъ задавить новое движеніе. Авторъ доказываетъ это своею исторіей преслѣдованія, которую онъ доводитъ въ первомъ томѣ до Діоклетіана и Галерія, заключая свой разсказъ защитою геройскаго подвижничества христіанскихъ мучениковъ противъ критики и «крайне нефилософичной суровости» Гиббона, знаменитаго англійскаго историка.

Во второмъ томѣ авторъ изображаетъ образованіе христіанской церкви и подробно разбираетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ началъ согласія и любви, равенства и братства, возникли принципы католицизма. Эти интересныя изслѣдованія оканчиваются главою о воспитаніи женщины въ разныя времена, — о взглядахъ, господствовавшихъ въ разныхъ обществахъ относительно чистоты женской нравственности.

Восторжествовавъ надъ языческимъ міромъ, христіанство стало пропагандировать свои нравственныя начала въ народѣ. Прежде, народныя массы были только зрителями разныхъ религіозныхъ обрядовъ, имѣвшихъ мимолетное значеніе, такъ какъ вся религія ограничивалась лишь этою внѣшнею стороною. О нравственности, о великихъ началахъ справедливости и гуманности проповѣдовали тогда лишь одни философы, голосъ которыхъ носился, какъ замѣчаетъ Лекки, надъ головами толпы и доходилъ только до людей, впадавшихъ въ другую крайность своимъ отрицаніемъ всякой религіи. Христіанская пропаганда держала себя совершенно иначе. Она соединила религіозныя церемоніи съ проповѣдью нравственнаго долга, и

создала для этой цѣли особаго агента—духовенство. Въ первыя времена, христіанство ставило свое нравственное ученіе главною цѣлью пропаганды и даже требовало отъ своихъ послѣдователей значительной нравственной стойкости. Призывъ на путь добродѣтели повторялся систематически, подъ разными предлогами. Языческіе проповѣдники нравственности рѣдко взывали къ будущей жизни, да и то лишь въ видахъ поощренія за добрыя дѣла,—съ торжествомъ христіанства будущій міръ сталъ орудіемъ устрашенія противъ грѣха; правда, что и христіанское ученіе сулило награды на небесахъ, но въ томъ-то и заключалось его превосходство надъ язычествомъ, въ дѣлѣ возрожденія человѣчества, что оно могло употреблять въ свою пользу не только аргументы удовольствія, но и аргументы страданія. Духовенство настойчиво внушало паствѣ, что правильное исполненіе всѣхъ обрядовъ единственно необходимо для спасенія души, и давъ каждому изъ своихъ членовъ «право вязать и разрѣшать», организовало громадную систему нравственной дисциплины, которая стала поддерживать и охранять себя тяжкими испытаніями и карами, ниспадавшими на непослушныхъ членовъ христіанскаго общества. Самою страшною мѣрою было отлученіе отъ церкви. Приводя всѣ эти темныя орудія новой религіи, Лекки спѣшитъ увѣрить насъ, что христіанство не ограничивалось возбужденіемъ однихъ лишь эгоистическихъ надеждъ и ужасовъ, но стремилось также, и главнымъ образомъ, возжечь въ сердцахъ своихъ приверженцевъ «безкорыстную восторженность». Христіанству предоставлено было, говоритъ авторъ, «дать міру идеальный характеръ, который, въ продолженіи XVIII вѣковъ во всѣхъ переворотахъ вдохновлялъ въ сердца людей безкорыстную (impassionate) любовь, проявилъ себя способнымъ вліять на всѣ возрасты, націи, темпераменты и условія, былъ не только высшимъ мѣриломъ добродѣтели, но и сильнѣйшимъ стимуломъ къ практическому осуществленію ея, и оказалъ столь глубокое вліяніе на весь міръ, что можно по справедливости сказать, что простой разсказъ о какихъ-нибудь трехъ годахъ дѣятельной жизни способствовалъ возрожденію человѣчества и смягченію его нравовъ гораздо болѣе, нежели всѣ измышленія философовъ и всѣ увѣщанія моралистовъ. Въ немъ-то и заключается источникъ всего хорошаго и чистаго, что есть въ христіанской жизни».

Примѣръ Основателя христіанства нашелъ ревностныхъ послѣдователей въ святыхъ и мученикахъ, и въ продолженіи 200 лѣтъ сряду гонимая церковь жила своею жизнью среди разрушавшейся имперіи, научая людей уважать человѣческую жизнь, провозглашая всеобщее братство народовъ и порицая военное ремесло, какъ противное проповѣди мира и любви. Эта проповѣдь не осталась безъ важныхъ послѣдствій. Дѣтоубійство, одобряемое язычниками на основаніи политико-экономическихъ соображеній, стало теперь предметомъ сильныхъ порицаній; самоубійство признано такимъ же великимъ преступленіемъ, какъ и убійство; кровавыя зрѣлища цирка подверглись жестокому поношенію; патріотизмъ, воодушевлявшій римскихъ воиновъ, палъ подъ ударами признанія варваровъ братьями; вмѣсто государственнаго человѣка или полководца идеаломъ человѣческаго величія стала судьба пустынника, отказывающагося отъ всѣхъ благъ общественной жизни и удаляющагося въ пустыню вести уединенную жизнь, въ молитвѣ и постѣ. Эти примѣры самоотверженія, умѣренности, воздержности, презрѣнія къ богатству имѣли глубокое вліяніе на христіанскія общины и на народныя массы, такъ какъ они совершались въ то самое время, когда въ остальномъ обществѣ царили развратъ, роскошь, спѣсь и эгоистическія привычки всякаго рода. Оттого даже самыя дикія проявленія аскетизма, сопровождавшагося нерѣдко самобичеваніемъ, находили у современниковъ восторженное оправданіе и перешли къ потомкамъ въ крайне идеализированной формѣ. Многихъ анахоретовъ церковь причислила къ лику святыхъ, а народная фантазія облекла ихъ непреодолимою властью надъ бѣсами и дикими звѣрями. Во времена императорскихъ преслѣдованій, это пустынническое «движеніе» приняло громадные размѣры, такъ какъ къ пустынникамъ по призванію присоединялись и многіе другіе, искавшіе въ пустынѣ спасенія отъ гнавшихся за ними солдатъ. Вмѣстѣ съ мужчинами бѣжали и женщины, и всѣ эти люди налагали на себя несравненно болѣе жестокія мученія, чѣмъ въ городскихъ тюрьмахъ. Цѣлыми тысячами люди отказывались отъ половыхъ сношеній,—такъ, Руфетусъ разсказываетъ, что онъ знаетъ цѣлый городъ,

преданный этого рода аскетизму: тамъ было 20,000 монахинь и 10,000 монаховъ. Лекки превосходно рисуетъ настроеніе этихъ удивительныхъ людей:

«Невѣжественный и суевѣрный, вѣруя силою религіознаго убѣжденія въ то, что безчисленные демоны наполняютъ воздухъ, и приписывая духовнымъ вліяніямъ всякую перемѣну въ своемъ собственномъ темпераментѣ, всякое исключительное явленіе въ окружающей природѣ; подверженный, сверхъ того, психическимъ иллюзіямъ вслѣдствіе долгаго уединенія и суровыхъ испытаній,— пустынникъ легко принималъ призраки собственной фантазіи за осязательную дѣйствительность. Въ страшномъ, гробовомъ мракѣ, гдѣ онъ скрывался среди разлагающихся труповъ, въ длинныя ночи бдѣнія, когда степной вѣтеръ завываетъ вокругъ уединенной кельи и когда воздухъ пронизывается воемъ дикихъ звѣрей, ему представлялось, что за нимъ гонятся видимые образы сладострастной похоти и ужаса, и странныя драмы разыгрывались тогда въ душѣ человѣка, убѣжавшаго спасать свою душу... Иногда, въ минуту полнаго религіознаго экстаза въ его умѣ кружатся воспоминанія прежнихъ сценъ. Тѣнистыя аллеи и роскошные сладострастные сады его родного города возстаютъ передъ его глазами и, колѣнопреклоненный на горячемъ пескѣ, онъ видитъ передъ собою прелестныя группы танцующихъ дѣвъ, на гибкихъ ногахъ и милыхъ улыбкахъ которыхъ съ такимъ наслажденіемъ останавливались когда-то его юношескія очи. Въ другой разъ, его искушенія возникали изъ воспоминаній, пробужденныхъ звуками... Но самую ужасную борьбу выдерживали молодые и страстные люди, по горячимъ жиламъ которыхъ безпрерывно течетъ пламенная кровь страсти, и которые, будучи физически неспособными къ безбрачной жизни и обладая всѣми наклонностями къ галлюцинаціямъ, воспитываемыми подъ южнымъ солнцемъ, увлекались въ пустыню волною религіозной восторженности. Въ объятіяхъ сирійской или африканской невѣсты, нѣжныя очи которыхъ отвѣчали бы на любовь любовью, они могли бы найти свое успокоеніе, но въ уединенной пустынѣ миръ никогда не посѣщалъ ихъ души».

Пустынничество, обѣты безбрачія неизбѣжно привели людей къ монастырской жизни. Съ торжествомъ христіанства, свѣтская власть отнеслась къ монастырямъ съ полнымъ уваженіемъ, и они стали убѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ среди анархіи, порожденной безпрерывными завоевательными набѣгами однихъ варварскихъ дружинъ на другія. Когда варвары разрушили западную римскую имперію, они сами приняли христіанство, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли въ него воинственный духъ и дали волю всѣмъ стремленіямъ отжившаго языческаго міра къ чувственности и идолопоклонству. Мало окрѣпшее христіанство поддалось обольщеніямъ власти и пошло на сдѣлки; — мало-по-малу въ него проникли языческіе обряды и языческія празднества, и даже идолопоклонство. Монастыри, обогатившись на счетъ извращеннаго благочестія мірянъ, стали мѣстами разврата и проповѣди самыхъ вредныхъ для государственнаго благосостоянія мыслей. Утверждая, что богатство есть зло, а нищета—благо, монахи вселяли въ умы народовъ отвращеніе къ промышленности и торговлѣ, а научая людей безусловному повиновенію властямъ и смиренію, подрывали всякое рвеніе къ личной свободѣ. Пріобрѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ надъ свѣтскою властью, духовенство рѣшительно отдалось интересамъ ея, и религія обратилась наконецъ въ орудіе для пріобрѣтенія деспотическаго господства надъ всѣмъ міромъ. Образовались военные монашескіе ордена, начались крестовые походы; гнали и преслѣдовали невѣрныхъ, стали гнать и преслѣдовать еретиковъ. Та самая церковь, которая прежде, своею проповѣдью мира и братства, разрушила римскій патріотизмъ, начала находить войну однимъ изъ главныхъ и почти единственнымъ орудіемъ пропаганды христіанскихъ началъ свободы и равенства: каждую побѣду надъ врагами духовенство принимало какъ милость, ниспосланную небомъ, каждое пораженіе, какъ кару за грѣхи народа. Не человѣческая природа духовныхъ людей одна виновна въ возрожденіи этого воинственнаго духа, но и нѣкоторыя другія посторонніе обстоятельства, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ вторженіе мусульманъ въ Европу и обращеніе дикихъ норманновъ въ христіанство. Первая причина принуждала христіанскій міръ не выпускать меча изъ рукъ, а послѣдняя придала ему значительную массу дикихъ, воинственныхъ племенъ, которыя, обращаясь въ христіанство, нисколько не думали о прекращеніи своихъ варварскихъ набѣговъ. Въ восьмомъ вѣкѣ былъ моментъ, въ который духовенство

могло бы вновь вступить въ отправленіе истинныхъ своихъ обязанностей, но, къ несчастію, въ тотъ періодъ и общее настроеніе массъ уже безвозвратно приняло другое направленіе. Подъ этимъ моментомъ Лекки разумѣетъ обращеніе папы за помощью въ свѣтской власти, въ лицѣ Пепина, но «Карлъ Мартель не могъ сдѣлаться идеальнымъ поборникомъ церкви. Онъ явился слишкомъ рано, его фигура не была достаточно велика для того, чтобы обольстить народное воображеніе; своею конфискаціею клерикальной собственности и своимъ отказомъ папѣ оказать помощь противъ ломбардцевъ, онъ навлекъ на себя анаѳему духовенства». Идеаломъ духовенства сталъ Карлъ Великій. Этотъ государь признанъ церковью «первымъ и величайшимъ изъ крестоносцевъ»; ему приписываются не только его собственные воинскіе успѣхи, но и подвиги потомковъ, его имя воспѣвается на всѣ лады въ средневѣковыхъ романсахъ.

Окончивъ свое изслѣдованіе о вліяніи христіанства на европейское общество вообще, Лекки приступаетъ, въ послѣдней главѣ, къ опредѣленію вліянія христіанства на положеніе женщинъ въ обществѣ, и находитъ, что новая религія, говоря вообще, оказала великую услугу цивилизаціи, поднявъ женщину, въ брачныхъ отношеніяхъ, на одинаковый уровень съ мужчиною, такъ какъ христіанская церковь одинаково строго относится къ нарушеніямъ брачной нравственности со стороны мужа, какъ и со стороны жены. Обращая бракъ въ одно изъ таинствъ и осуждая, какъ незаконныя, всякія связи, не освященныя церковью, католицизмъ, по мнѣнію автора, положилъ краеугольный камень будущаго равенства половъ. Правда, тотъ же католицизмъ установилъ безбрачіе духовенства и тѣмъ возбудилъ въ умахъ мірянъ мысль о томъ, что бракъ будто бы унижаетъ человѣка, что всякая степень святости становится невозможною въ брачномъ состояніи,—однако этотъ догматъ, хотя и оказалъ свое вредное вліяніе, остался въ концѣ концовъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Какъ эта глава, такъ и всѣ другія, полны весьма интересныхъ фактическихъ доказательствъ и обилуютъ безчисленными выписками изъ обширной библіотеки, находившейся подъ рукою автора. Мы не утверждаемъ, чтобы Лекки вполнѣ разработалъ область своихъ интересныхъ изслѣдованій, но его выводы, во всякомъ случаѣ, истекаютъ изъ основательнаго знакомства съ предметомъ, и изложены такъ просто, а мѣстами и увлекательно, что переводъ этого сочиненія на русскій языкъ могъ бы найти у насъ обширный кругъ читателей. (Нѣкоторыя смѣлыя — по нашему — мысли Лекки о догматахъ и учрежденіяхъ христіанства могутъ, конечно, возбудить въ нашей цензурѣ кое-какія напрасныя опасенія, но краснорѣчивая защита самыхъ принциповъ христіанства и великая нравственная роль, которую приписываетъ авторъ христіанству въ исторіи человѣчества, должна бы разсѣять всѣ бюрократическія сомнѣнія. Пора и русской мысли приступить къ критическому анализу религіозныхъ вопросовъ!...)

Намъ остается еще дать отчетъ о полемикѣ Лекки съ утилитаристами и, признаемся, мы даемъ его съ невольнымъ сожалѣніемъ о напрасныхъ усиліяхъ, потраченныхъ столь талантливымъ писателемъ съ единственною цѣлью возстановить противъ себя цѣлую партію такихъ же благородныхъ бойцовъ за политическую и религіозную свободу, какъ самъ Лекки. Всего непріятнѣе поражаютъ попытки автора представить утилитаріанизмъ въ извращенномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что благоразумный читатель, болѣе или менѣе знакомый съ литературою вопроса, даже только съ книгой Милля, вышедшій и въ русскомъ переводѣ, можетъ легко отвергнуть болѣе краснорѣчивые, чѣмъ логическіе доводы Лекки. Судя по многимъ мѣстамъ его сочиненія, Лекки старается доказать, что утилитаріанское ученіе есть не что иное, какъ грубый матеріализмъ, какъ поклоненіе личному эгоизму въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Онъ изумляется, напримѣръ, тому, что Милль дѣлитъ удовольствія на высшія и низшія, и что онъ не отвергаетъ эстетической стороны въ человѣческихъ поступкахъ — «эти двѣ уступки, говоритъ авторъ, обращаютъ разницу между Миллемъ и интуитивными моралистами почти лишь въ одни слова». Въ другомъ мѣстѣ Лекки утверждаетъ: «если люди, полагающіе, что добродѣтельные поступки суть тѣ, которые признаны опытомъ полезными для общества, полагаютъ также, что они сами обязаны, по своей природѣ, способствовать счастію другихъ скорѣе, чѣмъ своему собственному

въ случаѣ столкновенія обоихъ интересовъ, то эти люди не имѣютъ права считать себя индуктивными моралистами». Между тѣмъ, именно утилитаріанизмъ выводитъ нравственный долгъ каждаго человѣка изъ общей пользы всего человѣчества, такъ какъ главная цѣль его — высшее благо наибольшаго числа (если не всѣхъ) людей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ существенное отличіе утилитаріанизма отъ интуитивной теоріи? «Одна школа, говоритъ Милль, утверждаетъ, что принципы нравственности очевидны à priori и для признанія своего ничего не требуютъ, кромѣ того только, чтобы выражающіе ихъ термины были поняты,—другая же школа говоритъ, что добро и зло, равно какъ истина и ложь, суть вопросы наблюденія и опыта». На вопросы о томъ, какъ отличить добро отъ зла, и что принуждаетъ насъ совершать первое и воздерживаться отъ послѣдняго, интуитивная теорія утверждаетъ, что въ насъ самихъ существуютъ инстинктивныя побужденія къ добру, невольное сознаніе доброкачественности одного рода поступковъ и зловредности другихъ, и что эта *совѣсть* или *нравственное чувство* присущи нашей душѣ. Другая теорія ищетъ критеріумъ добра и зла въ цѣляхъ и послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ тотъ или другой поступокъ, по отношенію къ нашему счастію. «Тѣ поступки, которые ведутъ къ счастію, — хороши, а тѣ, которые ведутъ къ несчастію, дурны. Подъ словомъ счастіе (разъясняетъ Милль) онъ разумѣетъ удовольствіе и отсутствіе страданія; подъ словомъ несчастіе—страданіе и лишеніе удовольствія». Что же касается до нравственнаго побужденія совершать одни поступки и воздерживаться отъ другихъ, утилитаріане находятъ эту санкцію въ опытѣ; они точно также признаютъ существованіе совѣсти, но только выводятъ ее изъ опыта, насколько онъ научаетъ человѣка отличать общее благо отъ личнаго. Милль рисуетъ величественную картину человѣчества когда каждый отдѣльный членъ его научится и привыкнетъ вполнѣ сознавать полную зависимость своего счастія отъ счастія всѣхъ остальныхъ людей и станетъ, во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, имѣть прежде всего въ виду общее счастіе, а не личное. Есть, конечно, и теперь значительное число людей, ставящихъ общественную пользу выше личной; — эти люди служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ тому, что и другіе могутъ довоспитаться до того же, и если для этой цѣли необходимо особое воспитаніе, то значитъ, нравственное чувство—чувство вовсе не врожденное, какъ это утверждаетъ Лекки и всѣ интуитивисты, а пріобрѣтаемое. Но Лекки не нравится такая, будто бы узкая, цѣль человѣческой жизни, какъ счастіе, и, основываясь на томъ, что при настоящемъ положеніи вещей, «самая добродѣтельная карьера непремѣнно ведетъ къ счастію», онъ отвергаетъ утилитаріанскую доктрину, какъ ученіе крайне безнравственное и эгоистическое. «Идея чистаго безкорыстія, прибавляетъ онъ, всегда предполагается въ нашихъ сужденіяхъ о добродѣтели». Но не говоря о томъ, что мы причисляемъ къ добродѣтелямъ и такія совершенно личныя качества, какъ трезвость, твердость характера, личное мужество, и т. п., утилитаріанизмъ вовсе не ставитъ цѣлью жизни одно лишь личное счастіе, а напротивъ, утверждаетъ, что человѣкъ долженъ жертвовать своимъ счастіемъ и самою жизнію, но не иначе, какъ съ цѣлію доставить счастіе другимъ. «Благородно отрекаться отъ своей доли счастія или отъ возможности достичь ея»; — говоритъ Милль, «но такое самоотверженіе должно же имѣть какую-нибудь цѣль, не можетъ же оно быть само для себя цѣлію, и если мнѣ отвѣтятъ на это, что его цѣль не есть счастіе, а добродѣтель, которая лучше, чѣмъ счастіе, то я поставлю вопросъ слѣдующимъ образомъ: принесъ ли бы жертву герой или мученикъ, если бы не былъ убѣжденъ, что, жертвуя собой, избавляетъ чрезъ это другихъ отъ необходимости подобныхъ же жертвъ? Принесъ ли бы онъ жертву, если бы думалъ, что его отреченіе отъ счастія не только не принесетъ никакой пользы никому изъ ближнихъ, но и сдѣлаетъ ихъ судьбу подобной его судьбѣ, т. е. поставитъ ихъ въ необходимость также отречься отъ своего счастія»? Историкъ, изучавшій христіанство въ его колыбели, не долженъ былъ бы забывать, что и Іисусъ принесъ себя въ жертву не ради жертвы, а ради спасенія всего человѣчества. Но Лекки не только не признаетъ утилитаріанизма въ христіанствѣ, но и утверждаетъ, что это нравственное ученіе будто бы несовмѣстимо съ вѣрою въ существованіе Бога. И Лекки утверж-

даетъ это, ничѣмъ не опровергнувъ предварительно слѣдующаго мѣста изъ книги Милля:

«Если справедливо, что Богъ желаетъ болѣе всего счастія своимъ созданіямъ, что онъ и создалъ ихъ съ тою цѣлію, чтобы они были счастливы, то утилитаріанизмъ—доктрина въ такомъ случаѣ не только не безбожная, а напротивъ, самая религіозная изъ всѣхъ. Если же обвиненіемъ въ безбожіи хотятъ сказать, что утилитаріанизмъ не признаетъ откровенія верховнымъ законамъ нравственности, то я отвѣчу на это, что утилитаріане, которые вѣрятъ въ совершенную мудрость и благость Божію, необходимо должны также вѣрить, что все, что Богъ почелъ за нужное открыть въ дѣлѣ нравственности, должно въ высшей степени удовлетворять требованіямъ пользы. Не одни утилитаріане держатся того мнѣнія, что откровеніе, указывая въ общихъ чертахъ, что есть добро, не имѣло цѣлію научить и не научаетъ людей знанію добра, — что оно предназначалось для того только, чтобы одушевить умъ и сердце людей такимъ духомъ, который дѣлалъ бы ихъ самихъ способными достигать этого знанія и руководиться имъ въ своихъ дѣйствіяхъ,—и что, слѣдовательно, намъ необходимо самимъ работать надъ созданіемъ этической доктрины, которая *раскрывала* бы намъ волю Божію».

Замѣчательно также, что Лекки бросилъ этимъ обвиненіемъ въ утилитаристовъ, несмотря на то, что руководился въ своихъ другихъ нападкахъ сочиненіемъ почти забытаго утилитариста Пэли (Paley), проповѣдовавшаго личный эгоизмъ въ самой грубой формѣ, но находившаго во всякомъ благотворительномъ поступкѣ прямое присутствіе божественной воли, и доказывавшаго, что воля Божія, насколько она опредѣляется въ откровеніи, заключается въ утилитарномъ принципѣ общаго блага.

Принявъ однажды самопожертвованіе единственнымъ и исключительнымъ мѣриломъ добродѣтели, Лекки дѣлитъ всѣ поступки лишь на добродѣтельные и эстетическіе и утверждаетъ, что въ утилитаріанской доктринѣ такое явленіе невозможно:

«Если (говоритъ онъ) превосходство добродѣтели (надъ эгоизмомъ) состоитъ исключительно въ ея пользѣ или стремленіи способствовать счастію людей, то и машина, плодоносное поле, или судоходная рѣка, тоже обладаютъ въ высшей степени элементомъ добродѣтели. Если мы ограничимъ этотъ терминъ человѣческими поступками, полезными для общества, то и тогда намъ придется канонизировать массу поступковъ, далеко не подходящихъ подъ наши обыкновенныя понятія о нравственности. Все стремленіе политической экономіи и философической исторіи, раскрывающихъ передъ нами физіологію обществъ, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что счастіе и благосостояніе человѣчества зависятъ гораздо болѣе отъ нашихъ эстетическихъ, чѣмъ отъ такъ-называемыхъ добродѣтельныхъ поступковъ. Процвѣтаніе націй и прогрессъ цивилизаціи произведены главнымъ образомъ усиліями людей, которые, строго преслѣдуя свои собственные интересы, безсознательно способствовали интересамъ общества. Эгоистическій инстинктъ, побуждающій людей накоплять богатства, доставляетъ міру, въ концѣ концовъ, болѣе пользы, чѣмъ инстинктъ великодушія, побуждающій людей раздавать».

Не говоря о томъ, что едва-ли добросовѣстно смѣшивать такія два понятія, какъ *вещь* и *поступокъ*, какъ это дѣлаетъ Лекки въ своей первой фразѣ и потомъ старается оправдать во второй, само положеніе о томъ, что утилитаріанизмъ будто бы освящаетъ много поступковъ, которые не подходятъ подъ наши *обыкновенныя понятія о нравственности*, имѣетъ лишь настолько смысла, насколько эти поступки находятъ мѣсто въ классификаціи доктрины, проповѣдующей не «обыкновенныя понятія о нравственности», а понятія, выведенныя научнымъ путемъ изъ опыта. Правда, главное препятствіе, которое находитъ Лекки въ принятіи и усвоеніи утилитаріанской доктрины, состоитъ именно въ томъ, что это ученіе переворачиваетъ вверхъ дномъ всю нравственную фразеологію и противорѣчитъ общепринятымъ выраженіямъ въ разговорномъ языкѣ. Утилитаріанская наука, видите ли, «старается посредствомъ свѣточа совѣсти разложить законы нашего нравственнаго существа», а приходитъ, между тѣмъ, къ такимъ выводамъ, которые прямо противоположны общепринятымъ, составленнымъ людьми, которые «просто слѣдуютъ голосу своей совѣсти, не пытаясь создавать философскія системы». Защищая разговорную рѣчь, Лекки отзывается о ней не иначе, какъ «нашъ обычный и безъискусственный (unstudied) языкъ». Изъ всего этого понятно, что онъ противопо-

лагаетъ опыты толпы опыту науки, забывая о томъ, что голосъ или совѣсть толпы есть не что иное, какъ отраженіе умственнаго состоянія ея въ каждую данную эпоху развитія. Историкъ европейской нравственности, знающій очень хорошо, что толпа въ разныя времена держалась разныхъ началъ нравственности и вѣрила въ разныя божества, долженъ былъ бы знать также, что только истины, открываемыя наукою, могутъ имѣть дѣйствительную цѣну въ глазахъ ученаго, а никакъ не «простое сознаніе» толпы. Что̀ сказать о человѣкѣ, который сталъ бы опровергать законы физики или химіи «простымъ голосомъ совѣсти»? Утилитаріанская доктрина хотя не принадлежитъ къ такимъ точнымъ наукамъ, какъ химія или физика, однако она все-таки доктрина научная. Что̀ за бѣда, что нашъ языкъ скованъ по предписаніямъ другой доктрины? — съ теченіемъ времени, онъ можетъ измѣниться точно также, какъ измѣняется языкъ въ разныхъ отрасляхъ науки съ принятіемъ новыхъ теорій. Сравните научный языкъ времени до открытія закона тяготѣнія съ нынѣшнимъ, и вы поймете, что языкъ можетъ мѣняться всякій разъ, когда мѣняются понятія, которыя имъ выражаются. Правда, и теперь всѣ календари все еще говорятъ о «восходѣ и заходѣ» солнца, но понятія, сопрягаемыя съ этими выраженіями, уже совершенно другія. Утилитаріане могутъ тоже совершенно свободно говорить о долгѣ и совѣсти, хотя подъ этими выраженіями они понимаютъ вовсе не то, что̀ понимаютъ интуитивисты.

Остальная половина вышеприведенной тирады объ отличіи эгоизма отъ добродѣтели тоже основана на явномъ недоразумѣніи, такъ какъ изъ нея можно только понять, что и *благоразуміе* Лекки причисляетъ къ не-добродѣтелямъ. Мы не станемъ защищать политическую экономію отъ упрека въ эгоизмѣ, и замѣтимъ только мимоходомъ, что странно упрекать ее въ эгоизмѣ за то только, что весь научный предметъ ея заключается въ опредѣленіи экономическихъ законовъ, на основаніи одного лишь личнаго интереса разныхъ факторовъ въ обществѣ. Въ словахъ Лекки и здѣсь обнаруживается просто смѣшеніе понятій, подобное тому, какое мы сейчасъ указывали. Процвѣтаніе націй и прогрессъ цивилизаціи зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ эгоистическихъ поступковъ, а отъ благоразумныхъ поступковъ—чѣмъ болѣе благоразумія проявляетъ въ своей жизни какая-нибудь нація, тѣмъ бо̀льшимъ благоденствіемъ пользуется она.

Наконецъ, почти не стоитъ упоминать о нѣкоторыхъ второстепенныхъ возраженіяхъ Лекки противъ утилитаристовъ въ родѣ того, что утилитаріанская доктрина не можетъ осуждать порочную фантазію, жестокое обращеніе съ животными, и что она будто-бы не поощряетъ людей стремиться къ научной истинѣ и ненавидѣть суевѣріе. Всѣ эти обвиненія совершенно несправедливы. Утилитаріанизмъ не можетъ не осуждать наслажденія порочными фантазіями, такъ какъ эти наслажденія производятъ вредъ не только самому лицу, которое предается имъ, но и обществу, ибо подобныя наслажденія способствуютъ распространенію въ обществѣ развращенныхъ, чувственныхъ и эгоистическихъ гражданъ. Утилитаріанизмъ осуждаетъ жестокое обращеніе съ животными, какъ всякую жестокость вообще, такъ какъ подобныя упражненія оказываютъ столь же дурное вліяніе на наше общество, какое гладіаторскіе бои оказывали въ Римѣ. Говорить, наконецъ, что утилитаріанизмъ не развиваетъ ни любви къ научной истинѣ, ни ненависти къ предразсудкамъ, значитъ полагать, что утилитаристы разумѣютъ подъ пользою лишь пользу минуты или, лучше сказать, «выгодность», но ничто не возбуждаетъ противъ себя такого справедливаго негодованія утилитаристовъ, какъ именно это обвиненіе. Полезность есть необходимое качество всякой истины, и потому любовь къ правдѣ, какова бы она ни была, научная или житейская, составляетъ естественную принадлежность мнѣній человѣка, признающаго утилитаріанскія доктрины.

Ю. Р.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи августа поступили вновь въ продажу слѣдующія книги:

ПОЭТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ НА ПРИРОДУ. А. Аѳанасьева. Томъ III-й, М. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. А. Кирпичникова. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ. Тэна. Пер. подъ редакціею В. Чуйко. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ПИСАТЕЛИ. Объ искуствѣ выходить въ люди. Соч. М. Жоли. Жандармы. Административная фантазія Песара. О роскоши въ Парижѣ. Старички. Выпускъ II-й. Спб. 1869 Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ФИЛОСОФІЯ ИСКУСТВА И ОБЪ ИДЕАЛѢ ВЪ ИСКУСТВѢ. Два ряда лекцій, читанныхъ въ Парижѣ, съ приложеніемъ статьи Джона С. Милля: «Значеніе Искуства въ общей Системѣ Воспитанія». Пер Чудинова. Воронежъ. 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ И ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА. Древній Міръ. Томъ I-й. съ 36 рисунками. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

НОВЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЕЦЪ. Романъ Марица Іокая. Въ двухъ частяхъ. Бесѣды Звѣрей, разсказъ А Фиренцуола. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО КОРОЛЕВСТВА И РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ. С. Заруднаго. 2 части. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

ПЕРВЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ. Г. Вагнера. Пер. В. Висковатова. Спб. 1869 г. Цѣна 80 к. съ пер. 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ, БАСНИ И ПѢСНИ. Соч. А. А. Звонарева. въ 2-хъ частяхъ съ 5-ю картинами. М. 1869 г. Цѣна 1 р 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ДОНЕЦКІЙ КАМЕННО-УГОЛЬНЫЙ И ЖЕЛѢЗНО-РУДНЫЙ КРЯЖЪ. М. 1869 г. Цѣна 30 к. съ пер. 50 к.

УГОЛОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Годъ 2-й. Книжка I-я. Дрезденъ 1869 г. Цѣна 2 р. 25 к. съ пер. 2 р. 60 к.

О СЫРОДѢЛІИ И О СЫРОВАРНЫХЪ АССОЦІАЦІЯХЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Н. В. Верещагина. Изд. 2-е. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к. съ пер. 70 к.

СОЛНЦЕ. Двѣ лекціи, читанныя въ собраніи Рейнскаго Общества Естествоиспытателей въ Майнцѣ докторомъ П. Рейсомъ. Спб. 1869 г. Цѣна 50 к. съ пер. 70 к.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Н. А. ШИГИНА.

Въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ, напротивъ Гостиннаго двора, въ домѣ Пажескаго Корпуса, № 5.

Исалтирь, переложенная стихами русскими авторами. Спб. 1869 г. Ц. 50 к.
Аѳонъ, путевыя впечатлѣнія *Н. Благовѣщенскаго*. Спб. Ц. 1 р.
Радищевъ, и его книга: Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
Романы и повѣсти, изъ исторіи французской революціи. *Э. Шатріана*. Спб. Ц. 1 р. 60 к.
Романы и повѣсти изъ временъ французской революціи и имперіи. *Э. Шатріана*. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Сочиненія *Л. А. Мея*. 3 тома. Спб. Ц. 3 р.
Сочиненія *И. Панаева*. 4 тома. Спб. Ц. 3 р.
Друзья—хуже враговъ. Романъ *Хозе Мармоля*, въ 5 частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Донъ Кихотъ. Соч. *М. Серватеса*. Пер. съ испанскаго *В. Карелина*. 2 тома Спб. Ц. 3 р.
Донъ Кихотизмъ и Демонизмъ. Критическій этюдъ по поводу Донъ Кихота *Серванте́са*. Соч. *В. Карелина*. Спб. Ц. 1 р.
Загадочныя натуры. Романъ *Шпильгагена*. Спб. Ц. 2 р.
Памятники старинной русской литературы. Изд. графа *Кушелева-Безбородко*. Томы 3 и 4-й. Спб. Ц. 3 р.
Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ. Барона де *Шодуара*. 2 тома, съ атласомъ рисунковъ. Спб. Ц. 10 р.
Духъ Законовъ. Соч. *Монтэскье*. 3 тома. Спб. Ц. 2 р.
Описаніе Насѣкомыхъ, вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и домашнемъ быту. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Гг. книгопродавцы и покупающіе въ большомъ количествѣ пользуются уступкою.

Московской Сл. Библіотеки

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTERAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker)** A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni, № 14.

Antheil des sächs. Armeecorps am Feldzuge 1866. — 3 r. 60 c.

Archiv f. Literaturgeschichte, v. Gosche. Bd. I. — 5 r. 40 c.

Arnold, From the Levant. 2 vols. — 10 r.

Balzac, Oeuvres complètes. Vol. I—VI. — à 2 r. 10 c.

Benfey, Gesch. der Sprachwissensch. u. oriental. Philologie. — 4 r. 80 c.

Bernhardy, Röm. Literaturgeschichte. 5. Aufl. — 6 r. 10 c.

Block, L'Europe politique. — 2 r. 65 c.

Collection of british authors. Vol. 1025—30. — à 60 c.

Fick, Naturkräfte in ihrer Wechselbeziehung. — 80 c.

Filck, Das Fürstensthum Rumänien, geogr.-milit. betrachtet. — 90 c.

Foerster, Denkmäl. italien. Malerei. Liefr. 1—6. — à 90 c.

Friesen, Ueber «Gervinus Shakespeare». — 90 c.

Gerstaecker, Kreuz und Quer. Neue Erzählungen. 4 Bde. — 5 r. 40 c.

Girard, France et Chine. 2 vols. — 5 r. 25 c.

Gueronnière, Politique nationale. — 2 r. 10 c.

Hagen, 8 Jahre aus d. Leben Michel-Angelo's. — 2 r. 25 c.

Hartsen, Untersuchungen über Logik. — 80 c.

Houssaye, Les Parisiennes. 2 vols. — 3 r. 50 c.

Humbert, Molière, Shakespeare u. die deutsche Kritik. — 4 r. 5 c.

Juste, Leopold I. von Belgien. — 5 r. 40 c.

Kieser, The National Melodist. — 3 r.

Kopp, Beiträge zur Gesch. der Chemie. Vol. II. — 4 r. 50 c.

Laur, Malherbe, literar-historische Skizze. — 55 c.

Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient. 3 vols et Atlas. — 6 r. 30 c.

Marx, Prakt. Aufgaben der Humanität in Krieg u. Frieden. — 2 r. 25 c.

Meyer, Die gothische Sprache. — 4 r. 50 c.

Michiels, Hist. de la peinture flamande. Vol. V. — 1 r. 75 c.

Mill, Gesammelte Werke. Bd. I, V, VI. — à 1 r. 35 c.

Müller, Künstlerlexikon. Suppl. I. — 90 c.

Osenbrüggen, Wanderstudien aus der Schweiz. 2 Bde. — 3 r. 25 c.

Reidt, Das geistliche Schauspiel des Mittelalters. — 1 r. 10 c.

Saunders, Refugium botanicum. Vol. I. — 12 r. 50 c.

Scherr, Allgemeine Literaturgeschichte. — 4 r. 35 c.

Schletterer, Geschichte der geistlichen Dichtung und kirchl. Tonkunst. Bd. I. — 5 r. 40 c.

Schrauf, Handbuch der Edelsteinkunde. — 2 r. 15 c.

Stähr u. **Lewald**, Ein Winter in Rom. — 3 r. 60 c.

Sledefeld, Ueber die naturalistische Auffassung der Engländer vom Staat und Christenthum. — 1 r. 10 c.

Ule, Alexander von Humboldt. — 45 c.

Winterfeld, Fanatiker der Ruhe. Rom. Roman. 4 Bde. 6 r. 75 c.

Wrottesley, Gedanken über Religion und Gesetzgebung. — 1 r. 65 c.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. *А. Аѳанасьева.* Томъ третій. Изданіе К. Солдатенкова. М. 1869.

Этимъ третьимъ томомъ почти законченъ трудъ г. Аѳанасьева, начало котораго уже доставило автору одобрительные отзывы спеціалистовъ и академическую премію. Система славянской миѳологіи едва ли построена г. Аѳанасьевымъ, но ему принадлежитъ однако большая заслуга въ собраніи матеріала, которое облегчитъ постройку этой системы въ будущемъ. Эта заслуга тѣмъ больше, что г. Аѳанасьевъ въ своемъ трудѣ не устрашился предпринять нѣчто полное и законченное, собрать membra disjecta своего предмета, къ чему наши ученые вообще такъ мало способны. Книга стоила ему большаго изученія, и метода, и матеріала, и мы отъ души желаемъ автору, чтобы его почтенные труды вознаградились успѣхомъ книги у читателей.

Послѣдняя глава, «очеркъ стародавняго быта славянъ, ихъ свадебные и похоронные обряды», которою по первоначальному плану автора должно было закончиться сочиненіе, составитъ, — какъ онъ говоритъ теперь,—особую монографію и будетъ издана впослѣдствіи. Третій томъ, дѣйствительно и безъ того разросся въ очень большую книгу (840 стр.). Въ концѣ помѣщенъ обширный указатель именъ и предметовъ ко всемъ тремъ томамъ сочиненія, что конечно будетъ для читателя большимъ удобствомъ при пользованіи книгою.

Тэнъ. Критическіе опыты. Переводъ подъ редакціей *В. Чуйко.* Спб. 1869.

Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ. Два ряда лекцій, читанныхъ въ Ecole des beaux-arts въ Парижѣ, Ипполита *Тэна,* съ приложеніемъ статьи Джона Стюарта *Милля:* «Значеніе искусства въ общей системѣ воспитанія». Переводъ А. Н. *Чудинова.* Изданіе редакціи «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ, 1869.

Какъ видитъ читатель, Тэну довольно посчастливилось въ русской литературѣ, гдѣ имя его уже было довольно извѣстно и до появленія этихъ книжекъ. Можно не совсѣмъ повѣрить мнѣніямъ г. Чуйко о «громадномъ» значеніи Тэна въ исторіи и критикѣ, но Тэнъ во всякомъ случаѣ писатель большаго ума и таланта, съ которымъ можно было желать ближе ознакомить русскаго читателя. Въ «Критическихъ опытахъ» помѣщены слѣдующія статьи этого писателя: Буддизмъ, Бальзакъ, Мормоны, Гизо, Англія послѣ революціи, Свифтъ, Лордъ Байронъ, Бетговенъ. Выборъ сдѣланъ очень интересный.

Воронежское изданіе передаетъ эстетическую философію Тэна, пересыпанную множествомъ частныхъ критическихъ замѣчаній, обыкновенно меткихъ, ловкихъ и остроумныхъ, и которая также можетъ доставить занимательное чтеніе. Жаль только, что редакція «Филологическихъ Записокъ» не обратила больше вниманія на нѣкоторыя филологическія подробности перевода. Имена, весьма достаточно извѣстныя, передаются здѣсь зачастую въ странно-неправильномъ видѣ: Чимабю (см. Чимабуэ), Массаккіо (см. Масаччіо), Виньчи, Караважъ, «Кандида» (вм. «Кандидъ» — знаменитый романъ Вольтера), Мартинъ Гуззлевичъ (вм. Чодзльвитъ—извѣстный романъ Диккенса), и т. д. Такія переименованія просто ужасны.

Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы. *А. Кирпичникова.* М. 1869.

Цѣль своего труда авторъ объясняетъ нѣсколько запутанно. Сказавъ о «всѣмъ понятной» необходимости изученія всеобщей литературы, авторъ указываетъ на отсутствіе у насъ книгъ о средневѣковой литературѣ, которому онъ рѣшился помочь, потому что «всякій понимаетъ», что безъ знакомства съ этой литературой нельзя уяснить себѣ многія явленія новѣйшей литературы. Авторъ отказывается отъ всякихъ притязаній на самостоятельныя изслѣдованія и даетъ своему сочиненію скромное значеніе простого сборника, въ которомъ онъ совмѣстилъ образчики средневѣковой поэзіи, переведенные имъ не съ подлинниковъ, а съ новыхъ переводовъ; къ переводу или пересказу памятниковъ онъ присоединяетъ необходимыя историческія и литературныя объясненія, также заимствованныя.

Эта скромность похвальна; но было бы желательно все-таки, чтобы она не была единственнымъ достоинствомъ автора, а соединялась также съ другими достоинствами. Для такой задачи, какъ выбранная авторомъ, все таки желательно хоть нѣкоторое знакомство съ подлиннымъ языкомъ памятниковъ, большее знакомство съ новѣйшими историко-литературными изслѣдованіями, чѣмъ обнаруживаетъ авторъ, и — грамотность изложенія. Иначе, даже при скромности намѣреній, цѣль достигается неудовлетворительно, какъ это случается и съ г. Кирпичниковымъ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 14 руб.; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ—въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту.

до
а —

об
дак
енно
чати
дачи
ются
лаю-
й.
едак-
ества
го не
журъ
презъ
ковъ.

какъ
у для
ѣя —
Пор-

алобу
Кон-
ляетъ
видѣ-
о сно-
іи от-

игами,
ицъ —
тавки,
я ино-
ктовъ.
кой об-

оспѣть
дакцію
ссъ для
ля слѣ-
яго от-

акторъ.

ЛА:

ачи его